Из истории марксизма и международного рабочего движения

Из истории марксизма и международного рабочего движения

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

Из истории марксизма и международного рабочего движения

К 160-летию со дня рождения
КАРЛА МАРКСА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1977

3К
И32

И $\frac{10303-295}{079(02)-77}$ БЗ—23—58—77

От редакционной коллегии

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей представляет собой очередную книгу из серии работ по истории марксизма-ленинизма и международного рабочего и коммунистического движения, выпускаемых Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Публикуемые в данном сборнике материалы отражают результаты исследований жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса, их теоретического наследия, а также отдельных проблем истории международного рабочего движения в XIX веке, до сих пор недостаточно освещенных в научной литературе.

Сборник открывают статьи, посвященные работе К. Маркса «Критика Готской программы». В статьях дается анализ важнейших теоретических проблем этого произведения, показано его место в истории развития и распространения марксизма, раскрыто его актуальное значение для решения конкретных задач строительства социализма и коммунизма, для разработки стратегии и тактики рабочего движения. Значительное место уделено также критике попыток буржуазных и правосоциалистических идеологов принизить роль этого труда, представить в извращенном виде его содержание.

В книге освещается также ряд других тем: разработка К. Марксом и Ф. Энгельсом организационных основ пролетарской партии с учетом исторического опыта I Интернационала, взгляды Маркса и Энгельса на роль профсоюзного движения в классовой борьбе пролетариата, становление коммунистических воззрений молодого Энгельса,

генезис Марксовой концепции освободительной миссии рабочего класса, практическая и теоретическая деятельность некоторых соратников К. Маркса и Ф. Энгельса в годы революции 1848 г. и I Интернационала, современная марксистская историография рабочего движения, судьба русских книг из личных библиотек Маркса и Энгельса.

В разделе «Документы» впервые публикуется одна из так называемых «Крёйцнахских тетрадей» К. Маркса, которая содержит сделанные им в 1843 г. выписки из ряда работ по истории и политике европейских стран и отражает важный этап формирования исторического материализма, в частности учения о сущности государства, его месте в системе буржуазных отношений.

Наборный экземпляр рукописи подготовлен В. А. Пекиной при участии И. А. Дмитриевой.

I. О РАБОТЕ К. МАРКСА «КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ»

А. Г. ЕГОРОВ

Великий документ научного коммунизма

В сокровищнице литературного наследия К. Маркса «Критика Готской программы» занимает одно из виднейших мест. Как и большинство классических произведений основоположников научного коммунизма, оно было создано в связи с конкретными потребностями развития рабочего движения, в данном случае в связи с обсуждением проекта программы, которую предстояло принять на объединительном съезде двух рабочих партий Германии — Эйзенахской, стоявшей в основном на марксистских позициях, и лассальянского Всеобщего германского рабочего союза, придерживавшегося реформистских, мелкобуржуазных принципов. Эта небольшая по объему работа наполнена глубочайшим содержанием и вошла в историю революционной мысли как теоретический шедевр Маркса, знаменующий важный этап в развитии научного пролетарского мировоззрения. Она сохраняет жизненную силу и сейчас, спустя 100 лет после ее создания. Особая актуальность этого труда заключается прежде всего в том, что в нем речь идет о построении социалистического, коммунистического общества, о фазах коммунистической общественно-экономической формации, о закономерностях ее становления и развития.

В наше время, когда Советский Союз, все содружество социалистических стран одерживают все новые и новые крупные успехи, когда борьба за революционное, социалистическое переустройство действительности развернулась на всех континентах земного шара, роль марксистско-ленинской теории возрастает необычайно. Рассмотрение общих закономерностей перехода к социализму, его общих принципов, черт и особенностей их проявления в зависимости от конкретно-исторических, национальных

условий различных стран, определение исторического места развитого социализма и методов непосредственного строительства коммунизма — все это имеет огромное практическое значение. Неудержимый прогресс общественной жизни, его все убыстряющийся темп настоятельно требуют развития марксистско-ленинской теории на основе изучения опыта международного рабочего класса, широких масс трудящихся.

Известно, какое значение придает наша партия, ее Центральный Комитет научному обобщению процессов социальной действительности. В партийных документах подчеркивается, что строительство социализма не может идти стихийно, что разработка марксистско-ленинской теории не только убыстряет темпы, но и раскрывает перспективы успешного движения вперед. Неоспоримость этой истины убедительно доказана историей: построение социализма в СССР, как и в других странах,— результат сознательной деятельности трудящихся на основе познания объективных законов общества, результат руководства марксистско-ленинской партии, вооруженной подлинно научной, постоянно развивающейся теорией. Претворение теории научного социализма в жизнь предполагает ее творческое развитие на основе принципов марксизма-ленинизма и в соответствии с новым опытом.

1

Все последовательные марксисты-ленинцы, обращаясь к великому наследию Маркса, Энгельса, Ленина, признают незыблемость всеобщих принципов научного коммунизма. Вместе с тем они, следуя марксистско-ленинской теории, ее незыблемым принципам, выделяют из конкретного, частного то общее, что определяет в каждом отдельном случае специфику форм и средств достижения стратегических целей, тех или иных этапов коммунистической общественно-экономической формации и тем самым обогащают содержание марксистско-ленинской науки, двигают ее вперед. Обращение к трудам Маркса, Энгельса, Ленина помогает также осознать закономерности развития и самой марксистско-ленинской теории, пути ее конкретизации в соответствии с новым историческим опытом. Наконец, оно обогащает наш арсенал критики всех и всяческих искажений научной революционной теории, ее фальсификации и опошления буржуазными идеологами.

Теоретическое богатство «Критики Готской программы» поистине неисчерпаемо. Она содержит чрезвычайно актуальные общие положения, развенчивающие мелкобуржуазный социализм в различных его проявлениях, реформистские иллюзии. Критикуя проект Готской программы, К. Маркс разъяснил, какой должна быть программа подлинно пролетарской партии, воплощающая принципы научного коммунизма. В «Критике Готской программы» получили дальнейшее развитие учение о социалистической революции как закономерном результате развития классовой борьбы пролетариата, о переходном периоде от капитализма к социализму, о государстве и сущности, исторической роли пролетарского демократизма, учение о коммунистической формации.

Марксова критика проекта Готской программы и примыкающее к ней письмо Энгельса Бебелю от 18—28 марта 1875 г. были написаны в чрезвычайно ответственный период истории, когда Парижская коммуна открыла новый этап борьбы революционного пролетариата.

Анализ уроков Парижской коммуны — первого исторического опыта пролетарской власти — более чем убедительно подтвердил важнейшие положения научного социализма о необходимости создания массовых политических партий рабочего класса на основе подлинно революционной теории, о необходимости идейного единства рабочего класса как условия его победы. С другой стороны, Коммуна создала такую историческую ситуацию, когда возникновение таких партий, борьба за торжество марксизма в рабочем движении стали в порядок дня, явились задачей непосредственной практики.

«Критика Готской программы» и письмо Энгельса Бебелю были крупной вехой в развитии этого процесса, в становлении пролетарских партий и их идейном укреплении. Маркс и Энгельс всесторонне доказали, что коренные интересы пролетариата может выразить только партия, вооруженная передовой революционной теорией, что только на основе научного коммунизма возможно правильное определение конечных целей рабочего движения и средств их осуществления.

К. Маркс и Ф. Энгельс ярко раскрыли роль, которую призвана сыграть коммунистическая партия в переходе от единства действий к высшей форме единства — идейному единству пролетарского движения. Они показали также, что путь к этому лежит не через выработку обтекаемой,

расплывчатой, приемлемой для всех «платформы», а через бескомпромиссную критику оппортунизма, решительное преодоление мелкобуржуазных иллюзий, т. е. идеологическую борьбу. При этом Маркс убедительно разъяснил, что борьба за идейную чистоту и выдержанность программы вовсе не означает отказа от единства действий, от возможности совместных выступлений с партиями и организациями рабочих, не стоящими на марксистских позициях; однако эти совместные действия, подчеркивал он, не должны вести к уступкам в области теории. Именно в этой связи Маркс и Энгельс еще раз напомнили, какое значение имеет программа партии — документ, который теоретически обосновывает ее авангардную роль. Они требовали, чтобы во главу угла программы была положена идея о всемирно-исторической роли пролетариата. Программа, указывали они, должна осветить высшую цель движения — борьбу за коммунизм — при одновременном определении ближайших целей — борьбы за последовательно демократические требования. В противовес имевшимся в проекте тенденциям ограничиться национальными задачами германского пролетариата Маркс со всей силой подчеркнул, что в программе необходимо зафиксировать интернациональный характер движения, интернациональные задачи и обязанности рабочей партии, ее стремление к установлению «международного братства рабочих классов разных стран в их совместной борьбе против господствующих классов и их правительств» [1]. Это требование означало, что программа партии пролетариата должна быть направлена против всех форм эксплуатации, социального и национального гнета, против всех форм национализма, который находится в вопиющем противоречии с коренными интересами революционного рабочего класса. В программе должны быть отражены как национальные, так и интернациональные задачи партии.

Никакие внешние условия не могут, учили К. Маркс и Ф. Энгельс, заставить отказаться от провозглашения в программе основных, принципиальных положений, хотя, конечно, сформулированы они могут быть, в зависимости от конкретных обстоятельств, по-разному.

Раскрывая значение революционной программы для развития рабочего движения, Маркс указывал: «составляя... принципиальные программы.., воздвигают тем самым

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 22.

перед лицом всего мира вехи, по которым люди судят об уровне партийного движения»[1].

Центральное место в «Критике Готской программы» занимают проблемы государства и строительства социалистического, коммунистического общества.

Вполне понятно, какое принципиальное значение имеет вопрос о фазах, этапах развития общества от капитализма к коммунизму для партий, которые борются за победу нового общественного строя. Всевозрастающее значение приобретают эти проблемы в условиях практического строительства социализма и коммунизма. Именно марксистско-ленинская теория дает возможность коммунистам всего мира правильно наметить цели, трезво оценить достигнутое и выдвинуть новые задачи.

К. Маркс и Ф. Энгельс учили, что путь к коммунизму лежит через революционное ниспровержение старого общества, через социалистическую революцию, через слом угнетательской, бюрократически-военной государственной машины буржуазии, ее органов непосредственного классового насилия над трудящимися и установление диктатуры пролетариата — власти трудящихся под руководством рабочего класса, когда народ распоряжается «сам и в своих интересах своей собственной общественной жизнью»[2].

В «Критике Готской программы» К. Маркс впервые сформулировал и обосновал положение о том, что «между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе»[3]. Рассматривая процесс становления нового общества, Маркс выделил переходный период от капитализма к социализму и две основные фазы коммунизма: первую, или низшую,— социализм, и вторую, высшую — полный коммунизм. Им была дана и первая научная характеристика этих фаз. Но по условиям своего времени Маркс и Энгельс, применяя метод материалистической диалектики к «*предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма»[4], смогли лишь в общих чертах нарисовать картину коммунистического общества, основных его фаз.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 12.
[2] Там же, т. 17, с. 546.
[3] Там же, т. 19, с. 27.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 84.

В. И. Ленин, имея в виду как раз «Критику Готской программы», где о периоде диктатуры пролетариата говорится как о переходном периоде от капитализма к *коммунизму*, писал, что Маркс и Энгельс термин «коммунизм» нередко применяли для обозначения и низшей и высшей фаз коммунизма, и разъяснял в «Государстве и революции», что Маркс называл «первой», или низшей, фазой коммунистического общества то, что обычно называют социализмом, что «слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм» [1]. Великую заслугу Маркса Ленин видел в том, что он дал анализ ступеней экономической зрелости коммунизма.

Важно также подчеркнуть следующее: Маркс и Энгельс считали, что социализм и коммунизм являются не чем-то застывшим, раз навсегда данным общественным состоянием, а постоянно развивающимся социальным строем. Так, в связи с дискуссией о распределении продуктов при социализме Энгельс писал Шмидту 5 августа 1890 г.: «...Все участники дискуссии рассматривают «социалистическое общество» не как что-то постоянно меняющееся и прогрессирующее, а как нечто стабильное... Но если рассуждать здраво, то можно все-таки: 1) попытаться отыскать способ распределения, с которого будет *начато*, и 2) постараться найти *общую тенденцию* дальнейшего развития» [2]. Эта общая тенденция развития способа распределения при социализме и коммунизме, как, разумеется, и способа производства, которым он определяется, будет и должна видоизменяться, совершенствоваться, конкретизироваться по мере накопления новых фактов, в процессе развития самой исторической действительности, нового строя. «Партия, к которой я принадлежу,— писал Энгельс еще раньше, в 1886 г.,— не выдвигает никаких раз навсегда готовых предложений. Наши взгляды на черты, отличающие будущее некапиталистическое общество от общества современного, являются точными выводами из исторических фактов и процессов развития и вне связи с этими фактами и процессами не имеют никакой теоретической и практической ценности» [3].

Здесь раскрывается не только основа марксистских представлений о будущем обществе, но и то, что с развитием общества, изменениями, преобразованиями в нем эти

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 98.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, с. 370—371.
[3] Там же, т. 36, с. 363—364.

представления неизбежно должны углубляться, развиваться.

Великая заслуга дальнейшего, всестороннего развития теории научного коммунизма в новую историческую эпоху принадлежит В. И. Ленину.

Огромен, поистине безмерен его вклад в развитие теории социалистической революции и социалистического государства, демократии нового типа, учения о переходе от капитализма к социализму, о путях созидания нового общества, его периодах и фазах. На основе обобщения опыта Октябрьской революции, первых шагов советского народа по пути построения социализма в нашей стране Ленин определил и конкретизировал основные этапы строительства коммунизма.

В новых условиях, создавшихся после победы пролетарской революции в России, Ленин, руководствуясь методом и основными критериями марксистской теории, всесторонне углубил марксистское представление о переходном периоде и диктатуре пролетариата, о ее демократической сущности, показав, что в результате социалистической революции утверждается *принципиально новый по своему классовому содержанию тип государства*, обеспечивающий максимум демократизма для трудящихся.

Ленин исходил из того, что социалистическая революция, освобождая рабочий класс, всех трудящихся от эксплуатации помещиков и капиталистов, передает общественные богатства народу и создает все условия для активного участия широчайших народных масс во всех сферах общественной жизни, в решении тех грандиозных созидательных задач, которые составляют суть, главный пафос социалистической революции. Но уничтожение эксплуатации человека человеком и построение социализма — дело непростое. Оно не может быть мгновенным актом. И потому, что переорганизация производства — вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому еще, «что громадная сила привычки к буржуазному и мелкобуржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой, упорной борьбе» [1]. Отсюда, указывал Ленин, необходим довольно продолжительный переходный период от капитализма к социализму.

Анализируя пути перехода к коммунизму во всемирном масштабе, Ленин обосновал возможность построения

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 385—386.

социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, стране. Он всесторонне раскрыл объективные закономерности построения социализма, выяснил возможность прогрессивного развития экономически отсталых стран к социализму, минуя капитализм, при условии победы социализма в других странах.

В. И. Ленин разработал вопрос о взаимоотношении базиса и надстройки в социалистическом обществе, охарактеризовал активную роль социалистического государства в формировании новых экономических отношений, первую и вторую фазу коммунистической общественно-экономической формации. Ему принадлежит величайшая историческая заслуга разработки плана строительства социализма в СССР как единого процесса изменения экономики, общественных отношений и культуры. Ленин раскрыл руководящую и направляющую роль Коммунистической партии в этом процессе, теоретически обосновал всемирно-историческое значение опыта Октябрьской революции и строительства социализма в СССР. При этом он не только объяснил диалектику перехода от капитализма к социализму, но и показал, что поступательное движение общества от социализма к коммунизму осуществляется путем использования огромных возможностей и преимуществ социалистического, подлинно народного государства, всестороннего углубления демократии, вовлечения всех граждан в активное и сознательное управление всеми государственными и общественными делами.

В трудах В. И. Ленина обобщен богатейший опыт строительства первого в мире социалистического государства — Союза Советских Социалистических Республик и намечены вдохновляющие всемирно-исторические перспективы развития общественной жизни в нашу эпоху, связанные с успехами социализма.

Именно Ленин, рассматривая первую фазу коммунизма — социализм как длительный и сложный период развития, впервые ввел и термин «развитое социалистическое общество» [1]. Однако о «развитом», «полном», «вполне упрочившемся социализме», о путях перерастания низшей фазы коммунизма в высшую он говорил в порядке сопоставления первых ростков социализма с будущим. В 1918 г. Ленин предупреждал, что жизнь еще не дает материала для характеристики «развитого» социализма, поскольку

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 139; т. 40, с. 104.

кирпичи, из которых социализм сложится, еще не созданы [1].

Следуя ленинским путем, по мере того как создавались эти «кирпичи» и воздвигалось по чертежам Коммунистической партии само здание развитого социалистического общества, КПСС внимательнейшим образом обобщала накопленный опыт. Она научно объяснила закономерности, этапы и пути формирования коммунистической формации в единстве и взаимосвязи всех ее сторон: экономической, политической, культурной, идеологической; она в целом охватила процесс формирования нового общества, раскрыла особенности его этапов во всей их сложности и динамике.

Важнейшей вехой этого процесса *постоянного* обогащения марксистско-ленинской теории стали XXIV и XXV съезды КПСС. В их решениях, в отчетных докладах ЦК КПСС, с которыми выступил товарищ Л. И. Брежнев, в других документах и материалах партии обстоятельно раскрыты содержание современной эпохи перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе, суть новой исторической ситуации, теоретически обобщены грандиозные как по своему размаху, так и по глубине изменения, происшедшие в мире, в жизни советского общества, в жизни содружества социалистических государств. В то же время на съездах, в постановлениях ЦК КПСС, которые были приняты в порядке реализации директив высшего форума партии, подчеркивалось, что развитие марксистско-ленинского учения о строительстве социализма и коммунизма совершается на основе незыблемых принципов учения Маркса, Энгельса и Ленина, открытых ими законов становления и развития коммунистической общественно-экономической формации. Жизнь неопровержимо доказала, что принципы и законы, открытые Марксом, Энгельсом, Лениным, всеобщи и всесильны, ибо они верны, истинны, правильно отражают действительность.

В Отчетном докладе XXV съезду КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Коммунисты в своей борьбе исходят из общих закономерностей развития революции и строительства социализма и коммунизма. Эти закономерности, отраженные в теории марксизма-ленинизма и подтвержденные практикой, были коллективно сформулированы в развернутой форме международными совещаниями братских

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 66.

партий. Глубокое понимание этих общих закономерностей, опора на них в сочетании с творческим подходом и учетом конкретных условий в каждой данной стране были и остаются неотъемлемой особенностью марксистов-ленинцев» [1].

В своей теоретической и практически-созидательной деятельности наша партия убедительно показала, что равно ошибочно не учитывать как качественное отличие высшей фазы коммунизма от низшей, так и то общее, что есть между ними и что, собственно, и дает основание говорить о коммунистической общественно-экономической формации в истории человечества, а именно: как о формации, которая базируется на общественной собственности на средства производства. Речь может идти лишь о разной степени ее социально-экономической зрелости, о разном уровне обобществления производства. Иными словами, социализм и коммунизм — не особые формации, не разные обособленные, самостоятельные сущности, а разные исторические фазы единой социально-экономической сущности общества, которая, однако, должна рассматриваться не в статике, а в динамике, в развитии. Победа социалистических отношений не ведет к немедленному их перерастанию в коммунистические, она открывает собой продолжительный этап развития производительных сил и производственных отношений, *этап развития социализма на собственной основе.*

В документах КПСС всесторонне обобщен героический путь, пройденный нашим государством, ведущим свое летосчисление от Великого Октября 1917 года. В них, в частности, показано, что победа социализма в СССР в 30-х гг. отнюдь не завершила социалистической стадии развития, не означала немедленной замены социалистических производственных отношений коммунистическими. Наше хозяйство того периода и современная экономика основываются на одном и том же типе производственных отношений, на одних и тех же экономических законах — законах социализма. Но после победы социализма в основном в СССР начался новый этап развития социалистического общества — строительство *зрелого социализма*, необходимой предпосылкой которого являлась не только полная, но и окончательная победа социализма в СССР, зафиксированная в документах XXI съезда нашей партии (1959 г.).

---

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 31.

Тезис о развитом социализме как закономерном этапе в становлении коммунистической общественно-экономической формации находится на вооружении всех коммунистических партий. В Заявлении международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1960 г. отмечалось, например, что некоторые социалистические страны *«уже вступили в период строительства развитого социалистического общества»* [1]. Развивая эту мысль, международное Совещание коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г. отметило, что «социалистический мир вступил теперь в такую полосу развития, когда появляется возможность значительно полнее использовать могучие резервы, заложенные в новом строе. Этому способствует разработка и внедрение более совершенных экономических и политических форм, соответствующих потребностям зрелого социалистического общества, развитие которого опирается уже на новую социальную структуру» [2]. В программных документах и решениях коммунистических и рабочих партий ряда европейских социалистических стран задача построения развитого социализма зафиксирована как главная непосредственная цель на ближайший исторический период.

XXIV съезд КПСС дал *развернутую* научную характеристику развитого социализма, сделал научно обоснованные выводы относительно путей, форм *непосредственного* строительства коммунизма в СССР, выработал принципиальные установки по коренным вопросам экономической и социальной политики в условиях развитого социалистического общества. Он определил ясный, реалистический курс действий на ближайшие годы и более длительную историческую перспективу во всех сферах общественной жизни. Было подчеркнуто, что только достижение развитого социализма позволяет «приступить к практическому решению великой задачи, поставленной Программой партии, ее последними съездами,— к созданию материально-технической базы коммунизма» [3]. При этом, ставя задачу создания материально-технической базы коммунизма как центральную, наша партия исходила из того, что ее осуществление — это становой хребет, важнейшая состав-

---

[1] Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1964, с. 46.

[2] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 302.

[2] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 38.

ная часть реализации наших программных целей, основа развития и совершенствования экономики, социально-политических отношений, культуры, системы управления.

Выводы XXIV съезда нашей партии об основных чертах социалистического общества на этапе его зрелости и путях непосредственного строительства коммунизма способствовали активной, всеохватывающей работе по разработке теории зрелого социализма на базе обобщения богатейшего опыта реального социализма в СССР и других странах мирового социалистического содружества. Коллективными усилиями КПСС и братских партий сейчас не только преодолен разнобой в терминологии, но и определены основные этапы социалистического строительства, общие для всех стран, создана цельная, стройная марксистско-ленинская концепция развитого социализма, которая является основой политического курса государств социалистического содружества на ближайшее время и на перспективу и которая неуклонно воплощается в жизнь в этих странах с учетом присущих каждой из них особенностей.

XXV съезд КПСС внес новый крупный вклад в сокровищницу научного социализма. В докладе «Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики», с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, марксистско-ленинская теория развитого социализма углублена, причем углублена во всех аспектах: экономическом, социальном, политическом, идеологическом.

В докладе ЦК КПСС XXV съезду партии показаны имеющиеся у нас мощные средства труда, возросшие масштабы народного хозяйства и крупные сдвиги в отраслевой структуре и пропорциях общественного производства, существенные изменения в характере общественного воспроизводства и новые формы соединения науки с производством, соответствующие сущности развитого социализма, и возросший уровень обобществления в промышленности и сельском хозяйстве, что позволяет нам непосредственно решать задачи созидания материально-технической базы коммунизма, сосредоточивать все больше сил и средств на повышении материального благосостояния трудящихся, добиваться все новых и новых успехов в экономическом соревновании с капитализмом.

В докладе показаны также высокий уровень зрелости всей системы социальных отношений в СССР, сотрудничество рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, всех

народов нашей страны под руководством рабочего класса в коммунистическом строительстве, нерушимое социальное и идейно-политическое единство трудящихся, их сплоченность вокруг Коммунистической партии, ее принципов и идеалов. «Мы,— говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС,— создали новое общество, общество, подобного которому человечество еще не знало. Это — общество бескризисной, постоянно растущей экономики, зрелых социалистических отношений, подлинной свободы. Это — общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение. Это — общество твердой уверенности в будущем, светлых коммунистических перспектив» [1].

Обобщая опыт поступательного движения нашего общества, XXV съезд КПСС раздвинул горизонты теории и практики научного коммунизма. Он развил дальше марксистско-ленинское учение об объективных закономерностях строительства коммунизма и их использовании в деятельности партии и народа. Он конкретизировал методы создания материально-технической базы коммунизма, социального управления, раскрыл вопросы партийного строительства, внутренние закономерности развития партии в современных условиях, единство научно-технического и социального прогресса, диалектику классового, общенародного и интернационального в жизни социалистического общества на этапе его зрелости. Съезд определил пути всестороннего развития личности; укрепления общенародного государства через дальнейшее развертывание, углубление социалистической демократии. Он обосновал пути перерастания социалистических общественных отношений в коммунистические, всемерного повышения эффективности общественного производства и качества работы, развития науки, техники и культуры и многие другие проблемы, выработал научно обоснованную экономическую стратегию, отвечающую условиям развитого социализма.

XXV съезд нашей партии рассмотрел основные проблемы строительства коммунизма в их взаимосвязи, в единстве, комплексно, с учетом современного этапа создания материально-технической базы коммунизма, перерастания социалистических общественных отношений в коммунистические, формирования нового человека в живой практике социалистического бытия. Он раскрыл впечатляющую картину социалистического образа жизни, его основных черт

---

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 5, с. 548.

и принципов, его материальных и духовных ценностей, поставленных на службу человека, народного блага.

Все выводы, сделанные съездом КПСС,— пример творческого развития марксистско-ленинской науки в соответствии с потребностями жизни, общественной практики.

Однако развитие марксистско-ленинской науки в документах XXV съезда партии отнюдь не ограничивается лишь отдельными вопросами, каждый из которых очень важен и в теоретическом и в практическом отношениях. Дело в том, что марксистско-ленинская теория не сводится к простой сумме отдельных положений: это единое, цельное учение, как бы вылитое, по ленинскому выражению, из одного куска стали [1]. Этому требованию полностью отвечает по своему характеру, содержанию, теоретической насыщенности и глубине весь доклад «Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики», с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев на XXV съезде. Это — программный документ нашей партии, положения и выводы которого представляют собой последовательное применение марксизма-ленинизма в жизни и его творческое развитие в соответствии с новым историческим опытом.

Словом, XXV съезд КПСС, Отчетный доклад ЦК съезду дает нам образец глубокого марксистско-ленинского проникновения в суть общественных явлений современной эпохи, процессов становления и развития коммунистической общественно-экономической формации — процессов самых сложных, имеющих всемирно-историческое значение. И потому так велико общественно-политическое звучание XXV съезда КПСС в мире.

Подчеркивая, что социалистическая фаза коммунизма представляет собой сложный и длительный этап развития, предупреждая от волюнтаристских попыток забежать вперед, КПСС отнюдь не отрывает процесс строительства и совершенствования принципов и форм организации социализма от строительства коммунизма. Напротив, совершенствование принципов и форм организации социалистического общества и продвижение к коммунизму — постепенный и единый исторический процесс, который, имея определенные этапы, ступени и рубежи, обеспечивает поступательное развитие общества — его

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 346.

экономических и политических отношений, культуры, всех духовных способностей человека. На этом пути социализм является необходимой исторической фазой. Если можно прийти к социализму, минуя капитализм, то невозможно прийти к коммунизму, минуя социализм. Лишь через укрепление и всестороннее развитие принципов социализма, через его зрелое состояние человечество достигнет вершин коммунизма — такого состояния общества, «когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком...» [1]. Только *тогда,* указывал Маркс, общество сможет написать на своем знамени: от каждого — по способностям, каждому — по потребностям.

Общество на этапе зрелого социализма располагает всем необходимым для построения коммунизма. Социальный прогресс здесь идет комплексно, всесторонне, обеспечивая одновременное ускоренное развитие производительных сил и удовлетворение растущих материальных потребностей людей, более быстрое повышение их благосостояния на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, широкого использования достижений научно-технической революции, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы. Это в современных условиях наивысший виток поступательного развития общества, в процессе которого социалистический строй все полнее раскрывает свои преимущества перед капитализмом, свои творческие возможности и гуманистическую сущность.

2

Как отмечал В. И. Ленин: «У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественноисторический процесс, *рождение* нового общества *из* старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки» [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 20.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 48.

Одна из характерных особенностей и величайшее достоинство марксизма заключается в том, что он позволяет не только правильно понять и объяснить события, пути развития общественных процессов, но и научно предвосхитить, прогнозировать грядущее. «Критика Готской программы» — тому блестящий образец.

Эта работа поражает силой и глубиной марксовой мысли, удивительной точностью и смелостью выводов. В то же время она как бы нацеливает марксистов на дальнейшее развитие марксистской теории, что приобретает особо важное значение в наш век великих революционных свершений, новых успехов в борьбе за прочный мир, за торжество коммунизма на нашей планете.

Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс на опыте Парижской коммуны впервые выявили глубоко демократическую сущность диктатуры пролетариата. Вырастая из классовой борьбы рабочего класса за свержение капитализма, она, указывали основоположники марксизма, в то же время «создает рациональную обстановку, в которой эта классовая борьба может проходить через свои различные фазы наиболее рациональным и гуманным путем» [1]. Основоположники марксизма впервые раскрыли и коренное отличие диктатуры пролетариата от всех форм классового господства эксплуататоров. В частности, они писали, что пролетарское государство, будучи властью трудящихся, уже не является «государством в собственном смысле слова» [2]. В «Критике Готской программы» К. Маркс высказал глубочайшую мысль о различии между диктатурой пролетариата — государством переходного периода — и государственностью коммунистического общества, первой фазой которого является социализм. Однако, предвосхищая теоретически неизбежность отмирания государства — с полной победой коммунизма, Маркс и Энгельс не дали и не могли дать ответа на вопрос о том, *как* конкретно будет происходить этот процесс, какие конкретные изменения будет претерпевать диктатура пролетариата, какие конкретные формы она будет принимать.

В. И. Ленин подчеркивал, что до победы социалистической революции марксисты могли ставить вопрос о построении социализма и коммунизма лишь в самой общей, абстрактно-теоретической форме, ибо для более конкретной постановки, а главное — для проверки и развития тео-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, с. 553.

[2] Там же, т. 19, с. 5.

рии построения нового общества, еще не доставало практического опыта.

Сейчас, когда в СССР построено, а в ряде других стран социалистического содружества возводится зрелое социалистическое общество, практика трудящихся становится богаче, разностороннее, в развитии марксистско-ленинской теории все большее значение приобретает *непосредственное* обобщение коллективного опыта масс, строящих коммунизм, нахождение *конкретных* форм исторического движения народа, общества вперед, претворение этих форм в жизнь.

Можно смело сказать: Великий Октябрь 1917 г. открыл эпоху превращения теории научного коммунизма в социально-политическую практику многомиллионных масс трудящихся, а зрелый социализм дает превосходную базу для всестороннего марксистско-ленинского осознания диалектики созидания нового мира, его основных этапов, дает возможность особенно глубоко понять, как идет становление и развитие коммунистической общественно-экономической формации, от чего к чему на каждом этапе — и в целом, и применительно к различным социальным сферам, в том числе и к сфере социально-политических отношений, государству и демократии.

В. И. Ленин, обобщая исторический опыт первых лет Советской власти, говорил, заглядывая далеко вперед: диктатура пролетариата — не вечная категория; с выполнением своих задач, созданием и упрочением социализма, превращением всех членов общества в трудящихся, исчезновением опасности восстановления в стране капиталистических отношений она перестает быть необходимой, прекращает свое существование[1]. Вместе с тем государство с победой социализма не исчезает: «Для полного отмирания государства,— писал Ленин,— нужен полный коммунизм» [2].

Какова же конкретная форма государства победившего социализма? Что она будет собою представлять? Практика первых лет Советской власти не давала и не могла дать ответа на этот вопрос, который во весь рост встал перед нашей партией после полной и окончательной победы социализма в СССР. И КПСС в своей Программе, принятой на XXII съезде, сделала важный вывод, вытекающий из новой исторической обстановки,— вывод о том, что с пол-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 211; т. 38, с. 385.
[2] Там же, т. 33, с. 95.

ной и окончательной победой социализма в СССР диктатура пролетариата перестала быть необходимой с точки зрения внутреннего развития. Она перерастает в социалистическое общенародное государство. Именно перерастает, ибо социалистическое общенародное государство есть продолжение, дальнейшее совершенствование и развитие главных черт, принципов диктатуры пролетариата как государства нового, социалистического типа, государства, где власть принадлежит трудящимся. Вместе с тем оно знаменует новую ступень в развитии социалистического государства и социалистической демократии, ее расширение и углубление, всестороннее развитие соответственно этапу зрелого социализма.

В документах нашей партии, в докладах Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXIV и XXV съездах партии обстоятельно раскрыты суть, задачи и функции общенародного социалистического государства, которое укрепляется на основе всестороннего развертывания социалистической демократии, ее принципов и традиций, а также возрастающая роль КПСС в жизни советского общества — руководящей и направляющей силы политической системы социалистического общества: всех государственных и общественных организаций, всех многообразных форм самодеятельности трудящихся, их активного участия в управлении государством, общественными делами, производством. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду Л. И. Брежнев особо отметил, что всестороннее развитие политической системы советского общества — важное направление всей нашей работы по коммунистическому строительству, подчеркнув, что «речь идет о совершенствовании социалистической государственности, о дальнейшем развитии социалистической демократии, об укреплении правовой основы государственной и общественной жизни, об активизации деятельности общественных организаций» [1].

Наше первое в мире общенародное государство возникло сравнительно недавно и, конечно, еще не раскрыло всех своих потенций; это живой, непрерывно развивающийся организм. Но при всем том оно уже доказало, что созидательная сила общенародного государства огромна, что оно обладает всеми необходимыми условиями, качествами и возможностями, чтобы комплексно решать экономические,

---

[1] Материалы XXV съезда КПСС, с. 81.

социально-политические и идеологические задачи, обеспечить всестороннее развитие личности, возросшие материальные гарантии социальных прав трудящихся, преодолеть классовые различия между людьми, обеспечить победу коммунизма.

Социалистическое общенародное государство и новая Конституция СССР — конституция развитого социализма, строящегося коммунизма выявляют величайшее превосходство социализма над капитализмом и служат притягательным примером для трудящихся во всех концах земного шара.

В современных условиях теория социалистического государства, социалистической демократии разрабатывается коллективными усилиями марксистов-ленинцев на базе реального опыта Советского Союза и других стран социалистического содружества. В результате этой коллективной работы, то есть на основе анализа совокупного опыта мирового социализма, обогатилась теория научного коммунизма, углубились научные представления о диалектике общего и особенного в государственном строительстве, о единстве содержания и многообразии форм социалистических государств, все яснее этапы и перспектива, формы движения народов к высшей фазе коммунистической общественно-экономической формации. В частности, есть все основания утверждать, что диктатура рабочего класса, утвердившаяся в результате победы социалистической революции в ряде стран, не может превратиться во «всемирную диктатуру пролетариата», о чем говорили в свое время марксисты в порядке предвидения будущего. Сейчас совершенно ясно, что периоду развитого социализма соответствует общенародное социалистическое государство. Это подтверждают и опыт Советского Союза, и тенденции развития других стран социалистического содружества.

* * *

В условиях социализма марксистско-ленинская теория, непрерывно обогащающаяся новыми выводами, является *непосредственным* руководством к действию для миллионов активных и сознательных строителей коммунизма, проверяется и конкретизируется на их опыте, вырастает из их опыта.

Следуя завету В. И. Ленина, который неоднократно указывал на необходимость постоянно учиться у К. Маркса и Ф. Энгельса, наша партия всегда обращается к неис-

черпаемой сокровищнице их произведений. «Критика Готской программы» принадлежит к тем поистине бессмертным трудам основоположников марксизма, в каждой фразе которых, говоря словами В. И. Ленина, «есть замечательная глубина содержания»[1]. Эта работа является блестящим примером научного предвидения, основанного на глубоком анализе опыта революционной борьбы рабочего класса и подтвержденного всем дальнейшим ходом исторического развития, успехами реального социализма в СССР и других социалистических странах. Она и ныне активно способствует борьбе рабочего класса, всех трудящихся за мир, демократию и социализм. И именно потому, прежде всего, что проблема социализма, коммунизма является сейчас основной проблемой эпохи, вокруг которой развертывается острая идеологическая борьба. Эта борьба захватывает и работу К. Маркса «Критика Готской программы».

Идеологическая борьба вокруг «Критики Готской программы» началась сразу же после ее публикации и продолжается по сей день. Буржуазные идеологи, правые и «левые» ревизионисты, националисты всех мастей ополчаются на эту работу, фальсифицируют положения Маркса, стараясь ослабить, а то и полностью выхолостить их революционную суть.

Естественно, надо различать неизбежные и необходимые дискуссии, постановку новых вопросов, что характерно для всех этапов развития марксистско-ленинской теории, от замаскированных и откровенных попыток ее искажения. Критерий здесь один — верность принципам марксизма-ленинизма, признание его всеобщего интернационального характера, всемирно-исторического значения опыта реального социализма, верность историческим фактам, умение понять, «схватить» главное, существенное в общественном развитии, тенденции этого развития и, следовательно, верность марксистско-ленинской методологии.

Марксистско-ленинское мировоззрение, черпая в исторической практике миллионов свое неисчерпаемое содержание, органически сочетает познание объективной истины и борьбу за нее. Тем самым оно дает последовательно научные ответы на вопросы, поставленные жизнью, и указывает единственно правильные пути их решения.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 50.

А. И. МАЛЫШ

Проблема целей рабочего движения в «Критике Готской программы» К. Маркса

В теоретической сокровищнице марксизма-ленинизма по праву выдающееся место занимает работа К. Маркса «Критика Готской программы». Сравнительно небольшая рукопись, которую автор предназначал только для сведения своих партийных друзей в Германии, будучи опубликована Энгельсом в 1891 г., оказала огромное воздействие на дальнейшее развитие теоретической мысли революционного пролетариата, на формирование рабочих марксистско-ленинских партий всего мира и их практическую политику. Глубокие научные предвидения Маркса получили полное подтверждение и всестороннюю проверку опытом исторического развития.

Эту работу необычайно высоко ценил В. И. Ленин. Ее важнейшие положения отражены в книге «Государство и революция». Обогащенные ленинским анализом новых исторических условий эпохи империализма выводы Маркса освещали революционному рабочему классу дорогу борьбы за лучшее будущее, они определяли, в частности, содержание Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России. Под животворным влиянием «Критики Готской программы» формировались экономическая и политическая системы СССР и других стран социалистического содружества. Идеи этой работы ограждали международное рабочее движение от тлетворного влияния реформистских, буржуазно-демократических иллюзий и оппортунизма в прошлом. И сейчас, по прошествии века, положения Маркса имеют неоценимое, непосредственно практическое, направляющее значение для подлинно революционных сил, избравших своим знаменем научный социализм.

1

После поражения первой революции пролетариата — Парижской коммуны центр тяжести европейского рабочего движения в 70-е годы переместился в Германию.

Внутренняя обстановка в стране была в тот период сложной и противоречивой. Реакционно-милитаристские круги торжествовали победу в франко-прусской войне. Свершилось объединение сверху, посредством «железа и крови», многих разрозненных государств в одну единую империю с сильной централизованной властью. Новые импульсы получило развитие промышленности, но буржуазный прогресс, как и везде, сопровождался нарастанием социальных антагонизмов, обострением классовой борьбы. Фабрично-заводской пролетариат становится серьезной и самостоятельной политической силой. Он заставляет говорить о себе не в последнюю очередь благодаря деятельности его первых организованных отрядов.

Наряду с основанной в 1869 г. и сразу заявившей о своем присоединении к I Интернационалу Социал-демократической рабочей партией (так называемой Эйзенахской партией) во главе с Бебелем, Либкнехтом и другими деятелями, близкими к Марксу и Энгельсу, заметную роль продолжал играть существовавший с 1863 г. лассалевский Всеобщий германский рабочий союз (ВГРС). Однако ударная мощь обеих организаций ослаблялась отсутствием взаимного согласия между ними и противоборством.

Передовые рабочие, партийные функционеры все более убеждались на собственном опыте, что организационный раскол в рядах пролетариата на руку эксплуататорской верхушке и правительству Бисмарка, а единство умножит силы пролетарских борцов и явится важнейшим залогом успеха в ожесточенных классовых битвах. Объединение эйзенахцев и лассальянцев в одну партию — таково было веление времени. И те и другие стремились к образованию единой партии. Однако лидеры лассальянцев с их эклектическим мировоззрением, склонностью к реформизму и беспринципным компромиссам в отношении буржуазии, с неприятием подлинно революционных идей учения Маркса и Энгельса делали это, так сказать, не без задней мысли. Последователей Лассаля страшило дальнейшее углубление внутренних раздоров в ВГРС и неизбежная изоляция верхушки от рядовых членов партии. Они полагали с помощью объединения укрепить свой пошатнувший-

ся авторитет и в конечном счете блокировать распространение среди рабочих принципов революционного марксизма. Следует заметить также, что тенденция к объединению объективно усиливалась самим фактом образования Германской империи, когда отпало важнейшее тактическое разногласие между эйзенахцами и лассальянцами — о путях объединения Германии.

Представители обеих партий в конце 1874 г. начали переговоры и условились организационно оформить объединение на съезде в Готе в мае 1875 года. Там же должна была быть принята общая, или совместная, программа единой партии — Социалистической рабочей партии Германии.

Однако в тот момент в немецком рабочем движении в целом были далеко не изжиты антинаучные представления о буржуазном обществе и путях устранения свойственных ему пороков. Это касалось не только правоверных приверженцев Лассаля.

В Эйзенахской партии, заявившей открыто о своей приверженности принципам научного коммунизма, находила некоторый отклик дюринговская проповедь «децентрализованных и эгалитаризованных коммун» — род утопического общинного социализма. Популярный, особенно в Берлине, приват-доцент Берлинского университета Е. Дюринг, претендовавший на создание новой всеобъемлющей доктрины, возводил клевету на марксизм, развенчивал выдуманные им самим «слабые стороны» взглядов Маркса — «гегелевскую схоластику», «экономический детерминизм», «неопределенности» характеристик будущего коммунистического общества, полную «зависимость» от Рикардо и т. д. И все это не встречало должного отпора, воспринималось иногда даже как некое откровение, как действительно «новое слово» в теории, пока, уже во второй половине 70-х гг., не выступил Энгельс с серией замечательных статей, составивших в совокупности книгу «Анти-Дюринг» — энциклопедию марксистских знаний.

Особенно сильно чувствовалось отрицательное влияние лассальянства. С момента гибели Фердинанда Лассаля прошло десять лет, тем не менее продолжался культ его личности, всячески популяризировались его теоретические догмы.

В переговорах по организационным вопросам объединения СДРП и ВГРС и при выработке общей платформы верх взяли лассальянцы. Желая любой ценой добиться

скорейшего создания единой партии, В. Либкнехт и некоторые другие руководители СДРП пошли на недопустимые уступки принципиального характера, что нашло отражение в проекте программы будущей единой партии.

Лассальянцы сумели навязать немедленное объединение, хотя в тогдашних условиях было бы более правильным еще в течение некоторого времени следовать лозунгу, сформулированному Либкнехтом на съезде социал-демократов в июле 1874 г. в Кобурге,— «пока единение, но не объединение», с тем чтобы в процессе единых действий идеологически подготовить организационное слияние СДРП и ВГРС, доказав теоретическую и практическую несостоятельность основных лассальянских тезисов. На этом настаивали Маркс и Энгельс. Маркс считал, что если бы вождям лассальянцев (Газенклеверу, Гассельману и др.) с самого начала было твердо заявлено, что исключается всякое «торгашество принципами», то они «*должны* были бы удовлетвориться программой действия или организационным планом в целях совместного действия» [1]. Приемлемой основой объединения могла быть, по мнению Маркса и Энгельса, в крайнем случае, программа Эйзенахской партии 1869 года. Этот документ не был свободен от известного влияния лассальянских и вульгарно-демократических воззрений, но в общем в теоретическом отношении он стоял все же гораздо выше проекта новой программы. А еще лучше было бы выработать новый, исправленный вариант программы 1869 г., учитывающий особенности переживаемого момента, как и новейшие достижения теоретической мысли и революционный опыт пролетариата.

Когда проект программы будущей единой партии был уже опубликован, В. Бракке, один из представителей руководства эйзенахцев, не разделявший ошибочную, примиренческую позицию Либкнехта, писал Ф. Энгельсу в Лондон 25 марта 1875 г.: «Принятие этой программы я считаю невозможным. Того же мнения и Бебель... Пункт о введении производственных товариществ с государственной помощью в данной его редакции является не чем иным, как лассалевским предложением в самой последней форме, т. е. это самый последний вздор, к тому же преподносимый бесстыднейшим образом: с претензией на абсолютное значение. Мало того, что партию систематически отравляют

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 12.

этим вздором; мало того, что тем самым агитацию партии делают неразумной; нет, согласно этой редакции все остальное представляется даже неважным, лассалевское предложение представляется как истинная точка зрения социалистов, согласие с ним становится условием членства в партии, всякое возражение изгоняется из партии, а противоречащий рассматривается в конечном счете как враг и противник... Лассальянцы явно выдвинули этот пункт как непременное условие объединения, а наши представители, в том числе Либкнехт и Гейб, ради объединения одобрили. Ради «достижения» единства они поступились своими убеждениями... партия превращается тем самым в секту... Все это побуждает меня объявить открытую войну проекту программы... но я хотел бы все же знать, что Вы и Маркс думаете по этому поводу. Ваш опыт более зрелый. Ваши взгляды лучше моих» [1].

Ознакомившись с опубликованным проектом программы, Энгельс послал Бебелю широко известное теперь письмо от 18—28 марта 1875 года [2], в котором от своего имени и от имени Маркса заявил, что проект этот поверг их в «немалое изумление», что «честные» эйзенахцы оказались околпачены «нечестными» лассальянцами. При этом Энгельс перечислил коренные пороки проекта: 1) наличие в нем напыщенной, но исторически ложной лассалевской фразы о том, что «по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу»; 2) полное игнорирование принципа интернациональности рабочего движения; 3) признание лассалевского «железного закона заработной платы»; 4) выдвижение в качестве единственного социального требования рабочих заимствованного Лассалем у французского буржуазного либерала, идеолога христианского социализма Филиппа Бюше требования о создании кооперативных товариществ с государственной помощью; 5) замалчивание роли профсоюзов в организации рабочего класса; 6) выдвижение модных, но довольно путаных

---

[1] Цит. по: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 1. Berlin, 1966, SS. 601—602. Подробнее об истории объединения СДРП и ВГРС см.: *E. Kundel.* Marx und Engels im Kampf um die revolutionäre Arbeitereinheit. Berlin, 1962; *его же:* Der Vereinigungsprozeß der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei und des Allgemeinen Deutschen Arbeitervereins. In: «Revolutionäres Parteiprogramm — Revolutionäre Arbeitereinheit». Berlin, 1975.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 2—7.

вульгарно-демократических или туманных требований, вроде свободы науки, свободы совести, управления «через посредство народа» и т. д.

5 мая Маркс направил Бракке свои замечания на проект программы, указав, что они предназначаются и для других лидеров партии — Бебеля, Либкнехта, Ауэра и Гейба.

Будучи в общем и целом отражением научно несостоятельных теоретических формул Лассаля, проект, по существу, идейно разоружал рабочий класс Германии, уводил в сторону от революционной борьбы. Принятие такой программы представляло определенную угрозу, могло превратить партию в чисто реформистскую организацию, не способную выступать в роли боевого политического авангарда пролетариев. Поэтому Маркс и Энгельс, обращаясь доверительно к лидерам немецких социал-демократов, сочли необходимым высказать свое резко отрицательное отношение к Готской программе, вскрыть все ее слабости, подвергнуть нелицеприятному, принципиальному разбору эту новую опасную попытку сделать лассальянство выразителем подлинных интересов рабочего движения.

Критика Готского проекта Марксом и Энгельсом является и поныне образцом критики всякого оппортунизма, она в существенной мере помогает разоблачению той политики классового мира, которую проводят реформистские партии в условиях современного капитализма.

Как известно, лишь немногие из критических замечаний Маркса и Энгельса были учтены в окончательной редакции принятой Готским съездом программы. Тем не менее основоположники марксизма отказались от своего первоначального намерения сразу же публично отмежеваться от нее. Энгельс сам объяснил это в первую очередь тем, что как друзья, так и враги «истолковали ее в коммунистическом смысле» [1]. Кроме того, несмотря на теоретические изъяны программы, ликвидация раскола в рабочем движении даже на такой основе способствовала росту влияния и авторитета германской социал-демократии, а также ее организационному укреплению, что с особой силой проявилось спустя несколько лет в успешной борьбе против бисмарковского исключительного закона против социалистов. Да и сама партия скоро осознала неудовлетворительность Готской программы.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, с. 128.

Конкретные замечания Маркса на проект программы Социалистической рабочей партии Германии и данное при этом изложение его положительных взглядов отнюдь не являются продуктом умозрительной философии или внезапного озарения. Разумеется также, они не обусловлены личной антипатией к кому-либо. Напротив, это логический результат прежде всего многолетних исследований буржуазной экономики и политики. «Критика Готской программы» как бы венчает эти исследования. В лапидарной форме Маркс излагает положения, вытекающие из теоретического анализа противоречий буржуазного способа производства, законов его функционирования и движения, его предопределенных ходом вещей исторических тенденций. Эту замечательную работу надлежит рассматривать как непосредственно примыкающую к «Капиталу», как его прямое продолжение, как квинтэссенцию тех кардинальных идей экономического учения марксизма, которые имеют решающее значение для судеб рабочего движения. В богатом идейно-теоретическом содержании «Критики» аккумулирован обобщенный Марксом и Энгельсом исторический опыт предшествующих классовых боев, европейских революций 1848—1849 гг. и особенно поучительный опыт Парижской коммуны, научный анализ ее достижений и тех причин, которые в конечном счете обрекли на неудачу первый штурм «буржуазного неба», первую попытку пролетариата взять бразды правления обществом в собственные руки.

2

В проекте Готской программы было записано, что германская рабочая партия, добиваясь «всеми законными средствами» «свободного государства» и «социалистического общества», будет добиваться в то же время «упразднения системы заработной платы вместе с ее *железным законом»*. Маркс в связи с этим заметил, что авторы проекта спутали систему наемного труда с системой заработной платы, между тем как эти понятия далеко не тождественны. Принцип заработной платы не обязательно предполагает существование системы наемного труда, а заработная плата, в свою очередь, поскольку речь идет о капитализме, регулируется законами, к которым никак не подходит эпитет «железный».

В докладе на заседаниях Генерального Совета Интернационала 20 и 27 июня 1865 г. (известном по его печатному варианту под названием «Заработная плата, цена и

прибыль»), в первом томе «Капитала» Маркс, исследуя механизм капиталистической эксплуатации, доказал, что заработная плата является не тем, чем она кажется при поверхностном взгляде, не стоимостью или ценой труда, а лишь превращенной, замаскированной формой стоимости или цены товара особого рода — рабочей силы. Стоимость этого товара, который принадлежит «свободному» рабочему, как и всякого другого товара, будучи конкретно-исторической категорией, определяется издержками его воспроизводства, стоимостью средств поддержания жизни и деятельной силы рабочего в ее более или менее нормальном состоянии. Низшую, или минимальную, границу стоимости рабочей силы образует стоимость той товарной массы, без которой рабочий фактически не может возобновлять свой жизненный процесс. Она может быть больше или меньше, в зависимости от стоимости средств потребления, от специфических для данной страны объективно складывающихся требований подготовки рабочего к исполнению производственных функций, от традиционного для нее образа жизни. Например, нынешний жизненный уровень основной массы рабочих развитых капиталистических стран в общем выше, чем в XIX веке, и не потому, что изменилась природа капитализма, а потому, что изменились общие условия жизни. Современные научно-технические условия производства сопряжены помимо воли капиталистов с увеличением затрат общественного труда на обучение рабочей силы, а следовательно, и с увеличением ее стоимости и, соответственно, цены в виде заработной платы. Посаженный на паек столетней давности сегодняшний рабочий просто не смог бы функционировать, а значит и обогащать владельца средств производства. Если еще на заре рабочего движения пролетарии отнюдь не безропотно позволяли хозяевам «дубить кожу» их наемных рабов, восставали против капиталистической алчности, то сейчас они тем более могут защищаться. Рабочий класс решительно борется за свои права, реально противодействует исконной цели капитала — максимизации прибыли. Кроме того, в обстановке мирного сосуществования и соревнования двух противоположных социально-экономических систем современная буржуазия самим фактом неуклонного роста благосостояния трудящихся социалистических стран оказывается вынужденной во спасение себя прибегать к различным мерам социального маневрирования, поступаться частью своих барышей.

Авторы Готской программы исходили из положения Лассаля о незыблемости, непреодолимости низшей границы заработной платы. Отсюда их прохладное отношение к забастовочной борьбе рабочего класса, неверие в возможность превзойти «твердо» заданные ставки заработной платы. Они, таким образом, обнаруживали непонимание как объективной обусловленности заработной платы, так и того факта, что рабочие, опираясь на организованную силу их движения, располагают возможностью давления на капитал и нередко вынуждают его платить им больше физически необходимого минимума.

Следуя мальтусовской теории народонаселения, последователи Лассаля, причастные к составлению Готской программы, стояли на той точке зрения, что «внутривидовая» борьба, взаимная конкуренция ставят рабочих в безвыходное положение перед силой капитала, рабочие как бы сами себя нокаутируют. Это была теоретически ошибочная и практически вредная ориентация на пассивность и смирение, дезориентирующая и разоружающая рабочих.

В наши дни методы и средства дискредитации справедливого характера и законности экономической борьбы рабочих несколько обогатились. С одной стороны, под видом пресловутой спирали цен распространяется модифицированный вариант старой лассалевской догмы о «железном законе» заработной платы. Действительно, заработная плата или не растет вовсе, или наблюдается лишь увеличение ее номинальных размеров, или, в лучшем случае, она растет далеко не в такой степени, как производительность труда и объем совокупного производства. Подлинным бичом для трудящихся стал практически безудержный рост цен на предметы первой необходимости и услуги. Оставляя в стороне реальные причины — искусственную политику цен, проводимую ведущими корпорациями, раздувание военных бюджетов и гонку вооружений в интересах военно-промышленного комплекса, валютный кризис и др.,— буржуазные экономисты и политики объясняют инфляцию и дороговизну обычно прежде всего «неразумными и эгоистическими» требованиями рабочих о повышении тарифов и заработной платы. Отсюда призывы к обузданию профсоюзов, к благоразумию и умеренности, к проведению государственно-монополистической машиной жесткой политики доходов, которая на деле сводится к замораживанию заработной платы и росту безработицы, к усилению налогового пресса, давящего трудящихся, к раз-

3 Заказ 1849

личным мерам «социального демонтажа», к сокращению расходов на социальные, общественные нужды, тогда как богатые паразиты становятся еще богаче. С другой стороны, буржуазные идеологи, в том числе так называемые неомарксисты типа Маркузе, стараясь обелить современный капитализм, изобретают вместо точного названия существующего общественного строя всякого рода эвфемизмы, вроде «общества изобилия», «общества потребления», «постиндустриального общества», доказывают, что классовая борьба против капиталистической эксплуатации стала анахронизмом, а рабочие в массе своей «синие воротнички» сменили на «белые», получают вполне достаточную долю общественного продукта. Рабочие, согласно проповедям и концепциям апологетов государственно-монополистического капитализма, уже не образуют класса в традиционном понимании или же становятся консервативным и даже реакционным классом, органически встроенным, интегрированным в структуру такого общества.

Какое же целительное средство против «железного закона» заработной платы было рекомендовано составителями Готской программы, какие меры мыслились ими для врачевания социальных пороков капиталистического строя? Путь к разрешению «социального вопроса» они полагали проложить учреждением «производственных товариществ с государственной помощью под демократическим контролем трудящегося народа», считая, что в этом случае не понадобится революционное преобразование общества, ибо такие товарищества, пользующиеся благосклонностью буржуазного государства, сами по себе способны привести к социалистической организации «совокупного труда». «Это вполне достойно фантазии Лассаля,— писал Маркс,— будто с помощью государственных субсидий можно так же легко построить новое общество, как новую железную дорогу!» [1].

Как и в других пунктах, здесь речь шла не об одной из коренных задач классовой борьбы пролетариата и непролетарских слоев трудящихся против крайностей экономической эксплуатации в системе капитализма, а фактически развивалась реформистско-оппортунистическая альтернатива революционному ниспровержению господствующего способа производства. В той формулировке, которая фигурировала в проекте, в точном соответствии с ласса-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 25.

левской концепцией была выражена совершенно нереальная, иллюзорная надежда на получение «производственными товариществами» материально-финансовой поддержки со стороны враждебного рабочему классу буржуазного государства тогдашней Германии.

Марксизм в принципе не отрицает известной положительной роли кооперативного движения при капитализме в защите мелких собственников от разорения и экспроприации крупной капиталистической собственности, а также признает значение кооперации для осознания трудящимися преимуществ коллективных форм хозяйствования, органически присущих социализму, и для приобретения навыков коллективного труда. Положительное значение кооперативные формы могут иметь лишь в этом смысле. Но они отнюдь не снимают с повестки дня необходимость радикальных социально-экономических преобразований.

В программных документах современных коммунистических партий капиталистических стран развитие кооперации провозглашается частью общедемократических целей. Например, аграрная программа французских коммунистов рассматривает кооперирование крестьянства, вплоть до создания самоуправляющихся сельскохозяйственных ферм, как фактор включения сельского хозяйства в общее русло демократического обновления всей национальной экономики, как один из способов относительно рациональной организации производства, заготовки и сбыта сельскохозяйственных продуктов, способный облегчить в той или иной мере положение мелких сельских хозяев на капиталистическом рынке с его неумолимыми законами конкуренции. Но при этом подчеркивается, что демократически организованная и управляемая кооперация, будь она самой эффективной,— всего лишь этап на пути к Франции социалистической, она лишь предваряет и подготавливает победу новых социальных отношений [1].

Общим и, пожалуй, основным недостатком проекта Готской программы Маркс считал то, что, согласно лассальянской модели социализма, которая нашла отражение в этой программе, все акценты были смещены на распределение предметов потребления. Замазывался тот доказанный научной политэкономией факт, что всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие

---

[1] См. «Мировая экономика и международные отношения», 1974, № 12, с. 106—110.

распределения вещных условий производства и способа их соединения с рабочей силой, следовательно, распределение полностью зависит от способа производства и им определяется. Подчеркнув с большой силой примат производства над распределением и обменом, Маркс в то же время сформулировал важнейшие законы распределительных отношений. Он подверг аргументированной критике вульгарно-социалистические требования «справедливого» распределения на базе частной собственности и лассалевское требование гарантии рабочему «неурезанного трудового дохода».

Заимствовав эту идею у рикардианцев-социалистов, Лассаль и его единомышленники рассуждали довольно просто и по существу крайне примитивно: раз стоимость создается трудом, то и весь продукт должен принадлежать «труду», т. е. должен целиком и полностью поступать в индивидуальное пользование рабочего. Словом, в ранг высшей справедливости и добродетели возводилось проедание совокупного общественного продукта, причем не всем обществом, а лишь той частью его, которая непосредственно занята в сфере материального производства.

В лаконичных формулах своих замечаний на эту экономическую «мудрость» Маркс излагает фактически *социологический, присущий всем общественным формациям закон распределения* — обязательное, непременное условие воспроизводства, не только расширенного, но и простого. «Вместо туманной, неясной, общей фразы Лассаля («полный продукт труда — рабочему») Маркс,— писал В. И. Ленин,— дает трезвый учет того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать. Маркс подходит к *конкретному* анализу условий жизни такого общества» [1]. При социализме исчезает прибавочная стоимость, как особая социальная форма, однако и при социализме сохраняется деление общественного продукта на необходимую и прибавочную часть. В перечне необходимых вычетов из совокупного общественного продукта (по вульгарно-экономической терминологии лассальянцев это — «неурезанный трудовой доход») Маркс называет то, что требуется для возмещения «потребленных средств производства», а также «добавочную часть для расширения производства» и «резервный или страховой фонд». «Эти вычеты из «неурезанного трудового дохода»,— подчеркивал Маркс,— экономическая необходимость, и их размеры

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 92.

должны быть определены на основе наличных средств и сил, отчасти на основе теории вероятности, но они никоим образом не поддаются вычислению на основе справедливости»[1]. Остающаяся часть общественного продукта обращается в предметы потребления, однако, прежде чем дело дойдет до индивидуального ее распределения, из нее, в свою очередь, вычитаются издержки управления государством, средства для совместного удовлетворения потребностей, иначе говоря общественные фонды потребления, фонды вспомоществования нетрудоспособным и т. д.

В подтверждение выводов Маркса можно было бы сослаться на общественную практику. Прописной экономической истиной является то, например, что из общей суммы национального дохода, т. е. вновь созданной стоимости, общество может выделять для целей накопления около 20%[2]. Превышение этой оптимальной цифры, о чем, в частности, свидетельствует опыт послевоенного развития Японии, где норма накопления достигала в иные годы почти 40%, что было одной из причин пресловутого экономического «чуда», ведет к серьезным деформациям, обрекает народ на «затягивание поясов» даже в условиях относительно благоприятной экономической конъюнктуры.

Можно также добавить, что производство и распределение совокупного общественного продукта, как и национального дохода, в СССР и других социалистических странах происходит не по теории вероятности, и не стихийно, как в мире капитализма, а соответственно требованиям основного экономического закона, согласно которому определяющей целью общественного производства является

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 17.

[2] В политэкономии и экономической статистике различают общую норму накопления и норму производственного накопления. Норма производственного накопления определяется или как отношение прироста стоимости основных производственных фондов и всех запасов товарно-материальных ценностей к национальному доходу, или как отношение суммы чистых капитальных вложений в материальное производство и прироста оборотных средств в производственных запасах к произведенному национальному доходу; исчисленная по первому методу, она была равна в СССР в 1961—1965 гг. 16,2%, в 1966—1970 гг.— 16%, в 1971—1974 гг.— 15,2%; по второму методу, в 1961—1965 гг.— 16,5%, в 1966—1970 гг.— 18,2%. Общая норма накопления, включающая накопление для непроизводственных целей, в девятой пятилетке составляла 26,5%. См. *А. Ноткин*. Национальный доход и его использование в десятой пятилетке. «Вопросы экономики», 1976, № 8, с. 8—9.

повышение благосостояния народа. Учитываются строгие нормы закона планомерности и пропорционального, сбалансированного развития народного хозяйства. Нормативы производства и распределения национального дохода для целей накопления и потребления на десятую пятилетку в СССР утверждены XXV съездом КПСС, причем по сравнению с предыдущей пятилеткой предусматривается некоторое повышение нормы потребления.

3

Центральное место в «Критике Готской программы» занимают знаменитые положения Маркса о сущности и фазах коммунизма. Не будет преувеличением назвать эти положения вершиной экономического обоснования Марксом коммунизма. Сами по себе они представляют классический образец научного предвидения, основанного на тщательном анализе огромного фактического материала, выявлении ведущих тенденций общественного развития, их логическом обобщении, приведении их в систему законов объективной логики истории.

В. И. Ленин справедливо отмечал, что Маркс в «Критике Готской программы» лишь мимоходом касается всякого рода лассальянских предрассудков, интересуясь главной для себя темой: «*развитием* коммунистического общества». «Вся теория Маркса,— указывал он далее,— есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма» [1]. Маркс сумел заглянуть в будущее, потому что опирался на блестяще выполненный им же анализ закономерностей развития производительных сил и производственных отношений буржуазного общества, потому что ему удалось осуществить всестороннее исследование «закона движения» капитализма, проследить, в силу каких причин и из чего капитализм рождается, на чем он держится, куда идет, почему в конце концов должна взорваться та общественная оболочка, в которую при капитализме заключены материальные производительные силы.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 84.

При небывало высоком сейчас повсюду интересе к литературному наследию Маркса, который буржуазная наука нарекла броским термином «ренессанс марксизма», в потоке связанной с этим литературы буржуазных марксологов большой удельный вес приходится на долю сочинений, посвященных теме «Маркс и коммунизм». Однако «Критика Готской программы» удостаивается сравнительно небольшого внимания. Ее издают на Западе гораздо реже и в меньших тиражах, чем другие сочинения Маркса. И в этом нет ничего загадочного. Такая позиция буржуазных «знатоков» и интерпретаторов марксизма объясняется, безусловно, самим характером содержащихся в данной работе формулировок, который менее всего позволяет предаваться схоластическим и модным с некоторых пор «психографическим» рассуждениям и спекуляциям. Если, скажем, буржуазные марксологи спекулируют на традиционно сложной философской форме отдельных категорий «Экономическо-философских рукописей 1844 года», если они начальную фазу учения Маркса выдают за его вершину, а в конкретных реалиях «Капитала» ищут несоответствие реальностям XX века, то подобные манипуляции затруднительны при обращении к «Критике Готской программы». Здесь все предельно четко, все названо своим именем и не допускает никаких кривотолков. Западногерманский профессор политэкономии Людвиг Г. Бресс в одной из своих работ пространно философствует о рудиментах фейербаховской коммунистической антропологии в теории Маркса, о «натуралистическо-гуманистическом» понятии коммунизма. Обильно цитируя Маркса, он ни единым словом не упоминает «Критику Готской программы». Еще бы, иначе был бы наверняка подорван исходный антикоммунистический тезис всей монографии этого автора: «Экономически обосновываемое понятие коммунизма вследствие наполнения его содержания негативным каталогом (упразднение разделения труда, частной собственности, денег, товарного производства) является пустым и определяется утопическим горизонтом ожидания, которым манипулируют на потребу правящих коммунистических партий» [1].

Для Готской программы была характерна подмена целей революционного преобразования общества всевоз-

---

[1] *Ludwig G. Bress.* Kommunismus bei Karl Marx. Stuttgart, 1972, S. VI.

можными фантазиями. Общими, расплывчатыми фразами вуалировалась откровенно реформистская, навеянная, в частности, гегелевской философской системой вера в добрую волю и разум, нравственное достоинство буржуазного государства, его способность, поднявшись над эгоизмом классовых интересов буржуазии и юнкерства, к свершению социально-справедливых действий, к заботе о благе всего народа, в том числе и неимущих.

Маркс отверг эти буржуазно-либеральные иллюзии, этот сознательный или несознательный обман и без обиняков заявил, что существует единственный путь к решению назревших социальных проблем, к ликвидации бесправия и нищеты народных масс — путь радикальной социальной революции, ломающей в корне отношения частной собственности и возвышающиеся над экономической структурой капитализма политические учреждения. Положения Маркса в этой части его работы по-прежнему злободневны, если вспомнить, какую роль в арсенале средств социальной мимикрии режимов государственно-монополистического капитализма играют сегодня теории «всеобщего благоденствия», «государства всеобщего благоденствия», проповедуемые откровенными буржуазными идеологами и теми правыми социалистами, которые теперь уже не скрывают того, что выбросили марксизм за борт. Эти положения Маркса весьма актуальны в наше время, когда проповедники антикоммунизма злобно клевещут на социалистические революции и государства диктатуры пролетариата, пытаются отождествить диктатуру пролетариата с диктаторскими режимами реакционной буржуазии, восхваляют мнимые преимущества и свободы буржуазного плюрализма, системы буржуазного парламентаризма. «Критика Готской программы» особенно замечательна тем, что Маркс здесь впервые дал систематическое и цельное изложение вопроса о стадиях и средствах революционного преобразования капиталистического общества.

Коммунизм сразу не появится, его нельзя учредить одним махом, построить «скачками», декретировать. Для реализации столь высокой цели мало верхушечных реформ, социальной косметики капиталистического строя. Для этого необходима настоящая революция, необходимо революционное насилие над эксплуататорскими классами, коль скоро они не захотят без сопротивления расстаться со своими привилегиями и нажитыми за счет чужого труда богатствами, необходимы жертвы и многие годы напряжен-

ного творческого труда во всех сферах общественной жизни.

Возведение коммунизма начинается с переходного периода. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом,— пишет Маркс,— лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»[1]. Уже после Октября в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» В. И. Ленин охарактеризовал это «рассуждение» Маркса как знаменитое, «подводящее итог всему его революционному учению...»[2].

Идея необходимости господства революционного рабочего класса, следовательно, диктатуры пролетариата для защиты завоеваний социалистической революции, подавления сопротивления меньшинства большинству, организации на новых началах экономики и культуры — эта идея возникла у Маркса и Энгельса еще в 40-е годы. Она присутствует в «Немецкой идеологии», в «Манифесте Коммунистической партии».

В написанной в 1850 г. работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Маркс снова вернулся к этой идее уже в свете уроков революции 1848—1849 годов.

В июньском восстании 1848 г., указывал Маркс, французский пролетариат предпринял попытку покончить с буржуазным рабством, выступая фактически под смелым революционным боевым лозунгом *«Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!»*[3]. В ходе революции, писал Маркс, пролетариат распознавал истинную цену всех форм утопического, доктринерского социализма, идеализировавшего буржуазное общество. В то же время пролетариат все более объединялся вокруг *революционного социализма*, вокруг *коммунизма*. «Этот социализм есть *объявление непрерывной революции, классовая диктатура* пролетариата как необходимая переходная ступень *к уничтожению классовых различий вообще*, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отно-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 27.

[2] *В. И. Ленин*. Полн собр. соч., т. 37, с. 241—242.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, с. 31. Здесь Маркс впервые употребляет этот термин.

шениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений» [1].

Обильный материал для размышлений об особенностях будущего общества дала основоположникам марксизма Парижская коммуна. Маркс и Энгельс не только прославляли подвиг коммунаров, мужественно брали под защиту преследуемых взбешенной реакцией деятелей Коммуны, но и учились на ее делах, ее достижениях и ее ошибках. Практический опыт Коммуны стал живым источником дальнейшего развития марксистской теории.

В лице Коммуны Маркс распознал политическую форму социального освобождения народных масс. Рассматривая ее черты, он писал: «Рабочий класс знает, что он должен пройти через различные стадии классовой борьбы. Он знает, что замена экономических условий рабства труда условиями свободного и ассоциированного труда может быть только прогрессивным делом времени (это экономическое преобразование), что эти условия требуют не только изменения распределения, но и новой организации производства... *гармоничной национальной и интернациональной* (курсив наш.— *А. М.*) координации общественных форм производства» [2]. То, что хотела сделать Коммуна, но не успела или не смогла совершить в силу особых условий исторического момента, прежде всего ее ясно выраженное намерение «экспроприировать экспроприаторов», ликвидировать экономические устои классового господства и эксплуатации человека человеком, организовать производство «по общему плану»,— это и есть, утверждал Маркс, отвечая тем, кто тщился доказать «невозможность» коммунизма, подлинный коммунизм [3].

Научные исследования Маркса, включая и «Капитал», подчинены в основном выявлению материальных предпосылок нового общества, вызревающих в недрах старого, а также обоснованию исторической миссии рабочего класса. Специфическими проблемами развития самого коммунизма он занимался в гораздо меньшей мере. Однако сделанного и в этой области, особенно после Парижской коммуны, было достаточно, для того чтобы в «Критике Готской программы» набросать весьма определенную и систематическую характеристику будущего общества, важнейших его этапов, закономерностей функционирования и роста.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, с. 91.
[2] Там же, т. 17, с. 553.
[3] См. там же, с. 346, 347.

В своем конспекте «Критики Готской программы» В. И. Ленин в следующих словах резюмировал рассуждения К. Маркса о стадиях коммунизма: «Итак: I «долгие муки родов» II «первая фаза коммунистического общества» III «высшая фаза коммунистического общества» [1].

Как высший и наиболее совершенный строй общественного производства и социально-экономических отношений коммунизм объективно подготавливается в лоне предшествующих исторических эпох. Маркс и Энгельс указывали на то, что материальные предпосылки коммунизма создаются уже на базе капитализма. Однако, во-первых, социалистическая (коммунистическая) революция не совершается самим ходом вещей. Ее осуществляет рабочий класс, использующий данные материальные условия. Во-вторых, победа этой революции имеет два аспекта: 1) переход политической власти и важнейших экономических рычагов в руки рабочего класса и 2) окончательное и полное торжество коммунистических отношений. Если революция в узком смысле — это сравнительно кратковременный акт, то для полной победы коммунизма требуется длительное время, и сама эта победа воплощается в различных стадиях общественных преобразований. Маркс, Энгельс, а также и Ленин предвидели трудности долгого пути к коммунизму. «Маркс и Энгельс, основатели научного социализма,— писал Ленин,— говорили всегда о *долгих муках родов,* неизбежно связанных с переходом от капитализма к социализму» [2].

В переходный период коммунистическое общество развивается еще не на собственной, только ему присущей основе, а на основе того старого общества, из которого оно выходит. Естественно, что такое новое общество несет на себе «родимые пятна» своего исторического предшественника, в этом новом обществе, возникшем в результате социалистической революции пролетариата, сохраняются, среди прочих «родимых пятен», некоторые элементы «несправедливого» права «в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)» [3].

Коммунистическое общество с самого начала его существования отличается от всех эксплуататорских форм организации общественного труда отрицанием эксплуатации человека человеком, господствующим положением общест-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 185.
[2] Там же, т. 36, с. 476.
[3] См. там же, т. 33, с. 93.

венной собственности на основные средства производства. Коммунизм на любой его стадии означает принципиальную невозможность жить без труда, за чужой счет. Заслуги на поприще общественно полезного труда сразу же после пролетарской революции становятся определяющим критерием общественной значимости каждой личности и мерой потребления. Однако вместе с всеобщей обязанностью трудиться и вознаграждением в соответствии с количеством и качеством выполненного труда по необходимости признается неравная индивидуальная одаренность и неравная работоспособность, а это значит, что формально равное право остается фактически неравным.

В переходный период государство диктатуры пролетариата ликвидирует эксплуататорские классы, осуществляет обобществление средств производства, организует в национальном масштабе плановое хозяйство.

Буржуазные идеологи, вкупе с ними социал-реформисты, от Каутского до правых лидеров современных партий Социалистического Интернационала, подвергают марксизм-ленинизм, живую действительность социалистических стран ожесточенным нападкам, клевете и вульгаризации, прибегают ко всякого рода софизмам, чтобы доказать несовместимость диктатуры пролетариата с демократией, объявляют все ее государственные формы «уничтожением демократии», антиподом демократии, воплощенным отчуждением. Однако еще Ленин разоблачил фальшь такой критики и подобной «философии». Марксизм-ленинизм учит, а реальный исторический опыт подтверждает, что диктатура пролетариата является самым демократическим государством. Диктатура пролетариата и демократия неразделимы. Именно пролетариат, как говорил В. И. Ленин, борется за демократию «впереди всех и во главе всех» [1]. Более того, это государство, по его определению, уже не является государством в собственном смысле, ибо оно не служит аппаратом подавления большинства меньшинством; напротив, теперь вчерашние наемные рабы, составляющие большинство, подавляют меньшинство, эксплуататоров [2].

Переходный период — это период возведения фундамента социализма, построения основ социалистической экономики. Это самое начало социалистической стройки.

---

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, с. 14.
[2] См. там же, т. 33, с. 90.

В этот период проявляются одновременно унаследованные от старого общества законы капитализма и возникающие или только что возникшие законы социализма. Действие первых ограничивается и модифицируется сознательной политикой пролетарского государства, а вторые еще не получили полного простора. Применительно к Советской России первых лет после Октября определение «социалистическая», указывал Ленин, правомерно лишь как выражение решимости Советской власти «осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими» [1]. Один из замечательных предшественников марксизма Сен-Симон выдвинул идею превращения государства трутней, которым они пользуются как инструментом угнетения, в орган управления объединенных «пчел» для эксплуатации природы, однако он не указал, как это практически можно сделать. Диктатура пролетариата, образно выражаясь,— это действенное орудие «пчел», т. е. трудящихся, для устранения трутней, т. е. общественных паразитов. Одновременно она дает представителям уничтоженных эксплуататорских классов возможность включиться в общественно-полезную деятельность.

Помимо переходного периода, как более или менее продолжительного отрезка времени, в течение которого новый способ производства обретает ему только присущую кровь и плоть, становится на собственные ноги, иначе говоря, формируется, размежевываясь с капитализмом и уничтожая питающие его корни, Маркс различал также первую фазу коммунистического общества — общества «в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества» [2], или, по Ленину, такое коммунистическое общество, которое «только что вышло на свет божий из недр капитализма», обычно называемое социализмом [3].

Конкретизируя определение Маркса, Ленин замечал, что первая фаза коммунистического общества означает «экспроприацию капиталистов, превращение *всех* граждан в работников и служащих *одного* крупного «синдиката», именно: всего государства, и полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству действительно демократическому, *государству Советов рабочих и солдатских*

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 206.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 19.

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 92.

депутатов». В этой фазе, вплоть до тех пор пока не наступит «высшая» фаза коммунизма, «социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества *и со стороны государства* над мерой труда и мерой потребления...» [1].

Практика строительства социализма позволила марксистам-ленинцам уже с полной определенностью констатировать, что переходный период в собственном смысле представляет собой относительно самостоятельную ступень. Он длится лишь до тех пор, пока государство диктатуры пролетариата, ликвидировав эксплуататорские классы, не создаст путем своей организаторско-созидательной деятельности под руководством марксистской партии рабочего класса общество, основанное на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, с распределением предметов потребления по труду. Иначе говоря, верхней границей переходного периода следует считать социализм, построенный в основном.

Образуя специфическую базу дальнейшего развития нового общества, социализм, естественно, проходит различные ступени зрелости. Одна из них — развитой социализм, которым характеризуется новейший этап истории СССР и который воплощает пока высший этап общественного прогресса.

Отличительными чертами развитого социализма являются: исключительное господство общественной собственности во всех сферах народного хозяйства, высокий научно-технический уровень плановой экономики и высокая производительность общественного труда, глубокая и всесторонняя культурная революция в обществе, эффективный механизм и постоянное совершенствование политической организации общества, народовластие при авангардной роли рабочего класса, т. е. самая широкая демократия, уже достигнутый высокий уровень и неуклонный рост благосостояния всего народа, реализация на деле принципа «от каждого по способности, каждому по труду», воспитание трудящихся в духе коммунистической идеологии. При этом руководящая и направляющая роль во всей общественной жизни принадлежит марксистско-ленинской партии.

Емкая характеристика общества развитого социализма дана в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду: «Мы создали новое общество, общество, подобного которому чело-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 97.

вечество еще не знало. Это — общество бескризисной, постоянно растущей экономики, зрелых социалистических отношений, подлинной свободы. Это — общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение. Это — общество твердой уверенности в будущем, светлых коммунистических перспектив. Перед ним открыты безграничные просторы дальнейшего всестороннего прогресса.

Другой главный итог пройденного пути — наш советский образ жизни. Атмосфера подлинного коллективизма и товарищества, сплоченность, дружба всех наций и народов страны, которые крепнут день ото дня, нравственное здоровье, которое делает нас сильными, стойкими,— таковы яркие грани нашего образа жизни, таковы великие завоевания социализма, вошедшие в плоть и кровь нашей действительности» [1].

Другие страны социалистического содружества, заложив прочный фундамент социализма, заняты построением развитого социализма, и в процессе этой великой стройки они учитывают как общие закономерности социалистических преобразований, так и те специфические особенности, которые вытекают из исторического прошлого каждой страны, ее географического положения, конкретных возможностей экономического потенциала и т. д. Путь к прогрессу всех этих стран, разумеется, не усыпан одними розами, у каждой из них немало своих достаточно сложных проблем и трудностей, однако успешному решению стоящих перед ними экономических, социальных и политических задач в огромной степени способствуют использование опыта СССР, социалистическая экономическая интеграция, благоприятный внешний климат, созданный политикой разрядки и сотрудничества в отношениях между двумя противоположными системами, успехом Программы мира, выработанной XXIV съездом, подтвержденной и развитой дальше XXV съездом КПСС.

В «Критике Готской программы» Маркс впервые ввел в научный оборот понятие «высшей» фазы коммунистического общества [2]. В. И. Ленин называл ее «полным коммунизмом» или просто «коммунизмом» [3]. Для этой фазы характерны: 1) Преодоление ограничивающих развитие лич-

---

[1] *Л. И. Брежнев.* Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, с. 105.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 20.

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 91, 95.

ности форм разделения труда; 2) Ликвидация существенных различий между умственным и физическим трудом; 3) Превращение труда из средства для жизни в первую потребность жизни; 4) Такое состояние общества, «когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком»; 5) Замена принципа распределения по труду более высоким принципом: «Каждый по способностям, каждому по потребностям» [1].

На основе социализма вместе с неуклонным ростом материально-технической базы постоянно совершенствуются экономические и все общественные отношения, видоизменяется система хозяйственных связей, становится разнообразнее и богаче оттенками, эффективнее взаимодействие наличных форм социалистической собственности. В процессе повышения фактического уровня обобществления промышленного и сельскохозяйственного производства происходит сближение между государственной и колхозно-кооперативной собственностью, стираются социальные различия между рабочим классом и кооперированным крестьянством, постепенно преодолеваются различия в условиях и образе жизни городского и сельского населения.

Огромное значение в этом отношении как для практики коммунистического строительства, так и для марксистско-ленинской теории имеют положения, выдвинутые Л. И. Брежневым в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду, а также ряд последующих постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по дальнейшему интенсивному развитию земледелия и животноводства. Это, по существу, развитие и углубление ленинского кооперативного плана в условиях развитого социализма, на базе соединения преимуществ этой стадии социализма с достижениями научно-технической революции. Аграрная политика КПСС на современном этапе нацелена на решение двуединой задачи: быстрый подъем всех отраслей сельскохозяйственного производства и превращение сельскохозяйственного труда в разновидность высокомеханизированного индустриального труда.

Рост материальных производительных сил промышленности и сельского хозяйства сопровождается адекватными изменениями производственных и всех общественных отношений. Таков непреложный принцип социализма и ком-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 20.

мунизма. Внешним выражением развития производственных и общественных отношений служат новые межхозяйственные связи, углубление специализации и дальнейшая концентрация производства, агропромышленная интеграция, структурные изменения в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте, в условиях и характере труда, в его оплате, в облике городов и сел, в средствах управления. Глубокие изменения в сфере общественного производства, в экономическом базисе страны позволяют браться за все новые и новые крупномасштабные задачи социальной политики [1].

Начиная с переходного периода, с первых шагов социалистического строительства и включая наиболее высокую ступень развитого социализма, период непосредственной трансформации социализма в собственно коммунизм, в системе плановой экономики значительную, хотя и вспомогательную, подчиненную роль играют инструменты товарно-денежных отношений с их новым социалистическим содержанием, исключающим пресловутые модели «рыночного социализма».

Среди других экономических законов сохраняет силу и закон распределения по труду. Важно до конца использовать все предоставляемые им возможности для укрепления экономических позиций социализма в единоборстве с экономикой капиталистического мира, для приведения в действие объективных и субъективных факторов динамичной организации общественного труда и общественного производства.

Борьба за эффективность и качество социалистического производства, высокие и всевозрастающие количественные и качественные показатели экономического роста, который обеспечивается современными интенсивными методами хозяйствования, самоотверженным трудом народа под руководством марксистско-ленинской партии, имеют своим прямым результатом рост материальных благ и всевозможных услуг для трудящихся. Вместе с тем они должны

---

[1] Лишь откровенные противники реального социализма и закоренелые догматики могут отрицать поступательное движение реального социализма ко все более высоким рубежам коммунистической формации. Так, троцкист Э. Мандель уверяет, будто бы производственные отношения в СССР с 1933—1934 гг. «ни в каком важном аспекте» не изменились к началу 70-х годов. См. Probleme des Sozialismus und der Übergangsgesellschaften. Herausgegeben von P. Hennicke. Frankfurt-am-Main, 1973, S. 27.

сопровождаться улучшением условий труда, ростом его привлекательности, т. е. развитием таких социальных сторон, которые делают самый труд источником радости, счастья, творческого удовлетворения.

Построение социализма и коммунизма предполагает также формирование нового, духовно и физически совершенного человека, воспринявшего умом и сердцем марксистско-ленинское мировоззрение, обладающего разносторонними общими и профессиональными знаниями, внутренней, органической потребностью отдавать на благо общества все свои силы. Не случайно поэтому XXV съезд КПСС уделил такое большое внимание проблеме комплексного подхода к воспитанию, формированию у всех трудящихся подлинно коммунистической морали, которая должна находить проявление и в труде, и в быту, и в любви к своей родине, и в чувствах пролетарского интернационализма.

Только процветающая многоотраслевая экономика и развитое у всех граждан высокое сознание общественного долга позволят перейти к распределению по коммунистическому принципу, шагнуть в мир материального изобилия и духовной культуры, в тот мир, где мерилом богатства становится уже свободное от работы время, время досуга и отдыха, время овладения смежными специальностями, художественного творчества, активного участия в общественно-политической жизни. Этот мир, как указывал Маркс, уже «лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [1].

В. И. Ленин, говоря о высшей фазе коммунистического общества, неизменно подчеркивал два решающих важных момента — необходимость небывалого развития производства и подлинно коммунистической сознательности всех граждан. Эта фаза, писал он, «предполагает и не теперешнюю производительность труда и *не теперешнего* обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного» [2]. Перспективу «заведомо длительного процесса» [3] отмирания государства Ленин, так же как и Маркс, связывал с наступлением полного коммунизма. В то же время он указывал, что и при полном ком-

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, с. 386—387.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 97.
[3] Там же, с. 84.

мунизме наверняка понадобятся не только органы управления общественным производством, но и какие-то органы поддержания общественного порядка: «Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов *отдельных лиц*, а равно необходимости подавлять *такие* эксцессы» [1].

Воздерживаясь от социальных рецептов и гадания, Маркс и Ленин говорили о будущей «государственности» коммунистического общества как исключительно сложной проблеме, не допускающей умозрительных решений, решений наобум, без конкретного учета тех конкретных ситуаций, которые будут порождены живой практикой. Уже с самого начала переходного периода государство диктатуры пролетариата, как говорилось выше, не является государством в обычном смысле. Его преимущественные функции связаны с организацией социалистического производства и осуществлением культурной революции. С ликвидацией остатков эксплуататорских классов и построением экономических основ социализма социальная структура общества характеризуется не борьбой и антагонизмом, а дружественными отношениями между составляющими народ классами.

Опыт СССР показывает, что в этих условиях диктатура пролетариата превращается в общенародное государство. Советский народ — это исторически возникшая монолитная общность единомышленников, которые, несмотря на известные классовые и национальные различия, живут общими помыслами, трудятся во имя торжества общих целей. Современное советское государство — орган и выразитель сокровенных интересов этой общности, ядром его политической системы является КПСС. Наряду с другими важными задачами КПСС первостепенное внимание уделяет всесторонней и глубокой демократизации государственной и общественной жизни, видит в совершенствовании демократии объективно-необходимую предпосылку дальнейшего экономического, социального и культурного прогресса страны. Совершенствование общенародного государства выражает процесс постепенного перехода к коммунистическому самоуправлению.

Наступление высшей фазы коммунистического общества предполагает создание адекватной коммунизму материально-технической производственной базы, обеспечи-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 91.

вающей полное удовлетворение разнообразных разумных потребностей членов общества. Именно разумных потребностей и в разумных пределах. Полный поток общественного богатства — категория отнюдь не абстрактная. Не исключено различное ее понимание. Так называемые «нищие богачи» могут думать, что общественное богатство должно быть всецело подчинено их неограниченным прихотям. Но совершенно иначе понимают эту категорию люди духовно богатые, гармонично развитые, с высокими нравственными идеалами. Они не только трудятся по-коммунистически, но и отвергают ложные потребности.

Управляемый по-коммунистически научно-технический прогресс и все более расширяющееся потребление обществом результатов производства должны исключать факторы «биологической дезадаптации человека», влекущие за собой прямую угрозу его будущему, как биологического вида. Речь идет о продуманной, сознательной и целенаправленной охране окружающей нас естественной среды, о регулировании в интересах человека биосферы, о том, чтобы цивилизация не уродовала ее колыбель — планету Земля, чтобы земля давала людям, ныне живущим, и новым их поколениям радость здорового бытия.

Многие буржуазные экономисты и социологи уже начинают бить в набат по поводу отрицательных последствий научно-технической революции. Видя проблему, они, однако, не могут или не смеют указать на причину, ее породившую,— современный капитализм. Отсюда отчаянные призывы к «нулевому росту» экономики, отсюда мрачные и нелепые пророчества, что «процесс роста и индустриализации через каких-нибудь 100 лет, а частично в важных направлениях и раньше, достигнет своих абсолютных физических пределов» [1]. Опыт современного градостроительства, размещения производительных сил убеждает воочию даже тех, кто в общем не приемлет коммунистических идеалов, что решение этой проблемы не под силу буржуазному строю. Помехой являются частная собственность, стяжательство, погоня за прибылью любой ценой, действия по принципу: «После меня — хоть потоп». Необходимые предпосылки для ее решения создаются только коммунистическим способом производства и коммунистическим образом жизни.

---

[1] См. «Politische Studien», März/April 1975, S. 185—186.

* * *

В «Критике Готской программы» Маркс с гениальной ясностью теоретического видения в противовес оппортунистической платформе начертал революционную программу классовой борьбы пролетариата, определил ближайшие и конечные цели его практической политики.

Величие Маркса как ученого и революционера, сила вообще марксизма-ленинизма как течения научной мысли и идеологии заключается в том, что на всех исторических этапах вместе с лозунгами и целями революционного обновления мира глубоко разрабатывались стратегия и тактика, определялись необходимые условия победы над капиталом. Именно поэтому в «Критике Готской программы» наряду с замечаниями против лассальянства и изложением положительных взглядов Маркса на цели рабочего движения большое место уделено проблеме возможных союзников пролетариата, необходимости искать всегда опору в других слоях населения, если даже они представляют собой неоднородную в своих устремлениях массу временных и неустойчивых попутчиков. Маркс и Энгельс решительно выступали против внешне «левого», а по существу реакционного взгляда на средние классы, в частности крестьянство, как на сплошную реакционную массу, неизменный резерв буржуазии и базу контрреволюции. Мысли Маркса и Энгельса, проверенные ходом истории, развитые в новых исторических условиях В. И. Лениным, нашли подтверждение в опыте Великой Октябрьской социалистической революции, в историческом триумфе реального социализма, они находят неизменно подтверждение и творческое применение в революционной практике классовых союзов пролетариата в современный период общего кризиса капитализма. В объективно назревшем и неудержимом процессе социальной революции на всех континентах, в горниле классовых и национально-освободительных битв рождаются наиболее жизненные и порой самые неожиданные формы этих союзов.

В «Критике Готской программы» неоднозначно было подчеркнуто, что каждый отряд рабочего класса, организуясь и действуя в национальных границах отдельных государств, добиваясь решения стоящих перед ним задач, будь то ближайших или сравнительно отдаленных, конкретных, насущных или более общих и даже конечных, в рамках отдельно взятой национальной партии, не должен упускать при этом из виду интересы своих братьев

в других странах, общие интересы международного рабочего движения. Маркс предостерегал немцев от национальной ограниченности, от забвения принципов пролетарского интернационализма, провозглашенных в «Манифесте Коммунистической партии» и ставших нормой Международного Товарищества Рабочих — Первого Интернационала. Интернациональной силе капитала рабочий класс обязан противопоставлять свою интернациональную сплоченность и солидарность. Суровый предметный урок, преподанный деятелям германской социал-демократии, был усвоен передовыми пролетариями всех стран, способствовал всемирно-историческим успехам революционной политики рабочего класса под знаменем научного коммунизма. Успех рабочего класса одной страны — это достояние всей международной армии труда, и напротив, неудачи на каком-либо одном участке отзываются болью у подлинных революционеров всего мира. Верность принципу пролетарского интернационализма сейчас, как и 100 лет назад, остается важнейшим критерием верности великому делу коммунистического преобразования общественных отношений.

ЭРИХ КУНДЕЛЬ (ГДР)

Помощь К. Маркса и Ф. Энгельса Эйзенахской партии в борьбе за революционное единство рабочего движения

Успехи международного рабочего движения в борьбе за мир, демократию и социализм неразрывно связаны с успехами в борьбе за установление единства рабочего класса. Это доказывает вся история освободительной борьбы пролетариата, с тех пор как был создан научный коммунизм. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс дали международному пролетариату теоретическую основу для установления единства его рядов. Боевой призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» никогда не переставал напоминать рабочему классу о необходимости вести классовую борьбу едиными, сплоченными рядами как в национальном, так и в международном масштабе.

Для Маркса и Энгельса борьба за объединение пролетариата была в первую очередь борьбой за образование его революционной партии, практическая деятельность которой определяется принципами научного коммунизма.

Первой такой партией явился созданный накануне революции 1848—1849 гг. Союз коммунистов, программным документом которого был знаменитый «Манифест Коммунистической партии». Создание этой партии и ее программы заложило краеугольный камень всей дальнейшей истории революционного рабочего движения, послужило началом победного шествия коммунистического движения по всему земному шару. Члены Союза коммунистов содействовали организации пролетариата в отдельных странах, они были самыми активными борцами за единство рабочего класса в Международном Товариществе Рабочих.

Благодаря деятельности Первого Интернационала борьба за революционное единство рабочих вступила в новую стадию. Способствуя распространению важнейших принципов научного коммунизма, Интернационал создал основу, на которой в течение 70-х — 90-х гг. XIX века в большинстве европейских стран образовались революционные

массовые партии пролетариата. Именно в эти годы марксизм одержал идейную победу. Это было время, о котором В. И. Ленин сказал: «Медленно, но неуклонно идет вперед процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам» [1].

Борьба за собирание и сплочение сил пролетариата требовала не только систематического завоевания на свою сторону ранее неорганизованных масс рабочих, но и вовлечения в совместные действия немарксистских течений и направлений в рабочем движении. Как доказала деятельность I Интернационала, это был единственно возможный путь распространения принципов научного коммунизма, опираясь на собственный опыт рабочего движения и на практику революционной борьбы. В процессе образования пролетарских партий борьба за революционное единство рабочих приобрела решающее значение.

Значительный вклад в дело борьбы за революционное единство рабочих внесла Социал-демократическая рабочая партия Германии (СДРП), возникшая в 1869 г.; она была первой революционной рабочей партией, созданной под влиянием Интернационала. Но поскольку к этому времени в Германии существовал созданный еще в 1863 г. Лассалем Всеобщий германский рабочий союз (ВГРС), перед молодой партией впервые в истории международного рабочего движения встала задача преодоления раскола рабочего класса в рамках одной страны.

Программа партии, хотя и не свободная от влияния лассальянства и взглядов мелкобуржуазных демократов, в основных своих требованиях стояла на почве научного коммунизма. Устав, принявший демократический централизм в качестве принципа организационного построения партии, также отвечал требованиям пролетарской классовой борьбы. Тем самым Социал-демократическая рабочая партия заложила краеугольный камень единства рабочего класса. В обращении Эйзенахского съезда говорилось: «Наступает новое время. Повелительной рукой указывает оно нам на необходимость объединить всех социал-демократических рабочих Германии в одну партию и повести ее по единственно правильному, ведущему к победе пути великого рабочего движения на интернациональных основах» [2].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 3.

[2] Цит. по: *А. Бебель.* Из моей жизни. М., 1963, с. 295—296.

Социал-демократическая рабочая партия вышла на историческую арену, имея перед собой эту задачу. Благодаря своей последовательной борьбе за революционное единство рабочих она выполнила ее в течение немногих лет. Целеустремленная борьба партии за единство пролетариата способствовала тому, что среди членов ВГРС из года в год крепло сознание необходимости единства и сплоченности рабочего класса. Усилия тех лассальянских лидеров, которые пытались снова и снова разжигать распри между членами обеих рабочих партий, не могли иметь прочного успеха. Понадобилось всего шесть лет, чтобы у организованных рабочих Германии созрело понимание того, что объединение рабочего класса сделает его непобедимым.

Этот этап деятельности Эйзенахской партии, основным содержанием которого была борьба за единство рабочего класса, завершился объединительным съездом, состоявшимся в Готе в мае 1875 года. Но путь, проделанный партией от Эйзенаха до Готы, не был легким. Напротив, это было время ожесточеннейших классовых боев, неустанной борьбы за укрепление рабочего движения и единство его рядов. В этой борьбе эйзенахцы достигли немалых успехов, но терпели и неудачи. В поисках правильного пути к установлению единства рабочего класса совершались и ошибки; стремление к скорейшему решению этой задачи порождало готовность к компромиссам. Путь от Эйзенаха до Готы наглядно демонстрирует, насколько трудно такой молодой партии, какой была тогда партия эйзенахцев, выработать правильную позицию в сложных условиях классовой борьбы.

Исходя из того факта, что объединение произошло на основе компромиссной программы, буржуазные и правосоциалистические историки искажают характер Социал-демократической рабочей партии как революционной классовой организации, пытаются затушевать принципиальное различие между партией эйзенахцев и лассальянским Рабочим союзом, отрицать влияние Маркса и Энгельса на немецкое рабочее движение. Так, Ганс-Йозеф Штейнберг утверждает, что Эйзенахскую партию нельзя назвать марксистской, так как характерной ее чертой якобы были «неуверенность и путаница в области теории» [1]. Перекликаясь с ним, Хельга Гребинг утверждает, что

[1] *Hans-Josef Steinberg.* Sozialismus und deutsche Sozialdemokratie. Bonn — Bad Godesberg, 1972, S. 13.

«состоявшееся в Готе в 1875 г. организационное объединение обеих групп — под давлением преследований и репрессий со стороны нового германского государства — произошло без существенного изменения общей ориентации» [1]. И с точки зрения Сюзанны Миллер, Готская программа «не являлась «компромиссом», поскольку она вполне соответствовала тем взглядам, которые господствовали как среди социал-демократов, так и среди лассальянцев, так что ни одной из сторон не пришлось поступиться чем-либо существенным» [2]. А Карл Андерс рассматривает объединительный съезд в Готе как доказательство своего тезиса о том, будто бы социал-демократия «в Германии возникла без активного участия Маркса и Энгельса». «Мертвый Лассаль,— утверждает он,— и позднее оказывал на нее бо́льшее влияние, нежели живой Маркс» [3].

Но попытки буржуазных и правосоциалистических историков представить деятельность Социал-демократической рабочей партии как подтверждение их оппортунистической концепции истории рабочего движения обречены на провал. Характерными чертами развития этой партии были отнюдь не «неуверенность и путаница в области теории», как утверждают те, которым никогда не было по душе соединение марксизма с рабочим движением. Партия развивалась вовсе не независимо от взглядов основоположников научного коммунизма, и тем более не в противоречии с ними, как утверждают те, которые охотно объявили бы Маркса и Энгельса лишенными влияния «теоретиками». Основоположники марксизма не были и противниками единства рабочего движения, как утверждают историки, пытающиеся опереться на Готскую компромиссную программу, чтобы извратить историю Эйзенахской партии и отрицать выдающуюся роль Маркса и Энгельса как передовых борцов за единство рабочего движения.

Анализ отдельных этапов борьбы за революционное единство рабочего класса необходим не только для борьбы

[1] *Helga Grebing*. Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Ein Überblick. München, 1966, S. 89/90.

[2] *Susanne Miller*. Das Problem der Freiheit im Sozialismus. Freiheit, Staat und Revolution in der Programmatik der Sozialdemokratie von Lassalle bis zum Revisionismus. Frankfurt-am-Main, 1964, S. 79.

[3] *Karl Anders*. Die ersten hundert Jahre. Zur Geschichte einer demokratischen Partei. Hannover, 1963, S. 34.

с фальсификацией деятельности Маркса и Энгельса: он позволяет также уточнить периодизацию истории Социал-демократической рабочей партии Германии. Опираясь на неизменную поддержку основоположников научного коммунизма, Эйзенахская партия вела борьбу в трех направлениях, взаимно дополнявших друг друга. Только рассматривая их в совокупности, можно в полном объеме определить историческую заслугу партии Бебеля и Либкнехта в установлении революционного пролетарского единства.

Во-первых, для развития Социал-демократической рабочей партии характерно ее стремление к укреплению своего идейно-политического единства на основе научного коммунизма. Марксистско-ленинская историография постоянно уделяет большое внимание вопросу об овладении партией Бебеля и Либкнехта марксистской теорией, тем более, что эта проблема имеет важное значение с точки зрения всей концепции истории немецкого рабочего движения в течение последних трех десятилетий XIX века. Авторы многочисленных исследований о влиянии отдельных произведений Маркса и Энгельса на теоретическое развитие Эйзенахской партии в целом и ее ведущих деятелей, овладевавших умением применять революционную теорию к конкретным условиям классовой борьбы, единодушно приходят к выводу, что в Эйзенахской партии происходил, правда, сложный, но неуклонный процесс овладения учением Маркса [1]. Определяющую роль при этом играли следующие факторы: принципиальная революционная линия партии; интерес ее членов к вопросам теории; критическое усвоение опыта международного

[1] Об истории Социал-демократической рабочей партии см.: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 1. Berlin, 1966, S. 258 ff.; Карл Маркс, Биография. М., 1970, стр. 506—510; Фридрих Энгельс. Биография. М., 1977, с. 265—271; *J. Barwenko.* Die Vereinigungsbestrebungen der deutschen Arbeiterklasse in den Jahren 1871 bis 1874. In: «Revolutionäres Parteiprogramm — Revolutionäre Arbeitereinheit». Berlin, 1975, S. 129—174; *Rolf Dlubek/Hannes Skambraks.* «Das Kapital» von Karl Marx in der deutschen Arbeiterbewegung (1867—1878). Abriß und Zeugnisse der Wirkungsgeschichte. Berlin, 1967; *Werner Ettelt/Hans-Dieter Krause.* Der Kampf um die Durchsetzung einer marxistischen Gewerkschaftspolitik in der deutschen Arbeiterbewegung (1868—1878). Berlin, 1975; *Erich Kundel.* Marx und Engels im Kampf um die revolutionäre Arbeitereinheit. Berlin, 1962; *его же:* Der Beitrag von Karl Marx und Friedrich Engels zur Entwicklung des Zentralorgans der Eisenacher Partei «Der Volksstaat». Einleitung zum fotomechanischen Nachdruck des «Volksstaats». Leipzig, 1971.

рабочего движения; инициатива руководителей партии в деле распространения произведений Маркса и Энгельса; а главное — постоянная поддержка со стороны основоположников научного коммунизма, их советы по всем принципиальным вопросам.

Во-вторых, историю Социал-демократической рабочей партии характеризует тесная связь ее развития с развитием международного рабочего движения. Все исследования марксистско-ленинских историков о роли Эйзенахской партии в международном рабочем движении подтверждают, что эта партия возникла под влиянием Интернационала, а его постановления и деятельность оказали решающее влияние на ее теоретическую ориентацию [1]. Вместе с политическим, идейным и организационным ростом партии росло и ее значение в международном рабочем движении, возрастал ее вклад в борьбу марксистских сил за идейное единство борющегося пролетариата.

Третьей характерной чертой развития Социал-демократической рабочей партии является ее выдающаяся роль в борьбе за единство рабочего класса в национальном масштабе. Это определялось ее бесспорным теоретическим превосходством над лидерами лассальянцев, а также ее способностью сделать революционную теорию основой своей политической и экономической борьбы. «Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения» [2],— констатировал Энгельс летом 1874 года.

1

Первый этап борьбы за революционное единство германского рабочего класса начался с учредительного съезда партии в Эйзенахе и завершился в период франко-прусской войны. За это время партия окрепла в идей-

---

[1] О влиянии I Интернационала на развитие Эйзенахской партии см.: Die I. Internationale in Deutschland (1864—1872). Berlin, 1964; Первый Интернационал. Часть II. 1870—1876. М., 1965; *Erich Kundel.* Die Stellung der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei in der I. Internationale. «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1964, Sonderheft, S. 63—76.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, с. 499.

но-политическом и организационном отношении. Особого внимания заслуживает тот факт, что ее успехи в борьбе за единство пролетариата с самого начала были непосредственно связаны с борьбой международного рабочего движения. Опыт, приобретенный Эйзенахской партией на этом этапе, убедительно доказывает, что она только потому стала централизующим фактором в рабочем движении Германии, что как составная часть Международного Товарищества Рабочих неуклонно стремилась овладеть опытом международного рабочего движения и применить его к конкретным условиям классовой борьбы.

То, что при этом между руководителями партии, с одной стороны, и Марксом и Энгельсом — с другой, случалось, возникали разногласия, не имело решающего значения. Гораздо более важен тот факт, что в ходе этих дискуссий партия, благодаря помощи Маркса и Энгельса, преодолевала имевшиеся недостатки; что это стимулировало ее политическое, идеологическое и организационное развитие. Тем самым увеличивалась ее притягательная сила в глазах рабочих, в особенности членов лассальянского Рабочего союза. Это убедительно демонстрируется разногласиями, возникшими в Эйзенахской партии в связи с решениями по вопросу о земле, принятыми Базельским конгрессом Интернационала.

В сентябре 1869 г. делегаты Базельского конгресса приняли решение о том, что в борьбе за социалистический строй земля должна быть передана в общественную собственность. Среди ведущих представителей Эйзенахской партии одно время существовали опасения, что официальное согласие с этим решением могло повлечь за собой откол от партии рабочих союзов, еще находившихся под влиянием южнонемецкой Народной партии. Однако эти колебания удалось быстро преодолеть благодаря непосредственному вмешательству Маркса и Энгельса. В ходе борьбы за признание решений Базельского конгресса Бебель написал известную серию статей, выпущенных отдельной брошюрой под названием «Наши цели» и оказавших заметное влияние на развитие социалистического сознания немецкого рабочего класса [1]. Энгельс оказал помощь идейно-политической работе партии, опубликовав

---

[1] О значении работы Бебеля «Наши цели» как глубокого исследования принципов и политики СДРП см.: *Rolf Dlubek/Ursula Herrmann.* Nachwort zur originalgetreuen Reproduktion der Schrift «Unsere Ziele» von August Bebel. Berlin, 1969.

в ее центральном органе «Der Volksstaat» свою давнюю работу «Крестьянская война в Германии». Это способствовало выяснению актуальных политических проблем, ибо в предисловии Энгельс развил важнейшие принципы, которых партия должна придерживаться в работе среди сельского населения: вовлечение сельскохозяйственных рабочих в социалистическое движение; завоевание трудящихся крестьян как союзников рабочего класса; последовательная борьба против реакционного юнкерства [1].

Борьба за признание решения Международного Товарищества Рабочих по вопросу о земле содействовала значительному идейно-политическому и организационному укреплению молодой Эйзенахской партии. Партия конкретизировала требование, уже сформулированное в общих чертах в ее программе, относительно обобществления средств производства. Она уточнила свою политику в деревне и, порвав еще сохранявшиеся организационные связи с южнонемецкой Народной партией, довела процесс размежевания с мелкобуржуазной демократией до завершения.

Это обстоятельство одновременно укрепило позиции Эйзенахской партии в ее борьбе за единство рабочего класса. Во время забастовки в Вальденбурге весной 1870 г. в практике классовой борьбы проявилось превосходство революционной политики Эйзенахской партии в вопросе о профсоюзах над сектантской позицией лассальянских лидеров. В это же время состоялись переговоры с Всеобщей германской социал-демократической рабочей партией, созданной группой оппозиционных членов ВГРС в Баварии в январе 1870 г. и стремившейся присоединиться к Эйзенахской партии. Слияние произошло на Штутгартском съезде СДРП в июне 1870 года. Делегаты съезда справедливо увидели в этом «доказательство пробуждения классового сознания среди рабочих и их возрастающего единения» [2].

Высшая точка борьбы за единство рабочего класса была достигнута во время франко-прусской войны. «Что бы

---

[1] Об историческом значении этой работы Энгельса см.: *Manfred Bensing.* Friedrich Engels' Schrift über den deutschen Bauernkrieg — ihre aktuelle Bedeutung 1850 und ihre Rolle bei der Herausbildung der marxistischen Geschichtswissenschaft. In: «Friedrich Engels' Kampf und Vermächtnis». Berlin, 1961, S. 158—208.

[2] Protokoll über den ersten Congreß der social-demokratischen Arbeiterpartei zu Stuttgart am 4., 5. und 6. Juni 1870. Leipzig, 1870. S. 5.

ни принесло нам будущее, под бряцание оружия, в разгар жгучих страстей, мы не хотим ни на минуту забывать о благородном девизе Международного Товарищества Рабочих *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»»* [1],— заявил после начала войны центральный орган партии. Решения I Интернационала и советы Маркса и Энгельса способствовали тому, что партия на всех этапах войны выступала как подлинная представительница всех миролюбивых и демократических сил. Маркс и Энгельс дали научный анализ отдельных этапов войны и сформулировали на этой основе задачи рабочего класса, главным образом в трех основополагающих документах.

Это было прежде всего «Первое воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне», написанное Марксом и одобренное Генеральным Советом в качестве руководства к действию на первом этапе войны [2]. В этом важном документе Маркс указывал, что действительные причины войны коренятся в корыстных интересах господствующих классов обоих воюющих государств; он подчеркнул необходимость совместной борьбы немецких и французских рабочих против захватнической политики этих классов. Маркс призвал немецких пролетариев внимательно следить за тем, чтобы война, подчеркнул он, которая была тогда с немецкой стороны войной оборонительной, не утратила своего оборонительного характера и не вылилась в завоевательную войну против французского народа. Основываясь на выступлениях немецких и французских рабочих против войны, Маркс сделал вывод о тесной связи между борьбой за социализм и борьбой за мир. «В противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием,— писал он,— нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир,* ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд!»* [3].

В конце августа 1870 г. Маркс и Энгельс написали новые *«директивы, намечающие линию поведения для немецких рабочих»* [4], в которых были сформулированы задачи немецкого рабочего класса в конце этапа национальной оборонительной войны и в начале уже вырисовывавшегося

[1] «Der Volksstaat», 20. Juli 1870.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, с. 1—6.
[3] Там же. с. 5.
[4] См. там же, т. 33, с. 36.

периода завоевательной войны. Выдержки из их письма были приведены в воззвании Брауншвейгского комитета Социал-демократической рабочей партии от 5 сентября 1870 г., которое было отпечатано в виде листовки в количестве 100 000 экземпляров и распространено по всей Германии. Опираясь на указания основоположников научного коммунизма, партия призвала к борьбе против продолжения франко-прусской войны, которая после битвы при Седане приняла характер завоевательной войны. Из страха перед выступлениями рабочего класса прусские военные власти арестовали членов Брауншвейгского комитета и под военным конвоем отправили в крепость.

Но и этим они не могли принудить партию к молчанию: 21 сентября «Volksstaat» опубликовала «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне» [1]. В этом документе, написанном Марксом, Генеральный Совет I Интернационала призвал к усилению борьбы против продолжения завоевательной войны. Маркс разоблачил сущность аргументов в пользу аннексии Эльзас-Лотарингии и пророчески предсказал, что эта аннексия станет зародышем будущей мировой войны. Выдвинутые Эйзенахской партией лозунги «Справедливый мир с Французской республикой!», «Никаких аннексий!», «Наказание Бонапарта и других виновников войны!» повлекли за собой множество демонстраций протеста рабочего класса против продолжения войны; их венцом явилось голосование Бебеля и Либкнехта против военных кредитов в северогерманском рейхстаге. Арест обоих вождей Социал-демократической рабочей партии представлял собой, как говорил Энгельс, «прусский реванш за моральное поражение, нанесенное Либкнехтом и Бебелем прусской империи еще до появления ее на свет...» [2].

Своими принципиальными указаниями Маркс и Энгельс помогли Социал-демократической рабочей партии в борьбе против реакционных и шовинистических устремлений господствующих классов выработать и упрочить позицию, в которой пролетарский интернационализм органично сочетался с национальной ответственностью [3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, с. 274—282.

[2] Там же, т. 33, с. 141.

[3] О помощи Маркса и Энгельса рабочему класссу Германии и о позиции эйзенахцев и лассальянцев во время франко-прусской войны см.: *Heinz Beike*. Die deutsche Arbeiterbewegung und der

Этим они создали основу для выработки новых форм борьбы за революционное единство рабочих, ибо во время франко-прусской войны впервые была установлена общая позиция и осуществлены совместные действия эйзенахцев и лассальянцев в борьбе против завоевательной политики прусских милитаристов и алчной буржуазии. Под давлением рядовых членов союза депутаты рейхстага от ВГРС были вынуждены в ноябре 1870 г. выступить против военных кредитов, за которые они голосовали еще несколькими месяцами ранее. Решительные действия Эйзенахской партии помогли членам лассальянского союза мало-помалу избавиться от иллюзий относительно характера бисмарковской империи и занять по отношению к только что образованному прусско-германскому милитаристскому государству позицию, отвечавшую классовым интересам пролетариата.

2

Второй этап борьбы за революционное единство германского пролетариата продолжался от провозглашения Парижской коммуны до Гаагского конгресса I Интернационала в сентябре 1872 года. Эйзенахская партия приветствовала восстание парижских рабочих и организовала выступления всех имевшихся в ее распоряжении сил в защиту Парижской коммуны.

Но из Парижа поступали скудные сведения, зачастую противоречивые, а буржуазная печать своими клеветническими сообщениями стремилась затушевать всемирно-историческое значение событий в Париже. «Напиши мне подробно о твоем мнении относительно парижских событий» [1],— писал в Лондон В. Либкнехт, который, как и Бебель, тем временем был освобожден из-под ареста. Для развития совместной борьбы эйзенахцев и лассальянцев был особенно важен обмен мнениями с Марксом и Энгельсом, которые в Генеральном Совете Интернационала

Krieg von 1870/71. Berlin, 1957; *Е. Г. Светланова.* Германская социал-демократия в период франко-прусской войны. В кн.: «Германское рабочее движение в новое время». М., 1962. О значении создания Германской империи для рабочего движения см. также: *Gustav Seeber/Heinz Wolter.* 1870/71. Die Gründung des Deutschen Reiches und die Arbeiterbewegung. «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1971, № 1.

[1] Die I. Internationale in Deutschland (1864—1872). Berlin, 1964, S. 565.

неустанно разъясняли рабочим «истинный характер... парижской революции» [1], возглавляли охватившее весь мир движение солидарности с коммунарами Парижа и уже во время героической борьбы парижского пролетариата изучали вопрос о сущности Коммуны и ее историческом значении для международного рабочего движения.

За короткий период с начала апреля до мая 1871 г. Маркс и Энгельс написали Либкнехту девять писем, в которых анализировали отдельные меры Коммуны и давали советы относительно поддержки коммунаров [2]. Эти указания помогли центральному органу партии разъяснить немецким рабочим историческое значение Парижской коммуны. В каждом выпуске газеты на первой странице сообщалось о мерах коммунаров; она публиковала их декреты и уже в апреле 1871 г. охарактеризовала Коммуну как «*рабочее правительство* в полном смысле слова» [3]. «Volksstaat» с самого начала резко полемизировала с буржуазной прессой, клеветавшей на Коммуну, и развернула активную деятельность, организуя митинги и выступления солидарности с коммунарами. Эти действия достигли кульминации в решительном выступлении Августа Бебеля в рейхстаге. В своей знаменитой речи от 25 мая он поддержал цели коммунаров и охарактеризовал их борьбу как авангардный бой международного пролетариата, борющегося за свое освобождение от эксплуатации и угнетения [4].

Благодаря выступлениям в защиту первой в истории человечества пролетарской революции борьба за единство рабочего класса приобрела новое качество. Митинги солидарности проводились в невиданных ранее масштабах, и можно сказать с полным основанием, что совместные действия эйзенахцев и лассальянцев в защиту парижских коммунаров стали школой борьбы за единство рабочего класса. Во многих городах,— в частности в Берлине, Гамбурге, Бремене, Ганновере, Эссене, Кёльне, Майнце, Дрездене, Лейпциге, Хемнице,— состоялись массовые собра-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, с. 182.

[2] См. там же, т. 33, с. 168, 168—170, 171, 173—174, 178—180, 184—185, 186. Представление о многогранной практической политической деятельности Маркса и Энгельса в период Парижской коммуны дает документальный сборник: *K. Marx/F. Engels*. Tagebuch der Pariser kommune. Berlin, 1971.

[3] «Volksstaat», 15.IV 1871.

[4] Die I. Internationale in Deutschland (1864—1872). Berlin, 1964, S. 586.

ния и митинги в поддержку Парижской коммуны, в которых приняли участие не только эйзенахцы, но и лассальянцы. «Французские рабочие, вам как авангарду борьбы за освобождение народов снова выпала доля идти впереди. К вам в этот момент обращены взгляды всего пролетариата. Его сочувствие на вашей стороне, он рассчитывает на вас!» [1],— заявили 3000 участников собрания, созванного членами лассальянского Рабочего союза в Ганновере 2 апреля 1871 года.

Такая позиция многих членов ВГРС говорила о растущем влиянии Социал-демократической рабочей партии на политические взгляды рабочих-лассальянцев. Она была зримым отражением все яснее вырисовывавшегося перехода значительного числа членов Союза на революционные позиции классовой борьбы. По мере того как внутри ВГРС усиливалось отрицательное отношение к прусско-германскому милитаристскому государству, исчезали и возможности использования Союза в качестве орудия бонапартистской политики. Лассальянский оппортунизм, правда, еще не был преодолен, но на практике возникли важные условия для совместных действий эйзенахцев и лассальянцев. Влияние СДРП на позиции членов ВГРС было так велико, что председателю Союза Швейцеру пришлось подать в отставку. Но его преемники не воспользовались благоприятными условиями для сотрудничества обеих рабочих партий. Напротив, новые руководители Союза приложили все усилия, чтобы любыми способами помешать наметившемуся сближению членов обеих организаций [2].

Хотя эйзенахцы защищали от всех нападок установленную Парижской коммуной диктатуру пролетариата, это еще не означало, что они полностью понимали все вытекавшие отсюда теоретические выводы, сделанные Марксом в его работе «Гражданская война во Франции». Как и прежде, вульгарно-демократические взгляды, нашедшие свое выражение в требовании «народного государства», служили серьезным препятствием для борьбы за осознание того, что диктатура пролетариата является необходимой предпосылкой построения социалистического

---

[1] Die I. Internationale in Deutschland (1864—1872). Berlin, 1964, S. 566.

[2] См. *Eberhard Hackethal*. Der Allgemeine Deutsche Arbeiterverein unter dem Einfluß der Pariser Kommune. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1968, H. 4, С. 443—461.

общества. Но если эйзенахцы и не были в состоянии воспринять весь опыт Парижской коммуны, то все же они благодаря постоянной помощи и поддержке со стороны Маркса и Энгельса добились значительных успехов в разработке научно обоснованной стратегии и тактики. Несмотря на преследования, судебные процессы по обвинению в государственной измене и осуждение руководителей Эйзенахской партии к тюремному заключению, ей удавалось все теснее сплачивать рабочий класс и всех трудящихся в борьбе против прусско-германского милитаристского государства [1].

Благодаря своему принципиальному поведению Социал-демократическая рабочая партия снискала признание не только рабочего класса Германии, но и международного пролетариата. «Немецкие рабочие проявили во время этой войны такую проницательность и энергию, которые сразу ставят их во главе европейского рабочего движения...» [2] — писал Энгельс. Тем самым он подчеркнул международную ответственность Эйзенахской партии в борьбе с раскольнической деятельностью бакунистов, борьбе, ставшей жизненно важным вопросом для дальнейшего развития рабочего движения.

Эйзенахцы с самого начала защищали возглавлявшийся Марксом и Энгельсом Генеральный Совет от нападок анархистов. Уже на Базельском конгрессе в 1869 г. между Либкнехтом и Бакуниным возникла ожесточенная полемика. На Штутгартском съезде Эйзенахской партии в июне 1870 г. Либкнехт в докладе о политических позициях партии снова выступил против псевдореволюционной фразеологии бакунистов. Когда после Лондонской конференции в сентябре 1871 г. Бакунин и его сторонники выступили со своим требованием сплочения всех антимарк-

---

[1] См. Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. М., 1941; Первый Интернационал и Парижская Коммуна. М., 1971, с. 239—286; *Eberhard Hackethal.* Der historische Platz der Pariser Kommune im praktischen Wirken und theoretischen Denken der zeitgenössischen Arbeiterbewegung (1871—1878). In: «Jahrbuch für Geschichte». Berlin, 1967, S. 75—122; *Werner Loch.* Die Pariser Kommune und ihre Bedeutung für die Entwicklung der Arbeiterbewegung. «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1971, № 3, S. 355—372; *Б. Г. Тартаковский.* Развитие Марксом и Энгельсом учения о пролетарской партии на основе опыта Парижской Коммуны. В кн.: «Парижская Коммуна и марксизм». М., 1973, с. 79—115.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, с. 142.

систских сил с целью расколоть Интернационал, эйзенахцы стали серьезной опорой Маркса и Энгельса в борьбе за единство международного рабочего движения. «Volksstaat» публиковала решения Генерального Совета, направленные против происков бакунистов, поддерживала тесный контакт с рабочими газетами других стран и развернула активную деятельность по подготовке к Гаагскому конгрессу, который состоялся в сентябре 1872 года [1]. В свою очередь Маркс и Энгельс и на этом этапе, имевшем решающее значение для борьбы за единство рабочего класса, способствовали идейно-политическому развитию Эйзенахской партии. За несколько недель до Гаагского конгресса Энгельс начал публиковать в «Volksstaat» серию статей «К жилищному вопросу». В Лейпциге появилось новое издание «Манифеста Коммунистической партии», а в Гамбурге вышло из печати второе издание первого тома «Капитала» [2].

Делегаты от Эйзенахской партии внесли важнейший вклад в победу над бакунистами, одержанную марксистскими силами на Гаагском конгрессе. Этим они обеспечили сплоченность международного рабочего движения в соответствии с принципами Интернационала, выработанными Марксом и Энгельсом. В последующие годы и десятилетия на основе этих принципов во всех странах развернулась борьба за образование революционных массовых партий. Борьба СДРП против путчизма и левого авантюризма бакунистов принадлежит к лучшим традициям немецкого рабочего класса. С честью выйдя из испытания,

---

[1] См. *В. Э. Кунина.* Из истории деятельности Маркса и Энгельса в Генеральном Совете I Интернационала (октябрь 1871 — август 1872). В кн.: «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1963; Гаагский Конгресс Первого Интернационала. 2—7 сентября 1872 г. Протоколы и документы. М., 1970. О роли Эйзенахской партии в борьбе марксистских сил против бакунистов в I Интернационале см.: *Erich Kundel.* Aus dem Kampf von Marx und Engels gegen den Bakunismus. Unveröffentlichte Briefe über den Einfluß von Marx' «Konfidentieller Mitteilung» auf die Haltung des «Volksstaats» im Frühjahr 1870. «Beiträge...», 1970, № 5, S. 799—818; *его же.* Der Kampf der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei gegen den Bakunismus von der Londoner Konferenz 1871 bis zum Haager Kongreß 1872. «Beiträge zur Geschichte...», 1964, № 2, S. 111—141.

[2] О тесном сотрудничестве Маркса и Энгельса с редакцией «Volksstaat» в ходе подготовки Гаагского конгресса см.: *Erich Kundel.* Die «Volksstaat»-Redaktion in den Wochen vor dem Haager Kongreß. «Beiträge...», 1973, № 2, S. 283—299.

каким явились для нее франко-прусская война и Парижская коммуна, партия снова доказала свою верность пролетарскому интернационализму и единству международного рабочего движения на основе научного коммунизма.

В то же время лассальянские лидеры в период подготовки Гаагского конгресса вступили в союз с анархистами, смертельными врагами I Интернационала. Эйзенахцы решительно выступали против клеветнической кампании лассальянских лидеров, пытавшихся использовать раскольническую деятельность бакунистов в международном рабочем движении, чтобы сохранить раскол в рабочем движении в Германии. Поэтому преодоление лассальянства было не только национальной задачей эйзенахцев в борьбе за установление единства германского пролетариата, но и неотъемлемой составной частью борьбы за единство международного рабочего движения.

3

Следующий этап борьбы за революционное пролетарское единство продолжался с осени 1872 до лета 1873 г. Это был один из самых сложных периодов в истории Эйзенахской партии. Бебель и Либкнехт отбывали тюремное заключение, в партии проявились колебания в принципиальных вопросах, а лассальянские лидеры усилили раскольническую деятельность. После Гаагского конгресса они открыто выступили как противники марксистских сил в международном рабочем движении, клеветали на Эйзенахскую партию и ее вождей. Распри и враждебность, зачастую провокации и даже прямые нападения — таков был результат этих действий, разжигавших братоубийственную борьбу между эйзенахцами и лассальянцами. На генеральном собрании ВГРС в мае 1873 г. политика лассальянских лидеров, направленная против единства рабочего класса, получила официальное одобрение. Несмотря на многочисленные предложения, исходившие от рядовых членов Союза, под давлением его руководства вопрос об объединении был представлен как совершенно не подлежавший обсуждению. В своем сектантском ослеплении лидеры лассальянского Союза великодушно предоставили членам Социал-демократической рабочей партии право «в соответствии с уставом вступить во Всеобщий германский рабочий союз, который благодаря сильной организации и значительно

большему числу членов является наилучшей основой для единения рабочего класса»[1].

В противоположность судорожным попыткам лассальянских лидеров углубить раскол немецкого рабочего движения СДРП и на этом этапе своей борьбы за единство руководствовалась требованиями пролетарской классовой борьбы. На ее Майнцском съезде, состоявшемся после Гаагского конгресса, в сентябре 1872 г., эйзенахцы даже усилили свои стремления покончить с расколом. Однако в вопросе о тактике по отношению к лассальянскому Рабочему союзу обнаружились принципиальные разногласия, которые в значительной мере сказались на развитии этого этапа борьбы за революционное пролетарское единство. Одни, прежде всего представители Комитета, понимали установление единства в первую очередь как слияние обеих партийных организаций. Поэтому они требовали отказа от всякой полемики с лассальянскими лидерами и их центральным органом «Neuer Social-Demokrat». Против этого, оппортунистического по существу, понимания объединительной политики выступали все теоретически наиболее подготовленные силы партии, ибо для них решающим условием создания единой партии на основе революционной теории были идейная борьба с лассальянством и его преодоление.

Внутрипартийная полемика между марксистскими силами и представителями оппортунистического практицизма была самым непосредственным образом связана с конкретными вопросами борьбы за единство рабочего класса. По словам Либкнехта, одно время даже существовала опасность раскола партии. Маркс и Энгельс неуклонно поддерживали своих соратников на этом сложном и трудном этапе борьбы за единство партии как решающую предпосылку установления единства рабочего движения. Они решительно выступили против сползания центрального органа в фарватер лассальянства. Своим активным сотрудничеством в газете они, вопреки стараниям некоторых представителей в Гамбургском комитете, способствовали обсуждению в партии и после Майнцского съезда основных проблем теории и практики революционной классовой борьбы. Энгельс, который после Гаагского конгресса взял на себя основную часть публицистической деятель-

---

[1] Protokoll der Generalversammlung des Allgemeinen Deutschen Arbeitervereins in Frankfurt-am-Main vom 18. bis 24. Mai 1873. Berlin, 1873, S. 57.

ности, чтобы разгрузить Маркса, особенно много сделал для укрепления идейно-политического единства партии и развития ее способности вести идеологическую полемику.

Большой отклик нашли в партии дальнейшие статьи из серии «К жилищному вопросу». Энгельс не только вооружил партию аргументами против представителя катедер-социализма д-ра Закса, не только опроверг прудонистские взгляды некого д-ра Мюльбергера, но и помог членам партии перейти к наступательной полемике с лассальянством. Так, дав классовую характеристику бисмарковскому бонапартизму и разоблачив тем самым тезис о том, что прусское государство якобы представляет собой «независимую, парящую над обществом силу» [1], Энгельс оказал непосредственную помощь в полемике против лассальянской теории государства. Энгельс решительно отстаивал классовый характер Эйзенахской партии. В одной из своих статей он указывал: «Немецкая Социал-демократическая рабочая партия именно *потому,* что она *рабочая партия,* необходимым образом ведет «классовую политику», политику рабочего класса. Так как всякая политическая партия стремится достичь господства в государстве, то и немецкая Социал-демократическая рабочая партия неизбежно добивается *своего* господства, господства рабочего класса, то есть «классового господства»» [2]. Эти высказывания также служили поддержкой в борьбе против лассальянских лидеров, которые, клевеща на эйзенахцев, пытались выдать себя за подлинных выразителей интересов рабочих. Энгельс разоблачил их отношение к Международному Товариществу Рабочих в двух опубликованных в «Volksstaat» в мае 1873 г. статьях, где он заклеймил ложь, которую распространял «Neuer Social-Demokrat» [3].

Постоянно подчеркивая принципиальное различие между Всеобщим германским рабочим союзом и Социал-демократической рабочей партией, Энгельс ориентировал партию на полемику с лассальянством, видя в этом предпосылку установления единства рабочего класса на основе научного коммунизма. Этим, с одной стороны, ослаблялось влияние фанатичных сторонников единства любой ценой, а с другой — поощрялась полемика передовых сил против лассальянских теорий. В ходе подготовки к оче-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, с. 254.
[2] Там же, с. 263.
[3] См. там же, с. 315—321.

редному съезду партии, состоявшемуся в Эйзенахе в августе 1873 г., Вильгельм Бракке написал выдающуюся работу «Предложение Лассаля», в которой, опираясь на произведения Маркса и Энгельса, полемизировал с требованием создания производственных товариществ, этим пережитком лассальянства, нашедшим отражение в программе партии [1].

Работы Маркса и Энгельса способствовали идейно-политическому укреплению Эйзенахской партии. В. Либкнехт с признательностью писал Энгельсу: «Каждый разумный член партии, а таких большинство, несомненно, очень благодарен тебе за неутомимое сотрудничество в «Volksstaat». Твои статьи существенно помогли нам преодолеть кризис и внести ясность в умы» [2]. Благодаря непосредственному вмешательству Бебеля и Либкнехта и поддержке со стороны Маркса и Энгельса удалось ослабить влияние фанатичных сторонников объединения любой ценой.

4

Начавшийся с Эйзенахского съезда следующий этап борьбы за революционное единство пролетариата завершился в октябре 1874 г. полной победой политики единения, проводившейся эйзенахцами, над раскольнической политикой лассальянских лидеров. В этот период возникли объективные предпосылки для установления единства рабочего класса. Ранее лассальянским лидерам удалось на сравнительно короткий срок затормозить процесс сближения обеих рабочих партий, и после Парижской коммуны движение за объединение в известной мере переживало спад. Но объективные закономерности капиталистического развития, практический опыт приводили рабочих к пониманию общности их классовых интересов.

В борьбе против прусско-германского милитаристского государства росла тяга к совместным действиям. Разразившийся в 1873 г. экономический кризис резко ухудшил положение трудящихся. Это, а также начавшиеся тогда же

---

[1] *Wilhelm Bracke.* Der Lassalle'sche Vorschlag. Ein Wort an den 4. Congreß der social-demokratischen Arbeiterpartei. Braunschweig, 1873. Об истории создания и теоретическом значении этой работы см.: *Jutta Seidel.* Wilhelm Bracke. Vom Lassalleaner zum Marxisten. Berlin, 1966.

[2] В. Либкнехт — Ф. Энгельсу, 25 мая 1873 г. ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 5, д. 3476.

преследования рабочего движения в так называемую «эру Тессендорфа», направленные в равной мере и против эйзенахцев, и против членов лассальянского Союза, усилили стремления к совместным выступлениям. Во время выборов в рейхстаг в январе 1874 г. лассальянские лидеры уже не смогли помешать тому, что между членами обеих партий теперь не происходило почти никаких столкновений, а в ходе второго тура выборов обе фракции даже поддерживали друг друга. Правда, три депутата рейхстага от ВГРС отклонили предложение об образовании единой фракции совместно с шестью депутатами Социал-демократической рабочей партии, но то была уже бесполезная демонстрация перед лицом растущего давления со стороны членов ВГРС, стремившихся к быстрому преодолению раскола рабочего движения.

В этой ситуации ответ на вопрос о конкретных мерах по установлению единства приобрел на партийных съездах эйзенахцев и лассальянцев первоочередное значение для дальнейшего развития рабочего движения в Германии. В мае 1874 г. в Ганновере состоялось генеральное собрание ВГРС. Трезвый анализ его хода и результатов показывает, что за год до объединительного съезда лидеры лассальянского Союза были не в состоянии внести конструктивный вклад в преодоление раскола рабочего движения. О чем бы ни шла речь, они оставались на позициях лассальянского догматизма и вопреки новым тенденциям всеми способами пытались сохранить его в неприкосновенности. В соответствии с этой основной линией они продолжали и свою сектантскую политику по отношению к Социал-демократической рабочей партии, невзирая на предложения о единстве действий со стороны многих делегатов и даже целых организаций Союза. Лассальянские лидеры добились подтверждения решения предыдущего генерального собрания, направленного против единства. Они снова искали прибежища в сектантстве, уже развенчанном на практике совместными выступлениями эйзенахцев и лассальянцев в ходе выборов в рейхстаг, в профсоюзах и в ряде других случаев. В итоге лидеры ВГРС оказывались во все большей изоляции от членов своей организации. Правда, на генеральном собрании им еще удалось, не считаясь с предложениями членов Союза и игнорируя аргументы оппозиции, не допустить принятия резолюции о единстве. Но остановить процесс сближения членов обеих рабочих партий они были не в силах.

В то же время делегаты Эйзенахской партии, собравшиеся на свой съезд в Кобурге в июле 1874 г., разработали научно обоснованную тактику, которая, если бы она была последовательно проведена в жизнь, могла бы послужить образцом борьбы за революционное пролетарское единство. Вопрос о целесообразности объединения с лассальянцами в Кобурге вообще не вставал. В центре внимания находились вопросы о том, когда, каким путем и на каких условиях должно быть осуществлено единство. Все участники прений рассматривали ВГРС и его членов как товарищей по борьбе, с которыми необходимо объединиться на основе общности классовых интересов.

Однако Либкнехт и другие вожди Социал-демократической рабочей партии разошлись во мнениях с теми делегатами, которые настаивали на немедленных переговорах с лассальянским Союзом, добиваясь объединения любой ценой и при первой же возможности. Указав на принципиальное различие между марксизмом и лассальянством, Либкнехт заявил, что это обстоятельство не позволяет партии непосредственно приступить к объединению с лассальянским Союзом. В первую очередь надо стремиться к единению обеих партий путем взаимной поддержки в классовой борьбе. Кульминационным пунктом речи Либкнехта о тактике по отношению к ВГРС явилось программное требование: «Вначале лозунг «единение, но не объединение», и пока не созданы условия для полного слияния, можно с полным правом говорить об «объединительной горячке»» [1].

Лозунг «единение, но не объединение» вытекал из опыта I Интернационала. В борьбе за революционное пролетарское единство Маркс и Энгельс придавали большое значение не только пропагандистской работе по распространению научного коммунизма; наряду с этим они подчеркивали важность совместных действий рабочих различных стран во имя общих целей. История Интернационала показала, что в практике совместной борьбы рабочие освобождаются от иллюзий, осознают свои действительные интересы и обращаются к научному коммунизму. Этот опыт и лег в основу требования подготовки объединения путем единения. Хотя Либкнехт не уточнил, в каких именно вопросах и в какой области следует прежде всего развернуть

---

[1] Protokoll über den sechsten Congreß der Sozial-demokratischen Arbeiterpartei abgehalten zu Coburg, am 18., 19., 20. und 21. Jüli 1874. Leipzig, 1874, S. 92.

борьбу за общие интересы, однако уже имевшие место совместные действия, например, обоюдная поддержка на выборах в рейхстаг, договоренность между профсоюзами и борьба против политических преследований рабочего класса, служили достаточной исходной позицией для разработки соответствующей программы. Лозунг Либкнехта «единение, но не объединение», таким образом, содержал уже существенный элемент положения, сформулированного Марксом год спустя при оценке Готской программы, о роли единства действий в борьбе за единство рабочего класса.

Лозунг «единение, но не объединение» соответствовал конкретному уровню развития отношений между двумя рабочими партиями. Его выдвижение было непосредственно связано с дискуссией по программным вопросам, развернувшейся на Кобургском съезде и имевшей целью дальнейшую разработку Эйзенахской программы. Помимо уже выдвинутого на предшествующем съезде требования вычеркнуть из программы пункт о создании производственных товариществ были внесены и другие предложения, имевшие важнейшее значение для устранения из программы ошибочных положений лассальянского и вульгарно-демократического характера. Решение продолжить дискуссию по программным вопросам и обсудить все предложения на следующем съезде придало одобренному делегатами лозунгу «единение, но не объединение» новый аспект. Этот лозунг теперь должен был также способствовать более глубокому, чем в Эйзенахской программе, усвоению принципов научного коммунизма будущей объединенной рабочей партией.

Маркс и Энгельс полностью одобрили эту ориентацию. Именно в этот период они больше, чем когда-либо, оказывали партии поддержку своей публицистической деятельностью. Сразу же после съезда вышло третье издание «Крестьянской войны в Германии» с новым предисловием, в котором Энгельс настойчиво указывал деятелям Эйзенахской партии на значение теоретической работы на этом решающем этапе борьбы за единство рабочего класса. «В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, то есть чтобы его изучали. Приобретенное, таким образом,

все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов» [1].

В своих статьях для «Volksstaat» Энгельс уделил особое внимание двум группам проблем. С одной стороны, проблемам международного рабочего движения, с опытом которого он регулярно знакомил читателей газеты. С другой — Энгельс подробно разбирал вопрос о милитаризме в Германии, поддерживая тем самым борьбу партии против прусско-германского милитаристского государства. Обе группы проблем были одинаково важны для борьбы Эйзенахской партии за революционное пролетарское единство. Во-первых, следовало сделать правильные выводы из развития рабочего движения в других странах и, исходя из этого, обосновать в полемике с лассальянством необходимость революционной рабочей партии, способной на основе научного коммунизма определить цель и придать нужное направление борьбе рабочего класса. Анализ же политики милитаризации Германии, проводившейся господствующими классами, преследовал цель вовлечь рабочих, которые еще находились под влиянием лассальянства, в совместную борьбу против прусско-германского милитаристского государства, помочь им преодолеть оппортунистические взгляды Лассаля на государство, на проблему союзников рабочего класса и по другим вопросам стратегии и тактики [2].

Большое значение имела перепечатка в «Volksstaat» старой работы Маркса «Разоблачения о Кёльнском процессе коммунистов». Она была помещена в газете в виде серии статей, а в начале 1875 г. вышла отдельной книгой, снабженной новым предисловием. Эта работа об истории Союза коммунистов, в то время практически не известная в Германии, способствовала укреплению рабочего движения в борьбе против бисмарковского режима и одновременно опровергла постоянно распространявшееся лассальянскими лидерами утверждение, будто начало рабочему движению было положено деятельностью Лассаля.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, с. 499.

[2] См. *Horst Bartel/Erich Kundel*. Die Bedeutung der Aufsätze von Friedrich Engels im «Volksstaat» für den Kampf der deutschen Arbeiterklasse gegen den preußisch-deutschen Militarismus in den Jahren 1874/75. «Beiträge zur Geschichte...», 1962, Sonderheft, S. 219—241.

Вожди Эйзенахской партии получили прямую поддержку со стороны Маркса, который в конце сентября 1874 г. беседовал с Либкнехтом в Лейпциге, а также с Гейбом и другими членами Гамбургского партийного комитета по вопросу о развитии отношений между эйзенахцами и лассальянцами.

Таким образом, осенью 1874 г. Социал-демократическая рабочая партия в полном соответствии с объективными возможностями стояла на верном пути к преодолению раскола. Принятие тактического лозунга «единение, но не объединение», с одной стороны, предохраняло партию от компромисса с лассальянством, а с другой — облегчало распространение научного коммунизма среди всех участников рабочего движения и тем самым открывало возможность выработки общих программных основ, на которых могло затем осуществиться слияние обеих рабочих партий.

5

Итак, всего за одно пятилетие созрели объективные условия и субъективные предпосылки для заключительного этапа борьбы за революционное единство рабочих. Процесс объединения Социал-демократической рабочей партии Германии и Всеобщего германского рабочего союза начался 10 октября 1874 г., когда лассальянские лидеры выступили с предложением о переговорах. Можно выделить три стадии этого процесса, который и завершился объединением обеих партий в Социалистическую рабочую партию Германии. Первая стадия закончилась официальным опубликованием в центральных органах обеих партий 11 декабря 1874 г. проекта объединения, вторая — опубликованием 7 марта 1875 г. проекта программы и устава, а третья — объединительным съездом, проходившим в Готе с 22 по 27 мая 1875 г. [1]

Этот последний этап борьбы за преодоление раскола рабочего движения характеризуется тем, что представители эйзенахцев, несмотря на выгодные исходные позиции при переговорах с лассальянскими лидерами, шли на все новые уступки и шаг за шагом отказывались от собственных

---

[1] Подробнее о стадиях процесса объединения см.: *Erich Kundel.* Der Vereinigungsprozeß der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei und des Allgemeinen Deutschen Arbeitervereins. In: «Revolutionäres Parteiprogramm — Revolutionäre Arbeitereinheit». Berlin, 1975, S. 175—237.

принципов. И если объединение обеих партий в конечном счете произошло на основе компромиссной программы, то все же это отнюдь не подтверждает утверждений буржуазных идеологов, которые из этого факта делают вывод, будто марксизм не оказывал ни малейшего влияния на рабочее движение в Германии, а развитие германского рабочего движения шло не революционным, а оппортунистическим путем, намеченным Лассалем. Анализ трех стадий процесса объединения недвусмысленно подтверждает, что причины готского компромисса следует искать, с одной стороны, в тенденции к недооценке революционной теории, а с другой — в связанной с этим неправильной тактике руководителей эйзенахцев.

Начало переговоров между эйзенахцами и лассальянцами ознаменовало успех всех стремившихся к соглашению сил обеих партий. Этот успех был достигнут в борьбе с выдвигавшимися до последнего момента притязаниями руководства ВГРС на право Союза единолично представлять рабочее движение. Внутрипартийные разногласия по этому вопросу привели лассальянский Союз на грань раскола. Вспоминая много лет спустя о событиях осени 1874 г., Энгельс писал, что «лассальянцы пришли к нам, потому что были *вынуждены* к этому, потому, что вся их партия распалась, потому, что их лидеры были прохвостами или ослами, за которыми массы не хотели больше следовать...» [1].

В то время как лассальянские лидеры вопреки принятому на Ганноверском генеральном собрании решению были вынуждены пойти на переговоры с СДРП, хотя им лично это грозило катастрофой, у эйзенахцев не было никакой необходимости отказываться от выработанной на Кобургском съезде тактики борьбы за единство рабочего класса. Правда, сначала представители эйзенахцев занимали сдержанную позицию, но уже на первом официальном совещании, состоявшемся в Берлине 2 ноября 1874 г., была достигнута договоренность, которая явно шла вразрез с решениями Кобургского съезда. Вопреки констатации, что по принципиальным соображениям объединение двух рабочих партий должно было быть подготовлено единением, переговоры завершились решением о необходимости сразу же приступить к слиянию их в объединенную рабочую партию. Тем самым такие ответственные деятели Социал-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, с. 75.

демократической рабочей партии, как Вильгельм Либкнехт и Август Гейб, вопреки своим собственным заявлениям на Кобургском съезде, вступили на путь немедленного объединения с лассальянским Рабочим союзом. Август Бебель, еще находившийся в тюрьме, а также Вильгельм Бракке не принимали участия в переговорах.

На новую ориентировку в немалой степени повлияло поведение лассальянских лидеров до и во время переговоров. Кризис, охвативший Союз, поставил его представителей в крайне трудное положение, и они были готовы к далеко идущим уступкам. Действительно, в ходе совещания лассальянцы отнюдь не ограничились лишь формальным отречением от лассальянства, но дали понять, что в вопросах программы и устава объединенной рабочей партии встанут на точку зрения эйзенахцев. Поэтому на совещании не было сказано ни слова о включении в программу лассальянских положений; скорее, речь шла о том, что основой программы должен стать Устав Международного Товарищества Рабочих. Еще меньше говорилось о лассальянских организационных принципах, ибо в результате совещаний уже было выработано довольно детальное представление об уставе, в котором полностью учитывался осуществленный в Эйзенахской партии принцип демократического централизма.

Под впечатлением этих заявлений представители эйзенахцев уже не считали необходимым разрабатывать вместе с лассальянскими лидерами программу совместных действий, чтобы затем вынести ее на одобрение членов партии. Стремясь как можно скорее преодолеть раскол рабочего движения, они поверили заверениям лассальянцев и пришли к выводу, что в новых условиях, созревших осенью 1874 г. в ВГРС, можно отказаться от постепенной подготовки организационного объединения.

Первая стадия процесса объединения завершилась успехом лассальянских лидеров. Их цель — консолидировать положение в ВГРС, внеся предложение об объединении, была достигнута. Эйзенахцы же, поступившись лозунгом «единение, но не объединение» в пользу немедленного слияния обеих партий, не только заменили один тактический вариант другим. Согласившись с тем, чтобы вопрос об организационном объединении рассматривался отдельно от вопроса о его программной основе, они тем самым уже пренебрегли принципом, согласно которому революционное единство рабочих может быть осуществлено лишь на

основе революционной теории. Этому первому шагу на пути к объединению на базе компромиссной программы, возможно, способствовала тактика лассальянских лидеров в ходе переговоров. Но более глубокие причины, несомненно, были связаны с позицией самих представителей эйзенахцев. В их действиях, направленных на быстрейшую ликвидацию раскола рабочего движения, также проявились тенденция к недооценке теории и беспечность в идеологических вопросах. В то же время с мыслью о предстоящем объединении у эйзенахцев связывалась надежда, что в ходе последующих переговоров дискуссия о программе партии развернется в их духе.

Если на первой стадии были намечены вехи последующих переговоров об объединении, то на второй были приняты решения. Официальное сообщение об объединительных переговорах от 11 декабря 1874 г. было воспринято членами обеих партий с огромным воодушевлением. Многочисленные заявления и резолюции, принятые организациями ВГРС, доказывали, что среди членов лассальянского Союза уже прочно укоренилось сознание необходимости совместной борьбы за классовые интересы пролетариата. Но стихийная поддержка объединения членами ВГРС свидетельствовала и о том, что многие лассальянские лидеры старались как можно дольше препятствовать единению рабочих. Лишь почувствовав опасность потерять своих людей, эти лидеры поспешили, как метко заметил Энгельс, встать во главе объединительного движения. Положительное отношение лассальянских рабочих к объединению было в значительной степени плодом многолетних усилий Эйзенахской партии в борьбе за единство рабочего класса. Руководители эйзенахцев могли теперь так же, как и рядовые члены партии, считать, что их политика, направленная на преодоление раскола рабочего движения, находила растущее понимание у товарищей по классу в лассальянском Союзе.

Эйзенахцы умело и усердно использовали новые возможности более тесного сотрудничества с товарищами по классу. Развернувшаяся в результате деятельность на местах ширилась с каждой неделей и в январе — феврале 1875 г. достигла кульминационного пункта. Ее характерной чертой было то, что члены обеих партий в отдельных городах и общинах, вступая в непосредственный контакт, смогли лучше узнавать друг друга, уладить разногласия и уничтожить предубеждения. Взаимные связи принимали

все более конкретные формы, ибо за первыми стихийными действиями очень быстро последовало систематическое сознательное сотрудничество между эйзенахцами и лассальянцами.

Многие высказывания членов ВГРС показывали, в какой большой мере последние руководствовались в практике борьбы теми же соображениями, что и их братья по классу из Эйзенахской партии. Члены ВГРС приближались к позиции, занятой эйзенахцами, и даже зачастую полностью соглашались с ними. Для большинства из них стремление к объединению было неразрывно связано с потребностями революционной классовой борьбы. Но если тем самым на практике разрыв с лассальянским оппортунизмом уже в значительной степени произошел или по меньшей мере были сделаны значительные шаги в этом направлении, то, естественно, лассальянские взгляды в сознании членов ВГРС еще далеко не были преодолены; для этого требовался более длительный период совместной борьбы, а также полемики по вопросу о теоретических основах революционного рабочего движения.

Однако после обращения председателей обеих партий вряд ли можно было ожидать дискуссий по теоретическим проблемам между членами ВГРС и СДРП. Вначале члены обеих организаций должны были высказаться лишь о том, следовало ли стремиться к объединению. В соответствии с этим на первый план повсюду выдвигались вопросы совместной политической и экономической борьбы. В ходе второй стадии процесса объединения члены обеих партий добились выдающихся успехов в осуществлении пролетарского единства на практике; в то же время руководители партий вели переговоры относительно проектов программы и устава объединенной рабочей партии. Членов партии не привлекали ни к выработке этих основополагающих документов, ни к обсуждению теоретических проблем, а лишь обнадеживали результатами переговоров.

Такого рода разделение труда между руководителями партий и рядовыми членами противоречило идее, что борьба за революционное единство и распространение революционной теории в рабочем движении неотделимы друг от друга. Рядовые члены обеих партий фактически были отстранены от разработки проектов программы и устава. Тем самым руководители Эйзенахской партии сами способствовали значительному ухудшению своей позиции на переговорах с лассальянскими лидерами; они постепенно ока-

зались в положении, когда им приходилось выбирать между объединением на основе компромиссной программы и провалом переговоров.

Решение было принято на предварительной конференции в Готе, где 14 и 15 февраля 1875 г. обсуждались основные документы объединенной партии. Лассальянские лидеры, правда, согласились на устав, в основе которого лежал принцип демократического централизма, но выдвинули ультимативные требования в вопросе о программе. Либкнехт сообщал впоследствии в письме Энгельсу, что «непосредственно перед этим состоялось заседание правления лассальянцев», и они явились «с императивным мандатом в отношении некоторых особенно деликатных пунктов. Во всяком случае вопрос стоял так: *либо эта программа, либо никакого единения»* [1].

В этой решающей ситуации представители Эйзенахской партии поставили факт объединения выше требования закрепления научных принципов в проекте программы. Они уступили диктату лассальянских лидеров и согласились на компромиссную программу, которая по своему теоретическому содержанию была значительно ниже уже достигнутого в Эйзенахской программе уровня понимания марксизма. Проект программы, таким образом, совершенно не учитывал уже имевшихся к моменту объединения успехов в усвоении революционной теории. Маркс и Энгельс, которые, как известно, сразу после опубликования проекта программы тщательно проанализировали его содержание, охарактеризовали его как смесь лассальянских догм, вульгарно-демократических требований и совершенно искаженных коммунистических положений. По мнению Маркса, результатом переговоров на предварительной конференции в Готе была программа, которая «решительно никуда не годится и деморализует партию» [2]. «С принятием *всех* основных лассалевских экономических фраз и требований,— писал впоследствии Энгельс Бебелю,— эйзенахцы *фактически стали лассальянцами,* по крайней мере по своей программе. Лассальянцы не пожертвовали ничем, решительно ничем...» [3].

С опубликованием проектов программы и устава в «Volksstaat» и «Neuer Social-Demokrat» началась третья

---

[1] В. Либкнехт — Ф. Энгельсу, 21 апреля 1875 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 3504.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 11.

[3] Там же, т. 38, с. 76.

стадия процесса объединения. Период подготовки к съезду был ознаменован новыми фактами совместных действий рядовых членов обеих рабочих партий на местах и усилением процесса слияния партийных и профсоюзных организаций. Но одновременно происходили и дискуссии о проекте компромиссной программы. Маркс и Энгельс написали свои знаменитые критические замечания, среди рядовых членов обсуждались отдельные положения проекта, а между партийными руководителями возникли ожесточенные споры по этому вопросу. Однако, не считая некоторых, хотя частично и немаловажных поправок, все эти обсуждения и споры не привели к существенным результатам. Объединительный съезд в мае 1875 г. в общем утвердил опубликованный 7 марта проект программы, выработанный в итоге переговоров на Готской предварительной конференции.

Буржуазные и право-социал-демократические историки усматривают в этом решающий довод в поддержку своей реформистской концепции истории немецкого рабочего движения. Однако компромиссная программа не может служить решающим критерием того, насколько восприняли революционную теорию передовые силы рабочего движения; она не является и мерилом для оценки практической деятельности членов обеих рабочих партий. Скорее, эта программа представляла собой результат противоречивого развития, в итоге которого на третьей стадии оставался выбор лишь между объединением на основе компромиссной программы и провалом переговоров. «Мы вполне разделяем Ваше мнение, что Либкнехт своим страстным желанием добиться объединения, заплатить за него *любой* ценой, испортил все дело. Можно было считать это необходимым, но не следовало говорить об этом или показывать это противной стороне. В таких случаях одну ошибку всегда приходится потом оправдывать другой. Раз уж созвали — на гнилой основе — объединительный съезд и раструбили о нем, то провала его ни за что не хотели допустить...» [1],— писал Энгельс Вильгельму Бракке в октябре 1875 г.

Ход и результаты третьей стадии объединительного процесса показали на деле, в какое ложное положение попали представители Эйзенахской партии, дав официальное согласие на проект компромиссной программы. После того

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, с. 124.

как они опубликовали в собственном центральном органе лассальянские требования в качестве проекта программы объединенной рабочей партии, они вряд ли могли публично выступать против него. Напротив, им пришлось даже, вопреки собственным убеждениям, выступать против всех попыток вести принципиальную полемику с проектом программы, ибо его признание на съезде было ценой, уплаченной за объединение.

Несмотря на это, борьба против проекта компромиссной программы началась сразу же после его опубликования. Бебель и Бракке приступили к разработке контрпроекта и обратились за поддержкой к своим друзьям в Лондон. В письме к Бебелю от 18—28 марта Энгельс сосредоточил огонь своей критики на таких лассальянских фразах, которые эйзенахцы, а частично даже члены Всеобщего германского рабочего союза давно переросли. Это относилось, например, к утверждению, будто по отношению к пролетариату все прочие классы составляют «одну реакционную массу», к отрицанию принципа интернациональности рабочего движения, к лассальянскому тезису о «железном законе заработной платы», к игнорированию профсоюзного движения или же к требованию создания с помощью государства производственных товариществ. Одновременно Энгельс критиковал вульгарно-демократические воззрения, не преодоленные еще самими эйзенахцами и находившие свое выражение прежде всего во взглядах на вопрос о государстве; в этой связи Энгельс указал на значение Парижской коммуны [1].

Несколько недель спустя Маркс в своих «Замечаниях к программе германской рабочей партии» углубил энгельсовскую критику проекта программы. Маркс выдвинул так много новых теоретических положений, что его критика приобрела характер программы, имевшей принципиальное значение. Он затронул все основные вопросы классовой борьбы пролетариата, применив опыт Парижской коммуны к новым условиям классовой борьбы, сложившимся после 1871 года. Его определение диктатуры пролетариата как государства — орудия в борьбе за создание общества, свободного от эксплуатации и угнетения, его высказывания относительно различий и общих черт обеих фаз коммунистического общества, а также глубокая характеристика прусско-германского милитаристского государства и выте-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, с. 99—106.

кавшие отсюда выводы для борьбы рабочего класса за демократию и социализм — все это настолько обогатило научный коммунизм, что критику Готской программы следует отнести к самым выдающимся произведениям марксизма [1].

Усилия Либкнехта непосредственно перед объединительным съездом и на самом съезде изменить, насколько возможно, проект программы в соответствии с указаниями Маркса и Энгельса служат документальным доказательством того, что вопреки утверждениям буржуазной и правосоциал-демократической истории, Либкнехт и другие руководители Эйзенахской партии не игнорировали критику программы основоположниками марксизма. И если попытки добиться пересмотра проекта программы не увенчались успехом почти ни в одном крупном вопросе, кроме вопроса о пролетарском интернационализме, то причина этого заключалась не в отсутствии у них доброй воли, а скорее в том объективном факте, что тактические ошибки, допущенные на первой и второй стадиях переговоров с лассальянскими лидерами, нельзя было просто игнорировать на третьей стадии. Когда же план объединения на основе компромиссной программы стал достоянием гласности, существенное исправление проекта сделалось невозможным. По этой причине Бебель и Бракке отказались открыто противопоставить свой собственный проект программы компромиссному проекту. Маркс и Энгельс, которые настолько критически отнеслись к компромиссному проекту, что оставили за собой право выступить против него и в печати, прекрасно сознавали, что их критические замечания уже не смогут быть приняты на объединительном съезде. «Мы знали не хуже вас, — писал Энгельс Бебелю в 1891 г., — и не хуже, например, «Frankfurter Zeitung» от 9 марта 1875 г., которую я нашел, что с принятием проекта вашими уполномоченными *вопрос был решен*. Поэтому Маркс и написал эту критику только для очистки совести, без малейшей надежды на успех, как показывает заключительная строка: dixi et salvavi animam meam» [2].

---

[1] О теоретическом значении «Критики Готской программы» см., в частности: *Rolf Dlubek/Erich Kundel*. Die Kritik des Gothaer Programms — ein grundlegendes Dokument des wissenschaftlichen Kommunismus. In: «Revolutionäres Parteiprogramm — Revolutionäre Arbeitereinheit». Berlin, 1975, S. 238—301, а также статьи *А. Г. Егорова* и *А. И. Малыша* в настоящем сборнике.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, с. 72—73.

После официального сообщения о созыве совместного съезда в конце мая 1875 г. объединение стало решенным делом и для рядовых членов обеих партий. Это дало дальнейший стимул стремлениям к объединению. Если на второй стадии процесса объединения еще исходили из необходимости добиваться сближения ВГРС и СДРП путем совместных действий и мероприятий, чтобы подготовить создание единой партии, то непосредственно перед объединительным съездом единство действий эйзенахцев и лассальянцев стало принимать все более постоянный характер. Уверенность в том, что раскол рабочего движения вскоре будет преодолен, способствовала усилению сплоченных выступлений и совместных действий обеих партий как на местах, так и в общенациональном масштабе. За несколько недель до объединения уже намечавшийся процесс слияния охватил все области политической и экономической борьбы. В результате те сомнения в отношении проекта программы, которые то здесь, то там возникали среди членов Эйзенахской партии, отошли на задний план.

Эти противоречивые тенденции процесса объединения, открыто проявившиеся на третьей стадии и нередко приводившие к ошибочному толкованию компромиссной программы рядовыми членами обеих партий, оказали решающее влияние на ход и результаты объединительного съезда, который проходил в Готе с 22-го по 27 мая 1875 г. Его решения свидетельствовали, с одной стороны, о высокой политической зрелости рабочего движения, в котором за короткий срок укрепилось понимание того, что единство рабочего класса является необходимым условием успеха классовой борьбы. С другой стороны, однако, ход дискуссии и результаты голосования показали, что тактика борьбы за единство, основанная на недооценке революционной теории, привела к принятию оппортунистической программы.

* * *

Объединение Социал-демократической рабочей партии Германии с Всеобщим германским рабочим союзом явилось важным событием в истории рабочего движения, ибо тем самым впервые был преодолен раскол рабочего класса в рамках одной страны и достигнут решающий успех в становлении революционной массовой партии пролетариата, которая приобрела теперь общенациональный характер.

Это способствовало значительному усилению борьбы пролетариата против юнкерски-буржуазного государства и прусско-германского милитаризма. Как писал в 1892 г. Энгельс, ретроспективно оценивая значение объединительного съезда, слияние эйзенахцев и лассальянцев в одну партию привело к тому, что «партия таким образом не только чрезвычайно численно выросла, но, что еще важнее, получила также возможность направить все свои силы против общего врага. Социалистическая партия в Германии быстро становилась силой. Но для того, чтобы сделать ее силой, прежде всего необходимо было не подвергать опасности только что завоеванное единство» [1]. Принятие компромиссной программы затруднило всестороннее развитие объединенной рабочей партии. Хотя в ходе совместной борьбы эйзенахцы и лассальянцы очень быстро сплотились в единую партию, а рабочие и после объединительного съезда, как выразился Энгельс, видели в программе то, «что в ней должно было быть, но чего в ней нет» [2], тем не менее наличие ошибочной программы в немалой степени мешало усвоению научного коммунизма революционной германской социал-демократией. С одной стороны, распространение научного мировоззрения происходило вопреки официальной программе, с другой — содержавшиеся в ней оппортунистические требования способствовали распространению ненаучных взглядов. Маркс и Энгельс энергично поддерживали стремления революционной германской социал-демократии овладеть научным коммунизмом. Тем самым они не допустили, чтобы отрицательное воздействие компромиссной программы оказалось решающим для дальнейшего развития партии. На Эрфуртском съезде партии в 1891 г. была принята программа, в которой недостатки Готской программы были полностью преодолены.

Маркс и Энгельс вскрыли причины, которые привели к объединению на основе компромиссной программы. Проанализировав успехи и недостатки процесса объединения эйзенахцев и лассальянцев, они сделали важные выводы для разработки научно обоснованной тактики борьбы за революционное пролетарское единство. Еще до объединительного съезда Маркс и Энгельс откровенно высказали свое мнение руководителям Эйзенахской партии. Уже в

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, с. 294.
[2] Там же, т. 34, с. 125.

марте 1875 г. Энгельс писал Бебелю: «Проект программы доказывает, что наши люди, будучи в теоретическом отношении во сто раз выше лассальянских лидеров, оказались во столько же раз ниже их в смысле политической ловкости; «честных» и на этот раз жестоко околпачили нечестные» [1]. А Маркс, посылая Вильгельму Бракке свои знаменитые критические замечания, писал: «Вожди лассальянцев пришли к нам потому, что их вынудили к этому обстоятельства. Если бы им заявили с самого начала, что ни на какое торгашество принципами не пойдут, то они *должны* были бы удовлетвориться программой действия или организационным планом в целях совместного действия. Вместо этого им разрешают являться во всеоружии мандатов и, со своей стороны, признают эти мандаты обязательными, то есть сдаются на милость или немилость тех, кто сам нуждается в помощи... Известно, что рабочих удовлетворяет самый факт объединения; но ошибаются те, кто думает, что этот минутный успех куплен не слишком дорогой ценой» [2].

Спустя многие годы в письме Бебелю Энгельс отметил принципиальное значение этого высказывания Маркса, ибо «в нем излагается единственно правильная политика. Совместные действия [Parallele Action] в течение определенного испытательного срока — это единственное, что могло спасти вас от торгашества принципами» [3]. Маркс и Энгельс видели в осуществлении совместных действий решающее средство преодоления раскола рабочего движения. В совместной борьбе рабочие лучше всего осознают общность их классовых интересов, наиболее последовательно освобождаются на собственном опыте от ошибочных теоретических воззрений и быстрее приходят к пониманию того, что основа их борьбы — это научный коммунизм. В разработанных Марксом и Энгельсом положениях о единстве действий нашла полное отражение неразрывная связь между борьбой рабочего класса за единство своих рядов и за утверждение научного коммунизма, дан ответ на вопрос о том, какую тактику должна проводить революционная рабочая партия в борьбе за единство рабочего класса.

Уроки, которые Маркс и Энгельс извлекли из опыта готского объединения, получили особенно важное практи-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, с. 100.
[2] Там же, с. 112.
[3] Там же, т. 38, с. 75.

ческое и политическое значение в период империализма. Распространение ревизионизма и реформизма вновь внесло раскол в ряды борющегося за свое освобождение пролетариата, разрушило единство рабочего движения на основе научного коммунизма, достигнутое ценой больших жертв в XIX веке пролетариями передовых стран при поддержке Маркса и Энгельса. Первым марксистом во II Интернационале, вскрывшим причины этого раскола, был Ленин. Оппортунизм, указывал Ленин, является носителем буржуазного влияния в рабочем движении. Он вел к подчинению части рабочего класса буржуазной идеологии и политике и тем самым к его расколу, который лишь прикрывался организационным единством. В противоположность партиям II Интернационала, в которых после смерти Фридриха Энгельса возобладала идея единства любой ценой, даже ценой отказа от единых теоретических принципов, для Ленина, как и для Маркса и Энгельса, единство партии было мыслимо лишь как объединение революционных марксистских сил. Это единство требовало разрыва с оппортунистами. В борьбе за партию нового типа Ленин заявил: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться» [1].

Выявив связь между империализмом и оппортунизмом, Ленин создал теоретическую основу для дальнейшего развития в новых исторических условиях разработанного Марксом и Энгельсом учения о единстве действий. Важнейшей предпосылкой установления единства рабочего класса стало создание партии нового типа. Только такая партия могла возглавить борьбу рабочего класса за осуществление его всемирно-исторической миссии. Поэтому сплочение рабочего класса России под руководством партии большевиков стало поворотным пунктом в истории международного рабочего движения. Партия Ленина служила образцом для всех революционных сил, усилия которых были направлены на образование революционных марксистских партий, способных сплотить и объединить рабочий класс и всех трудящихся в борьбе за их классовые интересы.

Росту сознательности международного рабочего движения в огромной степени способствовала победа Великой Октябрьской социалистической революции. Благодаря ей

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 358.

борьба за единство пролетариата поднялась на новую качественную ступень. Это привело к образованию коммунистических партий в ряде стран и к основанию Коммунистического Интернационала. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, в огне Ноябрьской революции возникла и Коммунистическая партия Германии, образование которой стало важнейшей вехой в истории немецкого рабочего движения. КПГ заложила краеугольный камень единства рабочего класса на основе марксизма-ленинизма.

За полстолетия до этого Социал-демократическая рабочая партия на своем учредительном съезде в Эйзенахе создала фундамент для установления единства рабочего класса на основе учения Маркса и Энгельса. Как и революционная немецкая социал-демократия, КПГ была вынуждена в новых исторических условиях вести трудную и сложную борьбу за единство рабочего класса. В борьбе за единство действий с социал-демократическими и беспартийными рабочими Компартия Германии опиралась на уроки, которые Маркс и Энгельс извлекли из объединения обеих рабочих партий в Готе в 1875 г. В то время как правые социал-демократические лидеры всячески старались предать забвению «Замечания к программе германской рабочей партии», партийное издательство КПГ четырежды выпускало отдельным изданием «Критику Готской программы». Тот факт, что этот важный программный документ нелегально распространялся в Германии и во времена господства фашизма, служит доказательством, что в борьбе за установление единства действий и создание широкого фронта борьбы всех противников гитлеровской диктатуры КПГ сумела также использовать богатый опыт рабочего движения XIX века.

Последующие издания «Критики Готской программы» вышли уже после освобождения немецкого народа от фашизма Советским Союзом; они послужили делу непосредственной подготовки к объединению коммунистов и социал-демократов в единую революционную рабочую партию. Опыт, накопленный членами обеих партий в борьбе против империализма и милитаризма, подтверждает правильность политики КПГ, которая со дня основания партии была направлена на установление единства рабочего движения. В то время как в западных зонах правым социал-демократическим лидерам при поддержке со стороны германского монополистического капитала и империалистических окку-

пационных держав удалось подавить стремления к объединению, в апреле 1946 г. на земле теперешней ГДР произошло слияние КПГ и СПГ в Социалистическую единую партию Германии.

Образование СЕПГ положило конец расколу рабочего движения, оно явилось, таким образом, величайшим завоеванием германского рабочего класса со времени создания Марксом и Энгельсом теории научного коммунизма, возникновения в Германии революционного рабочего движения и создания КПГ. СЕПГ олицетворяет исторический опыт в борьбе за революционное единство рабочих, завоеванное германским рабочим движением за всю его историю. На объединительном съезде в 1946 г. Вильгельм Пик отметил значение готского объединения для борьбы германской революционной социал-демократии против исключительного закона о социалистах. Одновременно он призвал сделать необходимые выводы из этого объединения, осуществленного на основе компромиссной программы. Поэтому «Критика Готской программы», написанная Марксом в 1875 г., наряду с «Манифестом Коммунистической партии» и Эйзенахской программой, принадлежит к числу программных документов, указавших путь к объединению двух рабочих партий.

Б. Г. ТАРТАКОВСКИЙ

Идеи «Критики Готской программы» К. Маркса в европейском рабочем движении (1875—1890)

Характеризуя развитие международного рабочего движения в последней четверти XIX века, В. И. Ленин неоднократно отмечал, что важнейшей чертой этого периода является идейная победа марксизма над основными течениями мелкобуржуазного, утопического в своем существе социализма. «К 90-м годам прошлого века,— писал он в 1908 г., — эта победа была в основных своих чертах завершена» [1]. А несколько лет спустя он повторил эту мысль следующими словами: «Учение Маркса одерживает полную победу и — *идет вширь*» [2]. Свидетельством этого была, в частности, широкая, возрастающая с каждым годом популярность произведений Маркса и Энгельса, работ их учеников и последователей, пропагандировавших идеи научного социализма. Эти идеи находили все более широкое отражение на страницах социалистической печати. Решения съездов и другие документы образовавшихся в эти годы социалистических партий, которые становились важнейшей основной формой организации передовых сил борющегося пролетариата, исходили, как правило, из основных положений научного социализма. Подавляющее большинство деятелей социалистического рабочего движения открыто декларировали свою приверженность к марксизму. Резолюции первых конгрессов образовавшегося в 1889 г. нового международного пролетарского объединения — II Интернационала — были пронизаны марксистскими идеями. Наконец, одним из важнейших факторов идейной победы учения Маркса было то, что программные документы образовавшихся на протяжении 70-х — первой половины 90-х гг. социалистических партий, как правило, исходили из признания важнейших принципиальных положений

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 18.
[2] Там же, т. 23, с. 3.

марксизма. Основные идейные противники научного социализма внутри социалистического рабочего движения — прудонизм в романских странах, лассальянство в Германии и некоторых других европейских странах, народничество в России, анархизм в его бакунистской форме и т. д. — были оттеснены на задний план, потеряли значение самостоятельных идейных направлений и, по существу, как *цельные* учения, противостоящие марксистскому мировоззрению, утратили сколько-нибудь серьезное влияние. Пролетарский социализм и марксизм стали идентичными понятиями как для участников рабочего движения, так и для его противников, хотя широкие слои рабочих, особенно в англо-саксонских странах, оставались еще под влиянием буржуазной тред-юнионистской идеологии.

Идейная победа марксизма была достигнута в результате длительного и сложного процесса, который протекал в каждой стране по-своему, в зависимости от особенностей экономического и политического развития, идейного уровня движения, степени и характера воздействия мелкобуржуазной идеологии. Отдельные положения, характерные для домарксовского, утопического в своей основе социализма, в более или менее модифицированном виде еще сохранялись в сознании даже некоторых передовых участников движения, искренне считавших себя последователями Маркса и Энгельса. Это находило известное отражение и в программных документах ряда социалистических партий. Но это ни в какой степени не могло умалить значения того факта, что марксизм стал господствующей идеологией социалистического рабочего движения в Европе.

Утверждение марксизма как идейной, теоретической основы освободительной борьбы пролетариата явилось закономерным результатом всего предшествующего развития международного рабочего движения. Важнейшую роль в духовном развитии активных участников его сыграло руководимое Марксом и Энгельсом Международное Товарищество Рабочих. Идейная борьба в Интернационале подготовила крах прудонизма и бакунизма; героическое восстание рабочих Парижа в 1871 г. и деятельность созданной ими Коммуны ускорили этот процесс и подготовили почву для широкого распространения научного социализма в последующие десятилетия. Марксистские идеи, нашедшие выражение в программных документах Товарищества, в решениях его конгрессов и других его материалах, стали достоянием передовых представителей движения различ-

ных стран Европы и за ее пределами. В то же время сама жизнь, опыт практической революционной борьбы за права и насущные нужды и интересы рабочего класса приводили лучших его представителей к пониманию несостоятельности и утопичности прудонизма, лассальянства и других течений мелкобуржуазного социализма. Это облегчало распространение Марксова учения и восприятие его участниками освободительного движения пролетариата. На решение этой задачи была направлена вся деятельность Маркса и Энгельса.

Важнейшая роль принадлежала здесь Германии, куда, как неоднократно отмечали основоположники марксизма, после франко-прусской войны и разгрома Парижской коммуны переместился из Франции центр тяжести международного рабочего движения. Это, подчеркивали Маркс и Энгельс, накладывало особую ответственность на немецких рабочих и в первую очередь на их передовой отряд — социал-демократию, которая в первой половине 70-х гг. была единственной рабочей партией, заявившей о своем признании принципов марксизма [1].

Тот факт, что германская социал-демократия оказалась «в авангарде европейского движения» [2], послужил одной из причин резкого характера критики, которой подвергли основоположники марксизма сначала проект, а потом и окончательный текст ее программы, принятой на объединительном съезде эйзенахцев и лассальянцев в Готе в мае 1875 года. Критикуя этот документ, Маркс и Энгельс исходили также из того, что в Германии к тому времени идеи научного социализма имели уже относительно широкое распространение, что рабочее движение этой страны, как еще ранее подчеркивал Энгельс, выросло «на плечах английского и французского движения» и имело возможность

---

[1] В 1874 г. на съезде в Нёйдорфле была создана Австрийская рабочая партия, которая провозгласила своей целью освобождение «трудящегося народа от наемного труда и классового господства путем отмены современного капиталистического производства» и выдвинула принцип права народов на самоопределение. В программе содержалось также лассальянское требование государственных кредитов «свободным рабочим и производственным товариществам при условии демократических гарантий» (см. *H. Steiner*. Die Arbeiterbewegung Österreichs. 1867—1889. Wien, 1964, S. 99—100). Однако эта партия просуществовала недолго, а в программе, принятой съездом в Винер-Нёйштадт два года спустя, имелись исключительно общедемократические требования, и она, по существу, не носила социалистического характера (ibid., S. 127).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 2.

«обратить себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать» [1]. Следовательно, принятие программы, содержавшей грубые ошибки и неточные, расплывчатые формулировки, означало фактически шаг назад по сравнению с уже достигнутым в Германии идейным уровнем рабочего движения и развития самой теории, недопустимые уступки мелкобуржуазным представлениям, к тому времени уже в значительной степени преодоленным передовыми рабочими. Именно в силу всех этих соображений основоположники марксизма столь решительно осудили программу, принятую Готским объединительным съездом.

Глубокий критический разбор новой программы германской социал-демократии и прежде всего замечания Маркса, составившие его знаменитую работу «Критика Готской программы», явились важным этапом в борьбе основоположников марксизма за идейную победу своего учения. И хотя это произведение увидело свет только спустя полтора десятка лет после того как было написано, через восемь лет после смерти его автора, оно оказало огромное воздействие на все идейное развитие европейского рабочего движения.

До сих пор советские и зарубежные марксистские авторы касались главным образом содержания этого труда Маркса, его значения в развитии марксистской теории. Вопрос же о том, какое непосредственное воздействие оказал он на рабочее движение того времени, по существу, почти не рассматривался. Влияние «Критики Готской программы» изучалось только в связи с историей разработки Эрфуртской программы, т. е. после публикации в 1891 г. этой работы Маркса. Между тем именно те 15 лет, которые протекли между написанием «Критики» и ее появлением в печати, были периодом интенсивной борьбы за идейную победу марксизма, именно в эти годы в большинстве капиталистических стран происходил процесс создания социалистических партий и, следовательно, выработки ими программных документов. А как раз отражение марксистских идей в этих документах и явилось одним из показателей идейной победы учения Маркса и преодоления мелкобуржуазных социалистических теорий, в частности, лассальянства, против которого и была в первую очередь направ-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, с. 499.

лена «Критика Готской программы». Надо также иметь в виду, что буржуазная и реформистская историография, стремясь умалить влияние Маркса и Энгельса на современное им рабочее движение, старается принизить теоретическое значение и степень практического воздействия этой работы [1].

В настоящей статье делается попытка показать, что многие мысли и идеи, заключенные в «Критике Готской программы», задолго до ее опубликования нашли отражение в ряде других работ основоположников марксизма, в их письмах деятелям рабочего движения, которые в свою очередь использовали их и при составлении программных документов социалистических партий, и в пропагандистских выступлениях, устных и печатных, и в теоретических работах.

Разумеется, речь может идти далеко не о всем богатстве мыслей и идей, содержащихся в «Критике Готской программы». В первую очередь и в большей степени воздействие оказала критическая часть этой работы, направленная против формулировок, носивших на себе печать мелкобуржуазных социалистических теорий, свидетельствовавших о непонимании важнейших положений учения Маркса. Это, кстати, относится и к восприятию «Критики Готской программы» и после ее публикации; такие теоретические проблемы, как, например, учение о двух фазах развития коммунистического общества, о значении и функциях диктатуры пролетариата, о переходном периоде, были даже тогда по-настоящему поняты лишь немногими социалистами. В. И. Ленин, в трудах которого теоретическое значение «Критики Готской программы» было впервые раскрыто во всем объеме, подчеркивал, что «полемическая часть этого замечательного произведения, состоящая в критике лассальянства, затенила, так сказать, его положительную часть, именно: анализ связи между развитием коммунизма и отмиранием государства» [2].

Идейное воздействие этого произведения, как и критических замечаний Энгельса на проект программы, высказанных им в письме А. Бебелю 18—28 марта 1875 г., проявилось в известной степени уже в том, что определенная, хотя в общем и незначительная, часть критических положений была учтена объединительным съездом при приня-

---

[1] Подробнее об этом см. в статье *Л. И. Гольмана* в настоящем сборнике.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 83.

тии окончательного текста программы. Некоторые изменения к проекту, явно вызванные критикой со стороны Маркса и Энгельса, были сформулированы уже в докладе о программе, с которым выступал на съезде В. Либкнехт; другие были внесены накануне съезда и обнародованы на его заседаниях. Сопоставление первоначального проекта и окончательного текста программы [1] не оставляет сомнений в том, что многие из этих изменений, при всей их недостаточности, явились прямым результатом Марксовой критики. Можно поэтому с полным основанием предположить, что эта критика, во всяком случае в основных своих чертах, была известна не только Либкнехту и Бракке, но и другим деятелям Эйзенахской партии [2]. Об этом, в частности, свидетельствуют предложения об изменении проекта программы, внесенные на съезде группой лейпцигских социал-демократов. Многие из этих предложений по существу, а иногда и буквально, совпадают с замечаниями Маркса. Некоторые из них, носившие принципиальный характер и направленные на устранение из проекта чисто лассальянских тезисов о противостоящей пролетариату «одной реакционной массе», о так называемом «железном законе заработной платы», указание на то, что средства производства являются монополией не только капиталистов, но и крупных земельных собственников и другие, не были приняты съездом.

Известное влияние критики Маркса ощущается уже в окончательных формулировках первого раздела программы, хотя в целом он остался неудовлетворительным и сохранил лассальянский характер. Как известно, Маркс особенно резко раскритиковал лассалевское требование «неурезанного трудового дохода», указывал на неправильность термина «возведение» средств труда в достояние всего общества. Эта критика, хотя и далеко не полностью, была учтена при принятии программы; положение «*доход от труда* принадлежит в *неурезанном виде* и на равных правах всем членам общества» было теперь заменено следующей фразой: «*весь продукт труда* принадлежит *обществу*, *то есть* всем его членам на равных правах, при *всеобщей*

---

[1] Такое сопоставление было, например, проведено Э. Кунделем в его работе «Marx und Engels im Kampf um die revolutionäre Arbeitereinheit». Berlin, 1962. Однако некоторые моменты были при этом оставлены без внимания.

[2] Подробнее об этом см. статью *А. К. Воробьевой* в настоящем сборнике.

обязанности трудиться, каждому в соответствии с его разумными потребностями»[1]. Вместо слова «возведение» прямо в соответствии с мнением Маркса было теперь сказано «превращение». Воздействие замечаний Маркса видно также на включении слов «общественно полезное применение» по отношению к трудовому доходу, хотя подлинный смысл Марксовой критики в этом вопросе составителями программы так и не был понят[2]. Подвергнутое Марксом особой критике требование «упразднения *системы заработной платы* вместе с ее железным законом» было заменено требованием «уничтожения железного закона заработной платы путем отмены *системы наемного труда*».

Под непосредственным воздействием критики Маркса туманная и неопределенная формулировка проекта о том, что «необходимым результатом его [рабочего класса] стремлений, которые общи рабочим всех культурных стран, будет международное братство народов», была заменена положением об интернациональном характере рабочего движения и о готовности партии «выполнять все обязанности, которые это накладывает на рабочих». Новая формулировка этого пункта целиком была взята из предложений лейпцигских социал-демократов. Маркс и Энгельс обратили особое внимание на отсутствие в проекте характеристики значения профессиональных союзов; хотя соответствующий пункт не был включен в программу, съезд принял специальную резолюцию, в которой подчеркивалась роль этих организаций в освободительной борьбе рабочего класса.

Влияние «Критики Готской программы» сказалось и на некоторых формулировках ближайших требований партии. Этот раздел был несколько изменен и значительно расширен по сравнению с первоначальным проектом. В соответствии с замечаниями Маркса из проекта было удалено требование «свободы науки», а тезис о «свободе совести» заменен положением «объявление религии частным делом». В духе замечаний Маркса были уточнены и некоторые другие моменты: к требованию ограничения женского труда добавлено «всякого, наносящего ущерб... здоровью

---

[1] Окончательный текст Готской программы см. в кн.: «Revolutionäre deutsche Parteiprogramme». Berlin, 1964, S. 47—49. Курсив здесь и ниже наш.

[2] Следует отметить, что все эти изменения были приняты в соответствии с предложениями группы лейпцигских социал-демократов.

и нравственности», включено требование «законов, охраняющих жизнь и здоровье рабочих» и «санитарного контроля над жилищами рабочих». Требование «государственного надзора за фабричной, ремесленной и домашней промышленностью» заменено требованием надзора, осуществляемого «чиновниками, избираемыми рабочими» и т. д.

Все эти изменения, внесенные в первоначальный текст проекта, касались лишь отдельных частных вопросов и некоторых формулировок, в целом же программа сохранила эклектический, путаный характер, в ней остались такие основные лассальянские положения, раскритикованные Марксом и Энгельсом, как «железный закон заработной платы», требование создания «производительных товариществ с государственной помощью», тезис о противостоящей пролетариату «одной реакционной массе» и др., и отрицательное отношение Маркса и Энгельса к ней не изменилось. Тем не менее в том факте, что некоторые замечания основоположников марксизма были учтены при составлении окончательного текста программы, уже проявилось реальное воздействие «Критики Готской программы». Это обстоятельство имело особое значение и потому, что оно позволило тем социалистическим партиям, которые при выработке своих программных документов опирались непосредственно на Готскую программу, избежать некоторых, правда второстепенных, ошибок первоначального проекта. Мало того, анализ этих документов показывает, что в большинство из них не были включены некоторые наиболее одиозные положения правоверного лассальянства, подвергнутые Марксом особенно суровой критике, но тем не менее сохранившиеся и в окончательном тексте программы. Можно с полным основанием усмотреть в этом косвенное воздействие критических замечаний Маркса. Во-первых, нельзя исключать того, что среди близких к Марксу и Энгельсу и часто встречавшихся с ними социалистических деятелей других стран могли быть люди, знакомые если не с полным текстом работы Маркса, то во всяком случае с ее содержанием [1]. Основоположники марксизма, хотя тогда по ряду причин не считали возможным публич-

[1] Такое предположение, в частности, давно уже делалось в отношении одного из основателей Всеобщей рабочей партии Венгрии Л. Франкеля (см. *M. Aranyossi.* Leo Frankel. Berlin, 1957, S. 178—179). О вероятном знакомстве некоторых деятелей русского революционного движения с замечаниями Маркса см. статью *А. К. Воробьевой* в настоящем сборнике.

но выступить с критикой программы, во всяком случае не делали секрета из своего отрицательного отношения к ее недостаткам. Во-вторых, социалисты и за пределами Германии, особенно там, где немецкий язык имел широкое распространение, вне всякого сомнения знакомились с материалами Готского съезда, публиковавшимися в печати, с ходом обсуждения проекта программы, и, в частности, с уже упоминавшимися предложениями группы лейпцигских социал-демократов, основанными, по-видимому, непосредственно на критических замечаниях Маркса.

Наконец, именно в конце 70 — начале 80-х гг., особенно с появлением «Анти-Дюринга» и «Развития социализма от утопии к науке», процесс усвоения и осмысления основных положений марксизма передовыми деятелями европейского рабочего движения принял значительно более широкие масштабы.

Именно в первую очередь воздействием критического отношения Маркса и Энгельса к Готской программе можно объяснить тот факт, что, хотя она оказала значительное влияние на содержание программных документов ряда социалистических партий, образовавшихся во второй половине 70 — начале 80-х гг., эти документы, как правило, отличались от нее в известном смысле большей зрелостью, меньшей зависимостью от лассальянских догм. Надо также иметь в виду, что в первую очередь воспринимались те положения программы, в которых — пусть в неуклюжих и часто не совсем точных формулировках — отражались принципы научного социализма. В широких кругах участников освободительной борьбы ее рассматривали главным образом с этой точки зрения. Для социалистов других стран германская социал-демократия служила в то время образцом революционной пролетарской партии, образцом для себя считали они и ее программу, недостатки которой в какой-то мере перекрывались в их глазах практическими успехами партии, хотя как раз эти успехи и доказывали на практике несостоятельность основных догм правоверного лассальянства. Видимо, именно поэтому Энгельс спустя полгода после Готского съезда писал: «...Программе повезло больше, чем она того заслуживает. Рабочие, буржуа и мелкие буржуа вычитали из нее то, что в ней должно было быть, но чего в ней нет... Это дало нам возможность промолчать об этой программе. К тому же фразы эти нельзя перевести ни на один иностранный язык, не оказавшись *вынужденным* либо писать явный вздор, либо вкладывать

в них коммунистический смысл, а это последнее и делают все, и друзья и враги»[1].

Нельзя также забывать, что эйзенахцы в течение уже ряда лет в своей печати, которая пользовалась довольно широким распространением и за пределами Германии, уделяли много внимания критике некоторых наиболее известных лассальянских положений. Достаточно указать, например, на вышедшую в 1873 г. и популярную в социалистических кругах брошюру В. Бракке «Предложение Лассаля», в которой убедительно и обоснованно доказывалась неприемлемость требования создания производственных товариществ с государственной помощью как основного средства решения социального вопроса[2]. Энгельс считал, что «Бракке очень хорошо вскрыл всю никчемность этого требования»[3].

Попытаемся проследить, в какой степени критические замечания Маркса отразились на содержании программ ряда европейских социалистических партий. В наибольшей степени к Готской программе были близки программы Социал-демократического союза Дании (1876 г.), Фламандской социалистической партии (1877 г.), Португальской социалистической партии (1877 г.), Чехославянской социалистической партии (1878 г.), Социал-демократической партии Швейцарии (1878 г.), Социал-демократического союза Нидерландов (1881 г.), социал-демократов Швеции (1882 г.).

Программа Социал-демократического союза Дании в общем представляла собой почти точный перевод Готской программы, однако требование «уничтожения железного закона заработной платы» в программе отсутствовало[4]. Впоследствии, с преобразованием Союза в Социал-демократическую партию, летом 1888 г. была принята новая

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, с. 125.

[2] Характеризуя отношение передовых деятелей германского рабочего движения к этому требованию, Бракке писал: убеждение в том, «что стремление к осуществлению этого предложения не только не принесет пользу рабочему движению, но повредит ему... широко распространено в рядах Социал-демократической рабочей партии» (*W. Bracke*. Der Lassalle'sche Vorschlag. Braunschweig, 1873, S. 3). Подробную характеристику этой работы см. в кн.: *J. Seidel*. Wilhelm Bracke. Vom Lassalleaner zum Marxisten. Berlin, 1966, S. 102—119.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, с. 102.

[4] Текст программы см. в кн.: *E. Helms*. Die socialdemokratische und gewerkschaftliche Bewegung in Danemark. Leipzig, 1907, S. 40—42.

программа, текст которой по сравнению с первоначальным подвергся значительным изменениям. Был, в частности, включен пункт о том, что «господство капиталистов над средствами производства является причиной политической несвободы, социального неравенства и борьбы между народами». Положение Готской программы о том, что по отношению к рабочему классу «все остальные классы составляют одну реакционную массу», было заменено тезисом: «Все партии, которые не признают эту задачу (освобождение труда от капиталистической эксплуатации), являются принципиальными противниками социал-демократии» [1].

Программа Социал-демократического союза Дании, наряду с Готской программой, была широко использована шведским социалистом А. Пальмом при составлении им в 1882 г. первого программного документа шведских социалистов. Важным отличием этого документа было то, что в него не были включены ни тезис об «одной реакционной массе», ни положение о «железном законе заработной платы» [2].

Готская программа послужила основой программы Чехославянской социал-демократической партии, принятой на ее учредительном съезде в 1878 году. Здесь также был опущен тезис об «одной реакционной массе» и вставлен пункт о том, что «борьба за освобождение рабочего класса... является борьбой за уничтожение всякого классового господства». Пункт о государственной помощи производственным товариществам был принят в измененной редакции, в которой ничего не говорилось о том, что они являются средством перехода к социализму. Было добавлено также требование передачи всех средств транспорта и связи, финансовых учреждений в руки государства или общин, а также требование законодательного установления десятичасового рабочего дня. В программе провозглашалось требование решения национального вопроса на основе права наций на свободное самоопределение [3].

Близка во многих пунктах к Готской программе была и программа Социал-демократической партии Швейцарии, принятая весной 1878 г. на съезде Союза Грютли

---

[1] *E. Helms.* Die socialdemokratische und gewerkschaftliche Bewegung in Danemark. Leipzig, 1907, S. 63, 56.

[2] См. *К. Бекстрем.* История рабочего движения в Швеции. М., 1961, с. 155—157.

[3] Текст программы см. в кн.: *L. Brügel.* Geschichte der österreichischen Sozialdemokratie. Bd. III. Wien, 1922. S. 81—82.

в Люцерне. Основные принципиальные пункты программы — о необходимости ликвидации всякого классового господства и замене «современного способа производства (системы наемного труда) общественным трудом» — были почти целиком заимствованы из программы Эйзенахской партии. В программе подчеркивалось, что «освобождение рабочего класса может быть достигнуто только самими рабочими» [1], а положение об «одной реакционной массе» не было включено. В то же время в программе фигурировали требования «прямого народного законодательства», создания «производительных товариществ» (в виде собственности отдельных профсоюзов). Значительную часть программы составляли общедемократические требования и требования, направленные на улучшение условий труда рабочих.

Готская программа была широко использована при подготовке программы Всеобщей рабочей партии Венгрии, принятой на объединительном съезде партии в Будапеште в мае 1880 года [2]. Однако этот документ существенно отличался от программы германской социал-демократии. В него не вошли положения о «железном законе заработной платы», о противостоящей пролетариату «одной реакционной массе», о «прямом народном законодательстве». Не было включено и требование создания «социалистических производительных товариществ с государственной помощью» как важнейшего средства решения социального вопроса и включено требование создания сельскохозяйственных производственных товариществ на базе общественных земель. Первый пункт Готской программы — «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры» был заменен формулировкой: «Земля — мать, труд — отец всех материальных и духовных продуктов. Следовательно оба они — источник всех богатств и всей культуры» [3]. Вполне возможно, что здесь сказалось замечание Маркса в «Критике Готской программы» о том, что «*природа* в такой же мере источник потребительных стои-

---

[1] Текст программы см. в кн.: *F. Berghoff-Ising*. Die socialistische Arbeiterbewegung in der Schweiz. Leipzig, 1895, S. 393—394.

[2] Полный текст программы Всеобщей рабочей партии Венгрии см. в кн.: *M. Aranyossi*. Leo Frankel. Berlin, 1957, S. 338—343. Основным автором этого документа был друг и соратник Маркса и Энгельса, участник Парижской коммуны, Лео Франкель, который до лета 1875 г. жил в Лондоне и постоянно общался с ними.

[3] Ibid., S. 339.

мостей... как и труд» [1]. В отличие от Готской программы и явно с учетом соответствующего критического замечания Маркса в программе венгерских социалистов подчеркивалось, что монопольными обладателями средств производства являются не только капиталисты, но и землевладельцы. Программа выдвигала требование превращения земли и всех остальных средств производства в общественную собственность с целью ликвидации системы наемного труда и введения системы ассоциированного труда (genossenschaftlichen Arbeitssystems) [2]. Ближайшие требования программы в общем совпадали с соответствующими разделами Готской, но содержали некоторые добавления, в числе которых было требование передачи в руки государства всех средств сообщения, рудников и шахт, а также страховых обществ. Были конкретизированы требования в отношении рабочего дня (10-часовой рабочий день) и запрещения труда детей (до 14 лет), что также совпадало с критическими замечаниями Маркса.

* * *

Как уже отмечалось выше, многие идеи, содержавшиеся в «Критике Готской программы», становились достоянием участников социалистического рабочего движения задолго до ее публикации. Они в той или иной форме находили выражение в ряде других произведений основоположников марксизма. Речь идет в первую очередь о знаменитом «Анти-Дюринге» Энгельса, этом, говоря словами его автора, «энциклопедическом очерке» [3] марксизма. В этой работе, написанной вскоре после «Критики» и направленной против получившей в то время значительную популярность мелкобуржуазной интерпретации социализма — причем открыто враждебной марксизму,— затрагивались, наряду с другими, и многие важнейшие теоретические проблемы, которые рассматривались в критических замечаниях Маркса. Таковы, например, проблемы пролетарского понимания равенства, соотношения производства и распределения при социализме, критика требования получения каждым членом общества «полного» или «неурезанного» «трудового дохода», критика лозунга «свободное народное государство» и т. д.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 13.
[2] *M. Aranyossi.* Op. cit., S. 340.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, с. 110

Развивая мысль Маркса, Энгельс подробно и обстоятельно доказывает научную несостоятельность лассальянского требования о «полном трудовом доходе», что занимало значительное место в «Критике Готской программы». Изложение этого вопроса Энгельс резюмирует следующими словами: «Избыток продукта труда над издержками поддержания труда и образование и накопление из этого избытка общественного производственного и резервного фонда — все это было и остается основой всякого общественного, политического и умственного прогресса» [1].

Столь же глубоко рассматривает Энгельс и другую исследуемую в «Критике» проблему — о содержании понятия «равенство». Охарактеризовав историческое развитие этого понятия и подлинную сущность его на различных этапах человеческого общества, Энгельс, развивая мысль Маркса о том, что «с уничтожением классовых различий само собой исчезнет и всякое вытекающее из них социальное и политическое неравенство» [2], подчеркивает, что «действительное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию *уничтожения классов*. Всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости» [3].

Энгельс исследует также вопрос о соотношении производства и распределения, столь основательно рассматриваемый в «Критике Готской программы». Вслед за Марксом он разъясняет и обосновывает зависимость способа распределения от способа производства.

В «Анти-Дюринге» Энгельс не касается прямо пресловутого «железного закона заработной платы», критике которого Маркс уделяет такое большое внимание. Однако данный им в этом произведении анализ сущности заработной платы фактически продолжает критику Марксом этой лассальянской догмы.

Большое место в «Анти-Дюринге» занимает вопрос о государстве. Излагая марксистскую теорию происхождения и сущности государства, Энгельс показывает полную научную несостоятельность лозунга «свободное народное государство», критический разбор которого занимает столь большое место в замечаниях Маркса. Он дает здесь четкую классовую, марксистскую характеристику сущности современного государства как организации, «которую

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, с. 199.
[2] Там же, т. 19, с. 25.
[3] Там же, т. 20, с. 108.

создает себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов»[1].

Проблемы переходного периода, диктатуры пролетариата, коммунистического общества и двух его фаз, составляющие столь важную часть «Критики Готской программы», не нашли в «Анти-Дюринге» подробного отражения. Однако в знаменитой формуле «*пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность*»[2], по существу, содержится характеристика сущности диктатуры пролетариата как необходимого этапа на пути к установлению нового общественного строя.

Этими краткими замечаниями, разумеется, не исчерпываются те теоретические проблемы, которые были выдвинуты в критических замечаниях Маркса и в той или иной форме могли быть восприняты рабочим движением через «Анти-Дюринга». Нам хотелось здесь только указать на эту работу, как на один из путей, при помощи которых идеи «Критики Готской программы» становились достоянием революционных социалистов еще до ее публикации.

Есть некоторые основания полагать, что помимо деятелей германской социал-демократии и некоторые другие ученики и последователи Маркса и Энгельса были в какой-то форме знакомы с идеями «Критики Готской программы», а может быть, и с самой работой (выше уже говорилось о таких предположениях относительно Л. Фран-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, с. 290. Разумеется, подобные определения государства вообще, и буржуазного государства в особенности, содержались во многих произведениях Маркса и Энгельса и гораздо раньше, начиная с «Манифеста Коммунистической партии». Всего за два года до «Критики Готской программы» Энгельс в работе «К жилищному вопросу» назвал современное государство «совокупным капиталистом» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, с. 253). Тем не менее в головах многих социалистов, в том числе и тех, кто причислял себя к сторонникам учения Маркса, царила еще изрядная путаница по этому вопросу, что с особой силой проявилось при принятии Готской программы. Поэтому основоположники марксизма и после выхода «Анти-Дюринга» продолжали уделять этой проблеме значительное внимание. Достаточно, например, указать на заключительные страницы книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где характеристика буржуазного государства дана с исчерпывающей полнотой.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, с. 291.

келя). Так, П. Лафарг в некоторых своих статьях конца 70-х — 80-х гг. затрагивал проблемы диктатуры пролетариата и переходного периода, причем в таких формулировках, которые очень близки к тексту «Критики». В статье «Рабочая партия и социалистическое государство» он, например, писал: «До тех пор, пока... орудия труда не станут общественной собственностью всей нации, государство, каково бы ни было его название, будет существовать. В капиталистический период это будет господство буржуазии, в революционный период — диктатура пролетариата. Только когда орудия труда будут национализированы и все буржуа по доброй воле или силой будут включены в ряды пролетариата, только тогда будет уничтожено классовое господство и диктатура пролетариата превратится в «мирное» управление «процессами» производства» [1].

А несколько лет спустя он, рассматривая вопрос о задачах пролетариата после захвата им политической власти, говорил: «Прежде чем осуществить это коммунистическое общество, в котором труд и наслаждение будут свободны и общественны, нужно будет пережить переходный период, в котором придется сохранить заработную плату в денежной форме и соразмерять ее с оказываемыми обществу услугами и со сделанными усилиями» [2] (иначе говоря — от каждого по способностям, каждому — по труду).

* * *

Объединение эйзенахцев с лассальянцами на основе компромиссной, теоретически несостоятельной, эклектической, путаной программы не могло не привести к опре-

---

[1] «L'Égalité», № 30, 11.VIII 1880. Русский перевод см.: *П. Лафарг.* Соч., т. 1. М., 1925, с. 295.

[2] «Le Socialiste», № 116, 21.I 1888. Русский перевод см. там же, с. 336. Прямыми доказательствами знакомства Лафарга с «Критикой Готской программы» мы не располагаем, и оно остается лишь предположительным. Возможно, что эти его мысли являются результатом глубокого изучения других, доступных ему работ Маркса и Энгельса, в частности того же «Анти-Дюринга». Высказывал же аналогичные мысли в середине 80-х гг. Г. В. Плеханов, который, конечно, не мог быть знаком с «Критикой». Он писал тогда о диктатуре рабочего класса, «задачей которого является в настоящее время не только разрушение политического господства непроизводительных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни» (*Г. В. Плеханов.* Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1956, с. 101).

деленному снижению идейного уровня германской социал-демократии. К тому же многие вошедшие в состав единой партии деятели Всеобщего германского рабочего союза в ряде теоретических вопросов продолжали оставаться на лассальянских позициях. Спустя два года Маркс с горечью констатировал, что «компромисс с лассальянцами привел к компромиссу с другими половинчатыми элементами» — Дюрингом и его почитателями, реформистами, пытавшимися подменить научный социализм «современной мифологией с ее богинями справедливости, свободы, равенства и братства» [1]. Маркс подчеркивал при этом, что после появления научного социализма всякий утопизм «может быть только нелепым,— нелепым, пошлым и в самой основе своей реакционным» [2].

Поэтому идейная борьба с чуждыми подлинным интересам пролетариата взглядами, прежде всего с пережитками лассальянства, являлась непременным условием дальнейшего развития и укрепления Социалистической рабочей партии Германии, в которой социалисты других стран по-прежнему — и с полным на то основанием, если иметь в виду практические ее успехи,— продолжали видеть образец пролетарской партии. Вскоре после принятия Готской программы Энгельс писал Бракке об особой важности этой борьбы и выражал надежду, что «пропаганда среди лассальянцев сделает свое дело» [3].

Необходимость решительного идейного разоблачения лассальянских и других чуждых марксизму воззрений была ясна не только Марксу и Энгельсу, но и их ближайшим соратникам. Отрицательное отношение основоположников марксизма к Готской программе отнюдь не было секретом. Ведь и многие лидеры партии с самого начала рассматривали ее как временную, вызванную особыми обстоятельствами. Бракке писал об этом Энгельсу сразу же после объединительного съезда. Бебель в одной из своих статей в 1878 г. прямо говорил, что «наша программа партии... нуждается в весьма основательном пересмотре и изменении» [4]. Эти требования раздавались и на Виден-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, с. 234.

[2] Там же, с. 235. Конкретно Маркс имел в виду, в частности, примыкавших к социал-демократии выходцев из буржуазных кругов типа Хёхберга, издававшего в то время журнал «Die Zukunft», на страницах которого пропагандировались подобные рассуждения.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, с. 126.

[4] *A. Bebel*. Der Gewerbebetrieb durch den Staat und die Kommune. In: *A. Bebel*. Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. I. Berlin,

ском съезде партии в 1881 г.— первом съезде после введения исключительного закона против социалистов.

Правда, пока этот закон продолжал действовать, Маркс и Энгельс считали, что прямая постановка вопроса о пересмотре программы не принесет пользы. Когда редактор «Sozialdemokrat» Э. Бернштейн в начале ноября 1882 г. сообщил Энгельсу о своем намерении открыть кампанию за пересмотр программы [1], последний ответил, что по его мнению это крайне несвоевременно. «Программа плоха,— писал он,— но ни один человек не говорит больше об этом. Изменение программы надо производить таким образом, чтобы не к чему было придраться... Изменение программы дало бы повод правому крылу разыгрывать из себя истинных блюстителей партийных принципов, верных старой, испытанной программе и т. д.» [2]. Чтобы подготовить почву для пересмотра программы, надо было раскрыть неверную сущность содержащихся в ней лассальянских формулировок и требований. А это и означало, по существу, пропаганду идей, содержащихся в «Критике Готской программы». Без этого нельзя было ни подготовить массы членов партии к принятию новой программы, ни перевоспитать рядовых лассальянцев, которые не могли сразу отрешиться от привычных догм, выработанных еще самим Лассалем [3]. В условиях, когда открытые, публичные дискуссии

1970, S. 532. Несколькими годами позднее центральный орган партии заявлял: «Нет сомнения, что наша программа нуждается в улучшении» («Sozialdemokrat», № 31, 31.VII 1884). Газета подчеркивала при этом невозможность выработки новой программы в условиях исключительного закона и указывала, что пока недостатки ее могут быть до известной степени компенсированы, если рассматривать в качестве ее дополнения «Манифест Коммунистической партии».

[1] См. Э. Бернштейн — Энгельсу, 1.XI 1882 (*Eduard Bernstein*. Briefwechsel mit Friedrich Engels. Assen, 1970, S. 151).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 35, с. 330.

[3] Произведения Лассаля в первые годы после объединительного съезда продолжали широко распространяться среди участников рабочего движения в Германии, в то время как труды основоположников марксизма пользовались меньшей известностью. Даже в начале 80-х гг. бывшие лассальянцы делали попытки переиздать сочинения Лассаля, против чего решительно высказался центральный орган партии (см. «Sozialdemokrat», № 20, 11.V 1882). Подобное предложение было сделано и на происходившем в Цюрихе в августе 1882 г. совещании руководящих деятелей партии, но встретило энергичное сопротивление со стороны представителей марксистского крыла и не было принято (см. Marxismus und deutsche Arbeiterbewegung. Berlin, 1970, S. 434—435).

внутри Германии были невозможны, единственным или во всяком случае главным средством такой пропаганды была партийная печать, причем в первую очередь издававшийся за границей центральный орган партии «Der Sozialdemokrat». Анализ теоретических статей, систематически печатавшихся на страницах этой газеты, показывает, что борьба с лассальянством занимала в них существенное место. Идейная борьба, которая велась на страницах «Sozialdemokrat», имела значение не только для рабочего движения Германии, но и для социалистов других стран, где имела распространение эта газета.

Как известно, Маркс и особенно Энгельс уделяли очень большое внимание руководству органа германской социал-демократии. Направляющая рука Энгельса особенно заметна именно в теоретических вопросах. Трудно сказать, была ли «Критика Готской программы» известна редакторам газеты, но во всяком случае они очень хорошо знали, насколько критически относятся Маркс и Энгельс к программе, принятой Готским съездом в 1875 году. Вряд ли можно сомневаться, что это отношение послужило важнейшим стимулом в идейной борьбе с пережитками взглядов Лассаля, которая систематически велась газетой.

Осенью 1882 г. у Энгельса возник план написать для «Sozialdemokrat» серию статей, которые потом составили бы отдельную брошюру, о «распространившемся сейчас в Германии подобно эпидемии лжесоциализме» [1]. Во-первых, он намеревался разоблачить истинную сущность проводившейся правительством Бисмарка системы мероприятий, которую некоторые апологеты бисмарковского режима пытались изобразить как якобы «государственный социализм». А за ними шли и кое-какие деятели правого крыла партии. Во-вторых, он хотел подвергнуть критике ряд лассальянских положений («железный закон заработной платы», право рабочего на полный продукт его труда и т. д.), все еще имевших хождение среди немецких социалистов. «Эта часть,— писал Энгельс редактору газеты Э. Бернштейну,— еще более нужна, чем первая, ибо здесь особенно необходимо, наконец, внести ясность, и если это разозлит кое-кого из лассальянских «вождей», которых мы, к несчастью, приняли в свои ряды, тем лучше» [2]. Прямая связь этого замысла Энгельса с «Критикой Готской программы» не нуждается в доказательствах.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 35, с. 299.

[2] Там же.

Задуманный Энгельсом план остался нереализованным. Занятый в последние месяцы 1882 г. другими неотложными делами, в частности немецким изданием своей работы «Развитие социализма от утопии к науке», он не смог выкроить необходимое для его осуществления время. А после смерти Маркса на его плечи легло столько обязанностей, что ему так и не пришлось вернуться к намеченной работе. Однако сама идея выступления против лассальянских догм нашла свое воплощение в ряде статей других авторов в центральном органе партии в ближайшие же годы [1].

«Sozialdemokrat» выступал с критикой таких лассальянских догм, как «железный закон заработной платы», как требование создания «производительных товариществ с государственной помощью», как тезис о противостоящей пролетариату «одной реакционной массе», как лозунг «свободного народного государства» и др. Газета, следовательно, в той или иной мере касалась всех тех вошедших в Готскую программу лассальянских догм, которые были раскритикованы Марксом. Не ограничиваясь развитием этих критических замечаний, газета выдвигала и программные требования, которые отсутствовали в Готской программе и были обоснованы Марксом в его работе: о завоевании пролетариатом политической власти, о необходимости, сущности и задачах переходного периода, о коммунистическом обществе и т. д. [2]

Приведем некоторые примеры.

Отмечая, что существующая программа «является не окаменелой догмой», а содержит лишь «общие принципы», что она не означает «подавления социалистической кри-

---

[1] Подобным же образом была осуществлена и поставленная Энгельсом задача разоблачения прусского «государственного социализма». Эта проблема нашла освещение главным образом на страницах теоретического органа партии журнала «Neue Zeit». Подробнее об этом см.: *B. Rieck*. Der Beitrag der «Neuen Zeit» zur Auseinandersetzung mit der Ideologie des preußischen Staatssozialismus in den Jahren 1884 bis 1886. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1971, № 6.

[2] Мы не рассматриваем здесь все теоретические вопросы, освещавшиеся газетой, а касаемся лишь тех проблем, которые непосредственно вытекали из «Критики Готской программы» и разъяснение которых означало, по существу, пропаганду идей этой работы. Подробнее о вкладе «Sozialdemokrat» в борьбу за идейную победу марксизма в германском рабочем движении см.: *H. Bartel, W. Schröder, G. Seeber, H. Wolter*. Der Sozialdemokrat. 1879—1890. Berlin, 1975.

тики», газета прямо намекала на необходимость совершенствования и улучшения программы. «Социальное преобразование,— говорилось далее в этой статье,— может быть осуществлено лишь путем политического господства пролетариата, и достижение этого — наша главная задача» [1]. Тем самым, по существу, выдвигалась мысль о необходимости включения этого требования в программу. В другой статье, опубликованной тремя неделями позже, также указывалось, что рабочие должны стремиться «к завоеванию политической власти». Газета подчеркивала при этом, что «освобождение пролетариата может быть и будет достигнуто только в социалистической республике» [2].

Мысль о необходимости существования пролетарского государства после победы революции была четко выражена в статье «Социализм и государство», напечатанной в газете 20.XII 1883 г. и получившей одобрительную оценку Энгельса [3]. Там говорилось: «Мы живем еще в капиталистическом обществе, в классовом государстве. Чтобы свергнуть первое, мы должны завоевать последнее, а не уничтожить его, как хотят анархисты. Мы должны стремиться к тому, чтобы сделать пролетариат господствующей силой в государстве, чтобы он поставил себе на службу государственную машину». И наконец, еще одна цитата, свидетельствующая о том, что газета последовательно пропагандировала идею Маркса о необходимости завоевания пролетариатом политической власти: «Рабочие только тогда смогут рассчитывать на защиту от капитала, когда они сами будут иметь в руках законодательную машину. Это — доказательство того положения, что рабочие смогут добиться улучшения своего положения только на пути насильственной революции» [4].

В той же статье газета обосновывала несостоятельность и фальшивость требования «свободного народного государства». Она доказывала, что в капиталистическом обществе «народ» как внеклассовое понятие не существует, что если рабочие понимают под ним прежде всего массу неимущих, то буржуа причисляют к нему в первую очередь крупных капиталистов. Лозунг «свободное народное государство», писала газета, не имеет ничего общего

[1] «Sozialdemokrat», № 7, 8.II 1883.
[2] Ibid., № 10, 1.III 1883.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, с. 68.
[4] «Sozialdemokrat», № 49, 4.XII 1884.

с социалистическими требованиями и «вообще не отражает» их. «Наша цель — свободное социалистическое общество».

Специальное внимание уделяла газета и пропаганде положения о переходном периоде как необходимом этапе на пути к победе коммунизма. «Задача рабочего класса,— писала она,— ...должна состоять в том, чтобы те политические учреждения, которые имеют целью лишь законодательное увековечение экономического рабства, преобразовать в своем духе, сделать из политической машины, которая является сейчас средством его угнетения, средство своего освобождения, пока последнее не будет осуществлено окончательно и тем самым сделается ненужной всякая политическая власть, то есть знаменитое государство» [1]. В другом месте газета подчеркивала, что пролетариат, захватив политическую власть, должен будет создать взамен буржуазного государства свое *«очень сильное правительство, сильнее, чем какое-либо прежнее,* которое могучей рукой вмешалось бы в экономическую область и *систематически...* осуществило бы общественную революцию» [2]. Задачей такого пролетарского правительства, рабочего государства, писала газета несколько ранее, будет в первую очередь *«строительство, созидательная деятельность»* [3]. В связи с этим газета подчеркивала, что одной из важнейших задач социал-демократической партии является подготовка рабочего класса к политическому господству, воспитание его как строителя нового общества. Эта мысль и в дальнейшем не раз высказывалась на страницах центрального органа партии.

Особенно большое внимание газета уделяла разоблачению пресловутого лассалевского тезиса о противостоящей пролетариату «одной реакционной массе», которую составляют все остальные классы общества. Показав, что эта формулировка является прямым искажением положения «Манифеста Коммунистической партии» о том, что «только пролетариат представляет собой действительно революционный класс» [4], Маркс в «Критике Готской программы» особо подчеркнул, что практические выводы из этого теоретически несостоятельного тезиса могли бы нанести серьезный ущерб партии в ее борьбе за завоевание

---

[1] «Sozialdemokrat», № 18, 1.V 1884.
[2] Ibid., № 5, 31.I 1884.
[3] Ibid., № 34, 16.VIII 1883.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, с. 434.

на свою сторону ремесленников, мелких промышленников и особенно крестьян.

Партия в эти годы бурно развивалась, авторитет ее в рабочих массах быстро возрастал и для нее становилось все более важным распространение своего влияния на непролетарские слои трудящихся, составлявшие тогда большинство населения Германии. Поэтому рассуждения об «одной реакционной массе», включенные в программу партии в качестве одного из основных ее положений, могли дезориентировать передовых социал-демократических рабочих и нанести ущерб практической деятельности партии. Открыто полемизируя с этим лассальянским положением, газета доказывала, что «наши противники *не* являются компактной, единой массой, хотя и представляют собой различные слои имущих классов» [1]. К этому вопросу газета возвращалась неоднократно. Она призывала — в полном соответствии с критическими замечаниями Маркса — к союзу рабочих с ремесленниками, подчеркивая при этом, хотя и в несколько завуалированной форме, руководящую роль рабочего класса. В статье, которая так и называлась «Рабочий и ремесленник», газета писала: «Конечно, сегодня рабочий и ремесленник должны идти рука об руку как союзники, и этот союз может иметь смысл только в том случае, если ремесленники будут делать общее дело с рабочими» [2].

Не желая открыто дезавуировать программу, пока не возникли условия для ее пересмотра, газета указывала, что многие ее положения не следует абсолютизировать. Она подчеркивала, что для рабочего класса отнюдь не безразлична борьба между различными группировками и партиями, выражающими интересы различных слоев имущих классов. «Из программы, из позиции классовой борьбы, взятых как абсолют,— писала газета, вновь возвращаясь к тезису об «одной реакционной массе»,— вытекает, что мы должны быть в лучшем случае зрителями со скрещенными руками. Но как только мы примем во внимание *исторический* характер нашего движения, то из этого вытекает, когда и где мы должны вмешиваться в эту борьбу» [3]. А спустя несколько лет, уже основываясь на реальном опыте практической борьбы, которая принесла социал-демократии значительные успехи, газета подводила некото-

[1] «Sozialdemokrat», № 23, 5.VI 1884.
[2] Ibid., № 31, 31.VII 1884.
[3] Ibid., № 6, 5.II 1885.

рые итоги. «Рабочие,— говорилось в передовой статье «Sozialdemokrat»,— сами постепенно отбрасывают тезис о единой реакционной массе, когда они там, где социал-демократия не имеет шансов, выступают за кандидатов прогрессивных буржуазных партий» [1]. Газета констатировала, таким образом, что сама жизнь, повседневная практическая революционная деятельность привели одну из основных лассальянских догм к полному банкротству в глазах передовых немецких пролетариев.

Можно предположить с полным основанием, что именно эта последовательная позиция центрального органа германской социал-демократии была одним из факторов, способствовавших тому, что тезис об «одной реакционной массе» не был включен в большинство программ социалистических партий других стран, взявших себе за образец Готскую программу.

Подробнейшим образом разбирала газета и столь резко раскритикованное Марксом лассальянское требование создания производственных товариществ с государственной помощью. Готская программа выдвигала это требование как основной путь к разрешению социального вопроса, а в таких товариществах видела основу «социалистической организации совокупного труда» [2]. Газета убедительно и обстоятельно, основываясь на опыте существующих кооперативных товариществ, с одной стороны, и на анализе классовой сущности современного государства — с другой, доказывала теоретическую и практическую несостоятельность этого требования. «Стремление преобразовать капиталистическое производство посредством производственных товариществ, основанных на почве современного общества конкуренции,— утопия»,— писала газета. Оно имело бы своим результатом «коррумпирование рабочего движения» [3].

Свидетельством того воздействия, которое возымела Марксова критика этого лассальянского требования, может служить, в частности, тот факт, что на съезде Социалистической рабочей партии в 1887 г. группой германских делегатов было выдвинуто предложение об изъятии этого требования из программы и замене его требованием экспроприации земли и средств производства [4].

---

[1] «Sozialdemokrat», № 27, 1.VII 1888.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 25.

[3] «Sozialdemokrat», № 26, 26.VI 1884.

[4] Ibid., № 42, 14.X 1887.

А два года спустя, подводя некоторые итоги идейной борьбы последнего десятилетия, газета с удовлетворением отмечала: «Вопрос о производственных товариществах с государственной помощью, который долгое время давал повод к разногласиям между «лассальянцами» и «эйзенахцами» в ходе развития партии, давно уже фактически решен окончательно, и в социал-демократической партии нет ни одного члена, который еще придерживался бы «предложения Лассаля»» [1].

Не менее решительно выступала газета и по поводу другой выдвинутой Лассалем догмы — о «железном законе заработной платы», догмы, которую Маркс подверг в «Критике Готской программы» уничтожающей критике. Если бы этот закон, писала газета, «в его абсолютном выражении был правилен, то нельзя было бы понять, зачем мы боремся против косвенных налогов, зачем рабочие борются за тарифы и т. д., ибо, согласно букве этого закона, все это совершенно бесцельно» [2]. Газета доказывала абсурдность этого «закона», признание которого означало бы на деле полный отказ от борьбы рабочих за улучшение своего экономического положения. «Сама заработная плата,— писала газета в другом месте,— ни в малейшей степени не является столь «железной», как следовало бы заключить из формулы «железный закон заработной платы», она скорее эластична...» [3]

Пропаганда идей «Критики Готской программы», как и вообще научного социализма, велась не только на страницах центрального органа партии, но и другими средствами [4].

В 1885 г. издательство «Sozialdemokrat» в Цюрихе начало выпускать «Социал-демократическую библиотеку»

---

[1] «Sozialdemokrat», № 44, 2.XI 1889.

[2] Ibid., № 27, 1.VII 1888.

[3] Ibid., № 18, 30.IV 1885.

[4] Значительный вклад в пропаганду идей марксизма и его идейную победу внес теоретический журнал германской социал-демократии «Neue Zeit». Однако в силу ряда причин он уделял разоблачению лассальянства меньше внимания, чем «Sozialdemokrat». Подробнее об этом см. кроме уже упоминавшейся статьи Б. Рик также ее работы: Die Gründung der «Neuen Zeit» und ihre Entwicklung vom 1883 bis 1890. In: «Jahrbuch für Geschichte». Bd. 10. Berlin, 1974; Der Beitrag der «Neuen Zeit» zur Ausarbeitung eines revolutionäres Parteiprogramms der deutschen Sozialdemokratie (1886—1891). In: «Revolutionäres Parteiprogramm — Revolutionäre Arbeitereinheit». Berlin, 1975).

с целью распространения и популяризации основных произведений научного социализма [1]. Уже первый выпуск этой библиотеки, посвященный разъяснению программы германской социал-демократии [2], содержал, по существу, критику ряда ошибочных положений Готской программы. Брошюра прежде всего подчеркивала невозможность решения социального вопроса путем создания производственных товариществ с помощью государственных кредитов и отмечала, что «современный научный социализм давно преодолел эти иллюзии» [3]. Единственный путь превращения частной собственности в общественную, указывалось в брошюре, это экспроприация буржуазии. Поэтому в качестве основной цели социалистической партии брошюра выдвигала овладение рабочим классом политической властью, «посредством которой будет осуществлена экономическая экспроприация горстки эксплуататоров с целью национализации или *социализации* (обобществления) средств производства» [4]. Брошюра подчеркивала, что осуществить эту задачу можно только путем революции. В противовес лассальянским рассуждениям о «свободном народном государстве» брошюра характеризовала современное государство как «уполномоченного господствующего класса общества» [5]. Прямая связь содержания этой брошюры с некоторыми существенными критическими замечаниями Маркса на проект Готской программы не нуждается в доказательствах.

Несомненный интерес представляет следующее. Автор брошюры, подчеркнув, что большим прогрессом по отноше-

---

[1] Подробно об организации этой библиотеки и ее роли в пропаганде марксизма см.: *F. Schaaf*. Die «Sozialdemokratische Bibliothek» der Schweizerischen Volksbuchhandlung in Hottingen—Zürich und der German Cooperative Printing and Publishing C° in London. In: «Marxismus und deutsche Arbeiterbewegung». Berlin, 1970.

[2] Gesellschaftliches und Privat-Eigenthum. Ein Beitrag zur Erläuterung des sozïalistischen Programms. Hottingen—Zürich, 1885. Автором этой анонимной брошюры был редактор «Sozialdemokrat» Э. Бернштейн, который в то время находился под непосредственным влиянием Энгельса и в общем стоял еще на позициях марксизма (см. *F. Schaaf*. Op. cit., S. 461). В брошюре была использована работа П. Лафарга и Ж. Геда «Программа Рабочей партии», вышедшая в 1883 г. и представлявшая собой комментарии к программному документу французской Рабочей партии.

[3] Gesellschaftliches und Privat-Eigenthum, S. 8.

[4] Ibid., S. 23.

[5] Ibid., S. 26.

нию к Готской программе является принятая в 1880 г. программа французской Рабочей партии, процитировал полностью вводную, принципиальную часть этой программы. Как известно, автором этого введения является Маркс, хотя тогда об этом знали лишь немногие. Об авторстве Маркса Бернштейну сообщил Энгельс, который еще в 1881 г. писал ему об этом, охарактеризовав его как «мастерский образец убедительной аргументации, немногословной и ясной для масс, равную которой мне редко приходилось встречать и которая в этой сжатой формулировке поразила меня самого» [1]. Сознательное противопоставление этого документа Готской программе означало открытое признание ее ошибочности и необходимости замены ее подлинно марксистской программой.

Связь с «Критикой Готской программы» обнаруживается и в предисловии к другой брошюре из этой же библиотеки. Здесь, во-первых, указывается, что теоретической основой деятельности германской социал-демократии является «современный социализм, научно обоснованный Марксом и Энгельсом» [2], т. е. прямо отрицается теоретическая преемственность по отношению к взглядам Лассаля. Далее, в предисловии ставится вопрос о необходимости и неизбежности переходного периода от капитализма к коммунизму, а также о различиях между фазами будущего общества, подчеркивается, что между «социалистическим» и «коммунистическим» нет «никакого отличия в *принципе*, а есть лишь *отличия в степени*» [3].

Давая характеристику отличия научного социализма от других социалистических систем, автор предисловия формулировал программные требования марксистской партии, наглядно показывая тем самым слабости и ошибки Готской программы. Формулировка эта звучала так: «Организация рабочих как класса с целью завоевания политической власти. Переход средств производства в собственность организованного общества. Планомерное регулирование производства обществом. Ликвидация классового господства путем устранения всех классовых различий» [4].

Упорное и систематическое разоблачение непролетарской сущности и научной несостоятельности основных

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 35, с. 189.
[2] Der todte Schulze gegen den lebenden Lassalle. Hottingen — Zürich, 1886, S. 5.
[3] Ibid.
[4] Ibid., S. 6.

лассальянских догм, которое было основано на критических замечаниях Маркса и Энгельса на проект Готской программы и велось в течение ряда лет на страницах центрального органа германской социал-демократии, в устных и печатных выступлениях деятелей партии и другими средствами, окончательно подорвало влияние лассальянства. Уже в 1885 г. «Sozialdemokrat» утверждал, что «социал-демократия в Германии *не стоит более на чисто лассальянской почве*» [1]. А двумя годами позднее очередной съезд партии, состоявшийся в швейцарском городе Санкт-Галлене, принял решение о необходимости изменения программы. Группа берлинских делегатов выступила на съезде с предложением вычеркнуть из программы требование создания производственных товариществ с государственной помощью и заменить его требованием экспроприации земли и средств производства [2]. Сообщая об этом, центральный орган партии писал: «Знамением времени, и с нашей точки зрения весьма *отрадным*, является предложение о необходимости внесения более четких формулировок в программу партии, особенно об изъятии пункта о *производственных товариществах*... Убеждение в недостаточности этой «переходной меры» пробило себе дорогу, несмотря на невозможность публичных дискуссий» [3].

Таким образом, к тому моменту, когда правительство Германской империи вынуждено было пойти на отмену исключительного закона против социалистов, идейная почва для создания новой программы германской социал-демократии, программы, свободной от лассальянских ошибок и основанной на марксистских принципах, была полностью подготовлена. И пропаганда идей «Критики Готской программы» сыграла в этом значительную роль. А публикация Энгельсом этого замечательного произведения явилась как бы кульминационным пунктом борьбы за полную ликвидацию идейного влияния лассальянства в германской социал-демократии и вообще в международном рабочем движении. Опубликование «Критики Готской программы» оказало огромное воздействие на дальнейшую разработку нового программного документа Социал-демократической партии Германии и послужило одним из решающих

---

[1] «Sozialdemokrat», № 38, 18.IX 1885.

[2] Verhandlungen des Parteitags der deutschen Sozialdemokratie in St. Gallen. Abgehalten vom 2. bis 6. Oktober 1887. Hottingen — Zürich, 1888, S. 47.

[3] «Sozialdemokrat», № 42, 14.X 1887.

факторов, обеспечивших марксистский характер программы, принятой Эрфуртским съездом партии в 1891 г. Оно было воспринято с огромным интересом и удовлетворением учениками и последователями Маркса и Энгельса во всех странах [1].

Разумеется, теоретическое и историческое значение этого произведения выходит далеко за рамки борьбы за революционную марксистскую программу пролетарской партии. Оно явилось важнейшим этапом в развитии марксистской мысли, его идейное влияние на весь дальнейший путь международного социалистического рабочего движения чрезвычайно велико. Оно по сей день служит могучим идейным оружием в борьбе за победу коммунизма.

---

[1] История разработки Эрфуртской программы и связанной с этим идейной борьбы подробно освещена в ряде работ историков СССР и ГДР. См. Ф. Энгельс. Биография. Изд. 2-е. М., 1977, с. 497—505; Friedrich Engels. Eine Biographie. Berlin, 1970, S. 563—673; *Н. Е. Овчаренко.* В борьбе за революционный марксизм. М., 1967; *В. В. Чубинский.* К вопросу о роли Ф. Энгельса в создании Эрфуртской программы СДПГ. В кн.: Международное коммунистическое и рабочее движение. История и современность. Вып. 1. Ленинград, 1976; *В. П. Тетнев.* К истории разработки Эрфуртской программы германской социал-демократии. В кн.: Рабочее движение в новое время. М., 1964; *H. Bartel.* Nachbemerkung. In: *K. Kautsky.* Das Erfurter Programm. Berlin, 1965; *H. Bartel.* Wilhelm Liebknecht und das Erfurter Programm. «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1966, № 6; *H. Bartel.* Der interne Juni-Entwurf zum Erfurter Programm. «Beiträge...», 1968, Sonderheft; *W. Schröder, G. Seeber.* Zur Vorbereitung des Erfurter Programm. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1966, H. 7; *M. Beyer.* Zum Genesis des Erfurter Programms. In: «Revolutionäres Parteiprogramm — Revolutionäre Arbeitereinheit». Berlin, 1975 и др.

А. К. ВОРОБЬЕВА

К истории создания и публикации работы К. Маркса «Критика Готской программы»

Труд К. Маркса «Критика Готской программы» был опубликован в теоретическом органе германской социал-демократии — журнале «Neue Zeit» в конце января 1891 г., то есть спустя почти 16 лет после его написания. Публикацией этого важнейшего программного документа научного коммунизма международное рабочее движение обязано прежде всего инициативе и усилиям Фридриха Энгельса, которому пришлось в связи с этим преодолеть определенное противодействие со стороны некоторых руководящих деятелей германской социал-демократии.

История публикации «Критики Готской программы» имеет большое принципиальное значение. Она раскрывает одну из важных и поучительных страниц борьбы Энгельса против оппортунизма за утверждение принципов научного коммунизма в программе германской социал-демократии, за идейную победу марксизма в международном рабочем движении.

Эта тема получила некоторое отражение в исторической литературе [1]. В данной статье делается попытка осветить несколько подробнее историю этого документа, дополнить ее некоторыми новыми фактами.

---

[1] См. Фридрих Энгельс. Биография. М., 1977; *Н. Е. Овчаренко.* В борьбе за революционный марксизм. М., 1967; *В. Чубинский.* Вильгельм Либкнехт — солдат революции. М., 1968; *E. Kundel.* Marx und Engels im Kampf um die revolutionäre Arbeitereinheit. Berlin, 1962; *Rolf Dlubek/Erich Kundel.* Die Kritik des Gothaer Programms — ein grundlegendes Dokument des wissenschaftlichen Kommunismus. In: «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1975, № 3; Revolutionäres Parteiprogramm — Revolutionäre Arbeitereinheit. Berlin, 1975 и другие.

* * *

Как известно, в своих «Замечаниях», написанных в начале мая 1875 г., Маркс подверг критике проект программы, который должен был служить основой для объединения Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев) и Всеобщего германского рабочего союза (лассальянцев) на предстоявшем съезде в Готе в конце мая того же года. Рукопись «Замечаний», составившая, по словам Маркса, небольшую брошюру [1], он направил вместе с сопроводительным письмом от 5 мая 1875 г. в Брауншвейг в адрес В. Бракке [2] с просьбой по прочтении передать ее для ознакомления и другим руководителям Эйзенахской партии — Гейбу, Бебелю, Ауэру и Либкнехту. При этом на письме к Бракке (вверху перед текстом) Маркс сделал пометку: «*Notabene. Рукопись должна вернуться в Ваши руки,* чтобы в случае необходимости она была в моем распоряжении» [3].

Эта пометка, как и известная заключительная строка «Замечаний»: «Dixi et salvavi animam meam» [4] свидетельствует о том, что Маркс не предназначал свою рукопись для публикации и не рассчитывал, что его острая критика идейных уступок эйзенахцев лассальянцам окажет решающее влияние на изменение проекта Готской программы. Ибо к моменту написания «Замечаний», как отмечал впоследствии Энгельс, Марксу и ему стало ясно, что вопрос об объединении на основе компромиссного соглашения был предрешен [5]. Проект программы был опубликован 7 марта 1875 г. одновременно в двух газетах: «Der Volksstaat» (органе эйзенахцев) и «Der Neuer Social-Demokrat» (органе

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, с. 115.

[2] Оригинал рукописи письма Маркса к Бракке и «Замечаний», хранящийся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, представляет собой единый документ. И письмо, и «Замечания» написаны подряд на плотной белой почтовой бумаге черными чернилами и довольно разборчивым почерком. Текст занимает 4 полных листа по четыре страницы размером 11,3 × 17,6 см и полторы страницы 5-го листа. Листы пронумерованы Марксом арабскими цифрами. Всего рукопись составляет 17 страниц, из них 1½ страницы заполнены текстом письма и 15½ страниц — текстом «Замечаний» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 3603, лл. 16—24).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, с. 111.

[4] «Я сказал и спас свою душу» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 32).

[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, с. 72—75.

лассальянцев) — как согласованный и одобренный представителями той и другой стороны. Одновременно в тех же номерах газет было напечатано и обращение членов объединительной комиссии к немецким социал-демократам, в котором сообщалось о порядке избрания делегатов на съезд, о повестке дня и сроке его созыва. Наряду с представителями лассальянцев, от имени эйзенахцев обращение подписали Ауэр, Гейб, Бернштейн, Либкнехт, Моттелер и другие.

Еще больше убедились Маркс и Энгельс в предрешенности компромиссного объединения после того, как им стала известна позиция В. Либкнехта, игравшего ведущую роль на всех стадиях переговоров с лассальянскими лидерами и в составлении проекта объединительной программы. В 20-х числах апреля 1875 г. Энгельс получил от Либкнехта два письма в ответ на свое краткое письмо [1], написанное и посланное примерно в то же время, что и известное письмо к Бебелю от 18—28 марта 1875 г., выражавшее общее мнение Маркса и Энгельса. В этом, к сожалению, не дошедшем до нас письме Энгельс, судя по ответу Либкнехта, подверг острой критике проект программы, а также осудил Либкнехта за то, что он своевременно не уведомил его и Маркса о подготовке объединительного съезда, «пока не стало уже, так сказать, слишком поздно» [2].

21 апреля 1875 г. Либкнехт, отвечая на критику Энгельса, писал ему: «Недостатки программы, на которые ты обращаешь внимание, несомненно имеются, и они были ясны и нам с самого начала,— но на *конференции* избежать их было невозможно, *если не хотели сорвать переговоры об объединении...* Во всяком случае, дело обстояло таким образом: *либо эта программа, либо никакого объединения.* Теперь спрашивается, является ли объединение целью, к которой следует стремиться, и сто́ит ли оно принесенных жертв? Решительно: *Да!*». Либкнехт пытался даже уверить Энгельса в том, что «и *практически,* и *принципиально* мы не окажемся в ущербе!» [3].

Во втором письме, 23 апреля 1875 г., Либкнехт снова возвращается к вопросу об объединении [4]. И это, видимо,

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, с. 106.

[2] Там же.

[3] В. Либкнехт — Энгельсу, 21 апреля 1875 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 3504. См. также: «Beiträge zur Geschichte...», 1976, № 6.

[4] В. Либкнехт — Энгельсу, 23 апреля 1875 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 3506. «Beiträge zur Geschichte...», 1976, № 6.

не случайно. Письмо написано на другой день после встречи с А. Бебелем [1] и, возможно, не без его влияния. Не исключено, что Бебель, получив по выходе из тюрьмы (1 апреля 1875 г.) большое письмо Энгельса от 18—28 марта 1875 г., ознакомил с ним и Либкнехта. Такое предположение напрашивается на основании сопоставления содержания этих писем. Отмечая, что «сделанные уступки, впрочем и формально не отбрасывают новую программу назад от Эйзенахской», Либкнехт, по существу, отвечает на соответствующий упрек Энгельса, содержащийся в письме к Бебелю. В ответ на оценку Энгельсом проекта объединительной программы как капитуляцию перед лассальянством Либкнехт пишет, что «объединение означает смерть лассальянству и *полную* победу «марксова» коммунизма над лассалевским сектантством» и что ради этой победы он «был бы готов и к дальнейшим уступкам» [2]. Данное письмо Либкнехта в известной мере можно рассматривать и как его ответ на указанное письмо Энгельса Бебелю [3].

Из писем Либкнехта для Маркса и Энгельса стало совершенно очевидно, как далеко зашел он в стремлении добиться объединения любой ценой. Разумеется, его объяснения и уверения не могли оправдать в их глазах серьезных теоретических ошибок, содержащихся в проекте программы. Несомненно, эти письма побудили Маркса ускорить написание «Замечаний» и направить их руководителям партии еще до Готского съезда с тем, чтобы предостеречь их, прежде всего Либкнехта, от дальнейших опрометчивых шагов. В сопроводительном письме Маркс ставил в известность своих партийных друзей в Германии, что после объединительного съезда он и Энгельс возможно опубликуют краткое заявление о своей непричастности к компромиссной программе, которая, подчеркнул Маркс, «решительно никуда не годится и деморализует партию» [4].

Получив рукопись «Замечаний», Бракке писал Марксу 10 мая 1875 г., что прочитал их с большим интересом и

---

[1] В конце письма Либкнехт сообщал Энгельсу, что вчера у него был Бебель и просил передать привет.

[2] В. Либкнехт — Энгельсу, 23 апреля 1875 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 3506; «Beiträge zur Geschichte...», 1976, № 6.

[3] Сам Бебель смог ответить на мартовское письмо Энгельса лишь в сентябре 1875 года. См. August Bebels Briefwechsel mit Friedrich Engels. The Hague, 1965, S. 35—37; *А. Бебель.* Из моей жизни. М., 1963, с. 509—510.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 11.

полностью согласен с их содержанием. «Я должен также откровенно сказать, что мне кажется вообще невозможным обсуждать и улучшить предложенный проект. Из этого болота можно выбраться только совершенно оставив его» [1],— подчеркнул Бракке. Вместе с тем он все же выразил надежду, что «Замечания» Маркса, которые, по его мнению, пришли как раз вовремя, побудят Либкнехта еще раз подумать над улучшением проекта. «Во всяком случае, письмо Маркса,— писал Бракке в тот же день Энгельсу,— укрепит у Либкнехта и других мысль о том, что программа, даже при существенном изменении теперешнего проекта, должна быть принята лишь как *временная* и что вопрос о программе должен быть снова поставлен на следующем съезде» [2]. Марксу и Энгельсу было известно также, что резко критически отозвался о проекте программы и А. Бебель, считая его неприемлемым [3]. Еще будучи в тюрьме, Бебель составил свой проект, который вместе с письмом направил Либкнехту [4]. Но этот проект оказался, по признанию самого Бебеля, слишком пространным и детализированным, его отклонил не только Либкнехт, но не одобрил и Бракке [5].

И Бебель, и Бракке, как показывают их письма, первоначально намеревались открыто выступить против принятия официального проекта. Но затем, в силу некоторых обстоятельств, в частности, под влиянием настойчивых просьб Либкнехта и других товарищей не ставить объединение под угрозу срыва, Бебель воздержался от решительных действий. «Я уступил этому желанию,— вспоминал впоследствии Бебель,— так как объединение было и мне по душе. Кроме того, в партии стремление к объединению было настолько сильно, что все соображения относительно недостатков программы должны были умолкнуть. Да, наконец, сделанные ошибки могли быть исправлены в будущем» [6].

---

[1] *Karl Marx, Friedrich Engels.* Briefwechsel mit Wilhelm Bracke (1869—1880). Berlin, 1963, S. 72.

[2] В. Бракке — Энгельсу, 10 мая 1875 г. Ibid., S. 74.

[3] См. В. Бракке — Энгельсу, 25 марта 1875 г Ibid., S. 41.

[4] А. Бебель — В. Либкнехту, 27 марта 1875 г. *Wilhelm Liebknecht.* Briefwechsel mit deutschen Sozialdemokraten. Assen, 1973, S. 630—632; А. Бебель — Энгельсу, 21 января 1891 г.; August Bebels Briefwechsel mit Friedrich Engels, S. 406.

[5] См. В. Бракке — Марксу, 10 мая 1875 г.; *Karl Marx, Friedrich Engels.* Briefwechsel mit Wilhelm Bracke, S. 71—73; *А. Бебель.* Из моей жизни, с. 492—493.

[6] *А. Бебель.* Из моей жизни, с. 500.

Проявлял колебания и Бракке, не решаясь идти наперекор своим товарищам из руководства партии [1].

Таким образом, даже такие наиболее зрелые в теоретическом отношении лидеры эйзенахцев, как Бебель и Бракке, оказались, по существу, в плену того компромиссного соглашения, на которое пошло большинство руководства партии в переговорах с лассальянцами.

Ознакомившись с замечаниями Маркса, Бракке переслал их прежде всего Либкнехту в Лейпциг, куда, как сообщал он Марксу 10 мая 1875 г., должны были приехать из Берлина Ауэр и Гейб [2]. Бебеля Бракке не упоминает, ибо для него, очевидно, было само собой разумеющимся, что Либкнехт, живя в одном городе с Бебелем, передаст документ и ему. В том, что «Замечания» Маркса должен был знать в то время Бебель, был уверен и Энгельс [3]. Однако, как обнаружилось лишь в 1891 г., содержание документа не было известно Бебелю. «Ты рассказываешь в своем письме о Готской программе и о возражениях Маркса такие вещи, о *которых я до сих пор ничего не знаю*... Кому же они были направлены? Либкнехту, Гейбу или Бракке? Ничего и ни от кого я не слышал о них» [4],— писал Бебель Энгельсу 21 января 1891 г. в ответ на его письмо, которое, к сожалению, также до нас не дошло [5]. Либкнехт, видимо, настолько опасался повредить объединению, что даже после отказа Бебеля от публичного выступления против проекта программы не решился ознакомить его с рукописью Маркса.

В то же время этот документ был известен не только тем, кому предназначался (кроме Бебеля), но и некоторым другим эйзенахцам из числа лейпцигских социал-демократов. В частности, с ней был знаком руководитель партийного издательства и член редакции «Volksstaat» Герман Рамм, принимавший активное участие в объединительных переговорах. Поэтому Энгельс не случайно направил ему письмо, аналогичное по содержанию письму Бебелю, в котором напрямик изложил свое мнение о проекте

---

[1] См. В. Бракке — Энгельсу, 25 марта 1875 г. *Karl Marx, Friedrich Engels.* Briefwechsel mit Wilhelm Bracke, S. 42.

[2] Ibid., S. 71.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, с. 127.

[4] August Bebels Briefwechsel mit Friedrich Engels, S. 406—407.

[5] Энгельс написал Бебелю, видимо, 15 января 1891 г. (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, с. 7) в связи с подготовкой к публикации «Критики Готской программы».

программы[1]. К сожалению, и это письмо до нас не дошло, но сохранился ответ Рамма, написанный 24 мая 1875 г. уже во время Готского съезда. Анализ этого письма дает основание предположить, что оно написано с ведома Либкнехта после ознакомления не только с письмом Энгельса, но и с рукописью Маркса и является по существу их общим ответом на оба документа. «Ваше письмо ко мне, как и письмо Маркса Бракке,— пишет Рамм,— пошло по кругу, и Вы увидите из обсуждений на съезде, что с нашей стороны было проявлено стремление принять по возможности во внимание Ваше и Маркса мнение». Далее Рамм сообщает, что не может ответить на отдельные пункты письма, так как со времени получения больше его не видел, но должен сказать, что «Ваши критические замечания на проект программы получили всюду полнейшее признание и, как я уже заметил, в Готе найдут отражение». Что касается тактики, то в этом отношении, подчеркнул Рамм, «дело обстоит иначе», ибо «она не вызывает у нас никакого сомнения». Рамм выражал уверенность, что «и наши друзья в Лондоне и в других местах скоро убедятся, как правильно мы сделали, что не упустили случая для окончательного *объединения* враждовавших братьев, предоставляя все дальнейшее будущему». В заключение Рамм писал, что он хотел бы «попытаться ослабить то мрачное впечатление, которое произвели на Вас наши действия»[2].

Цитируемое письмо позволяет внести некоторые уточнения в существующее в исторической литературе утверждение, будто, кроме Либкнехта, никому из лейпцигских социал-демократов замечания Маркса и Энгельса на проект программы не были известны, и этим обосновывается его авторство внесенных на Готском съезде от имени группы «лейпцигских членов партии» предложений, предусматривавших улучшение программы в духе замечаний Маркса и Энгельса[3]. Как видим, эти замечания были известны не только Либкнехту, но и Рамму, а возможно, судя по письму Рамма, и некоторым другим социал-демократам. Участие Либкнехта в выработке этих предложений

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, с. 106.

[2] Г. Рамм — Энгельсу, 24 мая 1875 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 3525; «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1976, № 6.

[3] См. *В. Чубинский.* Вильгельм Либкнехт — солдат революции. М., 1968, с. 111; *E. Kundel.* Marx und Engels im Kampf um die revolutionäre Arbeitereinheit. Berlin, 1962, S. 280.

подтверждается, по нашему мнению, прежде всего совпадением некоторых содержащихся в них пунктов с соответствующими положениями доклада Либкнехта о программе, с которым он выступал на съезде 24 мая 1875 г., т. е. в день написания письма Рамма. И в докладе, и в предложениях лейпцигских социал-демократов содержится важное дополнение к проекту программы — о признании германской социал-демократией международного характера рабочего движения и ее готовности выполнять вытекающие отсюда обязанности [1]. В докладе также в духе «Замечаний» Маркса сформулировано положение о том, что религия должна быть частным делом; этот тезис, имевший в то время большое агитационное значение, был и в лейпцигских предложениях [2]. Оба эти пункта были включены съездом в окончательный текст программы. Информируя Маркса и Энгельса о том, что их мнение получит отражение в Готе, Рамм и хотел, видимо, обратить их внимание на лейпцигские предложения и доклад Либкнехта о программе. К этому в основном и сводились те небольшие изменения, которые были внесены в программу под влиянием замечаний Маркса и Энгельса, что далеко не соответствовало сообщению, будто «многое улучшено», которое содержалось в письме делегатов съезда Кокоского и Либкнехта Бракке, написанном 26 мая 1875 г. после принятия программы [3].

В приведенных письмах обнаруживается несколько противоречивое отношение лидеров эйзенахцев к замечаниям Маркса и Энгельса. С одной стороны, имеет место одобрение и «полнейшее признание», с другой — проявляется определенная недооценка важности для партии принятия принципиальной, теоретически выдержанной программы, поскольку на первый план выдвигалась задача объединения, а все остальное, в частности исправление

---

[1] См. Protokoll des Vereinigungs-Congresses der Sozialdemokraten Deutschlands, abgehalten zu Gotha, vom 22. bis 27. Mai 1875. Leipzig, 1875, S. 11 und 35.

[2] Ibid., S. 12 und 37.

[3] С. Кокоский и В. Либкнехт — В. Бракке, 26 мая 1875 г. *Wilhelm Liebknecht*. Briefwechsel mit deutschen Sozialdemokraten. Assen, 1973, S. 637—638. В указанном письме Либкнехт просил Бракке сообщить в Лондон, что «мы многое улучшили», что «программа принята *единогласно*», что «интернациональный принцип спасен». Данное письмо Бракке переслал Энгельсу. В ЦПА ИМЛ хранится копия этого письма, сделанная Энгельсом (ф. 1, оп. 1, д. 3621).

ошибок программы, откладывалось на будущее. Считая свою тактику не подлежащей сомнению, лидеры эйзенахцев, по существу, полемизировали с той тактической линией, которую рекомендовал Маркс в своем письме Бракке, обнаруживая при этом известное непонимание существа этой линии. Маркс и Энгельс не были противниками объединения, как это представлялось, видимо, лидерам эйзенахцев. Они предостерегали их от поспешного объединения, достигнутого «слишком дорогой ценой».

Как и предполагали Маркс и Энгельс, их замечания по проекту программы не оказали решающего влияния на принятый Готским съездом окончательный ее текст. В этом Энгельс убедился, внимательно ознакомившись с программой в ее окончательной редакции по отдельному изданию протоколов съезда [1]. В письмах к Бракке и Бебелю он констатировал, что программа состоит из лассалевских догм, вульгарно-демократических требований и псевдокоммунистических фраз [2]. Маркс и Энгельс, намеревавшиеся первоначально открыто выступить против Готской программы, изменили затем свое намерение только потому, что она была истолкована как друзьями, так и противниками в революционном духе. *«Только это обстоятельство,—* подчеркнул Энгельс в письме к Бебелю от 12 октября 1875 г.,— и позволило Марксу и мне не отмежеваться публично от подобной программы. Пока наши противники, а равно и рабочие, вкладывают в эту программу наши взгляды, мы имеем право о ней молчать» [3]. На то же обстоятельство, которое удержало Маркса и его от публичной критики программы, Энгельс указывает и в письме

---

[1] В ЦПА ИМЛ хранится экземпляр брошюры: Protokoll des Vereinigungs-Congresses der Sozialdemokraten Deutschlands, abgehalten zu Gotha, vom 22. bis 27. Mai 1875. Leipzig, 1875 с пометками Энгельса (см. ф. 1, оп. 1, д. 6109). Пометки Энгельса в виде отчеркиваний, подчеркиваний, восклицательных знаков имеются на многих страницах. Например, на полях с. 38 Энгельс двумя восклицательными знаками выразил свое недвусмысленное отношение к заявлению лидера лассальянцев Гассельмана о его отказе от выступления по программе, «так как полностью согласен с речью Либкнехта». Отчеркиванием и восклицательным знаком на с. 76 Энгельс проявил свою неудовлетворенность результатами выборов в Правление партии трех лассальянцев и двух эйзенахцев, расценив это как понижение требовательности со стороны последних (см. также Энгельс — А. Бебелю, 12 октября 1875 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, с. 128).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, с. 125, 127.

[3] Там же, с. 128.

к Бракке от 11 октября 1875 года [1]. Разумеется, Маркс и Энгельс приняли во внимание и положительную сторону самого факта объединения, способствовавшего преодолению раскола в немецком рабочем движении. «Объединение как таковое — это крупный успех...— отметил Энгельс.— Но его можно было, несомненно, добиться гораздо более дешевой ценой» [2]. Как видно из писем Бракке и Бебеля, они были согласны с оценкой принятой программы, данной Энгельсом. «Программа действительно плоха... «Улучшения», внесенные в первоначальный проект, также оказались в общем незначительными»,— писал Бракке Энгельсу 28 июня 1875 года. Одну из причин этого Бракке видел в поспешности и уступчивости Либкнехта, в ошибочном стремлении достичь «объединения любой ценой» [3].

Критическая оценка Марксом и Энгельсом проекта Готской программы была известна и некоторым деятелям революционного движения других стран. В частности, об этом знали русские революционеры П. Лавров и Г. Лопатин, о чем свидетельствует недавно опубликованная переписка между ними [4]. В одном из писем Лопатин, проживавший в то время в Париже, сообщал Лаврову в Лондон о том, что русские революционные эмигранты выражают недовольство тем, что на страницах газеты «Вперед!» «не появилось до сих пор *программы* соглашения эйзенахцев с лассалеанцами... т. е. *оснований* этого соглашения» [5]. В ответном письме, сообщив, что проект программы будет напечатан в ближайшем номере газеты, Лавров писал, что редакция не знала, как с ней поступить, ибо программа «весьма плоха, даже непростительно плоха в некоторых отношениях, и следовало бы ее разругать. Но это *неудобно* и *не в нашей линии*. Думали, что будет разбор ее со

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, с. 125. Эти совершенно определенные высказывания Энгельса не дают основания для утверждения, будто Маркс и Энгельс отказались от дезавуирования программы лишь «благодаря вмешательству Бракке» (см. *Wilhelm Liebknecht*. Briefwechsel mit deutschen Sozialdemokraten, S. 638. Fußnote 5).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, с. 128.

[3] *Karl Marx, Friedrich Engels*. Briefwechsel mit Wilhelm Bracke, S. 77, 78; *А. Бебель*. Из моей жизни, с. 509.

[4] *Лавров*. Годы эмиграции. Архивные материалы в двух томах. Т. 1. Лавров и Лопатин (Переписка 1870—1883). Dordrecht — Boston, 1974.

[5] Г. А. Лопатин — П. Л. Лаврову, 3 апреля 1875 г. Там же, с. 263.

стороны рабочих газет, чтобы бранить не от себя, но все молчат. Маркс ею очень недоволен, и Энгельс писал Либкнехту, что, если не изменят, то они будут громко и явно протестовать. Но пока молчат» [1].

В конце концов документы к Готскому съезду — проекты программы и устава немецкой рабочей партии, а также воззвание к социал-демократам — были опубликованы в газете «Вперед!» без комментариев, но с небольшим послесловием от редакции, в котором приводились мотивы публикации этих документов без соответствующих пояснений. «Мы подождем конгресса, на котором будут рассмотрены эти проекты и на котором они могут быть значительно изменены, так как, по совершенно достоверным сведениям, нами полученным, они вызвали многие возражения...» «А пока будем помнить,— говорилось в заключение послесловия,— что не программами двигается в ту или другую сторону революционное дело» [2]. Несомненно, эти «достоверные сведения» могли исходить только от Маркса и Энгельса. Живя в Лондоне, Лавров нередко встречался с ними и, безусловно, знал их мнение о проекте Готской программы. Приведенная выше фраза из послесловия является, по существу, передачей в иной редакции положения из письма Энгельса Бебелю от 18—28 марта 1875 г. о том, что «официальная программа партии имеет меньшее значение, чем то, что партия делает в действительности» [3].

Газета «Вперед!» широко знакомила русских читателей с работой объединительного съезда немецких социал-демократов. В ряде номеров за июнь — сентябрь 1875 г. в рубрике «Летопись рабочего движения» печатался официальный отчет о заседаниях съезда [4]. Однако предполагавшегося критического разбора Готской программы на страницах газеты не последовало, как не было его и в рабочей прессе Германии и других стран. Это объяснялось, очевидно, не только еще недостаточным теоретическим уров-

---

[1] П. Л. Лавров — Г. А. Лопатину, 5 апреля 1875 г. Там же, с. 264.

[2] «Вперед!», № 7, 15(3) апреля 1875 г., с. 217.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, с. 105.

[4] «Объединительный конгресс социал-демократов в Готе».— «Вперед!», № 11, 12, 15 и 16, 15(3) июня, 1 июля (19 июня), 15(3) августа и 1 сентября (20 августа) 1875 г. Отчет снабжен подстрочными примечаниями, которые дал присутствовавший на съезде корреспондент газеты. Кто был этим корреспондентом, установить пока не удалось.

нем рабочего движения, но прежде всего тем, что деятели социалистического движения в других странах оценивали ведущую роль германской социал-демократии в первую очередь по успехам ее практической революционной борьбы. А они несомненно были налицо.

Поскольку рукопись «Замечаний» не предназначалась для публикации, Бракке вскоре после Готского съезда, выполняя пожелание Маркса, вернул ее автору. 28 июня 1875 г., сообщая Энгельсу о посылке рукописи, Бракке писал, что получил ее по настоятельному требованию от Либкнехта, который хотел было оставить у себя оригинал, но теперь просит сделать с него копию; это требуется ему в связи с подготовляемой им брошюрой о новой программе. Бракке не мог выполнить эту просьбу Либкнехта, ибо, по его словам, ни у него, ни у того, кому бы он «мог доверить рукопись, не было необходимого времени» [1]. Либкнехт выразил сожаление по этому поводу [2] и, видимо, тогда же, прежде чем отослать рукопись Бракке, сделал из нее выписки, которые через 15 лет были отчасти использованы им в докладе о программе партии на съезде в Галле.

Таким образом, в конце июня 1875 г. рукопись «Критики Готской программы» была возвращена Марксу и пополнила важнейшую часть его рукописного наследия. Оставаясь не опубликованной при жизни автора, эта работа тем не менее сыграла огромную роль во всей дальнейшей теоретической и практической деятельности основоположников марксизма, в их борьбе против оппортунизма, за утверждение принципов научного коммунизма в немецком и международном рабочем движении.

Серьезный предметный урок, преподанный Марксом и Энгельсом руководству германской социал-демократии, постепенно усваивался им, прежде всего в вопросе о значении научно обоснованной партийной программы для успешной борьбы немецкого рабочего класса. Уже на Готском съезде Либкнехт, призывая делегатов съезда принять в целом программу, предложенную комиссией, подчеркивал, что она является компромиссной программой, учиты-

---

[1] *Karl Marx, Friedrich Engels.* Briefwechsel mit Wilhelm Bracke, S. 77.

[2] В письме к Бракке от 28 июня 1875 г. Либкнехт писал: «То, что ты не смог сделать мне копию с циркуляра Маркса — об этом я очень сожалею, мне не хотелось бы быть таким пунктуальным с возвращением рукописи». (*Wilhelm Liebknecht.* Briefwechsel mit deutschen Sozialdemokraten, S. 639—640).

вающей наличие двух различных течений в партии, но «поддается совершенствованию» [1]. В последующие годы лидеры революционного крыла партии не раз поднимали вопрос об изменении программы. Так, Бебель в статье, опубликованной в 1878 г. в журнале «Zukunft», писал, что «наша партийная программа... нуждается в очень основательном пересмотре и изменении» [2]. В начале 80-х гг. редакция центрального органа партии — газеты «Sozialdemokrat», выходившей в Швейцарии, намеревалась даже развернуть кампанию за пересмотр программы и запрашивала в связи с этим мнение Энгельса [3]. Однако в суровых условиях исключительного закона против социалистов, когда партия была лишена возможности широких открытых дискуссий по принципиальным теоретическим вопросам, Энгельс считал такую кампанию несвоевременной, ибо это могло способствовать усилению раздоров внутри партии. «Изменение программы дало бы повод правому крылу разыграть из себя истинных блюстителей партийных принципов, верных старой, испытанной программе»,— писал Энгельс Бернштейну 4 ноября 1882 г., рекомендуя редакции серьезно подумать, «прежде чем бросить это яблоко раздора в партию, связанную по рукам и ногам» [4]. В 1887 г. на съезде германской социал-демократии в Санкт-Галлене по предложению Г. Шлютера было принято решение о разработке новой программы и была избрана комиссия, в которую вошли Бебель, Ауэр и Либкнехт [5]. Это решение и тот факт, что в программную комиссию вошли только бывшие эйзенахцы, свидетельствовали о росте влияния идей научного коммунизма в германской социал-демократии, об укреплении позиций марксистского ядра в партии. Однако решение съезда о подготовке новой программы оказалось возможным выполнить лишь в начале 90-х годов, когда для этого создались необходимые предпосылки.

---

[1] См. Protokoll des Vereinigungs-Congresses der Sozialdemokraten Deutschlands, abgehalten zu Gotha, vom 22. bis 27. Mai 1875, S. 33 und 37.

[2] См. *August Bebel.* Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. 1. 1863 bis 1878. Berlin, 1970, S. 532.

[3] Э. Бернштейн — Энгельсу, 1 ноября 1882 г. *Eduard Bernstein.* Briefwechsel mit Friedrich Engels. Assen, 1970, S. 151.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 35, с. 330.

[5] См. Verhandlungen des Parteitags der deutschen Sozialdemokratie in St. Gallen. Abgehalten vom 2. bis 6. Oktober 1887. Hottingen — Zürich, 1888, S. 47.

Падение Бисмарка и отмена в октябре 1890 г. закона против социалистов привели к созданию новых условий для деятельности германской социал-демократии. «Начался период быстрого роста вширь и вглубь, развития не только политической, но и профессиональной, кооперативной, просветительной и пр. организации сил пролетариата» [1]. Перед партией встала задача определения стратегии и тактики партии применительно к изменившимся условиям классовой борьбы. В связи с этим в ее рядах обнаружились разногласия, вновь повторился «партийный кризис, приблизительно того же характера, что и в половине 70-х годов» [2].

Против тактики партии выступила прежде всего левоанархистская группа «молодых», которая, не считаясь с новой обстановкой в связи с переходом партии на легальное положение, отрицала важность парламентской деятельности, обвиняла руководителей партии, в первую очередь Бебеля и Либкнехта, в мелкобуржуазном перерождении, стремилась навязать партии авантюристическую тактику. Советы и указания Энгельса в письмах Бебелю и Либкнехту, его выступления в партийной печати с разоблачениями антимарксистских взглядов и сектантской тактики «молодых» помогли германской социал-демократии сравнительно быстро справиться с этим «бунтом литераторов и студентов», как назвал Энгельс левоанархистскую оппозицию [3].

Но не меньшую опасность представляло в то время реформистское крыло в партии во главе с лидером баварских социал-демократов Фольмаром. Энгельс постоянно обращал внимание руководителей германской социал-демократии на необходимость решительного преодоления реформистского влияния, одним из источников которого продолжало оставаться лассальянство. Опасность этого влияния усугублялась в момент, когда в партии в соответствии с решениями Галльского съезда началась дискуссия по поводу Готской программы, в связи с подготовкой проекта новой программы [4].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 368.

[2] Там же.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, с. 85.

[4] Съезд Социалистической рабочей партии Германии, состоявшийся 12—18 октября 1890 г. в Галле по предложению Либкнехта, поручил Правлению партии к следующему съезду в Эрфурте составить проект новой программы и опубликовать его для обсуждения за три месяца до съезда.

У Энгельса возникли серьезные опасения, что активизация оппортунистических элементов могла сказаться и на характере будущей программы. А основания для таких опасений были [1]. Уже в первой редакционной статье «К вопросу о пересмотре программы», опубликованной в центральном органе партии — газете «Vorwärts» 8 января 1891 г. в связи с начавшейся дискуссией, проявилась тенденция защитить принципы Готского объединения и не подвергать программу коренному пересмотру. Необходимость изменения программы обосновывалась лишь наличием в ней «устаревших лассальянских положений», которые следовало устранить, но что «этот пересмотр не затронет ее основных принципов, речь должна идти лишь о более научном формулировании этих принципов» [2].

В такой ответственный для партии момент, когда речь шла о том, будет ли она вооружена боевой, марксистской программой или ей предложат «еще одну такую же скандальную программу» [3], Энгельс принял решение опубликовать «Критику Готской программы» Маркса и тем самым помочь партии выработать новую программу на марксистской основе. В предисловии к публикации Энгельс прямо писал, что в момент дискуссии о программе с его стороны «было бы преступлением... дальше... откладывать опубликование этого важного документа, пожалуй, самого важного из всех, относящихся к данной дискуссии» [4].

Одним из решающих мотивов, побудивших Энгельса ускорить опубликование рукописи Маркса, явилась речь Либкнехта о программе на съезде в Галле. В этой речи при анализе Готской программы и обосновании принципиальных положений будущей программы Либкнехт частично использовал выписки из Марксовой «Критики», а частично полемизировал с ней, не называя самого доку-

---

[1] Об усилении влияния оппортунистических элементов в партии сообщала Энгельсу Элеонора Маркс-Эвелинг, присутствовавшая на съезде в Галле в числе иностранных гостей. По ее мнению, Фольмар и его сторонники представляли «гораздо бóльшую опасность для движения», чем лидеры «молодых». Она считала, что «наши люди допускают ошибку, не сознавая в полной мере опасности Фольмара» (см. Элеонора Маркс-Эвелинг — Энгельсу, 16 октября 1890 г. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1965, Heft 7, S. 1203).

[2] «Vorwärts. Berliner Volksblatt», № 6, 8. I 1891.

[3] Энгельс — П. Лафаргу, 10 февраля 1891 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, с. 21.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, с. 95.

мента и имени автора [1]. Ознакомившись с речью Либкнехта, Энгельс, прекрасно знавший содержание «Критики», увидел, что эта речь вращалась, по существу, вокруг нее [2].

Как видно из переписки, Энгельс вскоре после съезда извлек рукопись из архива Маркса и в декабре 1890 г., прервав работу над брошюрой «Маркс contra Брентано», начал готовить рукопись к печати. 13 декабря 1890 г. он писал редактору журнала «Neue Zeit» Каутскому: «В скором времени ты получишь кое-что из литературного наследства Маркса, нечто совершенно новое и к тому же в высшей степени своевременное и актуальное. Рукопись уже переписана, но я должен еще просмотреть ее и, может быть, написать несколько вступительных строк. Но прошу тебя пока публично об этом не говорить» [3].

6 января 1891 г. Энгельс направил рукописную копию работы Маркса вместе со своим предисловием [4] в Штутгарт, в редакцию «Neue Zeit», а на следующий день в письме к редактору изложил свое мнение по этому вопросу. Прежде всего Энгельс сообщал о своем решительном намерении опубликовать рукопись, и именно в Германии. Предвидя возможные препятствия со стороны цензуры, Энгельс разрешил редакции опустить, в случае крайней необходимости, некоторые места, заменив их точками. Там же, где контекст не позволял этого сделать, он просил Каутского отметить такие места в корректуре с тем, чтобы

---

[1] См. Энгельс — К. Каутскому, 15 января и 23 февраля 1891 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, с. 7—8 и 31.

[2] Энгельс — А. Бебелю, 1—2 мая 1891 г. Там же, с. 72.

[3] Энгельс — К. Каутскому, 13 декабря 1890 г. Там же, т. 37, с. 441. В ЦПА ИМЛ хранится копия рукописи Маркса, сделанная рукой Луизы Каутской, выполнявшей обязанности секретаря Энгельса (ф. 1, оп. 1, д. 3606, лл. 1—15). Эта рукописная копия была обнаружена в бумагах Энгельса после его кончины и долгое время служила источником для публикаций работы Маркса, в том числе в первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Лишь в 1960 г. подлинник «Критики Готской программы» был передан в дар Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС правнуком Маркса — Марселем Шарлем Лонге. Для публикации в т. 19 второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса эта работа впервые была подготовлена в соответствии с оригиналом, причем при сличении его с рукописной копией подготовители тома обнаружили в ней, в целом довольно точной, пропуски отдельных слов, знаков препинания, курсивов.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, с. 95—96. При написании предисловия Энгельс использовал вышеупомянутую пометку Маркса на письме Бракке о возвращении рукописи автору, опустив ее в связи с этим при публикации.

Энгельс мог их изменить, заключить в скобки, а в предисловии оговорить, что эти места были изменены. Если же, писал Энгельс, кроме полицейских властей опубликование рукописи «вызовет неодобрение и еще кое-кого» (Энгельс намекал на членов редакции «Neue Zeit», прежде всего на издателя журнала — Дица), он просил переслать рукопись в Вену, где «ее, вероятно, можно будет полностью напечатать». Наконец, Энгельс в категорической форме заявил: «Ведь раз вы все равно не можете воспрепятствовать опубликованию рукописи, то гораздо лучше, чтобы она появилась в самой Германии, и именно в специально основанном для таких вещей партийном органе» — в «Neue Zeit» [1].

Благодаря настойчивости Энгельса редакция дала согласие напечатать рукопись. Получив «Критику», Каутский восторженно писал Энгельсу 8 января 1891 г.: «Она замечательна и пришла очень кстати. Вся дискуссия о программе получает тем самым новую основу... Опубликование *необходимо.* Именно теперь» [2]. Вместе с тем Каутский и Диц предложили смягчить и опустить ряд мест, касающихся характеристики некоторых лиц [3]. Энгельсу пришлось согласиться, поскольку это не меняло содержания «Критики», а для него в то время главным было «опубликовать эту рукопись, как только программа была поставлена на обсуждение» [4].

В конце января 1891 г. рукопись Маркса с предисловием Энгельса была опубликована в «Neue Zeit» под заглавием «К критике социал-демократической партийной программы. Из наследства Карла Маркса» [5]. Через некоторое время оказался вынужденным перепечатать «Замечания» Маркса и центральный орган партии — «Vorwärts» [6], после

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, с. 5.

[2] Friedrich Engels' Briefwechsel mit Karl Kautsky. Wien, 1955, S. 269.

[3] См. К. Каутский — Энгельсу, 13 января 1891 г. Ibid., S. 270; Энгельс — Каутскому, 15 января и 3 февраля 1891 г.; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, с. 7—8 и 17—18.

[4] Там же, с. 31. Опущенные при публикации и замененные точками места, а также текстологические разночтения между рукописью и публикацией см.: *K. Marx* und *F. Engels.* Werke. Bd. 19, S. 13—32. Berlin, 1962. (Опущенные места заключены в угловые скобки, разночтения отмечены в подстрочных примечаниях.)

[5] См. «Die Neue Zeit», № 18, Bd. 1, 1890—91, S. 561—575. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 11—32.

[6] «Vorwärts. Berliner Volksblatt», № 27 и 28; 1 и 3. II 1891. Beilage I. При перепечатке «Замечаний» Маркса редакция опустила письмо к Бракке и предисловие Энгельса, указав, что «кроме Бебеля все названные в письме лица ознакомились с рукописью».

того как попытки некоторых членов Правления партии побудить редакцию «Neue Zeit» отказаться от публикации рукописи и изъять весь тираж уже напечатанного номера журнала не увенчались успехом [1].

С большим вниманием ожидал Энгельс откликов на публикацию работы Маркса. Энгельс знал, что она доставит неприятность прежде всего тем руководителям германской социал-демократии, к которым в свое время было обращено письмо Маркса и которые вопреки ему пошли на принятие компромиссной программы. Он был уверен, что они не одобрят публикации, поэтому заранее не сообщил им о своем решении. Объясняя свой шаг, Энгельс позднее, 1—2 мая 1891 г., писал Бебелю: «Если бы я мог обсудить документ только с тобой и затем тотчас же отослать его Карлу Каутскому для опубликования, мы сговорились бы в течение двух часов. Но в данных условиях я считал, что ты был бы обязан — и лично, и с партийной точки зрения — обратиться за советом также и к Либкнехту. И я знал, к чему это приведет. Либо печатание документа не было бы допущено, либо, если бы я все-таки выступил с ним, началась бы открытая ссора, по крайней мере на некоторое время, в том числе и с тобой» [2]. Энгельс понимал, что публикацией работы Маркса, в которой дается беспощадная критика лассальянских реформистских иллюзий и впервые ясно и четко выражено отношение Маркса к линии Лассаля, он наносит удар по оппортунизму, а также по культу личности Лассаля, который длительное время поддерживался оппортунистическими элементами партии. В период господства закона против социалистов не было, разумеется, возможности, писал Энгельс, «выступить против культа Лассаля. Но этому нужно было положить конец, и я взялся за это дело... Я вообще не могу согласиться с тем, чтобы... историческая истина в подобных вопросах должна была отступить на задний план из соображений приличия и возможного недовольства внутри партии» [3]. Энгельс знал, что осуждением культа Лассаля он заденет чувства какой-то части партии, прежде всего бывших лассальянцев.

---

[1] См. Энгельс — К. Каутскому, 3 февраля 1891 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, с. 17—18; Энгельс — П. Лафаргу, 10 февраля 1891 г. Там же, с. 21; К. Каутский — Энгельсу, 6 февраля 1891 г. Friedrich Engels' Briefwechsel mit Karl Kautsky, S. 273—276; «Vorwärts», № 48, 26. II 1891.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, с. 72.

[3] Там же, с. 76—77.

Принимая решение о публикации «Критики Готской программы», Энгельс предвидел также возможные выпады против германской социал-демократии и всего социалистического движения со стороны враждебной буржуазной прессы. Потому он так и настаивал на публикации рукописи в официальном партийном органе. Появление «этой вещи в официальном органе,— писал он Каутскому 3 февраля 1891 г.,— притупляет жало выступлений наших противников и дает возможность сказать: смотрите, как мы сами себя критикуем, мы — единственная партия, которая может себе это позволить; попробуйте-ка последовать нашему примеру!» [1].

Все эти обстоятельства Энгельс учитывал. Но он верил в силы немецкой партии, был убежден, что она достаточно крепка, чтобы выдержать откровенный язык «Критики» Маркса, беспощадную самокритику своих ошибок и будет благодарна ему за опубликование рукописи [2].

И Энгельс не ошибся в своих предположениях. Действительно, как уже отмечалось, опубликование работы Маркса неодобрительно было воспринято в руководящих кругах партии, особенно в социал-демократической фракции, которая намеревалась публично заявить о том, что публикация осуществлена без ее ведома и одобрения [3]. В знак несогласия с шагом Энгельса почти все руководители партии прекратили с ним переписку, более двух месяцев не писал Энгельсу даже Бебель. Единственным корреспондентом из руководства партии, который продолжал переписываться с Энгельсом, был секретарь Правления Р. Фишер. Он не разделял точку зрения руководства, считавшего, будто время для публикации Марксовой «Критики» «является весьма неподходящим для партии» [4].

Напротив, в самой партии, среди ее рядовых членов, как и предвидел Энгельс, публикация рукописи Маркса была встречена с большим удовлетворением. Об этом писали Энгельсу его корреспонденты [5], это видел он и по

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, с. 17.

[2] См. там же, с. 18, 31.

[3] См. там же, с. 24.

[4] Р. Фишер — Энгельсу, 20 февраля 1891 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 5128; см. также: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, с. 48.

[5] Статья Маркса произвела глубокое впечатление на массы социал-демократов и получила одобрение, сообщал Каутский Энгельсу 6 февраля 1891 г. (Friedrich Engels' Briefwechsel mit Karl Kautsky, S. 273). 27 февраля 1891 г. Фишер информировал Энгельса

партийной печати, за которой внимательно следил. В течение февраля 1891 г. работу Маркса перепечатали все основные местные органы партии, в их числе дрезденская «Sächsische Arbeiter-Zeitung», «Braunschweiger Volksfreund», мюнхенская газета «Das Recht auf Arbeit», орган лейпцигских социал-демократов «Der Wähler». В отличие от «Vorwärts», которая при перепечатке работы Маркса опустила сопроводительное письмо к Бракке и предисловие Энгельса, все указанные газеты воспроизвели публикацию в том виде, как она была напечатана в «Neue Zeit», тем самым они, по существу, пошли вразрез с центральным органом партии.

Некоторые местные социал-демократические газеты не только перепечатали «Критику», но и посвятили ей специальные статьи. Так, «Sächsische Arbeiter-Zeitung» 10 февраля 1891 г. поместила весьма примечательную передовую под заглавием «Марксизм и лассальянство», которая полностью одобряла публикацию Энгельсом «Критики Готской программы». В статье отмечалось, что эта «Критика» «должна вызывать у нас чувство удовлетворения» и что «мы можем использовать замечания Маркса при разработке новой программы». Отвечая на инсинуации буржуазных критиков Маркса, газета писала: «Пусть противники умерят свое ликование по поводу резкой критики Марксом Готской программы. Мы благодарим за опубликование этой «Критики» и распространим ее при помощи своих газет во всех уголках, обсудим на собраниях». В статье указывалось, что первейшим долгом партии является всемерное распространение идей Маркса и Энгельса в массах [1].

В социал-демократической газете «Hamburger Echo» в № 33 8 февраля 1891 г. была помещена передовая статья под заглавием «К критике социал-демократической программы». Энгельс в письме Каутскому 11 февраля 1891 г. оценил ее как «весьма приличную», особенно если учесть, что ее редакторы «находятся еще под очень сильным влиянием лассальянства» [2]. В статье также отмечалась

о том, что «за исключением фракции и некоторой части бывших лассальянцев члены партии с одобрением восприняли опубликование работы Маркса. Вся партийная пресса перепечатала статью из «Neue Zeit» без всяких возражений или полемики против нее» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 5132).

[1] Более пространные выдержки из этой статьи см. в кн.: *Н. Е. Овчаренко.* В борьбе за революционный марксизм, с. 256—257.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, с. 27.

важность Марксовой «Критики» для разработки новой программы германской социал-демократии.

В момент, когда «Критика Готской программы» получала уже распространение и признание в партии, резким диссонансом прозвучала передовая статья, появившаяся в «Vorwärts» 13 февраля 1891 г. под заглавием «Письмо Маркса о программе» [1], которая выражала официальную позицию социал-демократической фракции рейхстага. Хотя в статье и отмечалась актуальность теоретических замечаний Маркса, которые следует проанализировать в связи с подготовкой новой программы, но в основном автор не одобрял публикацию и заявлял, что она осуществлена без ведома фракции и руководства партии. Статья выражала несогласие с данной Марксом характеристикой Лассаля, брала под защиту Готскую программу и ставила в заслугу эйзенахцам, что они приняли ее вопреки критике Маркса. В статье содержалась и такая печально-знаменитая фраза: «Германские социал-демократы не являются ни марксистами, ни лассальянцами, они — социал-демократы». В этом высказывании проявилось, по существу, непонимание принципиального характера внутрипартийных разногласий, та неясность в теоретических вопросах, в частности у Либкнехта, на которую указывал Энгельс [2].

Энгельс расценил передовую статью в «Vorwärts» как выпад против него и Маркса и намеревался вначале публично ответить на нее. Он не без основания считал Либкнехта автором этой статьи [3], написанной, видимо, под давлением оппортунистических лидеров социал-демократической фракции [4], стремившихся ослабить то благо-

---

[1] «Vorwärts. Berliner Volksblatt», № 37, 13. II 1891.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, с. 76.

[3] См. там же, с. 33, 37, 72, 75. Об авторстве Либкнехта свидетельствуют сохранившиеся гранки статьи из «Vorwärts» с его правкой, в которой просматривается стремление подчеркнуть данную в статье положительную оценку Готской программы. Так, перед фразой «нам не следует стыдиться нашей программы» Либкнехт добавил слово «нет», усилив тем самым ее звучание. («Нет, нам не следует стыдиться нашей программы». ЦПА ИМЛ, ф. 200, оп. 1, д. 189). О Либкнехте как авторе указанной статьи говорит и Меринг в своем письме к нему от 14 февраля 1891 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 200, оп. 4, д. 2943).

[4] В фонде Либкнехта хранятся черновые наброски, сделанные им, вероятно, на заседании социал-демократической фракции при обсуждении редакционной статьи перед ее публикацией. Такое предположение напрашивается на основании упоминания в на-

приятное впечатление, которое производила публикация работы Маркса на партийные массы.

Хотя некоторые газеты и перепечатали передовую статью из «Vorwärts» [1], однако она не изменила их общей положительной оценки работы Маркса, не удержала от публикации ее [2]. Подчиняясь, видимо, партийной дисциплине, поместил перепечатку статьи из «Vorwärts» и журнал «Neue Zeit» [3], сопроводив при этом ее следующим редакционным примечанием: «Мы не считали себя обязанными выносить письмо Маркса на обсуждение социал-демократической фракции или партийного руководства... и не скрывали своего намерения опубликовать его. Ответственность за публикацию несем только мы» [4].

Энгельс одобрил это примечание, но вместе с тем напомнил редактору Каутскому: «Если ты в № 21 «Neue Zeit» берешь на себя ответственность за публикацию, то это очень похвально с твоей стороны, но не забудь, что первый толчок дал все-таки я и что к тому же я до известной степени не оставил тебе выбора. Поэтому я беру главную ответственность на себя» [5]. В вопросе о публикации работы Маркса Каутский занимал в основном правильную позицию, вел себя в сложившейся ситуации, по оценке Энгельса, «очень смело» [6]. Что же касается поддержки и публичной защиты «Критики» Маркса от нападок, то в этом отношении он проявил непоследовательность и двойственность. Это сказалось не только в перепечатке указанной статьи из «Vorwärts» без всякого критического разбора, но и в опубликовании в том же № 21 «Neue Zeit» редакционной статьи «Наши программы», в которой проводилась, по существу, та же точка

бросках имени одного из лидеров оппортунистов Фроме и вопроса: «Почему письмо было адресовано Бракке?», пометки: «относительно Энгельса» (ф. 200, оп. 1, д. 188).

[1] См. «Sächsische Arbeiter-Zeitung», № 37, 14.II 1891; «Der Wähler», № 37, 14.II 1891.

[2] Редакция «Der Wähler», например, начав публикацию работы Маркса после перепечатки передовой из «Vorwärts», отметила в редакционном примечании «огромное значение этого документа, особенно в связи с дебатами о пересмотре программы» и выразила пожелание, «чтобы через ежедневную прессу он стал доступен самым широким кругам читателей» («Der Wähler», № 40, 18.II 1891).

[3] «Die Neue Zeit», № 21, Bd. 1, 1890—1891, S. 683—686.

[4] Ibid., S. 686.

[5] Энгельс — К. Каутскому, 23 февраля 1891 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, с. 30, 31.

[6] Энгельс — Ф. Зорге, 11 февраля 1891 г. Там же, с. 24.

зрения, в частности на Лассаля, что и в передовой в «Vorwärts»: «Точка зрения Маркса на Лассаля не является точкой зрения германской социал-демократии»,— отмечалось в статье [1].

Редактор «Neue Zeit» не дал также должного отпора члену социал-демократической фракции, депутату Грилленбергеру, который в своих выступлениях в рейхстаге 27 и 28 февраля 1891 г. осуждал революционные методы борьбы, проповедовал идею мирного врастания капитализма в социализм, отрекся от требования диктатуры пролетариата, содержащегося в «Критике Готской программы». Причем эти свои взгляды лидер оппортунистов выдавал за позицию всей германской социал-демократии [2]. Каутский в письмах к Энгельсу выражал возмущение действиями лидеров фракции. Так, в письме от 9 марта 1891 г., касаясь выступления Грилленбергера, Каутский писал Энгельсу: «О диктатуре пролетариата написано много нелепостей; еще больше наболтал об этом Грилло. Он фактически заявил, что германскую социал-демократию надо благодарить за то, что она не повиновалась *требованию* Маркса о включении диктатуры пролетариата в свою программу... Вместо диктатуры пролетариата теперь повсюду фигурирует либкнехтовское «врастание» в социализм. Я хотел было уже кое-что написать по этому поводу...» [3]. Однако Каутский так и не выступил в печати в защиту «Критики Готской программы». Свое молчание он мотивировал в письмах к Энгельсу тем, что у него-де нет «ни возможности, ни желания начинать и вести борьбу с фракцией» [4], что он «не хочет выглядеть скандали-

---

[1] «Die Neue Zeit», № 21, Bd. 1, 1890—1891, S. 680. Статья служила введением к напечатанным в этом же номере программным документам: Уставу Всеобщего германского рабочего союза, Уставу Международного Товарищества Рабочих и Эйзенахской программе. Эти документы, отмечалось в заключение статьи, «являлись руководящими для германской социал-демократии». (Ibid., S. 681—683).

[2] Отвечая на речь национал-либерала Беннингсена, сославшегося на тезис в «Критике Готской программы» о диктатуре пролетариата, Грилленбергер заявил, что «социал-демократическая партия не присоединилась к этому программному требованию Маркса», что в ее программе «никогда не было речи о революционной диктатуре пролетариата». (Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. VIII. Legislaturperiode. I. Session 1890/91. Bd. 3, S. 1805; «Vorwärts», № 251, 1.III 1891).

[3] Friedrich Engels' Briefwechsel mit Karl Kautsky, S. 285.

[4] К. Каутский — Энгельсу, 18 февраля 1891 г. Ibid., S. 279.

стом», да и опубликовать написанное негде будет, ибо «Neue Zeit», по его мнению, не является боевым органом, и издатель в этом вопросе его не поддерживает. Можно было бы использовать венскую «Arbeiter-Zeitung», но эта газета, объяснял Каутский, не имеет распространения в Германии. Эти объяснения являлись не более как отговорками, за которыми скрывалась непоследовательная уклончивая позиция редактора теоретического органа партии по отношению к нападкам оппортунистических лидеров фракции на революционное учение Маркса.

На открытые нападки оппортунистов Энгельс дал ответ сам в своем известном введении к третьему немецкому изданию работы Маркса «Гражданская война во Франции», выпущенному в 1891 г. к двадцатой годовщине Парижской коммуны. Заключительный абзац введения был прямо направлен против Грилленбергера и его сторонников: «В последнее время социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата» [1].

Убедившись в том, что опубликование работы Маркса «в самой партии... не вызвало абсолютно никакого возмущения», что «стрелы «Vorwärts» не попали в цель и не произвели никакого действия», а опасение, что «Критика Готской программы» «даст оружие в руки врагов, оказалось необоснованным» [2], Энгельс счел нецелесообразным вступать в открытую полемику с центральным органом партии, чтобы не давать лишнего повода для враждебных инсинуаций против социалистического движения. К тому же он не сомневался, что временная размолвка и трения с руководителями революционного крыла партии из-за публикации «Критики Готской программы» будут скоро преодолены и дружественные отношения восстановятся. И действительно, в начале апреля 1891 г. Энгельс получил письмо от А. Бебеля, а вслед за ним написал ему и председатель Правления партии П. Зингер [3].

В письме 30 марта 1891 г., объясняя свою позицию, Бебель писал, что он не возражал против публикации как

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, с. 201.

[2] Там же, т. 38, с. 31, 45.

[3] П. Зингер — Энгельсу, 2 апреля 1891 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 6009.

таковой, но не согласен с той формой, в которой она осуществлена. Прежде всего Бебель считал нецелесообразным публиковать сопроводительное письмо, ибо «оно задевало не программу, а нас,— причем меня к тому же совершенно незаслуженно,— так как письмо мне не было известно и, следовательно, я не мог действовать в его духе». Из объяснения Бебеля видно, что он сожалел по поводу того, что в проекте программы не были в свое время изменены раскритикованные Марксом положения. «То, что это не было сделано, для меня, после ознакомления с письмом Маркса, остается загадкой». В заключение Бебель писал, что будет «рад, если эта история постепенно забудется» [1].

Энгельс был очень доволен возобновлением переписки с руководителями партии. О получении «очень дружеских писем» от Бебеля и Зингера он с радостью написал Зорге 8 апреля 1891 года [2].

Опубликование «Критики Готской программы» вызвало широкий отклик и за пределами Германии. Энгельс получил много писем от своих соратников и последователей, от деятелей рабочего и социалистического движения других стран, в которых выражалось полное одобрение его действий.

«Вы оказали благородную услугу социалистической партии», «Статья Маркса о Готской программе великолепна»,— отмечал Поль Лафарг в письмах Энгельсу от 7 и 12 февраля 1891 года [3].

Фридрих Зорге писал Энгельсу 2 марта 1891 г.: «Опубликование письма Маркса в «Neue Zeit» доставило мне большую радость». Осудив отношение фракции и редакции «Vorwärts» к этой публикации, Зорге советовал Энгельсу не вступать с ними в объяснения, ибо, подчеркнул он, «у тебя есть более важные дела» [4]. С большим удовлетворением воспринял публикацию Марксовой «Критики» Герман Шлютер, который писал Энгельсу 10 марта 1891 г., что «она будет действовать очищающе» [5].

Высокую оценку «Критики Готской программы» дал немецкий экономист и философ Конрад Шмидт в письме

---

[1] August Bebels Briefwechsel mit Friedrich Engels, S. 407—409.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, с. 63.

[3] *Friedrich Engels, Paul* et *Laura Lafargue*. Correspondance. Tome troisième (1891—1895). Paris, 1959, p. 16, 20.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 5135.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 5145.

Энгельсу 5 марта 1891 года. Он выразил надежду, что «новая программа партии будет строиться на основе этой критики» [1].

Ветеран немецкого рабочего движения Фердинанд Вольф в своем письме от 28 февраля 1891 г. благодарил Энгельса за «прекрасное предисловие, предпосланное «Критике» Маркса», осудив при этом реакцию «Vorwärts» на письмо Маркса [2].

Свое удовлетворение публикацией работы Маркса высказал в письме Энгельсу от 21 февраля 1891 г. итальянский социалист Антонио Лабриола [3].

Значительный резонанс получила работа Маркса в социалистической и демократической печати. В 1891 г. она была полностью перепечатана из «Neue Zeit» в австрийской социалистической газете «Volksfreund» [4], в американской «New Yorker Volkszeitung» [5]. В том же году «Критика Готской программы» была напечатана в датском «Social-Demokraten» и издана отдельной брошюрой на шведском языке, в 1894 г. вышла во французском переводе [6].

В газетах и журналах появились также статьи, в которых излагалось содержание работы Маркса, отмечалось ее огромное значение не только для германской социал-демократии, но и всего социалистического движения.

В числе первых откликнулся на публикацию орган австрийской социал-демократии — венская «Arbeiter-Zeitung» в корреспонденции «Из Германии», опубликованной 6 февраля 1891 г. [7] В ней сообщалось, что в Германии Энгельсом опубликован документ огромного теорети-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 5141.

[2] См. Ф. Вольф — Энгельсу, 28 февраля 1891 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 5133.

[3] La corrispondenza di Marx e Engels con italiani (1848—1895). Milano, 1964, S. 370.

[4] «Volksfreund», № 3, 4, 6, 12, 26.II и 26.III 1891.

[5] «New Yorker Volkszeitung», Sonntagsblatt, № 7—9, 15, 22.II и 1.III 1891.

[6] См. «Revue d'Economie Politique», Paris, 1894. Т. 8. Более подробные сведения о публикациях «Критики Готской программы» см. в подготовленной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС книге: Прижизненные издания и публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Часть II. (Сентябрь 1864—1895). М., 1977.

[7] «Arbeiter-Zeitung», № 6, 6.II 1891. Автором корреспонденции являлся, вероятно, Адольф Браун, один из редакторов «Vorwärts», который не разделял мнения редакции о несвоевременности публикации работы Маркса (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, с. 24, 27).

ческого и практического значения — письмо Маркса, посвященное критике принятой в 1875 г. и ныне еще действующей программы партии. «Критика» Маркса, подчеркивал автор, «является мастерским произведением; она несомненно окажет плодотворное влияние на ход обсуждения программы. Она составляет в высшей степени ценную часть богатого наследия нашего учителя, и это заслуга Энгельса, что он опубликовал ее именно теперь, когда настало время с полной ясностью и без всяких компромиссов сформулировать теоретические основы нашей партии».

28 февраля 1891 г. обстоятельную острую статью опубликовала «New Yorker Volkszeitung» под заглавием «Критика Марксом программы партии» [1]. Автором статьи был Шлютер, который написал ее по совету Зорге [2]. В статье давался резкий отпор злобным инсинуациям буржуазной прессы, которая ухватилась за работу Маркса, главным образом ее полемическую форму, как за удобный повод для дискредитации социалистов. В ответ на эти выпады автор приводит выдержки из немецких рабочих газет, одобрявших публикацию Энгельсом работы Маркса. «То, что Маркс в 1875 г. изложил свое мнение о программе в форме письма, было его правом. То, что Энгельс и редакция «Neue Zeit» опубликовали это письмо, является их заслугой. В данном случае форму нельзя отрывать от содержания», подчеркивалось в статье. Шлютер подверг критике ошибочную позицию редакции «Vorwärts», пытавшейся воспрепятствовать опубликованию работы Маркса. Он справедливо заметил, что центральный орган партии придает слишком большое значение крикам буржуазной прессы по поводу публикации письма Маркса. Энгельс одобрительно отозвался о статье Шлютера, отметив ее решительный тон [3].

Большой интерес представляет также отклик на публикацию «Критики Готской программы», напечатанный в органе французской Рабочей партии — газете «Le Socialiste» 11 февраля 1891 г. под заглавием «На другой день после революции» [4]. В статье говорилось, что «в настоящее время социалистам нередко задают вопрос, что они будут

---

1 «New Yorker Volkszeitung», № 51, 28.II 1891.
2 См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, с. 45.
3 См. там же.
4 «Le Socialiste», № 21, 11.II 1891.

делать, когда придут к власти?». С исключительной глубиной и ясностью, отмечается в статье, ответ на это дают опубликованные в «Vorwärts» замечания Маркса. Далее приводится то место из «Критики», где Маркс пишет о переходном периоде между капитализмом и коммунизмом, о революционной диктатуре пролетариата [1]. Автор отмечает, что в работе Маркса намечен путь, по которому должны идти все социалисты. Эта статья свидетельствует о том, что орган французских социалистов обращал главное внимание своих читателей на глубокое теоретическое содержание «Критики Готской программы», на учение Маркса о диктатуре пролетариата как решающем орудии революционного преобразования капиталистического общества в коммунистическое. Она показывает также, что французские социалисты воспринимали работу Маркса как программу борьбы для всего международного рабочего движения.

Передовую статью под заглавием «Посмертное произведение Карла Маркса» напечатал 20 февраля 1891 г. и орган итальянских социалистов — журнал «Critica Sociale». В ней также подчеркивалось огромное теоретическое значение работы Маркса [2]. Редактор журнала Турати направил первые три номера этого журнала Энгельсу и в сопроводительном письме выразил удовлетворение публикацией работы Маркса [3]. Энгельс ответил Турати 7 марта 1891 г., что публикацией работы Маркса в «Neue Zeit» он «исполнил свой долг перед памятью Маркса, с одной стороны, и перед немецкой партией — с другой» [4].

Откликнулась на публикацию рукописи Маркса и швейцарская демократическая газета «Züricher Post», посвятив ей часть передовой статьи в номере от 10 февраля 1891 года. Автором ее был Франц Меринг [5], который, хотя и не вполне соглашался с Марксом в оценке Готской программы, и прежде всего Лассаля, в то же время отметил, что опубликование этого документа свидетельствует о силе и боеспособности германской социал-демократии, о ее

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 27.

[2] «Critica Sociale», № 3, 20.II 1891.

[3] См. Ф. Турати — Энгельсу, 23 февраля 1891 г. «La corrispondenza di Marx e Engels con italiani...», S. 371—372.

[4] Энгельс — Ф. Турати, 7 марта 1891 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, с. 42.

[5] См. Ф. Меринг — В. Либкнехту, 14 февраля 1891 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 200, оп. 4, д. 2943).

стремлении со всей объективностью и самокритикой уяснить цели своей борьбы [1].

«Критика Готской программы» Маркса, а также написанная вскоре работа самого Энгельса «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» [2] оказали решающее влияние на ход партийной дискуссии, на разработку проекта новой программы германской социал-демократии. То, что новая программа, принятая на Эрфуртском съезде в октябре 1891 г., была в основе своей марксистской, является результатом настойчивой бескомпромиссной борьбы Энгельса против оппортунизма за утверждение принципов научного коммунизма в программе германской социал-демократии.

На примере публикации «Критики Готской программы» Энгельс показал образец исключительной твердости, партийной принципиальности в защите чистоты марксистской теории. Своими действиями он преподал революционным марксистам весьма поучительный урок, не потерявший своей актуальности и в наше время.

---

[1] «Züricher Post», № 34, 10.II 1891. См. также перепечатку этой части статьи в «Vorwärts», № 38, 14.II 1891.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, с. 227—243.

Л. И. ГОЛЬМАН

Несостоятельность буржуазных критиков и ревизионистских интерпретаторов «Критики Готской программы» К. Маркса

В современной идеологической борьбе между силами социализма и капитализма значительное место занимают попытки идеологов империалистической буржуазии исказить и опорочить великое учение Маркса, Энгельса и Ленина. Литературная активность буржуазных и реформистских авторов в области теории и истории марксизма возрастает. Ими самими это нередко изображается как некий «ренессанс марксизма» на Западе, как проявление якобы искреннего стремления западных кругов разобраться в марксистском учении. На деле эта активность нередко отражает реакцию современных антикоммунистов на действительно чрезвычайно возросший в современном мире под влиянием объективных успехов реального социализма и марксистско-ленинского мировоззрения интерес широких масс к марксизму-ленинизму и свидетельствует об упорных, лихорадочных поисках буржуазными идеологами новых способов и приемов опровержения революционной теории рабочего класса. Авторы вышедшей недавно в ГДР книги «Нищета «марксологии»» справедливо отмечают, что буржуазная, а также ревизионистская фальсификация марксизма-ленинизма становится в наше время все более распространенной формой идеологического сопротивления буржуазии прогрессу социализма. В то же время тенденциозный, пристрастный характер «марксологической» литературы, ее методологическая беспомощность и несостоятельность приводимых ею аргументов, нарочитое искажение в ней фактов и идей служат одним из показателей кризиса современной буржуазной идеологии в целом [1].

---

[1] См. *Рольф Бауэрман, Карлхейнц Гейер, Эльмар Юлиер.* Нищета «марксологии». Критика фальсификаций учения Маркса и Энгельса (пср. с нем.). М., 1976, с. 34—35.

Антимарксистские и антикоммунистические тенденции присущи толкованию буржуазными «марксологами» любого периода жизни и деятельности Маркса и Энгельса и каждого из теоретических произведений, написанных ими. Не составил исключения в этом отношении и один из самых выдающихся программных документов научного коммунизма — «Критика Готской программы» Маркса,— произведение, в котором особенно проявилась мощь теоретического обобщения и научного предвидения великого учителя пролетариата, его способность заглядывать на столетия вперед в будущее.

Правда, следует отметить, что буржуазная «марксология» не всегда охотно обращается к «Критике Готской программы». Это произведение фигурирует в буржуазной литературе реже, чем другие известные работы Маркса. Один из современных американских биографов Маркса Альберт Александер [1] вообще не удостаивает ее упоминания в соответствующем разделе своей книги, так же как автор обширного предисловия к первому тому издающейся в США 13-томной «Библиотеки Карла Маркса» Саул Педовер. Поместив это произведение в данном томе, посвященном проблеме революции, он обходит ее молчанием в своем вводном обзоре развития взглядов Маркса на социалистическую революцию. И это не является случайным пропуском. Вслед за Э. Бернштейном, И. Берлином, Б. Вольфом Педовер рисует эволюцию воззрений Маркса как переход от революционности якобы сектантско-бланкистского типа в 40-е годы к реформизму в 60-е и последующие годы, как отказ от идеи революционного преобразования капиталистического общества и признание предпочтительности медленной и постепенной трансформации его путем реформ [2]. Написанная в 1875 г. «Критика Готской программы», в которой дается четкая характеристика диктатуры пролетариата — орудия революционного коммунистического переустройства общества, явно опрокидывает эту надуманную схему. Неудивительно поэтому, что американский буржуазный комментатор воззрений Маркса на революцию попросту предпочел умолчать об этом произведении, написанном в период, который

---

[1] См. *A. Alexander*. Karl Marx. The Father of Modern Socialism. New York, 1969.

[2] См. *Saul K. Padover*. Karl Marx as revolutionist. Introduction to the «Karl Marx Library», vol. I. «On Revolution». New York, 1971, p. XXVIII—XXIX.

он пытается изобразить временем якобы пересмотра Марксом его прежних революционных взглядов, синтезированных, по признанию самого же Педовера, в положении о диктатуре пролетариата.

Обходит молчанием «Критику Готской программы» и известный французский «марксолог» Максимилиан Рюбель в недавно выпущенном собрании своих статей, полном антикоммунистических и антисоветских выпадов и снабженным характерным общим заглавием «Критика Марксом марксизма». Объясняется это стремлением Рюбеля приписать Марксу анархистское истолкование Парижской коммуны. Маркс, старается «доказать» Рюбель, видел в ней революцию, направленную против всякой государственности, в противовес Энгельсу и Ленину, которые — якобы в отличие от Маркса — считали ее попыткой установления диктатуры пролетариата[1]. «Критика Готской программы», в которой формула о диктатуре пролетариата выведена, безусловно, не только в порядке развития всех прежних взглядов Маркса на закономерности революционного перехода от капитализма к социализму, но и на основании обобщения практической деятельности Парижской коммуны, разумеется, совершенно не устраивает Рюбеля. Однако в своем «Опыте интеллектуальной биографии Карла Маркса», претендующем на полное освещение его духовного развития, Рюбель все же не мог не сказать что-либо об этом произведении, но сделал это мимоходом, как бы нехотя. Он поспешил здесь изобразить идею пролетарской революции и диктатуры пролетариата в «Критике Готской программы» эпизодическим, мимолетным рецидивом характерных для конца 40-х и начала 50-х гг. воззрений ее автора. Произошла, уверяет он, гальванизация прежних, в целом якобы пересмотренных политических идей Маркса, навеянных революцией 1848 г., и в этом свете он взглянул на Парижскую коммуну иначе, чем в «Гражданской войне во Франции», в которой она якобы трактовалась в духе близких анархизму антигуверменталистских концепций о необходимости ликвидации всякого государства как источника отчуждения человеческой личности. В этом карикатурном изображении «Критика Готской программы» — вершина развития Марксом теории научного коммунизма — выглядит неким времен-

[1] См. *M. Rubel.* Marx critique du marxisme. Essais. Paris, 1974, p. 267—288.

ным отклонением в его духовной эволюции, продуктом известного движения его мысли вспять [1].

Даже более объективный буржуазный автор англичанин Дэвид Мак-Леллан в своей обширной биографии Маркса отвел «Критике Готской программы» менее трех страниц, посвящая при этом, например, «Экономическо-философским рукописям 1844 года» 24 страницы [2]. Само содержание «Критики» он излагает более или менее добросовестно, но объективистски, без всякой попытки дать оценку ее теоретического и исторического значения.

Такое отношение многих буржуазных «маркологов» к произведению Маркса, в котором раскрыты закономерности перехода от капитализма к коммунизму и обосновывается положение о двух фазах коммунистического общества, разумеется, не случайно, оно свидетельствует о попытках — сознательных у большинства и, возможно, субъективно не осознанных у некоторых, но вытекающих из общего подхода к марксизму буржуазной «марксологии»,— умалить теоретическое содержание этой работы. Вынужденное упоминание скороговоркой или вообще умолчание служит средством тенденциозного низведения «Критики Готской программы» в ранг второстепенных произведений, а вместе с тем и всяческого принижения значения развитых в ней идей научного коммунизма.

С другой стороны, в интерпретации буржуазными и ревизионистскими авторами «Критики Готской программы» нашли яркое выражение многие характерные тенденции современной «марксологии».

Одна из них связана с попыткой изобразить последнее десятилетие в жизни Маркса, когда и была создана эта работа, периодом глубокого упадка его жизненных сил и творческой энергии. Согласно этой лживой версии, Маркс после перенесения Генерального Совета в Нью-Йорк в 1872 г. до самой своей смерти якобы держался совершенно в стороне от рабочего движения, лишь в очень редких случаях проявляя какую-либо активность, и не делал никаких серьезных усилий для доведения до конца своих научных трудов. Некоторые «марксологи» пытаются «объяснить» эту мнимую духовную прострацию Маркса переживаемой им будто бы внутренней депрессией, разочаро-

---

[1] См. *M. Rubel.* Karl Marx. Essai de la biographie intellectuelle. Nouvelle édition. Paris, 1971, p. 394—400.

[2] См. *D. Mac-Lellan.* Karl Marx. His Life and Thougth. London, 1973, pp. 104—128, 431—434.

ванием в своей теории и сознанием крушения своих революционных планов [1].

Роберт Пейн, автор грубо клеветнической биографии Маркса, шокировавшей даже сотрудников литературного приложения к «Times», назвал этот период жизни Маркса «бесплодными годами». Последнее десятилетие деятельности великого мыслителя и революционера, заполненное, как известно, несмотря на прогрессирующую болезнь, напряженнейшей работой над незаконченными томами «Капитала», занятиями многочисленными проблемами естественных и общественных наук, постоянной помощью социалистам многих стран в борьбе за создание пролетарских партий, Пейн злопыхательски представляет как время прозябания в безвестности. Маркс, уверяет Пейн, будто бы отказался в эти годы от каких-либо научных планов и участия в революционной борьбе, довольствуясь покоем и комфортом, созданным ему его другом Энгельсом.

Страницы подлинной биографии Маркса этих лет, раскрывающие его научную деятельность и творческие планы, его заботы об укреплении германской социал-демократической партии, о создании Рабочей партии Франции, его связи и переписку также с социалистами других стран — Англии, Бельгии, Голландии, Италии, Испании, США и т. д., с русскими революционерами и общественными деятелями, участие в создании «Анти-Дюринга» Энгельса, интервью в органах печати и т. д., не оставляют камня на камне от подобных злобных вымыслов. Не говоря уже о многочисленных других рукописях Маркса, одна лишь «Критика Готской программы» своим гениальным содержанием показывает полную беспочвенность инсинуаций Пейна. Даже он вынужден признать это произведение «последним значительным выступлением Маркса в его общественной жизни» [2]. Но и это обстоятельство ничуть не останавливает Пейна и других буржуазных клеветников. Они силятся либо объяснить его случайным и кратковременным пробуждением якобы угасающих творческих потенций Маркса, вызванным раздражением «непослушным поведением» его учеников в Германии, которые, вопреки его советам, объединились с лассальянцами, либо саму «Критику Готской программы» представить плодом фантазии, лежащей за пределами науки. Сам Пейн дости-

---

[1] См., например: *A. Alexander*. Op. cit., p. 119.

[2] *R. Payne*. Marx. A Biography. New York, 1968, p. 470.

гает вершин цинизма и неприличной даже с точки зрения буржуазной журналистики развязности при характеристике этого произведения. Идеи Маркса о будущем коммунистическом обществе он объявляет, например, «ребяческой мечтой о стране с молочными реками и кисельными берегами» [1].

Таким образом, в буржуазной «марксологии» создан и бытует по сей день миф не только о двух, но и о трех Марксах. К легенде о молодом Марксе — абстрактном гуманисте, не имеющем якобы ничего общего с Марксом — идеологом пролетариата периода последующего творчества, добавляется побасенка о разочаровавшемся в теории и практике рабочего движения, согнувшемся под бременем сознания неосуществимости своих революционных идей пожилом человеке. В этот мрачный миф о «старом Марксе», смысл которого, как и мифа о «Марксе молодом», заключается в попытке оспорить цельность и стройность марксистского учения, буржуазные фальсификаторы стремятся вписать свое искаженное изображение «Критики Готской программы» как якобы воплощение чистой фантазии.

Другой распространенной в буржуазной «марксологии» тенденцией, частично перекликающейся с вышеуказанной, является стремление оспорить научный характер взглядов Маркса на всемирно-историческую миссию пролетариата, пролетарскую революцию и будущее коммунистическое общество. Наиболее рьяные «опровергатели марксизма» силятся зачислить все марксистское учение в разряд утопии, не останавливаясь даже перед отождествлением марксизма с религией и этим пытаясь объяснить силу воздействия его на массовое сознание. Другие, более «гибкие» представители буржуазной «марксологии» придерживаются тезиса о дуалистическом характере марксистского мировоззрения, о сочетании в нем научных и ненаучных, утопических элементов. К утопическим или идеологическим — этим термином довольно часто пользуются буржуазные авторы, толкуя идеологию только в смысле ложного классового сознания,— элементам «марксологии» в первую очередь относят то, что составляет революционную душу марксизма — учение об исторической роли рабочего класса, о его диктатуре, о путях коммунистического преобразования общества. Разумеется,

---

[1] *R. Payne*. Marx. A Biography. New York, 1968, p. 471.

«Критика Готской программы» причисляется к тем произведениям, где этот приписываемый Марксу утопизм выражен особенно резко.

В наиболее грубой форме интерпретация «Критики Готской программы» в духе изображения марксистских идей утопией, причем утопией иррациональной, религиозного толка, содержится в книге «Карл Маркс. Психография» швейцарского философа и социолога Арнольда Кюнцли, одного из буржуазных авторов, избравших «Критику Готской программы» главным объектом нападок на марксизм. Эта работа занимает центральное место в заключительном разделе его толстой «Психографии», в котором швейцарский антикоммунист пытается дискредитировать не столько личность Маркса, чему посвящены предыдущие разделы его книги, сколько его учение, и прежде всего теорию научного коммунизма.

В отличие от сторонников противопоставления молодого Маркса зрелому Кюнцли считает, что в произведениях всех периодов жизни Маркса выражены одни и те же идеи, что все его литературное наследство представляет собой, по существу, вариации на одну тему — отчуждение и пути его преодоления. Марксову концепцию отчуждения Кюнцли при этом объявляет результатом психологических особенностей его характера, происхождение ее он выводит из отчужденности, как черте, якобы свойственной психике самого Маркса. Из концепции отчуждения, старается уверить читателей Кюнцли, Марксом сделаны все его революционные и коммунистические выводы, носящие якобы столь же субъективный и волюнтаристский характер, как и сама концепция. В системе взглядов Маркса она играет такую же роль, как в христианской религии учение о первородном грехе, во искупление которого человечество должно страдать и приносить жертвы ради спасения и блаженства в раю.

Из вышесказанного отнюдь не следует, что Кюнцли рассматривает марксизм как некую цельную и стройную, пусть даже ложную, с его точки зрения, теорию. Наоборот, он постоянно твердит о противоречивости, непоследовательности, туманности и двусмысленности взглядов Маркса, приписывая ему «колебания между утопией и эсхатологией, между историей и священным писанием, между разумом и откровением» [1]. Но эти противоречия он

[1] *Arnold Künzli.* Karl Marx. Eine Psychographie. Wien — Frankfurt — Zürich, 1966, S. 783.

старается представить якобы органическим свойством марксизма в целом, не связывая их с различиями в разных периодах творчества Маркса, как это делают другие «марксологи». Кюнцли стремится изобразить взгляды Маркса чем-то изначально застойным и догматическим, не претерпевшим на разных стадиях сколько-нибудь существенного развития. Поэтому он и предпочитает атаковать теорию научного коммунизма Маркса не с начального, а как бы с конечного пункта, облюбовав для критики произведение итогового порядка, в известной степени венчающее Марксово литературное наследие в этой области.

Принципиально отказываясь рассматривать марксизм как развивающееся учение, Кюнцли искусственно сближает «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и «Критику Готской программы» 1875 г., как будто между этими двумя работами не лежали десятилетия становления и совершенствования марксистского учения, гигантский научный труд Маркса, два его великих открытия — материалистическое понимание истории (летом 1844 г. Маркс находился еще на начальной ступени его разработки) и теория прибавочной стоимости,— обобщение опыта революционного движения, в том числе таких событий, как революция 1848 г. и Парижская коммуна 1871 года. Кюнцли заявляет, полемизируя с О. Корню, что понятие «грубый коммунизм» в «Экономическо-философских рукописях» означает не грубо-уравнительные течения в утопическом социализме, а ту стадию развития, которую в «Критике Готской программы» Маркс обозначал как переходный период от капитализма к коммунизму. Поэтому все отрицательные черты, связанные в рукописи 1844 г. с этим понятием,— всеобщее разрушение, террор, проявление животных инстинктов, падение морали, даже проституция и общность жен и т. д.,— относятся якобы в понимании Маркса и к переходному периоду, к государству переходного периода — диктатуре пролетариата. Повторяя идеи рукописей 1844 г. в «Критике Готской программы», Маркс умолчал, уверяет Кюнцли, об этой мрачной стороне дела, причем сугубо из тактических соображений: он будто бы не желал на глазах у рабочих впадать в противоречие с написанным им панегириком Парижской коммуне, в которой он — совершенно ошибочно, с точки зрения Кюнцли,— увидел прообраз диктатуры пролетариата. Но сам Маркс, старается внушить читателю швейцарский

антимарксист, продолжал считать период этой диктатуры неким «бедственным состоянием», при котором сохраняется и насилие над личностью, и отчуждение, и принудительный труд, и изъятие прибавочной стоимости у работников под видом создания общественных фондов [1].

Совершенно очевидно, что все эти хитросплетения имеют целью очернить саму идею пролетарской революции и диктатуры пролетариата, создав фальшивую видимость, будто сам провозвестник этой идеи связывал ее только с насилием и разрушением и выступал как апостол последнего. Вряд ли нужно доказывать, что утверждения Кюнцли представляют собой бесцеремонную фальсификацию взглядов Маркса. Грубой натяжкой является отождествление критики «грубого коммунизма» в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», когда у Маркса еще вообще отсутствовало понятие диктатура пролетариата, с мыслями о переходном периоде и его политической форме — пролетарском государстве в «Критике Готской программы» [2].

---

[1] *A. Künzli.* Op. cit. S. 728—732, 739—741.

[2] Здесь нет возможности подробно останавливаться на ложном истолковании Кюнцли самих «Экономическо-философских рукописей 1844 года». Достаточно указать лишь на то, что он грубо искажает содержащиеся в этой работе идеи о революционном коммунистическом преобразовании общества — идеи, которые, хотя и были выражены еще в терминологии фейербахианской философии, отличающейся от выработанного позднее марксистского понятийного аппарата, составили зародыш взглядов, развитых Марксом потом в его зрелых произведениях. Прежде всего Кюнцли замалчивает тот факт, что в этих рукописях Маркс рассматривает «грубый коммунизм» лишь как *одну* из форм протеста против строя частной собственности, отрицания этого строя, более того, как первоначальную, примитивную и незрелую форму такого протеста. «Грубый коммунизм» выражал стремление к всеобщей социальной нивелировке, аскетическому равенству, возврату «к простоте *бедного,* грубого и не имеющего потребностей человека...» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 42, с. 115), свойственное плебейским массам средневековья, предпролетариату, пролетаризирующимся ремесленникам и идеологам этих слоев — представителям грубоуравнительного, утопического социализма и коммунизма. Кюнцли совершает прямую подтасовку, приписывая Марксу толкование «грубого коммунизма» как воплощения перехода от буржуазного общества к обществу, не знающему частной собственности. На самом деле Маркс связывает этот революционный переворот с другой, гораздо более зрелой и развитой формой коммунизма, которую он обозначает как «завершенный гуманизм». В ней он видит более высокую ступень революционного движения, подлинный рычаг для *«положительного* упразднения *частной собственности»,* ликвидации всякого гнета и отчуждения человека и обеспечения

Предельно искажено Кюнцли само содержание воззрений Маркса на переходный период. Маркс во всех своих произведениях, и в ранних, и в поздних — разумеется, с разной степенью разработанности,— представлял его как великий преобразовательный процесс, в котором в полную меру раскрывается способность к историческому творчеству, инициатива и энергия передового революционного класса, широких народных масс, их созидательная, а отнюдь не только и не в первую очередь разрушительная, роль в истории. Таким в действительности и был переходный период в СССР и в других странах, совершивших социалистическую революцию. Под мещанским пером швейцарского психографа этот величественный исторический процесс превращен в сплошную цепь страданий, бедствий и неурядиц.

Главные усилия Кюнцли направлены на то, чтобы, вопреки историческим фактам, изобразить прежде всего на примере «Критики Готской программы» Марксову теорию социалистической революции вообще некоей мистификацией и религиозной химерой. Он стремится доказать, будто эта теория является воспроизведением примитивных религиозных верований, заимствованных из Ветхого и Нового Завета, из религиозной мифологии Древнего Востока, хилиастических фантазий первоначального христианства, из мистических учений средневековых еретических сект — милленариев, иоахимитов, таборитов, анабаптистов и т. д. Мысли Маркса о классовой борьбе, уверяет Кюнцли, это модернизированный вариант древнеперсидских верований о борьбе добра и зла, Ормузда и Аримана, положение об исторической миссии пролетариата — модификация ветхозаветной догмы об избранном народе Израиля, теория пролетарской революции — заимст-

---

ему подлинного человеческого бытия (см. там же, с. 116). Заглядывая еще дальше в будущее, Маркс предсказывает, что установившийся в результате этого переворота общественный строй в дальнейшем перерастет в новый, еще более совершенный (см. там же, с. 127). Можно сказать, что в весьма расплывчатой терминологически и, по существу, еще в эмбриональной форме Маркс высказал здесь мысль о двух фазах развития будущего коммунистического общества. Таким образом, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» действительно можно проследить истоки научно обоснованного в «Критике Готской программы» положения о двух фазах коммунизма, но отнюдь не мнимое тождество «грубого коммунизма» и переходного периода, которым Кюнцли пытается связать эти две работы разных периодов, фальсифицируя содержание каждой из них.

вование апокалипсических представлений о страшном суде, взгляды на переходный период — повторение христианского мифа о чистилище, и наконец, прогноз коммунистического общества — воспроизведение хилиастических мечтаний о царстве божием на земле [1]. В доказательство своих абсурдных вымыслов Кюнцли, естественно, не может привести ни одного факта, за исключением нелепой ссылки на то, что в своих ранних произведениях Маркс часто пользовался библейскими образами, а потому якобы «библейские традиции играли в его подсознательной сфере доминирующую роль» [2].

Особенно разносной критике подвергает Кюнцли прогноз будущего коммунизма в «Критике Готской программы». Он старается уверить читателя в абсолютной иллюзорности этого прогноза. Рисуя идеал общества без классов и государства, без порабощения человека человеком, без неравенства и отчуждения, Маркс, утверждает Кюнцли, ссылаясь на западногерманского антимарксиста Боркенау и других «марксологов», создал несбыточную картину некоего аморфного общественного организма, картину нереального общества, лишенного социальной структуры.

В своих представлениях о бесклассовом обществе Маркс, заявляет Кюнцли, якобы не учел воздействия на социальную структуру помимо изменений в экономике, отмены частной собственности на средства производства, других, в частности психологических, факторов, таких, как эгоизм, властолюбие, стремление к господству. Эти черты, воспитываемые в людях эксплуататорским строем, Кюнцли, как типичный буржуа, изображает естественными и вечными, соответствующими самой природе человека. Не обошелся он и без пошлых, претендующих на иронию фраз о том, что в Марксовом «коммунистическом раю» волки будут жить в мире с овцами, а львы пастись вместе с волами [3].

Кюнцли заявляет, что представление Маркса о высшей фазе коммунизма противоречит якобы его собственной теории, согласно которой общественное развитие происходит на основе диалектических законов, в процессе борьбы противоположностей. Приписывая Марксу абсурдную мысль об исчезновении всяких общественных противоречий при коммунизме, затушевывая различие между антагонистиче-

---

[1] См. *A. Künzli*. Op. cit., S. 634, 692—693, 706—710, 725.
[2] Ibid., S. 805.
[3] Ibid., S. 806—810, а также S. 780—782.

скими и неантагонистическими противоречиями, Кюнцли уверяет, будто в коммунистическом бесклассовом обществе, черты которого охарактеризованы в «Критике Готской программы», должны исчезнуть всякие стимулы к движению вперед. С исчезновением противоречий исчезнет диалектика. Наступит конец истории! [1]

При чтении книги Кюнцли многие его выпады против учения Маркса представляются настолько вздорными и нелепыми, что возникает мысль, заслуживают ли они вообще критического разбора и опровержения. Однако Кюнцли является отнюдь не одиноким странствующим рыцарем антикоммунизма. В утрированной, а порой даже в доведенной до прямого абсурда форме он выразил общую линию буржуазной «марксологии», одно из главных, если так можно выразиться, стратегических направлений ее атак на марксизм-ленинизм — стремление искусственно развенчать конечную цель коммунистического движения, представить в окарикатуренном и опошленном виде марксистское представление о коммунистическом обществе.

Так, например, тезис о «конце истории» при коммунизме как якобы проявлении непоследовательности и противоречивости марксистского понимания общественного развития на стадии антагонистического и на стадии бесклассового общества взят на вооружение также другими «марксологами» и нередко используется ими в антимарксистских целях, в том числе и при трактовке «Критики Готской программы».

Характерна в этом смысле интерпретация Марксова прогноза коммунизма американским профессором Робертом Такером, автором книг «Философия и миф у Карла Маркса» и «Марксистская революционная идея» [2]. Такер придерживается версии о сочетании в марксизме двух начал — научного и утопического, стараясь при этом елико возможно приуменьшить первое, свести его к анализу происхождения буржуазного общества («теории модернизации», по его терминологии), а все остальное, в первую очередь теорию научного коммунизма, отнести к области утопии, и даже религиозной утопии. «То, что революционная идея Маркса имеет моральное значение, достаточно ясно,— пишет он.— Но это явление, по-видимому, было бы

---

[1] См. *A. Künzli*. Op. cit., S. 794—797.

[2] *R. Tucker*. Philosophy and Myth in Karl Marx. Cambridge, 1961; The Marxian Revolutionary Idea. New York, 1969.

точнее описать не как этическое, а как религиозное по своей природе... Маркса можно было бы охарактеризовать как революционера религиозного склада» [1]. Разумеется, к категории утопических идей причисляет он и взгляды Маркса на будущее коммунистическое общество, высказанные в разных работах, начиная от «Экономическо-философских рукописей 1844 года» до «Критики Готской программы». В отличие от Кюнцли Такер, однако, не прибегает к злословию по поводу этих взглядов, объявляет даже привлекательными и гуманными идеи Маркса о предстоящей смене существующего «отчужденного мира» новым, не знающим отчуждения миром, а Марксову «футурологию» чуть ли не наиболее интересной и важной частью его литературного наследия [2]. Это, однако, не мешает Такеру объявить коммунистический прогноз Маркса нереальным, далеким от науки, чуждым скептическому образу мыслей людей второй половины XX века, которые не могут «воспринимать будущее в марксистском духе оптимизма милленариев» [3].

В подкрепление своего скептицизма Такер и выдвигает соображение, будто, согласно марксистской концепции, утверждение коммунистического строя должно поставить предел историческому прогрессу, лишить общество перспективы дальнейшей эволюции, покончить с человеческой историей, не в смысле существования людей, а в смысле социального развития. «Позитивный гуманизм,— пишет он, имея в виду коммунизм в понимании Маркса,— означал финиш человеческого развития» [4].

Таким образом, ту ступень общественной жизни, которую Маркс еще в 1844 г. связывал с действительным разрешением противоречий (разрешением, а не исчезновением их!) «между человеком и природой, человеком и человеком» [5] и которую Энгельс позднее обозначал как начало подлинной истории человечества, рассматривая весь прежний исторический путь лишь как предысторию, ту стадию, на которой человеческое общество совершит скачок «из царства необходимости в царство свободы» [6], буржуазные идеологи спешат объявить концом общественного прогрес-

---

[1] *R. Tucker.* The Marxian Revolutionary Idea, p. 32.
[2] Ibid., p. 217—225.
[3] Ibid., p. 224.
[4] Ibid., p. 221.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 42, с. 116.
[6] Там же, т. 20, с. 295.

са, конечным пунктом исторического процесса [1]. Не делая сколько-нибудь серьезной попытки проанализировать действительные взгляды основоположников марксизма на характер и особенности развития коммунистического общества, буржуазные «опровергатели» взглядов Маркса приписывают ему смехотворное желание опустить занавес на историческую сцену как раз в тот момент, когда для исторического прогресса открываются новые перспективы.

Марксистская теория коммунистического преобразования общества является утопией! Таково последнее слово буржуазной «марксологии», независимо от того, выражено ли оно в форме злопыхательского шаржа на взгляды Маркса, как в книге Кюнцли, или в форме изображения этих взглядов неким успокоительным, хотя и малоэффективным средством, помогающим на короткий миг забыть о современных социальных неурядицах, как в работах Такера. Суть этой распространенной тенденции лучше других «марксологов» высказал американский антикоммунист Бертрам Вольф в книге «Марксизм. Сто лет одной доктрины». В ней он выразил готовность даже взять Маркса под свое покровительство, при условии, если его учение будет рассматриваться не как научная доктрина, а как утопия. Утопия в наши дни, пишет Вольф, заслуживает уважения, поскольку она отражает пускай даже несбыточное, но искреннее стремление к обновлению мира. Беда для Вольфа, однако, заключается как раз в том, что вопреки желанию буржуазных идеологов и с полным основанием марксизм именно претендует на роль научной теории, причем великой, преобразующей мир теории. Это-то и вызывает раздражение Вольфа, заставив его разразиться следующей тирадой: «Заслуга Маркса состоит в выдвижении

---

[1] Насколько далеки приписываемые буржуазными «марксологами» Марксу представления о будущем обществе как о некоем застывшем, статичном, не знающем противоречий и социального развития состоянии от того, как он действительно мыслил себе будущий коммунизм, наглядно видно также из «Экономических рукописей 1857—1858 гг.» («Grundrisse»). Здесь Маркс прямо рисует коммунизм исключительно динамичным обществом, в котором постоянно происходит процесс преодоления, снятия противоречий между бурно развивающимся производством и вновь возникающими и опережающими это развитие разнообразными общественными потребностями. «Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, с. 476).

широкого круга вопросов, чем он обогатил социологию и политическую экономию. Его порок заключается, однако, в том, что он дал плоские, чрезвычайно упрощенные, догматические ответы на эти вопросы, и притом выдвинул их не в качестве своих собственных предположений, а как категорические ответы самой истории и науки на вопросы, касающиеся человеческого общества» [1].

Характернейшей чертой буржуазной «марксологии» является противопоставление Маркса Ленину, учения основоположников марксизма — реальному социализму СССР и стран социалистического содружества. И здесь определенное место у буржуазных идеологов, а также их ревизионистских подголосков занимает искаженная трактовка «Критики Готской программы». Казалось бы, объективные успехи реального социализма, достигшего в Советском Союзе стадии зрелости, являются неопровержимыми доказательствами научности и действенности гениальных

---

[1] *B. D. Wolfe.* Marxism. One Hundred Years in the Life of a Doctrine. New York, 1965, p. 380. В целом книга Вольфа — типичный набор буржуазных инвектив в адрес марксизма. Здесь присутствует и тезис о дуализме учения Маркса, высказанный в форме противопоставления личных взглядов Маркса и его метода, за которыми признается известная научная ценность, марксизму как якобы религиозному верованию, приспособленному к примитивному сознанию масс, и утверждение, будто марксизм сочетает еврейско-христианское мессианство с превращением самой науки в культ, в объект средневекового фаустовского священнодействия и демонологии (!), и приписывание ученикам и последователям Маркса вульгаризации и упрощения его воззрений (ibid., p. 334, 356—357, 365, 370). Как и другие антимарксисты, Вольф пытается «доказать» непоследовательность Маркса, пересмотр им самим его революционных воззрений, неосуществимость их в современных условиях, уверяя, в частности, что рабочий класс сам отрекся от той исторической миссии, которую стремился ему якобы навязать Маркс (см. op. cit., глава 17). С этих позиций рассматривает Вольф и содержание «Критики Готской программы», заявляя, что в этой работе «впечатляющие обобщения» сопровождаются «несправедливой критикой, необоснованными предположениями и мелкими придирками семантического толка» (ibid., p. 191).

Воспроизводит Вольф и типичные для буржуазной и правосоциалистической историографии германского рабочего движения обвинения Маркса в неуместном вмешательстве в дела германской социал-демократии, в желании воспрепятствовать объединению лассальянцев и эйзенахцев, в раздражительном тоне и т. д. Об этой тенденции в буржуазной «марксологии» умалить роль «Критики Готской программы» как документа, отражающего борьбу Маркса и Энгельса за идейное укрепление германской социал-демократии и сплочение ее на подлинно научной программной основе, мы скажем ниже.

предвидений автора этого произведения. Разумеется, Маркс не мог предусмотреть всех подробностей будущего коммунистического переустройства общества, всех конкретных исторических условий и обстоятельств, при которых оно будет протекать. Продолжателю его дела В. И. Ленину предстояло развить дальше теорию научного коммунизма, внести много нового в этот прогноз. Дальнейшее развитие марксистско-ленинской теории осуществляли и осуществляют коммунистические и рабочие партии на основе живого опыта социалистического и коммунистического строительства. Но главные направления развития пролетарской революции и существенные черты коммунистической общественно-экономической формации были установлены еще Марксом с необычайной проницательностью, и его великие предначертания нашли свое практическое воплощение в экономике, общественном строе, культуре, образе жизни, установившемся в СССР и других странах социалистического содружества.

Но именно это всячески стараются оспорить авторы буржуазных работ по «марксологии» и «советологии». Советский строй, силятся они «доказать», противоречит модели будущего общества, набросок которой был дан Марксом в «Критике Готской программы» и других произведениях. Само же марксистское учение в понимании В. И. Ленина и его последователей — современных коммунистов представляет собой якобы отход от первоначальной, классической теории Маркса.

Типичны в этом отношении писания известного западногерманского «марксолога» Иринга Фетчера. Так, например, в книге «Карл Маркс и марксизм. От философии пролетариата к пролетарскому мировоззрению» Фетчер утверждает, будто Марксова концепция социалистической революции, диктатуры пролетариата и коммунистического преобразования общества была непригодна для России и поэтому существенно видоизменена В. И. Лениным [1]. Дальнейший пересмотр этой концепции произошел якобы после смерти Ленина, что нашло свое выражение в практической деятельности КПСС, в ее программных документах, в частности в программе партии, принятой в 1961 г., а также в учебных пособиях по научному коммунизму, написанных советскими марксистами. Фетчер пытается доказать «не-

[1] См. *I. Fetscher*. Karl Marx und der Marxismus. Von der Philosophie des Proletariats zur proletarischen Weltanschauung. München, 1967, S. 145—153.

соответствие» советских порядков гуманистическим идеалам Маркса, прежде всего молодого Маркса (Энгельсу Фетчер приписывает вульгаризацию марксизма, превращение его из рациональной философии в догматическое мировоззрение). Пользуясь обычными антисоветскими штампами, он спешит вообще поставить под сомнение социалистический характер Великой Октябрьской революции и общественного строя СССР, а советскую государственную систему объявить «*своего рода* псевдодемократическим партийным государством»[1]. Впрочем, и взгляды самого Маркса на пролетарскую революцию Фетчер склонен изображать некой абстрактной умозрительной конструкцией, намекая на ее неосуществимость на практике. Он пишет, что основы марксистского учения были созданы еще до того, как Маркс узнал что-либо о пролетариате, что он «дедуцировал» историческую миссию рабочего класса из критики гегелевской философии[2]. Но главные усилия Фетчера направлены на то, чтобы убедить читателя в «несовместимости» этих взглядов с теорией и практикой социалистического и коммунистического строительства в СССР и других странах.

Маркс, уверяет Фетчер, предусматривал социалистическую революцию лишь в наиболее развитой стране, большинство населения которой составляет пролетариат. Заметим сразу, что в этом ходячем, заимствованном у оппортунистических теоретиков II Интернационала тезисе западных «марксологов» содержится предумышленная передержка. Ведь «Критика Готской программы» писалась для Германии, в которой в 70-е годы XIX в., как указывал сам автор, большинством населения было крестьянство и имелись существенные пережитки феодализма в социальном и политическом строе. Маркс имел в виду перспективы пролетарской революции не только в странах с наиболее высоким уровнем капиталистического развития, но и в тех, где он был «более или менее», как он сам пишет, развит[3]. Ленин, продолжает Фетчер, приспособил теорию Маркса к условиям отсталой страны, в которой революция могла произойти лишь в результате особого исключительного и нетипичного стечения обстоятельств. Вождь русских большевиков якобы таким образом переработал Марк-

---

[1] *I. Fetscher.* Op. cit., S. 117—118, 153.
[2] Ibid., S. 143—144.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 26—27.

сово понятие диктатуры пролетариата, чтобы оправдать необходимое в неразвитой стране превращение ее из диктатуры класса в диктатуру партии, что неизбежно привело в будущем к бюрократизации Советского государства[1]. В таком искаженном виде Фетчер и его коллеги интерпретируют ленинское учение о руководящей роли пролетарской партии в социалистической революции и в системе диктатуры пролетариата — учение, являющееся прямым развитием идеи Маркса и Энгельса о партии как боевом авангарде рабочего класса.

В своих попытках противопоставить взгляды Маркса на будущее общество реальному социализму Фетчер и другие западные «марксологи» спекулируют на сохранении в СССР классовых различий на первой фазе коммунизма, чего в свое время не мог предусмотреть Маркс. Умалчивается при этом, что речь идет о различиях между неантагонистическими, дружескими классами, грани между которыми все больше стираются. Выдвигается, далее, обвинение в адрес советских марксистов, будто они отказались от мысли Маркса и Энгельса, а также и Ленина об отмирании государства в коммунистическом обществе. При этом игнорируется тот факт, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин отнюдь не понимали отмирание государства как исчезновение всякой государственности на другой день после установления нового общественного строя, что они рассматривали это отмирание как сложный диалектический процесс преобразования прежнего пролетарского государства в новые формы общественного управления, отвечающие потребностям развития коммунистического общества. Считая невозможным заранее предугадать все условия, как внутренние, так и внешние, в которых будет происходить этот процесс, Маркс отказывался выступить с какими-либо категорическими суждениями на этот счет. Сам Фетчер вынужден признать, что у Маркса отсутствуют точные указания о времени и формах отмирания государства. Тем не менее сохранение социалистического государства в СССР и в социалистических странах он спешит осудить как отречение от классического марксизма, прибегая при этом к обычному набору затасканных клеветнических выпадов буржуазной пропаганды в адрес Советского Союза и Коммунистической партии, вроде обвинений в бюрократизации, в установлении господства партийной элиты, со-

---

[1] См. *I. Fetscher.* Op. cit., S. 150—159, 180—186, 254—255.

хранении отчуждения, зажиме демократии, установлении контроля партии над моралью вместо якобы выдвинутой Марксом и Энгельсом идеи о том, что коммунистическое общество вообще не будет нуждаться в моральных узах [1].

Взгляды Маркса на будущее коммунистическое общество, преподнесенные к тому же в весьма вульгаризованном виде, в духе сближения с анархистскими идеалами, Фетчер и другие «марксологи», по существу, противопоставляют не реальному социализму, а ими самими созданному посредством грубо тенденциозных искажений и прямой клеветы окарикатуренному образу советского строя, ничего общего не имеющему с действительностью.

В роли «защитника» Маркса от его последователей выступает также профессор Иерусалимского университета Шломо Авинери. Главную задачу своей книги «Социальная и политическая мысль Карла Маркса» он видит в том, чтобы «очистить» идеи Маркса от последующих наслоений, от энгельсовской «вульгаризации» этих идей в духе социал-дарвинизма и особенно от толкования их Лениным и советскими коммунистами, представляющего собой «комбинацию якобинского субъективистского взгляда на политическую революцию с некоей механистической интерпретацией истории, заимствованной у Маркса через Энгельса» [2]. Вульгаризацию и упрощение марксизма Авинери склонен даже считать закономерным явлением, неизбежной издержкой процесса соединения марксизма с массовым пролетарским движением, необходимо якобы сопровождающимся идеологической модификацией учения Маркса. «Популяризаторское выхолащивание теории

---

[1] См. *I. Fetscher*. Op. cit., S. 158—159. Фетчер все же принадлежит к тем западногерманским авторам, которые не остаются глухими к новым веяниям и духу международной разрядки. В одном из своих последних выступлений — статье «Марксизм сегодня» — он говорит о советских марксистах уже без обычных выпадов. В то же время здесь развивается распространенная идея о многовариантности марксизма, о его якобы неизбежной плюрализации, причем все «разновидности», в том числе реформистские и «лево»-ревизионистские искажения его, рассматриваются как равноправные ответвления от общего корня и все, включая ленинизм, трактуются как утопические по своей природе (см. *Iring Fetscher*. Marxismus heute. In: «Karl Marx im Kreuzverhör der Wissenschaften». Zürich — München, 1974, S. 11—39). О классовой сущности теории «многовариантности марксизма» см. *Dieter Frieke*. Zum Platz bürgerlicher Plüralismus-Konzeptionen in Antikommunismus und Antisowjetismus. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1975, H. 7.

[2] *Sh. Avineri*. The Social and Political Thought of Karl Marx. Cambridge, 1968, p. 23, 70, 258.

Маркса,— восклицает он,— шло рука об руку с идолопоклонническим отношением к мистическому образу его личности... Марксистские политики таким образом оказались могильщиками марксизма» [1]. В этом смертном грехе Авинери готов обвинить не только Ленина, но и Плеханова, Бебеля и даже Каутского, хотя его собственная попытка нарисовать духовный образ Маркса как нельзя больше напоминает превращение великого революционного мыслителя, по выражению Ленина, в «дюжинного либерала», произведенное Каутским после его ренегатского отступничества от революционного марксизма [2].

Собственная интерпретация Авинери социалистических и политических воззрений Маркса, особенно его взглядов на социалистическую революцию и будущее коммунистическое общество, представляет собой весьма тенденциозную и субъективную обработку этих воззрений. «Подлинный Маркс» у Авинери — это не великий пролетарский теоретик и провозвестник революционного коммунистического преобразования общества, а абстрактный философ-гуманист, проповедующий аморфные, не лишенные противоречия взгляды, в которых «сочетается эсхатология и диалектика» [3]. Маркс якобы призывал к постепенной трансформации капиталистической собственности, был противником революционных политических действий масс как проявления якобинских традиций, видел во всяком насилии, в том числе и революционном, в государственном вмешательстве, дисциплине и т. д. абсолютное зло. В последних пунктах он, уверяет Авинери, особенно расходился с Энгельсом, который был сторонником авторитарности и считал, что государство в будущем должно отмереть (absterben), в то время как Маркс полагал, что его нужно уничтожить (aufheben) [4]. Высказывания Маркса о возможности мирного развития революции в Англии и некоторых других странах Авинери абсолютизирует, выдает за выражение эволюционистской, т. е., по существу, реформистской точки зрения, уверяя, будто Маркс верил только в этот путь обновления общества и был сторонником «градуализма», т. е. постепеновщины [5]. Понятие «диктатура

---

[1] *Sh. Avineri.* The Social and Political Thought of Karl Marx. Cambridge, 1968, p. 251.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 240—250.
[3] *Sh. Avineri.* Op. cit., p. 4, 251.
[4] Ibid., p. 203, 206, 217, 235—236 etc.
[5] Ibid., p. 214—218.

пролетариата», уверяет Авинери, отсутствует в «Манифесте Коммунистической партии», вопреки тому общеизвестному факту, что в этом произведении при отсутствии данного термина четко раскрывается сама идея пролетарской диктатуры, превращения «пролетариата в господствующий класс» и использования им своего «политического господства» как орудия коммунистического преобразования общества [1]. В дальнейшем, согласно утверждениям Авинери, Маркс якобы выдвигал на первый план не революционное завоевание власти рабочим классом, а борьбу за всеобщее избирательное право. Авинери здесь приписывает Марксу то, в чем сам Маркс в свое время справедливо упрекал Лассаля,— превращение этого демократического требования в некую универсальную панацею, в талисман для решения всех политических и социальных проблем [2].

Парижскую коммуну Авинери решительно отказывается рассматривать как прообраз диктатуры пролетариата и вообще как пролетарскую революцию. Он уверяет, что если не в самой «Гражданской войне во Франции», то в предварительных вариантах этой работы Маркс якобы «счел Коммуну не делом рабочего класса, а мелкобуржуазным демократическо-радикальным мятежом» [3]. Достаточно заглянуть уже в первый, еще черновой набросок этого произведения, чтобы убедиться в том, насколько необоснованно это утверждение. Маркс буквально десятки страниц посвящает в нем характеристике революции 18 марта 1871 г., как революции, совершенной рабочим классом, впервые в истории создавшим свою государственную «политическую организацию в форме Коммуны», могучее орудие избавления общества от «классового деспотизма» эксплуататоров [4]. Во втором наброске, а особенно окончательном варианте своего произведения он в еще более выразительной и лаконичной форме изложил те же идеи.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, с. 446.

[2] См. К. Маркс — И. Б. Швейцеру, 13 октября 1865 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, с. 475. Отождествляя позиции Маркса и Лассаля в этом вопросе, Авинери сводит разногласия между ними лишь к разному отношению к прусскому юнкерскому государству, в рамках которого Лассаль надеялся осуществить всеобщее избирательное право, а Маркс в это не верил (см. *Sh. Avineri*. Op. cit., p. 204, 213).

[3] *Sh. Avineri*. Op. cit., p. 247.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, с. 554, 561, см. также с. 543—563.

Приписывание Марксу реформистской точки зрения на пути решения социального вопроса и анархистской концепции взрыва всякой государственности, искусственное выискивание противоречий между ним и Энгельсом — вот к чему сводится, таким образом, реконструкция «подлинного марксизма», предпринятая израильским профессором. В этой «реконструкторской работе» едва ли не основное место занимает прямое искажение оценки Марксом великого подвига «штурмовавших небо» пролетариев Парижа, главное всемирно-историческое значение которого Маркс, так же как Энгельс и Ленин, видел в эмпирическом открытии государственной формы диктатуры пролетариата — необходимого рычага коммунистического переустройства общества [1].

С таких позиций Авинери и рассматривает содержание «Критики Готской программы». Классическое положение этой работы о диктатуре пролетариата как государстве переходного периода от капиталистического к коммунистическому обществу оставляется им попросту за бортом, как явно не соответствующее выдвигаемой им концепции «подлинного марксизма». Вслед за Кюнцли Авинери ставит знак равенства между «грубым коммунизмом» парижских рукописей 1844 г. и переходным периодом, а также первой фазой коммунизма «Критики Готской программы», увидев разницу лишь в более сдержанном тоне последней. Маркс будто бы еще в 1844 г. предвидел, а в 1875 г. снова подтвердил, что на этой стадии неизбежна тенденция общества к аскетизму и «превращению в добродетель его низкого жизненного стандарта». «Отношение к капиталу как к объекту владения,— продолжает далее Авинери,— во многом останется таким же, как и в капиталистическом обществе, хотя владение теперь и стало коллективным, а не индивидуальным. Общество выступает, согласно Марксу, как всеобщий капиталист, не отменяя, а, наоборот, делая универсальной систему наемного труда» [2].

Это, мягко выражаясь, превратное изображение социалистического общества, освободившего трудящихся от эксплуатации и превратившего в один из главных законов общественного развития удовлетворение во всевозрастающих масштабах материальных и духовных потребностей своих членов, отнюдь не носит характер отвлеченного раз-

---

[1] Подробнее см.: Парижская Коммуна и марксизм. (Очерки). М., 1973, с. 79—115.

[2] *Sh. Avineri.* Op. cit., p. 224—225.

бора взглядов Маркса. «Грубым коммунизмом» Авинери обозначает не только низшую фазу коммунистического общества в теории, in abstracto, но и «советскую систему» [1]. Таким образом под видом воспроизведения «аутентичных» взглядов Маркса книга Авинери, хотя автор и не афиширует эту цель, отражает стремление многих буржуазных «марксологов» бросить тень на общественный строй СССР и других стран социалистического содружества.

Высказывания Маркса о высшей фазе коммунизма в «Критике Готской программы», уверяет Авинери, также можно понять только в свете его ранних идей о преодолении отчуждения, ликвидации разделения труда и т. п. [2]. Иронизируя по поводу «пасторальных буколических занятий» членов этого будущего общества, Авинери в то же время стремится истолковать Марксов прогноз грядущего коммунизма, как, впрочем, и все его философские и социальные взгляды, в духе представлений о человеческой практике как процессе трансформации, в центре которого стоит сознание. Коммунизм, согласно Авинери, Маркс представлял как венец этой трансформации, как некое анархистское царство неограниченной индивидуальной свободы, в котором сознание человека освободится от всех искажающих его воздействий отчужденного мира, а сам он избавится от влияния им же самим созданных экономических обстоятельств. Действие объективных экономических законов прекратится, сознание станет определять бытие, определяемое превратится в определяющее! [3]

Разумеется, подобные попытки приписать Марксу эту поистине, употребляя выражение самого Авинери, буколическую картину будущего, а также, по существу, субъективно-идеалистическое толкование практики как некой эмансипации человеческого сознания от экономического детерминизма, не выдерживают сопоставления с действительными взглядами основоположника марксизма. В революционной практике он, безусловно, видел могучую силу, но смотрел на нее как на орудие познания объективных законов общественного развития, в первую очередь эконо-

---

[1] См. *Sh. Avineri.* Op. cit., p. 258.

[2] Как и ряд других «марксологов», Авинери, пользуясь несовершенством терминологии ранних произведений Маркса, готов превратить его мысль об уничтожении капиталистической формы разделения труда в абсурдную идею ликвидации всякого разделения труда вообще.

[3] См. *Sh. Avineri.* Op. cit., p. 217, 227, 230.

мических законов, и использования их для переустройства общества. С утверждением коммунистического строя, неоднократно разъяснял Маркс, исчезнут исторически преходящие экономические законы буржуазного способа производства, но это отнюдь не будет означать, что общество вообще станет независимым от экономического детерминизма, что материальное бытие уступит свое определяющее место сознанию. Несомненное возрастание роли сознания, подлинная свобода, которую Маркс и Энгельс всегда понимали как познанную необходимость, будет заключаться отнюдь не в возможности пренебречь действием объективных экономических законов, как представляет дело Авинери, а в способности членов общества овладевать этими законами, прежде всего теми, которые регулируют решающую сферу — общественное производство, и в соответствии с ними сознательно управлять общественными процессами.

Глубоко прав английский марксист Джон Хоффман, отметивший, что Авинери и другие близкие ему «марксологи», по существу, подсовывают Марксу свой собственный идеал будущего общества. Этот идеал, с полным основанием подчеркивает Хоффман, представляет собой мещанскую утопию, антинаучную и консервативную в своей основе, поскольку она выдвигается в качестве некой реформистской альтернативы подлинному революционному преобразованию общества и реальному социалистическому и коммунистическому строительству в СССР [1].

Попытки возвести китайскую стену между марксизмом и ленинизмом, а также реальным социализмом продолжаются в буржуазной «марксологии» и после выхода в свет книги Авинери. Это становится поистине доминирующей тенденцией в «марксологической» литературе. Авторы подобного рода работ не утруждают себя, как правило, поисками какой-либо новой аргументации, довольствуясь повторением давно уже пущенных на Западе в оборот утверждений, вроде избитого тезиса о том, что ленинизм является приспособлением учения Маркса к условиям отсталой страны и непригоден для развитых стран, что раз-

---

[1] См. *John Hoffman*. Marxism and the Theory of Praxis. London, 1975, p. 205. Автор — молодой английский философ — на примере критики работ Авинери, Л. Гольдмана, Ж. П. Сартра, Г. Петровича и других авторов показал подлинную сущность так называемого «аутентичного марксизма» и несостоятельность идей его представителей.

личие между взглядами Ленина и Маркса представляет собой проявление якобы органически присущего марксистскому течению плюрализма, а также вроде штампованных обвинений КПСС и других правящих коммунистических партий в «тоталитаризме» и т. п. Так, например, французский автор Клод Берже уверяет, будто вопреки Марксу и Энгельсу, стремившимся упразднить после пролетарской революции систему наемного труда, Ленин и большевики сохранили ее в Советской России в форме существующего якобы и поныне госкапитализма. Маркс, дескать, представлял будущее общество как свободную ассоциацию, Ленин же и его последователи — как государственный социализм в духе лассалевских идеалов государственной помощи [1].

О противоречиях между реальным социализмом и взглядами Маркса на положение освобожденного от отчуждения «аутентичного человека» твердит американский автор Генри Дж. Корен, клеветнически рисующий советскую действительность как господство «коллективных капиталистов», как технократический режим [2]. Впрочем, этого заокеанского «марксолога» не устраивают и взгляды самого Маркса на коммунистическое общество. В заключение своего очерка он заявляет, что Марксов идеал «аутентичного человека» привлекателен лишь для неразвитого мира, люди же развитых (то бишь капиталистических) стран предпочтут ему те возможности, которые открывает им современная западная цивилизация.

Соотечественник Корена профессор истории Питсбургского университета Ричард Хант в недавно выпущенной книге «Политические идеи Маркса и Энгельса» отмежевывается от вульгарной антикоммунистической интерпретации теоретического наследства основоположников марксизма периода холодной войны. И все же его работу пронизывает мысль о необходимости отделять демократические по своей природе взгляды Маркса и Энгельса на социалистическую революцию и диктатуру пролетариата, в том числе те идеи, которые высказаны в «Критике Готской программы», от «тоталитаристских» концепций как их предшественников — Бабефа, Бланки и т. д., так и большинства их последователей в XX веке. К последним Хант

---

[1] См. *Claude Berger.* Marx, l'association, l'anti-Lenine. Vers l'abolition du salariat. Paris, 1974, p. 215, 225, 285.

[2] См. *Henry J. Koren.* Marx and the Authentic Man. A First Introduction to the Philosophie of Karl Marx. New York, 1973, p. 135—146.

относит Ленина и советских коммунистов, якобы модифицировавших марксизм в духе возврата от подлинно демократических воззрений Маркса и Энгельса к тоталитаризму упомянутых представителей утопического коммунизма [1].

Точку зрения Фетчера, Авинери, Ханта и других упомянутых буржуазных авторов, на взглядах которых в той или другой форме лежит печать антикоммунизма, разделяют и представители современного ревизионизма, а также философы группы «Praxis». Их всех объединяет стремление представить марксистско-ленинское мировоззрение и политику коммунистических партий отступлением от взглядов Маркса, в том числе от идей его «Критики Готской программы», прямо или косвенно опорочить советскую действительность и социалистический строй стран социалистического содружества. Главной мишенью нападок и искажений служит марксистско-ленинское учение о социалистическом государстве, о формах и методах управления социалистическим обществом, о принципах демократического централизма, о возрастающей роли коммунистической партии в ходе строительства социализма и коммунизма. При этом воззрения Маркса и Энгельса интерпретируются в анархистском или анархо-синдикалистском духе, всячески выпячивается и абсолютизируется положение об отмирании государства, и в то же время совершенно игнорируются взгляды Маркса, Энгельса и Ленина на условия, делающие возможным это отмирание. Основоположники марксизма изображаются сторонниками полной децентрализации, им приписывается отрицание необходимости регулирования и планомерного развития экономики и других общественных сфер. В противовес главному принципу марксистско-ленинского подхода к государству — выяснению его классовой природы — ревизионисты и «аутентичные марксисты» затушевывают коренное различие между государственностью социалистических стран и государством монополистического капитализма, подменяют понятие «социалистическая демократия» абстрактной формулой «чистой демократии». С помощью таких штампованных эпитетов, как «этатизм» и «этатистский бюрократический режим», «авторитаризм» и т. д., они стараются очернить социалистический строй

[1] См. *Richard N. Hunt.* The Political Ideas of Marx and Engels. V. 1. Marxism and Totalitarian Democracy 1818—1850. Pittsburg, 1974, p. 342.

СССР, создание которого явилось величайшим историческим завоеванием рабочего класса.

Ныне покойный идеолог современного ревизионизма Эрнст Фишер в своей книге «Что действительно говорил Маркс» пытался представить идеи «Критики Готской программы», «Гражданской войны во Франции» и других работ Маркса провозглашением — в противоположность советской системе — принципов безбрежной демократии и автономии, всеохватывающего и ничем не ограниченного контроля только снизу [1]. Фишер умалчивает о том, что Маркс и Энгельс говорили о таких функциях диктатуры пролетариата, как подавление эксплуататорских классов, об их мнении относительно необходимости сочетания контроля и действия снизу с действием и контролем сверху со стороны революционного правительства, о необходимости после перехода власти в руки рабочего класса централизованного руководства, планирования и координации хозяйственной и других видов общественной деятельности в национальных и международных масштабах [2]. Пропущенные сквозь ревизионистский фильтр Марксовы идеи диктатуры пролетариата и коммунистического преобразования общества не только приобретают выхолощенный вид, но и трансформируются в нечто прямо противоположное тому, что действительно говорил Маркс. В обработке Фишера осуждение Марксом федерализма анархистов превращается в воспевание федералистского принципа, критика децентрализаторских тенденций становится провозглашением децентрализации, стихийности, подчеркивание классовых задач пролетарского государства выглядит как защита идей надклассовой демократии. И с таким искаженным критерием Фишер и другие ревизионисты подходят к оценке, разумеется отрицательной, существующих социалистических государств.

Другой идеолог современного ревизионизма Роже Гароди решил воспользоваться «Критикой Готской программы» для обоснования своего идеала «самоуправленческого социализма», который в качестве образцовой модели он противопоставляет советской системе, основанной, согласно его злопыхательским утверждениям, на бюрократической централизации и якобы аналогичной государствен-

[1] См. *Ernst Fisher in collaboration with Franz Marek.* Marx in his own Words (translated from German). London, 1970, p. 139.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, с. 553; т. 18, с. 305, 466, 611; т. 19, с. 5.

ному капитализму. Собственная «альтернативная модель» Гароди — это, по существу, перепев мелкобуржуазных кооперативистских утопий. Пытаясь найти подтверждение для нее в «Критике Готской программы», Гароди совершает прямой подлог. Он уверяет, что, критикуя лассальянскую идею государственной помощи производственным товариществам, Маркс якобы вообще осудил принцип государственного руководства экономикой [1]. Советские коммунисты, проводя этот принцип, пошли, таким образом, согласно Гароди, за Лассалем и не приняли во внимание критики его Марксом.

Однако между лассальянской государственной помощью и хозяйственно-организаторской функцией социалистического государства, как говорится, дистанция огромного размера. Лассаль носился с идеей поддержки существующим эксплуататорским, в Германии буржуазно-юнкерским, государством рабочих кооперативных товариществ, видя в этом средство мирного решения социального вопроса. Разоблачая эту реформистскую установку, Маркс в «Критике Готской программы» подчеркивал, что только пролетарская революция, только создание государства совершенно иного классового типа, диктатуры пролетариата, обеспечит рабочему классу возможность «создать условия для коллективного производства в масштабе всего общества, и прежде всего у себя в национальном масштабе» [2]. Уже из одного этого высказывания видно, сколь смехотворными являются попытки Гароди изобразить Маркса противником руководства социалистическим государством хозяйственной деятельностью, осуществляемого в общенациональных масштабах, и представить его сторонником убогой модели децентрализованного «самоуправленческого социализма» разобщенных автономных коллективов.

Аналогичную концепцию развивает один из ведущих философов группы недавно прекратившего свое существование загребского журнала «Praxis» Светозар Стоянович, посвятивший значительную часть своей книги «Критика и будущее социализма» развенчанию «этатистского мифа о социализме». Стоянович, Гайо Петрович и другие представители этой группы, подобно Авинери, Л. Гольдману и др., выступают под флагом «аутентичного марксизма», выдавая свои взгляды за воспроизведение подлинных идей

[1] См. *R. Garaudy*. L'Alternative. Paris, 1972, p. 189.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 26.

Маркса. Основной огонь своей критики Стоянович направляет не против антимарксизма империалистических идеологов, а против «авторитарного марксизма КПСС». Установленный в России после Октябрьской революции «государственный социализм», утверждает Стоянович, сыграв известную положительную роль в ликвидации пережитков царского режима и в индустриализации страны, перерос якобы в социализм бюрократический. Согласно голословным заявлениям загребского философа, произошло отчуждение государства от общества и образовался верхушечный «этатистский класс» [1]. Этот клеветнический тезис «аутентичные марксисты» прямо заимствовали у ренегата Джиласа и буржуазных советологов. Стоянович и его коллеги, по существу, отрицают социалистическую природу Советского государства, его все глубже развивающиеся демократические основы. Стремясь изобразить советских коммунистов отступниками, отрекшимися от учения Маркса и Энгельса, Стоянович и его коллеги приписывают основоположникам марксизма анархистский взгляд на всякое государство, в том числе пролетарское, как на абсолютное зло, хотя и неизбежное в начальный период пролетарской революции.

Грубо искажается «аутентичными марксистами» и вопрос о формах собственности при переходе от капитализма к социализму. Групповую, коллективную собственность они объявляют, ссылаясь на классиков марксизма, более высокой формой социалистической собственности, чем государственную, с которой якобы несовместим развитый социализм. Стоит только обратиться к работе Маркса «О национализации земли», к произведениям Маркса и Энгельса, направленным против прудонистских и бакунистских идей децентрализации собственности, чтобы убедиться в том, насколько эти утверждения противоречат подлинным взглядам основоположников марксизма [2]. О несостоятельности их также говорит вся практика социалистического строительства.

Подобные же идеи содержатся в работах Гайо Петровича. При этом диатрибы против «этатизма», «авторитарного марксизма» сочетаются у этого философа с явно идеалистическим толкованием Марксова прогноза будущего

---

[1] См. *S. Stojanović*. Kritik und Zukunft des Sozialismus. München, 1970, S. 50—55.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, с. 54—57, 214—217, 302—305.

коммунистического общества. Последнее, подобно Авинери, Петрович изображает как стадию, на которой человек приобретает полную независимость от материального производства и к которой вообще неприменим исторический материализм [1]. Именно так интерпретируется Петровичем «истинная свобода» членов будущего общества, преодоление «отчуждения» и т. д. Взгляды Маркса на отчуждение Петрович трактует как некую абстрактную гуманистическую теорию, пытаясь свести к ней чуть ли не все содержание марксизма [2]. Обработанная в таком духе и приписанная Марксу теория отчуждения широко используется «аутентичными марксистами» в их нападках на советский строй, его плановую экономику и особенно политическую систему.

Поборники «аутентичного марксизма» весьма часто обвиняют советских коммунистов в забвении идей Маркса и Энгельса об отмирании государства, которое должно начаться якобы чуть ли не с первых дней завоевания рабочим классом политической власти. В подтверждение обычно приводятся слова Энгельса, высказанные в связи с критикой Готской программы, что Парижская коммуна «не была уже государством в собственном смысле слова» [3]. Но Энгельс здесь явно имел в виду не отмирание государственности сразу после победы пролетарской революции, а коренное отличие пролетарского государства типа Парижской коммуны от государства старого типа, эксплуататорского по самой своей природе. Затушевывая разницу между социалистическим и буржуазным государством, философы группы «Praxis» объявляют всякую государственную систему источником подчинения и политического отчуждения человека. Особенно резко критикуется ими линия КПСС на всемерное укрепление социалистического государства в современных условиях противоборства сил социализма и империализма как якобы противоречащая взглядам Маркса. При этом отрицается диалектический характер самого процесса отмирания государства. Между тем марксистско-ленинский принцип подхода к общест-

---

[1] См. *Gajo Petrović.* Marx in the Mid Twentieth Century. New York, 1967, p. 114. (Подробную критику этого «антиэтатистского мифа» о взглядах Маркса и Энгельса на будущее общество, созданного философами «Praxis», см. в кн.: *John Hoffman.* Op. cit., p. 181 etc.)

[2] См. *Gajo Petrović.* Wider den autoritären Marxismus. Frankfurt-am-Main, 1969, S. 28.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 5.

венным явлениям и практический опыт доказывают, что путь к превращению социалистического государства в общественное самоуправление при коммунизме должен лежать через совершенствование функций и форм этого государства, сопровождаемое развитием социалистической демократии.

Существует еще один аспект буржуазного и реформистского искажения «Критики Готской программы». Это произведение Маркса не только является гениальным теоретическим документом научного коммунизма, но и занимает важное место в истории пролетарского движения. Оно отражает борьбу Маркса и Энгельса за пролетарскую партию, за ее идеологическое укрепление, выдержанные, подлинно научные программные основы. Обращенное в адрес лидеров немецкой социал-демократии выступление Маркса и Энгельса с критикой проекта программы, подготовленного для объединительного съезда в Готе, имело принципиальное значение как образец последовательной защиты пролетарской партийности. Основоположники марксизма показали роль партийной программы — этого, употребляя выражение Энгельса, открыто водруженного знамени партии [1], недопустимость идейных компромиссов, важность защиты чистоты революционной теории — идейно-теоретической базы для подлинного и прочного объединения пролетарских сил.

То обстоятельство, что германские социал-демократы не сумели учесть критику Маркса и Энгельса и пошли на объединение с лассальянцами ценой идейных уступок последним, сохранив лассальянские догмы в Готской программе, имело, несмотря на важное значение самого факта объединения, известные отрицательные последствия для немецкой рабочей партии, способствовало усилению оппортунизма в ее рядах. Дальнейшее развитие партии, суровые испытания, через которые она прошла в годы бисмарковского исключительного закона против социалистов, укрепили мнение ведущего революционно-пролетарского крыла о необходимости очищения программы от отсталых догм мелкобуржуазного социализма. Эрфуртская программа 1891 г., марксистская в своей основе, явилась значительным шагом вперед по сравнению с Готской.

Между тем в буржуазной и правосоциалистической историографии немецкого рабочего движения с давних пор

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 6.

и по сей день предпринимаются попытки не только принизить роль выступления Маркса и Энгельса с критикой Готской программы в истории германской социал-демократической партии, но и изобразить эту роль в негативном свете. Целая плеяда западногерманских историков настойчиво пытается представить «Критику Готской программы» документом, чуждым подлинным потребностям немецкого рабочего движения, поставившим немецкую партию перед трудным выбором между «догмой и реальной политикой», как сказано в одной из правосоциалистических работ [1]. Это критическое выступление исходило якобы от человека, оторванного от германской действительности и имевшего о ней превратное представление, кабинетного ученого [2], ортодокса, своим вмешательством в партийные дела и несправедливой критикой лассальянства создавшего дополнительные препятствия для преодоления раскола в немецком рабочем движении. В разных вариантах подобная фальшивая концепция муссируется в западногерманской литературе. Помимо упомянутых авторов — Хедвиги Вахенхейм и Карла Андерса — здесь можно указать на работы Вилли Эйхлера, Сусанны Миллер, Хельги Гребинг, Ганса Йозефа Штейнберга, Генриха Потхофа [3]. Многие из упомянутых авторов даже расточают похвалы руководителям немецкой социал-демократии за то, что они отказались учесть предупреждения Маркса и Энгельса и на Готском съезде провели проект эклектической, наполовину лассальянской программы почти в неизмененном виде.

---

[1] См. *H. Wachenheim.* Die deutsche Arbeiterbewegung 1844 bis 1914. Köln — Opladen, 1967, S. 168, 178.

[2] Правосоциалистический историк Карл Андерс прямо пишет, что Маркс был «крупным ученым, но неудачливым политиком». См. *K. Anders.* Die ersten Hundert Jahre. Zur Geschichte einer demokratischen Partei. Hannover, 1963, S. 35.

[3] См. *W. Eichler.* Hundert Jahre Sozialdemokratie. Bonn, 1962; *S. Miller.* Das Problem der Freiheit im Sozialismus. Freiheit, Staat und Revolution in der Programmatik der Sozialdemokratie von Lassalle bis zum Revisionismus-Streit. Frankfurt-am-Main, 1964; *H. Grebing.* Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Ein Überblick. München, 1966; *H. J. Steinberg.* Sozialismus und deutsche Sozialdemokratie. Zur Ideologie der Partei vor dem 1. Weltkrieg. Hannover, 1967; *H. Potthoff.* Die Sozialdemokratie von den Anfängen bis 1945. Bonn — Bad Godesberg, 1974. Близкие концепции развивают и некоторые американские историки немецкого рабочего движения, в частности *V. L. Lidtke.* The Outlawed Party: Social Democracy in Germany. 1878—1890. Princeton, 1966; *G. Roth.* The Social Democrats in Imperial Germany. Totowa, 1963.

Марксизм трактуется этими историками как направление, чуждое якобы подлинным национальным задачам немецкого рабочего класса. Учение Маркса и Энгельса имело будто бы весьма ограниченное влияние на немецкую социал-демократию, которая развивалась в значительной мере на другой, демократической и лассальянской основе. Правда, в годы закона против социалистов произошло усиление этого влияния, имела место «рецепция марксизма», как выражается упомянутый Ганс Йозеф Штейнберг, но это объясняется якобы исключительностью обстановки, прежде всего увлечением рабочих экстремистскими идеями в порядке ответной реакции на полицейские преследования. Но, когда бисмарковский закон был отменен, якобы снова возобладали антимарксистские тенденции. Причина этого, уверяют буржуазные и социал-демократические авторы, состояла в том, что марксизм с его ориентацией на классовую самостоятельность пролетарской партии и его революционными идеями стоял на пути процесса интеграции немецкого рабочего класса в общедемократическом движении и в национальном государстве. Тезис об этой интеграции, как якобы обусловленной историческими особенностями Германии основной задаче немецкого рабочего движения, является общим для либерально-буржуазной школы Конце [1] и правосоциалистических историков. Их при этом разделяет только то, кому следует приписать интегрирующую роль: буржуазным покровителям рабочего класса (Шульце-Делич и др.), как считают представители школы Конце, или Лассалю, в роли апологетов которого выступают правые социал-демократы [2].

Марксистско-ленинская историография ГДР и советские историки много сделали для опровержения этих фальшивых концепций и для восстановления подлинной картины плодотворного воздействия марксизма на формирование и развитие немецкого революционного рабочего

---

[1] См. *W. Conze.* Möglichkeiten und Grenzen der liberalen Arbeiterbewegung in Deutschland. Das Beispiel Schulze-Delitzsch. Heidelberg, 1965; *W. Conze/D. Groh.* Die Arbeiterbewegung in der nationalen Bewegung. Stuttgart, 1966; *W. Schieder.* Auf dem Wege zu einer neuen Marx-Legende. Frankfurt-am-Main, 1965.

[2] Критику этих буржуазных и реформистских тенденций см. в следующих работах: *E. Kundel* [u. a.] Verfälschung und Interpretation des Lebens und Werkes von Karl Marx und Friedrich Engels in der westdeutschen Literatur (1964 bis 1967). In: «Beiträge zur Marx/Engels-Forschung». Berlin, 1968; *R. Sperl* und *H-D. Krause.*

движения на всех основных этапах этого развития, для выяснения истинной роли Маркса и Энгельса как учителей и духовных вождей немецкого пролетариата [1].

Столетний путь развития, проделанный теорией научного коммунизма со времени написания «Критики Готской программы», со всей убедительностью показывает безнадежный характер продолжающихся атак буржуазных и реформистских авторов на бессмертные идеи этого произведения, как и попыток исказить эти идеи, обернув их против социалистических стран и международного коммунистического движения. Бессилие буржуазных критиков «Критики Готской программы» и несостоятельность ее ревизионистских интерпретаторов показывает сама жизнь, исторические победы реального социализма и успехи коммунистического строительства. Но из этого отнюдь не следует, что марксистско-ленинская наука должна предоставлять самой истории опровергать буржуазные фальсификации и оставлять без ответа попытки буржуазных идеологов и ревизионистов опорочить марксистско-ленинское учение и очернить социалистическую действительность. В. И. Ленин учил коммунистов вести наступательную борьбу против идеологических противников коммунизма, давать им постоянный отпор, разоблачать их лживые измышления, направленные против революционного мировоззрения рабочего класса. В этом в первую очередь состоит долг работников идеологического фронта как подлинных преемников того идейного наследия, которое оставил современным поколениям коммунистов гениальный автор «Критики Готской программы».

Marx-Verfälscher und ihre gescheiterte Versuche. In: «Karl Marx. 1818/1968». Leipzig, 1968; *G. Lozek, H. Meier, W. Schmidt, W. Berthold.* Unbewältigte Vergangenheit. Handbuch zur Auseinandersetzung mit der westdeutschen bürgerlichen Geschichtschreibung. Berlin, 1970, S. 312—361; *А. И. Борозняк, Г. В. Павленко.* История германской социал-демократии в правореформистской интерпретации. «Вопросы истории», 1976, № 6, с. 180—187.

[1] См., например: *E. Kundel.* Marx und Engels im Kampf um die revolutionäre Arbeitereinheit. Zur Geschichte des gothaer Vereinigungskongresses von 1875. Berlin, 1962; «Revolutionäres Parteiprogramm — Revolutionäre Arbeitereinheit. Studien zum Kampf um die Vereinigung des Marxismus mit der Arbeiterbewegung». Berlin, 1975. Следует с удовлетворением отметить, что и в ФРГ в последнее время появились работы, освещающие историю германской социал-демократии, в том числе историю готского объединения и позиции Маркса и Энгельса в этом вопросе, в марксистско-ленинском духе. См., например, коллективный труд: *Jutta von Fregberg, Georg Fulbert* [u. a.] Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. 1863—1975. Köln, 1975.

II. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В. Э. КУНИНА

Разработка К. Марксом и Ф. Энгельсом организационных принципов пролетарской партии в годы Первого Интернационала (1864—1873)

На протяжении многих лет своей жизни Маркс и Энгельс разрабатывали учение о пролетарской партии как единую систему взглядов, в которой были органически взаимосвязаны положения о роли и месте партии в классовой борьбе пролетариата, ее программе и тактике, ее позиции в отношении союзников рабочего класса, об ее организационных принципах. Из всех этих проблем менее всего исследована до сих пор система взглядов Маркса и Энгельса на организационное построение пролетарской партии. Вопросы организационной структуры Союза коммунистов и Международного Товарищества Рабочих рассматривались в отдельных монографиях и статьях, особенно в связи с той борьбой, которую основоположники марксизма вели против анархизма, реформизма и других мелкобуржуазных течений [1]. Но еще мало специальных работ,

---

[1] Нужно отметить следующие работы советских и зарубежных авторов (мы их располагаем в хронологическом порядке): *М. Зоркий*. Из истории борьбы Маркса за пролетарскую партию.— «Большевик», 1934, № 17; *И. А. Бах*. Интернационал 1-й.— БСЭ, т. 18, изд. 2; *К. Л. Селезнев*. К. Маркс и Ф. Энгельс о революционной партии пролетариата. М., 1955; *А. Е. Коротеева*. Гаагский конгресс Первого Интернационала. М., 1963; *В. А. Смирнова*. Из истории создания программных документов Первого Интернационала.— В сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1963; *Е. А. Степанова* и *И. А. Бах*. Генеральный Совет — руководящий орган Международного Товарищества Рабочих.— «Вопросы истории», 1964, № 9; Первый Интернационал. ч. I. М., 1964. ч. II. М., 1965; *В. В. Платковский*. Карл Маркс и революционная партия пролетариата. М., 1968; *Е. П. Кандель*. Маркс и Энгельс о партии и современная буржуазная и ревизионистская историография.— «Вопросы истории КПСС», 1968, № 3; Карл Маркс. Биография. М., 1973; Фридрих Энгельс. Биография. М.,

в которых эти взгляды исследовались бы в их развитии, в связи с особенностями того или иного этапа рабочего движения.

Исследование развития взглядов Маркса и Энгельса на организационные принципы построения пролетарской партии представляет большую и сложную задачу, которая не может быть решена в рамках одной статьи. Автор данной работы лишь делает попытку проследить это развитие в период Первого Интернационала, рассмотрев его в связи с политическим становлением самого Международного Товарищества Рабочих, накоплением опыта классовой борьбы пролетариата и ростом рабочего движения, в связи с той борьбой за идейное и организационное единство рабочих всего мира, которую вели в эти годы Маркс и Энгельс [1].

* * *

28 сентября 1864 г. представители рабочего класса Англии и Франции вместе с рабочими-эмигрантами Германии, Италии и других стран провозгласили создание Международного Товарищества Рабочих. Возникновение Интернационала являлось доказательством того, что передовые круги международного пролетариата пришли к осознанию

1977; *Н. Ю. Колпинский.* Деятельность Ф. Энгельса в годы Первого Интернационала. М., 1971 и др. Необходимо указать также на работу историков ГДР: *Horst Bartel, Walter Schmidt.* Zur Entwicklung der Auffassungen von Marx und Engels über die proletarische Partei. In: «Marxismus und deutsche Arbeiterbewegung». Berlin, 1970, S. 7—102.

[1] Как все учение Маркса и Энгельса о пролетарской партии, так и эта его составная часть — об основных организационных принципах партии — находится и поныне в сфере самого пристального внимания идейных противников марксизма как справа, так и «слева». Представители правых, противопоставляя Маркса Энгельсу и Ленину, приписывают ему реформистские воззрения, изображают его сторонником «широкой партии» типа дискуссионного клуба. Эту идею о «реформистских воззрениях» Маркса на партию распространяет, в частности, французский «марксолог» М. Рюбель, близкий по своим взглядам к правым социалистам. (См., напр., *M. Rubel.* La Légende de Marx et Engels fondateurs. «Etudes de marxologie» № 15, XII 1972.

Другие реформистские авторы, как и анархистские историки, говоря словами Ленина, филистерски попрекают Маркса и Энгельса в том, что они, мол, являлись «самодержцами», стремившимися ликвидировать в Интернационале всякую демократию (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 392). Подобное обвинение содержится, в частности, в работе Ю. Браунталя, считающегося

общности своих классовых интересов, к пониманию того, что защита этих интересов требует организационного объединения рабочих разных стран. В Первый Интернационал вошли десятки тысяч европейских пролетариев, которые пока еще придерживались различных воззрений на цели своей борьбы и способы их достижения. Рабочие Германии, Франции, Италии и других стран находились под влиянием различных течений домарксового утопического социализма, буржуазного и мелкобуржуазного социализма. В рабочем движении Англии преобладал либеральный тред-юнионизм.

В Интернационал входила также, хотя численно и незначительная, но достаточно сплоченная группа сторонников научного коммунизма, объединявшаяся вокруг Карла Маркса — единственного в то время человека, который отчетливо представлял себе, в каком направлении должно идти развитие Международного Товарищества Рабочих, чтобы обеспечить идейное единство пролетариата на базе научного коммунизма.

Вся деятельность Маркса и Энгельса в Интернационале была направлена на достижение «единства мысли и действия» (Маркс) борющегося пролетариата, на освобождение его от влияния мелкобуржуазной и либерально-буржуазной идеологии, на подготовку его к созданию в каждой стране самостоятельной рабочей партии, единой в теоретическом и организационном отношении.

Путь к преодолению существовавшей пестроты идейно-политических воззрений Маркс и Энгельс видели в общности организуемых Интернационалом действий, в систематической пропаганде идей научного социализма на страницах печати, в обсуждении важнейших теоретических проблем на конгрессах и заседаниях Генерального Совета [1]. Все эти методы постепенно должны были привести

среди правых социалистов «классиком» в области истории Интернационала (см. его работу: Geschichte der Internationale. Bd. 1. Hannover, 1961).

Несмотря на определенное различие взглядов правых и «левых», им свойственна общая тенденция: попытки разорвать единое учение марксизма-ленинизма, противопоставить по любым вопросам Маркса Ленину, с тем чтобы дискредитировать теорию научного коммунизма в глазах прогрессивных сил.

[1] «Путем таких дискуссий,— объяснял Энгельс,— Совет надеется выработать общую теоретическую программу, которая была бы приемлема для европейского пролетариата» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, с. 222—223).

к идейному единству, опирающемуся на единство организационное [1].

Исходная позиция для борьбы за единую в теоретическом отношении организацию была сформулирована Марксом в первых же программных документах Товарищества — в Учредительном Манифесте и Временном Уставе. Программные положения в этих документах излагались в той форме, которая могла быть приемлемой для различных рабочих организаций, вошедших в Интернационал. Но Маркс был убежден в том, что с развитием классового сознания пролетариата отпадет и необходимость в этой «мягкости формы» и станет возможным открытое провозглашение подлинных задач борющегося пролетариата.

В программных документах Интернационала, утвержденных конгрессом в Женеве в 1866 г., был провозглашен принцип классовой самостоятельности пролетарского движения, сформулирована его основная цель: завоевание рабочим классом политической власти, поставлен вопрос о необходимости введения общественной собственности и ассоциированного труда, высказана мысль о значении пролетарской организации «вооруженной знанием». В этих документах излагались задачи экономической борьбы пролетариата и утверждалась необходимость ее сочетания с политической борьбой, намечались пути, ведущие к преобразованию капиталистического общества.

В Уставе и Организационном Регламенте, в других документах были изложены и основные организационные принципы Интернационала. В составленном при участии Маркса в 1865 г. Обращении Центрального Совета Товарищества к рабочим обществам формулировались условия приема в Интернационал — его членом мог стать каждый, кто признает и защищает его принципы, изложенные в Уставе [2].

Поскольку Интернационал широко открыл двери перед самыми различными рабочими объединениями: профессиональными союзами, кооперативными и просветительными обществами и др., то, естественно, его структура должна была отразить эту специфику, учитывать наличие в нем индивидуальных и коллективных членов.

Рабочие общества, вошедшие в Интернационал, принесли с собой различное понимание задач и целей движе-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, с. 363.
[2] Там же, с. 529.

ния, а также и принципов построения организации. И все же одна доминирующая тенденция проявилась достаточно отчетливо — стремление рабочих масс к созданию подлинно демократического объединения. Именно эту присущую рабочему классу тенденцию в первую очередь учитывал Маркс, разрабатывая организационную структуру Международного Товарищества Рабочих. Он опирался при этом на свой многолетний партийно-политический опыт, на опыт построения первой коммунистической партии — Союза коммунистов.

С созданием Интернационала сразу же обнаружилось принципиальное отличие его структуры от существовавших в то же время других рабочих объединений, не говоря уже о буржуазных и мелкобуржуазных партиях. В ней отчетливо выявился с первого дня принцип сочетания демократизма с элементами централизма [1]. Каждой национальной или местной федерации предоставлялась полная свобода действий, а центральным органам — широкие полномочия в пределах, «безусловно необходимых для того, чтобы позволить этим органам успешно бороться за единство программы и общие интересы, и не дать Товариществу превратиться в игрушку буржуазных или полицейских интриг» [2].

Этот принцип органически соответствовал задачам и целям самостоятельной политической организации пролетариата.

В противоположность построению мелкобуржуазных организаций составленный Марксом Устав Товарищества исходил из того, что в нем должна существовать одна категория членов — с равными правами и равными обязанностями [3]. Особенно большое значение это положение приобрело в конце 60-х гг. в период острой борьбы с анархистами, которые стремились поставить во главе Интернационала свою иерархическую организацию — Международный альянс социалистической демократии.

В основу построения Интернационала был положен принцип выборности снизу доверху, обязательной отчет-

[1] См. упомянутую статью *В. А. Смирновой* в сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1963, с. 327—328.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, с. 58—59.

[3] Чтобы обеспечить проведение в жизнь этого положения, Маркс добился отказа от так называемых «почетных членов» — явления, широко распространенного в первую очередь в британском рабочем движении. Более подробно этот вопрос рассматривается ниже.

ности всех избираемых лиц и их сменяемости: «Каждый член Международного Товарищества Рабочих имеет право избирать и быть избранным»; «должностные лица... могут быть в любое время... отозваны» [1].

Секциям предоставлялась полная свобода действий, соответственно их местным условиям, однако в их местных уставах и регламентах «не должно было содержаться ничего, противоречащего Общему Уставу и Регламенту» [2].

Эта предложенная Марксом формулировка имела огромное значение для борьбы за идейное единство объединенных в Интернационале рабочих, борьбы против сектантства и реформизма. Провозглашение этого принципа и необходимость обеспечить его осуществление на практике в значительной степени и определили характер функций руководящих органов Международного Товарищества Рабочих — конгресса и Генерального Совета. В Уставе указывалось, что конгресс собирается ежегодно; его делегаты избираются местными отделениями соответственно определенной норме представительства. Конгресс избирает руководящий орган Товарищества — Генеральный Совет и заслушивает его гласный отчет, а также переизбирает его членов. Этим пока ограничивались задачи конгресса. Маркс полагал, что сама практика проведения конгрессов подскажет со временем характер необходимых дополнений и уточнений их компетенции как высшего органа Интернационала.

Значительно больше внимания уделялось в документах Генеральному Совету. Резолюция Женевского конгресса по организационным вопросам с самого начала определила его положение как исполнительного органа Товарищества — ему было вменено в обязанность претворять в жизнь постановления конгрессов, заниматься их подготовкой, вырабатывать повестку дня и доводить ее заранее до сведения всех членов организации. Генеральный Совет был обязан устанавливать связь «с различными рабочими обществами, добиваясь того, чтобы рабочие одной страны были постоянно осведомлены о движении их класса во всех других странах; ...чтобы вопросы, поднятые в одном обществе, но представляющие общий интерес, обсуждались во всех обществах...» [3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, с. 548.
[2] Там же, с. 549.
[3] Там же, с. 546.

Этот краткий перечень функций Генерального Совета свидетельствовал о той роли, которая отводилась ему в структуре Интернационала,— роль объединяющего и организующего начала, боевого штаба всех пролетарских сил. Как и конгресс, Генеральный Совет являлся носителем демократической тенденции и всей своей деятельностью должен был способствовать вовлечению широких масс в сознательное политическое движение.

Под руководством Маркса Генеральный Совет с самого начала действовал в значительной мере как орган коллективного руководства. «Совет,— говорил Маркс,— представляет собой руководящий орган, имеющий свою коллективно выработанную политику» [1]. И вся практика работы Совета — решение вопросов, связанных с подготовкой конгрессов, принятие важнейших документов, обсуждение текущих дел — все это показывало, как последовательно добивался Маркс применения этого важнейшего демократического принципа, свойственного подлинно пролетарским организациям. Именно эта коллективная позиция позволяла делегатам Совета сплачивать вокруг себя на конгрессах пролетарские элементы и добиваться принятия соответствующих решений, вопреки сопротивлению представителей различных сектантских и реформистских течений.

Из совокупности пунктов Устава и зафиксированных в нем обязанностей Совета логически вытекала и такая важнейшая функция последнего, как контроль за уставами местных секций и федераций, с точки зрения соответствия их принципам, содержащимся в программных документах Товарищества. Однако в первых документах такая прерогатива Генерального Совета не была прямо сформулирована. Лишь через несколько лет после основания Интернационала Маркс, опираясь на сложившуюся практику, предложит пополнить Устав соответствующей статьей. Но если бы эта функция Совета, определявшаяся его положением как исполнительного органа, не предусматривалась, по существу, с самого начала, он не смог бы противостоять возраставшему наплыву в Интернационал мелкобуржуазных и буржуазно-радикальных элементов, привлекаемых ростом его авторитета. А это неизбежно привело бы к искажению характера Товарищества как самостоятельной политической организации пролетариата.

---

[1] Генеральный Совет Первого Интернационала. Протоколы. 1870—1871. М., 1965, с. 202.

Одной из мер, предохранявших Генеральный Совет от проникновения в него буржуазных радикалов и других мелкобуржуазных элементов, являлся отказ от института так называемых «почетных членов», чего решительно добивался Маркс с момента формирования руководящего органа Интернационала.

Институт «почетных членов» особенно широко был распространен в британском рабочем движении. Почти в каждом объединении тред-юнионов или кооперативных обществ в состав руководящего комитета приглашались «почетные члены» из числа известных буржуазных радикальных политических деятелей, сотрудничавших с профсоюзными лидерами и кооператорами. Эти лица председательствовали на рабочих собраниях и митингах, выступали с программными речами, брали на себя составление резолюций и обращений. «Почетные члены» оказывали непосредственное воздействие на неустойчивых рабочих лидеров, влияли на политический курс движения в целом [1].

Первые программные документы Интернационала, по словам Маркса, отражали только исходные организационные положения; Устав лишь слегка затрагивал вопросы структуры Товарищества, предоставляя ее развитие практике, а оформление — будущим конгрессам [2], поскольку неизбежное расширение масштабов пролетарского движения и рост его насущных потребностей должны были подвести передовых рабочих к пониманию необходимости дальнейшего укрепления организации и усовершенствования ее структуры.

* * *

Конец 60-х гг. XIX в. был временем обострения классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом во всем капиталистическом мире, включая и его метрополию — Великобританию. Бурное развитие капитализма, завершавшаяся в ряде европейских стран промышленная революция вызвали быстрый рост пролетариата, его концентрацию в городах, ускоренное формирование его индустриального ядра. Нарастал новый революционный подъем рабочего и национального движения, о чем свидетельствовали

---

[1] Протестуя против приема в Генеральный Совет английского радикала адвоката Билса, Маркс подчеркивал, что вступление его и ему подобных извратит характер Интернационала (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, с. 70—71, 370, 376).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, с. 33.

массовые экономические и политические выступления рабочих европейских стран и США, усиление национально-освободительного движения в Ирландии и других странах. Бонапартистская Вторая империя шла к своему политическому краху, что сказывалось на положении всей Европы. Резкое обострение классовых противоречий во Франции в конце 60-х гг. было прологом к величайшему событию XIX в.— Парижской коммуне.

Под влиянием перипетий самой классовой борьбы, результатов практической деятельности Интернационала и неустанной пропаганды идей марксизма в передовых кругах рабочих отдельных стран начинает вызревать понимание необходимости объединения в самостоятельную политическую партию. Важным шагом к реализации этой тенденции явилось создание в 1869 г. на съезде в Эйзенахе Социал-демократической рабочей партии Германии — партии «эйзенахцев», которая провозгласила себя ветвью Интернационала, основанной на его идеях. К этому же шли передовые рабочие Франции, Австро-Венгрии и других стран. В Англии, несмотря на рост реформизма в рабочем движении, члены Интернационала создали осенью 1869 г. на основе решений Базельского конгресса социалистическую Лигу земли и труда.

К 1870 г. конгрессами Интернационала уже были приняты программные решения о необходимости сочетания политической и экономической борьбы, о значении профессиональных союзов в классовой борьбе пролетариата и их задачах, о движении за восьмичасовой рабочий день, о роли кооперативного труда, объединенного в масштабе государства. Решения о необходимости введения общественной собственности на землю, о переходе собственности на машины, рудники, угольные копи, железные дороги и др. в руки рабочих носили определенно социалистический характер.

При обсуждении на конгрессах и в Генеральном Совете социально-экономических задач пролетарского движения неизбежно вставали также вопросы и об отношении рабочих к государству, об участии в политической борьбе, о формах и методах достижения конечных целей движения. Ход дискуссии на Базельском конгрессе (1869 г.) показал, что настало время дать в программных документах Интернационала ясный и четкий ответ на все эти вопросы. Это означало, что возникла объективная потребность завершить разработку политической программы Интерна-

ционала, начало которой было положено в первых программных документах Товарищества.

Одним из определяющих факторов была та острая идейная борьба, которая развернулась в Интернационале в конце 60-х гг. XIX века. Накануне Базельского конгресса стало очевидно, что главной угрозой для складывающегося единства пролетариата становится анархизм, мелкобуржуазное социалистическое течение, претендующее на исключительное руководство международным рабочим движением. Социальную базу анархизма составляли главным образом разорявшиеся мелкобуржуазные слои, приносившие в пролетарскую среду свою психологию, свои привычки и традиции, иллюзии и заблуждения. За анархистами шла и часть рабочих (довольно значительная в странах со слабым промышленным развитием), не осознавших еще подлинных условий своего освобождения.

Анархистам были свойственны непонимание роли и задач государства вообще, и пролетарского в частности, значения самостоятельной политической борьбы рабочих и их участия в общедемократическом движении, отрицание роли пролетарской партии, волюнтаризм и авантюризм в тактике. Анархисты проповедовали «полную автономию» и федерализм, отказ от всякого рода авторитетов, «немедленные революционные восстания» и т. п.

Генеральному Совету еще до Базельского конгресса пришлось принимать меры против тех мелкобуржуазных элементов, которые, проникая в ряды Интернационала, не только проповедовали воззрения, противоречащие провозглашенным в его документах программным принципам, но и пытались выдавать их за подлинные идеи Международного Товарищества Рабочих. Примером может служить решение Совета по поводу выступлений в печати от имени Интернационала представителей мелкобуржуазного крыла Французской секции в Лондоне. Эти выступления не имели ничего общего с пролетарской политикой Товарищества. На заседании Генерального Совета Маркс указывал на то, что подобные заявления компрометируют Интернационал и поэтому для борьбы с подобными элементами, использующими авторитет Товарищества в своих целях, требуются организационные меры. «Наш Устав,— говорил Маркс,— предоставляет такую широкую сферу деятельности секциям, что Совету не так просто вмешиваться в нее, но определенная централизация совершенно необхо-

дима... Согласно резолюциям последнего конгресса мы имеем право требовать от нее (секции.— *В. К.*) отчет о ее деятельности каждые три месяца»[1]. По предложению Маркса Генеральный Совет дезавуировал Французскую секцию[2]. Когда же Генеральный Совет был вынужден отвергнуть устав бакунистского Альянса, как не соответствующий принципам, изложенным в Общем Уставе, то стала абсолютно очевидной назревшая необходимость наделения Совета более широкими полномочиями[3].

Таким образом, сама логика развития рабочего движения подводила его к необходимости укрепления своей политической организации, наделения руководящих органов Интернационала более широкими полномочиями, позволяющими охранять Товарищество от посягательств враждебных рабочему классу элементов.

Базельский конгресс значительно расширил и уточнил функции Совета. Последнему было предоставлено право отказывать в приеме тем секциям, уставы которых не соответствовали принципам, изложенным в Общем Уставе, а также право временно исключать отдельные секции, нарушающие эти принципы. В отдельных случаях Совет обязан был вмешиваться в конфликты, возникавшие между секциями и отделениями[4].

Эти постановления дали Генеральному Совету эффективное оружие для борьбы против всяческих попыток фальсифицировать программу Интернационала и вводить тем самым в заблуждение массу рабочих. Маркс, указывая на значение и своевременность принятия этих решений, подчеркивал при этом, что «*Базельский конгресс* лишь оформил организационно те отношения, которые складывались в процессе развития Товарищества»[5]. Он отмечал, что эти постановления подразумевают в то же время строгое соблюдение демократических норм: не приня-

---

[1] Генеральный Совет... 1868—1870 гг. М., 1964, с. 46.

[2] См. там же, с. 173—174.

[3] О принципиальном различии уставов Интернационала и бакунистского Альянса см.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, с. 363—364, а также *Н. Ю. Колпинский.* История разоблачения К. Марксом и Ф. Энгельсом бакунистского тайного Альянса.— В сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1964.

[4] См. Базельский конгресс Первого Интернационала. 6—11 сентября 1869 г. М., 1934, с. 87—88.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, с. 371.

тые или исключенные Советом секции сохраняют за собой право апеллировать к высшей инстанции — к очередному конгрессу, которому и принадлежит окончательное решение.

* * *

Парижская коммуна положила начало новому этапу рабочего движения, новому этапу борьбы за его идейное и организационное единство. Она всколыхнула широкие рабочие массы, пробудила их к активной политической жизни. Идеи Интернационала стали проникать в более широкие слои рабочих, охватывали новые национальные отряды пролетариата. Качественные сдвиги, происшедшие в рабочем классе, открывали и новые перспективы соединения марксизма с массовым пролетарским движением, создавали более благоприятные условия для вытеснения из сознания рабочих идей домарксового утопического социализма [1].

Сама Парижская коммуна, а также отношение к ней передовых рабочих разных стран показали, что авангард международного пролетариата уже подошел к пониманию необходимости революционного преобразования капиталистического общества, что борьба за овладение рабочими политической властью становится отныне в порядок дня. Вопрос о пролетарской партии, вооруженной революционной теоретической программой, приобретал практическое значение.

«Для обеспечения революции,— писали в это время Маркс и Энгельс,— необходимо *единство мысли и действия*» [2]. Передовые отряды пролетариата различных стран начали осмысливать значение марксистского положения о том, «что даже при самых благоприятных политических условиях любой серьезный успех рабочего класса зависит от зрелости организации, которая воспитывает и концентрирует его силы» [3].

Создание в отдельных странах, где это позволял уровень развития, достигнутый рабочим классом, самостоятельной пролетарской партии стало первоочередной задачей нового этапа рабочего движения; в связи с этим возникла объективная потребность зафиксировать этот

---

[1] Подробнее см.: Парижская Коммуна и марксизм. М., 1973.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, с. 341—342.
[3] Там же, т. 16, с. 336.

важнейший урок Парижской коммуны в программных документах международного рабочего движения.

Созванная в сентябре 1871 г. Лондонская конференция Интернационала и должна была, по словам Маркса, рассмотреть вопрос о новой организации, «отвечающей потребностям обстановки» [1].

Под «новой организацией» Маркс подразумевал преобразование федераций Интернационала в рабочие партии в рамках отдельных государств и превращение, таким образом, Интернационала в союз пролетарских партий, основанных на его идеях и объединяемых под руководством Генерального Совета [2]. Это не исключало, конечно, возможности присоединения к федерациям отдельных профессиональных союзов и различных рабочих обществ, как это имело место в Германии во время и после создания Эйзенахской партии [3].

Принятая Лондонской конференцией после острой дискуссии с анархистски настроенными делегатами резолю-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, с. 643.

В связи с созывом конференции вместо предполагавшегося ранее конгресса (это был второй случай в истории Интернационала), Маркс и Энгельс изложили свою точку зрения на отличие статута конференции от статута конгресса. По сравнению с постановлениями конгрессов, являющихся высшим законодательным органом, решения конференции «не имеют силы закона» (Энгельс). Сначала требуется их утверждение Генеральным Советом, а затем окончательное — конгрессом. При этом Маркс и Энгельс, добившиеся более широкого приобщения членов Интернационала к решению важнейших вопросов рабочего движения, рекомендовали Генеральному Совету не ограничиваться санкционированием резолюций Лондонской конференции, а обратиться ко всем местным секциям и федерациям с предложением высказать свое отношение к ним. Одобрение большинством организаций Товарищества постановлений Лондонской конференции придало им еще больший моральный авторитет, и на это одобрение опирался Гаагский конгресс, когда обсуждался вопрос об утверждении постановлений конференции.

[2] Еще накануне Парижской коммуны, в феврале 1871 г., Энгельс рекомендовал Испанскому федеральному совету Интернационала преобразовать Испанскую федерацию в самостоятельную пролетарскую партию. (См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, с. 291). А после Лондонской конференции он писал в итальянской газете «Plebe»: «Превращение Интернационала в Испании в особую и независимую политическую партию теперь уже дело решенное» (там же, с. 476).

[3] На той же Лондонской конференции Маркс и Энгельс подчеркнули принципиальное отличие уставов тред-юнионов от устава такой политической организации рабочего класса, как Интернационал. (См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, с. 644—645).

ция о политическом действии рабочего класса определяла значение и задачи пролетарской партии как авангарда рабочего класса, руководящего его борьбой за овладение политической властью и осуществление социалистических целей пролетарского движения. Через год Гаагский конгресс, подтвердивший это решение, включил эту резолюцию в Устав и завершил тем самым разработку политической программы Интернационала.

Настало время, как и предвидел Маркс, когда неизбежный рост классового сознания пролетариата сделал не только возможной, но и прямо необходимой ту же смелость речи, которая была присуща «Манифесту Коммунистической партии» Союза коммунистов. Кратко сформулированное в Учредительном Манифесте Интернационала положение относительно обязанности рабочего класса завоевать политическую власть было дано теперь в развернутой марксистской формулировке. Политическая программа Интернационала подчеркивала, что в своей борьбе против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, которая «необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов» [1].

Это внесенное Гаагским конгрессом в Устав положение о пролетарской партии фактически предлагало всем членам Товарищества приступить к ее организации [2].

Преобразование федераций Интернационала в самостоятельные пролетарские партии в масштабе каждого государства требовало усовершенствования их структуры, которая соответствовала бы их политическим задачам и тем условиям, в которых им придется вести борьбу против господствующих классов и против враждебных рабочему классу течений. Организационное укрепление Интернационала, подчеркивали Маркс и Энгельс, диктовалось потребностями рабочего движения на его новом этапе [3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, с. 143.

[2] Эта резолюция, разъяснял Энгельс в обращении ко всем членам Интернационала в Англии, «требует образования в каждой стране самостоятельной партии рабочего класса» (там же, с. 194). См. также: Гаагский конгресс Первого Интернационала, 7—8 сентября 1872 г. Отчеты и письма. М., 1972, с. 98.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, с. 87. Обобщенная характеристика взглядов Маркса и Энгельса после Парижской коммуны на организационные принципы пролетарской партии содержится в главе: «Развитие Марксом и Энгельсом учения о проле-

Организационный вопрос занял большое место на Лондонской конференции Товарищества. В предложенной Марксом резолюции «О наименовании национальных советов и т. д.» и в постановлениях о взносах, о расколе в Романской Швейцарии и других определялось соотношение между низшими и высшими инстанциями, предусматривались меры по упорядочению процесса образования местных секций. Лондонская конференция, указав на необходимость преодоления организационной слабости секций и федераций, наметила путь к созданию известного единообразия в их структуре. Это приближало ее к структуре однородной в идейном отношении партии, что явствует из ряда документов и писем Маркса и Энгельса, в которых они уже после конференции конкретизировали эти постановления. В письме к Зорге, а затем в резолюциях Генерального Совета по поводу раскола в Федерации США (март 1872) Маркс дает набросок организационной структуры федерации в рамках страны: создающиеся местные секции должны посылать делегатов на съезд в масштабе штата (округа) или крупного города; съезд избирает соответствующий федеральный комитет. Затем созывается национальный съезд, делегаты которого избираются местными секциями и который является высшей инстанцией для всей федерации. Съезд избирает Центральный комитет — руководящий орган федерации [1].

Таким образом, вместо разрозненных секций и распыленных руководящих органов должна была сложиться в рамках страны единая организация с четкой структурой, обеспечивающей единство действий рабочего класса, выполнение его политических задач и успех борьбы против различного рода сектантства и реформизма.

Рост авторитета Интернационала в широких рабочих кругах, а также среди прогрессивной части демократов вызывал усиленное проникновение буржуазных реформаторов в ряды Товарищества с целью использования его организации для осуществления различных буржуазных реформ. В ряде стран, в частности в США, стали возникать секции на основе либерально-реформистской программы. Возникла угроза буржуазного перерождения некоторых

тарской партии на основе опыта Парижской Коммуны» (автор Б. Г. Тартаковский) монографии «Парижская Коммуна и марксизм», с. 136—137.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, с. 47—49; т. 33 с. 269.

федераций Интернационала. «Данный период,— говорил в связи с этим Маркс на заседании Генерального Совета в мае 1872 г.,— весьма критический, и необходимо не допустить извращения принципов Товарищества» [1]. В этих исключительных условиях Маркс счел необходимым принять меры, гарантирующие пролетарский состав федерации. По его предложению в резолюцию о расколе Федерации США был введен следующий пункт: «Генеральный Совет рекомендует впредь не принимать в Товарищество новые американские секции, если они не насчитывают в своем составе по крайней мере двух третей наемных рабочих» [2].

Летом этого же года при обсуждении Генеральным Советом дополнений к Уставу Интернационала Маркс предложил дополнить статью 9 следующим положением: «каждая секция должна насчитывать в своем составе не менее двух третей наемных рабочих» [3]. Предложение было принято 18 голосами против двух.

Через все выступления Маркса и Энгельса в Интернационале по организационным вопросам красной нитью проходит мысль о необходимости дальнейшего последовательного развития демократических начал в строгом сочетании с проводимым принципом централизма. Эта мысль получила отражение во всех документах Товарищества, вышедших из-под пера Маркса и Энгельса после Лондонской конференции. Этот же принцип был положен в основу подготовленного ими по решению конференции нового издания Общего Устава и Организационного Регламента, вышедшего в свет в октябре 1871 года. В него были включены постановления всех конгрессов по организационным вопросам, а также соответствующие решения Лондонской конференции. Сравнение текстов двух изданий Устава —

---

[1] Генеральный Совет... 1871—1872 гг. М., 1965, с. 148. Маркс подчеркивал, что «в Соединенных Штатах вторжение буржуа, стремящихся превратить Интернационал в свое орудие, факт чрезвычайно опасный». (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, с. 372).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, с. 49.

[3] Генеральный Совет... 1871—1872, с. 198. В проекте Устава, утвержденном Генеральным Советом накануне Гаагского конгресса, статья 9 была сформулирована следующим образом: «Членом Международного Товарищества Рабочих может стать каждый, кто признает и защищает его принципы. Однако, чтобы гарантировать пролетарский характер Товарищества, каждая секция должна насчитывать в своем составе не менее двух третей наемных рабочих» (там же, с. 330). На самом конгрессе это предложение не рассматривалось.

1866 г. и 1871 г.— показывает, как много было сделано за эти пять лет в области усовершенствования структуры Интернационала, укрепления и развития его организационных принципов, как внимательно обобщали Маркс и Энгельс практику рабочего движения.

Был значительно расширен раздел Регламента, посвященный функциям конгресса. По сравнению с Уставом 1866 года более четко формулировались демократические основы созыва и работы конгресса, причем соответствующие пункты были перенесены в начало документа, что подчеркивало их значение. Первая статья гласила: «Каждый член Международного Товарищества Рабочих имеет право участвовать в выборах делегатов на общий конгресс и быть самому избранным делегатом». Статья 3 указывала, что «каждый делегат имеет на конгрессе только один голос» [1].

По всем обсуждаемым на конгрессе вопросам должны назначаться особые комиссии для изучения поступившего с мест материала, и каждый делегат должен указать, в какой комиссии он примет участие. Такой метод способствовал вовлечению в работу конгресса всех делегатов.

Накануне Гаагского конгресса Маркс предложил еще больше расширить функции конгресса, дополнив, в частности, Устав пунктом о том, что на открытых заседаниях конгресса должны обсуждаться и «принципиальные вопросы», по которым также следует принимать определенные решения. Это предложение Маркса фиксировало уже сложившуюся практику проведения на заседаниях конгрессов дискуссий, в процессе которых и вырабатывались важнейшие программные положения рабочего движения. Была в этом предложении и новая мысль: требование принятия обязательных решений по всем обсуждаемым теоретическим (принципиальным, говорил Маркс) вопросам. Это был следующий шаг в развитии организационных принципов, шаг, который имел большое значение в борьбе за идейное единство, против анархизма и реформизма, за преодоление мелкобуржуазных шатаний и неустойчивости воззрений определенной части рабочих.

В условиях, когда все реакционные силы Европы вели наступление на Интернационал, а внутри него анархистско-реформистские элементы ополчились на революци-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, с. 448 (в Регламенте 1866 г. соответствующие статьи фигурировали под №№ 11 и 13).

онное крыло и, по выражению Маркса, встал вопрос о жизни или смерти Интернационала [1],— в этих условиях на первый план неизбежно выступила задача максимальной концентрации революционных сил пролетариата, укрепления дисциплины, обязательного соблюдения всех положений Устава и Регламента.

В связи с этой очевидной необходимостью укрепления организации летом 1872 г. по инициативе Маркса и Энгельса в Генеральном Совете был предпринят пересмотр Устава и Организационного Регламента. Новый проект этих документов должен был быть представлен на рассмотрение Гаагского конгресса [2]. Выступления и предложения Маркса и Энгельса отчетливо показывают направление, в котором они продолжали разрабатывать организационные принципы партии, а также теснейшую связь задачи усовершенствования организационной структуры Интернационала с разработкой его политической программы.

Во время этого обсуждения было решено предложить конгрессу включить в Устав статью, указывающую на необходимость завоевания рабочим классом политической власти. В статье обосновывалось значение политической партии пролетариата в осуществлении этой великой цели. Предложенные также в качестве дополнения к Уставу положения, усиливающие централизм и демократизм в структуре Интернационала, значительно приближали организационные принципы Товарищества к структуре пролетарской политической партии.

Маркс и Энгельс, являвшиеся авторами большинства предложений, постоянно ссылались при этом на опыт парижских коммунаров. Они неоднократно подчеркивали, что опыт Коммуны диктует необходимость усиления концентрации всех революционных сил, укрепления авторитета руководящих органов Интернационала, и этот вывод они стремились довести до сознания рабочих. Недостаток авторитета и централизации,— говорил не раз Энгельс,— стоил жизни Парижской коммуне [3]. На страже интересов

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, с. 413—414.

[2] Подробно о подготовке нового проекта Устава и Регламента Интернационала летом 1872 г. см.: *В. Э. Кунина*. История создания нового проекта Общего Устава и Организационного Регламента Первого Интернационала (1872).— В кн.: История социалистических учений. М., 1964.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, с. 317. Такова же была и точка зрения их сторонников, в том числе и бывших участников Коммуны. Представитель немецких социал-демократов

организации должен стоять ее руководящий комитет — выразитель взглядов большинства и в то же время, по выражению Маркса, «суд высшей инстанции» [1].

Это положение о необходимости сплочения всех революционных сил вокруг сильного своим моральным авторитетом руководящего органа Энгельс обстоятельно аргументировал в статье «Съезд в Сонвилье и Интернационал», написанной им для органа Эйзенахской партии газеты «Volksstaat». Обращаясь к членам партии, «достаточно хорошо понимающим, какую цену имеет организация, способная постоять за себя» [2], Энгельс доказывал, что для успеха борьбы, которую ведет рабочая партия, нужны совместные действия, централизация сил в одном пункте и строгая партийная дисциплина.

Наличие такого авторитетного руководства, обладающего достаточно большими полномочиями по отношению ко всем отделениям Интернационала, подчеркивали Маркс и Энгельс, отвечает насущным потребностям борющегося рабочего класса. «Там, где существует организация,— писал Энгельс,— там неизбежно приходится жертвовать частью автономии во имя единства действий» [3].

Маркс предложил указать в Уставе на еще одну обязанность Генерального Совета: контролировать строгое соблюдение на местах основных принципов Товарищества [4]. Это дополнение логически вытекало из ранее внесенного предложения о принятии конгрессами решений по принципиальным теоретическим вопросам. Придавая огромное значение этому положению, Маркс возглавил постоянную комиссию Генерального Совета по проверке

на конгрессе в Гааге А. Гепнер говорил: «...мы тоже против какого-либо превышения прав, но известный авторитет, известный престиж всегда будут необходимы для сплочения партии...» (Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2—7 сентября 1872 г. Протоколы и документы. М., 1970, с. 130). Делегат конгресса Ф. Зорге утверждал: «Нам нужна централизация, без которой мы были бы беспомощны перед лицом правящих классов» (там же, с. 44). Другой делегат — участник Парижской коммуны Л. Франкель заявил, что является безусловным сторонником концентрации сил (см. там же, с. 12).

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, с. 366.

[2] Там же, т. 17, с. 482.

[3] Там же, т. 18, с. 171.

[4] См. Генеральный Совет... 1871—1872, с. 332.

Предложения Маркса о расширении полномочий Генерального Совета горячо поддерживали члены Совета — бывшие парижские коммунары: Франкель, Вайян, Курне, Врублевский и др.

соответствия местных уставов секций и федераций Общему Уставу. Результаты проверки в каждом отдельном случае докладывались Совету и утверждались им. Введение подобной комиссии было еще одним из организационных мероприятий, необходимость которых диктовалась усиливавшейся идейной борьбой в Интернационале.

Но и в это время, когда сама логика классовой борьбы требовала усиления централизации всех революционных сил, Маркс и Энгельс постоянно обращали внимание на необходимость правильного соотношения централизации и демократизма, писали о гарантиях, «необходимых для того, чтобы воспрепятствовать злоупотреблениям» [1], которые могли бы возникнуть. Исключение или роспуск какой-либо секции, говорил Маркс на заседании Совета, требует обязательной предварительной консультации с местным руководством. Генеральный Совет «никогда не сможет поставить себя в положение власти, противостоящей Товариществу» [2], окончательное решение всегда остается за конгрессами или чрезвычайными конференциями, которые он обязан созывать по требованию большинства организации. Все важнейшие вопросы, говорил Маркс, должны решаться «голосом народа» [3].

Марксистское учение о партии подвергалось самым яростным нападкам со стороны анархистов, реформистов, буржуазных реформаторов, со стороны всех тех, кто не оставлял надежды использовать организованное рабочее движение в своих целях. Отрицая необходимость революционного преобразования капиталистического общества и необходимость установления диктатуры пролетариата, они отрицали и партию как боевой авангард рабочего класса, нападали на принцип построения ее на основе сочетания централизма и демократизма, на требование усиления партийной дисциплины, противопоставляя всему этому свои догматические представления о партии. Анархисты пытались утвердить свою догму о «полной автономии» или «неограниченном демократизме», об «антиавторитаризме» и т. п., что, впрочем, не мешало им создавать свои строго законспирированные общества со слепым подчинением руководящему комитету, как это было в бакунистском Альянсе. Утверждая, что они ведут борьбу только против рас-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, с. 161.
[2] Генеральный Совет... 1871—1872, с. 179, 332,
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, с. 644,

ширения полномочий Генерального Совета, которые, с их точки зрения, должны ограничиваться исключительно ведением корреспонденции и сбором статистических сведений, анархисты фактически выступали против идейного и организационного единства складывавшихся партий. На той же позиции находились и реформисты, несмотря на кажущееся различие их взглядов. Реформистское крыло в Интернационале не отрицало необходимости создания массовой рабочей партии, но оно мыслило ее как партию либеральных реформ и парламентской политики, выступающую в тесном контакте с либеральной буржуазией, а по существу подчиняющуюся ей. Эта рабочая партия должна являться своего рода «дискуссионным клубом», обладать «неограниченной свободой и демократией».

В. И. Ленин указывал, что так называемый реформистский «демократизм» в эпоху Интернационала являлся лишь «прикрытием буржуазных сект, разлагавших строительство пролетарской социал-демократии» [1].

Маркс и Энгельс понимали, какую опасность представляли эти анархистско-реформистские взгляды именно в тот период, когда закладывался фундамент построения подлинно пролетарских революционных самостоятельных партий. Они обратили внимание на тот факт, что все выступающие против теоретических основ партии являются также врагами и соответствующих этим основам организационных принципов. Они подчеркивали, что анархистско-реформистские выступления находят поддержку у буржуазных политиков, добивающихся ослабления пролетарского движения. «Не следует забывать,— писал Маркс,— что наше Товарищество является *боевой организацией* пролетариата... Сломать нашу организацию в данный момент значило бы сложить оружие» [2]. «Развалите организацию,— говорил Энгельс,— и у вас будет сколько угодно мутной воды» [3].

После Коммуны борьба вокруг принципов построения пролетарской партии и ее политических задач перешла из области общей теории в практическую область [4]. Поскольку в открытых теоретических дискуссиях неизменно побеждал марксизм, анархисты пустили в ход другое оружие — они встали на путь прямого раскола.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 393.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, с. 366.
[3] Там же, т. 18, с. 169.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 18.

В борьбе против анархизма и реформизма Маркс и Энгельс отстаивали и развивали свое учение о пролетарской партии как организованном боевом авангарде пролетарской партии, добивались дальнейшего укрепления в Интернационале принципов демократического централизма. Опираясь на установленное еще первым конгрессом положение относительно обязательного соблюдения решений конгрессов, Маркс и Энгельс указали на естественно вытекавший отсюда вывод: тот, кто отказывается признать постановления конгрессов и утвержденные ими документы, тот тем самым отвергает всю организацию в целом и ставит себя вне ее рядов; это относится и к отдельным членам Товарищества, и к его отделениям на местах. Никакое общество или лицо, констатировали Маркс и Энгельс, не может состоять в организации, законы которой они отвергают. «Товарищи рабочие! — писал после конгресса в Гааге по поручению Манчестерской секции Энгельс в обращении к секциям Британской федерации.— Одобряете ли вы лично или не одобряете резолюции, принятые в Гааге, в настоящий момент они являются *для Интернационала законом.* Если кто-нибудь из вас их не одобряет, то может обратиться к очередному конгрессу. Но ни одна секция, ни Британский федеральный совет... не имеет права отвергать резолюции общего конгресса, созванного на законном основании. Кто пытается это сделать, тот фактически ставит себя вне рядов Интернационала...» [1]

Это был еще один шаг в разработке организационных принципов пролетарской партии. Данное положение обеспечивало возможность успешной борьбы революционного крыла за идейное единство и лишало раскольническое меньшинство возможности вести свою дезорганизаторскую деятельность внутри Интернационала.

Упорная борьба против анархистов и реформистов в Интернационале завершилась победой марксизма и в теоретических, и в организационных вопросах [2].

Выступления анархистов и реформистов против организационных принципов пролетарской партии в период Первого Интернационала были своего рода предвестником борьбы оппортунистов в начале XX в. против ленинского учения о демократическом централизме. В ленинской кри-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, с. 195.

[2] См. Первый Интернационал. 1870—1876. М., 1965, гл. 5. «Торжество идей марксизма в Интернационале. Гаагский конгресс».

тике оппортунизма в организационном вопросе содержалось много общего с той критикой, которой Маркс и Энгельс подвергали в эти годы анархистов и реформистов. Раскрывая сущность оппортунизма в организационных вопросах, В. И. Ленин указал, что она заключается в преклонении перед стихийно складывающимися формами организации, в проповеди безбрежной автономии, в противодействии всяким попыткам превратить объединения рабочих из суммы отдельных групп в единую организацию, в отрицании дисциплины и т. п.— т. е. в полном отрицании всех тех факторов, которые обеспечивают пролетарской партии ее боевой характер и авангардную роль в рабочем движении. Неприятие идей демократического централизма означает стремление ослабить боеспособность партии. На многочисленных примерах В. И. Ленин показал, что «оппортунизм в программе естественно связан с оппортунизмом в тактике и с оппортунизмом в вопросах организационных» [1], что последний носит международный характер, он существует во всех тех социал-демократических партиях, в которых идет борьба между революционным и оппортунистическим направлениями [2].

* * *

Годы деятельности Международного Товарищества Рабочих были важнейшим этапом в исторической борьбе Маркса и Энгельса за создание в каждой стране самостоятельной политической партии пролетариата, основанной на подлинно научной теории. Под непосредственным руководством Маркса и Энгельса в Первом Интернационале были разработаны теоретические и организационные основы боевого авангарда рабочего класса — его партии. Именно в это время Марксом и Энгельсом был сделан большой шаг в разработке идеи демократического централизма, органически присущей их учению о всемирно-исторической роли рабочего класса, учению о его партии.

Маркс, сформулировавший уже в первых программных документах Интернационала идею демократического централизма, внимательно изучал затем вместе с Энгельсом опыт рабочего движения каждой страны, деятельность местных секций и федераций Товарищества, практику

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 386.
[2] См. там же, с. 385, 392.

работы его конгрессов и Генерального Совета. Из этого опыта они «отбирали» все те организационные формы, которые способствовали борьбе за идейное единство пролетариата, борьбе против мелкобуржуазного социализма, анархизма и реформизма, против буржуазной идеологии. Этот опыт, обобщенный и развитый Марксом и Энгельсом, получил отражение в решениях конгрессов по организационным вопросам, в Общем Уставе и Организационном Регламенте Товарищества и других его программных документах.

Особое место в развитии Марксом и Энгельсом организационных принципов пролетарской партии, так же как и ее политической программы, занимают годы, следовавшие непосредственно за Парижской коммуной, когда в острой идейной борьбе против анархизма и реформизма решался вопрос о судьбе Интернационала, о путях развития рабочего движения в целом. Марксу, Энгельсу и их сторонникам удалось добиться победы над анархизмом и реформизмом, объединив вокруг Генерального Совета все революционные силы Интернационала, совершенствуя в ходе борьбы те организационные положения, которые уже были заложены в программных решениях, в постановлениях по организационным вопросам. В этой борьбе эти положения проходили свою проверку, развивались и дополнялись.

Маркс и Энгельс показали на многочисленных примерах, что организационная структура партии обусловлена ее классовым характером, ее задачами и целями, что развитие организационных принципов находится в тесной взаимосвязи с разработкой ее политической программы. На примере Интернационала, его секций и федераций Маркс и Энгельс показали, что партия, борющаяся за политическое господство рабочего класса, может основываться только на одном-единственном организационном принципе — на принципе демократического централизма, в котором правильно сочетаются обе его стороны: централизация и демократия. Маркс и Энгельс показали на практике деятельности Интернационала, что централизм пролетарской партии отнюдь не противоречит ее демократизму, а, наоборот, способствует его развитию и укреплению.

Не все организационные принципы, разработанные в эти годы Марксом и Энгельсом, были сразу восприняты рабочим классом и нашли тогда же практическое применение. Только передовая его часть подходила в это время к пониманию задачи политической партии и определяв-

шихся ею организационных принципов. Но став достоянием передовых кругов рабочего класса, идеи марксизма и в этом вопросе проникали затем в более широкие слои пролетариата, постепенно внедрялись в практику революционной борьбы.

После смерти Маркса идея демократического централизма была развита Энгельсом и пропагандировалась им в социалистическом движении конца XIX века.

В. И. Ленин, опираясь на идеи Маркса и Энгельса об организационных принципах пролетарской партии, обобщая новый опыт массового рабочего движения XX в., создал стройное, цельное учение о демократическом централизме как основном принципе построения коммунистических партий. Многолетний опыт Коммунистической партии Советского Союза показал, что своих успехов она добилась, «применяя ленинские нормы партийной жизни и принципы партийного руководства, принцип демократического централизма» [1].

---

[1] *Л. И. Брежнев.* Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, с. 78.

14 Заказ 1849

Г. М. АДИБЕКОВ

К. Маркс, Ф. Энгельс и профсоюзное движение

Пролетарская школа борьбы против капитала

Выступления пролетариев против капиталистического гнета начались в самом начале эпохи промышленного переворота. Это был период зарождения рабочего движения, носившего поначалу стихийный, а зачастую бунтарский характер. Стихийно возникали и забастовки.

В конце XVIII века в процессе стихийной борьбы рабочих Англии за свои текущие интересы стали создаваться первые рабочие объединения — общества взаимопомощи. Они главным образом заботились об улучшении материального положения особенно бедствовавших рабочих. Эти общества и были первыми тред-юнионами, профессиональными союзами английского пролетариата. Развитие классовой борьбы усиливало стремление рабочих к объединению своих усилий, сплочению в союзы, принимавшему все более значительные размеры.

К. Маркс и Ф. Энгельс считали образование рабочих коалиций, профессиональных союзов важнейшей частью экономической борьбы пролетариата. На основе обобщения опыта рабочего движения основоположники марксизма доказали, что объективное положение рабочего класса в системе капиталистического производства приводит его к необходимости объединяться в самостоятельные организации, борющиеся за непосредственные интересы рабочих.

Первой марксистской работой, в которой научно обосновывается необходимость создания рабочих организаций — союзов для борьбы против капитала, является книга Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Анализируя социальное положение различных отрядов английского пролетариата, Энгельс отмечал, что «рабочему не предоставлено никакого иного поприща для проявления своих человеческих чувств, кроме протеста против

своего положения», «что вся сила, вся деятельность рабочих устремляется именно в этом направлении» [1]. Возмущение английских рабочих против буржуазии стало проявляться вскоре после начала промышленного развития, писал Энгельс, и прошло через различные фазы. Первоначально это были несознательные формы протеста отдельных лиц против существующего общественного строя.

«Рабочий *класс* впервые выступил против буржуазии тогда, когда он силой воспротивился введению машин, что произошло в самом начале промышленного переворота» [2]. Но и эта форма протеста свидетельствовала о низком уровне классового сознания рабочих, носила изолированный характер, ограничивалась отдельными местностями.

Постепенно, в процессе борьбы против капитала, рабочие Англии стали создавать так называемые частичные коалиции с единственной целью — организовать стачку. После стачки такие коалиции прекращали свое существование. Логика борьбы английского рабочего класса против усиливающейся капиталистической эксплуатации диктовала необходимость создания постоянных коалиций, которые должны были стать оплотом рабочих в их ожесточавшейся борьбе против предпринимателей.

Поначалу такие коалиции носили тайный характер, и в силу этого они не могли добиться значительных результатов. Однако в Англии в 1824 г. правительство тори приняло закон, отменивший все акты, ранее воспрещавшие объединение рабочих для защиты своих интересов. Получив право объединения в ассоциации — право, принадлежавшее до тех пор только имущим классам,— рабочие во всех отраслях промышленности принялись создавать профессиональные союзы, тред-юнионы, «открыто стремившиеся оградить отдельных рабочих от тирании и бездушного отношения буржуазии. Они ставили себе целью: устанавливать заработную плату, вести переговоры с работодателями коллективно, как *сила*, регулировать заработную плату сообразно с прибылью работодателя, повышать заработную плату при удобном случае и удерживать ее для каждой профессии повсюду на одинаковом уровне» [3]. Таким образом, профессиональные союзы возникли в ходе борьбы пролетариата как его классовая организация. Основным их требованием было повышение заработной

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, с. 438.
[2] Там же, с. 439.
[3] Там же, с. 440.

платы — стержневой вопрос рабочего движения первой трети прошлого столетия.

Маркс и Энгельс неоднократно отмечали, что постоянные столкновения между буржуазией и пролетариатом требуют от рабочего класса организованности и дисциплины. В «Манифесте Коммунистической партии» говорилось: «Рабочие начинают с того, что образуют коалиции [1] против буржуа; они выступают сообща для защиты своей заработной платы. Они основывают даже постоянные ассоциации для того, чтобы обеспечить себя средствами на случай возможных столкновений. Местами борьба переходит в открытые восстания.

Рабочие время от времени побеждают, но эти победы лишь преходящи. Действительным результатом их борьбы является не непосредственный успех, а все шире распространяющееся объединение рабочих» [2].

Создатели научного коммунизма неоднократно подчеркивали, что пролетариат нуждается в сильной организации, которая активно защищала бы его текущие интересы.

Вопреки уверениям буржуазной политической экономии о бесполезности сопротивления рабочих существующим порядкам Маркс в «Нищете философии» показал, что объединение рабочих в союзы служит для них школой классовой борьбы, формой подготовки их к революционной атаке на капиталистический строй. Капитал превратил массы населения в неимущих рабочих, порабощенных предпринимателями и раскалываемых конкуренцией. Однако эта масса, писал Маркс, под влиянием общих интересов будет постепенно сплачиваться, объединяться, сначала по профессиям, оказывать все более организованное сопротивление капиталистам. «В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы» [3]. В письме Дж. Ладлоу (10 апреля 1869 г.) Маркс ставил себе в заслугу то, что в последней главе своей работы «Нищета философии», т. е. «в 1847 г., когда все политико-экономы и все социалисты были согласны в одном единственном пункте — в осуждении *тред-юнионов,* — я доказывал историческую необходимость последних» [4]. В статье «Система наемного труда»,

---

[1] В английском издании 1888 г. после слова «коалиции» вставлено: «(профессиональные союзы)». *Ред.*

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, с. 432.

[3] Там же, с. 183.

[4] Там же, т. 32, с. 500.

написанной в 1881 г., Энгельс возвращается к той же мысли: «...тред-юнионы, как в Англии, так и во всякой другой промышленной стране, необходимы рабочему классу в его борьбе против капитала» [1].

В ходе борьбы рабочие, объединенные в союзы, стали осознавать, что они находятся в более благоприятных условиях, чем неорганизованные пролетарии. Поэтому, отмечал Маркс, «охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы» [2].

Маркс указывал, что профсоюзы, сами того не сознавая, превращались в «организационные центры для рабочего класса». И если профсоюзы необходимы рабочим для борьбы за насущные интересы и требования, то «они в еще большей степени важны как *организованная сила для уничтожения самой системы наемного труда и власти капитала*» [3].

Буржуазия оказывала яростное сопротивление росту влияния и силы профсоюзов в капиталистическом обществе. С одной стороны, она стремилась организовать профсоюзы, которые находились бы под ее контролем, с другой — она пыталась помешать объединению рабочих, углубить конкуренцию между ними. Однако борьба против капиталистов, поскольку она во многих случаях приводила к успеху, привлекала в ряды профсоюзов все новые и новые отряды рабочего класса. Опыт десятков лет защиты насущных интересов пролетариата сделал, к примеру, тред-юнионы Англии «признанным учреждением, и действие их в качестве одного из регуляторов заработной платы признано в такой же мере, в какой признано действие фабричных законов как регуляторов продолжительности рабочего дня» [4].

Обобщая итоги 60-летней деятельности английских тред-юнионов, Энгельс подчеркивал в качестве неоспоримых заслуг профсоюзов то, что «закон заработной платы соблюдается вопреки воле предпринимателей; что рабочие хорошо организованных отраслей производства получают возможность добиваться, хотя бы приблизительно, полной оплаты стоимости рабочей силы, которую они отдают в наем своему предпринимателю; что при помощи государ-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 260.
[2] Там же, т. 4, с. 183.
[3] Там же, т. 16, с. 200.
[4] Там же, т. 19, с. 265.

ственных законов рабочий день удерживается по крайней мере в рамках той максимальной продолжительности, выше которой рабочая сила преждевременно истощается»[1]. Профсоюзы положили предел неограниченному угнетению рабочего класса со стороны капиталистов.

Необходимость сочетания экономической и политической борьбы

Высоко оценивая борьбу профессиональных объединений за насущные интересы рабочего класса, Маркс и Энгельс подчеркивали, что профсоюзы не могут ограничиваться одной только экономической борьбой. Выступая против недооценки экономической борьбы, Маркс в то же время предупреждал об опасности преувеличения ее значения. Он указывал, что при всей ее необходимости она направлена лишь против следствий, но не причин, их порождающих. Профсоюзы способствуют обеспечению более выгодных условий продажи рабочей силы, однако не могут изменить характер общественных отношений, вынуждающих рабочих продавать ее.

Авторы «Манифеста Коммунистической партии» отмечали, что объективно профсоюзы ведут классовую борьбу, «а всякая классовая борьба есть борьба политическая»[2]. Это теоретическое положение многократно подтверждалось практикой рабочего движения. И не только в ожесточенных схватках с буржуазией за принятие закона о 8-часовом рабочем дне, но и в усиливавшейся борьбе за создание и укрепление профсоюзов. Рабочие многих стран настойчиво отстаивали свое право на организацию союзов. В ответ на открытую войну, объявленную буржуазией рабочим объединениям, пролетариат проводил забастовки с целью завоевания профсоюзами юридического статуса.

Всякая борьба класса против класса есть борьба политическая. Этой формулой Маркс и Энгельс определили одно из важнейших положений тактики революционного пролетарского движения — положение о единстве экономической и политической борьбы рабочего класса, о решающей роли политической борьбы в деле его освобождения.

В письме к Ф. Больте (23 ноября 1871 г.) Маркс следующим образом охарактеризовал сущность политического

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 265.
[2] Там же, т. 4, с. 433.

движения пролетариата: «Политическое движение рабочего класса, разумеется, имеет своей конечной целью завоевание им для себя политической власти, а для этого, конечно, необходима предварительная организация рабочего класса, достигшая известной степени развития и вырастающая из самой экономической борьбы» [1]. Такой предварительной организацией являются профессиональные союзы. «С другой же стороны,— далее писал Маркс,— всякое движение, в котором рабочий класс противостоит как *класс* господствующим классам и стремится победить их путем давления извне, есть политическое движение. Так, например, стремление с помощью стачек и т. п. принудить отдельных капиталистов на какой-либо отдельной фабрике или даже в какой-либо отдельной отрасли промышленности ограничить рабочее время есть чисто экономическое движение; наоборот, движение, имеющее целью заставить издать *закон* о восьмичасовом рабочем дне и т. д., есть *политическое* движение. И таким образом, из разрозненных экономических движений рабочих повсеместно вырастает *политическое* движение, то есть движение *класса,* стремящегося осуществить свои интересы в общей форме, то есть в форме, имеющей принудительную силу для всего общества» [2]. Маркс считал политическую борьбу важным средством развития профсоюзной организации.

Английским тред-юнионам принадлежала инициатива в демократическом движении за всеобщее избирательное право в конце 50-х — начале 60-х годов. Они же составляли основу движения за новую избирательную реформу, которая была проведена в 1867 г. и в результате которой известная часть квалифицированных рабочих получила доступ к избирательным урнам.

Десять с лишним лет спустя после этой избирательной реформы Энгельс писал: «Эта мера открыла новые возможности для рабочего класса. Она доставила ему большинство в Лондоне и во всех фабричных городах и, таким образом, позволила ему начать борьбу против капитала новым оружием, посылая в парламент людей своего собственного класса» [3]. Тем самым рабочие и тред-юнионы получали возможность активно использовать парламент для улучшения положения пролетариата, расширения его прав, завоевания демократических свобод.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, с. 282.
[2] Там же, с. 282—283.
[3] Там же, т. 19, с. 267.

Основоположники научного коммунизма неоднократно указывали, что только в политическом движении против буржуазии поднимается весь рабочий класс, нападая прежде всего на ее политическую власть, на ту стену учреждений и законов, которой она себя окружила. Профсоюзам, как массовой организации рабочего класса, необходимо найти свое место в решительной борьбе пролетариата против капиталистического строя, за завоевание им политической власти. Они должны помочь рабочему классу выработать самостоятельную политическую позицию. По определению Маркса, профсоюзы являются «средством объединения рабочего класса, средством подготовки к ниспровержению всего старого общества с его классовыми противоречиями» [1].

Первый Интернационал и профсоюзы

28 сентября 1864 г. в Лондоне на многолюдном собрании представителей английских и французских рабочих, пролетарских и демократических эмигрантских организаций было создано Международное Товарищество Рабочих — Первый Интернационал. Инициаторы собрания — английские тред-юнионисты стремились создать международное объединение для борьбы против штрейкбрехерства, за экономические требования: сокращение рабочего дня, координацию стачечной борьбы, регулирование заработной платы и т. д. Французские рабочие, находившиеся под влиянием идей Прудона, хотели при помощи Интернационала организовать в мировом масштабе даровой кредит и развить кооперацию; они видели в этом путь к освобождению от эксплуатации. Маркс же считал, что Товарищество должно стать политической массовой пролетарской международной организацией, объединяющей и направляющей рабочих против капиталистического строя.

Массовый характер организации можно было обеспечить только такой программой, которая не закрывала бы дверей ни перед английскими тред-юнионистами, ни перед французскими и бельгийскими прудонистами, ни перед немецкими лассальянцами. Почти четверть века спустя Энгельс писал: «Основывая Интернационал, Маркс составил его Общий Устав так, чтобы к нему могли примкнуть

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, с. 600.

все пролетарские социалисты того периода — прудонисты, последователи Пьера Леру и даже наиболее передовая часть английских тред-юнионистов...»[1]. Маркс хорошо понимал, насколько важно подчеркнуть демократические принципы Интернационала, его уважение к независимости и самостоятельности входящих в него организаций. Поэтому во Временном Уставе Товарищества говорилось: «Объединяясь в нерушимый союз братского сотрудничества, рабочие общества, вступающие в Международное Товарищество, сохраняют, однако, в неприкосновенности свои существующие организации»[2].

О самостоятельности профсоюзов, присоединившихся к Интернационалу, отчетливо говорилось в написанной Марксом и Энгельсом резолюции Лондонской конференции 1871 года. В первом и втором постановлении второго раздела этой резолюции указывалось, что «центральные советы различных стран, в которых существует регулярная организация *Интернационала,* должны впредь именоваться *федеральными советами* или *федеральными комитетами,* с прибавлением названий соответствующих стран»; что «все местные отделения, секции, группы и их комитеты впредь именуются и конституируются исключительно как отделения, секции, группы и комитеты *Международного Товарищества Рабочих* с прибавлением названий соответствующих местностей»[3]. Четвертое постановление второго раздела резолюции Лондонской конференции гласило: «На *профессиональные союзы,* присоединившиеся к Интернационалу, постановления 1 и 2, однако, не распространяются»[4].

Линия, которую Маркс и Энгельс вырабатывали для Интернационала, определялась трезвым анализом общей обстановки и была рассчитана прежде всего на укрепление самостоятельного классового движения пролетариата. Поднимая рабочих от частных и местных требований к пониманию более общих классовых задач, Маркс и Энгельс стремились обеспечить поступательное развитие пролетарского движения.

Маркс и Энгельс, с самого основания Интернационала боровшиеся против реформизма и цеховой ограниченности тред-юнионистских лидеров, добивались вовлечения

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, с. 504.
[2] Там же, т. 16, с. 15.
[3] Там же, т. 17, с. 423.
[4] Там же, с. 424.

в ряды Товарищества широких масс английских рабочих. Британские тред-юнионы, объединявшие около 600 тысяч рабочих, были единственной действительно крупной рабочей организацией. Они представляли собой ту предварительную ступень, которая могла вести к созданию политической рабочей организации. Это позволило Марксу поставить перед Генеральным Советом задачу превращения тред-юнионов, как массовых пролетарских организаций, в опорный пункт борьбы за создание в Англии рабочей партии[1]. Он рассчитывал, что с помощью Интернационала удастся вывести рабочих из рамок борьбы исключительно за повседневные нужды, приобщить их к общему социальному и политическому движению, от которого они находились в стороне. Для этого требовалось вести постоянную агитацию, разъяснявшую противоположность интересов рабочих и буржуазии, втягивать членов тред-юнионов в политическую борьбу.

В июне 1865 года Центральный Совет (позже стал называться Генеральным Советом) выпустил обращение к рабочим обществам, в котором призвал профсоюзы «и другие общества рабочих присоединяться в коллективном порядке; единственными условиями приема являются признание принципов Товарищества и оплата стоимости заявления о присоединении»[2]. Организациям, присоединившимся к Интернационалу, предоставлялось самим решать, «будут ли они платить взносы или предпочтут *оказывать поддержку Товариществу* время от времени, когда сочтут его *деятельность достойной этого*»[3].

Маркс и Энгельс добивались присоединения низовых организаций тред-юнионов к Интернационалу. В феврале 1865 года Маркс подвел первые итоги: «Что касается лондонских тред-юнионов, то каждый день следуют новые присоединения, так что мы постепенно становимся силой»[4]. Интернационал оказывал влияние на значительные круги британских рабочих. Один из лидеров английских тред-юнионов, член Генерального Совета У. Кример сказал: «Несколько лет тому назад делегатов такого Товарищества, как наше, не стали бы даже слушать: теперь нас хорошо принимают, предоставляют нам слово, и принципы

---

[1] См. *В. Э. Кунина.* Карл Маркс и английское рабочее движение. М., 1968, с. 163—286.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, с. 529.

[3] Там же.

[4] Там же, т. 31, с. 70.

наши получают единодушное одобрение. Это первый случай, когда организация, имеющая какое-либо отношение к политике, получила признание тред-юнионов» [1]. Хотя Кример и другие тред-юнионистские лидеры вкладывали в задачи политической борьбы ограниченный смысл, все же такие заявления способствовали разоблачению прудонистской и бакунистской догм, отрицавших политическую деятельность рабочего класса, и создавали таким образом предпосылки для борьбы за пролетарскую политику. Вовлечение тред-юнионов в Интернационал в определенной мере обусловило распространение марксистских идей в английском рабочем движении [2].

Вопрос о присоединении к Интернационалу обсуждался по инициативе английских членов Генерального Совета на ряде заседаний Лондонского совета тред-юнионов [3]. В январе 1867 года Лондонский совет принял резолюцию, в которой, выражая одобрение принципам Международного Товарищества Рабочих, категорически высказался против установления какой-либо организационной связи с Товариществом. Контакт Лондонского совета тред-юнионов с Интернационалом продолжал после этого осуществляться через входивших в его состав членов Генерального Совета. Отказ Лондонского совета присоединиться к Интернационалу был показателем наличия реформистских взглядов в руководстве тред-юнионов.

Маркс и Энгельс придавали большое значение пропаганде идей научного коммунизма среди членов организаций, примыкавших к Интернационалу. В этом отношении определенную роль сыграла составленная Марксом «Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам». Этот документ предназначался для делегатов первого конгресса Товарищества, который состоялся в Женеве в сентябре 1866 года [4].

---

[1] Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864—1866. М., 1961, с. 171.

[2] См. *А. М. Шапиро*. Карл Маркс и английские тред-юнионы в Первом Интернационале.— «Вопросы истории», 1955, № 11-12, с. 83—94.

[3] Лондонский совет тред-юнионов был избран на конференции делегатов различных тред-юнионов Лондона в 1860 г. В первой половине 60-х гг. он возглавил выступления английских рабочих против интервенции в США, в защиту Польши и Италии.

[4] Из девяти сформулированных Марксом пунктов «Инструкции» шесть было принято в качестве резолюций конгресса: об интернациональном объединении действий, о сокращении рабочего

При составлении Инструкции Маркс прежде всего стремился нацелить рабочих, вступивших в Интернационал, на совместные действия. Он подчеркивал, что интернациональное объединение действий в борьбе между трудом и капиталом «охватывает всю деятельность Международного Товарищества, цель которого объединять, направив в общее русло, до сих пор разрозненную борьбу рабочего класса различных стран за свое освобождение» [1]. Поддержка стачечного движения и противодействие штрейкбрехерству были выделены в «особую функцию» Интернационала. Маркс сформулировал в Инструкции предложение о проведении самими рабочими статистического обследования положения рабочего класса, требование 8-часового рабочего дня.

Центральное место в Инструкции занял шестой пункт: «Профессиональные союзы (тред-юнионы). Их прошлое, настоящее и будущее» [2]. Отмечая, что сила численного превосходства рабочих уничтожается их разобщенностью, Маркс указывал, что эта разобщенность создается и продолжает существовать вследствие неизбежной конкуренции между ними самими. Чтобы устранить или по меньшей мере ослабить конкуренцию, рабочие стали объединяться в профсоюзы, непосредственная задача которых ограничивалась по существу борьбой за повышение заработной платы и сокращение рабочего времени. Такая деятельность профсоюзов «не только законна, но и необходима. Без нее нельзя обойтись, пока существует современный способ производства. Более того, эта деятельность должна получить всеобщее распространение путем создания и объединения профессиональных союзов во всех странах» [3].

В Инструкции не только учтен положительный опыт английских тред-юнионов, но и дана критика ограниченного понимания их задач реформистскими лидерами. По убеждению Маркса, слабой стороной деятельности тред-юнионов был узкий практицизм, заставлявший их держаться «слишком в стороне от общего социального и политического движения». В будущем профсоюзы должны «научиться сознательно действовать в качестве организующих центров рабочего класса, ставя своей великой задачей его

дня, о труде детей и женщин, о кооперативном труде, о профессиональных союзах, о постоянных армиях.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, с. 195.
[2] Там же, с. 200—201.
[3] Там же, с. 200.

полное освобождение»[1]. Им следует привлекать в свои ряды неорганизованных рабочих, проявлять особую заботу о низкооплачиваемых, в частности о сельскохозяйственных батраках. «Профессиональные союзы должны доказать всему миру, что они борются отнюдь не за узкие эгоистические интересы, а за освобождение угнетенных миллионов»[2].

В. И. Ленин высоко ценил решение о профессиональных союзах, принятое Женевским конгрессом на основе составленной Марксом Инструкции. «Резолюция этого конгресса,— писал В. И. Ленин в статье «Протест российских социал-демократов»,— точно указала значение экономической борьбы, предостерегая социалистов и рабочих, с одной стороны, от преувеличения ее значения (заметного у английских рабочих в то время), с другой стороны, от недостаточной оценки ее значения (что замечалось у французов и немцев, особенно у лассальянцев)»[3]. Благодаря марксизму, указывал Ленин, убеждение в том, что единая классовая борьба пролетариата должна соединять экономическую и политическую борьбу, вошло в плоть и кровь международного пролетарского движения.

Усиление экономической борьбы пролетариата против капитала, в защиту своих классовых интересов, рост стачечного движения, руководимого, как правило, членами Интернационала, побудили рабочих ряда стран, например Германии, приступить к широкому созданию профессиональных союзов. Сторонники марксизма выступали против сектантства в этом вопросе, за создание профсоюзов на демократических началах.

В 1868 г. в Берлине состоялся рабочий съезд, основавший несколько профсоюзов по образцу сектантской организации лассальянцев. Они были объединены в один общий союз во главе с президентом Всеобщего германского рабочего союза И. Швейцером. Эта деятельность лассальянцев носила фактически раскольнический характер, так как Швейцер и его единомышленники не допустили на Берлинский съезд те профсоюзы, которые находились под влиянием социал-демократов.

Маркс и Энгельс резко критиковали Швейцера за подобную организацию съезда, приведшего к расколу профсоюзов в Германии, за принятый на нем устав, который

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, с. 201.
[2] Там же.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 171.

в корне противоречил целям и характеру профессионального движения. В письме Швейцеру (13 октября 1868 г.) Маркс называл проект устава «принципиально ошибочным». Он выступил против чрезмерной централизации профсоюзов: «...организация, построенная на основе *централизма,* пригодна для тайных обществ и сектантских движений, но противоречит сущности профессиональных союзов. Будь она даже возможна,— а я заявляю, что она просто-напросто невозможна,— она была бы нежелательна, особенно в Германии, где рабочий с детских лет живет в атмосфере бюрократической регламентации и верит в авторитеты, в начальство и где его нужно прежде всего *приучать к самостоятельности»* [1]. Маркс считал, что профсоюзы должны строиться на основе демократических принципов, содействующих развитию движения, дальнейшему развертыванию классовой борьбы.

Организационная структура профсоюзов, предложенная лассальянцами, грозила превратить их в придаток Всеобщего германского рабочего союза. Энгельс считал, что предлагавшаяся структура бесперспективна, «не имеет практического смысла», лишает организацию маневренности, «быстроты действия». В письме Марксу (2 октября 1868 г.) Энгельс писал: «В «Союзе» три независимых державы [2] различного происхождения! 1) Комитет, выбираемый по *профессиям,* 2) президиум, выбираемый всеобщим голосованием, 3) съезд, выбираемый *местными организациями.* Следовательно, повсюду — коллизии; и это должно способствовать «быстроте действия». Конечно, лучше всего при этом положение того, кто избран всеобщим голосованием в качестве лица, облеченного всеобщим доверием» [3].

«Лассаль сделал большой промах,— писал Маркс в упоминавшемся письме Швейцеру,— заимствовав из французской конституции 1852 г. пост президента, «избираемого всеобщим голосованием». Тем более это не годится для профессионального движения!» [4]. В качестве положительного решения этого вопроса Маркс привел Лондонский

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, с. 476. Об этом см. также с. 131, 135, 137.

[2] Правильнее «власти» («Mächte»). См. *K. Marx, F. Engels.* Werke. Berlin, 1965. Bd. 32, S. 172. См. также: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, с. 476.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, с. 139.

[4] Там же, с. 476.

совет тред-юнионов: «Постоянным должностным лицом является там лишь секретарь, так как он ведет текущую деловую работу». Маркс и Энгельс выступали против насаждения в профсоюзах культа личности президента, видели в этом угрозу демократическим принципам профдвижения.

Маркс и Энгельс вели неустанную борьбу против либерального тред-юнионизма, представители которого верили в непоколебимость устоев капитализма, не ставили иной цели рабочему движению, как только подправить и «улучшить» буржуазный строй [1].

В 50-х—70-х гг. прошлого столетия тред-юнионы (например, в Англии) объединяли наиболее квалифицированных рабочих, строились по цеховому принципу. Это были, по существу, замкнутые организации, доступ в которые был закрыт для малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих. Понятно, что замкнутость и распыленность профсоюзов способствовали разъединению рабочих и препятствовали организации стачечной борьбы в широких масштабах. Тред-юнионы придерживались принципа «компромисс любой ценой». Тред-юнионизм видел конечную цель профсоюзов не в освобождении рабочего класса от ига капитализма, а лишь в урегулировании отношений между трудом и капиталом в рамках существующего строя, в частности в получении известных экономических уступок со стороны предпринимателей. Характеризуя крупные тред-юнионы того времени, Энгельс позднее писал, что рабочие — члены таких тред-юнионов «образуют аристократию в рабочем классе; им удалось добиться сравнительно обеспеченного положения, и это они считают окончательным» [2]. Взгляды рабочей аристократии, по определению Энгельса, отражали «буржуазную ступень мышления» [3].

Маркс и Энгельс сурово критиковали тред-юнионизм за его цеховую ограниченность, за политику классового сотрудничества, примирения классовых противоречий пролетариата и буржуазии. Они, отдавая должное экономической борьбе тред-юнионов, призывали организованных рабочих вести и политическую борьбу.

Создатели научного коммунизма рассматривали существование в рабочем движении реформистских течений как результат влияния буржуазной идеологии на определенные слои пролетариата и как проявление их отсталости. Они

[1] См. К. Маркс. Биография. Изд. второе. М., 1973.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, с. 281.
[3] Там же, т. 36, с. 415.

были уверены, что этот этап будет неизбежно преодолен в ходе классовой борьбы. Однако они считали, что надо не наблюдать за тем, как свершается этот процесс, а самым активным образом содействовать росту классового сознания, применению различных форм и методов идеологического воздействия в сочетании с кропотливой воспитательной работой и энергичной поддержкой самодеятельности рабочих. Эту задачу и решал Первый Интернационал.

Маркс и Энгельс использовали авторитет Интернационала для расширения профсоюзного движения. Брюссельский конгресс (сентябрь 1868 г.) рекомендовал создавать профсоюзы в тех отраслях производства, где их не было, а также организовывать фонды для поддержки стачек [1]. Базельский конгресс (сентябрь 1869 г.) призвал к образованию национальных объединений. Резолюция о профсоюзах, принятая на этом конгрессе, заканчивалась словами: «Ввиду того, что международный характер труда и капитала требует международной организации профессиональных союзов, конгресс поручает Генеральному Совету осуществить международное объединение профессиональных союзов» [2]. Двумя годами раньше на это обратил внимание Генеральный Совет в своем воззвании о конгрессе в Лозанне. В нем говорилось: поскольку предприниматели для оказания сопротивления рабочим либо ввозят иностранных рабочих, либо передают работу в те страны, где рабочие руки дешевле, «необходимо превратить национальные союзы в международные, чтобы рабочий класс мог продолжать свою борьбу сколько-нибудь успешно» [3].

Маркс и Энгельс понимали всю трудность и сложность осуществления этой задачи. Так, в речи на Лондонской конференции 1871 г. Маркс отметил, что это было благое пожелание, так как тред-юнионистские лидеры не согласятся на создание международной профсоюзной федерации [4]. И все же Маркс и Энгельс, придавая исключительно важное значение интернациональным действиям рабочего класса, в ожесточенной борьбе против бакунистов одержали победу. Лондонская конференция приняла резолюцию «О международных связях профессиональных союзов»,

---

[1] Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868—1876. М., 1964, с. 220.

[2] Базельский конгресс Первого Интернационала. 6—11 сентября 1869 г. М., 1934, с. 85.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, с. 552.

[4] См. там же, т. 17, с. 644.

окончательная редакция которой принадлежала Марксу и Энгельсу. В ней, в частности, говорилось: «Генеральному Совету предлагается по-прежнему содействовать растущему стремлению профессиональных союзов различных стран к установлению связи с союзами соответствующих профессий всех других стран» [1]. В следующем, 1872 г. Маркс и Энгельс написали резолюцию, принятую Гаагским конгрессом, которая давала Генеральному Совету «специальное поручение создать международные профессиональные союзы» [2].

Развитию интернациональной пролетарской солидарности во многом также способствовала постоянная поддержка Интернационалом стачечной борьбы рабочих различных стран. По инициативе Маркса Генеральный Совет стал организатором моральной и материальной поддержки забастовочного движения. «Другая обязанность Генерального Совета состоит в том, чтобы помогать бастующим, обеспечивая им поддержку всего Интернационала»,— писали Маркс и Энгельс в «Мнимых расколах в Интернационале» [3]. Следующий факт, приводимый Марксом и Энгельсом в этой работе, красноречиво свидетельствует о высоком авторитете Интернационала среди широких рабочих масс. Во время своей стачки американские литейщики обратились за помощью не к Обществу сопротивления английских литейщиков, которое было международным тред-юнионом, а «сочли необходимым обратиться к заступничеству Генерального Совета, чтобы предотвратить привоз английских литейщиков в их страну» [4]. Благодаря энергичной поддержке Генерального Совета был сорван ввоз штрейкбрехеров в Англию во время крупной стачки строительных и машиностроительных рабочих Ньюкасла летом — осенью 1871 года. Таких примеров множество [5]. Создатели научного коммунизма считали стачечную борьбу

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, с. 425.

[2] Там же, т. 18, с. 146. Борьба Маркса и Энгельса за образование международных объединений профсоюзов принесла свои плоды. В 80-е годы это движение расширилось. Так, в 1889 г. состоялась международная конференция горняков, одного из передовых отрядов рабочего класса. Эта конференция подготовила создание международного объединения профсоюза горняков в 1890 году.

[3] Там же, с. 36.

[4] Там же.

[5] См. об этом подробно Первый Интернационал. Часть I. 1864—1870. М., 1964; Первый Интернационал. Часть II. 1870—1876. М., 1965.

рабочего класса подлинной школой классовой солидарности и пролетарского интернационализма.

Маркс называл стачки «одной из наиболее обычных форм движения за освобождение» [1] рабочего класса. Маркс и Энгельс добивались, чтобы рабочие осознали место стачек в общей освободительной борьбе пролетариата как действенного средства, с помощью которого можно заставить хозяина одного предприятия или капиталистов целых отраслей промышленности пойти на уступки. Причем рабочие не должны ограничиваться только этим средством классовой борьбы.

Марксу и Энгельсу неоднократно приходилось выступать на заседаниях Генерального Совета с глубоким теоретическим обоснованием необходимости сочетания экономической борьбы с борьбой политической. Нередко их выступления выливались в обширные доклады, имеющие непреходящее теоретическое и практическое значение для международного рабочего движения в целом, для выработки революционной программы и тактики пролетариата в частности. Ярким примером тому является доклад, известный под названием «Заработная плата, цена и прибыль» [2], который был прочитан Марксом на заседаниях Генерального Совета в июне 1865 года. Впервые в предельно сжатой форме Маркс изложил рабочим важнейшие положения своей экономической теории, содержавшиеся в подготавливаемом к печати первом томе «Капитала». В этой работе он особенно подчеркнул значение профсоюзов как «центров сопротивления наступлению капитала» [3]. В то же время осуждались реформистские воззрения английских тред-юнионистов.

Моральная и материальная поддержка Генерального Совета в ряде случаев приносила бастующим непосредственный успех. Это способствовало росту профсоюзов, а также вовлечению в Интернационал новых отрядов рабочих, в том числе малоквалифицированных и неквалифицированных. Британский конгресс тред-юнионов, собравшийся в августе 1869 г. в Бирмингеме, призвал все рабочие общества Великобритании присоединиться к Интернационалу, который, как было сказано в его резолюции, «ставит себе целью защиту интересов рабочего класса, являющих-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, с. 635.
[2] См. там же, т. 16, с. 101—155.
[3] Там же, с. 155.

ся повсюду *одинаковыми*»[1]. К концу 60-х гг. к Интернационалу стали присоединяться германские и французские профсоюзы.

В годы существования Первого Интернационала, составившего целую эпоху в развитии рабочего движения, десятки тысяч рабочих Европы и Америки сплотились под знаменем пролетарского интернационализма. В острых идейных боях с различными разновидностями домарксовского социализма, с тред-юнионистским реформизмом и анархистскими теориями передовые рабочие, в частности профессионально организованные, были приобщены к пониманию подлинных целей и средств борьбы пролетариата.

Опыт последовательной борьбы за насущные интересы рабочих, против капитала в определенной степени способствовал революционизированию профсоюзов. Однако большинство организованных рабочих продолжали идти за реформистскими профлидерами.

Парижская коммуна ускорила отход от Интернационала консервативных профсоюзов, лидеры которых твердо стали на путь реформизма. Решающую роль сыграло заявление Генерального Совета о полной тождественности задач Товарищества с целями Парижской коммуны.

Пролетарские партии и профсоюзное движение

После роспуска Интернационала рабочее движение подошло к практической реализации задачи создания в каждой стране политической партии, связанной единством теоретических, тактических и организационных принципов. Начался новый этап рабочего движения, период распространения марксизма вширь, «период образования, роста и возмужания массовых социалистических партий классового, пролетарского состава»[2].

В 1881 г. в статье «Тред-юнионы» Энгельс писал: «Быстро приближается время, когда рабочий класс поймет, что борьба за высокую заработную плату и за короткий рабочий день, как и вся деятельность тред-юнионов в ее нынешнем виде, является не самоцелью, а лишь средством, пусть средством очень необходимым и действенным, но все же

---

[1] Цит. по: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, с. 398.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 364.

только одним из многих средств, ведущих к достижению более высокой цели: к полному уничтожению всей системы наемного труда» [1].

Профсоюзы, выражающие прежде всего профессиональные интересы рабочих, не способны возглавить весь пролетариат в борьбе за уничтожение капиталистической системы эксплуатации. Для осуществления этой великой цели рабочему классу предстоит объединиться как целому. Вот почему «наряду с союзами отдельных профессий или над ними должно возникнуть общее объединение, политическая организация рабочего класса как целого» [2]. Чтобы ликвидировать систему наемного труда, рабочим надо создать свою политическую партию, которая и поведет рабочие массы на штурм капитализма.

Маркс и Энгельс сформулировали основные положения деятельности пролетарской партии по отношению к профсоюзам и профсоюзному движению. Они указывали, что буржуазия всячески пытается, с одной стороны, ослабить силу и влияние профессиональных союзов, ограничить и урезать их права, с другой — взять эти массовые рабочие организации под свое руководство, чтобы использовать их в целях налаживания политики классового сотрудничества. Маркс и Энгельс доказывали, что профсоюзы не должны заниматься поисками несуществующей «средней линии» между интересами рабочих и предпринимателей; у них два пути: либо служить делу освобождения рабочего класса, либо неизбежно стать орудием в руках буржуазии.

Великие вожди рабочего класса помогали пролетарской партии выработать собственную позицию по отношению к профсоюзам. Они подчеркивали, что без укрепления влияния в массах, без опоры на профсоюзы эти партии превратятся в узкие секты. Подвергая критике оппортунизм Лассаля, Маркс в письме Энгельсу (19 сентября 1868 г.) писал: некоторые лассальянцы, наконец, поняли, что «с развитием в Германии *действительной* рабочей организации, опирающейся на профессиональные союзы», Всеобщий германский рабочий союз как «искусственный сектантский союз скоро потеряет почву под ногами» [3]. Об этом же говорилось и в других письмах Маркса и Энгельса этого периода [4].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 268.
[2] Там же.
[3] Там же, т. 32, с. 125—126.
[4] См. там же, с. 127—152.

Главным содержанием деятельности марксистской пролетарской партии является соединение рабочего движения с научным социализмом. Марксисты ни на минуту не намерены прекращать своей пропагандистской работы в профессиональных союзах, представляющих собой, по словам Энгельса, «самое широкое и благоприятное поле деятельности для нашей пропаганды» [1]. Социалисты не должны упускать из виду возможность антисоциалистической ориентации некоторых профсоюзов. Вот почему нужна повседневная, кропотливая будничная работа социалистов в рабочих массах, среди членов профсоюзов. Членам партии необходимо научиться использовать стихийную, инстинктивную тягу рабочих к социализму.

Под непосредственным руководством Маркса и Энгельса большую пропагандистскую и организаторскую работу в профессиональных союзах проделала Социал-демократическая рабочая партия Германии — первая пролетарская партия, организованная в национальном масштабе и стоявшая в основном на позициях научного коммунизма. Эта партия, созданная в 1869 г. на съезде в городе Эйзенахе, осудила сектантскую практику лассальянцев — принятие в члены профсоюза в зависимости от политических взглядов. Свои отношения с профсоюзами эйзенахцы также строили в соответствии с указаниями Маркса и Энгельса. Они руководствовались марксистским принципом защиты коренных интересов рабочего класса, конечную цель видели в уничтожении капиталистического строя. Профсоюзы, создаваемые эйзенахцами, были боевыми пролетарскими организациями, которые ставили своей задачей борьбу за экономические интересы рабочих, широко применяли в этой борьбе испытанное оружие пролетариев — стачки.

Однако в процессе подготовки в 1875 г. объединительного съезда Эйзенахской партии и лассальянского Всеобщего германского рабочего союза лидеры эйзенахцев пошли на принципиальные уступки в программных вопросах, за что были подвергнуты резкой критике Марксом и Энгельсом [2]. Один из существенных недостатков проекта программы Энгельс видел в том, что «об организации рабочего класса, как класса, посредством профессиональных союзов не сказано ни слова. А это весьма существенный пункт... При той важности, которую эта организация приобретает

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, с. 243.

[2] Подробнее об этой критике см. другие статьи в настоящем сборнике.

также и в Германии, было бы, по нашему мнению, безусловно необходимо напомнить о ней в программе и по возможности отвести ей определенное место в партийной организации» [1]. Хотя соответствующий пункт так и не был включен в программу, Готский съезд принял специальное решение, в котором указывалось на необходимость объединения рабочих в профессиональные союзы.

Считая для каждого революционера обязательным сочетание борьбы за текущие требования рабочих с борьбой за конечные цели рабочего класса, Маркс и Энгельс указывали на недопустимость недооценки профсоюзов и профсоюзной борьбы, «откладывания» такой борьбы. В письмах к В. Либкнехту, призывавшему отложить борьбу за непосредственные классовые интересы рабочих до завершения борьбы за демократию, Энгельс разъяснял ошибочность этой «странной теории» [2], подчеркивал неразрывность специфически пролетарских и демократических задач.

Маркс и Энгельс энергично выступали против ультрареволюционных фраз «левых» сектантов, требовали от социалистов работы в массовых организациях. В письме к члену Интернационала К. Шпейеру (10 ноября 1871 г.) Маркс в довольно категоричной форме ставил задачу немецким социалистам в США: «Тред-юнионы вы должны постараться завоевать во что бы то ни стало» [3]. Энгельс, активно поддерживавший организацию в 80-х гг. в Англии «новых тред-юнионов», осуждал руководство английской Социал-демократической федерации за сектантское отгораживание от этого движения [4].

Основоположники научного коммунизма выступали против любых попыток принизить роль политической партии пролетариата. Когда на Лондонской конференции 1871 года французский делегат Делаэ предложил создать международную профессиональную организацию в качестве «высшего руководящего органа рабочего движения» (здесь содержится зародыш идей анархо-синдикализма), Маркс и Энгельс использовали обсуждение этого предложения для постановки вопроса о взаимоотношении партии рабочего класса и профессиональных союзов [5]. Выступ-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 4.
[2] Там же, т. 31, с. 485.
[3] Там же, т. 33, с. 271.
[4] См. Ф. Энгельс. Биография. М., 1977, с. 469, 472, 512—514.
[5] См. Лондонская конференция Первого Интернационала. М., 1936, с. 45—55.

ления Маркса и Энгельса были направлены против трактовки профсоюзов как организации более высокого типа, чем политическая партия, против стремления придать им самодовлеющее значение и приписать им функции и роль, которую может выполнить только политический авангард пролетариата.

Маркс и Энгельс неустанно предостерегали своих единомышленников против опасности отрыва от масс, учили их проводить профсоюзную политику принципиально и гибко, учитывать национально-специфические и конкретно-исторические условия, всячески содействовать воспитанию профессионально организованных рабочих в революционно-пролетарском и интернационалистском духе, превращению профсоюзов в подлинные школы классовой борьбы и пролетарской солидарности.

* * *

В новых условиях, когда капитализм перерос в свою последнюю стадию, в империализм, когда социалистическая революция стала делом ближайшего времени, марксистскую концепцию профсоюзного движения глубоко и всесторонне развил В. И. Ленин. Он отстаивал эту теорию в непримиримой борьбе против правых социал-демократических лидеров II Интернационала. Немалый вклад в марксистско-ленинскую концепцию профсоюзного движения внесли Коминтерн и Профинтерн, КПСС и братские коммунистические партии.

Жизненность основных положений марксистской теории профдвижения подтверждена богатым и длительным опытом международного рабочего движения. Ими и ныне руководствуются, творчески применяя к конкретной исторической обстановке, марксистско-ленинские партии и профсоюзы, стоящие на позициях классовой борьбы. Это прежде всего положения о необходимости сочетания экономической и политической борьбы, участия профсоюзов в политической борьбе, работы коммунистов в профсоюзах, воспитания профессионально организованных рабочих в духе международной пролетарской солидарности и т. д.

В современных условиях профсоюзы представляют собой крупную общественно-политическую силу. Их роль в экономической, политической, культурной жизни капиталистического общества все более усиливается. Расширение круга профсоюзных требований, выходящих далеко за

традиционные рамки и по существу связанных с развитием общества в целом, рост этих требований до уровня общенациональных интересов трудящихся, небывалая активизация политической борьбы профсоюзов, нарастание волны забастовочного движения — эти и некоторые другие факторы знаменуют новый этап в международном профсоюзном движении, в известной мере определяют историческую роль профсоюзов на современном этапе развития государственно-монополистического капитализма.

Уровень современного развития классовой борьбы требует массовых партий. Это является важнейшим условием успешной деятельности компартий во всех сферах национальной жизни. Путь коммунистических партий к подлинной массовости, как доказывает многолетний опыт, лежит через укрепление влияния в профсоюзах.

Коммунистические партии продолжают непрерывно обогащать марксистско-ленинскую концепцию профсоюзного движения, творчески применяют ее к конкретно-историческим условиям каждой страны. Это способствует росту боеспособности и авторитета компартий в массах.

В. В. САЗОНОВ

Публицистика молодого Ф. Энгельса и формирование его материалистического мировоззрения (декабрь 1842 — август 1844 г.)

Переезд Энгельса в Англию в конце 1842 г. открыл новый этап в развитии его мировоззрения. Именно за 20 месяцев пребывания в этой стране, с декабря 1842 по август 1844 г., он сделал решающий шаг на пути от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. Этот итог лаконично охарактеризован Лениным: «Социалистом Энгельс сделался только в Англии» [1]. Публикация неизвестных ранее публицистических выступлений Энгельса этого времени, привлечение новых документов, проливающих дополнительный свет на его развитие, делают, на наш взгляд, оправданной попытку вновь обратиться к изучению становления Энгельса-социалиста, обстоятельств, сопутствующих этому процессу, статей и корреспонденций, отразивших идейные искания молодого революционера и зафиксировавших их результаты [2].

В начале октября 1842 г., закончив прохождение военной службы, Энгельс покинул Берлин, может быть и не подозревая, что ему предстоит длительная поездка в Англию. Однако этот вопрос был уже предрешен. Из письма Ф. Энгельса-отца Карлу Снетлаге, родственнику семьи Энгельсов, от 5 октября 1842 г., ясно, что для Ф. Энгельса-старшего не были секретом радикальные воззрения сына. Хорошо зная характер своего первенца, отец давно понял, что сын «не остановится на обычно принятых воззрениях», и потому считал необходимым принятие особых

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 9.

[2] Из работ, посвященных исследованию этого процесса, отметим: Фридрих Энгельс. Биография. М., 1977; *О. Корню.* К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность. Изд. 2-е, доп. Т. 1. М., 1976; *М. В. Серебряков.* Фридрих Энгельс в молодости. Л., 1958; *Т. И. Ойзерман.* Формирование философии марксизма. Изд. 2-е. М., 1974; *G. Mayer.* Friedrich Engels in seiner Frühzeit. Zweite Auflage. Haag, 1934; *H. Ullrich.* Der junge Engels. Bd. 2. Berlin, 1966 etc.

мер[1]. Он счел за благо послать сына в страну, известную своим практицизмом и уважением к закону. Даже грандиозная всеобщая стачка в августе 1842 г. в Англии не поколебала веры Ф. Энгельса-старшего в здравый смысл англичан, тем более, что бумагопрядильня «Эрмен и Энгельс» не пострадала во время забастовочного движения[2].

Однако ситуация была гораздо сложнее, чем представлял себе Ф. Энгельс-старший. К 1842 г. весьма расширился круг людей, открыто заявлявших о своей приверженности к социализму. Франция, Англия, Германия были захвачены волной социалистических идей. На страницах прессы появилось слово «коммунизм», и интерес к новому направлению сразу принял острополемические формы. Развитие набирающего силу капитализма вызвало структурные изменения в обществе, консолидацию и поляризацию буржуазии и пролетариата. Ряд революционных выступлений рабочего класса дал толчок распространению коммунистических идей, появлению пронизанных ими статей, корреспонденций, брошюр. Наибольшее внимание привлекли вышедшие в 1840 г. книги Луи Блана «Организация труда» и П.-Ж. Прудона «Что такое собственность?», в 1841 г.— «Европейская триархия» М. Гесса, в 1842 г.— «Гарантии гармонии и свободы» В. Вейтлинга. В Англии же подъем чартистского движения вызвал к жизни свыше 60 рабочих периодических изданий, привел к росту тиража чартистской «Northern Star» до 48 тыс. экз. в 1839 г. и организации в Лондоне самостоятельного издательства чартистской и демократической литературы. Позднее Энгельс писал: «...в Англии уже с 1821 г. делались социалистические выводы, и притом подчас с такой остротой и решительностью, что литература эта, в настоящее время почти совершенно забытая и в значительной своей части вновь открытая лишь Марксом, оставалась непревзойденной до появления «Капитала»»[3].

Безусловно, этот поток не мог не захватить молодого радикала, который уже в поэме «Библии чудесное избавление» (1842 г.) объявил себя монтаньяром, самым ле-

---

[1] См. Научно-информационный бюллетень Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС, № 19, с. 29.

[2] См. *J. Smethurst, E.* and *R. Frow.* Frederick Engels and the English Working Class Movement in Manchester, 1842—1844. «Marxism Today», Nov., 1970, p. 343.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 181.

вым из кружка «Свободных»[1]. И в 1842 г. поиск теории, которая позволила бы оплодотворить революционную политическую практику, стремление самому принять активное и непосредственное участие в ее выработке закономерно привели Энгельса в ряды сотрудников «Rheinische Zeitung».

Некоторые исследователи, обнаруживая наметившийся переход Энгельса от революционного демократизма к социализму уже в первых его корреспонденциях из Англии, недоумевали — скачок совершился слишком резко, ведь в берлинских статьях и корреспонденциях социалистических тенденций в сущности нет[2]. Не может же в самом деле основанием для такого быстрого перехода послужить беседа с М. Гессом в редакции «Rheinische Zeitung», обратившая, по словам самого Гесса, Энгельса в коммунизм. Беседа эта, безусловно, сыграла свою роль. Но она была лишь одним из катализаторов, ускоривших поворот Энгельса к коммунизму. Без пристального и серьезного наблюдения происходящих в Европе социальных бурь — наблюдения, которое до переезда через Ла-Манш велось только с помощью прессы и литературы,— вряд ли смог бы Энгельс так быстро сориентироваться во всех хитросплетениях английской внутренней политики, в расстановке социальных сил, в мотивах их политического противоборства. В этом отношении сотрудничество в «Rheinische Zeitung» и изучение материалов, публикуемых этой газетой, должны были в большой степени определить развитие Энгельса.

В «Rheinische Zeitung» немалое место занимал социальный вопрос. В той или иной степени его касались многие материалы. Ряд статей и корреспонденций газеты, принадлежавших Б. Бауэру, М. Гессу, Г. Мевиссену, был посвящен положению дел в Англии. В них ярко отражались две точки зрения на пути разрешения социального конфликта, наличие которого в Англии признавали все авторы: точка зрения буржуазного либерала Мевиссена, полагавшего, что современное государство должно защищать интересы пролетариев, не ущемляя при этом и буржуазию, и точка зрения представителя философского коммунизма Гесса, видевшего решение вопроса в соци-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, с. 303.

[2] См., например: *О. Корню*. К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность. Т. 1. 1818—1844. М., 1976, с. 468; *М. В. Серебряков*. Фридрих Энгельс в молодости. Л., 1958, с. 204.

альной революции, способной изменить имущественные отношения. Но такова была, по его мнению, перспектива только для Англии. Германия же, обладая величайшим философским наследием, должна из него вывести коммунистические принципы и реализовать их без социальных потрясений [1].

Безусловно, эти различные точки зрения не могли остаться не замеченными Энгельсом. О том, что ему были хорошо известны упомянутые статьи, говорит уже тот факт, что первые его английские корреспонденции во многом исходят из тех же эмпирических наблюдений, а также некоторых общих предпосылок, которыми руководствовались их авторы. Не подлежит сомнению, что, собираясь в Англию для работы на фабрике «Эрмен и Энгельс», Энгельс вообще внимательно прочитывал все, что мог, о промышленном и социально-политическом развитии страны. Это явственно обнаруживается в статье «Централизация и свобода» (опубликована в «Rheinische Zeitung» 18 сентября 1842 г.), где Энгельс говорит об «английских рабочих, которые сейчас жестоко голодают» [2], а начало первой корреспонденции из Лондона прямо свидетельствует о том, что поездке предшествовала серьезная подготовительная работа: *«Если погрузиться на некоторое время где-либо в тиши в изучение английских условий* (курсив наш.— *В. С.*), если ясно представить себе слабость фундамента, на котором держится все искусственное здание социального и политического благополучия Англии, *и сразу же после этого попасть в гущу английской жизни,* то удивишься, с каким поразительным спокойствием и уверенностью здесь каждый смотрит вперед, в будущее» [3].

Изучая английские условия, Энгельс, безусловно, внимательно ознакомился с материалами, публиковавшимися не только в «Rheinische Zeitung», но и в других немецких изданиях, в частности «Trier'sche Zeitung», которая довольно часто перепечатывала заметки и статьи из английских газет — «Times», «Northern Star». Так, 2 июля 1842 г. «Trier'sche Zeitung» сообщала: «В Манчестере люди буквально умирают от голода». А 15 июля она перепечатала из «Times» сообщение о том, как 21 апреля в

---

[1] Подробнее об этом см. в нашей статье «Публицистика Ф. Энгельса в «манчестерский период»». «Вопросы истории», 1976, № 11.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, с. 323.

[3] Там же, т. 1, с. 496.

Уигане около 600 ручных ткачей ворвались в помещение Совета попечителей с криком «Хлеба или смерти!». 6 августа газета информировала читателей о стачке углекопов Стаффордшира и Вустершира, начавшейся в июле и, по существу, послужившей прологом августовской всеобщей забастовки. Не исключено, что Энгельс с его знанием основных европейских языков еще до отъезда в Лондон обратился непосредственно к английским газетам, черпая оттуда необходимую информацию [1].

К этому во всяком случае его могла побудить беседа с М. Гессом, состоявшаяся в редакции «Rheinische Zeitung» в конце сентября или начале октября 1842 г., когда он по дороге домой из Берлина, после окончания военной службы, заехал в Кёльн [2].

Видимо, разговор шел прежде всего о социальных проблемах, о коммунизме, составлявшем, по словам Маркса, «в высшей степени серьезный современный вопрос для Франции и Англии» [3], о перспективе социальной революции в Англии и т. п. Тогда еще Гесс умел разбираться в людях, оценивать их способности, и ему должны были импонировать острый критический ум молодого Энгельса, прямота и твердость убеждений, стремление быть в первых рядах борцов за политическую и духовную свободу. Он увидел в Энгельсе потенциального соратника, одного из тех младогегельянцев, которых можно было привлечь на сторону развиваемого им нового направления — так называемого философского коммунизма. В письме Б. Ауэрбаху от 19 июня 1843 г. Гесс рассказывал о своей теоретической деятельности и о налаживании контактов с близкими ему по духу младогегельянцами: «...С тех пор как

---

[1] Такой вывод можно сделать на основании опубликованной в «Rheinische Zeitung» 30.VI 1842 заметки Энгельса «Прекращение «Criminalistische Zeitung»», в которой он указывает на независимость судебной и исполнительной власти в Англии, на преимущества и гарантии, даваемые судом присяжных, противники которого «кричат караул, когда во Франции или в Англии присяжные, невзирая на то, что обстоятельства дела подтверждаются свидетелями и признанием подсудимого, оправдывают какого-нибудь несчастного пролетария, который в порыве голодного отчаяния украл на грош хлеба». (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, с. 275). Английские газеты того времени были заполнены сообщениями, свидетельствующими о том, что безработные пролетарии предпочитают попасть за кражу в тюрьму, но не в работные дома для бедных.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 39, с. 391.

[3] Там же, т. 1, с. 115.

прекращено издание «Rheinische Zeitung», т. е. уже в Париже, я окончательно посвятил себя философскому развитию коммунизма, уже многое издал на эту тему и радуюсь, видя, что мои устремления не бесплодны. Младогегельянство уже частично завоевано. Один сотрудник «Deutsche Jahrbücher», друг Руге, выпускает сейчас открытое письмо ко мне, в котором обсуждается коммунистический вопрос и будет развита проблема его отношения к философии и младогегельянству. Естественно, сам автор уже завоеван. Другой гегельянец (т. е. Энгельс.— *В. С.*) находится теперь в Англии и пишет большую работу по этому вопросу. С ним я поддерживаю тесную связь. Как раз в прошлом году, когда я собирался в Париж, он уехал из Берлина через Кёльн; мы говорили о современных проблемах, и он, давний революционер, расстался со мной как самый ревностный коммунист» [1].

Уже первые корреспонденции Энгельса из Англии показывают, как пристально вглядывается он в жизнь и борьбу различных классов и представляющих их на политической арене партий, как пытается понять их позиции, сущность отстаиваемых ими интересов. Правда, поначалу его представления во многом определяются той информацией, которой он пользовался еще в Германии. И это неизбежно, если учесть, что Энгельс пытается анализировать довольно сложное внутреннее положение Англии, не имея еще времени, для того чтобы досконально разобраться в нем. Вот почему вслед за Гессом (ср. с его статьей «Загадка XIX века») он утверждает, что английское государство «по уши увязло в средневековье» [2], вторит Мевиссену, слишком поспешно заявляя о потере Англией континентальных рынков и вытеснении английской промышленности немецкой и французской [3]. Банкротство самой могущественной промышленной державы в Европе было отнюдь не так близко, как виделось многим на континенте. И пожалуй, тот воображаемый средний англичанин, с которым Энгельс спорил о возможности революции в стране, был ближе к истине, доказывая, что, несмотря на сложность положения, оно все же не так уж плохо, «...что благодаря своему богатству, своей промышленности и своим учреждениям она располагает средствами и путями, чтобы выбраться из трудностей без насильственных потрясе-

[1] *M. Hess.* Briefwechsel. 'S. Gravenhage. Bd. 1, S. 103.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, с. 499.
[3] См. там же, с. 501.

ний» и что «...на континенте о положении этого государства создают себе всякого рода фантазии, которые должны будут лопнуть, как мыльные пузыри, перед лицом подлинной действительности и более близкого знакомства с фактами» [1].

Но, повторяем, для «более близкого знакомства с фактами» необходимо было время. Энгельс же, видимо, договорившийся с Марксом (их первая встреча, как известно, произошла в Кёльне в середине ноября 1842 г., когда Энгельс направлялся в Манчестер) о корреспондировании из Англии, торопился поделиться с читателями «Rheinische Zeitung» своими первыми наблюдениями. Газета, обретшая к тому времени явно выраженное демократическое направление (ее редактором с октября 1842 г. стал Маркс), стремилась давать на своих полосах как можно более разнообразную информацию по социально-политическим вопросам, и в отделе зарубежной жизни в центре внимания, конечно, были Франция и Англия. В декабре газета направила в Париж своим корреспондентом Гесса. Энгельсу же предстояло писать о стране, привлекшей к себе внимание континентальной Европы особой остротой социальных конфликтов.

И вот, исполненный нетерпеливого ожидания, предощущения близости социальной революции, которая неизбежно повлияет и на другие страны Европы, в том числе на Германию, Энгельс неожиданно сталкивается с непоколебимой уверенностью англичан в мирном, ненасильственном развитии, но быстро находит «ошибку» в рассуждениях «закоснелого британца» — ведь тот стоит на «национально-английской точке зрения непосредственной практики, материальных интересов», упуская из виду «побуждающую к движению мысль». А в Германии, по убеждению Энгельса, чуть ли не каждому само собой понятно, «что так называемые материальные интересы никогда не могут выступить в истории в качестве самостоятельных, руководящих целей, но что они всегда, сознательно или бессознательно, служат принципу, направляющему нити исторического прогресса» [2].

Итак, если взглянуть на развитие английского государства с этой, освященной Гегелем, точки зрения, то окажется невозможным не признать, что оно «по своей политической исключительности и замкнутости в конце

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 498.

[2] Там же, с. 499.

концов отстало на несколько столетий от континента», «под свободой понимает только произвол» и, следовательно, пришло в конфликт «с ушедшим за это время вперед духовным развитием» [1]. Энгельс здесь как бы продолжает критику современного государства, начатую в статьях «Фридрих-Вильгельм IV, король прусский» и «Централизация и свобода». В них он с младогегельянских позиций доказывает, что и германское, и французское государства противоречат своей идеальной сущности. Обрушиваясь на «христианское государство» Фридриха-Вильгельма IV, Энгельс указывал, что оно «претендует на то, чтобы составлять для своих граждан все; оно не признает над собой никакой власти и вообще выдает себя за абсолютную власть» [2], что оно развивает до конца «свою противоположность абсолютной свободе» [3], что в нем, наконец, слишком очевидны попытки короля сохранить и укрепить остатки средневековья [4]. А в статье «Централизация и свобода», весьма рельефно отражающей тогдашнюю позицию Энгельса в вопросе о государстве, он писал: «...пределами государства являются, с одной стороны, индивидуум, а с другой стороны — мировая история... Когда государство присваивает себе право, которое принадлежит лишь истории, оно тем самым уничтожает свободу индивидуума» [5].

Облекая в гегелевскую терминологию свои революционные выводы, Энгельс утверждал, что «христианское государство» недостойно существования, как чуждое своему понятию. Но в отличие от Б. Бауэра и других младогегельянцев, полагавших, что это государство может быть преобразовано с помощью критики, Энгельс шел дальше. Поскольку прусское государство не просто заражено религиозным духом, а неразумно по своей природе, ибо теология составляет его сущность, критики для его преобразования недостаточно — необходима революция, осуществляемая народом.

Если в Пруссии развитию и осуществлению принципа свободы препятствует теология, которой «соответствует в области государственной жизни современная система правления» [6], то во Франции, от которой все после июль-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 499.
[2] Там же, с. 490.
[3] Там же, с. 487.
[4] Там же, с. 492.
[5] Там же, т. 41, с. 322.
[6] Там же, т. 1, с. 488.

ской революции 1830 г. ожидали «освобождения Европы», оказались, как это ни парадоксально, фактически упраздненными «принципы народного суверенитета, свободной прессы, независимого правосудия с участием присяжных заседателей, парламентской формы правления»[1]. Торжество реакционных тенденций в период правления министерства Гизо, бессилие французского либерализма, выборы палат, «список членов которых уже сам по себе является пасквилем на июльскую революцию»[2],— все это Энгельс объясняет, во-первых, «половинчатостью и двусмысленностью французской конституции, в которой никогда не был в категорической форме выражен и не проводился в жизнь принцип свободы», и, во-вторых, бюрократической централизацией, которая «заставляет государство выходить из своих рамок, конституировать себя, особенное, как всеобщее, последнее и наивысшее, претендовать на право и положение, которые принадлежат только истории». И снова Энгельс делал революционный вывод, заканчивая статью утверждением: «Истинная *субъективная* свобода, которая равносильна абсолютной свободе, требует для своего осуществления иных форм, чем государство»[3]. (Разумеется, не следует понимать этот вывод в духе анархистского отрицания государства вообще. Обрушиваясь на июльскую монархию, критикуя тайные надежды либералов, в том числе немецких, «на новый июль»[4], Энгельс выступает против ограниченности июльской революции и связанных с нею либеральных иллюзий, за уничтожение бюрократического, мнимо либерального государства.)

Все это, правда, не означало разрыва Энгельса с гегельянским и младогегельянским толкованием государства как разумного, нравственного по своей природе организма. Энгельс находился тогда не только в плену гегелевской терминологии, он оставался еще гегельянцем, но таким, который помнит о революционности принципов и консервативности выводов учителя и, смело отбрасывая последние, руководствуется диалектикой в определении путей дальнейшего развития государства. Если Гегель, отступая от диалектического метода, придерживался эволюционной трактовки изменений государственного строя,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, с. 321.
[2] Там же, с. 322.
[3] Там же, с. 326.
[4] Там же, с. 322.

если для его конструкции разумного органического государства характерен компромисс старого с новым[1], постепенный переход от старого к новому, без революционных преобразований общества и государства, и в этом сказывалось его отношение к философии как к способу понимания, а не теории изменения существующих порядков, то Энгельс, как и Маркс, искал в философии средство преобразования действительности, считал практическое осуществление ее идей необходимым этапом развития самой философии. Захваченный мыслью Гегеля, что всемирная история есть развитие понятия свободы, Энгельс в противовес учителю, объявившему прусское государство венцом саморазвития идеи, абсолютного духа, указал на несовместимость этого государства, его теологической сущности с принципом свободы. Развивающееся самосознание человечества (народный дух), по мнению Энгельса, переросло уже устаревшие, потерявшие жизненное содержание и разумный смысл формы своего бытия и нуждается в новых, более совершенных формах. Об этом свидетельствовали усиление борьбы за демократическое преобразование общества, широкое распространение социалистических и коммунистических идей как в Германии, так и во Франции. То же происходило и в Англии, где огромный размах получило чартистское движение и ширилось влияние социалистов-оуэнистов.

Еще в памфлете «Шеллинг и откровение» Энгельс отмечал, что политические взгляды Гегеля, его учение о государстве складывались «под влиянием английских учреждений». И уже тогда он подчеркнул консервативность этих взглядов, носивших «явный отпечаток периода Реставрации, что отразилось также и на непонимании им (Гегелем.— *В. С.*) июльской революции в ее всемирно-исторической необходимости»[2]. Теперь ему представился случай самому вглядеться в английские «образцовые» учреждения. Оказалось, что они не соответствуют ушедшему вперед духовному развитию нации. Изучение француз-

[1] У Гегеля, как известно, государство предстает в виде конституционной монархии с суверенным наследственным монархом, правительственной бюрократией и законодательной властью, при формировании которой пережитки сословного принципа (наследственная палата пэров) сочетаются с непоследовательно применяемым представительным принципом (выборы в палату представителей по корпорациям, общинам и т. п.).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, с. 176.

ского и английского государственного устройства, выявление общих для них характерных признаков помогают Энгельсу выйти за пределы гегельянского толкования природы государства и шагнуть вперед в понимании его сущности и социальных корней, необходимости его преобразования. «Есть ли еще хоть одна страна в мире,— пишет Энгельс из Англии,— где феодализм в такой же мере сохраняет свою несокрушенную силу и где он остается нетронутым не только фактически, но и в общественном мнении? ...Разве палата общин не представляет собой чуждую народу корпорацию, избранную с помощью сплошного подкупа? Разве парламент не попирает беспрестанно ногами волю народа?» По мнению Энгельса, в его споре с «закоснелым британцем» — споре, переведенном с «национально-английской точки зрения непосредственной практики, материальных интересов» в область принципов, определяющих ход истории,— тот не станет «безоговорочно отрицать» вышеприведенные факты. А раз так — «может ли такое положение вещей удержаться надолго?» [1].

Как видим, исходя из «принципа, направляющего нити исторического прогресса», т. е. принципа свободы, Энгельс дает утвердительный ответ на вопрос о вероятности революции в Англии. Но он не был бы диалектиком, если бы оставил без внимания другую сторону проблемы. «В Англии, по крайней мере среди партий, которые теперь оспаривают друг у друга господство, среди вигов и тори, не знают никакой борьбы принципов, знают только конфликты материальных интересов. Следовательно, было бы справедливым и этой стороне дела воздать должное» [2].

Англия представляет собой промышленное государство и как таковое находится в тисках противоречий, решить которые оно само по себе неспособно. Что же это за противоречия? Всецело завися от торговли, судоходства и промышленности, Англия для охраны источников своего богатства должна ограждать себя запретительными пошлинами от промышленных продуктов других стран. Но отсутствие притока заграничных товаров позволяет и даже делает необходимостью повышение цен на свои собственные изделия, а также и непрерывное повышение пошлин, предотвращающее заграничную конкуренцию.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 498—499.
[2] Там же, с. 499.

Процесс этот может продолжаться до бесконечности, но с этим не могут примириться ни заграница, ни английские потребители: зарубежные страны, развивая собственную промышленность, вовсе не хотят превратиться в рынок сбыта для английских товаров, а английские потребители требуют отмены запретительных пошлин.

Потери внешних, континентальных рынков в результате развития промышленного производства в других странах, в частности во Франции и Германии, теоретически должны вынудить Англию ограничить свою промышленность. «Но это так же мало осуществимо, как и переход от запретительной системы к свободной торговле. Ибо промышленность, хотя и обогащает страну, но она также создает и стремительно увеличивающийся класс неимущих, абсолютно бедных... Малейший застой в торговле лишает хлеба значительную часть этого класса, большой торговый кризис — весь класс. Когда создается такое положение, что еще остается этим людям, как не восставать? А по своей численности этот класс стал самым могущественным в Англии, и горе английским богачам, когда он осознает это» [1].

Размышляя далее о характере августовских волнений в Англии, Энгельс отмечает, что «характер этих волнений был совершенно не понят на континенте», что для непосредственного их свидетеля не могло быть и речи, будто дело примет серьезный оборот [2]. Господствующие классы, давно правящие страной, до сих пор считают себя силой, способной вести страну к лучшему будущему, хотя им постоянно указывают на беспринципность их политики, слепоту и косность. «Принципом среднего сословия является сохранение существующего...» [3]. А пролетарий в Англии пока еще «только предчувствует свою мощь, и плодом этого предчувствия были волнения минувшего лета» [4].

И вот здесь, во второй корреспонденции из Англии, Энгельс уже демонстрирует самостоятельность подхода к оценке стачки 1842 г., ее положительных и отрицательных сторон. Если либералы типа Мевиссена увидели в августовских волнениях только то, что «английский народ в действительности еще не созрел для революции», что «в Англии, вопреки всем волнениям и шуму, почтение к

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, с. 501—502.
[2] См. там же, с. 502.
[3] Там же, с. 497.
[4] Там же, с. 502.

закону так велико, что нескольких сотен солдат хватало, чтобы сдерживать и усмирять огромные толпы»[1], то взгляд Энгельса оказался куда более проницательным. Да, во время стачки, отмечает он, и в самом деле «достаточно было незначительной военной и полицейской силы, чтобы удержать народ в повиновении»[2]. Но не традиционное почтение англичан к закону было тому причиной. Нерешительность рабочих, по мнению Энгельса, вызывалась тем, что движение было не подготовлено, плохо организовано и не связано единством цели, характера и способа действий. Позднее, в «Положении рабочего класса в Англии», Энгельс, вновь вернувшись к событиям 1842 г., еще раз подчеркнет отмеченную выше мысль: «Если стачка 1842 г. не имела дальнейших последствий, то это произошло отчасти потому, что буржуазия толкнула рабочих на выступление, отчасти потому, что сами рабочие не понимали ясно цели стачки и не были между собой солидарны»[3].

Только-только приехав в Англию, зная об августовской стачке лишь по газетным материалам и рассказам очевидцев, Энгельс не мог представить себе истинной силы и возможностей рабочего класса. И какова же должна была быть сила его революционной интуиции, если он сразу верно определил причины поражения стачечников и предсказал пролетариату роль самого могущественного класса в Англии, когда он осознáет собственную силу!

Итак, для Энгельса совершенно очевидна неизбежность революции в Англии в ближайшем будущем. Во-первых, ее политическое развитие пришло в конфликт с духовным. Во-вторых, «только насильственное ниспровержение существующих противоестественных отношений, радикальное свержение дворянской и промышленной аристократии может улучшить материальное положение пролетариев». И здесь интересно проследить, как пока еще медленно, но последовательно и неуклонно выбирается Энгельс из пут идеалистического понимания истории. Определив позиции классов и партий в Англии в их отношении к революции, он верно увидел, что основной движущей силой в назревшем преобразовании общества

[1] *J. Hansen.* Gustav von Mevissen... Bd. 1. Berlin, 1906, S. 265—266.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, с. 502.
[3] Там же, т. 2, с. 449.

будет пролетариат. Пока им руководят в основном отчаяние, страх перед нищетой и голодной смертью. Вот почему, «как во всем, что происходит в Англии, эта революция будет начата и проведена ради интересов, а не ради принципов; лишь из интересов могут развиваться принципы, т. е. революция будет не политической, а социальной» [1].

В этих последних словах чувствуется наличие того самого «философского высокомерия», в котором Энгельс позднее признавался. Английский практицизм, выдвигающий на первый план материальное, а не идеальное, интересы, но не принципы, несколько коробит гегельянца, одержимого принципом свободы. Но, даже отдавая предпочтение идеальному, он не может не задуматься над тем, почему же в Англии определяющим являются интересы. Развитие страны явно определяется столкновением классовых интересов аристократии, буржуазии и пролетариев. Но почему? Может быть, это признак все той же средневековой отсталости?.. Или борьба пролетариата за улучшение своего материального положения, за ликвидацию фактического состояния рабства, в котором он находится, должна обусловливать духовное освобождение, реализацию принципа свободы?..

Во всяком случае, Энгельс пристально и с явной симпатией вглядывается в движение трудящихся. Он уже видит могущество этого класса, но понимает, что действительную способность к социальному преобразованию общества неимущие обретут лишь тогда, когда сами осознают это свое могущество. Излюбленная мысль Энгельса о слиянии философии и политики, идеи и практики в Англии приобретает новый оттенок. Стихийность, неорганизованность рабочего движения, основным побудительным мотивом которого является пока отчаяние, страх голодной смерти, должны смениться осознанием своей силы, целей и задач. Процесс этого осознания уже начался. «Рабочий класс с каждым днем все больше проникается радикально-демократическими принципами чартизма и все больше признает их выражением своего коллективного сознания». Свою силу трудящимся помогла почувствовать, несмотря на поражение, августовская стачка. Благодаря ей они поняли, что революция мирным путем невозможна, т. е. в значительной степени утратили реформистские иллюзии. Но чартизм как партия «находит-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 503.

ся лишь в процессе образования и поэтому не может еще выступить со всей энергией» [1]. А кроме того, являясь выразителем политических устремлений рабочего класса, носителем его идеологии, чартизм пока еще не пустил и «долго еще не сможет пустить корни в образованных слоях английского общества» [2]. (Это показывает, что Энгельс еще не освободился от ложного представления, будто коммунизм — дело прежде всего образованных. Но гораздо важнее для нас другой аспект: в рабочее движение необходимо внести сознание.) Немногие образованные лидеры чартистов теряются в массе пролетариев. И это, безусловно, ограничивает рост *сознательности* их движения. Энгельс, таким образом, исподволь подходил к пониманию необходимости слияния практики рабочего движения с революционной теорией. Через год Маркс, увидевший в неразвитом еще, аморфном немецком пролетариате ведущую революционную силу, четко сформулировал эту мысль: «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие...» [3]. Энгельс, столкнувшийся в Англии с более развитым рабочим движением, уже в первых своих корреспонденциях обратил внимание на эту проблему, а позднее, обосновавшись в Манчестере, завязав отношения с лидерами чартистов и социалистов-оуэнистов, сам принял активное участие в ее разрешении. Об этом свидетельствует публицистика следующего этапа его развития, которую открывают «Письма из Лондона».

* * *

К концу 1842 г. стало ясно, что судьба «Rheinische Zeitung» предрешена. Очевидно, понимая это, Энгельс прекратил посылку корреспонденций в Германию. Для того же, чтобы успешно вести коммунистическую пропаганду, а следовательно, выступать в печати, он считал необходимым хорошо ознакомиться с положением Англии, вжиться в ее проблемы, понять, в какой связи находятся они с проблемами, характерными для континента, наконец, установить личные контакты с ведущими деятелями социального движения, органами прессы и т. д. Как нельзя более интенсивно использовал Энгельс представив-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, с. 505.
[2] Там же, с. 496.
[3] Там же, с. 428.

шуюся ему возможность. Полгода, отделяющие последнюю его публикацию в «Rheinische Zeitung» от «Писем из Лондона», заполнены изучением экономического и политического положения Англии, чартистского и оуэнистского движения, непосредственным наблюдением жизни рабочего класса, чтением экономической и социалистической литературы.

В 1847 г., вспоминая этот период своей жизни, Энгельс писал: «...я провел два года в самом центре Ланкашира и провел их среди рабочих; я видел рабочих как на их публичных собраниях, так и на заседаниях их узких комитетов; я знаком с их лидерами и ораторами и смею вас уверить, что ни в одной стране мира вы не найдете людей, более искренне преданных демократическим принципам, исполненных более твердой решимости сбросить иго эксплуататоров-капиталистов, под гнетом которого они теперь изнывают, чем именно эти рабочие хлопчатобумажных фабрик Ланкашира» [1]. Когда в конце 1842 г. Энгельс приехал в Манчестер, он «застал еще повсюду толпы безработных на перекрестках, и многие фабрики еще стояли...» [2]. Свежи были следы августовской стачки, о характере и масштабах которой он мог судить только по материалам прессы и свидетельствам очевидцев. Но в мае 1843 г. он и сам становится очевидцем яростной классовой схватки на кирпичном заводе Полинга и Хенфри в Манчестере, хозяева которого увеличили форму для кирпичей, а следовательно, и норму выработки, не повысив заработной платы. Забастовавшие рабочие энергично воспротивились попыткам фирмы привлечь штрейкбрехеров, а когда та наняла вооруженную охрану, с оружием в руках напали на завод и разрушили его, отступив затем в полном порядке. В завязавшейся перестрелке с регулярными войсками рабочие проявили редкостное мужество и самообладание, доказав, что они «обладают революционной отвагой и не боятся пуль» [3].

Знакомство с классом, который, несмотря на ужасающие условия существования, сохранил мужество, достоинство и готовность к бескомпромиссной, жертвенной борьбе за лучшую жизнь, не могло не привлечь молодого революционера окончательно на его сторону. Этот поворот и зафиксирован в появившихся в журнале «Schweizerischer

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, с. 289—290.
[2] Там же, т. 2, с. 324.
[3] Там же, с. 450.

Republikaner» в мае — июне 1843 г. «Письмах из Лондона».

В цикле из четырех писем Энгельс, отмечая быстрые успехи демократического движения в Англии, внедрение «презираемого и осмеиваемого» социализма в общественное мнение, подчеркивал, что пролетариат является источником силы как чартизма, так и социализма: «...чартизм черпает свои силы в рабочем люде, в пролетариях. Социализм не образует замкнутой политической партии, но он вербует своих сторонников, вообще говоря, из низших слоев буржуазии и из пролетариев». Понимание этого приводит Энгельса к выводу: «...чем ниже стоит класс в обществе, чем он «необразованнее» в обычном смысле слова, тем он прогрессивнее, тем большую будущность он имеет». Относя этот вывод пока только к Англии, Энгельс тем не менее сразу же замечает: «В общем такое положение характерно для всякой революционной эпохи...» [1]. И это свидетельствует не только о его глубоком знании истории, но и о том, что он близок к преодолению ограниченности столь важного для его мировоззрения вывода пределами Англии. В то же время он сделал важный шаг на пути к пониманию необходимости соединить рабочее движение с социалистической теорией.

Сами английские социалисты были тогда еще далеки от такого понимания. На состоявшемся в ноябре 1841 г. в Лондоне диспуте выступавший от социалистов Ллойд Джонс утверждал, что социализм не является идеологией определенного класса и его принципы могут быть добровольно восприняты всеми классами, что понять и руководить претворением в жизнь коммунистических идеалов могут только образованные личности, а не массы, что рабочие-чартисты в силу своей несознательности не смогут исполнять обязанности членов парламента, а следовательно, завоевание Хартии ничего им не даст. Чартисты Стэлвуд и Перри возражали ему, доказывая, что на их стороне не меньше образованных деятелей, чем у социалистов (это, конечно, было полемическим преувеличением), и что опыт управления страной не придет к массам, пока они не получат к нему доступа [2].

Такие дискуссии были одной из популярнейших форм пропаганды среди рабочих, и в этих спорах, безусловно,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 512—513.

[2] Материалы этой 4-дневной дискуссии были опубликованы в «Northern Star», 6. XI и 4. XII 1841.

оттачивалась мысль. Но этому еще в большей мере способствовала практика. Полугодовое пребывание Энгельса в Англии открыло ему, что если в Германии, как ему тогда казалось, «движение исходит от класса людей, не только образованных, но даже ученых», то в Англии, напротив,— «образованные и в еще большей степени ученые глухи и слепы к знамениям времени» [1]. Пока Энгельс далек от понимания того, что это явление связано с экономическим развитием обеих стран, что в Германии, страдающей не столько от развития капитализма, сколько от недостаточного его развития, буржуазия в лице ее радикальных представителей выглядит революционной, так как еще не конституировала себя в качестве господствующего класса. В Англии же промышленная буржуазия, добившаяся в 1832 г. с помощью рабочего класса доступа в парламент, утратила всякую революционность, что вскоре отразилось и в научной литературе.

Это так поразило Энгельса, что и через 50 лет, обратившись к характеристике Англии 40-х гг., он вновь напомнил об этом факте. Во введении к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» он отмечал, что хотя «первоначальной родиной всего современного материализма, начиная с XVII века, является именно Англия» [2], в 1843 г. он обнаружил интерес к произведениям Руссо, Вольтера, Гольбаха лишь у низших сословий. И это в стране, ушедшей далеко вперед от континента в промышленном развитии. «...Когда образованный иностранец,— вспоминал Энгельс в 1892 г., явно имея в виду и себя,— переезжал в середине нашего столетия на жительство в Англию, то более всего его поражали — иначе он и не мог воспринять это — религиозное ханжество и тупость английского респектабельного среднего класса... Казалось непостижимым то, что надо было идти к необразованной массе, к «неумытой толпе», как тогда выражались,— к рабочим, особенно к социалистам, последователям Оуэна, для того, чтобы найти людей, осмелившихся в религиозных вопросах опираться на собственный разум» [3].

Это, в частности, должно было привести Энгельса к переоценке роли «образованных» классов в предстоящей революции и к пониманию истинных корней идеологии того

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 513.
[2] Там же, т. 22, с. 299.
[3] Там же, с. 301—302.

или иного класса в различные эпохи, т. е. в конечном счете к материалистическому пониманию истории. Он видел громадную жажду знаний у рабочих, их не скованный религиозным ханжеством и опирающийся на опыт разум, их стремление построить новый мир, основанный на принципах равенства и справедливости. Лучшие представители этой «неумытой толпы» активно участвовали в воскресных чтениях. Поначалу Энгельса удивляло, как «самые простые рабочие с полным пониманием выступают в холле для лекций на политические, религиозные и социальные темы», но, познакомившись с многообразной популярной чартистской и социалистической литературой, издаваемой для рабочих, побывав на лекциях в Холл-оф-Сайенс, в Карпентер-холле, послушав таких лекторов, как Джон Уотс, он понял, что «пока англиканская церковь почивала на лаврах, социалисты сделали невероятно много для просвещения трудящихся классов в Англии» [1]. Он видел, что это уже приносит свои плоды.

Осознавая собственные интересы, рабочий класс Англии решительно и полностью отошел от Лиги против хлебных законов. Ее попытка использовать чартистское движение, силу рабочего класса как средство давления на правительство потерпела крах. Заигрывая с рабочими, буржуазия готова была согласиться на признание некоторых требований Хартии. Возник Союз полного избирательного права под руководством буржуазного радикала Стерджа, целью которого было обезвредить чартизм, подменив его умеренно-радикальным движением. Но урок 1832 г., когда рабочий класс был обманут буржуазией, добившейся с его помощью парламентской реформы, не пропал для пролетариата Англии даром. Вожди чартистов, прежде всего Ф. О'Коннор и Дж. Гарни, разъясняли трудящимся подлинный смысл действий буржуазии. Указывая на то, что радикалы принимают лозунг всеобщего избирательного права, а вопрос о «деталях», т. е. об остальных пунктах Хартии (в частности, об отмене имущественного ценза для кандидатов) предполагают передать будущему парламенту, избранному на основе всеобщего избирательного права, О'Коннор писал в «Northern Star»: «Надо иметь в виду, что парламент, избранный таким образом, будет состоять из депутатов от графств и городов, получающих соответственно 500 и 300 ф. ст. годового до-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 520.

хода. И позвольте мне спросить вас: разве палата, состоящая из таких представителей, не будет органом их класса?» [1]. А Дж. Гарни предупреждал: «Никогда в истории нашего движения чартизм не занимал такой гордой позиции, но будьте осторожны, как бы этот час нашего кажущегося триумфа не оказался часом нашего падения. Буржуазия обращается в нашу веру. Хорошо. Но смотрите, чтобы это было настоящее, не мнимое обращение. Если она предполагает идти с вами к чему-нибудь, хоть на йоту меньшему, чем Хартия,— не имейте с ней ничего общего... Если она честна, она выступит с вами за всю Хартию... Буржуазия бессильна без нас» [2].

Энгельса не могла не привлечь последовательная и решительная борьба вождей рабочего класса за самостоятельность его действий, их вера в его силы. Осенью 1843 г., посетив редакцию «Northern Star» и познакомившись с ее редактором Дж. Гарни, он сообщил ему, что давно является внимательным читателем газеты. А следовательно, хорошо представлял себе положение английских трудящихся, программу чартизма, который был наиболее передовой формой политической активности и организации рабочего класса в то время. Об уровне политической мысли чартистского движения говорит тот факт, что им было предвосхищено, как отмечал Ленин, «многое из будущего марксизма» [3]. Это прежде всего положения о том, что бедствия рабочего класса — необходимое условие накопления буржуазией богатства, что пролетариату поэтому следует в борьбе за свое освобождение «полагаться только на самого себя», что выход из «унизительного и нечеловеческого состояния рабства» может быть достигнут лишь путем политической борьбы.

Когда в 1880 г. в «Развитии социализма от утопии к науке» Энгельс отмечал, что рабочее движение 30—40-х гг. XIX в. обусловило «решительный поворот в понимании истории» [4], он имел в виду и тот поворот, который происходил в его собственном сознании. Еще в сентябре 1842 г. в статье «Централизация и свобода» он писал, что английские рабочие не имеют права жаловаться «...на историю, которая сделала их носителями и представителями нового

---

[1] Цит. по кн.: *А. Б. Резников*. Первая классовая битва пролетариата. Англия, 1842 год. М., 1970, с. 66.

[2] См. *А. Б. Резников*. Цит. соч., с. 77.

[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 38, с. 305.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 208.

правового принципа» [1], т. е. придерживался идеалистического взгляда. Непосредственное знакомство с английским рабочим движением показало Энгельсу, что трудящиеся крупнейшей промышленной державы мира — активная и деятельная сила социальных преобразований. Изучение экономической и политической борьбы рабочих позволяет ему уже весной 1843 г. сделать важный шаг на пути к преодолению идеалистического взгляда на историю и роль в ней трудящихся масс, классовой борьбы.

Способствовало этому и изучение Энгельсом программы английских социалистов. Если чартисты в этот период единственным источником социальной несправедливости считали монополию лендлордов и буржуазии на избирательное право и стремились, по словам О'Коннора, не лишить их власти, а «получить равную с ними власть» [2], если в том общественном строе, который виделся им за победой принципов Хартии, оставались такие важнейшие категории буржуазного общества, как частная собственность, наемный труд и капитал, купля и продажа рабочей силы, то для социалистов основным программным положением была замена частной собственности коллективной. По мнению оуэнистов, осуществление лозунга чартистов «справедливая заработная плата» могло лишь превратить рабочих из рабов голодных в рабов сытых. Оставаясь на почве все тех же буржуазных отношений, государство, в какой бы форме оно ни предстало, не обеспечило бы рабочим справедливого распределения. И Энгельс с симпатией пишет об английских социалистах, которые «смеются над чистыми республиканцами, ибо республика была бы так же лицемерна, так же проникнута теологией, так же несправедлива в своих законах, как и монархия; но для социального преобразования они готовы отдать все...» [3].

Как видим, Энгельс здесь вновь обращается к проблеме государства. В «Централизации и свободе» его критика буржуазного государства в форме сословной и конституционной монархии велась во многом еще абстрактно, с идеалистических позиций (не был преодолен и индивидуализм «Свободных», оказавший заметное влияние на решение Энгельсом проблемы взаимоотношения личности и государства). Теперь же, познакомившись с конкретны-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, с. 323.
[2] См. *А. Б. Резников.* Цит. соч., с. 112.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, с. 521.

ми условиями экономического и социального развития Англии, с жизнью и борьбой ее рабочего класса, с социалистическим и чартистским движением, Энгельс переходит к более конкретной критике буржуазного государства, приближающейся к пониманию его социальной сущности, классовой природы. Он обрушивается уже на буржуазное государство в его наиболее чистом виде — в форме буржуазной демократии — не с позиций революционного радикализма и индивидуализма. Ставя вопрос об освобождении личности не только от политического угнетения, но и от социального неравенства, социального гнета, Энгельс встает на позиции социализма. Особенно ярко эта позиция проявилась в статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте», где он писал: «Французская революция положила начало демократии в Европе. Демократия в конечном счете, как и всякая другая форма правления, есть, на мой взгляд, противоречие в себе самой, ложь, не что иное, как лицемерие (или, как говорим мы, немцы, теология[1]). Политическая свобода есть мнимая свобода, худший вид рабства; она лишь видимость свободы и поэтому в действительности — рабство. То же и с политическим равенством; поэтому демократия, как и всякая другая форма правления, должна в конечном итоге распасться: лицемерие не может быть долговечным, скрытое в нем противоречие неизбежно выступит наружу; либо настоящее рабство, то есть неприкрытый деспотизм, либо действительная свобода и действительное равенство, то есть коммунизм»[2].

Энгельс здесь имеет в виду, конечно, буржуазную демократию, некоторые принципы которой были осуществлены в Англии. И, называя эту демократию мнимой, лицемерной, он был абсолютно прав, так как видел, что она не устраняет социального неравенства и потому вызывает вполне законные насмешки английских социалистов.

Та характеристика, которую Энгельс дает сочинениям Р. Оуэна, показывает, что он только приступил к их изучению, но уже подходит к ним весьма критически, отмечая сложность их формы и то, что они «кишат яростными нападками на теологов, юристов и медиков, которых он валит в одну кучу». В позиции оуэнистов Энгельса привле-

---

[1] Энгельс сближает здесь точки зрения младогегельянцев и английских социалистов.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 526—527.

кает, однако, их открытая борьба против церкви и религии. Религию вместе с браком и собственностью Оуэн называл одной из причин «всего зла, какое существовало от начала мира» [1], и его последователи активно вели антирелигиозную пропаганду среди рабочих, исходя в ней «из опыта и из доказуемых или наглядных фактов». Вот почему английские социалисты казались Энгельсу «гораздо принципиальнее и практичнее французских» [2], часто придававших своим доктринам форму религиозных учений.

«Письма из Лондона», таким образом, зафиксировали очень важный этап становления Энгельса-социалиста. Они показывают, как много успел он узнать и осмыслить за полгода пребывания в Англии, сколь многое пересмотреть. Оставаясь еще в целом на позициях философского коммунизма, Энгельс, видимо, под влиянием бесед с Дж. Уотсом, которого в «Письмах» он называет «выдающимся человеком, написавшим несколько очень талантливых брошюр по вопросу о существовании бога и по политической экономии» [3], вплотную приступает к изучению экономических наук. Правда, в это время он еще был под сильным влиянием Гесса, его утопически-гуманистического философского коммунизма. В цитированном выше письме к Ауэрбаху от 19 июня 1843 г. Гесс сообщал, что поддерживает тесную связь с Энгельсом, который в данное время «пишет большую работу» об отношении коммунизма к философии и младогегельянству. Этой работой вероятнее всего была статья «Успехи движения за социальное преобразование на континенте», опубликованная в ноябре 1843 года [4].

Статья эта представляет одну из наиболее важных вех духовной эволюции Энгельса. Главным побудительным мотивом работы над ней было желание помочь английским социалистам и чартистам преодолеть их островную ограниченность. Знакомство с Дж. Личем, Р. Оуэном, Дж. Уотсом и другими лидерами чартистов и оуэнистов, посещение их митингов и диспутов открыло Энгельсу, что они не только очень мало знают о социальном движении, развертывающемся на континенте, но и многие их слабости и заблуждения объясняются этим незнанием и связанным

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, с. 519.

[2] Там же, с. 518.

[3] Там же.

[4] Очевидно, что, хотя первая часть этой статьи датирована самим Энгельсом 23 октября, работу над ней он начал уже в мае — июне.

с ним непониманием общности своих целей и задач с этим движением. Это и побудило Энгельса познакомить английских социалистов с коммунистическими течениями на континенте. Первое его выступление в английской печати появилось в оуэнистском органе «The New Moral World», впоследствии не раз предоставлявшем ему свои страницы. Надо отметить, что после публикации «Успехов движения за социальное преобразование на континенте» в еженедельнике стали периодически появляться исходящие от Энгельса материалы о континентальном социализме.

Статья открывается важнейшим выводом, сделанным Энгельсом в результате изучения социалистического и коммунистического движения в крупнейших странах Западной Европы: независимо друг от друга представители этого движения в Англии, Франции и Германии «пришли к заключению, что радикальная революция в общественном устройстве, имеющая своей основой коллективную собственность, стала теперь настоятельной и неотвратимой необходимостью». «Факт этот,— пишет далее Энгельс,— неопровержимо доказывает, что коммунизм — не следствие особого положения английской или какой-либо другой нации, а необходимый вывод, неизбежно вытекающий из предпосылок, заложенных в общих условиях современной цивилизации» [1]. Специально выделяя различия в условиях происхождения коммунизма в этих трех странах («англичане пришли к нему *практическим* путем, вследствие быстрого роста нищеты, деморализации и пауперизма в их собственной стране; французы — *политическим* путем... немцы же стали коммунистами *философским* путем» [2]), Энгельс не конкретизирует общие условия, определившие развитие коммунизма у этих наций. Лишь через два года он прямо и четко сформулирует важнейшую для марксизма мысль: «Положение рабочего класса является действительной основой и исходным пунктом всех социальных движений современности, потому что оно представляет собой наиболее острое и обнаженное проявление наших современных социальных бедствий. Французский и немецкий рабочий коммунизм прямо, а фурьеризм и английский социализм, так же как и коммунизм немецкой образованной буржуазии, косвенно обязаны ему своим происхождением...» [3]. Однако уже в этой статье Эн-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 525, 525—526.
[2] Там же, с. 525—526.
[3] Там же, т. 2, с. 238.

гельс приближается к пониманию социальной обусловленности возникновения и распространения коммунистических и социалистических идей. Он близок к этому, когда говорит, что после революции 1830 г. во Франции ее плодами воспользовалась одна буржуазия, оттеснив рабочих, и те поняли, «что никакими политическими изменениями нельзя улучшить их *социальное положение — причину их политического недовольства*» (курсив наш.— *В. С.*). Он близок к этому и когда утверждает (совершенно справедливо), что «коммунизм быстро распространился в Париже, Лионе, Тулузе и других *крупных городах и промышленных центрах страны*» (курсив наш.— *В. С.*). Но пока связь этих фактов еще не осознается им достаточно отчетливо. По его мнению, «движение за социальное преобразование имеет во Франции политическое происхождение», а коммунистическая система призвана прийти на помощь демократии, поскольку той не удалось осуществить подлинного равенства [1]. Выводя французский коммунизм из неудовлетворенности буржуазной демократией, ее формальным равенством, противопоставляя ей демократию истинную, Энгельс подходит к пониманию классового характера демократии, к пониманию того, что коммунизм родился как мировоззрение антагонистического буржуазии класса — пролетариата, призванного заменить демократию буржуазную демократией пролетарской, социалистической. Для него уже не является секретом «закрепленное в конституции и в законах Франции угнетение бедного богатым, угнетение, поддерживаемое насилием» [2], но понадобится еще время, чтобы понимание сущности современной ему, т. е. буржуазной, демократии и противопоставление ей коммунизма как действительного, подлинного равенства, стало органической составной частью материалистических взглядов на общественное развитие в целом, на определяющую роль в этом экономических изменений.

В первой части статьи, посвященной французскому коммунизму, Энгельс наиболее подробно разбирает учения А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Э. Кабе. Исследователи не раз уже обращались к его оценкам этих выдающихся социалистов-утопистов, справедливо выделяя очевидные симпатии Энгельса к фурьеризму. Продиктованы они тем,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 530.
[2] Там же, с. 531.

что у Фурье Энгельс нашел «научное изыскание, трезвое, свободное от предрассудков, систематическое мышление» [1], т. е. то, что в двух словах он назвал *социальной философией*, важнейшей частью которой была теория о свободном труде. Поэтому, а также потому, что Фурье доказал необходимость ассоциации как формы организации труда, Энгельс специально подчеркивает, что фурьеризм заслуживает внимания английских социалистов. Вместе с тем симпатия к этому учению не мешает Энгельсу отметить один из основных его недостатков — фурьеризм «не отменяет частной собственности» [2].

Критика экономических принципов сен-симонизма и фурьеризма, содержащаяся в статье «Успехи движения...», свидетельствует о том, что Энгельс довольно далеко продвинулся в своих занятиях политэкономией. Он высоко оценивает книгу П.-Ж. Прудона «Что такое собственность?», высказывая желание увидеть ее переведенной на английский язык [3]. Утверждение Прудона, что собственность есть кража, перекликалось с основной мыслью Дж. Уотса, проводившейся им в брошюре «Факты и вымыслы экономистов». Уотс (безусловно, Энгельсу должна была быть известна эта работа) называл здесь собственность грабежом. Очевидно, Энгельс хотел показать своим английским друзьям, что социалистическая мысль на континенте развивается в том же направлении и что островная замкнутость отнюдь не способствует прогрессу в области теоретических исканий, так как нередко английские социалисты, не зная о достижениях европейской общественной мысли, не идут дальше, а открывают уже добытые истины. В то же время анализ основных направлений европейского утопического социализма помогал оуэнистам и чартистам лучше разобраться в собственных ошибках, положить в основу своей деятельности принципы, прошедшие теоретическую и практическую проверку не только в их стране, но и на континенте.

Для статьи «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» характерно также то, что и во Франции, и в Германии Энгельс видит и анализирует два вида коммунизма — коммунизм образованных классов и рабочий коммунизм. Аналогию этому в какой-то степени

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 528.
[2] Там же, с. 529.
[3] См. там же, с. 533.

он наблюдал и в Англии с ее чартизмом и оуэнизмом. Но если в Англии он заметил, что и чартизм, и социализм питаются из одного источника, то для Франции и Германии эта закономерность ему еще не ясна. Отмечая, что в Германии партия рабочего коммунизма, представляемая Вейтлингом и его последователями, является партией чисто народной, которая в скором времени «объединит весь рабочий класс Германии», Энгельс не связывает с нею и немецким рабочим движением партию, к которой принадлежит сам — партию философского коммунизма [1]. Прослеживая различные этапы развития упомянутой партии, он фактически рассматривает ее вне конкретно-исторических условий и приходит к выводу, что этот коммунизм был только «*необходимым* следствием неогегельянской философии» и что «никакое противодействие не могло помешать его развитию» [2]. Между тем появление различных социально-утопических и коммунистических течений в странах Европы в это время обусловливалось развитием и обострением социального антагонизма между буржуазией и рабочим классом. Энгельс, наблюдавший бурное развитие английского капитализма и мощные выступления чартистов, вряд ли мог увидеть в слабом, по существу, только зарождающемся рабочем классе Германии будущую руководящую силу революционного преобразования общества. Ему кажется поэтому вполне логичным и закономерным, что движение у него на родине исходит от образованных классов и что «партия, стремящаяся к уничтожению частной собственности, состоит преимущественно из людей, которые сами являются собственниками» [3]. Он объясняет это пристрастием немцев к абстрактным принципам, их пренебрежением к действительности и собственной выгоде, т. е. к практическим интересам, столь милым английскому сердцу, тогда как на деле это объяснялось тем, что прогрессивность немецкой буржуазии в то время еще не умерла, поскольку перед ней стояла задача преодоления полуфеодальных отношений в стране. Подчеркивая, что в отличие от Англии, где господствуют интересы, где именно их борьбой определяются позиции классов и партий, в Германии, когда «принцип приходит в столкновение с инте-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 537. (Разумеется, слово «партия» употребляется здесь Энгельсом в значении, вовсе не тождественном современному.)

[2] Там же, с. 539.

[3] Там же, с. 540.

ресами, принцип почти всегда укрощает притязания интересов», Энгельс тем самым свидетельствует, что материальная экономическая основа всех идеологических явлений ему еще не была вполне ясна и что первенство материальных интересов он считал пока еще чисто английским явлением. Вместе с тем заключительные строки статьи говорят, что хотя Энгельс не преодолел еще целиком некоторых идеалистических представлений, он уже склонялся к убеждению, что философские принципы должны связываться с практикой, с фактами современного общественного строя. «Что касается отдельных пунктов учения нашей партии, то мы сходимся гораздо больше с английскими социалистами, чем с какой-либо другой партией. Французские коммунисты могли нам оказывать помощь только на первых этапах нашего развития, но уже скоро мы увидели, что знаем больше, чем наши учителя. А у английских социалистов нам еще нужно очень многому поучиться. Правда, наши основные принципы дают нам более широкую базу, ибо мы их почерпнули из философской системы, охватывающей все отрасли человеческих знаний; но во всем, что касается практики, фактов современного общественного строя, мы находим, что английские социалисты нас намного опередили, и нам после них весьма мало осталось сделать в этой области...» [1]

Значение статьи «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» состоит, таким образом, в том, что в ней Энгельс открыто выступает как сторонник коммунистического учения, в котором видит выражение интересов рабочих. И если в предыдущих корреспонденциях из Англии он связывал предстоящую в ней радикальную революцию с особенностями ее исторического развития и существующими противоречиями и говорил лишь о перспективе этой революции, то теперь видит «настоятельную и неотвратимую необходимость» такой революции для трех крупнейших стран Европы, формулируя задачу революционного коммунистического преобразования как интернациональную: «коммунизм не следствие особого положения английской или какой-либо другой нации», он заложен «в общих условиях современной цивилизации» и т. д. Важно отметить и следующее: когда Энгельс говорит о различии путей, которыми пришли к коммунизму Англия, Франция и Германия, он приближается

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 541.

к пониманию того, что зарождение коммунистического учения обусловлено экономическим, политическим и философским развитием ведущих европейских стран.

Первое выступление Энгельса в оуэнистском органе имело очевидный успех. 22 сентября 1844 г. в речи на чествовании прибывшего в Лондон В. Вейтлинга редактор этого журнала Флеминг отмечал: «Британские читатели впервые познакомились с этим реформатором через «New Moral World» в конце прошлого года по серии отличных статей «Континентальный социализм», которые были написаны одним молодым немцем... Эти статьи пробудили глубокий интерес к движению...» [1].

Об интересе, проявленном к статьям Энгельса в Англии, свидетельствует и перепечатка их (в несколько сокращенном варианте) чартистской газетой «The Northern Star» 11 и 25 ноября 1843 г. Систематическое сотрудничество Энгельса в этом ведущем чартистском органе началось, как теперь установлено, не с сентября 1845 г., а с мая 1844 г., когда в редакционной статье ««Движение» в стране и за границей» было опубликовано письмо Энгельса в газету с предложением посылать «корреспонденции, освещающие успехи партии движения на континенте, выдержки из немецких газет и из собственной переписки с хорошо осведомленными лицами в Париже и в Германии... В то же время,— писал Энгельс,— я не ограничусь Германией, а буду сообщать вам и о Швейцарии, Австрии, Италии, России и т. д. все то, что сможет представить интерес для ваших читателей; и я полностью оставляю за вами право использовать присланные мной материалы, как вы сочтете нужным» [2].

Так появился в газете целый ряд корреспонденций, разных по объему и характеру материала, но объединенных общей тематикой — рабочее, демократическое и социалистическое движение в странах континентальной Европы (Германия, Пруссия, Швейцария, Россия), критика реакционной политики их правительств. Их тенденции во многом определяются воззрениями Энгельса, выраженными в его статьях, написанных для «Deutsch-Französische Jahrbücher» в конце 1843 — начале 1844 годов. Статьи эти подвели итог важнейшему периоду формирования мировоззрения Энгельса, зафиксировали его окончательный и

---

[1] «The New Moral World», 1844, № 14, p. 110.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 42, с. 182.

полный переход от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.

* * *

Судьба «Rheinische Zeitung» и «Deutsche Jahrbücher» показала, что издание в Германии нового печатного органа радикального направления обречено на неудачу. С высылкой из Швейцарии Гервега рухнул и план Руге издавать в Цюрихе журнал «Deutscher Bote», в редактировании которого готов был принять участие жаждущий деятельности Маркс. Тогда Руге вместе с Марксом и Гервегом намечают издание в Париже «Deutsch-Französische Jahrbücher». Сотрудничать в этом новом журнале были приглашены Л. Фейербах, Б. Бауэр, Г. Гейне, М. Гесс, Ф. Бернайс, И. Якоби и др.— с немецкой стороны, а с французской — П. Леру, П.-Ж. Прудон, Ф. Ламенне, Л. Блан, Э. Кабе, В. Консидеран. Однако обещавшие поначалу принять участие в работе журнала французские литераторы, способные, по мнению Руге, скрепить интеллектуальный союз немцев с французами, затем под разными предлогами отказались. Безусловно, это нанесло удар по самой идее издания. Но, с другой стороны, трудно сказать, смог ли бы даже редакторский гений Маркса объединить всех этих писателей, имевших, по выражению Руге, «очень разную окраску».

Из немецких авторов к сотрудничеству было решено привлечь и Ф. Энгельса. Его публицистическая деятельность давно уже привлекла внимание Руге, который после появления памфлетов Освальда-Энгельса о Шеллинге уважительно называл их автора доктором философии. Вряд ли и для Маркса осталось незамеченным то направление, в котором уверенно продвигался вчерашний сотрудник «Rheinische Zeitung», так как это было направление, избранное им самим. Во всяком случае Г. Гервег, встретившийся с Энгельсом в августе 1843 г. на курорте в Остенде, передал ему предложение о сотрудничестве и, видимо, познакомил с программой журнала и составом авторов.

Энгельс охотно принял предложение редакторов «Deutsch-Französische Jahrbücher», так как уже в июле стало невозможным продолжение успешно начатой работы в «Schweizerischer Republikaner» (с арестом Вейтлинга в Цюрихе радикально настроенный редактор — издатель этого журнала Ю. Фрёбель вынужден был отказаться от редактирования). Среди авторов нового журнала Энгельс

был самым молодым. Тем не менее его статьи, наряду с работами Маркса, оказались важнейшими, определившими лицо нового органа. И наиболее значительной из них, безусловно, являются «Наброски к критике политической экономии», оцененные впоследствии Марксом как первый гениальный эскиз политической экономии пролетариата. В этой работе Энгельс впервые применил гегелевский диалектический метод к анализу экономических категорий и «с точки зрения социализма рассмотрел основные явления современного экономического порядка, как необходимые последствия господства частной собственности» [1].

Критикуя буржуазную экономическую науку, Энгельс указывает, что при нынешнем положении вещей ее «следовало бы называть *частнохозяйственной* экономией, ибо для нее общественные отношения существуют лишь ради частной собственности» [2]. Говоря другими словами, частная собственность *определяет* характер существующих общественных отношений, а экономическая наука тесно связана с интересами класса капиталистов.

Именно частная собственность, по Энгельсу, является основой современной буржуазной политической экономии, поскольку «политическая экономия возникла как естественное следствие распространения торговли» [3], а та в свою очередь является «ближайшим следствием частной собственности» [4]. Прослеживая развитие политической экономии, Энгельс пользуется материалистической методологией. Это развитие, по его мнению, определяется не ее «самостоятельными» законами, как утверждали буржуазные историки экономической мысли, а развитием торговли, частной собственности, т. е. в конечном счете производственных отношений. Результатом промышленной революции в Англии было появление системы политической экономии А. Смита и Д. Рикардо, более прогрессивной в сравнении с меркантилистской системой. «XVIII век, век революции, революционизировал и политическую экономию». Но революция в политической экономии не преодолела имевшихся в ней противоречивых положений. Напротив, она обострила их и обнажила, и новой политической экономии пришлось «предать свои собственные предпосылки и отречься от них, взять себе на помощь софистику и

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 10.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, с. 548.
[3] Там же, с. 544.
[4] Там же, с. 548.

лицемерие, чтобы скрыть противоречия, в которых она запуталась». Ставя в заслугу либеральной политической экономии, прежде всего А. Смиту, разработку законов частной собственности, Энгельс подчеркивает, что новая система была лишь наполовину прогрессом в сравнении с меркантилистской. Ей, указывает он, и «не приходило в голову поставить вопрос о *правомерности частной собственности*», да к тому же и законы последней были «не развиты до последних выводов и не выражены ясно» [1]. Обнаружив уже у Гегеля непоследовательность в применении диалектического метода, вопреки которому великий философ нередко ограничивался консервативными, а то и просто реакционными выводами, Энгельс, для которого диалектика стала единственным методом исследования социально-экономических проблем, замечает и у классиков буржуазной политэкономии Смита и Рикардо нерешительность, половинчатость в выводах. И если «*Рикардо* более виновен, чем *Адам Смит*», то «*Мак-Куллох* и *Милль* более виновны, чем *Рикардо*» [2], ибо, запутавшись в противоречиях, экономисты новейшего времени вовсе не стремятся к их разрешению, а прибегают к софистическому мудрствованию, затушевывая эти противоречия.

«Наброски» показывают, что Энгельс приближался к пониманию причин вырождения буржуазной политико-экономической мысли, превращения ее в вульгарную апологию современного капиталистического строя. Внимательное изучение английских социально-экономических отношений, движения рабочего класса, чартистской и социалистической литературы уже привело Энгельса к выводу, что «противники частной собственности и с экономической точки зрения способны правильнее решать экономические вопросы» [3]. Это давно доказали, говорит Энгельс, на практике и в теории английские социалисты (как известно, чартисты не выдвигали в своей программе требования ликвидации частной собственности). Однако оуэнисты, проповедовавшие коллективную собственность на средства производства, не умели еще теоретически доказать неизбежность и необходимость уничтожения частной собственности. Энгельс, резко выступивший против ограниченности буржуазной политической экономии и неисто-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 545.
[2] Там же, с. 547.
[3] Там же, с. 548.

ричности рассмотрения ею частной собственности (английские экономисты считали частную собственность естественной и разумной), дает такое обоснование, по существу, с историко-материалистических позиций.

Констатируя, что «вытекающий из частной собственности раскол между капиталом и трудом есть не что иное, как этому раздвоенному состоянию соответствующее и из него вытекающее раздвоение труда в себе самом», что этот раскол завершается расколом «человечества на капиталистов и рабочих... который обостряется с каждым днем и... *должен* постоянно усиливаться», Энгельс подчеркивает, что покончить с этим можно, только устранив частную собственность [1].

Анализируя закон конкуренции, «главную гордость» современного экономиста, Энгельс указывает, что закон этот делает необходимой революцию, ибо порождаемые им и частной собственностью искусственные и несостоятельные противоположности могут быть ликвидированы только при сознательной плановой организации производства. «Но до тех пор,— пишет он,— пока вы продолжаете производство нынешним несознательным, бессмысленным, предоставленным господству случая способом, до тех пор останутся и торговые кризисы; и каждый последующий кризис должен быть универсальнее, следовательно — тяжелее предыдущего... должен, следовательно, заметно увеличивать массу людей, нуждающихся в получении работы... и, наконец, все это должно вызвать такую социальную революцию, какая и не снится школьной мудрости экономистов» [2].

Характерно, что Энгельс здесь ясно видит и предрекает судьбу мелких производителей, а потому его критика капиталистической собственности и вызываемых ею социальных противоречий ведется не с мелкобуржуазных позиций, а с позиций класса, за которым он видит будущее, т. е. пролетариата. Энгельс оказался проницательнее Прудона и его английских последователей (к ним относился и Дж. Уотс), противопоставив их утопическим надеждам искусственно сдержать процесс централизации и монополизации производства и капитала действие неумолимого закона конкуренции, при котором «более сильный рабочий вытесняет с рынка более слабого, больший капитал — мень-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, с. 557—558.
[2] Там же, с. 561.

ший, крупная земельная собственность — мелкую». «Следствием этого,— отмечал Энгельс,— является то, что уже при обычных условиях крупный капитал и крупная земельная собственность поглощают по праву сильного мелкий капитал и мелкую земельную собственность, т. е. происходит централизация собственности... *Эта централизация владения есть закон, столь же имманентный частной собственности, как и все другие законы* (подчеркнуто нами.— *В. С.*); средние классы должны все более и более исчезать, пока мир не окажется разделенным на миллионеров и пауперов, на крупных землевладельцев и бедных поденщиков... Результат этот должен наступить и наступит, если его не предупредит полное преобразование социальных отношений, слияние противоположных интересов, уничтожение частной собственности» [1].

Заключительные слова Энгельса как бы подводят итог его заочного спора с буржуазными радикалами типа Мевиссена, полагавшими, что процесс централизации производства и капитала можно с помощью государства отрегулировать так, чтобы остановить разорение средних классов и, добившись равномерного распределения доходов, облегчить трудящимся переход в среднее сословие. Предлагавшаяся, в частности, Мевиссеном децентрализация противоречила основной тенденции капиталистического развития и в сущности своей была совершенно утопической. Энгельс понял, что действие внутренне присущих строю частной собственности законов невозможно остановить никакими реформами. Этого можно добиться лишь «путем уничтожения частной собственности, конкуренции и противоположности интересов» [2].

Таким образом, в «Набросках» Энгельс снова и снова возвращается к проблеме социальной революции. Именно в ней видит он средство устранения противоречий, порождаемых частной собственностью. Гениальный очерк Энгельса явился, следовательно, первой в истории попыткой экономически обосновать неизбежность коммунистической революции.

Все эти выводы Энгельса положили начало разработке пролетарской политической экономии, и он с полным основанием мог гордиться «этой своей первой работой в области общественных наук» [3]. Роль «Набросков» в станов-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 569.
[2] Там же, с. 567.
[3] Там же, т. 36, с. 148.

лении пролетарской политической экономии прежде всего определяется тем, что в них впервые была предпринята попытка разобраться в существующих экономических отношениях с позиций материализма и коммунизма. Кроме того, содержащийся в «Набросках» анализ экономических категорий положил начало преодолению буржуазной политической экономии при помощи материалистической диалектики. Правда, Энгельс в это время еще не понял существа категории стоимости, не воспринял научные элементы теории трудовой стоимости Рикардо. И все-таки подробно анализируя категорию стоимости, Энгельс, во-первых, подошел к пониманию противоречивого единства меновой и потребительной стоимости, а во-вторых, сделал первый — и очень важный — шаг на пути к созданию марксистской политической экономии, зафиксировав единство полезности и ее исторически-преходящей формы — стоимости. Следующим этапом должен был быть анализ этих противоположных сторон. Но к такому обстоятельному и глубокому анализу Энгельс тогда не был готов. Вот почему он нередко прибегает к этическим оценкам, моральным сентенциям. К тому же порой в «Набросках» видны «жаберные дуги» гегелевского идеализма. И все же если за год до того на английский берег ступил идеалист гегелевского толка с радикальными устремлениями и социалистическими тенденциями, то теперь перед нами предстает диалектик, подвергающий беспощадному анализу социально-экономические отношения общества с материалистических и коммунистических в целом позиций. Это подтверждают и статьи цикла «Положение Англии», первая из которых была опубликована рядом с «Набросками».

Три статьи цикла «Положение Англии», написанные в январе, феврале и марте 1844 г., очевидно, предназначались тоже для «Deutsch-Französische Jahrbücher». Однако в журнале появилась лишь первая, январская, статья. Две последующие были опубликованы позднее в выходившей в Париже газете «Vorwärts!».

Статьи цикла «Положение Англии» прежде всего интересны тем, что в них явственно прослеживается дальнейший процесс формирования у Энгельса материалистического взгляда на историю и начало сознательной критики идеализма.

Первая статья является рецензией на вышедшую в 1843 г. книгу Т. Карлейля «Прошлое и настоящее». Это была уже третья работа видного английского публициста,

в которой он касался основного противоречия, свойственного капиталистической системе,— противоречия между трудом и капиталом, рабочими и предпринимателями (ранее вышли «Заштопанный портной» и «Чартизм»). Гнев и сарказм памфлетиста, гуманность его позиции, человечность образа мысли привлекли Энгельса. И в своей статье он охотно цитирует «Прошлое и настоящее», особенно те места, где описывается бедственное положение пролетариата или доказывается вопиющая безнравственность буржуазного общества.

Изучая работы Карлейля, Энгельс увидел, что тот «глубже всех английских буржуа понял причины социального неустройства» [1]. Однако разбор книги «Прошлое и настоящее», сделанный им, позволяет ясно определить принципиальное отличие позиций молодого коммуниста и британского филантропа. Поднявшийся до признания и критики пороков капиталистического строя и буржуазного либерализма, Карлейль видел в бунтующем, революционном пролетариате лишь мятежную стихию, движимую голодом и отчаянием. Она внушала ему страх, смешанный с сочувствием к его страданиям и лишениям. Вот почему он и выступал с требованием устранения нищеты.

Совершенно иначе оценивает роль рабочего класса Энгельс. Именно в нем он видит творческую силу, способную преобразовать английское общество. «Англичане, т. е. образованные англичане,— пишет Энгельс,—...самые презренные рабы в мире. Лишь неизвестная континенту часть английской нации, лишь рабочие, парии Англии, бедняки действительно достойны уважения... От них-то и придет спасение Англии; они представляют собой еще пригодный для творчества материал; у них нет образования, но нет и предрассудков, у них есть еще силы для великого национального дела, у них есть еще будущее» [2]. И глухие ко всякому прогрессу образованные классы Англии, если и приходят в движение, то «лишь под натиском рабочего класса» [3].

Соглашаясь с обличительной характеристикой английских порядков, даваемой Карлейлем, одобряя его критику земельной аристократии и буржуазии, продажного парламента и «бездуховности» века, Энгельс решительно отвергает тот идеал будущего, который Карлейль противопо-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, с. 513.
[2] Там же, т. 1, с. 574.
[3] Там же, с. 575.

ставлял современному миру. Идеалистическому и даже мистическому толкованию исторического процесса у Энгельса противостоит материалистическая концепция, понимание истории не как «божественного откровения», а как человеческой деятельности. Жалуясь на суетность и пустоту века, на внутреннюю гнилость всех социальных установлений, говорит Энгельс, Карлейль не понимает, что в основе их лежит не безбожие, а как раз религия, так как она принуждает человека к отчуждению своей сущности. И если английский социолог считает, что в противовес культу денег, наживы, вытеснившему религиозность средних веков, надо создать новую религию, пантеистический культ героев («истинной аристократии»), культ труда, то Энгельс доказывает, что возможности религии исчерпаны и возврат к ней и к немецкому идеализму бессмыслен. Как и Карлейль, говорит Энгельс о себе и своих единомышленниках, мы тоже ведем борьбу против несостоятельности, внутренней пустоты, духовной смерти, неискренности века, но «мы имеем гораздо больше шансов на успех, чем он, потому что знаем, чего хотим. Мы хотим покончить с таким атеизмом, каким его изображает Карлейль, мы хотим возвратить человеку содержание, которого он лишился благодаря религии,— не какое-то божественное, но человеческое содержание, и это возвращение сводится просто к пробуждению самосознания...». Совершенно очевидно, что Энгельс делает здесь новый шаг к материалистическому пониманию истории. «Нам в голову не приходит,— пишет он тут же,— подвергать сомнению или презирать «откровение истории»... *Мы* требуем, чтобы истории было возвращено ее содержание, но в истории мы видим откровение не «бога», а человека, и только человека. Нам нет надобности призывать сначала абстракцию какого-то «бога» и приписывать ей все прекрасное, великое, возвышенное и истинно человеческое для того, чтобы увидеть величие человеческого существа, понять развитие рода в истории, его неудержимый прогресс... его суровую, но успешную борьбу с природой вплоть до достижения, в конце концов, свободного, человеческого самосознания, до ясного понимания единства человека и природы и вплоть до свободного, самостоятельного творчества нового мира, покоящегося на чисто человеческих, нравственных жизненных отношениях» [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 591—593.

Энгельс соглашался с Карлейлем в том, что господство денег, буржуазного утилитаризма уродует и дезорганизует труд — истинную сущность человека. Карлейлю казалось, что многое может изменить организация труда. И Энгельс полагал, что, выдвигая это характерное для многих социалистов требование, Карлейль «уже нащупал правильный путь» и «окажется также в состоянии пойти по этому пути» [1]. Однако этого не произошло. И не случайно. Понимание «организации труда» Карлейлем существенно отличалось от энгельсовского. Не посягая на основы буржуазного общества, на его корень — частную собственность, Карлейль мечтал о здоровых, довольных и послушных рабочих, заинтересованных в предприятии, которым руководят «истинные аристократы», «капитаны промышленности», а не банда промышленных пиратов, пожирателей прибыли. Энгельс же еще в «Набросках» отметил, что нельзя уничтожить конкуренцию, служение маммоне, культ денег, т. е. все то, против чего справедливо восставал Карлейль, без уничтожения частной собственности, «без известного тождества интересов».

В следующей статье — «Положение Англии. Восемнадцатый век» Энгельс подробно останавливается на проблеме «интереса», и это позволяет нам понять, что же он имел в виду под «тождеством интересов». «Политическая реформация,— пишет он здесь,— впервые провозгласила, что человечество должно впредь объединяться не принуждением, т. е. *политическими* средствами, а интересами, т. е. средствами *социальными,* и этим новым принципом она заложила основу социального движения... Возведение интереса в связующее начало человечества необходимо влечет за собой — пока интерес остается именно непосредственно субъективным, просто эгоистичным — всеобщую раздробленность, сосредоточение индивидов на самих себе, изолированность, превращение человечества в скопление взаимно отталкивающихся атомов... Далее, пока продолжает существовать основная форма отчуждения, частная собственность, до тех пор интерес необходимо должен быть частным интересом и его господство должно проявляться как господство собственности...» [2]

Вот в чем, следовательно, сущность — господство частной собственности необходимо делает интерес (Энгельс

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, с. 513.
[2] Там же, т. 1, с. 604—605.

имеет в виду, конечно, материальный, экономический интерес) частным, эгоистическим, разъединяющим людей. Объединить их, т. е. добиться общности, «тождества» интересов, нельзя без ликвидации частной собственности. И Энгельс приходит к выводу: «Разложение человечества на массу изолированных, взаимно отталкивающихся атомов есть уже само по себе уничтожение всех корпоративных, национальных и вообще особых интересов и последняя необходимая ступень к свободному самообъединению человечества. Завершение отчуждения человека в господстве денег есть неизбежный переход к ныне уже близкому моменту, когда человек вновь должен обрести самого себя» [1]. Энгельс указывает, что нынешнее господство частной собственности несет в самом себе свою гибель. Новый порядок будет построен свободным, сознающим себя и творческим человеком — человеком, живущим в условиях полной свободы. Надежды на рождение этого человека Энгельс связывал с рабочим классом, свободным от религиозных и кастовых предрассудков, от господства частнособственнических интересов, с классом, постепенно осознающим свою силу и творческие возможности.

Образование этого класса, указывает Энгельс, было важнейшим результатом XVIII в. в Англии, следствием ее промышленного развития. С другой стороны, промышленный переворот, начавшийся в Англии в середине XVIII в. (Энгельс справедливо называет его социальной революцией), привел к тому, что «буржуазия поднялась до положения настоящей аристократии» [2]. Национальное развитие Англии определяется теперь борьбой бедных против богатых, борьбой пролетариата за свое социальное освобождение. И эта борьба, отмечает Энгельс, имеет не только национальное, но всемирно-историческое значение.

В статье «Положение Англии. Восемнадцатый век» Энгельс уже дает материалистическое толкование развития страны, раскрывая связь промышленно-технической революции с социальными и политическими переменами. «Это революционизирование английской промышленности,— говорит он,— основа всех современных английских отношений, движущая сила всего социального развития» [3]. Сопоставляя развитие Англии с развитием двух крупнейших стран Европейского континента — Франции и Германии,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, с. 605.
[2] Там же, с. 617.
[3] Там же, с. 615.

Энгельс приходит к заключению, что им предстоит проделать тот же путь. Если до сих пор, по его мнению, только Англия имела социальную историю, только здесь принципы претворялись в интересы, прежде чем могли оказывать влияние на историю, то теперь «французы и немцы также постепенно приходят к социальной истории» [1].

В Английской буржуазной революции XVII в. Энгельс увидел прообраз Французской революции 1789—1793 гг. И в этом знаменательном сопоставлении мы видим еще один шаг к созданию стройной историко-материалистической концепции, к определению всеобщих законов исторического развития.

Почти двухлетнее изучение английских отношений привело Энгельса и к другому важному выводу: социальная и политическая структура Англии определяется ее промышленным развитием. Именно его результатом является то, что страна разделена на три партии: земельную аристократию, денежную аристократию и рабочую демократию.

В последней статье цикла, посвященной английской конституции, правовому положению одной из «наименее несвободных» стран [2], Энгельс указывает, что «ближайшим будущим Англии будет демократия» и именно «*такая* демократия, противоположностью которой является буржуазия и собственность» [3]. Все предшествующее развитие Англии, говорит он, подтверждает это и показывает, что при господстве собственности, когда бедняк угнетен и бесправен, борьба демократии против аристократии становится борьбой бедных против богатых. А эта борьба не может завершиться установлением «простой демократии», которая «неспособна исцелить социальные недуги» [4]. Еще не употребляя термина «буржуазная демократия», Энгельс в заключительных строках этой статьи показывает, что уже, по существу, разглядел классовую природу этого политического института. В обществе, где господствует частная собственность, где людей разъединяют частные, эгоистические интересы, где идет беспощадная борьба всех против всех, не может быть равенства для всех. «Демократическое равенство есть химера, борьба бедных против бо-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 603.
[2] Там же, с. 618.
[3] Там же, с. 642.
[4] Там же.

гатых не может быть завершена на почве демократии или политики вообще. И эта ступень есть, следовательно, только переход, последнее чисто политическое средство, которое еще следует испробовать и из которого тотчас же должен развиться новый элемент, принцип, выходящий за пределы существующей политики.

Этот принцип есть принцип социализма»[1].

Энгельс, таким образом, объявляет себя решительным противником частной собственности, государства, являющегося политической формой ее господства, в том числе буржуазной демократии, и выступает уже как коммунист, как прямой выразитель и защитник интересов рабочего класса, только с его революционной борьбой связывавший полное освобождение человека.

В корреспонденциях для «Northern Star», описывая, в частности, рабочие волнения в промышленных районах Силезии, Энгельс отмечает, что «рабочее население данной местности, целиком зависящее от производства льняных тканей и испытывающее тяжелую нужду, так как оно не в состоянии выдержать конкуренцию изделий английской машинной промышленности, с некоторого времени оказалось в положении, подобном положению английских ручных ткачей». Тяжелые условия существования вынудили рабочих восстать. И Энгельс делает примечательное заключение: «Таким образом, становится очевидным, что последствия фабричной системы, прогресса машинной техники и т. д. для рабочего класса на континенте совершенно те же самые, что и в Англии: угнетение и изнурительный труд — для большинства, богатство и благополучие — для немногих; неуверенность в завтрашнем дне, недовольство и возмущение имеют место и на холмах Силезии точно так же, как и в перенаселенных городах Ланкашира и Йоркшира»[2]. Конкуренция английских изделий, имеющих преимущество благодаря более совершенным ткацким машинам и низкой заработной плате на английских фабриках, способствует понижению заработной платы и у силезских ткачей. «Короче говоря,— заключает он,— именно фабричная система со всеми ее последствиями угнетает силезских ткачей так же, как она угнетала и теперь угнетает фабричных рабочих и ручных ткачей Англии...»[3]

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 642.
[2] Там же, т. 42, с. 201.
[3] Там же, с. 204.

Такого рода наблюдения и выводы несомненно означали ясное понимание общих для наиболее развитых стран Европы закономерностей промышленного и социального развития, а вместе с тем и понимание всемирно-исторической роли рабочего класса вообще, а не только рабочего класса современной Англии.

Таким образом, публицистика Энгельса во время его пребывания в Англии в 1842—1844 гг. знаменует начало разработки им принципиально нового, научного мировоззрения, его переход на позиции пролетарского коммунизма. Статьи «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии» уже содержат отправные теоретические положения научного коммунизма. Для Энгельса на этом этапе характерно прежде всего осознание всемирно-исторической роли пролетариата и необходимости прочного союза передовой философской теории с его освободительным движением. Для выработки марксистской теории пролетарской революции и классовой борьбы пролетариата проведенный Энгельсом анализ социально-экономического положения Англии и вызванного им рабочего движения оказался весьма важным и ценным материалом. Сделанное им обобщение самого передового опыта освободительной борьбы пролетариата того времени, получившее наиболее полное отражение в книге «Положение рабочего класса в Англии», явилось его существенным вкладом в теорию научного коммунизма. Публицистика Энгельса конца 1842 — середины 1844 гг. как нельзя лучше характеризует степень его самостоятельного мышления и оригинальность в разработке кардинальных принципов той науки, которая стала духовным оружием пролетариата.

В. А. СМИРНОВА

О некоторых вопросах исследования и публикации литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса в «New-York Tribune»

История сотрудничества Маркса и Энгельса в американской прогрессивной газете «New-York Tribune» широко известна. Один из ее редакторов, Чарлз Дана, познакомившись с Марксом в Кёльне во время революции 1848 г., пригласил его летом 1851 г. работать в газете в качестве ее лондонского корреспондента. Предложение пришло в трудный для Маркса период и потому, что торжество контрреволюции на Европейском континенте лишило его печатной трибуны, и потому, что по той же причине он оказался без средств к существованию. Приняв предложение Дана, Маркс сотрудничал в «New-York Tribune» с августа 1851 до марта 1862 года. Активное участие в корреспондентской работе принял и Энгельс, более того, первое время в силу ряда причин Энгельс выполнял основную часть работы (кстати, и последнюю статью в марте 1862 г. написал также Энгельс; эта статья осталась неопубликованной). В дальнейшем каждый из авторов выступал, как правило, со «своей» темой: Маркс писал по вопросам экономики, внутренней и внешней политики европейских государств, рабочего движения и пр.; Энгельс — главным образом по военным вопросам. Многие статьи были ими написаны совместно. Редакция «Tribune» никогда не узнала, что в лице своего лондонского корреспондента она имела двух авторов.

Статьи Маркса и Энгельса из «New-York Tribune» составляют заметную часть их литературного наследства и по объему, и по значению. Более десяти лет, иногда два раза в неделю, иногда раз, иногда раз в две недели, с бóльшими или меньшими перерывами, Маркс и Энгельс писали о текущих событиях, давая им собственную оценку. Ни одно из главных событий и явлений социально-экономической и политической жизни тогдашнего мира

не прошло мимо их внимания. Значение их статей выходит далеко за рамки обычных газетных корреспонденций, ибо с проницательностью ученых за отдельными явлениями они сумели показать коренные причины и определяющие их глубинные процессы и с партийных пролетарских позиций определить их классовую сущность.

Однако путь к изучению этого наследия и его правильного понимания был нелегким и долгим. Даже такой крупный марксовед, как Франц Меринг, в написанной им биографии Маркса не оценил в должной мере значения этих работ [1]. Вероятно, теперь не найдется ни одного серьезного исследователя, который разделял бы его точку зрения. Статьи из «Tribune» рассматриваются как важный этап в публицистической деятельности Маркса и Энгельса, в развитии взглядов основоположников научного коммунизма и формировании позиции пролетарской партии в вопросах революции, национально-освободительных движений, внешней политики, отношения к бонапартизму, объединению Германии и Италии и т. п. Сотрудничество Маркса и Энгельса в «Tribune» изучается также как пример деятельности пролетарских публицистов, сумевших и в буржуазной прессе выступать со строго партийных позиций. Безусловно, эти аспекты данной проблемы имеют первостепенное значение. Однако несправедливо упускается из виду другая сторона вопроса — масштабы распространения этих произведений Маркса и Энгельса в США и степень их влияния на американского читателя. Эти последние вопросы до сих пор остаются неизученными.

Следует напомнить, что «New-York Tribune» в годы сотрудничества в ней Маркса являлась самой крупной и самой прогрессивной политической газетой США, органом массовой радикально-демократической партии фрисойлеров, а затем с середины 50-х гг. органом левого крыла республиканской партии. Ее основатель и редактор Горас Грили и редактор иностранного отдела Чарлз Дана в прошлом пережили увлечение фурьеристскими идеями; в 50-х гг. руководимая ими газета заявляла себя решительной противницей рабства. И Грили и Дана создали широкую сеть собственных корреспондентов в Европе, Америке и в отдельных пунктах других частей света, а также привлекли к сотрудничеству некоторых известных евро-

[1] *Franz Mehring.* Karl Marx. Geschichte seines Lebens. Berlin, 1964, S. 241—242, 536—537 (воспроизведение издания 1918 г.); *Ф. Меринг.* К. Маркс. История его жизни. М., 1957, с. 262—263, 559.

пейских политических и общественных деятелей, писателей и публицистов. Это поставило газету и в профессиональном отношении выше общего уровня тогдашней американской журналистики. «New-York Tribune» сумела завоевать широкие круги прогрессивно настроенных и образованных читателей. Помимо коренных американцев газета пользовалась популярностью среди немецких и венгерских иммигрантов, из которых немалое число принадлежало к бывшим участникам революции 1848—1849 годов.

Должной оценке литературного наследства Маркса и Энгельса из «New-York Tribune» в прошлом мешало то обстоятельство, что долгие десятилетия не удавалось собрать его в более или менее полном виде. Дело в том, что редакция обращалась с присланными Марксом материалами совершенно произвольно. Такой «стиль» ее работы объяснялся рядом факторов. Низкий уровень американской журналистики, для которой уже тогда законы капиталистической конкуренции сделали главным погоню за сенсацией, заставлял редакцию бороться за славу газеты, которая публикует лишь самые последние известия. Поэтому она часто опускала и не печатала материалы, которые приходили с запозданием, или печатала их в замаскированном виде. Достаточно привести один пример: 24 апреля 1854 г. Энгельс написал статью «Турецкая война» [1], которая была получена в Нью-Йорке со значительным опозданием, 14 мая. Заинтересованная в военных материалах редакция опубликовала статью в качестве передовой, однако на основании лондонских газет от 3 мая, полученных с нароходом «Атлантика», она приписала к статье Энгельса первый абзац.

Однако главное было не в этом. Желая завоевать у читателя авторитет интеллектуального центра американской журналистики, редакция извлекала из присланных статей наиболее интересное — обобщения, выводы и заключения Маркса и Энгельса по поводу текущих событий — и, присвоив их себе, публиковала без подписи в качестве передовых. Некоторые статьи Маркса и Энгельса целиком использовались в качестве передовых. Зачастую при этом редакция вмешивалась в авторский текст. Маркс неоднократно протестовал против подобного «пиратства», однако изменить ничего не мог. С началом Крымской войны он вынужден был дать согласие на публикацию в качестве

[1] «New-York Daily Tribune», № 4080, 16. V 1854.

передовых всех военных статей, которые в основном писались Энгельсом. Эти статьи в громадной степени способствовали росту популярности и авторитета газеты у американского читателя, так как прогнозы Энгельса, как правило, оправдывались. В широких кругах американской читающей публики крепло убеждение, что статьи эти принадлежат перу видного американского генерала Уинфилда Скотта, бывшего в то время главнокомандующим американской армией. С течением времени газета все чаще и чаще прибегала к подобной практике, присваивая себе все новые и новые темы. Наконец, с мая 1855 г. все статьи, присылаемые Марксом, стали публиковаться без подписи, от имени редакции газеты.

Кроме того, прогрессивность «Tribune» носила весьма ограниченный буржуазный характер, и в случае серьезных политических расхождений редакция либо возвращала Марксу присланный им материал, либо вписывала в текст Маркса и Энгельса от себя целые куски. Идейные расхождения Маркса с «Tribune» особенно стали углубляться с середины 50-х гг., когда редакция газеты, отражая интересы американской буржуазии в ее конкурентной борьбе с английским капиталом, начала все более активно выступать с проповедью протекционистских идей.

Этот поворот совпал с появлением в числе сотрудников газеты новой фигуры, графа Адама Гуровского, участника восстания 1830 г., изменившего затем делу польской революции и перешедшего на службу к царю. Здесь не место излагать сложные повороты политической биографии Гуровского, который в 50-х гг. выступал уже в качестве противника царизма. Надо лишь подчеркнуть, что проповедь Гуровским панславистских идей и протекционизма делала его непримиримым идейным противником Маркса и Энгельса. Еще в 40-х гг. он получил уничтожающую характеристику Энгельса в статье «Судьба предателя» [1]. Влияние Гуровского в редакции стало возрастать со времени Крымской войны, поскольку он считался знатоком России, истории народов Балканского полуострова и других сюжетов, связанных с восточным конфликтом. Именно под влиянием Гуровского редакция не напечатала в 1856 г. две крупные работы — серию статей Маркса о Дунайских княжествах и серию статей Энгельса о панславизме.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 42, с. 189—190.

Поскольку рукописи статей, отосланных в Нью-Йорк, не сохранились (или не разысканы), а копий их, по-видимому, не существовало вообще, то перед собирателями и исследователями этой части литературного наследства Маркса и Энгельса встали колоссальные трудности. Впервые часть статей Маркса и Энгельса из «Tribune» была воспроизведена Элеонорой Маркс в двух изданиях[1]. И в том, и в другом были допущены ошибки, объясняющиеся неудовлетворительным состоянием доступных подготовительнице источников: работа Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии» была приписана Марксу, а в сборнике «The Eastern Question» оказалось несколько статей, не принадлежащих ни Марксу, ни Энгельсу.

Только с публикацией в 1913 г. переписки Маркса и Энгельса[2] стало возможным приступить к серьезному выявлению их статей на страницах газеты. Затем в исследование были вовлечены и другие источники. Из них особое значение имели Записные книжки Маркса, в которых он сам или Женни Маркс записывали дни отправки статей в Нью-Йорк. Пометки эти делались главным образом для финансовых расчетов с «Tribune». Однако зафиксированные числа, а также пометки, которые иногда делались при этих датах и которые отчасти раскрывали содержание статей, являются сейчас незаменимым источником для определения авторства и датировки. К сожалению, эти пометки не охватывают всего периода сотрудничества Маркса в газете. Весьма плодотворным оказался также метод параллельного изучения «New-York Daily Tribune» с некоторыми другими газетами, в которых сотрудничал Маркс, особенно с «Neue Oder-Zeitung».

Привлечение этих источников позволило, начиная с 1917 г., осуществить следующие, наиболее значимые издания статей из «New-York Daily Tribune». В 1917 г. Д. Рязанов выпустил два тома на немецком языке, в которые были включены статьи из «New-York Daily Tribune», а также из «Neue Oder-Zeitung» за 1852 — январь 1856 года[3]. На русском языке они были воспроизведены

---

[1] *Karl Marx.* Revolution and Counter-Revolution or Germany in 1848. London, 1896; *K. Marx.* The Eastern Question. London, 1897.

[2] Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883. Bd. I—IV. Stuttgart, 1913.

[3] Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels 1852 bis 1862. Bd. I und II. Stuttgart, 1917.

в 1924 г. в составе X и XI томов Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса[1]. Затем Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС осуществил две важнейшие публикации статей Маркса и Энгельса за весь период их сотрудничества в «New-York Tribune» — в 30-х гг. в составе IX—XI томов первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и в 1957—1959 гг.— в 8—13, 15 томах второго русского издания Сочинений. Все перечисленные выше издания последовательно отражают главные этапы в собирании и изучении литературного наследства из «Tribune». Наиболее квалифицированно и полно эта работа выполнена во втором издании, в котором помещено более 450 статей Маркса и Энгельса, из них 106 статей опубликовано на русском языке впервые. Их принадлежность перу Маркса и Энгельса была доказана в ходе подготовки второго издания. Собрание сочинений основоположников научного коммунизма на немецком языке[2] воспроизводит второе русское издание. И в русском, и в немецком изданиях исправлены недостатки предыдущих (например, в первом издании статьи воспроизводились не в том виде, как они были опубликованы редакцией, а расчленялись на отдельные фрагменты, которые затем группировались по тематическому принципу — о Крымской войне и восточном вопросе, о революции в Испании), а также исключены статьи, которые ранее ошибочно приписывались Марксу и Энгельсу[3].

С завершением второго издания можно с уверенностью сказать, что основная масса статей и корреспонденций Маркса и Энгельса из «New-York Daily Tribune», при их жизни опубликованная в газете, стала теперь общедоступ-

---

[1] Это издание, начатое при основании Института К. Маркса и Ф. Энгельса, завершено не было, вышло лишь 4 тома — I, II, X и XI.

[2] *K. Marx* und *F. Engels.* Werke.

[3] На базе первого и второго русского изданий Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса были подготовлены отдельные тематические издания статей Маркса и Энгельса из «New-York Tribune» на английском языке. Среди них: Marxist Library. Works of Marxism-Leninism. Volume XII. Revolution in Spain by Karl Marx and Frederick Engels, осуществленное в 1939 г. в Нью-Йорке издательством International Publishers, а в Лондоне издательством Lawrence and Wishart; *K. Marx.* Articles on India. Bombay, первое издание вышло в 1943 г.; *K. Marx.* On China. 1853—1860. Articles from the New-York Daily Tribune. With an introd. and notes of Dona Torr. London, первое издание вышло в 1951 г.; и некоторые другие.

ной. Тем не менее работу по розыску литературного наследства Маркса и Энгельса из «New-York Tribune» нельзя считать законченной, и при подготовке МЭГА и английского издания вновь возникают задачи исследования этой газеты [1].

Прежде всего следует отметить, что до сих пор изучался лишь ежедневный выпуск газеты («New-York Daily Tribune»), а помимо него редакция издавала «New-York Weekly Tribune» и «New-York Semi-Weekly Tribune» [2]. Эти выпуски, и то лишь частично, стали доступны нам только после завершения работы над вторым русским изданием Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса [3]. Изучение их, особенно «New-York Semi-Weekly Tribune», может привести к открытию тех статей Маркса и Энгельса, которые помечены в Записных книжках, но не найдены в «New-York Daily Tribune». Именно в «Semi-Weekly Tribune» К. И. Конновой была обнаружена статья Маркса «Британские финансы.— Волнения в Престоне» [4].

---

[1] В последнее десятилетие буржуазными издательствами также предпринято несколько попыток публикации литературного наследства Маркса и Энгельса из «New-York Daily Tribune»: в 1966 г. вышел однотомник избранных статей Маркса и Энгельса из «Tribune»: The American Journalism of Marx and Engels. Edited by Henry M. Christman. Introduction of Charles Blitzer. N.-Y., «The American Library». (Во вступительной статье Г. Блитцера журналистская деятельность Маркса и Энгельса оценивается чрезвычайно высоко, см. с. XXIV — XXX этого издания); с 1971 г. выходят тома 13-томного издания: The Karl Marx Library. Edited by S. K. Padover, в которое включены и статьи из «New-York Daily Tribune». И в том и в другом издании не проводилось ни специального исследования с целью выявления новых статей Маркса и Энгельса, ни текстологической работы. В конечном счете оба эти издания опираются на результаты многолетней работы ИМЛ при ЦК КПСС. В ряде случаев они пытаются эту работу дополнить, некритически воспроизводя данные сомнительных источников, что зачастую приводит их к грубым ошибкам.

[2] Были еще специальные выпуски для Европы и Калифорнии.

[3] Исследование материалов, которыми в настоящее время располагает библиотека ИМЛ (неполный комплект за 1851—1862 гг. «New-York Weekly Tribune»; «New-York Semi-Weekly Tribune» — фотопленки отдельных номеров за 1852—1862 гг.), проведено при подготовке книги: Прижизненные издания и публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Библиографический указатель. Часть I. 1837—1864, август. М., 1974. Этот указатель наиболее полно и точно отражает все выявленные до настоящего времени статьи Маркса и Энгельса из «New-York Tribune». В нем же приведен и список статей, ошибочно приписанных Марксу и Энгельсу (с. 347—349).

[4] «New-York Semi-Weekly Tribune», № 929, 21. IV 1854.

Некоторые факты позволяют высказать предположение, что в этом выпуске «Tribune» публиковала материалы, которые поступали из Европы с запозданием. Однако провести эту работу в полном объеме пока нельзя: ИМЛ располагает микрофильмом лишь отдельных страниц «New-York Semi-Weekly Tribune».

Без изучения этих выпусков «Tribune» нельзя также составить правильного представления о степени распространения статей Маркса и Энгельса в США. Если тираж «New-York Daily Tribune» в 1859 г. составлял 35 тыс., то общий тираж «New-York Semi-Weekly Tribune» (20 тыс.) и «New-York Weekly Tribune» (180 тыс.) [1] намного превосходил ежедневный выпуск. При этом следует иметь в виду, что на «New-York Weekly Tribune» существовала коллективная подписка, и один экземпляр читался в нескольких семьях. Таким образом, статьи Маркса и Энгельса, которые пользовались большой популярностью у читателя (как о том свидетельствуют письма современников и перепечатка многих из этих статей в других американских газетах), находили миллионную аудиторию. Даже когда они публиковались от имени газеты и читатель не знал подлинного автора, идеи, заложенные в статьях, оказывали влияние на формирование общественного мнения наиболее передовых и прогрессивно настроенных слоев американского общества.

Есть еще один путь, который позволяет провести дополнительное исследование и который при подготовке второго издания был использован только частично. Это выявление источников, которыми Маркс и Энгельс пользовались при составлении своих статей и корреспонденций. Речь идет прежде всего о периодике. Выявление точных дат публикаций газетных материалов, которыми пользовались авторы, и их сопоставление с уже известными материалами (Записные книжки, переписка Маркса и Энгельса между собой и третьими лицами, комплект номеров «New-York Daily Tribune», расписание трансатлантических рейсов, публиковавшихся в «Times» и «New-York Daily Tribune», и пр.) позволяет не только уточнять датировку, авторство и степень вмешательства редакции в оригинальный текст статей, но помогает обнаружить и но-

---

[1] «Вестник промышленности», 1859, № 6, с. 121; ср. с данными на 1854 г.: N-YDT — 26 880; N-YS-WT — 11 400; N-YWT — 105 600 («New-York Daily Tribune», 15. IV 1854).

вые тексты Маркса и Энгельса [1]. Так были найдены, например, статья Маркса и Энгельса «Европейская война» и статья Энгельса «Новости о войне в Европе» [2].

Эта работа даст также возможность опубликовать в соответствующих томах МЭГА и английского издания список статей, которые необоснованно приписывались Марксу и Энгельсу и на этом основании были в свое время исключены из второго издания. Такой список, как уже указывалось выше, приведен в изданной ИМЛ библиографии прижизненных публикаций произведений основоположников марксизма. Однако в нем, к сожалению, отсутствует мотивировка, между тем до сих пор приходится встречаться с фактами вторичного «открытия» этих статей, что зачастую принимает демагогическую и прямо антисоветскую окраску. Так, например, Рюбель в изданную им в 1956 г. библиографию произведений К. Маркса и Ф. Энгельса включил статьи, которые в свое время были ошибочно приписаны Марксу его дочерью Элеонорой в издании «The Eastern Question». Он воспользовался также отдельными ошибочными и устаревшими данными некоторых ранних изданий ИМЛ и также извлек оттуда ряд «статей Маркса и Энгельса», например, статью «Дунайские княжества» [3]. Указатель американского библиографа Лазаруса [4] страдает известной неполнотой, хотя его составитель и опирался в своей работе на «Werke». Кроме того. Лазарус во многих случаях некритически идет вслед за Рюбелем. Таким образом, обе библиографии работ Маркса и Энгельса, изданные за пределами Советского Союза, повторяют давно пройденный этап в исследовании литературного наследства Маркса и Энгельса из «New-York Tribune».

---

[1] См. подробнее: *В. А. Смирнова.* Три новые статьи К. Маркса и Ф. Энгельса из «New-York Daily Tribune». «Научно-информационный бюллетень», 1976, № 28.

[2] «N-YDT», № 4055, 17. IV; № 4084, 20. V 1854.

[3] *M. Rubel.* Bibliographie des oeuvres de Karl Marx. Paris, 1956. p. 128. Эта статья ошибочно была приписана Марксу в издании: Karl Marx. Chronik seines Lebens in Einzeldaten. Zusammengestellt vom Marx-Engels-Lenin-Institut. Moskau. Marx-Engels Verlag. Moskau, 1934, S. 156.

Данные вышедших к 1960 г. томов второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса использованы Рюбелем в книге: *M. Rubel.* Supplément â la Bibliographie des oeuvres de Karl Marx. Paris, 1960.

[4] List of Marx/Engels Articles in the New-York Daily Tribune, prepared by Louis Lazarus. In: «The American Journalism of Marx and Engels». Edited by Henry M. Christman. N.-Y., 1966. (Appendix, p. 255—267).

При подготовке статей Маркса и Энгельса из «Tribune», как уже говорилось выше, постоянно приходится встречаться с фактами произвольного расчленения присланного ими материала и прилагать усилия к тому, чтобы восстановить историю каждой статьи, составить представление о ее первоначальном облике. Вместе с тем было бы неправильно вновь перекраивать эти статьи в соответствии с первоначальным замыслом авторов. Восстановление этого замысла при отсутствии рукописей чревато грубыми ошибками со стороны исследователя. Достаточно сообщить в комментариях соображения по этому поводу.

В. Н. ПОСПЕЛОВА

Адольф Клусс — соратник К. Маркса и Ф. Энгельса (деятельность накануне и в период революции 1848 г. в Германии)

«Это один из наших лучших и талантливейших людей»

(Маркс — Иосифу Вейдемейеру, 19 декабря 1851 г.)

За привычными историческими датами и событиями стоят живые люди, чьи судьбы тесно вплетаются в эти события, а иногда и прямо определяют их. С этой точки зрения по-прежнему не угасает интерес к изучению жизни и деятельности многочисленных соратников Маркса и Энгельса, боровшихся вместе с ними за победу новых революционных идей, за создание пролетарской партии.

В 40—50-е годы XIX в. одним из таких соратников, участвовавших вместе с Марксом и Энгельсом в создании первой коммунистической международной организации пролетариата — Союза коммунистов был Адольф Клусс.

Разносторонне образованный, энергичный, веселый, умевший остро высмеять своих политических противников и в то же время страстно и самоотверженно защитить своих друзей и свои идеи — таким знали Адольфа Клусса Маркс и его друзья.

Жизнь и судьба Адольфа Клусса тесно переплетается с деятельностью многих пролетарских борцов, группировавшихся вокруг Маркса и Энгельса в 40—50-е годы XIX века. Это такие люди, как Вильгельм Вольф, Иосиф Вейдемейер, Эрнст Дронке, Карл Шаппер, Иоганн Георг Эккариус, Конрад Шрамм, чартист Эрнест Джонс и другие.

В исторической литературе сведения об Адольфе Клуссе до сих пор чрезвычайно незначительны. Его имя упоминается лишь в связи с именем первого пропагандиста марксизма в Америке — Иосифа Вейдемейера [1].

[1] Следует отметить, что заслуга Клусса в пропаганде и утверждении марксизма в США в 50-е годы XIX в., пожалуй, столь же велика, как и заслуга Вейдемейера, тем более что они работали вместе и подчас трудно отделить деятельность одного от деятельности другого. Благодаря своим организаторским данным, энергии

Между тем Адольф Клусс принадлежал к той славной когорте пролетарских революционеров, которых выдвинула революция 1848 года. Клусс выступил как активный сторонник идей Маркса и Энгельса еще в канун революции, а в разгар революционных событий проявил себя одним из видных деятелей рабочего движения в Юго-Западной Германии. Именно этому периоду его деятельности посвящена данная статья.

* * *

Адольф Клусс родился 14 июля 1825 г. в Хейльбронне (Вюртемберг) в южнонемецкой аристократической семье. Высшее образование получил, по-видимому, в Гейдельберге, став в 1846 г. инженером-архитектором. Как специалист Клусс начал работать в Майнце ассистентом инженера на строительстве железной дороги Майнц — Мангейм.

Майнц был одним из крупных городов герцогства Гессен и вместе с тем первоклассной крепостью имперского значения на левом берегу Рейна, близко расположенной к французской границе. Этим обусловливалось пребывание там большого контингента прусских и австрийских войск, что вызывало недовольство местного населения.

Близился 1848 год. Западная и Юго-Западная Германия — наиболее развитые в экономическом и политическом отношении области — становятся центром демократического движения. Оппозиционные настроения в армии, оживление демократического движения в студенческой среде, рост гимнастических обществ (в большинстве своем продолжавших традиции оппозиционно настроенной немецкой интеллигенции 20—30-х гг. XIX в., так называемых «демагогов»), где молодежь под видом занятий спортом вела горячие споры о республике и демократии, усилившиеся крестьянские волнения и, наконец, открытые выступления немецкой либеральной буржуазии в пользу конституции — такова была картина общественно-

---

и настойчивости Клуссу иногда удавалось добиваться даже бо́льших результатов. Роль Адольфа Клусса в пропаганде марксизма в США — предмет специального исследования. Его биография представляет интерес и в связи с тем, что он вошел в американскую историю как видный архитектор конца XIX в. (он умер 24 июля 1905 г.), участвовавший в строительстве и оформлении многих официальных зданий Вашингтона, Балтимора и других городов США.

политической жизни Западной и Юго-Западной Германии в конце 40-х годов XIX века.

Молодой Адольф Клусс не оставался в стороне. Еще в студенческие годы, а затем в Майнце он был активным участником гимнастических обществ. Проблема объединения страны в виде республиканской федерации автономных земель, подобной Швейцарскому союзу, всеобщее избирательное право — вот вопросы, которые волновали передовую часть интеллигенции Германии. Выразителями ее взглядов накануне революции были мелкобуржуазные демократы Фридрих Геккер и Густав Струве, а идейным вождем — Карл Гейнцен.

Сам Клусс в одном из своих писем Марксу писал, что находился тогда под влиянием гейнценовских «революционных» фраз и, характеризуя свою деятельность накануне революции, с иронией отмечал, что она сводилась к «просвещению» народа с помощью гейнценовских «китов» — призыв к немедленному восстанию, выступлению против монархии, учреждению федеративной республики, а также к агитации среди австрийских солдат [1]. Но все это, как отмечал он, были «невинные» развлечения. Политическое мировоззрение Клусса как коммуниста сформировалось в 1847 году.

В июне 1847 г. в Лондоне была создана первая международная пролетарская организация — Союз коммунистов, провозгласившая целью борьбы освобождение и сплочение людей труда против капиталистического рабства. В Циркулярном письме первого конгресса Союза коммунистов от 9 июня 1847 г. сообщалось, что, несмотря на малочисленность Союза и строгую конспирацию, в Германии к этому времени насчитывалось уже около 15 общин. В числе городов, где конституировались общины Союза коммунистов, назван и Майнц [2].

После первого конгресса Союза коммунистов Марксу и Энгельсу потребовалось приложить большие усилия для его идейного и организационного укрепления. По инициа-

---

[1] Клусс — Марксу, 30 сентября 1852 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 557.

Клусс отмечал, что это «просвещение» в гейнценовском духе в молодые годы он осуществлял вместе с Густавом Адольфом Шлёффелем, погибшим позднее во время баденско-пфальцского восстания 1849 года. Шлёффель учился в Гейдельбергском университете. По-видимому, Клусс имеет в виду их совместные студенческие годы.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 42, с. 406—407.

тиве Маркса, жившего в Брюсселе, в Союз влились коммунистические корреспондентские комитеты. В августе 1847 г. в Брюсселе была образована община и округ Союза коммунистов. Окружной комитет, возглавляемый Марксом, стал фактически направляющим центром всего Союза.

Одним из важнейших средств укрепления Союза коммунистов Маркс считал создание вокруг нелегальных, сравнительно узких организаций сети открытых рабочих обществ, подобных Просветительному обществу немецких рабочих в Лондоне. Таким стало, в частности, Немецкое коммунистическое рабочее общество, созданное в Брюсселе по инициативе Маркса и Энгельса в конце августа 1847 года. В числе членов общества мы находим многих деятелей, с которыми Клусс непосредственно работал в первые дни революции в Майнце: Карл Валлау, Иоганн Шиккель, Якоб Фридрих Шютц. Сам Клусс не числился среди членов общества, но, поскольку бывал в Брюсселе, хорошо знал о его деятельности, о чем свидетельствует его более позднее письмо Вольфу уже из Америки [1]. Более определенно о причастности к деятельности Союза коммунистов в этот период Клусс писал Вейдемейеру в 1851 г.: «С партией коммунистов и с Марксом я был связан уже в 1847 г., во времена «Deutsche-Brüsseler-Zeitung»» [2].

Осенью 1847 г. на страницах «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», ставшей к тому времени фактически неофициальным органом Союза коммунистов, развернулась полемика против Гейнцена. Назрела необходимость публично выступить перед рабочим классом с разъяснением его роли и задач в надвигающейся революции, предостеречь его от опасного влияния демагогии мелкобуржуазных демократов, а также дать отповедь клеветническим нападкам, с которыми Гейнцен обрушился на коммунистов.

В начале октября 1847 г. Энгельс опубликовал статью под заглавием «Коммунисты и Карл Гейнцен» [3], где вскрыл всю несостоятельность понимания Гейнценом коммунизма и революции как единовременного акта установления социальной справедливости путем свержения немецких монархов. Энгельс подчеркнул, что для коммуни-

---

[1] Клусс — В. Вольфу, 4—6 ноября 1851 г. ЦПА ИМЛ, ф. 429, д. 1/2.

[2] Клусс — И. Вейдемейеру, 20 декабря 1851 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 510.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, с. 268—285.

стов конечная цель далеко выходит за рамки установления буржуазно-демократических свобод, завоевание которых — их ближайшая задача.

Критика Энгельса дала повод Гейнцену еще раз выступить против коммунистов. Его новая статья ««Представитель» коммунистов» была напечатана 21 октября 1847 г. в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung». На этот раз с ответом выступил Маркс, напечатав в той же газете в октябре — ноябре серию статей «Морализирующая критика и критизирующая мораль» [1].

4 ноября в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» было опубликовано еще одно заявление, направленное против Гейнцена и подписанное: «К. Ланге, коммунистический рабочий. От имени многих коммунистов. Париж, 24 октября 1847 г.».

«Ланге» — конспиративная кличка А. Клусса в Союзе коммунистов, под которой он был известен в период революции 1848 года [2].

В заявлении Клусс выступил в поддержку статьи Энгельса, резко осудив Гейнцена как клеветника. Выступление Клусса было особенно актуально в связи с тем, что он приводил конкретные факты об активной пропаганде Гейнценом своих брошюр и прокламаций. В едкой и остроумной форме высмеивалось их псевдореволюционное содержание. Клусс писал: «Только что прочитал в Вашей газете длинное сочинение г-на Гейнцена, направленное против Ф. Энгельса, в котором он говорит о коммунистах в очень оскорбительной форме... и на этот раз настолько бесстыден, что утверждает, будто немецкие коммунисты в Париже передали полиции какое-то количество его брошюр [3] (между прочим, не содержащих ничего, кроме обычных бессмысленных призывов к драке, без указания, что́ нужно делать, когда драка начинается...)». Клусс

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, с. 291—321.

[2] В целях конспирации члены Союза коммунистов часто выступали под псевдонимами. Так, Вильгельм Вольф в ряде документов Союза коммунистов подписывался *Хайде*, Карл Шаппер — *Карл Шилль*. Во время революции 1848 г. Клусс как помощник председателя майнцской общины Союза коммунистов подписывался *Ланге* (см. Союз коммунистов. 1836—1849. Сборник документов. М., 1977, с. 185, 263, 265).

[3] Речь идет об изданной в июне 1847 г. в Берне книге, составленной из брошюр и листовок Гейнцена, написанных и опубликованных еще ранее. Книга называлась «Teutsche Revolution». Gesammelte Flugschriften von K. Heinzen.

сообщал, что один его друг[1] в Париже получил из Берна от Гейнцена письмо и 300 экземпляров «брошюр» для передачи парижскому книготорговцу, который должен был распространить их во Франции и Германии. По поручению своего друга Клусс передал письмо книготорговцу, а пакет с книгами отправил по почте. Как видно, книги не дошли до адресата, в чем Гейнцен обвинил коммунистов. Клусс сообщал, что книготорговец — ярый сторонник прусского правительства и не исключено, что именно поэтому брошюры попали в парижскую полицию. Но Клусс откровенно признался, что и не собирался способствовать распространению этих брошюр. «Смешно, если Гейнцен или его поклонники полагают, что мы, коммунисты, распространяли бы сочинения, которые сфабрикованы человеком, постоянно и с большим высокомерием воюющим против коммунизма». Заявление заканчивалось словами: «Если г-ну Гейнцену необходимо снова напасть... на коммунизм, то среди коммунистических рабочих найдется достаточно борцов, которые, не страшась, выйдут на поле боя, чтобы сразиться с ним»[2].

Заявление Клусса фактически подтверждало то, о чем писал Энгельс в своей статье о Гейнцене: «Г-н Гейнцен призывает к немедленному восстанию. Он печатает прокламации в этом духе и старается распространить их в Германии... Не является ли такая бессмысленная, топорно и вслепую ведущаяся пропаганда в высшей степени вредной для интересов немецкой демократии?»[3].

Не меньшее беспокойство по поводу «активности» Гейнцена высказывалось и в Обращении ЦК Союза коммунистов от 14 сентября 1847 г., где указывалось, что Гейнцен использовал средства, направленные Союзом коммунистов бернской общине, для переиздания и распространения своих брошюр. ЦК Союза коммунистов призывал каждого честного коммуниста противодействовать гейнценовской пропаганде[4].

---

[1] Вероятно, речь идет об Иоганне Шиккеле.

[2] Впервые о факте сотрудничества Клусса в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» было упомянуто в книге: *H. Schlüter*. Der Anfang der deutschen Arbeiterbewegung in Amerika. Stuttgart, 1907, S. 149—150. Однако конкретные статьи или корреспонденции названы не были. Мы полагаем, что, кроме данного заявления, при более тщательном изучении газеты возможно удастся обнаружить и другие материалы, принадлежащие перу Клусса.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, с. 271.

[4] Там же, т. 42, с. 426.

Факты, изложенные в заявлении Клусса, и сама позиция автора свидетельствуют о том, что он был в самой «гуще» проблем только что образовавшейся организации — Союза коммунистов, выполняя указания его руководящих органов. Заявление Клусса написано из Парижа, где он, вероятно, бывал по роду своей деятельности.

С середины октября в Париже находился Энгельс, который провел там большую работу по созданию и укреплению местных общин Союза коммунистов. Энгельс был избран членом Окружного комитета и осуществлял подготовку к созыву второго конгресса Союза. В этих условиях чрезвычайно важна была идеологическая борьба, которую развернул Энгельс против влияния вейтлингианцев, сторонников «истинного социализма» (Грюн, Гесс) и мелкобуржуазного республиканизма Гейнцена. Не исключено, что именно Энгельс привлек Клусса, как человека хорошо знакомого в свое время с работами Гейнцена, к выступлению в печати.

Осенью 1847 г. деятельность членов Союза коммунистов в Майнце заметно активизировалась. В Обращении ЦК Союза коммунистов от 14 сентября 1847 г. говорилось: «В письме, полученном от членов Союза в Майнце, нам сообщают, что там намереваются основать вторую общину, вследствие чего будет образован округ.— Полиция ведет постоянную слежку за нашими братьями в Майнце. Однако это еще больше вдохновляет их на энергичную борьбу за наше дело.— Честь и слава храбрым пролетариям Майнца; если бы всюду в Германии действовали так, как там, наши дела обстояли бы блестяще» [1].

К сожалению, мы не располагаем точными данными о том, кто входил в эти общины. Из более поздних документов, относящихся к 1848 г., нам известно, что Клусс, братья Пауль и Готфрид Штумпф, Нойбек и Меттерних были членами Союза коммунистов еще до революции [2]. Связь с майнцской общиной от имени руководства Союза коммунистов осуществлял член Брюссельского Окружного комитета Карл Валлау (наборщик газеты «Deutsche-Brüsseler-Zeitung»).

Так же, как и в Париже, в немецких общинах Союза коммунистов шла острая идейная борьба. В октябре 1847 г. Майнц посетил специальный эмиссар ЦК Союза,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 42, с. 423.
[2] Союз коммунистов, с. 263, 269.

который разъяснил позицию ЦК относительно взглядов Вейтлинга [1].

Таким образом, в Майнце в канун революции действовала небольшая, но достаточно активная и сплоченная группа членов Союза коммунистов, которая сыграла важную роль в начавшейся в марте 1848 г. буржуазно-демократической революции в Германии.

Майнцу, одному из крупнейших городов Юго-Западной Германии, суждено было сыграть значительную роль в консолидации немецкого демократического и рабочего движения в первые месяцы революции.

Провозглашение республики во Франции в февральские дни 1848 г. взволновало и всколыхнуло все классы немецкого общества, в первую очередь в соседних с Францией провинциях Западной и Юго-Западной Германии.

В Бадене лидеры оппозиционного движения во главе со Струве провозгласили 4 основных политических требования:

1) вооружение народа с правом избрания офицеров;
2) безусловная свобода печати;
3) суд присяжных;
4) немедленный созыв германского парламента.

Эти требования распространялись по всем городам Юго-Западной Германии. В Майнце к 1 марта радикалы и мелкобуржуазные демократы во главе с адвокатом Цицем разработали массовую петицию. 2 марта сословная палата приняла резолюцию, требующую свободы печати, суда присяжных, народного вооружения и подлинного представительства немецкого народа в германский парламент. В городе царило возбуждение. Из представителей различных сословий был создан «комитет граждан» (в числе членов его были Штумпф и Меттерних). В этой обстановке общедемократического подъема возникали новые демократические газеты и демократические союзы. Первой и наиболее многочисленной организацией в Майнце стал Демократический союз, созданный 11 марта 1848 г. мелкобуржуазными демократами Людвигом Бамбергером, Францем Цицем, Людвигом Калишем и Филиппом Якобом Шёпплером [2]. Союз объединял революционно настроенную мелкую буржуазию и интеллигенцию города.

---

[1] Союз коммунистов, с. 211—212.

[2] *K. Bockenheimer.* Mainz in den Jahren 1848—1849. Mainz, 1906, S. 103—104.

В него входили также ремесленники и рабочие. Демократический союз был вдохновителем многих радикальных выступлений и предложений в пользу республики и введения нового законодательства как в самом Майнце, так и за его пределами — в Дармштадте и на трибунах Франкфуртского национального собрания. Союз провозгласил борьбу за права народа, за расширение принципов народного суверенитета. Одним из главных руководителей Демократического союза был мелкобуржуазный демократ, сторонник республиканизма, журналист Людвиг Бамбергер. В течение ряда месяцев 1848 г. он редактировал газету «Mainzer Zeitung», ставшую органом Демократического союза. С 16 апреля 1848 г. в Майнце начала выходить еще одна демократическая газета «Der Demokrat» под редакцией Людвига Калиша[1]. Майнцский Демократический союз был одной из первых организаций демократов в Юго-Западной Германии. По его примеру возникают демократические союзы в других городах Гессена, а также всей Рейнской провинции. Демократический союз Майнца был связан со многими демократическими союзами Германии.

Гимнастические общества Майнца в мартовские дни объединились в Демократический гимнастический союз, действовавший в непосредственной связи с Демократическим союзом и под прямым руководством Бамбергера. Гимнастический союз стал отделением Демократического союза.

Характерно, что в первые дни мартовской революции под знаменем борьбы за демократию объединилась вся буржуазия, однако уже через месяц в ее среде начинается постепенное размежевание. Даже такие туманные лозунги мелкобуржуазной демократии, как «забота о благе народа», отпугивают либеральную буржуазию, которая, придя к власти в результате мартовской революции, пытается прекратить «беспорядок» и ввести народные выступления в «рамки законности». Крупная буржуазия сформулировала свои политические интересы в требовании конституционной монархии.

Естественным выражением этого процесса размежевания в рядах буржуазии было возникновение новых организаций. Так, крупное чиновничество и купечество города объединилось в «Союз граждан» со своим печатным

[1] *K. Bockenheimer*. Op. cit., S. 102.

органом — «Rheinische Zeitung», а «свободомыслящие» католики — в «Союз Пия», издававший «Mainzer Journal».

Такова была картина общественно-политической жизни города в период мартовской революции 1848 года.

Будучи в свое время участником гимнастических обществ, Клусс был связан с местными деятелями демократического движения. Вместе с другими членами Союза коммунистов в Майнце он активно включается в демократическое движение и становится членом Демократического союза.

Работа на железной дороге дала возможность Клуссу в свое время поближе сойтись с рабочими, и в начавшейся революции Клусс безоговорочно связал свою судьбу с пролетариатом. Позднее он писал: «...я проводил большую часть времени среди рабочего класса, шел с ним рука об руку» [1].

Пестрый по своему социальному составу, Демократический союз объединял в своих рядах и значительное число рабочих. Однако в расплывчатых общедемократических требованиях экономические и политические интересы рабочих не находили никакого отражения. Поэтому Клусс вместе с другими членами Союза коммунистов начинает подготовку для организации самостоятельного рабочего союза.

После победы Февральской революции во Франции в Париж съехались многие политические эмигранты — члены Союза коммунистов. 5 марта по приглашению временного правительства Французской республики сюда прибыл Маркс, которого выслало бельгийское правительство. По поручению Брюссельского Центрального комитета Союза коммунистов Маркс 11 марта организует в Париже собрание находившихся там членов Союза, на котором формируется новый Центральный комитет. В его состав вошли: Маркс (председатель), Шаппер (секретарь), В. Вольф, Валлау, Молль, Энгельс. Здесь же в Париже, ожидая с минуты на минуту революционного взрыва в Германии, Маркс и Энгельс начинают собирать и готовить для возвращения на родину кадры революционных немецких эмигрантов. После мартовской революции в Берлине Центральный комитет Союза коммунистов организует возвращение в Германию около 300—400 немецких

---

[1] Клусс — Марксу, 30 сентября 1852 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 557.

рабочих-эмигрантов. Это были люди, обладавшие, как правило, опытом политической борьбы; большинство из них являлись членами Союза коммунистов. Они ехали в свои родные места, чтобы принять там участие в революционном движении. Многие из них везли с собой «Требования Коммунистической партии в Германии» — политическую платформу Союза коммунистов в начавшейся германской революции и «Манифест Коммунистической партии».

Маркс и Энгельс рассчитывали, что в начавшейся революции члены Союза коммунистов станут ядром, вокруг которого будет создана массовая политическая партия рабочего класса. С этой целью члены Союза должны были укреплять действующие общины Союза коммунистов, активизировать, расширять и реорганизовывать прежние, дореволюционные. С другой стороны, предстояло способствовать классовой консолидации рабочих, оказывая влияние на рабочие союзы для объединения их в общегерманскую пролетарскую организацию на самостоятельной политической платформе.

В Майнц в марте и в первые дни апреля 1848 г. вернулись члены Союза коммунистов — Карл Валлау, Пауль Штумпф, Франц Нойбек, Иоганн Шиккель. Связавшись на месте с Клуссом и Готфридом Штумпфом, член ЦК Союза коммунистов Валлау вместе с ними организует Рабочий просветительный союз. Председателем его избирается Валлау, заместителем председателя — Готфрид Штумпф, секретарем — Адольф Клусс, членами организационного комитета — Нойбек, Эккель, Хауэйзен, Хейзлиц, Ласке, Майер, Шварц [1]. Принадлежность руководителей Рабочего союза к Союзу коммунистов тщательно скрывалась, чтобы не отпугнуть рабочих, которые в подавляющем большинстве слишком мало знали о коммунизме или имели о нем превратное представление.

По согласованию с руководством Союза коммунистов и, возможно, по прямому его указанию, майнцский Рабочий просветительный союз выступил с воззванием, в котором в очень ясной и доступной для рабочих форме провозглашалась программа конкретных действий рабочих в начавшейся революции. Майнц брал на себя инициативу в качестве временного Центрального комитета по руководству и консолидации рабочих организаций во всей Германии.

---

[1] *K. Bockenheimer*. Op. cit., S. 110.

В воззвании «Ко всем рабочим Германии», датированном 5 апреля 1848 г., говорилось:

«*Братья рабочие!*

Если мы не хотим снова оказаться больше всех обманутыми, если не хотим, чтобы нас и дальше в течение долгих лет продолжала эксплуатировать, презирать и попирать небольшая кучка людей, то мы не должны терять времени, не должны ни минуты пребывать в бездействии.

Когда мы разобщены, как это было до сих пор, мы слабы, хотя нас и миллионы. Напротив, объединенные и организованные, мы будем представлять собой неодолимую силу. Поэтому, братья, создавайте повсюду в городах и деревнях рабочие союзы, где следует разъяснять условия, в которых мы находимся, предлагать меры для изменения нашего теперешнего положения, намечать и выбирать представителей рабочего класса в германский парламент и предпринимать все другие необходимые шаги для защиты наших интересов. Далее, все рабочие союзы Германии должны как можно скорее установить связь между собой и поддерживать эту связь.

Мы предлагаем вам временно избрать *Майнц* центром всех рабочих союзов и вступить в переписку с нижеподписавшимся комитетом, чтобы мы могли договориться о совместном плане и как можно скорее на совещании представителей всех союзов окончательно определить местопребывание Центрального комитета и т. д.» [1].

Это воззвание, подписанное Валлау и Клуссом, было выпущено в виде листовки и опубликовано в ряде немецких газет [2]. В составлении его, по-видимому, принимал участие и Вильгельм Вольф, находившийся в Майнце проездом из Парижа примерно с 3 по 6 апреля 1848 года [3].

Появление майнцского воззвания связано именно с приездом Вольфа, иначе оно могло бы появиться и несколько

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 5, с. 521.

[2] «Deutsche Volkzeitung», № 8, 8. IV 1848; «Mannheimer Abend-Zeitung», № 100, 10. IV 1848; «Mainzer Zeitung», № 103, 12. IV 1848; «Seeblätter», № 89, 13. IV 1848.

[3] О воззвании майнцского Рабочего просветительного союза, его значении для консолидации рабочих союзов Германии, а также аргументированное предположение о причастности Вильгельма Вольфа к составлению воззвания см. статью историка из ГДР *Вальтера Шмидта:* Der Bund der Kommunisten und die Versuche einer Zentralisierung der deutschen Arbeitervereine im April und Mai 1848. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Sonderdruck, Heft 3, 1961, S. 598 f.

раньше, так как Рабочий союз был создан до 5 апреля (дата выпуска воззвания). Об этом же свидетельствует более позднее воззвание майнцского Рабочего просветительного союза к Рабочему союзу в Кёльне: «...*Мы вскоре после создания здешнего союза* (курсив наш.— *В. П.*) приняли решение энергично взяться за объединение рабочих Германии...» [1]. Видимо, Вольф привез указания Центрального комитета майнцским коммунистам взять на себя инициативу по организации рабочих союзов в Германии.

Как видно из анализа содержания, воззвание майнцского Рабочего союза написано на основе «Требований коммунистической партии в Германии», которые привез в Майнц, скорее всего, именно Вольф (Валлау их привезти не мог, так как он одним из первых уехал из Парижа в Германию, еще до того, как были написаны «Требования») [2].

В эти дни Вольф очень сблизился с Клуссом [3]. Между ними сложились дружеские отношения, в основе которых лежали не только взаимная симпатия и духовная близость, но также глубокое уважение Клусса к старшему товарищу, имевшему за плечами уже большой организаторский и журналистский опыт, человеку, находившемуся в близких отношениях с Марксом и Энгельсом. Вольфу импонировал умный, энергичный Клусс, сумевший много сделать для организации Рабочего союза, со всем пылом молодости отдававшийся революционной деятельности, готовый самоотверженно бороться за идеи Маркса и Энгельса. С этого времени между ними завязалась переписка, которая продолжалась и тогда, когда Клусс переехал в Америку.

Почему центром консолидации рабочих союзов Германии был избран именно Майнц? Для этого существовал целый ряд причин.

Через Майнц, близко расположенный к французской границе, проходил путь в Рейнскую провинцию и в Кёльн, куда направлялись из Франции члены Союза коммунистов во главе с Марксом и Энгельсом. Майнц выделялся широким размахом демократического движения, в 1848 г. здесь, как уже упоминалось, существовали массовые демократические организации. Здесь действовала группа членов

---

[1] Союз коммунистов, с. 267.

[2] *W. Schmidt,* S. 593. См. также *С. З. Левиова.* Маркс в германской революции 1848—1849 годов. М., 1970, с. 38.

[3] Штумпф — Энгельсу, 21 сентября 1890 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 5072.

Союза коммунистов (Клусс, Готфрид и Пауль Штумпф, Рейнфельс, Меттерних и др.) во главе с членом ЦК Валлау.

Наконец, немалое значение имело и то соображение, что Майнц по сравнению с баденскими городами не был настолько заражен «ультрареволюционными» настроениями мелкобуржуазных демократов, их жаждой немедленных «республиканских» восстаний. Реально оценивая обстановку, Маркс и Энгельс боролись против подобного авантюризма. Для революции нужна была кропотливая работа по созданию рабочих организаций. Нужно было опираться на демократическое движение.

Еще до опубликования воззвания майнцского Рабочего просветительного союза в газетах Вильгельм Вольф, совершая с 6 по 13 апреля поездку по Германии в качестве эмиссара Центрального комитета Союза коммунистов, распространял этот документ в виде листовки в Кёльне, Берлине, Ганновере и других городах.

По призыву майнцев в различных областях Германии начинают возникать рабочие союзы. 13 апреля «по примеру братского города Майнца» [1] был создан один из наиболее крупных союзов — кёльнский. Между этими рабочими союзами устанавливается регулярная связь. Всю переписку от имени майнцского Рабочего просветительного союза энергично ведет Адольф Клусс.

23 апреля Готфрид Штумпф, как заместитель председателя майнцского Рабочего просветительного союза [2], и Адольф Клусс пишут кёльнцам: «В обоих своих письмах вы выразили и наше мнение, мы также до сих пор преследовали ту же цель... Ваш лозунг «Свобода, братство, труд!» отныне будет также и нашим. Борясь под одним боевым знаменем, мы можем и должны добиться успеха.

Если мы при этом можем что-нибудь сделать для распространения вашей рабочей газеты, мы охотно сделаем это» [3].

Майнцский Рабочий союз сообщал кёльнцам, что им уже получены многочисленные письма из различных

---

[1] «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln», № 1, 23. IV 1848.

[2] Председатель Союза Валлау покинул Майнц около 10 апреля, так как, не будучи коренным жителем города, не смог найти себе работу. Валлау переехал в Висбаден и возглавил там Союз типографских рабочих. См. Der Bund der Kommunisten. Bd. I. Berlin, 1970, S. 768.

[3] Союз коммунистов, с. 268.

городов Германии (Фрейбурга, Пфорцхейма, Брухзаля, Гейдельберга, Мангейма, Дармштадта, Оффенбаха, Ханау, Франкфурта-на-Майне и др.) с сообщениями об образовании там рабочих союзов.

Основная тактическая установка на создание широкой сети массовых рабочих союзов имела целью вовлечь рабочих в общедемократическое движение и в то же время подготовить почву для создания самостоятельной рабочей организации в Германии.

Создаваемые рабочие союзы обсуждали положение рабочих и те конкретные мероприятия, которые нужны для его улучшения. Они также готовили выдвижение представителей рабочих в германский парламент (Франкфуртское национальное собрание). Эти легальные организации ставили своей целью не только политическое воспитание и образование рабочих, они должны были привлечь рабочих к активному участию в политической борьбе.

Рабочий просветительный союз в Майнце уже через 2—3 недели после своего образования насчитывал свыше 400 человек. Каждую неделю в среду происходили собрания, где обсуждались организационные дела и устраивались дискуссии. Характерно, что среди тем дискуссий были и такие острые вопросы, как: «Почему наши владельцы против республики, а среднее сословие и неимущие — за?», «Буржуазия и пролетариат».

Благодаря широким связям Клусса и Готфрида Штумпфа с Демократическим союзом, удалось использовать газеты «Mainzer Zeitung» и «Der Demokrat» для публикации отчетов о заседаниях Рабочего союза. Редакторы этих газет Карл Бёльше, Людвиг Бамбергер и Калиш стали членами Рабочего союза [1].

К этому времени майнцский Рабочий союз действует уже как временный Центральный комитет рабочих союзов Германии, пытаясь расширить сеть рабочих союзов и со-

[1] «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln», № 2, 3. V 1848. См. также: Союз коммунистов, с. 268. К сожалению, мы не располагаем пока полным комплектом газеты «Mainzer Zeitung» и совсем не имеем газеты «Der Demokrat», поэтому нет возможности проанализировать протоколы заседаний Рабочего союза. В нашем распоряжении находятся лишь отдельные номера газеты «Mainzer Zeitung», содержащие материалы о его деятельности. Например, № 110 от 19. IV 1848; № 183 от 3. VII 1848. В № 185 от 5. VII 1848 опубликован доклад Готфрида Штумпфа; в № 226 от 17. VIII 1848 — сообщение о съезде представителей демократических, гимнастических и рабочих союзов провинции Рейнгессен.

звать их конгресс. Обращение к кёльнскому Рабочему союзу от 23 апреля подписано: «Просветительный Рабочий союз, являющийся временным Центральным комитетом рабочих союзов Германии. От имени правления: заместитель председателя — *Г. Штумпф*. Секретарь — *Адольф Клусс*».

Майнц был назначен также центром, где пока должно было сосредоточиться руководство общинами Союза коммунистов. Во всяком случае, в течение месяца в Майнц на имя члена Центрального комитета Валлау стекалась информация от эмиссаров Союза коммунистов [1].

8 апреля 1848 г. в Майнце проездом в Кёльн были Маркс и Энгельс [2]. Вместе с майнцскими коммунистами они обсудили дальнейшие задачи по организации и объединению рабочих союзов. Тогда же Маркс и Энгельс ближе узнали молодого деятельного секретаря Рабочего союза — Адольфа Клусса.

Клусс вместе с братьями Готфридом и Паулем Штумпфами вел большую и кропотливую работу по возрождению общины Союза коммунистов в Майнце. Делать это было нелегко. Свою принадлежность к Союзу, как уже указывалось выше, в силу политической незрелости рабочих, приходилось тщательно скрывать. Большинство рабочих находилось под влиянием мелкобуржуазных демократов. 20 апреля под председательством Карла Шаппера, прибывшего в Майнц в качестве эмиссара Центрального комитета, состоялось конституирование общины Союза коммунистов. Был избран председатель общины — Шмитце и помощник председателя — Ланге. От имени этих двух руководителей майнцской общины написано письмо — отчет Центральному комитету Союза коммунистов от 23 апреля [3]. Имена Шмитце и Ланге — конспиративные псевдонимы Пауля Штумпфа и Адольфа Клусса. Пауль Штумпф, вернувшийся вместе с Нойбеком весной из Парижа, возглавил общину [4]. Клусс стал его помощником. В письме, на-

---

[1] См. письма Вольфа, Бергмана, Эвербека.— В кн.: Союз коммунистов, с. 258—261, 261—262, 272—273.

[2] См. отметку в паспорте Маркса, где указано, что он пересек границу Франции и Германии в пограничном пункте Хабкирхен 7 апреля 1848 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, вкл. между с. 408 и 409).

[3] Союз коммунистов, с. 263. В данное издание вкралась ошибка. Вместо Пауля Штумпфа автором письма назван Готфрид Штумпф.

[4] О его активной деятельности по возрождению майнцской общины пишет Иоганн Шиккель Марксу 14 апреля 1848 г. См. Союз коммунистов, с. 255.

писанном рукой Клусса, говорилось: «Корреспонденция находится в наших руках, так как помощник председателя общины Союза и секретарь Рабочего союза — *одно и то же лицо*».

По конспиративным соображениям для переписки давался адрес не Клусса, а Иоганна Шиккеля: «Нам бы не хотелось для корреспонденции давать адрес помощника,— говорилось в письме,— так как он все же мог навлечь на себя как секретарь Рабочего союза рысьи глаза пока еще не все понимающей полиции» [1].

У Клусса с Шиккелем были очень дружеские отношения. Позднее, когда они оба уже жили в Америке, Клусс писал о нем Вейдемейеру: «Он был в Майнце моей второй половиной» [2].

К письму руководителей майнцской общины в Кёльн был приложен протокол заседания от 20 апреля 1848 г., который гласил: «Присутствуют гости парижского Рабочего союза: Мориц Закс и Йозеф Шютц. Карл Шаппер из Лондона в качестве полномочного эмиссара кёльнского Центрального комитета открывает заседание, которое начинается с приема Штрейтмана в члены Союза. Рейнфельс, ранее бывший членом Союза, вновь вступает в Союз и обещает привести на следующее заседание еще трех бывших членов Союза. Община объявляет себя конституированной... По совету Шаппера и Рейнфельса решено пока сохранять конспиративные клички членов Союза. Членами общины являются: Шмитце, Непомук, Ланге, Рейнфельс, Штрейтман, Зензер» [3].

В письме дается подробный отчет о деятельности легального Рабочего союза: «Здешний Рабочий союз насчи-

---

[1] Der Bund der Kommunisten, S. 768.

[2] Клусс — Вейдемейеру, 16—18 февраля 1852 г. ЦПА ИМЛ, ф. 429, д. 2/8.

Иоганн Шиккель (1827—1909) был уроженцем города Майнца. Летом 1847 г. он, будучи в Брюсселе, сблизился с Марксом. Возможно он там или в Париже встречался с Клуссом. По-видимому, на его имя в Майнц поступала большая корреспонденция от Союза коммунистов, т. к. после эмиграции в Америку у него было найдено большое количество коммунистической литературы (см. *Wermuth, Stieber.* Die Communisten-Verschwörungen des neunzehnten Jahrhunderts. Berlin, 1853—1854. T. II, S. 110).

[3] Союз коммунистов, с. 263. По-видимому, за названными псевдонимами стояли: Пауль Штумпф, Франц Нойбек, Адольф Клусс, Иоганн Шиккель, Готфрид Штумпф, Жермен Меттерних.

тывает около 400 членов, но количество их продолжает возрастать. В правлении мы представлены тремя членами Союза [1], и большинство, таким образом, всегда будет на нашей стороне, так что можно считать, что руководство Рабочим союзом осуществляется вполне в нашем духе... Мы включили в качестве предметов для преподавания правописание, арифметику, черчение, стилистику и упражнения для развития речи, чтобы привлечь широкую массу и подготовить ее путем просвещения к восприятию политических и социальных вопросов. До сих пор нам это хорошо удавалось, так как все эти люди относятся к нам с большой любовью».

В письме обстоятельно рассказывается также о деятельности Рабочего союза по объединению других рабоч х союзов. Характер и тон этого изложения говорят о том, что община отчитывается Центральному комитету о выполнении его решения. «Что касается нашей посреднической роли в качестве временного Центрального комитета немецких рабочих союзов, то можем вам сообщить, что до сих пор мы получили еще очень мало сообщений. У нас есть сведения об организации рабочих союзов из Тодтнау (близ Фрейбурга в Брейсгау), Пфорцхейма, Гейдельберга, Мангейма, Дармштадта, Оффенбаха, Ханау, Франкфурта-на-Майне, Одернхейма (Рейнская Бавария), Брухзаля (Баден)... В Кобленце, по словам Дронке, также образован Рабочий союз, но мы не получили никаких писем оттуда» [2].

Из письма видно, что Центральный комитет Союза коммунистов непосредственно руководил рабочими союзами. «Ответьте нам по возможности скорее, как нам следует поступить в отношении созыва депутатов рабочих союзов... Поэтому лучше было бы подождать, пока мы получим сообщения из Вюртемберга, Баварии, Саксонии, Ганновера, Пруссии и т. д. о создании отдельных союзов, которые смогли бы по крайней мере действовать каждый в своем районе... Итак, если вы считаете необходимой отсрочку созыва подобного собрания, то мы в дальнейшем снова будем информировать вас, откуда мы получили сообщения, чтобы вы могли высказать свое мнение о выборе места собрания. Мы обещали образовавшимся союзам возможно быстрее созвать такое собрание и уже получаем по этому поводу запросы.— Оффенбах, Ханау и Франкфурт хотят

[1] Имеются в виду Г. Штумпф, Клусс и Нойбек.
[2] Союз коммунистов, с. 264.

незамедлительно собрать, если возможно, 10 000 рабочих и послать собственной властью депутата во Франкфурт»[1].

Выполняя решение Центрального комитета, майнцский Рабочий союз старался обеспечить во вновь возникавших рабочих союзах должное политическое влияние. С этой целью посылались специальные эмиссары.

«Из поступающих сообщений видно, что было бы крайне необходимо послать эмиссара в Южную Германию, когда оттуда будет получено больше сведений... Мы со своей стороны старались давать союзам необходимые указания, насколько это было возможно путем переписки; но личные выступления и знакомство с более толковыми людьми принесли бы очень большую пользу.— Помимо Вольфа нами направлен в Северную Германию еще один эмиссар (Менкель); ...Менкель слишком быстро уехал, и поэтому его не удалось принять в Союз; по возвращении он, безусловно, вступит в него. Тем не менее его поездка на первых порах принесет нам большую пользу, если только он будет должным образом содействовать организации союзов»[2].

В письме сообщалось также о местном Гимнастическом союзе.

Таким образом, майнцские коммунисты развернули большую деятельность, выполняя тактическую линию возглавляемого Марксом и Энгельсом Центрального комитета Союза коммунистов — идти в гущу демократического движения и руководить им, выступая на левом его фланге. Адольфу Клуссу принадлежала здесь далеко не последняя роль. Хорошо знавший местные условия, обладавший организаторским талантом, он умел находить правильный тон и общий язык с рабочими. Посетивший Майнц Шаппер очень тепло отзывался о «прекрасном молодом человеке и брате» — секретаре Рабочего союза. «В Майнце,— отмечал он,— благоприятная почва, там можно добиться хороших успехов»[3]. Клусс вместе с Шаппером ездил (между 20 и 23 апреля) в Висбаден, где в эти дни были созданы Рабочий союз и община Союза коммунистов. Здесь он встречался с Валлау, который был избран делегатом на собрание печатников в Гейдельберге. Гейдельбергские подмастерья-печатники на своем собрании 23 апреля постановили созвать общегерманский конгресс печатников в Майнце.

---

[1] Союз коммунистов, с. 265.
[2] Там же, с. 264—265.
[3] Там же, с. 270.

В середине апреля в Кёльне собрались почти все представители прежнего Центрального комитета. Около 15 апреля здесь конституировался новый ЦК Союза коммунистов, в который вошли Маркс, Энгельс, Молль, Шаппер, Дронке. Таким образом задача Майнца как временного центра, куда до сих пор стекалась вся информация Союза коммунистов, была исчерпана. Письма, продолжавшие прибывать в Майнц, пересылались отныне в Кёльн. ЦК разослал по всей стране специальных эмиссаров для выяснения положения дел в общинах.

В апреле и мае 1848 г. в Майнце побывали эмиссары Карл Шаппер и Эрнст Дронке. Из их писем видно, что общины Союза, в том числе и майнцская, были еще малочисленны и организационно слабы. Эти данные еще раз убеждали коммунистов в том, что основной центр тяжести необходимо перенести на работу в легальных рабочих и демократических организациях, широко используя свободу печати. В Майнце в этом отношении были большие возможности.

Мелкая буржуазия в ходе революции пыталась взять на себя руководство демократическим и рабочим движениями. С этой целью в июне во Франкфурте-на-Майне созывался первый демократический конгресс. На нем от Майнца присутствовали Клусс, Г. Штумпф и Меттерних. Дронке в своем письме Центральному комитету обращал внимание на большую активность мелкобуржуазной демократии и предлагал в противовес ей продолжать агитировать за майнцское воззвание, за организацию рабочих союзов [1].

Однако уже в мае роль майнцского Рабочего союза в качестве организующего центра рабочих союзов также постепенно ослабевает. 17 мая майнцский Рабочий просветительный союз последний раз выпускает воззвание с призывом создавать повсеместно рабочие союзы, причем уже не подписывается как временный Центральный комитет рабочих союзов Германии.

Выдвинутая Марксом и Энгельсом весной 1848 г. идея создания массовой политической организации рабочих в масштабах всей страны не увенчалась успехом. Это объяснялось слабостью и отсталостью рабочего движения. Тем не менее на самом начальном этапе революции Майнц сыграл свою важную роль в качестве форпоста, который дал толчок к активизации рабочих и демократических ор-

---

[1] Союз коммунистов, с. 278.

ганизаций в Германии. Возникли такие многочисленные союзы, как кёльнский, насчитывавший около 5 тысяч, берлинский. Руководители этих организаций А. Готшальк и С. Борн вскоре попытались взять инициативу, чтобы превратить свои организации в общегерманские объединения рабочих союзов. Постепенно руководящий центр перемещался в Рейнскую провинцию, где начала выходить редактируемая Марксом, Энгельсом и их соратниками «Neue Rheinische Zeitung».

Майнцский Рабочий союз и его руководство, и в частности Клусс, продолжали активно работать в своей провинции. В июне в Майнце состоялся общегерманский конгресс печатников, на котором было создано первое в Германии большое профсоюзное объединение. 13 августа состоялось собрание рабочих, демократических и гимнастических союзов провинции Рейнгессен[1]. Руководители Рабочего союза часто выступали на рабочих и демократических собраниях.

Однако прусская реакция постепенно начинает готовить силы для наступления на революцию. В городах сосредоточиваются крупные военные силы, укрепляются военные гарнизоны. Еще в мае в Майнце был спровоцирован конфликт между солдатами и горожанами, в результате которого комендант крепости Майнц Хюзер объявил город на осадном положении, конфисковав все оружие у жителей города.

В течение лета и осени 1848 г. в Майнце почти беспрерывно происходили провокационные столкновения между военными властями и городским населением. Население всячески выражало недовольство грубым произволом прусской военщины. Новый крупный инцидент произошел на осенней ярмарке в начале сентября. Воспользовавшись тем, что местный художник стал открыто продавать картины, изображающие в карикатурном виде австрийского кайзера, а также прусскую и австрийскую армию, солдаты учинили разгром на ярмарке. Между жителями города и солдатами завязалась драка. Чтобы уладить конфликт, вынуждены были вмешаться официальные городские власти. Не прошло и недели, как новый случай всколыхнул общественное мнение. Солдаты, преследуя трех горожан, заставили их прыгнуть в Рейн. Двое захлебнулись и утонули, третий был арестован. Вся демократи-

---

[1] «Mainzer Zeitung», № 226, 17. VIII 1848.

ческая печать города Майнца и соседних городов с возмущением писала об этом произволе. Демократический и Рабочий союзы Майнца призвали население к единству и готовности дать отпор прусской реакции. На народном собрании в Габсхейме 21 сентября Валлау говорил о необходимости быть готовыми взяться за оружие [1].

Деятельность демократических объединений в этих условиях оказалась под угрозой. А после франкфуртского восстания 18 сентября 1848 г. реакция начала открытое наступление на все демократические завоевания мартовской революции. Последовали аресты, закрывались демократические газеты, распускалось гражданское ополчение, многие города были объявлены на осадном положении. Член майнцского Рабочего союза Якоб Фридрих Шютц, редактировавший в июне — октябре газету «Mainzer Zeitung», и член Союза коммунистов Жермен Меттерних принимали активное участие во франкфуртском восстании. В условиях начавшихся репрессий они были вынуждены бежать в Брюссель. Благодаря тому что Шютц был избран в конце октября депутатом Франкфуртского национального собрания, он смог вернуться в Германию и избежать ареста [2]. Меттерних участвовал в баденском восстании 1849 г., а затем эмигрировал в США.

После восстания во Франкфурте деятельность майнцского Рабочего союза практически прекратилась, а многие члены его влились в Демократический союз. Это сразу же сказалось на характере заседаний Демократического союза. Острее стали дискуссии, был поставлен вопрос о политическом образовании народа. Валлау и Готфрид Штумпф говорили об уроках франкфуртского восстания, о необходимости единения с армией [3].

В октябре 1848 г. многие участники демократического движения Майнца покинули город и, опасаясь ареста, выехали за границу. Через Швейцарию, а затем французский порт Гавр, куда прибывали суда с американским хлопком, большинство эмигрантов направлялось в Америку. Некоторые уезжали в Гамбург, а оттуда переправлялись в Ливерпуль или Антверпен, чтобы отплыть в Новый Орлеан и Балтимор — восточные порты США. В числе этих политических эмигрантов был и Адольф Клусс. Поздней осенью

[1] «Mainzer Zeitung», № 257, 22. IX 1848.
[2] *K. Bockenheimer.* Op. cit., S. 131.
[3] «Mainzer Zeitung», № 289, 29. X 1848; № 293, 3. XI 1848.

1848 г. Клусс покинул Европу и уехал в Соединенные Штаты Америки [1].

С этого времени начинается второй, не менее важный этап в жизни члена Союза коммунистов Адольфа Клусса. Он связан с историей распространения научного коммунизма в США в период, предшествовавший возникновению I Интернационала. Весь свой революционный опыт и убежденность приверженца коммунистических идей Клусс отдал пропаганде марксизма в США. Насколько важной и значительной была эта работа, можно судить по тому, как бдительно следила полиция за деятельностью «марксовой партии», в составе которой продолжал работать Клусс. В полицейском донесении из Лондона в конце 1852 г. говорилось: «Шеф этой партии Карл Маркс; помощники его: Энгельс в Манчестере, где находятся тысячи немецких рабочих, Фрейлиграт и Вольф (Лупус) в Лондоне, Гейне в Париже, *Вейдемейер и Клусс в Америке* (курсив наш.— *В. П.*); Бюргерс и Даниельс в Кёльне; Веерт в Гамбурге... но творческим и действенным разумом, истинной душой партии является Маркс...» [2].

В период реакции, наступившей после поражения революции 1848—1849 гг., Маркс и Энгельс сохранили в лице Вейдемейера и Клусса единомышленников и соратников, продолжавших борьбу за пролетарскую партию. В эти трудные годы, когда основоположники научного коммунизма почти полностью лишились возможности публиковать свои труды в Европе, именно Клусс и Вейдемейер сумели организовать издание их важнейших работ и развернуть пропаганду идей марксизма в Соединенных Штатах Америки.

---

[1] Клусс — В. Вольфу, 31 марта 1850 г. ЦПА ИМЛ, ф. 429, д. 1/1. Часть членов майнцского Рабочего союза и Союза коммунистов, которым удалось остаться в Германии, продолжала свою революционную деятельность. Многие из них приняли активное участие весной 1849 года в баденско-пфальцском восстании. Среди них были Валлау, Шютц, братья Штумпф и др. За участие в восстании они были приговорены заочно к смерти или принудительным работам (лишь в 1850 г. приговор был отменен). (См. Anzeiger für die politische Polizei Deutschlands... Ein Handbuch für jeden deutschen Polizeibeamten. Dresden, 1855, S. 100, 138, 229). Поток эмигрантов из Германии в 1849 г. значительно увеличился. Со многими своими бывшими соратниками Клусс снова встретился уже в Америке.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 3, д. 41.

И. П. ОСОБОВА

И. Ф. Беккер и прудонизм
(Из истории борьбы против мелкобуржуазного социализма в I Интернационале)

Основанный в 1864 г. Первый Интернационал сыграл выдающуюся роль в распространении марксистской теории среди широких масс европейских рабочих. Многих участников рабочего движения практическая деятельность в Международном Товариществе Рабочих привела к знакомству с широким кругом новых идей, циркулировавших внутри его секций и пропагандировавшихся на страницах печатных органов, в документах Генерального Совета.

Для Иоганна Филиппа Беккера (1809—1886), одного из виднейших деятелей Первого Интернационала, друга и соратника Маркса и Энгельса, годы работы в Международном Товариществе Рабочих явились кульминацией его политической биографии. Вступив в ряды революционных борцов в 1830 г. и пройдя сложный путь теоретического развития от радикального демократа до пролетарского революционера и коммуниста, Беккер именно в годы Первого Интернационала делает решающий шаг в усвоении идей научного коммунизма, становится одним из лучших представителей марксистского течения в Интернационале. В этот насыщенный событиями период жизни он оказывается в самом центре борьбы марксизма против различных течений мелкобуржуазного утопического социализма, оказывавших тогда свое влияние на рабочий класс. С 1864 по 1868 г. одним из таких течений являлся прудонизм. Осветить позицию Беккера в этой борьбе, показать его отношение к прудонистской теории и практике — задача настоящей статьи [1].

[1] Предлагаемая работа является продолжением исследования биографии И. Ф. Беккера. Предшествующий период его теоретической и практической деятельности освещен в статьях: И. Ф. Беккер и К. Маркс (1860—1861).— В сб.: Маркс и некоторые

В исторической литературе исследуемый вопрос не получил достаточного освещения. Те немногие авторы, которые касались данной темы, не ставили перед собой специальной задачи проанализировать взгляды Беккера и сопоставить их с прудонистскими доктринами. Как правило, они ограничивались беглыми, а потому поверхностными суждениями. Авторы из ГДР Г. Трюбнер[1] и Э. Энгельберг, а также швейцарский историк Э. Грунер считают, что Беккер в 1866—1867 гг. стоял на прудонистских позициях, по крайней мере в двух вопросах — в отношении кооперации и стачек. «Известно,— пишет Энгельберг,— что вначале Иоганн Филипп Беккер переоценил кооперативы, как средство освобождения пролетариата, и тем самым идеологически отдал дань прудонизму»[2]. Грунер также считает, что «как пионер профсоюзного движения он (Беккер.— *И. О.*) какое-то время шел по следам Прудона»[3]. Подобная оценка характерна не только в отношении Беккера, но и некоторых других деятелей рабочего движения, увлекавшихся в начале 60-х гг. кооперативным движением.

Итак, прежде всего необходимо выяснить один из главных вопросов темы — каково было отношение Беккера к кооперации, был ли он в этом вопросе прудонистом?

Вопрос о рабочей кооперации — ее значении, целях и формах — с первых же шагов деятельности Международного Товарищества Рабочих стал одним из самых злободневных. В передовых европейских странах существовали давние традиции кооперативного движения. В Англии эти традиции были связаны с именем Роберта Оуэна, о деятельности которого в начале XIX в. Энгельс писал: «Он же организовал — в качестве мероприятий для перехода к общественному строю, уже вполне коммунистическому... кооперативные общества (потребительские и производственные товарищества)»[4].

вопросы международного рабочего движения XIX века. М., 1970; И. Ф. Беккер и лассальянство.— В сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1973.

[1] *G. Trübner.* Johann Philipp Becker. Ein Leben für Freiheit. (Diss.). Berlin, 1957.

[2] *E. Engelberg.* Johann Philipp Becker in der I. Internationale. Fragen der Demokratie und des Sozialismus. Berlin, 1964, S. 59.

[3] *E. Gruner.* Die Arbeiter in der Schweiz im 19. Jahrhundert. Bern, 1968, S. 855.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 200. Маркс в первом томе «Капитала» (1867) заметил, что в настоящее время кооперативные идеи Оуэна служат «прикрытием реакционного шарлатанства», однако подчеркнул, что сам Оуэн «не разделял иллюзий своих

Во Франции различные идеи рабочей ассоциации[1] получили широкое распространение в период революции 1848—1849 годов. В частности, теория представителя католического социализма Бюше о государственном кредите для основания производственных ассоциаций рабочих послужила прообразом позднейших лассалевских положений[2]. В теориях французского вульгарного экономиста Бастиа английские общества взаимопомощи и сберегательные кассы выступали «как последнее слово системы наемного труда и как разрешение всех социальных антиномий»[3]. В 60-х гг. среди французских рабочих преобладали теории кооперации прудонистского толка (см. о них ниже). Широкое распространение производственных ассоциаций во Франции в 1848—1850 гг. сменилось в 50-х гг., вследствие правительственных преследований и финансовых неудач, их почти полным исчезновением. Из 39 ассоциаций, получивших в 1848 г. государственную субсидию, в 1863 г. осталось 3. Разрешены были лишь общества взаимопомощи. В 1863 г. в Париже насчитывалось около 35 обществ взаимного кредита. После принятия в 1864 г. закона, признавшего за рабочими право коалиций, кооперативное движение распространяется повсеместно. Регулярные сведения о нем печатаются в газете «L'Association», специально основанной для его поощрения[4].

В Германии начало практическому движению в области кооперации положил в 1847 г. Шульце-Делич. В 50-х — 60-х гг. шульце-деличевские общества разного рода — кредитные, ссудные, сырьевые, потребительские, производственные — росли как грибы. В 1859 г. их насчитывалось до 300, в 1861 г.— около 650, в 1866 г.— 1433[5]. Ассоциации Шульце-Делича практически ограничивались поддержкой мелких ремесленников, торговцев, промышленников. Они устраняли торговых посредников и ростовщиков, предохраняли от несчастных случаев, давали возможность

последователей насчет значения этих изолированных элементов преобразования» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, с. 308, 512).

[1] Ассоциация — распространенный в то время термин для обозначения всякого рода коллективного объединения рабочих, в том числе и для различных форм рабочей самопомощи и кооперации.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, с. 126.

[3] Там же, т. 46, ч. I, с. 13.

[4] *А. Тома* и *Ж. Жорес*. История Второй империи. Спб., 1908, с. 181—183, 212, 225—226.

[5] *Э. Бехер*. Рабочий вопрос в его современном значении. Петербург, 1869—1871, с. 221—223.

мелким предпринимателям накопить капитал и конкурировать с крупными промышленниками. Для фабричных рабочих, не имевших возможности делать сбережения, практической пользы эти начинания не имели. С 1863 г., наряду с шульце-деличевскими теориями рабочей ассоциации, основанной на принципе солидарности и взаимопомощи, начали распространяться и лассалевские идеи о производственных рабочих ассоциациях, создаваемых на базе государственных кредитов.

Основоположники марксизма высоко оценивали значение различных видов рабочей самопомощи и кооперации, которые, как писал Энгельс, «по крайней мере, доказали в дальнейшем на практике полную возможность обходиться как без купцов, так и без фабрикантов» [1]. Вместе с тем Маркс и Энгельс решительно выступали против тех представителей господствующего класса, которые «стали назойливыми и крикливыми апостолами кооперативного производства» [2] и против такого кооперативного движения, какое в своей «тупо-ограниченной форме претендует на то, чтобы быть *последним словом*» [3], т. е. главным путем к освобождению рабочего класса.

Уже в силу чрезвычайной популярности и разнообразия теорий и практических начинаний в области рабочего кооперативного движения того времени характеризовать всякое увлечение кооперацией как результат прудонистского влияния будет неосмотрительным. Что же касается Беккера, тесно связанного с немецким рабочим движением, подобная поспешность в выводах особенно недопустима.

С середины 1865 г. в Женевской секции шли бурные теоретические дискуссии о путях освобождения рабочего класса, о значении политической и экономической борьбы рабочих. Эти споры были тесно связаны с практическими задачами организации обществ взаимопомощи, рабочих кооперативов, профессиональных союзов и стачек. Рабочие-романцы, поддерживавшие тесные связи с парижским отделением, пропагандировали принципы, наиболее полно развитые в книге Прудона «О политической способности рабочего класса» [4], опубликованной в начале 1865 г.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 200—201, а также с. 26.
[2] Там же, т. 17, с. 346.
[3] Там же, т. 31, с. 7.
[4] *P.-J. Proudhon.* De la capacité politique des classes ouvrières. Paris, 1865. Русский перевод под ред. Н. Михайловского. *П.-Ж. Прудон.* Французская демократия. Спб., 1867.

Существо кооперативных идей Прудона, изложенных в этой работе, сводилось к так называемой теории взаимности, мютюэлизму [la mutualité]. «Что такое взаимность? — спрашивал он.— Формула справедливости... по которой все члены общества... обеспечивают друг другу услугу за услугу, кредит за кредит, залог за залог, гарантию за гарантию, стоимость за стоимость, информацию за информацию, доверие за доверие, истину за истину, свободу за свободу, собственность за собственность...» [1] Основной принцип этой формулы — свобода личности. Другие необходимые компоненты — свобода труда, кредит, конкуренция, солидарность, ответственность, справедливость [2]. Конечная цель строя «новой демократии», или общества, основанного на взаимности,— социальное равенство, «когда все являются собственниками, состояния возможно более уравнены и каждый работает» [3]. Прудон писал: «Равенство лиц — первое условие уравнения имуществ, которое произойдет только путем взаимности» [4]. Носитель этих высоких принципов — рабочий класс. Он, по мнению Прудона, «проникся идеей взаимности», и, хотя движение его «еще очень слабо... ему суждено совершенно возродить все общество» [5]. Прудон считает необходимым привлечь к строительству новой демократии «самые живые симпатии мелких буржуа, мелких промышленников, мелких торговцев» [6]. Отмечая происходящий при капитализме процесс уничтожения мелкой промышленности и упадок среднего сословия, «который влечет за собою упадок самой нации и свободы», Прудон провозглашает «солидарность интересов рабочей демократии и среднего сословия» и необходимость их союза против крупных собственников, капиталистов [7].

Прудон категорически возражает против каких-либо революционных переворотов, хотя слово «революция» многократно повторяется на страницах его труда. «Не может быть и речи о разрушении уже приобретенных позиций.., дело идет лишь о том, чтобы... положить конец всем аномалиям и беспорядкам, которые здравая критика всегда

---

[1] *P.-J. Proudhon.* Op. cit., p. 191 (русск. пер., с. 185—186).

[2] Ibid., p. 86—89, 91—92, 97—98, 125 (русск. пер., с. 77—80, 83, 89, 117).

[3] Ibid., p. 392 (русск. пер., с. 378).

[4] Ibid., p. 114 (русск. пер., с. 106). См. также с. 399 (русск. пер., с. 385).

[5] Ibid., p. 90 (русск. пер., с. 81).

[6] Ibid., p. 172 (русск. пер., с. 166).

[7] Ibid., p. 174, 225, 398, 399 (русск. пер., с. 168, 220, 384, 385).

считала хронической причиной нищеты и пролетариата» [1]. Мютюэлизм — вот то чудодейственное средство, которое исцелит общество. «К равенству прав, к свободе промышленности оставалось только прибавить всесильный толчок учреждений взаимности, чтобы без потрясений произвести экономическую революцию: дорогой буржуазии *Порядок* не был бы ни на минуту нарушен» [2]. Проблема господствующего класса, буржуазии, «роль которой кончена», разрешается также вполне полюбовно. «Оба класса должны слиться и поглотить друг друга в высшем сознании; а днем этого окончательного слияния будет тот день, когда плебс, составляя большинство, захватит власть и, вдохновленный новым правом и формулами науки, провозгласит общественную и экономическую реформу» [3]. Но при этом, не забывает добавить Прудон, рабочая демократия не должна выходить «за рамки законности» [4].

Какова же роль ассоциации в экономической структуре прудоновской новой демократии? Прежде всего, это общество мелких частных собственников, в котором сохраняются многочисленные ремесленные мастерские, индивидуальное крестьянское хозяйство и мелкая торговля [5]. При системе взаимности, когда отдельные ремесленники и торговцы связаны друг с другом взаимным страхованием, кредитом и прочими видами взаимного обеспечения, нет необходимости создавать ассоциации. «При новых условиях, в которые нас ставит система взаимности,— писал Прудон,— дело продавца нисколько не требует гарантии... большой ассоциации. Для общественного спокойствия в этом случае достаточно всеобщего преобразования нравов путем принципов. Зачем, спрашивается, исчезать экономическому индивидуализму? Зачем нам в это вмешиваться? Организуем право, и пусть лавка делает свое дело» [6].

---

[1] *P.-J. Proudhon.* Op. cit., p. 175 (русск. пер., с. 169).

[2] Ibid., p. 225 (русск. пер., с. 219). Энгельс писал о Прудоне еще в 1846 г.: «Вот чем объясняются его жалобы и выпады против революции — он таил в душе мирное средство спасения» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, с. 41).

[3] Ibid., p. 70 (русск. пер., с. 63), а также p. 87, 90 (русск. пер., с. 79, 81).

[4] Ibid., p. 233, 234, 237 (русск. пер., с. 226, 228, 231).

[5] «Французский крестьянин, французский сапожник, портной, купец кажутся ему [Прудону.— *И. О.*] чем-то испокон веков данным, чье существование надо принять» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, с. 281).

[6] *P.-J. Proudhon.* Op. cit., p. 174 (русск. пер., с. 168).

Прудон признавал допустимой ассоциацию только в отраслях крупной промышленности, там, где этого требует само производство (мануфактура, рудники, металлургия), в таких общественных предприятиях, как железные дороги, доки, кредитные учреждения [1]. Но и здесь, считает Прудон, «коллективный труд» должен быть организован так, чтобы он, по-возможности, был свободен от общественного характера и централизации. Для этого он предлагает раздробить эти предприятия на отдельные мелкие общества (например, вместо общенационального банка создать в каждой провинции свой независимый банк) [2], а отношения членов ассоциации регулировать посредством все того же принципа взаимности. Прудоновское рабочее товарищество «организуется не для получения прибыли, а с целью гарантии; взнос денег, других ценностей или собственной промышленности считается необязательным; единственное необходимое условие составляет верность взаимному обязательству» [3]. При такой системе каждый производитель, принимая определенные обязательства по отношению к другим, тем не менее полностью сохраняет «совершенную независимость действий, свободу поступков и индивидуальность операций, потому что по самой своей этимологии мютюэлизм состоит не столько в объединении сил и общности труда, сколько в обмене услуг и продуктов» [4]. По существу, мютюэлизм является отрицанием самой идеи ассоциации, т. е. коллективного труда. Это, скорее, кооперация мелких частных предпринимателей.

Прудон выступает как против капиталистических акционерных обществ, так и против коммунистических ассоциаций. Первые, основанные на паях, где доход делится между акционерами, организуются с целью «вытеснить мелкую промышленность, убить торговлю и превратить таким образом в наемных рабочих самую многочисленную и самую развитую часть буржуазии» [5]. Коммунистическая ассоциация, это «революционное орудие» и «правительственная форма», по мнению Прудона, невозможна, так как

---

[1] *P.-J. Proudhon.* Op. cit., p. 172 (русск. пер., с. 166).

[2] Ibid., p. 161 (русск. пер., с. 155). См. также: *Н. Е. Застенкер.* Идейное банкротство современного неопрудонизма. «Вопросы истории», 1968, № 9, с. 87—91. Пытаясь разрешить противоречия в своих рассуждениях об ассоциации, Прудон противопоставляет дорогостоящей централизации даровой «коллективный труд».

[3] Ibid., p. 179—180 (русск. пер., с. 174).

[4] Ibid., p. 113 (русск. пер., с. 105).

[5] Ibid., p. 167—168 (русск. пер., с. 161—162, 174).

«не признает за своими членами никакой собственности — ни денег, ни какого-либо иного имущества, ни труда, ни таланта, ни свободы» [1]. Она «обрекает человека на вечное подчинение, вечный наемный труд» [2], в такой ассоциации «рабочее население было бы дисциплинировано и окончательно порабощено высшими государственными соображениями». Ее цель, считает Прудон, при помощи государства заменить компании капиталистов союзом работников, т. е. опять-таки «вести войну против свободной промышленности и свободной торговли посредством централизации дел» [3]. Анархист Прудон не может примириться с такими особенностями коммунистической ассоциации, как уничтожение частной собственности, коллективный труд, централизация.

Идеи об ассоциации, высказанные Прудоном в 1865 г., были не новы. Они характерны и для его более ранних произведений — «Философия нищеты» (1846 г.) и «Общая идея революции в XIX веке» (1851 г.). Маркс в письме Энгельсу следующим образом излагал кооперативные идеи Прудона, сформулированные им в работе «Общая идея революции в XIX в.»: «Ассоциация — это догма, а не экономическая сила. В отличие от разделения труда, торговли, обмена и т. д., ассоциация не есть нечто органическое и производительное. Не нужно смешивать ассоциацию с коллективной силой... Ассоциация по своей природе бесплодна, даже вредна, так как она сковывает свободу работника... Лишь слабому или ленивому участнику производительная ассоциация приносит выгоду... Не нужно смеши-

---

[1] *P.-J. Proudhon.* Op. cit., p. 180 (русск. пер., с. 174—175).

[2] Ibid., p. 173 (русск. пер., с. 168). В данном месте, как и во многих других, Прудон называет коммунистическую ассоциацию также «люксембургской» общиной или системой. Это отзвук его полемики с теорией организации труда Луи Блана и попыткой практического воплощения ее в 1848 г. с помощью Люксембургской комиссии.

[3] Ibid., p. 168—169 (русск. пер., с. 162—163). В другом месте Прудон пишет: «Чаще под рабочими ассоциациями разумели могущественные и многочисленные товарищества рабочих, которым государство помогает, дает заказы и которыми оно управляет, привлекая к себе всю рабочую массу, забирая в свои руки все работы и предприятия, захватывая всю промышленность, земледелие, торговлю, общественные должности, всякую собственность; уничтожая частные заведения и предприятия; давя, поглощая всякую личную деятельность, всякое частное владение, частную жизнь, свободу, богатство, одним словом, поступая так, как теперь действуют большие анонимные компании» (p. 79—80, русск. пер., с. 71—72).

вать ассоциацию с теми новыми отношениями, которые должны будут развиваться на основе взаимности [réciprocité] между производителями и потребителями... Всякая промышленность, предприятие или заведение, которые по самой своей природе требуют комбинированного применения большого числа рабочих различных специальностей, предназначены стать очагами рабочего общества или рабочего товарищества. Но там, где продукт может получиться без совместных усилий лиц различных специальностей, действиями одного индивидуума или одной семьи, нет места для ассоциации. Итак, никаких ассоциаций в небольших мастерских, в ремесле, в сапожном производстве, в портняжном деле и т. д., в торговле и т. д. Ассоциация в *крупной промышленности*. Здесь, таким образом, *рабочие товарищества*»[1]. Энгельс в 1891 г., ссылаясь на ту же работу Прудона, охарактеризовал главное в его кооперативной теории: «Прудон, этот социалист мелких крестьян и ремесленных мастеров, прямо-таки ненавидел ассоциацию»[2].

Характерно, что, если в работе «Общая идея революции в XIX веке» Прудон прямо противопоставляет принципу ассоциации принцип взаимности, то в работе 1865 г. он стремится доказать рабочим, что взаимность — это и есть воплощение истинной идеи ассоциации, в противоположность всем прочим кооперативным системам. «Ассоциация есть не что иное, как *взаимность*, и не может быть ничем иным»,— пишет он. Прудон убедился, что кооперативные идеи пустили глубокие корни в умах французских рабочих. «Народ верит в ассоциацию, он утверждает, предчувствует и предсказывает ее... Рабочая демократия не перестает взывать к ней, как к спасению от всякого рабства и к высшей форме цивилизации»[3].

Работа Прудона «О политической способности рабочего класса» оказала огромное влияние на французских рабочих. В докладе парижских делегатов на Женевском конгрессе Интернационала («Мемуар») излагались основы мютюэлистской теории Прудона — мирный путь освобождения рабочего класса путем кооперации, основанной на принципе взаимного обмена равных услуг. «Мемуар», вслед за Прудоном, различает две формы ассоциации. Пер-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, с. 268, 271.
[2] Там же, т. 22, с. 198.
[3] *P.-J. Proudhon*. Op. cit., p. 175—176 (русск. пер., с. 169—170).

вая, за которой сохраняется название «ассоциация», подавляет индивидов, регламентирует труд и распределение продуктов, ведет к «правительственному коммунизму» — такова, по Прудону, коммунистическая ассоциация. Вторая форма, для которой «Мемуар» предлагает термин «кооперация», основывается на свободном договоре, развивает личную инициативу индивидов — это прудоновское мютюэлистское товарищество [1].

Идеи прудонизма нашли широкий отклик и среди романских рабочих Швейцарии. Орган секции в Ла-Шо-де-Фоне — газета «La Voix de l'Avenir» писала: «Они [рабочие.— *И. О.*] полагают, что наступил момент мирно, своими собственными силами решить вопрос о полном освобождении рабочего, дав ему возможность создать капитал с помощью ассоциации» [2].

Имя Прудона Беккер впервые мог услышать еще в 1848 г. в Женеве, когда швейцарские ремесленники пытались осуществить его идеи, основывая сбытовые и производственные товарищества и кассы взаимопомощи. Во время своего пятилетнего пребывания в Париже (1856—1860) Беккер определенно познакомился с его теорией [3]. Однако какого-либо заметного следа в его воззрениях она не оставила, да и не могла оставить. Революционный демократ, а позднее коммунист, Беккер вряд ли мог увлечься мелкобуржуазным реформаторством Прудона. К тому же Беккер хорошо знал работу Маркса «К критике политической экономии» (1859), где теория Прудона была в достаточной мере подвергнута критическому анализу [4]. Всем своим предыдущим духовным развитием Беккер был подготовлен к восприятию марксизма, к отдельным положениям которого он подошел в своих размышлениях как самостоятельно, так и под влиянием прочитанных к этому времени работ Маркса и Энгельса («Манифест Коммунистической партии», «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», «К критике политической экономии», «Господин Фогт», «По и Рейн», «Савойя, Ницца и Рейн»). Несомненное влияние оказал в начале 60-х гг. XIX в. на

---

[1] Congrès de Genève. Mémoire des délégués français. Bruxelles, 1866, p. 6, 19—21, 28.

[2] «La Voix de l'Avenir», 29. IV 1866.

[3] *J.-Ph. Becker.* Erlebnisse einer Nacht in Paris. «Der arme Conrad», 1877, S. 43.

[4] Беккер — Рейнлендеру, 20. III 1860 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1353, лл. 98—101.

Беккера также Лассаль, которого Беккер интерпретировал в революционном духе [1].

Что представляли собой взгляды Беккера на кооперацию и каково его отношение к теории взаимности Прудона?

О рабочих ассоциациях Беккер впервые упоминает в 1862 г. в своей книге «Как и когда?». Он рассматривает их как средства, бессильные радикально изменить положение рабочих; считает их весьма недолговечными организациями, к тому же склонными превращаться в общества, так же эксплуатирующие рабочих, как и частнокапиталистические предприятия [2].

Через год, в 1863 г., Беккер, познакомившись со взглядами Лассаля, в работе «Открытое письмо» трактует вопрос о рабочих ассоциациях в тесной связи с двумя другими лассалевскими положениями — о железном законе заработной платы и свободном народном государстве. «Прежде всего, мы должны принять во внимание,— пишет он,— признанный всеми людьми науки и названный Лассалем «железным» закон, согласно которому пока существует предложение труда и спрос на него, заработная плата всегда сводится к содержанию, необходимому для поддержания жизни и продолжения рода и определяемому обычаями народа» [3]. По Лассалю, заработная плата не может надолго подняться выше минимального уровня. Улучшение положения рабочих повлечет за собой рост числа браков и увеличение числа рабочих рук, следовательно, их удешевление. Падение заработной платы ниже минимального уровня приведет к нищете, уменьшению числа рабочих рук и, следовательно, повышению заработной платы. Единственный способ устранить этот закон, по мнению Лассаля, заключается в том, чтобы сделать рабочих своими собственными предпринимателями, организовав с помощью государственных кредитов рабочие ассоциации. Тем самым будет уничтожено различие между заработной платой и прибылью, и вознаграждением труда станет про-

---

[1] См. *R. Dlubek*. Johann-Philipp Becker. Vom radikalen Demokraten zum Mitstreiter von Marx und Engels in der I. Internationale. Berlin, 1964 (Diss.), S. 287—304, а также нашу работу «И. Ф. Беккер и лассальянство».— В сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1973, с. 221—271. Грунер замечает, что Беккер лучше знал учение Маркса и взгляды Лассаля, нежели теории Прудона (*Gruner*. Op. cit., S. 856).

[2] *J.-Ph. Becker*. Wie und wann? S. 75.

[3] *J.-Ph. Becker*. Offener Brief, S. 27—28.

дукт труда[1]. Беккер разделяет эти положения Лассаля, подчеркивая, однако, что кредиты предоставит будущее народное государство. «И когда вам удалось... совершить государственное преобразование,— обращается он к рабочим в «Открытом письме»,— тогда вы сможете у *себя самих*, т. е. у вашего коллективного существования [Kollektivdasein] — государства — потребовать необходимых кредитов, чтобы увеличить продукцию, уравнять и повысить народное благосостояние»[2].

Относительно пользы рабочих ассоциаций, организованных по принципу самопомощи, т. е. шульце-деличевского типа, Беккер высказывается весьма скептически. Для него ясно, что сам Шульце-Делич — буржуа и защищает дело буржуазии. Беккер отмечает, что потребительские товарищества и кредитные учреждения, созданные им, сослужили хорошую службу мелкой буржуазии, облегчив жизнь многим семьям. Однако они никак не воспрепятствовали, а скорее даже способствовали объективному процессу поглощения ремесла крупной промышленностью. Концентрация капитала, применение машин, по мнению Беккера, не только делают невозможным превращение подмастерьев в мастеров, но и самих мастеров отбрасывают в ряды наемных рабочих. Таким образом, ускоряется общественное развитие, усиливается классовое разделение общества и приближается катастрофа, которая изменит общественное устройство. Но если ремесленники еще могут найти средства для совместного предприятия, то самопомощь рабочих, не имеющих никаких сбережений, превращается в карикатуру; «где нет ничего, сам кайзер теряет права», никакие товарищества неспособны изменить положение рабочего[3].

Таким образом, лассалевское влияние на позицию Беккера в отношении кооперации в 1863 г. очевидно. Однако, уповая на организацию кооперативов с помощью государства в будущем, он не питает особых надежд в отношении этой формы рабочей самодеятельности в настоящем.

Следующее произведение Беккера, в котором он затрагивает вопрос о кооперации, появляется уже после основания Интернационала. В шести номерах «Social-Demokrat», органа Всеобщего германского рабочего союза, в фев-

---

[1] *F. Lassalle.* Nachgelassene Briefe und Schriften, Bd. VI, S. 347—348, 355 (*Лассаль.* Соч., т. 3, с. 67—72, 88 и сл., 105 и сл.).

[2] *J.-Ph. Becker.* Offener Brief, S. 11—12, см. также S. 27—33.

[3] Ibid., S. 12—14.

рале — марте 1865 г. публикуется серия статей Беккера «О рабочем вопросе»[1]. В ней дается анализ экономического и социального положения при капитализме трех классов — промышленных рабочих, ремесленников и «среднего сословия», т. е. мелкой буржуазии. Движение современного производства ведет к развитию крупной промышленности и разделению труда. Беккер рассматривает этот процесс как неизбежный и прогрессивный, так как он приводит к изобилию предметов потребления. Благодаря невиданному росту богатства, а вместе с тем и нищеты, возникают резкие классовые противоречия. Сила среднего сословия в буржуазном обществе сломлена. Единой политической демократии больше не существует, так как революционная роль мелкой буржуазии уже сыграна. Ремесленник, в силу свойственного ему образа жизни (подмастерье зачастую живет в доме мастера и мечтает занять его место), стоит иногда ближе к буржуа, чем к фабричному рабочему, и пропитан представлениями среднего сословия. Выбиться в люди удается немногим. Основная масса ремесленников либо обречена на отупляющий рабский труд, чтобы выжить в конкурентной борьбе, либо, учитывая прогрессирующий в буржуазном обществе процесс поглощения мелких мастерских крупной промышленностью, ее ждет переход в ряды пролетариата. Фабричный рабочий, хотя и обречен на роль придатка машины, но благодаря участию в сложном процессе современного крупного машинного производства более развит, глубже понимает свое положение, способен к исторической инициативе. Его задача — привлечь к борьбе ремесленников, сельскохозяйственных поденщиков, пролетариев умственного труда. Выразительницей его взглядов является социал-демократия, которая должна создать самостоятельную рабочую партию.

Если сравнить эти высказывания Беккера с прудонистским взглядом на те же проблемы, станет очевидной их полная противоположность. Прудон стремится сохранить мелкую промышленность и среднее сословие. Беккер выступает поборником развития крупной промышленности, а спасение ремесленника видит лишь в его совместной борьбе с рабочим классом.

Что касается кооперации, то в статьях «О рабочем вопросе» Беккер вновь развивает лассалевские положения о доли рабочих в продукте труда в будущем народном госу-

---

[1] «Social-Demokrat», № 27, 28, 30—32, 34; 26. II, 1, 5, 8, 10, 15. III 1865.

дарстве. Он разъясняет ремесленникам необходимость совместной борьбы с рабочими и предостерегает их от веры в безграничные возможности «самопомощи» и рабочих товариществ, т. е. по-прежнему выступает в духе Лассаля против шульце-деличевского крохоборства. Однако подобное отношение к рабочим товариществам высказывается Беккером в двух первых статьях серии. В последней Беккер возвращается к этому вопросу в несколько неожиданном плане. Он обещает в дальнейшем поговорить о том, насколько надежды на товарищества оправданы, а в какой степени иллюзорны. Если учесть, что именно в начале марта Беккер внимательно просмотрел все вышедшие номера «Social-Demokrat», в том числе и № 3, в котором была опубликована заключительная часть «Учредительного Манифеста Международного Товарищества Рабочих», становится понятным этот крутой поворот от чисто лассалевского взгляда на кооперацию.

В «Учредительном Манифесте» Маркс рассматривает кооперативное движение как великий социальный опыт, значение которого не может быть переоценено. «Не на словах, а на деле рабочие доказали, что производство в крупных размерах и ведущееся в соответствии с требованиями современной науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наемных рабочих; они доказали, что... наемный труд — лишь преходящая и низшая форма, которая должна уступить место ассоциированному труду, выполняемому добровольно, с готовностью и воодушевлением». «Манифест» напоминает, что семена кооперативной системы были посеяны Робертом Оуэном. Опыты, произведенные рабочими на континенте, представляли собой практический вывод из теорий не изобретенных, а провозглашенных во всеуслышание в 1848 году. В то же время, продолжает Маркс, опыт 1848—1864 гг. доказал, что «как бы кооперативный труд ни был превосходен в принципе и полезен на практике, он никогда не будет в состоянии ни задержать происходящего в геометрической прогрессии роста монополии, ни освободить массы, ни даже заметно облегчить бремя их нищеты, пока он не выходит за узкий круг случайных усилий отдельных рабочих... Чтобы освободить трудящиеся массы, кооперативный труд должен развиваться в общенациональном масштабе и, следовательно, на общенациональные средства». И далее следует главный вывод: «Завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью

рабочего класса», а первоочередной практической мерой — «политическая реорганизация рабочей партии» [1]. «Учредительный Манифест» связал в единую цепь экономические и политические задачи рабочего движения. Кооперативные товарищества оказались необходимым звеном в этой цепи. Обладающая важными функциями, но ограниченной сферой действия в настоящем, в будущем кооперация будет иметь всеобъемлющее значение.

Свое обещание рассмотреть двоякое значение рабочих товариществ Беккер выполнил в «Манифесте социал-демократической партии» (6 июля 1865 г.). В этой работе Беккер не отказывается от лассалевского противопоставления товариществ, созданных рабочими на свои средства («самопомощь») и ассоциаций, основанных на государственных кредитах. Он подчеркивает, что первые создаются за счет здоровья и самой жизни рабочих, вторые же — с помощью свободного народного государства. Однако проблема «самопомощи» получает новый аспект. За организациями рабочей кооперации, созданными на средства самих рабочих, признается несомненное право на существование. Как бы расшифровывая строки «Учредительного Манифеста» о кооперативных системах от Оуэна до опытов, пытавшихся осуществить идеи 1848 г., Беккер перечисляет все известные ему виды рабочей самопомощи как английского, так и континентального происхождения: «народные банки», общества взаимного кредита и взаимопомощи, больничные кассы, потребительские, сырьевые и производственные кооперативы. Каково же назначение всех этих видов рабочих ассоциаций? Прежде всего, констатирует Беккер, с их помощью «социальный вопрос никогда не может быть разрешен», «вряд ли может быть облегчено угнетенное положение наемных рабочих, а положение мелких мастеров может быть облегчено лишь временно» [2]. Это заключение прямо перекликается с выводом «Учредительного Манифеста» Маркса о том, что кооперативный труд никогда не будет в состоянии ни освободить массы, ни даже заметно облегчить бремя их нищеты. Тем не менее, продолжает Беккер, эти учреждения имеют значение. Во-первых, «они своей деятельностью самым быстрым и основательным способом помогают изжить связанные с ними ошибочные представления об освобождении», на деле показывают рабочим, насколько они недостаточны

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, с. 9—10.
[2] «Nordstern», № 327, 13. I 1866.

и «что нужно действовать с помощью совсем других средств». Во-вторых, «они пробуждают и поддерживают среди рабочих интерес к совместной деятельности», «стремление к единству», «выявляют и развивают организационные и управленческие таланты рабочих». Рабочий класс должен уметь управлять общественными делами. В кооперативных организациях рабочие смогут подготовить своих ораторов, учителей, организаторов, законодателей, судей, создав, таким образом, контуры нового государственного механизма, которому в будущем останется лишь придать форму свободного народного государства [1]. Это, несомненно, интерпретация того места «Учредительного Манифеста», где Маркс говорит о способности рабочих вести производство самостоятельно. В свободном народном государстве, продолжает Беккер, осуществится «рациональное разрешение вопроса о собственности», будут уничтожены классовые противоречия и классовое господство, а система кооперативного труда позволит заменить заработную плату продуктом труда [2]. Не говоря уже о том, что в этом тезисе марксистские положения сочетались с лассальянскими, он оставлял в стороне главный вопрос — каков тот рычаг, который произведет переворот в обществе и позволит превратить кооперацию из жалкого подсобного средства в мощную преобразующую силу. Между тем в «Учредительном Манифесте» Маркса прямо указывалось, что для развития коллективного труда в общенациональном масштабе необходимо завоевание политической власти рабочим классом.

Дополнительным толчком для осознания Беккером этого важнейшего теоретического положения марксизма послужил «Манифест Коммунистической партии». В июле 1865 г. Беккер перечитывает его, перед тем как отправить экземпляр в Германию [3]. Поэтому тот кардинальной важности вывод, к которому он приходит в своей следующей работе — «Докладной записке немецкого отделения Международного Товарищества Рабочих», написанной в сентябре 1865 г., вполне закономерен.

---

[1] «Nordstern», № 327, 13. I 1866.

[2] Там же. Заметим, что в Эйзенахской программе 1869 г. Социал-демократическая партия Германии провозгласила своей целью создание свободного народного государства и замену системы наемного труда кооперативным трудом, с тем чтобы каждый рабочий получал продукт своего труда. (См. *А. Бебель.* Из моей жизни, с. 301).

[3] Дюльтген — Беккеру, 17. VII 1865. ЦПА ИМЛ, ф. 185, д. 60/5.

Вопрос о кооперации был включен в повестку дня первого же публичного форума Интернационала — Лондонской конференции, состоявшейся в сентябре 1865 года. Обсудить его на конференции как один из пунктов программы будущего конгресса Товарищества предложили французы [1]. Аналогичное предложение выдвинули рабочие Золингена в мандате, в котором поручали Беккеру быть их представителем на конференции [2]. В обоих документах вопрос формулировался одинаково: «ассоциация, ее принцип и применение». В программе конференции, выработанной Генеральным Советом, этот вопрос был включен в пункт 5 в краткой формулировке: «кооперативный труд» [3]. В «Докладной записке» Беккер взял за основу французский проект программы будущего конгресса и подробно изложил свой взгляд по всем выдвинутым пунктам, в том числе и по вопросу о кооперации. В пункте 6 Беккер говорит об ассоциации в самом общем плане, как о принципе, на котором покоится вся общественная жизнь. Что касается конкретных проблем рабочей кооперации, то он рассматривает их в двух планах — при современных условиях и в будущем обществе. При существующем буржуазном строе кооперативные учреждения полезны и необходимы. Они облегчают участь рабочих, пробуждают сознание общности их интересов, развивают у рабочих навыки в области управления общественными делами [4]. Это, несомненно, идеи Маркса, изложенные в «Учредительном Манифесте». Но сможет ли это кооперативное движение стать той силой, которая освободит рабочий класс? — ставит вопрос Беккер. Среди рабочих, пишет он, распространена вера в «волшебный рецепт» кооперативных товариществ, которые превратят рабочего в капиталиста и ликвидируют антагонизм труда и капитала. Беккер, очевидно, имеет в виду как шульце-деличевские теории, так и прудонистские утопии об ассоциациях мелких производителей. «Это заблуждение,— продолжает он,— может стать для рабочего класса более опасным, чем все насильственные меры его противников». Прибегая к помощи кооперации, рабочий класс должен ясно сознавать, что *«при современном экономическом и политическом строе — власти капитала — для его спасения возможны и необходимы не реформы, а*

[1] Генеральный Совет. 1864—1866, с. 294.
[2] Там же, с. 297.
[3] Там же, с. 72, вклейка между с. 76 и 77, с. 232.
[4] «Vorbote», 1866, № 2, S. 28; № 6, S. 88—89.

полный переворот, хотя бы и постепенно происходящий». «Кооперативные стремления» должны быть дополнены «революционными». Переворот в социальной области неразрывно связан с политическим переустройством. Капитал должен принадлежать государству, а государство — труду. *«Поэтому,* — заключает Беккер, — *рабочий класс — социал-демократическая партия — должен прежде всего завоевать политическую власть»* [1]. Таким образом, предпосылкой успешного распространения кооперативного труда как формы организации производства в будущем является полный переворот в социальных и политических условиях существования рабочего класса, а это не что иное, как пролетарская революция. Цель переворота — завоевание рабочим классом политической власти. Провозглашение Беккером этих основных выводов теории научного коммунизма в сентябре 1865 г. означало, что решающий шаг в направлении марксизма был сделан. Признание главного пункта марксистского учения о классах и классовой борьбе поставило Беккера в ряды сторонников теории научного коммунизма. Кооперативные идеи Беккера, таким образом, приобрели прочный марксистский фундамент. В качестве исходного пункта они предусматривали революцию и захват власти рабочим классом. В будущем обществе *кооперативный, коллективный труд* уничтожит частную собственность, заменит собой частное предпринимательство и тем самым новая общественная форма выступит на место старой [2].

Признание Беккером основных положений научного коммунизма по вопросу о классах и классовой борьбе не

---

[1] «Vorbote», 1866, № 6, S. 87—88. Интересно сравнить эти высказывания Беккера с Марксовой «Инструкцией делегатам Временного Центрального Совета», с которой Беккер познакомится ровно через год в сентябре 1866 г. на Женевском конгрессе: «Кооперативная система никогда не сможет преобразовать капиталистическое общество. Для того, чтобы превратить общественное производство в единую, обширную и гармоническую систему свободного кооперативного труда, необходимы *общие социальные изменения, изменения основ общественного строя,* которые могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, то есть государственной власти, от капиталистов и землевладельцев к самим производителям». (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, с. 199.)

[2] «Vorbote», 1866, S. 20, 31. В работе В. А. Смирновой отмечается, что в Интернационале к моменту Женевского конгресса ближе всех к правильному пониманию вопроса о кооперации подошли И. Ф. Беккер и С. Де Пап. (Сб. Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века. М., 1970, с. 125.)

означало еще полного овладения им учением Маркса. Марксистские рассуждения Беккер по-прежнему дополняет положениями лассалевской доктрины. Труд (или рабочая сила), заняв место капитала, станет своим собственным предпринимателем и в качестве вознаграждения получит не заработную плату, а продукт труда. Политической формой пролетарской власти выступит свободное народное государство или социал-демократическая республика [1].

На Лондонской конференции Беккер выступал в том же духе. В кратком отчете в «Workman's Advocate» сообщается, что швейцарцы в области социальных вопросов высказываются за «кооперативный труд, как форму труда, способную принести много пользы рабочим. Они возражают против частной собственности на землю» [2]. О речи Беккера на торжественном заседании, посвященном годовщине основания Товарищества и завершившем работу Лондонской конференции, в отчете сказано: «Освобождение он понимает не как крохоборческие реформы, а как полное освобождение от всех видов социального, политического и религиозного гнета. Освобождение рабочего класса решит спор между трудом и капиталом. Оно означает, что обладатели рабочей силы должны быть также владельцами капитала — не в качестве отдельных лиц, а в качестве кооперативных организаций, работающих на себя» [3].

Таковы взгляды Беккера на кооперацию, сложившиеся у него к началу 1866 года. Как же воспринял Беккер распространявшуюся в 1866—1867 гг. среди французских и швейцарских рабочих-романцев прудонистскую теорию? Грунер утверждает, что «аксиомы Беккера неожиданно явились в новом свете», а именно в прудонистском [4]. Свою точку зрения он подтверждает ссылками на «Vorbote», центральный орган группы секций немецкого языка, который Беккер начал издавать в 1866 году. Посмотрим, что представляют собой эти высказывания Беккера, действительно ли они являются новой вехой в его духовной эволюции?

В отчете о Женевском конгрессе Беккер называет себя в числе тех ораторов, которые считают, что улучшить положение рабочего класса можно, «только заменив заработную плату продуктом труда, а пока, пожалуй, наиболее

---

[1] «Vorbote», 1866, S. 31, 45, 58, 60, 88, 89.
[2] Генеральный Совет. 1864—1866, с. 316.
[3] Там же, с. 322.
[4] *E. Gruner*. Op. cit., S. 856.

успешно путем основания производственных товариществ на основе взаимности и взаимных обязательств»[1]. Ссылаясь на это место, Грунер утверждает, во-первых, что Беккер «чисто прудонистски интерпретирует тогдашний главный принцип Интернационала — замену заработной платы продуктом труда», во-вторых, что классовая борьба у него отходит на второй план[2]. Оставим на совести Грунера открытие «главного принципа Интернационала», но нельзя отрицать широкого распространения теории замены заработной платы продуктом труда среди рабочих многих стран — французских прудонистов, немецких лассальянцев, а задолго до них — среди ранних английских социалистов и коммунистов. Все социалисты, исповедовавшие эту догму, опирались на трудовую теорию стоимости Рикардо, который наиболее последовательно сформулировал и развил определение меновой стоимости рабочим временем. Приняв это теоретическое положение за неоспоримое, социалисты, по словам Маркса, рассуждали далее следующим образом: «Если меновая стоимость продукта равна содержащемуся в нем рабочему времени, то меновая стоимость рабочего дня равна его продукту. Другими словами, заработная плата должна быть равна продукту труда»[3]. Возможность освобождения работника от капиталистической эксплуатации казалась теоретически обоснованной. Далее предлагались уже чисто практические рецепты. Стоит рабочему превратиться в своего собственного предпринимателя путем организации крупных производственных ассоциаций с государственной помощью, как вместо жалкой доли произведенного им продукта в виде заработной платы он получит весь продукт труда (лассалевский рецепт)[4]. Стоит всем работникам стать собственниками своих средств производства, либо в качестве индивидуальных производителей, либо в виде небольших кооперативных товариществ, как вместо заработной платы они также получат в свое распоряжение продукт труда. Организовав безденежный обмен произведенными продуктами по принципу взаимности, т. е. обмен равных количеств труда, они преобразуют общество (прудоновский рецепт)[5].

---

[1] «Vorbote», 1866, S. 146.

[2] *E. Gruner*. Op. cit., S. 856.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, с. 47, 48.

[4] Критику его см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 9—32.

[5] Маркс, по его выражению, нашел «ключ ко всем прошлым, настоящим и будущим сочинениям г-на Прудона» в произведениях

Беккер, как противник частной собственности и поборник крупного машинного производства и коллективного труда, исходил из лассалевского варианта теории замены заработной платы продуктом труда. Эту идею Беккер неизменно популяризировал в своих работах, предназначавшихся специально для немецкого читателя,— «О рабочем вопросе», «Манифесте социал-демократической партии». О специфически лассалевском происхождении этого понятия у Беккера свидетельствует также и единство терминологии — «Arbeitsertrag» [1].

Выше достаточно подробно говорилось, что замена заработной платы продуктом труда является у Беккера синонимом нового экономического и политического порядка. В разбираемой фразе Беккера также явно речь идет о двух этапах движения — будущем, когда произойдет эта замена, и настоящем, когда рабочие могут довольствоваться организацией производственных товариществ. Такая постановка вопроса вовсе не означает отказ от классовой борьбы и отнюдь не адекватна прудонистскому постепенному мирному процессу освобождения рабочего класса путем развития рабочей кооперации в недрах капиталистического общества [2]. По существу, в этом высказывании прудонистской является лишь специфическая терминология («взаимность»).

В программной статье «Vorbote» в первом номере за 1866 г. Беккер заявляет, что с помощью рабочей кооперации «старый порядок будет перевернут вверх дном», «что будут созданы новые общественные формы», а в передовице второго номера добавляет, что социал-демократическая партия стремится «устранить классовые противоре-

---

английского социалиста Брея, который развивал те же идеи: всеобщая обязательность труда, равенство обмена, а следовательно, исчезновение прибылей и процента, необходимость лишь самой простой формы кооперации и т. д. Но в отличие от Прудона Брей — коммунист, и предлагаемые меры он считал пригодными лишь для строя, переходного от современного общества к будущему, основанному на общности имуществ. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, с. 102—106.)

[1] Когда речь идет о прудоновском обмене продуктами труда, Беккер употребляет термин «Arbeitsprodukte». («Vorbote», 1866, № 11, S. 164; 1868, № 10, S. 146.)

[2] Прудонистский смысл, приданный этому высказыванию Беккера в статье В. А. Смирновой, произошел вследствие неточного перевода. (Сб. Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века. М., 1970, с. 117.)

чия с помощью кооперативного производства»[1]. Грунер излагает эти мысли Беккера также для иллюстрации его якобы нового прудонистского символа веры[2]. На самом деле в этих высказываниях нет ничего ни нового, ни прудонистского. Это вариации все тех же идей Беккера об экономическом освобождении рабочего класса, которое произойдет «только после завершения его политической эмансипации», о форме будущего «социального общества», базой которого станет «кооперативный — коллективный труд»[3]. Причем в той же статье «Чего мы хотим и что мы должны» в первом номере журнала Беккер специально подчеркивает: «Мы будем всеми способами поощрять рабочую кооперацию всякого рода, не переставая в то же время подвергать жестокой критике тех ее деятелей, которые провозглашают ее единственным истинным средством достижения освободительных культурных целей рабочего движения»[4]. Напомним, что еще раньше в «Докладной записке» Беккер предостерегал рабочих от веры в «волшебный рецепт» кооперации.

Таким образом, существо взглядов Беккера на кооперацию в рассматриваемый период не изменилось. Тем не менее близкое знакомство с доктриной Прудона и ее модификациями в документах и практике парижского отделения наложило характерный отпечаток на устные и печатные выступления Беккера. На страницах «Vorbote» появляются популярные прудонистские термины «взаимность», «взаимное обязательство»[5], «прямой обмен продуктов». Однако смысл, который Беккер вкладывает в эти понятия, совершенно иной, чем у Прудона. Так Беккер упомянул на Женевском конгрессе прудонистский прямой обмен продуктами труда между кооперативными организациями. Однако он рассматривает этот обмен всего лишь как средство устранения спекуляции и паразитического посредничества в отношении рабочих товариществ, отнюдь не намереваясь таким способом разрешить противоречия капита-

---

[1] «Vorbote», 1866, S. 2—3, 21.

[2] *E. Gruner*. Op. cit., S. 856. Для большей убедительности Грунер последнее высказывание излагает следующим образом: «Только кооперация *в духе Прудона* (курсив наш — *И. О.*) может устранить классовые противоречия», хотя имя Прудона в беккеровской статье вообще не упоминается.

[3] «Vorbote», 1866, S. 20.

[4] Ibid., S. 2.

[5] «Vorbote», 1866, S. 28, 89, 146.

листического способа производства[1]. Интересно, что, обсуждая эту идею с Юнгом накануне конгресса, Беккер не употребляет термина «прямой обмен продуктами». Он пишет Юнгу: «По нашему мнению, необходимо поставить на повестку дня и упомянуть в программе вопрос о том, как можно было бы установить деловые связи между всеми потребительскими, производственными, кредитными и прочими учреждениями рабочих в целях достижения полной взаимности (mutualité) для устранения пожирающего плоды труда посредничества в торговле»[2]. Юнг разъяснил, что этот вопрос входит в пункт программы о кооперативных обществах, который имеет очень широкий аспект; общества потребительские, взаимопомощи, кредита, свободной торговли, торговых договоров — все они могут стать предметом дискуссии при обсуждении этого параграфа[3].

В воззвании о Лозаннском конгрессе, написанном Беккером от имени ЦК секций немецкого языка, в частности, говорилось, что Товарищество стремится избавить труд от господства капитала, заменив заработную плату продуктом труда с помощью кооперативных товариществ, путем взаимности и взаимных обязательств. Далее разъяснялось, что эта замена «есть уничтожение всех сословных различий и классовых противоречий»[4]. Взятое само по себе, это высказывание вполне может быть истолковано прудонистски. Но если сопоставить его с тем, что говорил Беккер во время дискуссии на конгрессе о кооперации и кредите, оно полностью теряет свой кажущийся прудонистский оттенок. Успехи кооперативного движения Беккер поставил в прямую зависимость от революционного переворота: «Тесное сотрудничество рабочего класса на континенте,— сказал он,— основанное на принципе общности, тем более необходимо, что при существующем здесь военном деспотизме, политическое и социальное преобразование не сможет произойти без насильственной катастрофы»[5]. На Лозаннском конгрессе Беккер целиком присоединился к позиции делегата Генерального Совета Экка-

[1] «Vorbote», 1866, S. 164—165.

[2] Беккер — Юнгу, 29. III 1866. ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 348/4.

[3] Юнг — Беккеру, [18. IV 1866]. ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 76/9. Многие из прудонистских терминов стали уже в то время ходячими выражениями. См. остроумное замечание Маркса об «обмене взаимными услугами» в его письме Ладлоу в 1869 г. (Соч., т. 32, с. 499).

[4] «Vorbote», 1867, S. 97.

[5] Ibid., S. 188.

риуса, наиболее последовательно защищавшего линию Маркса. Эккариус подчеркивал, что развитие современной промышленности неизбежно ведет к кооперированию труда, и призывал рабочих вкладывать накопленные средства не в частные банки, а в производственные кооперативы. Он заявил, что «правительства предоставят кредит в национальном масштабе только тогда, когда пролетариат станет хозяином» [1]. Беккер также подчеркнул, что полное решение вопроса о кредите возможно только в «социал-демократической республике» [2]. О случайном, поверхностном характере терминологических заимствований Беккера из лексикона Прудона говорит тот факт, что популярное словечко «взаимность» Беккер употребляет как синоним равенства и справедливости в одном ряду со «свободой» и «равноправием» даже после открытого и публичного размежевания с прудонистами на Брюссельском конгрессе [3].

Несомненно, что при рассмотрении роли прудонизма в идейном развитии Беккера исследователя может ввести в заблуждение близость некоторых прудонистских догм лассальянским (например, теория замены заработной платы продуктом труда), еще сохранявшимся в системе взглядов Беккера. Необходимо также принять во внимание и особенности Беккера как организатора, практического работника, всегда стремившегося объединить и примирить, по возможности, всех. Чтобы быть услышанным рабочими-прудонистами, он готов был говорить с ними на «их языке» [4]. Энгельс в одном из писем Бебелю в 1891 г. заметил, что «даже в документах Интернационала приходилось кое-где говорить на языке тех людей, к которым обращались» [5].

Однако на принципиальные уступки Беккер не шел никогда. Уже в «Докладной записке» он выступает решительным противником анархистского принципа федерации, коренного положения прудоновской теории в политической сфере. Прудон отвергал всякую форму государственной централизации — как монархию, так и республику.

[1] «Vorbote», 1867, S. 187—188; 1868, S. 20, 21.

[2] Ibid., 1868, S. 23.

[3] Ibid., 1869, S. 42.

[4] Меринг был прав, когда советовал читать отчеты о Женевском конгрессе в «Vorbote» «с некоторой критикой», поскольку они не соответствовали действительному отношению Беккера к прудонизму (*Ф. Меринг.* Карл Маркс. М., 1957, с. 376).

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, с. 76.

Согласно его теории, каждая часть государственного организма — будь то племя, область, округ, город, община, рабочая ассоциация — является совершенно самостоятельной, пользуется полным политическим самоуправлением. Единство обеспечивается лишь путем взаимного соглашения, договора об определенных общих действиях. Верховный орган федерации не имеет почти никаких административных и судебных прав, распоряжается ничтожным бюджетом[1]. Прудон формулировал сущность теории федерации, как «такой порядок вещей, в котором возможно было бы самое широкое применение принципа суверенитета народа, человека и гражданина; порядок, в котором каждый член государства, сохраняя свою независимость и полную свободу действий, управлялся бы сам собой, между тем как высшая власть занималась бы только общими делами; следовательно, такой порядок, в котором были бы общие дела, но не было централизации. При таком строе каждая из частей государства, признанная суверенной, имеет право по своему усмотрению выйти из союза»[2].

Беккер представляет себе политическое устройство будущего общества как «свободное народное государство» в форме социал-демократической республики. Он пишет, что общество после переворота будет состоять не из областей и провинций, как федеральных членов государственного организма, а из системы производственных объединений, которые в сочетании с государственной централизацией обеспечат политическое и экономическое единство общества[3]. Здесь Беккер прямо полемизирует с прудонистами.

Это выступление Беккера было не первым симптомом последующей открытой атаки на прудонистскую теорию. В октябре — декабре 1865 и в начале 1866 г. Беккер имел серьезное столкновение с прудонистами в Женевской секции в связи с проектом основания первого общества рабочей взаимопомощи под эгидой Интернационала. Здесь ему

---

[1] *P.-J. Proudhon.* De la capacité politique.., p. 182—183, 349 (русск. пер., с. 177, 339—341).

[2] Ibid., p. 195—196 (русск. пер., с. 190). Маркс, критикуя федералистские взгляды французов — членов Генерального Совета, назвал их в письме Энгельсу от 20 июня 1866 г. «прудонистским штирнерианством»: «Разложить все на мелкие «группы» или «коммуны», которые затем образуют «союз», но не государство...». «Происходит... «индивидуализация» человечества и развивается соответствующий «мютюэлизм»...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, с. 193).

[3] «Vorbote», 1866, S. 89.

пришлось теоретически и практически защищать марксистские принципы рабочей кооперации против прудонистских концепций.

Опираясь на пункт 9 Устава Международного Товарищества Рабочих[1], женевские делегаты на Лондонской конференции в сентябре 1865 г. внесли предложение основывать при секциях больничные кассы взаимопомощи, чтобы каждый член Товарищества, куда бы он ни переехал, мог рассчитывать на помощь в случае болезни. Швейцарцы предложили также поддерживать морально и материально сирот членов Товарищества. Предложение было единогласно одобрено конференцией, а Женевская секция уполномочена первой практически осуществить свое предложение[2]. При подготовке повестки дня Женевского конгресса этот пункт был обсужден в Генеральном Совете и включен Марксом в «Инструкцию делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам»[3].

Вопрос о создании общества взаимопомощи обсуждался Комитетом Немецкой секции на заседании 25 октября 1865 года[4]. Из двух предложенных видов подобных учреждений — больничной кассы и потребительского общества — Комитет, по настоянию Беккера, выбрал больничную кассу. Для выработки устава кассы в соответствии с принципами Международного Товарищества была создана инициативная комиссия. Вопрос о потребительском обществе было решено обсудить совместно с Французской секцией, которая предложила начать именно с него.

---

[1] Этот пункт гласил: «Каждый член Международного Товарищества, переезжающий на жительство из одной страны в другую, получит братскую поддержку со стороны объединенных в Товариществе рабочих». (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, с. 14—15.)

[2] «Vorbote», 1866, S. 123; Reglement der Krankenunterstützungskasse der Internationalen Arbeiter-Association. Deutsche Abtheilung in Genf. 1866, S. 1; Генеральный Совет Первого Интернационала. Протоколы. 1864—1866. М., 1961, с. 178; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, с. 409, 412.

[3] Генеральный совет... 1864—1866. М., 1961, с. 155, 156. В тексте «Инструкции» говорилось: «Призывая членов Товарищества создавать общества взаимопомощи и устанавливать между ними интернациональную связь, мы в то же время оставляем инициативу в этом вопросе (образование обществ взаимопомощи; моральная и материальная помощь сиротам членов Товарищества) швейцарцам, которые выдвинули это предложение на конференции в сентябре прошлого года». (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, с. 194.)

[4] Протокольная книга Немецкой секции. Заседание Комитета 25. X 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341.

Проект потребительского общества, представленный Французской секцией, состоял из 60 с лишним параграфов. Он был составлен парижскими прудонистами и опубликован в Бельгии. Проект предусматривал организацию общества на акционерных началах и полную его независимость от Интернационала. Он отстаивал максимальную свободу членов кооператива от всяких экономических и политических ограничений, сохранение частной собственности и индивидуальной свободы акционеров. Проект отличался большей последовательностью в проведении прудонистских принципов, чем это предусматривалось даже в теории основателя учения. Как было показано выше, Прудон был против акционерных обществ, поскольку они ведут к концентрации богатств.

Беккер выступил с принципиальными возражениями против французского проекта. Он подверг критике саму идею потребительских обществ, так как они не улучшают сколько-нибудь положения рабочих. Но особенно категорически выступил он против организации обществ на акционерных началах. Подобные учреждения носят буржуазный характер, подчеркивал Беккер, поскольку не устраняют частный капитал, а открывают ему двери. Они допускают применение наемного труда, т. е. ведут к эксплуатации рабочих рабочими, создают аристократию среди рабочих. Наконец, свободная продажа акций исключает какой-либо действенный контроль над обществом со стороны Международного Товарищества, делая его в то же время морально ответственным за действия общества даже в случае спекуляции [1]. Беккер как бы предвосхитил рекомендацию Марксовой «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета» избегать «вырождения кооперативных обществ в обыкновенные буржуазные акционерные общества» [2]. Беккер решительно отказался как голосовать за этот проект, так и участвовать в его переработке. Единственная поправка, которую он внес,— о признании Международного Товарищества собственником потребительского общества — была отвергнута французскими членами [3].

Исчерпав в споре с прудонистами теоретические аргументы, Беккер обратился к здравому смыслу рабочих. Он

---

[1] Протокольная книга Немецкой секции, заседания Комитета 1 и 8. XI; ЦК 3. XI, 1 и 8. XII 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, с. 199.

[3] Протокольная книга, заседания ЦК 3. XI и 8. XII 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341.

доказывал им, что у секций не хватит сил и средств для основания и поддержки потребительского общества, что на первых порах, чтобы скопить необходимую сумму, лучше начать со сберегательной кассы. На заседании Комитета Немецкой секции 8 ноября Беккер выдвинул проект некоего общества-гибрида, которое соединяло бы в своем лице одновременно и сберегательную кассу и потребительское общество. Проект предусматривал не только накопление, но и экономное расходование собранных средств для оптовой закупки продуктов по сниженным ценам. Общество должно было находиться под контролем Интернационала [1].

Окончательное обсуждение обоих проектов состоялось на заседании ЦК (объединенном заседании Комитетов обеих секций) 8 декабря. После бурной дискуссии парижский проект получил 4 голоса, беккеровский — 9. Общее собрание членов обеих секций, назначенное на 31 декабря [2], по предложению Беккера проект обсуждать не стало, так как народу пришло мало. Больше вопрос об этом беккеровском проекте не поднимался. Он свою роль сыграл. Идея создания потребительского общества была похоронена.

Беккер и позже продолжал активно бороться с пропагандой потребительской кооперации, которую вели секции Романской Швейцарии. Он ставил ее на одну доску с буржуазным кооперированием Шульце-Делича. В письме Женни Маркс 1 марта 1866 г. он писал об органе французской женевской секции «Journal de l'Association Internationale des Travailleurs» и секции в Ла-Шо-де-Фоне «La Voix de l'Avenir»: «Они не выходят за рамки голой правды Шульце-Делича и хотят удовлетворить мир возней с созданием потребительских обществ и прочими затеями. Другу Куллери из Шо-де-Фона я по этому поводу уже несколько раз устроил головомойку, а здешней редакции задал перцу» [3].

---

[1] Réglement de la caisse d'économie et de consommation. Genève, le 7 Novembre 1865. ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 298/2. Возможно, именно этот проект Беккера имел в виду Маркс, когда на заседании Генерального Совета 19 декабря 1865 г. упомянул об организации в Женеве кооперативного общества взаимопомощи, связанного с Товариществом (Генеральный Совет. 1864—1866, с. 97).

[2] Протокольная книга, заседания ЦК 8. XII, Комитета 27. XII, общее собрание 31. XII 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341.

[3] Беккер — Ж. Маркс, 1. III 1866. ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 348/3.

Между тем инициативная комиссия Немецкой секции выработала устав больничной кассы, который в январе 1866 г. выносится на обсуждение членов обеих секций. На общем собрании секции 18 февраля 1866 г. устав был постатейно обсужден и принят. Что касается Французской секции, то здесь также не обошлось без острых дискуссий. Возражение вызвали как отдельные конкретные пункты устава, так и некоторые принципиальные его положения. В частности, члены Комитета Французской секции были против назначения комиссии по управлению кассой Центральным комитетом обеих секций, так как это ограничивало бы личную свободу членов кассы. В результате, по предложению немцев, было решено создать отдельные кассы при каждой секции [1].

О работе кассы за 8 месяцев ее существования Беккер и Дюпле (председатель Французской секции) сообщили на Женевском конгрессе во время обсуждения вопроса об организации обществ взаимопомощи. Общего решения по этому вопросу конгресс не принял, рекомендовав создавать общества взаимопомощи и изучать их опыт [2].

В связи с широким распространением кооперативного движения среди рабочих — членов секций Международного Товарищества и неоднократными просьбами своих

---

[1] Протокольная книга Немецкой секции, заседания Комитета 8, 15, 22, 29. XI, 6. XII 1865, 26, 30. I, 16. II, 6. III 1866, заседание ЦК 1. XII 1865, общее собрание 26. XI 1865, 28. I, 18. II, 25. III 1866. ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341; Reglement der Krankenunterstützungskasse der Internationalen Arbeiter-Association. Deutsche Abtheilung in Genf. 1866. Французский текст см. в издании: Règlement de L'Association Internationale des Travailleurs de la Section des Tuiliers. Genève, 1869. Французский вариант устава больничной кассы был опубликован с небольшими сокращениями также на русском языке в книге: *Э. Бехер*. Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению. Петербург, 1869—1871, с. 445—458. Немецкий устав был напечатан в 1924 г. в австрийском журнале, освещавшем вопросы профсоюзного движения: «Arbeit und Wirtschaft», 1924, Heft 13, S. 559—562.

[2] «Vorbote», 1866, S. 170—172. Согласно отчету, представленному общему собранию Немецкой секции, с декабря 1865 по июнь 1866 г. доход Немецкого отделения кассы составил около 860 франков, расход на помощь больным, печатание устава и членских книжек — 608 франков. Число членов кассы — 186 человек, из них 131 мужчина, 51 женщина, 4 детей. (Протокольная книга Немецкой секции. Общее собрание 22 июля 1866 г. ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341.) По образцу женевской была создана больничная касса в Штутгарте («Vorbote», 1866, S. 85; Протокольная книга Немецкой секции. Заседание Комитета 10 июля 1866 г. ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341).

корреспондентов Беккер в конце 1866 г. составляет проект производственного кооперативного общества [1].

Во введении к уставу производственного товарищества нашли отражение уже упомянутые раньше особенности взглядов Беккера на кооперацию — лассалевское положение о замене заработной платы продуктом труда для устранения эксплуатации человека человеком (в этой редакции — впервые), введенные в оборот прудонистами фразы о взаимности и взаимном обязательстве. Однако появились и некоторые новые моменты, связанные с решениями Женевского конгресса по кооперативному вопросу. Сам факт обращения Беккера к проекту производственного кооператива говорит о том, что рекомендация Марксовой «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» «браться предпочтительнее за *кооперативное производство,* нежели за *кооперативную торговлю*» [2] нашла у Беккера полное понимание.

Беккер уделяет большое внимание принципу добровольности и демократического характера управления и контроля в кооперативных товариществах. Во введении он специально подчеркивает, что порядок и дисциплина в обществе покоятся не на «произвольных приказах и верноподданническом послушании, а на осознании его членами того факта, что только в единении — сила...» [3]. Эти же принципы последовательно проводятся Беккером и в схеме организационного построения кооператива. За действиями управляющего наблюдает административный совет, а высшей инстанцией является общее собрание членов кооператива, перед которым все ответственные руководители общества периодически отчитываются. Согласно статье 15 устава, собрание может сместить управляющего и передать его функции другому лицу. Таким образом, в уставе Беккера отразились демократические традиции, свойственные кооперативному движению, которое, по словам Маркса, «на деле показывает возможность замены современной деспотической и порождающей пауперизм системы *подчинения труда* капиталу — республиканской и благотворной системой *ассоциации свободных и равных производителей»* [4]. Делая во введении упор именно на эту сторону кооперативной организации, Беккер преследовал

---

[1] «Vorbote», 1866, S. 175, 189—192; 1867, S. 13—15, 26—28.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, с. 199.
[3] «Vorbote», 1866, S. 190.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, с. 199.

и другую, более конкретную цель — сделать свой устав приемлемым для рабочих-прудонистов, которые настойчиво оберегали личную независимость членов кооператива от всякого посягательства со стороны чрезмерно централизованного и бесконтрольного руководства. На Женевском конгрессе французские делегаты предложили даже специальную резолюцию по этому вопросу: «Конгресс рекомендует всем рабочим товариществам избегать таких форм руководства и управления, которые отдают всю власть в руки одного лица. Пайщики должны полностью обеспечить себе право на сохранение управления, строго соответствующего во всех отношениях заключенному ими договору» [1].

Особое отражение в уставе Беккера получил тот пункт «Инструкции» Маркса, который касается распределения прибыли кооператива. «Рекомендуем всем кооперативным обществам,— говорится в «Инструкции»,— превращать часть своего общего дохода в фонд для пропаганды своих принципов как делом, так и словом, а именно содействуя учреждению новых производственно-кооперативных обществ, наряду с распространением своего учения» [2].

Согласно уставу Беккера, часть «чистого дохода» предназначалась в особый фонд, который должен был расходоваться на пропаганду в пользу основания новых кооперативных товариществ и распространение политической и социально-экономической литературы, разъясняющей освободительные стремления рабочего класса (статьи 26, 27) [3]. Это — реализация решений Женевского конгресса, одобрившего полностью пункт 5 «Инструкции» Маркса.

Далее, по уставу Беккера, часть чистого дохода делится среди членов кооператива, согласно затраченному рабочему времени или количеству произведенной продукции (статья 25).

Распределение прибыли между членами общества не по внесенным паям, а по затраченному труду — главный пункт, отличающий рабочий кооператив от буржуазного акционерного общества. На это обращает внимание «Инструкция» Маркса: «Во избежание вырождения кооперативных обществ в обыкновенные буржуазные акционерные общества (sociétés par actions), рабочие каждого предприятия, независимо от того, являются они пайщи-

[1] «Vorbote», 1866, S. 154.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, с. 199.
[3] «Vorbote», 1867, S. 13—14.

ками или нет, должны получать равные доли в доходе. Мы согласны допустить в виде чисто временной меры, чтобы пайщики получали небольшой процент» [1]. В уставе Беккера этот пункт «Инструкции» последовательно проведен. Согласно статье 33, рабочие, занятые в производстве кооперативного общества, но не являющиеся его пайщиками, получают заработную плату и часть прибыли по тому же тарифу, что и члены-пайщики [2].

Для Беккера характерно стремление подчеркнуть общественный, коллективный, коммунистический характер кооперативной рабочей организации. Он предназначает для распределения между членами кооператива лишь $^2/_6$ части чистого дохода, в то время как в традиционной кооперативной практике на это шла львиная часть прибыли. Более того, из его письма Марксу 15 ноября 1866 г. следует, что Беккеру в одном конкретном случае (управление на кооперативных началах общественным зданием для заседания секций, где продавались прохладительные напитки) удалось добиться того, чтобы вообще не делить прибыль между членами кооператива. «Мне стоило огромных усилий при составлении договора и устава ввести в них коммунистические принципы, так чтобы весь чистый доход оставался неделимым и использовался только для общественных целей» [3],— писал он.

Создание кооперативов Беккер рассматривал как важную составную часть деятельности Международного Товарищества. В устав группы секций немецкого языка в Женеве (1 мая 1867 г.) он включил специальный пункт 8 о необходимости организовывать при секциях производственные общества или кассы взаимопомощи [4].

На базе разработанного Беккером устава возник ряд кооперативных обществ в Швейцарии и Германии. Среди них, в частности, производственный кооператив каменотесов в Цюрихе, основанный в 1867 г. «на чисто социалистических принципах», сапожников в Женеве [5], плотников в Майнце [6] и многие другие.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, с. 199—200.

[2] «Vorbote», 1867, S. 26.

[3] Беккер — Марксу, 15. XI 1866. ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 303/5; Reglement des Zirkels. [XI 1866]. ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 347/1.

[4] «Vorbote», 1867, S. 74.

[5] Ibid., S. 94; 1868, S. 94—95.

[6] Штумпф — Беккеру, 20. VII 1869. ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 190/5. См. также: *F. Berghoff-Ising*. Die socialistische Arbeiterbewegung in der Schweiz. Leipzig, 1895, S. 39—40.

Эхом споров в женевских секциях о характере рабочих товариществ явилось предложение, внесенное делегатами Немецкой секции на Лозаннском конгрессе,— обсудить тенденцию рабочих кооперативов превратиться в буржуазные акционерные общества, эксплуатирующие своих братьев по классу. Беккер в своей речи отметил, что прогресс промышленности и разорение ремесла служат барьером этой тенденции, так как низводят всех мелких собственников до положения неимущих пролетариев [1].

Если до сих пор Беккер полемизировал с прудонистами в «скрытой» форме, не называя противника по имени, то на Лозаннском конгрессе он впервые прямо противопоставил прудонистскую доктрину программе Интернационала и показал их несовместимость. В своем отчете о конгрессе, помещенном в «Vorbote», он вскрыл главный порок идеологии прудонизма — его нереволюционную сущность, реформистский характер. Комментируя доклад Лонге о кредите и кооперации, Беккер писал: «Уже сразу по всему отчету было видно, что большинство членов комиссии находилось в плену прудоновского социализма, то есть социализма, который, не думая о радикальном преобразовании экономического базиса общества, воображает, что путем искусственного препарирования существующих порядков можно превратить пагубные последствия сохраняющихся причин в следствия, способные принести обновление» [2]. Беккер верно подметил утопизм прудонистского мировоззрения, его стремление избавиться от гибельных последствий развития капитализма, сохраняя в то же время его основы.

Открытое размежевание Беккера с прудонизмом произошло на Брюссельском конгрессе в 1868 году [3]. В отчете в «Vorbote» он подверг критике основные догмы теории Прудона — «обменный банк», «безвозмездный кредит», «прямой обмен продуктами труда». «Прудон,— писал Беккер,— заботится только о мелкой промышленности.., не задумывается над тем, что над кредитом, как и над всей

---

[1] «Vorbote», 1867, S. 187.

[2] «Vorbote», 1868, S. 18. Эти высказывания весьма напоминают Марксову критику идеализма и метафизики прудонизма в «Нищете философии». Скорее всего, Беккер был в числе тех делегатов Лондонской конференции Интернационала, кого Маркс познакомил со своей работой. (Ср. *E. E. Fribourg*. L'Association Internationale des Travailleurs. Paris, 1871, p. 46.)

[3] Грунер отмечает Брюссельский конгресс как дату «отхода Беккера от прудонистской системы». (Op. cit., S. 857.)

современной экономикой властвует крупная промышленность и крупный капитал. По мнению Прудона, стоит только рабочим мелкой промышленности договориться между собой на счет прямого обмена своими продуктами, чтобы на основе продуктов своего труда и своей рабочей силы создать такие бумажные деньги, которые заменили бы им капитал. Даже если захотят распространить подобную кредитную организацию по всей стране, то эти бумажные деньги, основанные на имеющихся или будущих продуктах, по законам современной, основанной на индивидуальном обмене экономики, ни в коем случае не смогут превратиться во всеобщее средство обмена, ибо им являются, пока существует индивидуальный обмен, только благородные металлы, имеющие хождение во всем мире. Капиталистические банки только потому властны выпускать бумажные деньги, что они [деньги.— *И. О.*] в любое время могут быть обменены на благородные металлы. Когда банки во время кризисов не в состоянии этого сделать, они становятся банкротами». При всей недостаточности экономической аргументации Беккера, его критика ведется в общем с позиций научного коммунизма. «Если рабочие хотят бороться с господством капитала, то нужно брать быка за рога — овладеть крупной промышленностью, являющейся источником капитала. А чтобы это сделать, необходимо иметь политическое господство, обладать государственной властью». Описывая борьбу на конгрессе вокруг резолюции об обобществлении земли, Беккер прямо указывает на непримиримую противоположность взглядов прудонистов (которых он также называет «индивидуалистами») марксизму, по терминологии Беккера — «практическому или радикальному социализму», «систематическому коммунизму» [1].

Итак, по вопросу о кооперации Беккер как в теории, так и на практике разделял, в основном, марксистские взгляды, дополняя их отдельными лассалевскими положениями. Беккер никогда не был прудонистом в этом вопросе. Некоторые терминологические заимствования не отражали существа его воззрений на кооперацию.

Еще один пункт, по которому в первые годы существования Интернационала шла борьба с прудонистами,— стачки. В рядах женевских членов Интернационала не существовало полной ясности относительно роли и значе-

---

[1] «Vorbote», 1868, S. 146—148.

ния стачек. Ни в одном документе Генерального Совета до Женевского конгресса этот вопрос не затрагивался. Экономическое обоснование роли стачек и профессиональных союзов, сделанное Марксом во время дискуссии о заработной плате на заседаниях Генерального Совета в 1865 г., осталось неизвестным в местных секциях.

О стачках Беккер упоминал еще в своей работе «Как и когда?» (1862 г.) как о естественной форме борьбы рабочих, хотя и бессильной радикально изменить их положение. В годы процветания рабочие стремятся с помощью стачек добиться лучших условий труда. В периоды спада буржуа берут реванш, так как рабочие вынуждены соглашаться на любые условия[1]. В «Открытом письме» и «О рабочем вопросе» о стачках и профессиональных союзах нет ни слова. Но вот в «Манифесте социал-демократической партии» они фигурируют в числе учреждений рабочей ассоциации, наряду с кооперативами, народными банками и кассами взаимопомощи[2]. Беккер ошибочно распространил на них оценку, данную Марксом в «Учредительном Манифесте» рабочей кооперации. Таким образом, они превратились в столь же ограниченные средства борьбы, как и кооперативы. Значение последних оказалось даже существеннее, поскольку за ними осталось великое назначение стать формой организации труда в будущем. Между тем стачки и профессиональные союзы носят совершенно иной характер. Эти формы классовой борьбы рабочих являются фактором, противодействующим тенденции капиталистического производства свести стоимость рабочей силы к ее низшему физическому уровню. В «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета» Маркс подчеркнул их организующую роль[3]. «Уравняв в правах» такие формы борьбы рабочих, как кооперативы, профессиональные союзы и стачки, включив последние в число учреждений рабочей взаимопомощи, Беккер затушевал особую роль стачек и профессиональных союзов в сравнении с рабочей кооперацией. Но все же было признано их право на существование.

В «Докладной записке» Беккер присоединился к традиционному отрицанию пользы стачек и коалиций, поскольку они неспособны изменить закон, определяющий

---

[1] *J.-Ph. Becker*. Wie und Wann? S. 75.
[2] «Nordstern», № 327, 13. I 1866.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, с. 200, 201.

величину заработной платы. Эта традиция в экономической литературе шла от физиократов, в социалистической — от Фурье и Оуэна. Бесполезность стачек являлась логическим следствием теоретических построений Прудона и Лассаля. Мотивы, которые выдвигали различные представители общественной мысли против этих экономических форм борьбы рабочих, чрезвычайно разнообразны, но в конечном счете фокус рассуждений сводился к закону, который Лассаль назвал «железным»[1]. Беккер в своем определении роли стачек также опирается на этот закон. «Свободная конкуренция в производстве, а именно предложение труда, определяет неумолимый закон размера заработной платы,— пишет он.— Если отдельный рабочий тщетно стремится к повышению заработной платы, то ясно, что все рабочие какой-либо отрасли в конце концов обратятся к стачке, *на что они имеют неоспоримое право*. Если неудача этой попытки означает только увеличение нищеты, то, в случае повышения заработной платы, достигнутые результаты не соответствуют принесенным ради этого жертвам. Мелкие мастерские, «мелких» работодателей, которым часто приходится еще хуже, чем рабочим, стачки зачастую полностью разоряют, обычно к выгоде крупных предприятий, «крупных» работодателей». Стачки, заключает Беккер, вредящие мелкому капиталу и идущие на пользу крупному, могут в лучшем случае лишь временно отсрочить нужду[2].

Итак, признавая, что рабочие имеют на стачку неоспоримое право, он считает ее бесполезной. На ремесленников стачки влияют особенно губительно, так как им есть что терять; разоряясь, они теряют все. Позиция Беккера совпадает с прудонистской, хотя происхождение ее явно лассальянское. о чем свидетельствует аргумент о «неумолимом» законе. Однако следует подчеркнуть, что точка зрения Беккера на стачки отнюдь не была обусловлена его позицией выразителя интересов мелкого собственника[3]. Внимание, с которым Беккер рассматривал влияние

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, с. 87, 430; т. 16, с. 214, 378; т. 19, с. 3—4; т. 30, с. 331; *В. С. Выгодский*. История одного великого открытия Карла Маркса. М., 1965, с. 161 и след.; *В. А. Смирнова*, цит. соч., с. 115—118.

[2] «Vorbote», 1866, № 4, S. 57.

[3] В статье В. А. Смирновой говорится, что «здесь отчетливо проявилась позиция ремесленника, мелкого собственника, с которой и велась критика стачки, как формы экономической борьбы пролетариата» (цит. соч., с. 117).

стачек на мелкое производство, объяснялось отнюдь не стремлением защитить ремесло от разорения. Выше было показано отношение Беккера к процессу поглощения мелкого ремесленного производства крупной индустрией, как к явлению неизбежному и прогрессивному. Не нужно забывать, что в 60-х гг. XIX в. ремесленники составляли большую часть рабочего класса Германии, Швейцарии и Франции. В этих странах, где промышленный переворот еще не завершился, крупных капиталистических предприятий было мало и фабричный пролетариат немногочислен, вовлечь ремесленников в движение было невозможно, если не учитывать специфики их экономического и социального положения. В своих работах Беккер правильно подчеркивал, что ремесленник — естественный союзник промышленного рабочего, поскольку при капитализме ему неизбежно грозит превращение в неимущего пролетария. Но иногда в пылу агитации Беккер шел на неоправданные уступки ремесленным рабочим, даже мастерам. Стремясь привлечь швейцарских ремесленников в секции МТР, Беккер в «Обращении» к рабочим организациям 5 февраля 1865 года писал, в частности: «Ремесленных мастеров, которые благодаря власти капитала и крупной промышленности с каждым днем все более теряют благоприятные позиции и оказываются в бедственном положении, мы также причисляем к рабочему классу. Но поскольку мы стремимся к уничтожению всех классовых различий и превращению всего народа в *среднее сословие,* то почему бы там, где оно еще существует, нам не стремиться сохранить его?». Маркс на полях «Обращения» против этого места заметил: «Здорово дал маху старик Беккер» [1]. Но при всех этих «зигзагах» Беккер оставался на позициях пролетарского революционера.

Что касается стачек, то немаловажным фактором, также повлиявшим на его точку зрения, было поражение многих стачек 1865 г., явившееся результатом плохой подготовки и отсутствия опыта.

Общность позиции Беккера с прудонистами по вопросу о стачках наиболее рельефно обнаружилась на Женевском конгрессе. «Хотя все эти предложения [относительно объединения действий при помощи Интернационала.— *И. О.*] принимаются при всеобщем одобрении, однако многие ора-

---

[1] Экземпляр «Обращения» с пометкой Маркса хранится в ЦПА ИМЛ (ф. 1, оп. 1, д. 5993).

торы (Куллери, Кард, Толен, Фрибур, Беккер) полагают, что стачка, которой касались в этой дискуссии, как бы она ни была оправдана, ни в коей мере не может служить рабочим средством улучшения их положения»,— читаем мы в отчете Беккера о конгрессе. Сравнивая две формы экономической борьбы рабочих — стачки и кооперацию, Беккер отдает предпочтение второй, как более эффективной. Другой взгляд на стачку защищали делегаты Генерального Совета, которые добились принятия дополнения Дюпона, сформулированного Беккером в «Vorbote» следующим образом: «Они [делегаты.— *И. О.*] объявили стачку в определенных случаях борьбы труда и капитала необходимым боевым средством, которое часто кладет предел неуемной алчности предпринимателей в снижении заработной платы и увеличении продолжительности рабочего дня, приучает самих рабочих к совместным действиям и приводит иногда к созданию производственных товариществ» [1]. На Лозаннском конгрессе немецкие делегаты в дискуссии о стачках участия не принимали, поскольку по этому пункту считали вполне достаточными решения прошлогоднего конгресса [2].

Таким образом, по вопросу о стачках и, добавим, относительно применения женского труда в производстве, прогрессивную сторону которого Беккер отрицал, его позиция совпадала с прудонистской. Но его взгляд на стачечную форму борьбы рабочих формировался не столько под влиянием Прудона, сколько под воздействием лассалевских идей.

В целом прудоновский мелкобуржуазный социализм остался Беккеру чужд и, если не считать двух пунктов — о стачках и женском труде, их взгляды по всем вопросам были диаметрально противоположны.

Прудон был противником коммунизма и насильственной революции. Он проповедовал мирное преобразование капитализма при сохранении его основы — частной собственности, уравнение состояний и превращение всех классов в мелкобуржуазное среднее сословие.

Беккер выступал за революционное уничтожение капиталистического общества, завоевание пролетариатом политической власти, ликвидацию частной собственности и классов и построение коммунистического общества. Налицо

---

[1] «Vorbote», 1866, № 10, S. 146.
[2] Ibid., 1868, № 1, S. 9.

основные элементы марксистского учения. Принципиальная противоположность мировоззрений порождала различие взглядов по всем конкретным политическим и экономическим вопросам.

Исходя из анархистского федеративного принципа, Прудон выступал против национальной консолидации и национально-освободительных движений. Он осуждал борьбу за независимость Польши, объединение Италии, оправдывал русское господство в Польше, австрийское — в Италии, французское — в Алжире. Он поддерживал мятеж рабовладельческих Южных Штатов против Севера.

Беккер с первых шагов своей общественной деятельности выступает как интернационалист. Он провозглашает лозунг независимости Польши, Египта, Сирии, выступает за объединение Италии и Германии, уничтожение рабства в США. Абстрактная проповедь братства и дружбы народов, с которой Беккер выступал в демократическом движении, консолидируется в 1865 г. в марксистскую идею пролетарского интернационализма.

Усвоение Беккером уже к 1865 г. такого кардинального положения теории научного коммунизма, как необходимость завоевания пролетариатом политической власти, позволило ему верно понять мелкобуржуазную сущность прудонизма и выступить его решительным противником. Своей борьбой в женевских секциях и на конгрессах Интернационала Беккер способствовал поражению прудонизма в рядах Международного Товарищества Рабочих [1].

---

[1] Уже после того как статья была сдана в издательство, автор получил возможность ознакомиться с работой Р. Длубека «Johann Philipp Becker als Pionier der Internationalen Arbeiterassoziation» (в кн.: Evolution und Revolution in der Weltgeschichte. Bd. II, Berlin, 1976), в которой по вопросу об отношении Беккера к прудонизму делаются те же выводы, что и в данной статье.

М. А. ЗАБОРОВ, Г. В. ХАСИНА

К предыстории Марксовой концепции пролетариата
(«Рабочий вопрос» в науке и публицистике 30—40-х гг. XIX в.)

Разработанное К. Марксом и Ф. Энгельсом учение об исторической миссии пролетариата издавна служило и поныне служит объектом ожесточенных атак противников научного коммунизма [1]. Более того, само рождение идеи всемирно-исторической роли пролетариата происходило под знаком острой борьбы Маркса и Энгельса с недругами разработанной ими теории.

Учение Маркса об исторической миссии пролетариата возникло не на пустом месте, родилось не в условиях идейного вакуума. Общеизвестно указание самого Маркса о том, что ему не принадлежит заслуга открытия существования классов в современном обществе и их борьбы между собой: «Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов» [2]. Таким образом, весьма существенные истоки Марксовой концепции классовой борьбы пролетариата — а она является составной частью теории научного коммунизма — восходят еще к домарксистской общественной мысли. Разумеется, представления об этой борьбе, сложившиеся у обществоведов домарксова времени, существенно и принципиально разнились от взглядов, выработанных основоположниками марксизма. Маркс и Энгельс сделали качественно новый шаг в самом понимании классовых антагонизмов, их происхождения, этапов их предшествующей истории, их настоящего и, в первую очередь, перспектив

[1] См. *Л. И. Гольман.* «Марксология» и марксизм (генезис учения об исторической миссии пролетариата как объект идеологической борьбы).— «Рабочий класс и современный мир», 1975, № 1, с. 168—177.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 28, с. 424—427.

развития, неизбежно ведущего, как это ими было доказано, к социалистической революции и установлению диктатуры пролетариата [1].

Мысль о том, что пролетариат занимает особое положение в обществе и что ему суждено сыграть важную роль в истории, тоже высказывалась, правда, в неразвитом и, главное, превратном виде до того, как Маркс и Энгельс научно обосновали идею всемирно-исторической миссии рабочего класса [2].

Уже представители критически-утопического социализма, послужившего важным идейным источником марксизма, пытались уяснить место рабочего класса в историческом развитии. Для великих социалистов-утопистов пролетариат выступал лишь наиболее страдающим классом современного общества: «Только в качестве этого наиболее страдающего класса и существует для них пролетариат» [3]. С другой стороны, такие попытки предпринимали идеологи буржуазно-консервативного, мелкобуржуазного и феодального социализма: исходя из разных теоретических предпосылок и будучи воодушевляемы разными идеалами, они пробовали даже по-своему прогнозировать будущее этого класса. Определенные воззрения на положение и роль пролетариата имелись у сисмондистов, которые «за-

---

[1] О домарксовом понимании классовой борьбы см. подробнее, например: *Г. В. Плеханов*. Первые фазы учения о классовой борьбе.— В кн.: *Г. В. Плеханов*. Избранные философские произведения. Т. II. М., 1956, с. 454—503; *М. А. Алпатов*. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX века.— В кн.: Из истории социально-политических идей. Сб. статей к 75-летию акад. В. П. Волгина. М., 1955, с. 385—412; *В. М. Далин*. Французские историки эпохи Реставрации.— В кн.: Маркс-историк. М., 1968, с. 7—32; *Н. А. Ерофеев*. Английская историческая наука 30—40-х годов XIX в.— Там же, с. 33—48 и др.

[2] Игнорирование незрелого характера всех домарксовых воззрений на пролетариат — один из главных пороков, присущих взглядам буржуазных и социал-реформистских марксологов. Они всячески стремятся стереть принципиальные грани, отделяющие Марксову концепцию пролетариата от идей, выдвигавшихся по этому вопросу представителями других направлений социальной мысли 30—40-х годов XIX в., и тем самым изобразить основоположников марксизма чуть ли не простыми компиляторами теорий своих предшественников. Подобные тенденции, ничего общего не имеющие с наукой, отчетливо проступают, в частности, в книгах некоторых западногерманских исследователей, в том числе: *P. Kägi*. Genesis des historischen Materialismus. Karl Marx und die Dynamik der Gesellschaft. Wien — Frankfurt — Zürich, 1965; *G. Herre*. Verelendung und Proletariat bei Karl Marx. Düsseldorf, 1973.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, с. 455.

щищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения» [1], у немецких «истинных социалистов», которые через призму мещанских страхов тем не менее видели рост пролетариата как революционной силы.

Особые представления о его исторических потенциях выдвинули в предмарксов период идеологи феодального социализма. Будучи враждебны буржуазии, они последовательно отстаивали тезис, согласно которому — так характеризовали эту точку зрения Маркс и Энгельс — при господстве промышленников «развивается класс, который взорвет на воздух весь старый общественный порядок» [2]. Следовательно, в системе историко-теоретических и социологических взглядов «феодальных социалистов» присутствовала мысль о том, что образуется или даже уже образовался такой класс, который, возможно, при соответствующих условиях покончит с существующим социальным строем.

Вероятно, не менее правомерна постановка аналогичного вопроса и в отношении взглядов тех мыслителей предмарксова периода, которые вовсе не принадлежали к каким-либо социалистическим направлениям, а, напротив, были либо панегиристами «индустриального общества» [3], и в лучшем случае — дюжинными сторонниками проводимых сверху либеральных реформ, либо ретроградами-романтиками, одержимыми ностальгией средневековья и воспевавшими «благодеяния» феодальной эпохи. Многие из этих мыслителей, каждый в меру своей классовой проницательности и классовой ограниченности, тоже «сооружали» историко-социологические конструкции, претендовавшие на роль концептуальных обобщений и отводившие пролетариату то или иное место.

Трудно представить себе, что Маркс и Энгельс, великолепно знавшие современную обществоведческую литературу [4], не использовали, критически переработав их

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, с. 450.

[2] Там же, с. 449.

[3] Этот, ныне столь распространенный в буржуазной обществоведческой литературе термин впервые употребил, если не ошибаемся, в 1850 г. Лоренц фон Штейн во втором томе своей «Истории социального движения во Франции»: *L. von Stein.* Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. Bd. II. Die industrielle Gesellschaft, der Sozialismus und Kommunismus Frankreichs von 1830 bis 1848. Hildesheim, 1959, S. 74 u. a.

[4] См. подробнее о круге чтения Маркса и Энгельса и степени их осведомленности в современной исторической и социально-эко-

с позиций научного коммунизма, «рациональные» крупицы, пусть незначительные, но все же содержавшиеся в ложных по своей основе построениях буржуазных и феодальных идеологов 30—40-х гг.

Оказали ли идеи подобного рода какое-нибудь влияние на формирование Марксовой концепции пролетариата в 40-х гг.? Обоснованное решение этой проблемы далеко не безразлично для истории марксизма.

Ведь именно таким образом поступали основоположники марксизма, разрабатывая другие стороны своей теории. Как известно, Маркс, например, специально выписывал суждения монархистских авторов, представлявшие собой критику («справа») пороков буржуазной демократии [1]. Еще находясь на отдаленных подступах к созданию теории абсолютного и относительного обнищания пролетариата при капитализме, он делал подробные выписки из книг сисмондиста Э. Бюре о пауперизме «рабочих классов» в Англии и во Франции [2]. В свою очередь Энгельс перевел большие отрывки из книги известного английского историка-публициста Т. Карлейля «Прошлое и настоящее», где подвергалось острой критике английское буржуазное общество. В своем труде «Положение рабочего класса в Англии» он нередко, как заметил Е. А. Косминский, говорит словами ее автора. По выражению этого видного советского медиевиста, Энгельс прощал Карлейлю «неопределенную реакционность его симпатий» [3]. Является твердо установленным и другое: работая над упомянутой книгой об английском рабочем классе, Энгельс привлек, наряду с материалами первоисточников (газеты, парламентские отчеты и т. п.), также сведения, ранее него добытые англий-

---

номической литературе: *Е. А. Косминский.* Об источниках книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».— В кн.: Чартизм. Сб. статей. М., 1961, с. 81 и сл.; *Н. А. Ерофеев.* Указ. соч., с. 33; *В. Г. Мосолов.* Изучение К. Марксом всемирной истории в 1843—1844 гг. как один из источников формирования материалистического понимания истории.— В кн.: Маркс-историк. М., 1968, с. 85—106. Интересные фактические данные приводятся также в упомянутых выше книгах П. Кеги и Г. Херре, однако эти данные в значительной мере обесцениваются предвзятыми антимарксистскими установками, в прокрустово ложе которых они здесь искусственно втиснуты.

[1] См. подробнее: *В. Г. Мосолов.* Указ. соч., с. 101.

[2] По подсчетам Г. Херре, в Марксовых «Экономическо-философских рукописях» (1844) содержится 41 выписка (цитата) из трудов Бюре (см. *G. Herre.* Op. cit., S. 46).

[3] *Е. А. Косминский.* Указ. соч., с. 72.

скими и отчасти французскими (Л. Фоше) [1] исследователями.

Поневоле возникает вопрос: не являлось ли то обстоятельство, что Маркс и Энгельс были хорошо знакомы с творчеством этих и многих других современников, придерживавшихся ошибочных, незрелых, ненаучных взглядов на пролетариат, своего рода стимулирующим фактором, который наталкивал основоположников теории научного коммунизма на мысль о превратности прежних представлений относительно исторической роли пролетариата? Иными словами, не служило ли оно своеобразным толчком к поискам ими собственных решений на счет исторического предназначения рабочего класса, стимулом для преодоления заблуждений, в которые впадали их предшественники, катализатором, способствовавшим выработке научных взглядов, в корне отличавшихся от старых представлений? А если так, то не этим ли отчасти объясняется, к примеру, хотя бы такой факт, установленный советским марксоведением: учение о всемирно-исторической роли пролетариата было сформулировано Марксом и Энгельсом раньше остальных основополагающих идей марксизма? [2]

В свете этих предварительных соображений, а также учитывая, что не все стороны процесса становления учения об исторической миссии пролетариата выяснены с надлежащей обстоятельностью [3], очевидно, что изучение концепций 30—40-х гг. XIX в., истолковывавших первые проявления социальной активности рабочего класса, могло бы представить немалый теоретический и историографический интерес: оно позволило бы выявить широкий спектр идейных истоков учения Маркса о роли рабочего класса, показать, что это учение имело своих предшественников, подобно тому как имела их и экономическая теория Маркса, и диалектический и исторический материализм. Вместе с тем такой анализ дал бы возможность ярче оттенить величие идей марксизма относительно миссии рабочего класса и, следовательно, полнее оценить научный подвиг основоположников марксизма, доказав, что хотя ряд мыслителей еще в 30—40-х годах «приступали» к этой теме, пытались как-то разобраться в настоящем рабочего класса и понять его историческую роль, однако никому из них не было дано — в силу их идейно-классовой

---

[1] *Е. А. Косминский.* Указ. соч., с. 87.
[2] *В. Г. Мосолов.* Указ. соч., с. 87.
[3] Ср. *Л. И. Гольман.* Указ. соч., с. 169.

ограниченности — проникнуть в эту важную «тайну» истории современного им общественного строя. Ее разгадал лишь гений Маркса и Энгельса, которые, если перефразировать их собственное выражение, перейдя на сторону пролетариата, возвысились до адекватного «теоретического понимания всего хода исторического движения» [1].

Настоящая статья ставит своей задачей рассмотрение лишь одного из аспектов темы — предпосылки и в связи с этим некоторые элементы генезиса ранних концепций пролетарского движения в трудах ряда буржуазных и дворянских идеологов 30—40-х гг. XIX в. Изучение темы в полном объеме, т. е. выявление различных направлений домарксова изучения «рабочего вопроса» вообще (включая теории утопического социализма и коммунизма), их систематическая характеристика, определение позитивного вклада, внесенного теми или иными учеными и мыслителями в интерпретацию проблемы «рабочих классов», и вместе с тем анализ негативных тенденций, пронизывавших их воззрения и обусловленных узостью их классовой позиции,— все это может быть делом только гораздо более широкого исследования. В предлагаемой статье речь идет лишь о предварительной постановке отдельных вопросов темы.

Интерес к пролетариату, к его борьбе против угнетения впервые возник у ученых и политиков имущих классов еще в тот период, когда борьбу против предпринимателей вели наемные рабочие мануфактур — предшественники промышленного пролетариата. В те времена, однако, интерес к их выступлениям выказывался лишь эпизодически, и самые описания этих выступлений, а тем более попытки теоретического осмысления таковых, имели случайный характер и были единичными (они встречаются, например, у основателей классической буржуазной политической экономии — П. Буагильбера, А. Смита и др.).

Только в 30—40-х гг. XIX в., по мере того как формируется рабочий класс и борьба между ним и буржуазией выдвигается на передний план социально-политической жизни Западной Европы, «рабочий вопрос», включая его исторический аспект, занимает заметное место в ученых исследованиях и публицистике. Появляются труды о «рабочих сословиях», их положении и борьбе. Подчас это произведения полумемуарного, иногда публицистического

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, с. 434.

характера, они принадлежат в основном очевидцам или близким свидетелям событий, реже — это собственно аналитические работы. Тем не менее с выходом пролетариата на арену самостоятельной политической борьбы все чаще создаются специальные — экономические, социологические, исторические — исследования о нем. Внимание к этой, новой для общественной мысли теме резко повышается, так что именно к 30—40 гг. XIX в. можно, по-видимому, приурочить начало изучения «рабочего вопроса» в широком смысле слова, в том числе истории рабочего движения.

Что же обусловило возникновение «рабочеведения»? Бесспорно, причиной тому послужило обострение классовой борьбы в буржуазном обществе, поставившее перед последним серьезные практические проблемы и тем самым побудившее в поисках их решения обратиться к исследованию событий рабочего движения в настоящем и их истоков в прошлом.

Уже первое восстание лионских рабочих в 1831 г. явилось столь сильным потрясением для французской буржуазии, представителей и идеологов различных ее фракций, что «назавтра» после «трех ноябрьских дней» появились книги, брошюры и статьи, освещавшие только что происшедшие события. Передавая впечатление, произведенное восстанием лионского пролетариата, Луи Блан писал менее, чем десять лет спустя после того: «...По мощи движения, которую выказали эти современные рабы, не имевшие, впрочем, своего Спартака, легко было предугадать, какие бури XIX столетия таит оно в своих недрах» [1]. Догадки такого рода действительно возникали у наиболее проницательных мыслителей. Однако в первую очередь активизация рабочего класса вызывала чувство тревоги и смутного, но нарастающего беспокойства как в среде промышленно-торговой буржуазии, так и землевладельческой и финансовой аристократии.

Через две недели после лионского восстания С.-М. Жирарден, редактор ведущей парижской газеты «Journal des Débats», органа крупной буржуазии, едва прикрывая свою неприязнь к рабочим ссылками на их нищету, хотя, по его мнению, и объясняющую до некоторой степени, но вовсе не оправдывающую их действия, озабоченно писал:

---

[1] *L. Blanc.* Histoire de Dix Ans. 1830—1840. 4 éd., t. III. Paris, 1844, p. 85.

«...Пролетарское население растет по мере того, как развивается промышленность», а ведь чем больше рабочих, тем больше недовольных! Рабочие, по словам этого буржуазного публициста, это «наша язва» (notre plaie), но ведь «фабрики не бывают без рабочих», сокрушался он, и потому «вместе с постоянно растущим и всегда необходимым рабочим населением у общества отнимается спокойствие». «Каждый фабрикант живет у себя на фабрике,— продолжал Жирарден,— словно плантатор посреди своих рабов, один против сотни, и восстание в Лионе — это все равно, что восстание в Сан-Доминго». Жирарден видит в пролетарской массе, которая «волнуется и содрогается, не зная, чего она хочет, куда пойдет», большую «опасность для современного общества». Рабочие, по терминологии Жирардена,— это «враги»: против них должны объединиться все «средние классы», ибо теперь «речь идет не о спасении республики или монархии», но о том, чтобы уберечь общество в целом. «Варвары, угрожающие ему»,— «не на Кавказе и не в татарских степях,— мрачно заявляет в заключение Жирарден,— они в предместьях наших фабричных городов» [1] — историческая аналогия, в высшей степени характерная и получившая вскоре широкое распространение.

Страх, объявший французскую буржуазию, разделяла и аристократия. Ф. де Шатобриан выразил его вполне откровенно в своем письме редакторам «Revue européenne» от 15 декабря 1831 г.: «Промышленная собственность,— писал он,— ныне так же мало защищена, как и собственность поземельная. Попробуйте-ка теперь, после лионской истории, добиться того, чтобы фабрикант был хозяином у себя на фабрике, чтобы рабочие не потребовали от него, если им вдруг взбредет на ум, разделить в субботу прибыли за неделю. Неужели нам придется,— растерянно вопрошал этот монархист, рыцарь легитимизма,— держать 20-тысячный гарнизон в каждом фабричном городе, ставить вооруженного часового возле каждого куска материи?» [2]. Шатобриан, впадая в пророческий тон,

---

[1] «Journal des Débats», 8 décembre 1831. Цит. по: *Е. В. Тарле*. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. От конца Империи до восстания рабочих в Лионе.— В кн.: *Е. В. Тарле*. Сочинения. Т. VI. М., 1959, с. 249—250; ср. *F. Rude*. L'insurrection lyonnaise de novembre 1831. Le mouvement ouvrier à Lyon de 1827—1832. Paris, 1969, p. 663—665.

[2] «Revue européenne», 20 décembre 1831, № 4. Ср. *F. Rude*. Op. cit., p. 670—671.

тоже сравнивал рабочих с варварами, некогда овладевшими Римской империей.

Подобные мысли и чувства надолго и прочно закрепились в буржуазно-аристократических кругах Франции. «Общество вправе страшиться пролетариата — прошлое слишком часто узаконивало эти опасения» [1],— писал уже в 1833 г. адвокат А. Пепен, орлеанистский историк начального этапа Июльской монархии, посвятивший в своей книге несколько параграфов «рабочему вопросу». Обращаясь к событиям лионского восстания 1831 г., он характеризовал пролетариат как «класс, легко поднимающийся и всегда готовый мутить общество, если находится человек, достаточно сильный и пылкий, чтобы направлять его действия» [2]. А. Пепен анализирует события лионского восстания 1831 г., имея в виду прежде всего предостеречь французское «общество» от уступок республиканской оппозиции, от предоставления рабочим политических прав: это было бы, с его точки зрения, вредной мерой. «Рабочие, лишенные образования и пожираемые невежеством, могут обслуживать общество лишь физически»,— утверждает этот адвокат банкиров и промышленников [3]; «нельзя передавать цивилизацию в руки варваров» [4],— заявляет он (терминология, как мы знаем, уже находившая себе прибежище в буржуазной прессе). Другой орлеанист, ненавистник рабочих, Ж.-Б. Монфалькон [5],— очевидец и историк обоих лионских восстаний, словно вторил А. Пепену, рисуя страхи, одолевающие фабриканта после 1831 г.: «Он дрожит за себя, за семью, страшится пожара в своих магазинах, разграбления своих товаров. Вот какова сейчас его участь. И чему он обязан этим? — Роковым ноябрьским дням» [6].

«Общественное мнение» с этих дней,— полагает Монфалькон, имея в виду настроения буржуазии,— поражено чувством страха перед «рабочими классами». Он склонен предполагать, что это чувство отныне «будет проявляться легко и часто (даже) без причины»,— такой глубокий

---

[1] *A. Pepin.* Deux ans de règne. Paris, 1833, p. 278—279.

[2] Ibid., p. 280.

[3] Ibid., p. 279.

[4] Ibid., p. 281.

[5] Восстание 1831 г. Монфалькон называет «самым ненавистным из восстаний» («La plus odieuse des insurrections»). *J.-B. Monfalcon.* Histoire des insurrections de Lyon en 1831 et en 1834, d'après les documents authentiques. Lyon — Paris, 1834, p. 103.

[6] Ibid., p. 51.

след оставил в умах ноябрь 1831 г.; его «кровавый призрак», несмотря на то что времена, как и средства защиты, изменились, будет еще долго «присутствовать во всех мыслях» [1]. Что касается рабочих, то — увы! — семена, зароненные в ноябре 1831 г. в их души, уже дают свои всходы, и это повергает Монфалькона в панический ужас. Он предвидит, что одним из ближайших «роковых последствий ноябрьских событий явится превращение рабочих в политический класс... Появятся люди, которые скажут рабочим: «Вы проливаете свой пот лишь ради выгоды богатых; фабриканты — ваши естественные враги. Вы жалуетесь, вы несчастны, а между тем вы — самые многочисленные и самые сильные. Объединяйтесь! Послушайте нас, и ваши страдания прекратятся»...» [2]. Вот какая картина рисуется воображению историка; ему видится в недалекой перспективе объединение пролетариата, который станет политической силой. «Другой важный результат ноябрьского восстания» он усматривает в том, что «оно учит ткачей искусству объединяться». Они уже создали свои ассоциации, «учредили общую кассу для помощи нуждающимся», а когда ткачи, чтобы добиться повышения заработной платы, пойдут на отказ от работы, то, «соединенные в одно целое, они буквально станут хозяевами фабрики. Если власти, будучи предупреждены, все же допустят, что организация рабочих станет всеохватывающей, то никто не сможет в Лионе производить материи, коль скоро этого не захотят ткачи; они одни будут определять размер заработной платы; им будет принадлежать вся промышленность Лиона» [3],— писал Монфалькон, трепеща при мысли о возможности такого положения.

События 1831 г. заставляют этого крайне антидемократически и антипролетарски настроенного приспешника Июльской монархии задумываться, однако, не только над настоящим и ближайшим будущим, но и над будущим отдаленным, в особенности потому, что, как он считает, ноябрьский «мятеж» на годы и десятилетия запомнится рабочим и эти воспоминания будут возбуждать и поддерживать их «притязания и наглость». Иначе говоря, сила революционных традиций, завещанных лионскими повстанцами,— вот что также внушает опасения Монфаль-

---

[1] *J.-B. Monfalcon*. Op. cit., p. 100.
[2] Ibid., p. 99—100.
[3] Ibid., p. 101.

кону; в этом он даже усматривает едва ли не самый главный исторический результат восстания: «Быть может, в течение сотни лет чудесный рассказ о поражении, нанесенном безоружными рабочими солдатам национальной гвардии и гарнизона, будет заполнять очарованием досуги рабочих. Эта традиция начнет передаваться из поколения в поколение. Спустя много времени потомок с гордостью скажет: «Мой дед был одним из победителей в Лионе» [1].

Таковы были настроения имущих классов Франции непосредственно после того боя, который дали буржуазному обществу первые «солдаты социализма», как назовет впоследствии К. Маркс лионских повстанцев [2].

События во Франции вызвали также серьезное беспокойство у господствующих классов Англии, где борьба пролетариата против капиталистического гнета уже раньше приобрела широкий размах [3]. В 30—40-х гг. она продолжала стремительно расти: Англия стала ареной революционного пролетарского движения — чартизма. В этих условиях озабоченность все больше наполняет умы здравомыслящих представителей правящих классов страны. Возможность «беспримерной анархии» в Англии заставляет их чаще и чаще думать, что вопрос о положении и настроениях «рабочих классов» является вопросом большого значения и даже, как писал Т. Карлейль в своем памфлете «Чартизм» (1840 г.), что это — «альфа и омега всех вопросов» [4]. Причем он, по мнению Карлейля, касается не только одной Англии: «борьба, разделяющая высшие и низшие классы», ведется во всем европейском обществе, а в Англии она лишь «острее и чувствительнее, чем где бы то ни было» [5]. Карлейль серьезно взволнован развитием событий и прежде всего «исполненным угрюмой мстительности настроением мятежа против высших классов, падающим уважением к властям, уменьшающейся верой в то, чему учат духовные наставники»,— в таких словах расценивает он становящийся «все более всеобщим» мятежный дух низших классов. Его «можно порицать или оправдывать, но каждый должен признать его

[1] *J.-B. Monfalcon*. Op. cit., p. 98—99.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 446.
[3] Об откликах английской прессы на лионское восстание 1831 г. см. в кн.: *F. Rude*. Op. cit., p. 688 ss.
[4] *Th. Carlyle*. Chartism. London, 1840, p. 5.
[5] Ibid., p. 8.

существование в стране», каждый обязан понять, что «дух этот пагубен», что он может оказаться «роковым»[1].

С дальнейшим подъемом чартистского движения в начале 40-х гг. опасения Карлейля возрастают. В памфлете «Прошлое и настоящее», опубликованном три года спустя после «Чартизма», он вновь самым энергичным образом подчеркивает опасности, могущие возникнуть вследствие того, что «никогда... участь... немых миллионов работников не была столь окончательно невыносима, как в дни, проходящие ныне перед нами... Удивляться ли нам французским революциям, чартизму, трехдневным восстаниям?»[2]. Карлейль настоятельно рекомендует «правительству Англии, всем членораздельно говорящим чиновникам, действительной и воображаемой аристократии, мне и тебе» поставить и постараться решить вопрос о рабочих людях: «Как думаете вы распорядиться этими людьми? Где найдут они сносное существование? Что станется с ними,— и с вами?»[3]. Иначе говоря, с его точки зрения, дело зашло так далеко, что от решения «рабочего вопроса» отныне прямо зависит участь всей Англии — положение, которое выдвигалось уже и в «Чартизме»[4].

Представителей имущих классов Англии в особенности побуждают к признанию важности «рабочего вопроса» те устрашающие перспективы, которые рисуются их взору ввиду сложившегося в стране положения, чреватого опасностями для господствующего социального строя. Многих более всего пугает растущая безработица. «Толпы трудоспособных бедняков, всегда находящихся под угрозой потери заработка в результате застоя в торговле»,— это «самая ужасная», по словам писателя и юриста Кокборна, «черта современного английского общества». Притом, по его мнению, безработные — новый общественный элемент, и «перспективы, которые он порождает в уме, ужасны»[5]. Тема безработицы не сходила со страниц печати, являлась «устоявшимся» сюжетом публичных выступлений. «Постоянное возвращение к этой теме в периоди-

---

[1] *Th. Carlyle.* Chartism, p. 41.

[2] *Т. Карлейль.* Теперь и прежде. Пер. с англ. Н. Горбова. М., 1906, с. 300. Мы употребляем здесь более удачный перевод названия этого памфлета, данный во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

[3] Там же, с. 358.

[4] *Th. Carlyle.* Chartism, p. 5.

[5] Scottish Diaries and Memoirs 1746—1843. Ed. by F. G. Fife. Sterling. 1942, p. 388, 390.

ческой литературе, в политических дискуссиях в парламенте и вне его, в речах, докладах и памфлетах свидетельствует о том, какой глубокий интерес она возбуждает у всех»,— писал английский экономист У. Торнтон[1].

Лионское восстание 1831 г. тревожным эхом отозвалось и в Германии, породив нервозность в ее буржуазно-либеральных и консервативно-феодальных кругах. Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» в номере от 9 декабря 1831 г. отмечала, что «Лионское восстание может послужить сигналом к волнениям и у нас. А ведь в Германии масса людей, не владеющих ничем и живущих исключительно трудом рук своих, особенно в фабричных районах, намного больше, чем во Франции»[2]. Аналогичные мотивы прозвучали и в берлинской прессе (в частности, в только что начавшем тогда выходить в свет печатном органе прусских консерваторов «Berliner politisches Wochenblatt»[3]). Буржуазия была напугана прежде всего организованностью лионских повстанцев[4].

В последующие годы, с развитием собственного рабочего движения в стране, настроения подобного рода продолжали усиливаться. В 1834 г. лейпцигский профессор, историк и экономист, последователь А. Смита, Ф. Бюлау, автор ряда исследований о пауперизме[5], указывая на

---

[1] *W. T. Thornton*. Overpopulation and its Remedy or an Inquiry into the Extent and Causes of the Distress Prevailing among the Labouring Classes of the British Island and into the Means of Remedying it. London, 1846, p. 5—6. Цит. по: *Н. А. Ерофеев*. Развитие капитализма и формирование резервной армии труда в Англии эпохи чартизма.— В кн.: Чартизм. Сб. статей. М., 1961, с. 148.

[2] «Allgemeine Zeitung», 9. Dezember 1831. Цит. по: *А. И. Молок*. Рабочее восстание в Лионе 1831 г. в исторической литературе.— В кн.: *П. Фроман*. Рабочее восстание в Лионе 1831. М.— Л., 1933, с. 38—39; ср. *F. Rude*. Op. cit., p. 689—690.

[3] Эта газета была основана в октябре 1831 г. группой консервативных политиков (братьями Л. и Э. Герлах, И. М. Радовицем и др.), поставивших своей целью опорочить революционные идеи, доказав, что «нигде и никогда на почве революции не вырастали ни правовая свобода, ни материальное благосостояние». «Berliner politisches Wochenblatt», 8. Oktober 1831. Prospektus. См. подр.: *W. Früh*. Radowitz als Sozialpolitiker. Seine Gesellschafts- und Wirtschaftsauffassung unter besonderer Berücksichtigung der sozialen Frage. Berlin, 1937, S. 20—21.

[4] См. «Berliner politisches Wochenblatt», 10. Dezember 1831, № 10. Цит. по: *Ф. В. Потемкин*. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937, с. 145—147.

[5] См., например: *F. Bülau*. Der Pauperismus. «Deutsche Vierteljahrschrift», 1838, S. 79 ff. Ниже цит. по кн.: *F. Bülau*. Zeitfragen aus dem Gebiete der Politik und Volkswirtschaft. Leipzig, 1846.

«многие опасности», которые «угрожают дальнейшему существованию нашего социального строя», подчеркнул, что «одна из самых худших (опасностей) вырастает вследствие увеличивающейся нужды бедных классов»[1]. Он признал, что «ожидает всего от растущего с каждым днем сословия пролетариев». По его словам, он предвидит даже возможность пролетарского восстания[2],— взгляд, которому нельзя отказать в проницательности. Ф. Бюлау мог, конечно, опираться в своих мрачных предположениях на недавний исторический опыт, пережитый Францией.

Устрашающие перспективы встают и перед умственным взором немецкого экономиста К. Родбертуса-Ягецова. Тесно связанный с помещичьими кругами, этот, по характеристике Энгельса, «подлинный основатель специфически прусского социализма»[3] проявил несомненное классовое чутье в отношении надвигавшейся на имущие классы угрозы, связанной с развитием рабочего движения в стране. Наблюдая общее течение событий, Родбертус-Ягецов в своей ранней, тогда не опубликованной статье «Требования рабочих классов» (1837 г.)[4] буквально бьет в набат, привлекая внимание сильных мира сего к новой, грозной проблеме, вырисовывающейся, как ему представляется, в близкой перспективе,— проблеме пролетарской революции. Ясный симптом приближения последней он видит в английском чартизме: «благодаря собраниям чартистов и бирмингемским сценам» весь мир узнал о том, «чего хотят рабочие классы». Острота положения для Родбертуса бесспорна: речь идет не о какой-то отвлеченной проблеме, но о судьбе всей современной цивилизации, о том, смогут ли имущие классы воспрепятствовать трудящимся классам в реализации их

[1] *F. Bülau.* Der Staat und die Industrie. Leipzig, 1834, Vorrede, S. V.

[2] Ibid., S. 303.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 182.

[4] *C. Rodbertus.* Die Forderungen der arbeitenden Klassen. Статья была направлена автором в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung», но отклонена редакцией и увидела свет уже после смерти Родбертуса. См. *К. Родбертус.* Экономические сочинения. Л., 1936, с. 427, примеч. Статья цитируется нами по кн.: *C. Rodbertus-Jagetzow.* Zur Beleuchtung der socialen Frage. T. II. Berlin, 1885, S. 195—223. В русском переводе, выполненном И. Плотниковым (в указ. изд.: *К. Родбертус.* Экономические сочинения), к сожалению, имеются существенные неточности: этот перевод поэтому смог быть использован лишь частично.

требований, а если нет, если тем удастся провести свои требования в жизнь, «не станет ли осуществление (таковых) могилой для всей современной культуры» — вот вопрос, на который, по его мнению, «должна ответить наука» [1] и на который он сам пытался дать ответ в своей статье. Каково содержание этого ответа, мы увидим дальше. Здесь достаточно констатировать в общем виде, что Родбертус выражает серьезное опасение перед возможностью захвата политической власти рабочим классом, а это приведет, как он полагает, к уничтожению системы частной собственности. Со страхом взирает этот ученый дворянин на поднимающий голову пролетариат: чтобы подчеркнуть величину опасности, грозящей собственникам от «рабочих классов», Родбертус, подобно французскому аристократу Шатобриану, прибегает к историческим параллелям, а именно — сопоставляет рабочих сегодняшнего дня с варварами времен Римской империи. «Не будем себя обманывать! — взывает он.— Посреди современного общества обитает многочисленный народ варваров по духу и нравам. Пребывая в нужде, упрямые и дикие как они, эти варвары жаждут чужих сокровищ, рвутся к наслаждениям и культуре (которыми пользуются другие), будучи убеждены в своем праве на долю во всем этом». Словом, по мысли Родбертуса, надвигается «новая угрожающая народная буря в лоне самой цивилизации», буря, в тем большей степени страшная, что имущие классы могут противопоставить ей лишь оружие, а этого, как он уверен, совершенно недостаточно для обуздания «варваров». Ведь когда в современном обществе пускаются в ход «полиция и пушки», «варварам приходится сражаться против самих себя», но не надо забывать уроков истории: «варвары, которые служили в римских войсках, завоевали Рим» [2].

Новое нашествие варваров — так расценивает Родбертус нарастающее революционное движение пролетариата. Совпадение этой псевдоисторической аналогии с той, которую проводил Шатобриан, в высшей степени симптоматично: оно свидетельствует о глубине беспокойства, охватившего имущие классы как Германии, так и Франции.

Тем же беспокойством пронизан прочитанный в Лейпциге и Брюсселе профессором Г. Аренсом курс лекций по

[1] *C. Rodbertus-Jagetzow.* Die Forderungen der arbeitenden Klassen, S. 195.

[2] Ibid., S. 205.

теории «естественного права» (1837 г.). Объясняя происхождение различных коммунистических и социалистических доктрин, Г. Аренс относит их прежде всего на счет сдвигов «в старых социальных отношениях и в особенности в положении рабочего класса, столь резко изменившемся в результате разрушения корпоративных связей и введения машин» [1]. Аренс связывает эти доктрины с ненавистными для него сенсуализмом и материализмом, «отрицающими человеческую личность» [2], и подчеркивает особую опасность для общества «политического социализма, или коммунизма», который «вносит потрясения в социальный порядок в целом», стремится «низвергнуть публичную власть» [3].

Имущим классам в Германии внушает тревогу и английский чартизм. Явно намекая на чартистское восстание 1839 г., прусский мракобес К. Франц, выступивший в начале 40-х гг. с рядом статей, в которых он поносил идеи французской революции XVIII в., а вместе с ними и современный ему немецкий либерализм [4], писал в 1841 г.: «У нас нет еще своего Бирмингема, мы обладаем более строгими законами и более строгой полицией, которая в зародыше пресекает любые эксцессы. Но тем не менее и у нас имеется достаточно многочисленный и постоянно растущий класс фабричных рабочих, а пример беспорядков,— указующе и многозначительно замечал он,— заразителен» [5].

Углубляющаяся в Англии рознь между «богатыми и бедными», по оценке публицистов из буржуазно-либеральных кругов этого времени, представляет собой лишь «болезнь», однако «болезнь» опасную: там, в Англии, она просто выявилась раньше, чем в других странах, но может распространиться и на них, поскольку имеет «по своей природе не политическое, а социальное происхождение». Констатируя столь прискорбный для буржуазии факт, «Rheinische Zeitung» призывала в 1842 г. немцев, «имеющих, к счастью, для этого достаточно времени», серьезно обдумать происходящее в Англии, чтобы не допустить по-

---

[1] *H. Ahrens.* Cours du droit naturel ou philosophie du droit, 6 éd., t. 1. Bruxelles, 1868, p. 81.

[2] Ibid., p. 85, 86.

[3] Ibid., p. 93.

[4] См. *С. Б. Кан.* Немецкая историография революции 1848—1849 гг. в Германии. М., 1962, с. 56.

[5] *K. Frantz.* Über die Stellung der Fabrikarbeiter. «Atheneum», 1841, S. 44.

вторения чего-либо подобного у себя на родине [1]. Когда же через два года, в июне 1844 г., разразилось восстание силезских ткачей, то смятение в умах достигло крайней остроты. Буржуазная пресса расценила боевое выступление силезских рабочих как «грозное предзнаменование». «Ужас положения,— по оценке «Kölnische Zeitung», органа либералов,— заключается именно в том, что дело идет о борьбе между имущими и неимущими и что борьба эта имеет целью превращение имущих в неимущих» [2]. Как писал позднее о настроениях либералов «истинный социалист» Э. Дронке, впоследствии близкий К. Марксу, «крик, несущийся с Силезских гор, дал им понятие о существовании враждебной данному общественному порядку массы» [3]. Любопытно, что либеральный банкир Г. Мевиссен почти в тех же выражениях, что и парижский публицист Жирарден за 13 лет до этого, констатировал «вселяющий тревогу прогрессивный рост числа пролетариев»; он даже отважился заговорить о коренных недостатках существующего социального строя, который-де не в состоянии помешать «концентрации собственности в руках немногих» [4]. В том же смысле высказывался И. М. фон Радовиц, либерал-консерватор (так определял его политический облик немецкий историк В. Фрю [5]), признававший неотвратимость дальнейшего увеличения нищеты рабочих масс в Германии со всеми вытекающими отсюда, грозными для общества, последствиями.

В 1846 г. Радовиц анонимно опубликовал книгу «Современные беседы о государстве и церкви» [6]. Построенная в форме живых диалогов, объединенных в 16 «разговоров», или «бесед», в которых участвуют, сталкиваясь между собою, представители всех направлений немецкой социально-политической и религиозной мысли того времени (от пиетиста Арнебура до социалиста Детлева), книга Радовица

---

[1] «Rheinische Zeitung», 26. Juni 1842, № 177. Цит. в кн.: *С. Б. Кан.* Два восстания силезских ткачей. 1793—1844. М., 1948, с. 272. В то время «Rheinische Zeitung» была еще буржуазным либерально-оппозиционным органом. Только когда Маркс стал ее редактором (в октябре 1842 г.), она стала рупором революционно-демократических идей.

[2] «Kölnische Zeitung», 19. Juni 1844. Цит. в кн.: *С. Б. Кан.* Указ. соч., с. 364.

[3] *E. Dronke.* Berlin. Bd. II. Frankfurt-am-Main. 1846. S. 19—20.

[4] См. *J. Hansen.* G. von Mevissen. Bd. II. Berlin, 1906, S. 129.

[5] *W. Früh.* Radowitz als Sozialpolitiker.., S. 70.

[6] Gespräche aus der Gegenwart über Staat und Kirche. 2-te Aufl. Stuttgart, 1846.

получила широкое распространение в дворянских и буржуазных кругах и в том же году вышла вторым изданием [1]. Это и понятно, поскольку автор со всей возможной для него остротой ставил здесь наболевшие для Германии проблемы и прежде всего наиболее волнующую — «рабочий вопрос». Если либеральный фабрикант Крузиус, полемизируя в пятой «Беседе» с социалистом Детлевым, успокоительно замечает, что, мол, в Германии «мы еще не дошли до таких крайностей», какие наблюдаются в Англии или во Франции («в Англии каждый шестой человек — нищий, во Франции — каждый восьмой, у нас, примерно, только каждый двадцатый»), то Детлев, устами которого в данном случае говорил сам Радовиц, резко отметает эти успокоительные речи: «Бросьте свои статистические выкладки! — заявляет он, предсказывая неизбежность усиления массового пауперизма в стране.— Одинаковые причины должны повсюду произвести то же самое действие — там чуть раньше, здесь чуть позднее...» [2]. Именно это обстоятельство вселяло тревогу в сердца имущих людей, к какой бы социальной группировке они ни принадлежали.

Столь же опасными, как различные формы социального протеста пролетариата, идеологам имущих классов представлялись социалистические и коммунистические учения, распространявшиеся в домарксов период в пролетарской массе. Историки, правоведы, политики нередко обращались к «рабочему вопросу» (в том числе под углом зрения его истории) для того, чтобы опровергнуть эти учения, «подрывавшие» основу основ — идею незыблемости частной собственности. В произведениях авторов 30—40-х гг., затрагивавших проблемы положения пролетариата и развития рабочего движения, явственно сквозит, например, стремление опорочить утопически-коммунистические взгляды и их носителей, доказать несостоятельность революционно-коммунистических концепций, получавших все большее хождение среди рабочих, обосновать общность интересов пролетариев и капиталистов. Упоминавшийся выше А. Пепен сплошь да рядом обрушивает свой негодующий сарказм буржуазного адвоката на головы «докторов» и «филантропов», толкующих о том, что-де ныне подготовляется «другая революция», «столь же радикальная, как

[1] См. об этом: *W. Früh.* Op. cit., S. 58.
[2] Gespräche aus der Gegenwart.., S. 116—117.

великая революция 1789 г., хотя и по-иному, чем эта последняя», что «пролетариат будет играть в ней такую же роль по отношению к буржуазии, какую все третье сословие играло в 1789 г. по отношению к аристократии», и что, «подобно тому как третье сословие заняло тогда ее место, так теперь пролетарии займут место буржуазии» [1]. В таких словах определяет он, очевидно, круг идей, пропагандировавшихся Обществом друзей народа, участниками «процесса 15-ти» (1832 г.) — Ф. Распайлем, О. Бланки, А. Лаппонере, левыми деятелями Общества прав человека — Т. Т. Виньертом и другими бабувистами (В. д'Аржансон и т. д.) [2]. Разумеется, А. Пепену, панегиристу монархии Луи Филиппа, кажется совершенно несообразной и, более того, «дикой» мысль о революции, в которой бы «низшие классы низвергли, в свою очередь, буржуазию». Ведь именно она «обладает талантами, просвещенностью, она распоряжается промышленностью»; буржуазия не только не является — в противовес старой знати, опрокинутой в 1789 г.,— противницей равенства перед законом, но, наоборот, «желает этого равенства в 1830 г. так же, как и желала его в 1789 г.» [3]. Вот почему, по мнению Пепена, «это вздор — сравнивать буржуа наших дней, активного промышленника, с невежественным и праздным аристократом» [4]. Весь пафос своих антикоммунистических инвектив он устремляет на то, чтобы раскрыть принципиальную «ошибочность» таких взглядов. Пепен мобилизует с этой целью и доводы кажущейся ему убедительной логики, и аргументы, почерпнутые в арсенале псевдоисторичных рассуждений. Ему трудно вообразить себе, что произойдет с пролетариями в случае новой революции, которую предрекают пекущиеся о них «филантропы», и что станется с обществом, если пролетарии и в самом деле «займут место буржуазии», т. е., как он думает, «сами станут собственниками». Или надо предположить, что они «покончат с условиями, неотделимыми от собственности», уравняв всех таким образом, «что пролетариев вообще не будет?» Но «подобное намерение,— пишет Пепен, «опровергая» воззрения современных ему революционных коммунистов-утопистов,— слишком абсурдно, оно противоречит всей

---

[1] *A. Pepin.* Op. cit., p. 262.
[2] См. об их воззрениях в кн.: *В. П. Волгин.* Французский утопический коммунизм. М., 1960, с. 102—136.
[3] *A. Pepin.* Op. cit., p. 262—263.
[4] Ibid., p. 266.

истории» [1]. К тому же, коль скоро следовать доктринам «филантропов», пришлось бы сделать вывод, что поскольку буржуазия, свергнув в 1789 г. знать, уничтожила ее, постольку и пролетарии, «когда они, играя роль третьего сословия, добьются низвержения буржуазии», поступят с ней точно так же?! «Итак, надо думать, что не станет буржуазии?» Эта гипотеза не умещается в голове апологета буржуазных порядков: «Может ли быть, чтобы буржуазия перестала существовать?» Предположение, по мнению Пепена, просто немыслимое. Кроме того, добавляет он, возникает и другой вопрос: «Когда третье сословие во имя свободы лишило собственности невежественную и неспособную знать, общество выиграло от этого; третье сословие уничтожило бесправные и вредные привилегии. А когда низшие классы, которые ныне угрожают обществу, пролетарии, лишат собственности буржуазию, чтобы встать на ее место, выиграет ли общество что-нибудь от этого? ...Будут ли излечены социальные язвы?» Ответ не вызывает у Пепена сомнений: он может быть только отрицательным, ибо, как уверен этот историк, «пролетарии ...останутся всегда» [2]. Пепен старается показать абсурдность всяких попыток отменить принцип частной собственности — «необходимой основы, на которой покоится все общество»: «Чему послужит извержение (irruption) низших классов на буржуазию? В чем будет интерес общества к этой социальной революции, которой нам грозят, считая, будто ее прообразом послужили несчастные события конца 1831 года?» [3] Пепен не находит чьего-либо «интереса» в осуществлении такой революции, поскольку он отождествляет буржуазию с обществом в целом.

Представления, приверженцы которых «видят в обществе лишь рабочих, с одной стороны, и праздных, как в 1789 г.,— с другой», объявляются полностью необоснованными. Ведь «буржуазия — это торговцы, банкиры, лавочники, все мелкие собственники; но разве буржуа, которых ложно именуют привилегированными, не являются тружениками, столь же активными, как и прочие пролетарии» [4] — с этих исходных позиций будет оценивать Пепен лионское восстание 1831 г. Едва ли не главный идеологический мотив, побудивший его коснуться данной темы,—

[1] *A. Pepin.* Op. cit., p. 263.
[2] Ibid., p. 264.
[3] Ibid., p. 272.
[4] Ibid., p. 266.

желание ниспровергнуть коммунистические идеи, идеи грядущей революции пролетариата, направленной против социального неравенства и его фундамента — частной собственности.

С аналогичными побуждениями мы встречаемся и в опубликованной в 1834 г. «Истории лионских восстаний 1831 и 1834 годов» Ж.-Б. Монфалькона, выступающего защитником интересов крупной буржуазии. Ему тоже претит думать, «будто общество расколото на два враждебных класса», и он даже считает, что «день, когда удастся доказать, что общество состоит из двух по необходимости враждебных классов — из тех, у кого что-то есть, и тех, кто не имеет ничего,— будет последним днем общества» [1]. Распространители подобных взглядов, отрицающие право собственности,— это, в глазах Монфалькона, только «безрассудные декламаторы, чьи теории возбуждают народ против собственников земель, домов и фабрик», это «дурные граждане, которые, служа минутным партийным интересам, разжигают естественную зависть бедного класса против богатого». Их доктрины «без конца преувеличивают несчастья тех, кто должен работать, чтобы жить», «ставят под вопрос право собственности и вооружают одну часть населения против другой...»; их обращение к «страстям масс», обостряя вражду неимущих к имущим, ведет к убийствам и грабежам, «провоцирует жакерию во сто раз более кровавую, нежели та, память о которой сохранили наши анналы» [2]. Подобно Пепену, Монфалькон выступает убежденным противником «декламаторов», призывающих к насильственному «разделу имуществ». Этот путь, как он полагает, отнюдь «не служит бедным классам», что якобы «доказано историей»: «Там, где для раздела имущества пускалось в ход насилие, там такой способ установить равенство состояний губил прибегавших к нему. Для бедняка,— заявляет Монфалькон,— есть лишь один верный способ улучшить свое положение: «труд, который дает, и бережливость, которая сохраняет»». Иначе говоря, наемный раб должен безропотно нести бремя рабства, «добросовестно» трудясь на предпринимателя и «экономя» на своей бедности. Революция, с точки зрения Монфалькона, равносильна грабительской оргии и, как он считает, исходя из превратно истолковываемого им исторического опыта

---

[1] *J.-B. Monfalcon.* Op. cit., p. 38—41.
[2] Ibid., p. 39—40.

лионских восстаний, сами массы враждебны-де этим «проектам разорения и ограбления; у них (масс) намного больше инстинктивного понимания того, что́ есть благо, чем думают».

В значительной мере ради доказательства своего надуманного тезиса об умеренности рабочих (при этом, как мы только что видели, «революционность» понимается им весьма «своеобразно») и тем самым ради посрамления «коварных друзей» пролетариата, из-за наущений которых он-де не понял «верных средств решения социального вопроса», Монфалькон и предпринял свое исследование. Он тоже настойчиво отклоняет мысль о расколе общества на непримиримые классы, «на два лагеря людей, готовых раздавить друг друга», хотя вместе с тем и полагает, что «было бы неразумным скрывать плохое положение бедных классов и несправедливым — не спешить с улучшением их положения». Напротив, враг коммунистических теорий, Монфалькон настаивает на необходимости «все наши силы направить... на укрепление союза двух классов, на то, чтобы сделать их отношения взаимовыгодными» [1].

Представление о том, что у пролетариев и буржуа взаимные обязанности, которые «связывают оба эти класса», что «у них одинаковые политические права, одинаковые интересы», что «бедные и богатые — дети одной и той же почвы, у них одна родина, один закон», короче, что «все — братья, и, как братья, должны любить друг друга и помогать друг другу», именно эта идея, в противовес революционным доктринам «декламаторов», воодушевляла Монфалькона на его труд по истории лионских восстаний 1831 и 1834 гг. Он писал свою книгу в убеждении, что «право собственности — фундамент нашей социальной организации. Выкиньте из здания этот краеугольный камень, и развалины (здания) раздавят и тех безрассудных, кто дал роковой совет, и пролетариев, бездумно ему последовавших». Социальное неравенство, по Монфалькону, естественно: «Если аристократия богатства есть зло, то зло неизбежное. Отдайте беднякам земли, золото, дома, богатства всякого рода; введите аграрный закон, уравняйте все блага, пусть никто сегодня не будет иметь больше, чем другой,— и назавтра же пороки, неотделимые от нашей натуры... восстановят неравенство, которое вас возмущает»,— словно обращается он к своим противникам — коммунистам [2].

---

[1] *J.-B. Monfalcon*. Op. cit., p. 40—41.

[2] Ibid., p. 38, 40.

Атмосфера беспокойства (мы привели лишь единичные факты, которые ее характеризуют), воцарившаяся в наиболее дальновидных кругах имущих классов главных капиталистических стран Западной Европы в 30-х — 40-х гг. (в немалой степени она подогревалась деятельностью тайных революционных обществ), сказывалась во всей направленности общественной мысли. У идеологов и политиков этих классов возникла жгучая потребность в том, чтобы разобраться в исторических и текущих явлениях и процессах, связанных с развитием пролетариата и ростом его социальной и политической активности, служившей источником тревог и опасений. Как писал в 1847 г. русский экономист демократического направления В. Милютин, резюмируя в одной из своих статей воззрения многих западноевропейских исследователей и формулируя собственные взгляды на судьбы «рабочих классов», «невольно возникает вопрос о том, какими путями и вследствие каких событий дошли они до такого положения, откуда явился... многочисленный класс голодных пролетариев... живой упрек современной цивилизации..?» [1]. Внутренняя «природа» этой потребности осмысления «рабочего вопроса», конкретные социально-политические и социально-психологические побуждения, стимулировавшие ее возникновение, с самого начала были весьма многозначными, но, во всяком случае, отнюдь не простая любознательность наталкивала на то, чтобы пристально вглядываться в пролетариат и в его борьбу, выраставшие на глазах, и вдумываться в теории, предрекавшие уничтожение строя частной собственности. Напротив, анализировать, говоря словами английского историка, «прошлое и настоящее состояние рабочего населения» [2], формулировать свое понимание пролетарских выступлений, произносить свой вердикт разгоравшемуся сильнее и сильнее рабочему движению и теоретическим воззрениям, отражавшим устремления пролетариата, как раз менее всего заставляли идеологов имущих классов какие-либо чисто «академические» мотивы. Историческая и экономическая наука, социология и политика, юриспруденция и публицистика должны были дать ответы на животрепещущие вопросы, поставленные самой жизнью. Такие

---

[1] *В. М.* Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции. Статья первая. «Отечественные записки», т. 51, отд. II. СПб., 1847, с. 9.

[2] См. *J. D. Tuckett.* History of the Past and Present State of the Labouring Population. Vol. 1—2. London, 1846.

ответы нужны были не в последнюю очередь и для того, чтобы помочь имущим классам и их различным группировкам обосновать тот или иной политический курс, ту или иную конкретную позицию в области социально-экономической и политической практики.

Так, в Англии в период, последовавший за избирательной реформой 1832 г., законом о бедных 1834 г., в период острой парламентской и внепарламентской борьбы вокруг хлебных законов, фабричного законодательства и пр., когда и промышленная буржуазия, и землевладельческая аристократия, столкнувшиеся между собой на политической арене, наперебой старались привлечь на свою сторону пролетариат, в научной и публицистической литературе наблюдается усиленное внимание к проблемам положения рабочего класса[1]. Не только в периодической печати, но и на страницах книг и брошюр ведется яростная полемика: появляются солидно обоснованные обличения и столь же солидно аргументированные апологии фабричной системы, множатся произведения, одобряющие будущее фабричное законодательство, и такие, которые его отвергают и проклинают[2].

Можно было бы отметить более или менее откровенные политические мотивы постановки «рабочего вопроса» также и в произведениях французских и немецких авторов рассматриваемого периода. Одни из них принадлежали к реакционно-аристократическим кругам и выражали их на-

---

[1] Достаточно указать хотя бы на выходивший в Лондоне в 1839—1844 гг. журнал Статистического общества, регулярно помещавший статьи на данную тему, например: *W. Felkin*. On the State of the Labouring Classes in Hyde. «Journal of the Statistical Society of London», vol. I, 1839; *C. B. Fripp*. Report on the Condition of the Working Classes in Bristol. Ibid., vol. II, 1839; *W. Felkin*. Statistics of the Labouring Classes and Papers in Nottingham. Ibid.; *W. Johns*. Report upon the Working of the Registration and Marriage Acts, during the two Years 1837—1838 and 1838—1839, in the Registration District of Manchester. Ibid., vol. III, 1840; *R. Cowan*. Vital Statistics of Glasgow, illustrating the Sanitary Condition of the Working Class in the Inner Ward of St. George's Parish. Ibid., vol. VI, 1843 и другие. Материалы аналогичного характера печатались также в ежемесячнике «The Artisan» и в иллюстрированном журнале «Illuminated Magazine», выходившем в 1843—1845 гг., а равно и в различных медицинских журналах. См. *Е. Косминский*. Об источниках книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», с. 86.

[2] См. оценку этих газетно-журнальных и книжных дискуссий в статьях: *Е. Косминский*. Указ. соч., с. 78; *Н. А. Ерофеев*. Развитие капитализма и формирование резервной армии труда в Англии эпохи чартизма.— В кн.: Чартизм. Сб. статей. М., 1961, с. 98.

строения, другие были близки буржуазии и выступали с позиций защитников ее интересов. Так, для офицера-легитимиста А. Сала, очевидца событий 1834 г., освещение обоих лионских восстаний — удобное средство в политической борьбе аристократии против финансовой буржуазии, утвердившейся у власти в 1830 г. Сала и обратился к истории этих восстаний с тем, чтобы, интерпретировав их по-своему, выразить собственное неприятие господства биржевиков и банкиров, политическую оппозицию легитимистской партии по отношению к существующему режиму. По мнению Сала, виновница этих восстаний — «первой дуэли между фабрикантами и рабочими» — сама буржуазия. Именно она, в интересах своей борьбы с аристократией и легитимной монархией, вовлекла «на путь политической борьбы тысячи невежественных людей», в результате чего «политикой стали заниматься все» [1].

Не перекликается ли, между прочим, с этой мыслью развитый позднее в «Манифесте Коммунистической партии» тезис о том, что буржуазия «для достижения своих собственных политических целей должна, и пока еще может, приводить в движение весь пролетариат», который таким путем получает от нее элементы ее собственного «политического образования»? [2]. Конечно, позиции авторов «Манифеста» и офицера-легитимиста прямо противоположны, последний *упрекает* буржуазию за то, что она способствует вовлечению пролетариата в политическую жизнь; Маркс и Энгельс, наоборот, видят в этом ее прогрессивную роль.

Идеолог аристократии, Сала прямо-таки обвинял буржуазию в том, что, воспользовавшись плодами народной победы в 1830 г. и придя к власти, она обманула и предала своего союзника: по ее вине «в 1834 г. была пролита кровь промышленных рабочих». «Обманутый народ, они (буржуа.— *Авт.*) привели тебя к нищете, несчастью, эшафоту» [3],— восклицает мемуарист. Он видит в восставших рабочих «обманутых, введенных в заблуждение людей». Ни в коей мере не собираясь оправдывать вооруженные восстания лионских ткачей, считая их «плачевными ошибками» и вместе с тем отдавая должное героизму и мужеству инсургентов, Сала убежден, что, задушив выступле-

---

[1] *A. Sala.* Les ouvriers lyonnais en 1834. Esquisses historiques. Paris, 1834, p. 17, 21.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, с. 432, 433.

[3] *A. Sala.* Op. cit., p. 18, 19.

ния лионцев, буржуазия отнюдь не ликвидировала возможность возникновения новых конфликтов такого рода. Борьба не закончилась, и когда-нибудь рабочая масса «еще заявит о себе» [1].

Обращение к «рабочему вопросу» в обстановке подъема классовой борьбы диктовалось также стремлением идеологов и политиков имущих классов, выявив с помощью углубленного исследования бедствий «рабочих классов» действительные масштабы этого «больного вопроса», найти средства социального «самоуспокоения» и «самоутверждения» перед лицом «современных рабов» и надвигающейся с их стороны угрозы, а вместе с тем — средства излечения «болезни» [2]. Речь шла о средствах, которые могли бы нейтрализовать или парализовать рабочее движение, поставив ему цели, вполне согласующиеся с социально-политическими интересами сильных мира сего, и в то же время указав последним на необходимость осуществления «разумной» политики в отношении пролетариата. Впрочем, в этом плане выводы и суждения авторов различной партийно-политической принадлежности мало чем отличались друг от друга.

Панический страх французской буржуазии перед вооруженными выступлениями рабочих и ее желание предотвратить их путем мелких реформ выражает Теодор Беназе, составитель «Докладной записки палатам по поводу лионских событий» (декабрь 1831 г.). Он находит в себе смелость признать, что восстание лионских ткачей в 1831 г. было порождено их бедственным положением. Восстание, заявляет он, было вызвано «глубокой, не терпящей промедления причиной»; эта причина — «голод». Обнищание рабочих наблюдалось не только в Лионе, но и по всей стране: «Не следует впадать в опасную ошибку, думая, будто только в Лионе необходимо срочно помочь делу. В этом месте появилась язва, но болезнь — во всем теле» [3]. Ради предотвращения подобных выступлений рабочих необходимо «сделать более терпимым существование наро-

---

[1] *A. Sala.* Op. cit., p. 135.

[2] Барон Биго де Морог, выпустивший в 1832 г. написанную в духе «социального католицизма» того времени книжку по «рабочему вопросу», так и назвал ее: «О нищете рабочих и о пути, которому нужно следовать, чтобы излечить ее». См. *Baron de Morogues.* De la misère des ouvriers et de la marche à suivre pour y remédier. Paris, 1832.

[3] *Th. Benazet.* Mémoire aux chambres à l'occasion des événements de Lyon. Paris, Décembre 1831, p. 4, 5.

да», чему, по мнению автора «Записки», будут способствовать небольшие реформы, проведенные правительством (сокращение церковного бюджета, ограничение расходов по содержанию двора, уменьшение налогов на предметы первой необходимости и т. д.).

Беназе предостерегает правительство, что отказ от немедленного проведения реформ приведет к новому восстанию рабочих. «Никакого промедления, необходима крайняя срочность,— с явным испугом восклицает он,— не завтра, а именно сегодня нужно излечить болезнь. И, если кто-нибудь еще колеблется, я ему скажу: где бы вы ни были, оглянитесь вокруг себя и вспомните Лион» [1].

Бедственное положение рабочих «стало постоянным явлением»,— констатирует французский экономист Э. Бэр, автор исследования о «рабочих классах» (1836 г.). «Прискорбные результаты» нищеты рабочих он усматривает в том, что она «приводит к образованию тайных обществ, союзов, а иногда к бунту и вооруженному восстанию» [2],— ясный намек на недавние события 1834 г. в Лионе. Подобно Пепену, Монфалькону и другим идеологам французской буржуазии, Бэр отрицает «неизбежность постоянной вражды между тем, кто дает работу, и тем, кто работает». С его точки зрения, существует верный путь к предотвращению такой вражды: «отеческая забота» капиталистов по отношению к своим рабочим, и вместе с тем «разумное повиновение» последних работодателям. Стремясь изыскать надежные способы защиты буржуазной собственности от угрозы покушения на нее со стороны «рабочих классов» и объявляя «всякое посягательство на чужую собственность достойным осуждения», он выражает уверенность в том, что, усвоив его принципы, трудящиеся «никогда не покусятся на священное право собственности» [3]. В то же время Бэр предлагает во избежание «социальных потрясений» ряд реформ (организация общественных работ для безработных в периоды экономических кризисов, облегчение налогового бремени, установление фиксированной заработной платы для промышленных рабочих, улучшение санитарного состояния городов, охрана труда детей, работающих на фабриках, и т. п.).

---

[1] *Th. Benazet.* Op. cit., p. 23.

[2] *E. Bères.* Les classes ouvrières. Moyens d'améliorer leur sort sous le rapport du bien-être matériel et du perfectionnement moral. Paris, 1836, p. 9, 10.

[3] Ibid., p. 20, 260—261, 265, 277.

Нужно «неустанно изучать средства против основных причин бедственного положения рабочих»,— призывал вскоре после силезского восстания немецкий экономист Фаллати, имея в виду «недостаточность их заработной платы, каждодневную зависимость любого промысла от хода дел и воли хозяина». Впрочем, этот либеральный профессор отдавал себе отчет в том, что «коренное устранение зла» (имелось в виду тяжелое экономическое положение фабричных рабочих.— *Авт.*) предполагает такие изменения существующих установлений, которые, как он сам был уверен, «не могут быть произведены ни сразу, ни тем более в настоящее время», и поэтому считал достаточным и «гораздо более практичным» ограничиться лишь поисками способов, с помощью которых можно было бы осуществить «духовное и нравственное облагораживание рабочих» [1].

Были, несомненно, и другие мотивы, обострявшие интерес общественной мысли имущих классов к пролетариату. Помимо беспокойства, которое внушал рост рабочего движения, стихийного и организованного, в буржуазных кругах возникали опасения по поводу таких явлений социальной действительности, которые теснейшим образом затрагивали непосредственное благополучие собственников: рабочие кварталы больших городов, образовавшиеся в процессе промышленного переворота, становились очагами массовых эпидемий и в определенной мере рассадниками преступности; и то и другое прямо угрожало жизни и собственности представителей состоятельных классов. В Англии опасность первого рода ясно продемонстрировала холера 1831—1832 гг. [2]; в крупных промышленных цен-

---

[1] *Fallati*. Das Vereinwesen als Mittel zur Sittigung der Fabrikarbeiter. «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft», Bd. I, 1844, S. 740—741.

[2] Не случайно как раз с этого времени появляются одно за другим исследования врачей относительно условий жизни городских рабочих, где особое внимание уделяется санитарному состоянию пролетарских районов, влиянию фабричных условий на здоровье рабочих и т. п. Таковы труды: *P. Gaskell*. The Manufacturing Population of England, its Moral, Social and Physical Conditions and the Changes which have arisen from the use of Steam Machinery. With an Examination of Infant Labour. London, 1833; *Y. Ph. Kay*. The Moral and Physical Condition of the Working Class Employed in the Cotton Manufacture in Manchester. 2-nd ed. London, 1832; *Ch. Wing*. Evils of the Factory System Demonstrated by Parliamentary Evidence. London, 1837; *W. C. Alison*. Observations on the Management of Poor in Scotland and its Effects on the Health of Great Towns. Edinburgh, 1840 и многие другие. Исследования

трах той же Англии и других стран на опасность второго рода указывало увеличение числа преступлений в 30—40-х гг.— от мелких краж до убийств. Характерно, что, констатируя большие размеры преступности в Париже, французский социолог А. А. Фрежье, занимавший видный пост в полицейской префектуре столицы, высказывал убеждение во всеобщности этого феномена, присущего как «большим городам королевства», так и «иностранных государств»: «Эти беды,— по его словам,— проявляются более или менее интенсивно во всех странах и городах, которые выступают центрами социальной и промышленной активности» [1].

Отражением и подтверждением этого взгляда может служить и тот пристальный интерес, который развитие преступности вызывало в ученых кругах. «Journal of the Statistical Society of London», например, довольно регулярно печатал исследования и всякого рода сводные материалы, иллюстрировавшие неутешительное положение в этой области [2].

Однако главным, по крайней мере у наиболее серьезных ученых и мыслителей, общественных деятелей и публицистов, принадлежавших к тем или иным слоям имущих людей и выражавших их настроения и чаяния, было именно желание уяснить и оценить положение «рабочих классов», понять смысл их борьбы, осознать ее направленность

на эту тему систематически публикуются и в журнале лондонского Статистического общества, напр.: *D. Noble.* On the Influence of the Factory System in the Development of Pulmonary Consumption. «Journal of the Statistical Society of London», vol. V, 1842 и др. См. подробно о деятельности и трудах английских медиков в кн.: *И. В. Венгрова.* Из истории социальной гигиены в Англии XIX века. М., 1970; см. также: *J.* and *S. Jewkes.* The Genesis of the British National Health Service. Oxford, 1961; *R. G. Hodgkinson.* The Origine of the National Health Service. The Medical Services of the New Poor Law, 1834—1871. London, 1967.

[1] *H. A. Fregier.* Des classes dangereuses de la population dans les grandes villes et des moyens de les rendre meilleurs. Bruxelles, 1840, Introduction, p. 183.

[2] См., например: *W. Rawson.* An Inquiry into the Statistics of Crime in England and Wales. «Journal of the Statistical Society of London», vol. II, 1839; «Number and Nature of Robberies in London and Liverpool during the Year 1838». Ibid.; *Ch. Shaw.* Police Statistics of the Week's End in Manchester. «Journal of the Statistical Society of London», vol. V, 1842; *J. Fletcher.* Progress of Crime in the United Kingdom; Abstracted from the Criminal Returns for the Year ended at Michaelmas 1841.— Ibid., vol. VI, 1843.

и вероятные перспективы для того, чтобы сделать из этого практически-политические выводы, указывающие выход из положения, т. е. намечающие «стратегию и тактику» имущих классов и их партий в отношении пролетариата.

Наиболее проницательные из этих обществоведов ясно понимали, что «рабочий вопрос» крайне важен для настоящего и еще более — для будущего [1]. Именно потому, как писал Ф. Бюлау, «нельзя убаюкивать себя, сохраняя уверенность, нельзя оставаться равнодушным к этому вопросу». Напротив, необходимо «серьезное изучение положения вещей», это — «насущная потребность» [2]. Она ощущалась в 30—40-х гг. везде, где делал успехи или только утверждался капитализм, несший неслыханные бедствия трудящимся массам. Примечательно, что Французская Академия моральных и политических наук, едва появившись на свет в 1832 г. и располагая еще скромным бюджетом в 4 тыс. фр., не находит лучшего применения этим средствам, кроме как вложить их в организацию подепартаментского обследования, цель которого — «установить со всей возможной точностью физическое и нравственное состояние рабочих классов» [3]. Вскоре та же Академия проводит открытый конкурс на лучшее исследование вопроса о том, «в чем заключается нищета, каковы ее признаки в разных странах, каковы ее причины» [4]. В свою очередь, в 1835 г. Эрфуртская Академия объявляет публичный конкурс на тему: «Обоснованы ли в достаточной степени жалобы на все увеличивающееся обнищание и уменьшение средств пропитания? Каковы причины этого зла и каковы средства для его искоренения?» [5].

Таким образом, положение пролетариата превращается с этого времени в объект систематических научных разработок.

Поиски ответа на злободневные вопросы привели, в частности, к появлению множества брошюр, статей и ряда

---

[1] *F. Bülau.* Der Pauperismus.., S. 243.

[2] *F. Bülau.* Der Staat und die Industrie. Vorrede, S. VI.

[3] *E. Mireaux.* Louis-René Villermé. Paris, 1961, p. 10—11.

[4] *E. Buret.* De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France. «Cours d'économie politique». Bruxelles, 1839, p. 431.

[5] По данным Ф. Бюлау, на конкурс было представлено 16 работ, однако единственной премии удостоилось сочинение некоего Баура из Майнца, изображавшего положение рабочих в розовых тонах. *F. Bülau.* Zeitfragen aus dem Gebiete der Politik und Volkswirtschaft. Leipzig, 1846, S. 232, Anmerkung.

солидных трудов[1], более или менее обстоятельно анализировавших материальное и социальное положение «рабочих классов». Некоторые из этих материалов, о чем уже было вскользь упомянуто ранее в другой связи, тщательно изучались Марксом и Энгельсом, во всяком случае были им хорошо знакомы и оценены ими надлежащим образом. Есть ли основания сомневаться в том, что эти труды в определенной степени помогли основоположникам марксизма в выработке научной концепции пролетариата?

В самом деле, Маркс и Энгельс, например, высоко ценили заслуги Т. Карлейля, резко обличавшего социальные язвы английского буржуазного общества[2]: по словам Маркса, он «выступил в литературе против буржуазии в то время, как ее представления, вкусы и идеи полностью подчинили себе всю официальную английскую литературу»[3]. И хотя Карлейль, обличая «машинократию», рисуя страшные «картины горя, нужды и отчаяния» двух миллионов рабочих, описывая «гнусный мир, в котором все рабочие лошади могут быть хорошо накормлены, а бесчисленные рабочие люди должны умирать с голоду»[4], осуществлял свою критику этого «гнусного мира» с явно реакционных позиций (идеалом историка были мнимопатриархальные отношения феодальной эпохи)[5], тем не

---

[1] Обстоятельную библиографическую подборку материалов на эту тему в рамках истории германских государств см.: *P. Mombert.* Aus der Literatur über die soziale Frage in Deutschland in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Anhang.— В кн.: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Hrsg. von C. Grünberg. Jg. IX, H. 2—3. Leipzig, 1921, S. 224—236.

[2] Между прочим, Карлейль подвергал бичующей критике анархию производства, которая ведет к перепроизводству товаров, в то время как огромные массы людей лишены необходимого: «Миллионы рубах и пустых пар штанов висят обвинителями против фабрикантов»,— писал он со свойственным ему сарказмом. *Т. Карлейль.* Теперь и прежде, с. 243.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, с. 268.

[4] *Т. Карлейль.* Указ. соч., с. 2, 4, 30 и др.

[5] Противопоставляя феодальную эпоху современному обществу, Карлейль с горечью писал, что во времена лордов и крепостных «люди имели душу», тогда как ныне единственной связью между людьми остался только «наличный платеж». Там же, с. 208 и др. Ср. соответствующий тезис из «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса о «голом интересе», «бессердечном чистогане» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, с. 426). Подробнее о карлейлевской идеализации средневековья см. *Е. В. Гутнова.* Томас Карлейль как историк. «Вопросы истории», 1945, № 5—6; *ее же.* Историография истории средних веков. М., 1974, с. 198 и сл.

менее Маркс и Энгельс подчеркивали позитивное значение взглядов английского мыслителя, чьи выступления носили «иногда... даже революционный характер» [1]. Энгельс писал о взглядах «шотландского Ювенала», что он «глубже всех английских буржуа понял причины социального неустройства» [2]. Вообще к консерваторам-романтикам 40-х гг. Энгельс тогда относился не только без особой вражды, но даже с известной симпатией, поскольку в своей борьбе с буржуазией они так или иначе выдвигали интересы рабочего класса [3]. Разумеется, при этом он ясно видел и консервативную сущность их мировоззрения.

Однако, конечно, их установки были глубоко чужды основоположникам научного коммунизма. В еще большей мере это относится к воззрениям буржуазных социологов либерального толка, таких, как Л.-Р. Виллерме и Л. Фоше, обследовавших в 30—40-х гг. жизненные условия рабочих в Англии и Франции [4]. Все они в своих выводах не шли дальше рекомендаций частичных социальных реформ, долженствующих, по их мнению, быть проведенными сверху. Притом в исследовании Виллерме даже проступали апологетические мотивы, которые, кстати сказать, заметил еще Бюре, считавший необоснованными представления этого медика, будто судьба рабочих классов под влиянием развития промышленности улучшается [5]. И все же реалистичная картина бедствий пролетариата отражала достаточно смелый для своего времени подход к «рабочему вопросу», глубоко противоречивший искусственно оптимистическим выводам официальной буржуазной науки 30—40-х гг., прежде всего политической экономии. Эта картина производила разительное впечатление на современников, знакомившихся с результатами изысканий названных исследователей. Так, по мнению одного из немецких рецензентов книги Бюре «О нищете рабочих классов в Англии и Франции», до выхода в свет труда Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» она с полным основанием считалась

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, с. 268.

[2] Там же, т. 2, с. 513.

[3] См. *Е. А. Косминский*. Указ. соч., с. 72.

[4] Что касается двухтомного труда Э. Бюре, удостоившегося летом 1840 г. первой премии на конкурсе Французской Академии моральных и политических наук, то работа этого автора была в 1844 г. хорошо известна Марксу, но Энгельс ее не знал.— Там же, с. 88—92.

[5] *E. Buret*. De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France, t. 2. Paris, 1840, p. 191.

наиболее авторитетной по данной проблеме[1]. «Этюды об Англии» Л. Фоше, напечатанные в «Revue de deux Mondes» в 1843—1844 гг. и использованные Энгельсом, представлялись последнему более ценными, чем все, написанное на эту тему как немцами, так и французами[2].

Уже приведенные факты позволяют высказать предположение, что процесс формирования Марксовой концепции пролетариата совершался не без воздействия определенных достижений буржуазной, мелкобуржуазной и консервативной рабочеведческой литературы 30—40-х гг. На некоторые ее наблюдения, подвергнув их коренной переработке и переосмыслив с коммунистических позиций, могли опереться в той или иной мере и великие учителя пролетариата. Разумеется, пристальное внимание Маркса и Энгельса к современной литературе по «рабочему вопросу» диктовалось принципиально иными идеологическими мотивами, чем тот интерес к этому вопросу, который проявляли ученые и мыслители имущих классов. Да и выводы, к которым пришли Маркс и Энгельс, в корне отличались от выводов буржуазных либералов и исследователей реакционного направления. Основоположники марксизма со всей научной достоверностью определили неизбежность социальной революции пролетариата: они доказали, что пролетариат сам себе поможет своей борьбой против буржуазии. Получившее распространение в публицистике и научных сочинениях 30—40-х гг. представление, уподоблявшее рабочих античным «варварам», которые приведут-де цивилизацию к краху, у Маркса приобрело совершенно иной характер и смысл, диаметрально противоположный тому, который оно имело в писаниях буржуазных и феодальных идеологов. Маркс впервые увидел в пролетариате решающий фактор избавления общества от всякого угнетения: «История готовит из этих «варваров» нашего цивилизованного общества,— писал он 11 августа 1844 г. Л. Фейербаху, употребляя ходячий термин тогдашнего обществознания,— практический элемент для эмансипации человека»[3].

Таким образом, концепция реакционеров и единых с ними в этом вопросе буржуазных идеологов ставилась

---

[1] «Über das Elend der arbeitenden Klassen in Frankreich». «Die gesellschaftliche Zustände der zivilisierter Welt». Bd. I, 1846.
[2] См. *Е. А. Косминский.* Указ. соч., с. 87.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, с. 381.

Марксом с головы на ноги. Эти мыслители были не только далеки от правильного понимания пути исторического прогресса, связанного с ростом социальной активности рабочего класса, но самое изучение ими «рабочего вопроса», в частности в его историческом аспекте, вызывалось у них в основе своей ретроградными, охранительными, в лучшем случае — филантропически-реформаторскими побуждениями.

Быть может, лучшим свидетельством тому, что именно такие мотивы имели решающее значение, что они, собственно, предопределили и появление первых научно-исторических и политико-публицистических концепций, выяснявших место рабочего класса в современном обществе, цели социального движения пролетариата, пути «преодоления» проистекающих отсюда «опасностей», служит одно из первых исследований по истории рабочего класса — книга немецкого социолога и историка, впоследствии видного правоведа, профессора Лоренца фон Штейна «Социализм и коммунизм сегодняшней Франции. Очерк современной истории», опубликованная в 1842 г.[1] (эта книга затем послужила своеобразным руководством для идеологов «государственного социализма» типа И. М. Радовица и др.)[2].

Штейн, непосредственно познакомившись в начале 40-х гг. с теоретиками французского социализма и коммунизма — Л. Бланом, В. Консидераном, Э. Кабе и с их доктринами, пытался, как писал К. Маркс, «изложить связь социалистической литературы с действительным развитием французского общества»[3]. Он чутко уловил взаимозависимость этих направлений общественной мысли и революционного духа рабочей массы в годы Июльской монархии во Франции, и, уловив эту связь, занялся теоретическим анализом как современных ему социалистических и коммунистических учений, так и их социальной основы. Что, однако, побудило убежденного реакционера Штейна,

---

[1] *L. v. Stein.* Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs. Beitrag zur Zeitgeschichte. 2-te Aufl. Leipzig, 1848. В течение 8 лет этот опус выдержал три издания и в переработанном виде вошел в сводный труд того же автора: «История социального движения во Франции с 1789 г. и до наших дней» (1850). Новейшее издание: *L. v. Stein.* Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. Bd. I—II. Hildesheim, 1959.

[2] *W. Früh.* Radowitz als Sozialpolitiker., S. 58—59.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, с. 496.

выходца из дворянской среды, обратиться к подобным сюжетам?

Сам историк четко разъясняет свой выбор: по его представлению, получившие распространение во Франции социализм и коммунизм (этот «мрачный, угрожающий призрак, в реальность которого никто не хочет верить, но существование которого, тем не менее, каждый признает и страшится»)[1] не «есть лишь случайный результат заблуждения отдельных умов». Нет, за социалистическими и коммунистическими теориями стоит некий общий «элемент, давший им жизнь»[2]: пролетариат. Он имеется уже и в Англии, и во Франции, и в Швейцарии, и в Бельгии; его борьба развертывается и в самой Германии — в промышленных районах Нижнего Рейна («первые признаки этого движения — над нашими собственными головами»)[3]. От этого нельзя отмахнуться, поскольку социализм и коммунизм коренятся в самой действительности. Они представляют собой «общеевропейское явление»[4] и, как таковое, суть «результат всей новейшей истории, (всей) нашей сегодняшней цивилизации»[5]. В их основе находится одно и то же для всех стран социальное движение — пролетарское. Пролетариат же, с точки зрения Штейна,— это в высшей степени опасный общественный элемент: он «опасен своей численностью», опасен «своим нередко демонстрируемым мужеством, сознанием своего единства, наконец, вследствие того чувства, что он может добиться своего только через революцию»[6]. Социалистические и коммунистические теории ныне невозможно уже рассматривать как простые утопии: эти теории, ставящие во главу угла отмену «личной собственности», связаны теперь с социальной практикой и потому приобрели реальную значимость. Именно такая связь делает сегодня пролетариат не только «самым опасным», но и, по Штейну, «единственно опасным элементом», по отношению к которому «нельзя отделываться презрением, проклятьями, а тем более оставаться равнодушным» к этому классу, «который нас окружает отовсюду»[7].

---

[1] *L. v. Stein.* Op. cit., S. 4.
[2] Ibid., S. 4—5, 6.
[3] Ibid., S. 11.
[4] Ibid., S. 12.
[5] Ibid., S. 3.
[6] Ibid., S. 9.
[7] Ibid., S. 53.

Пролетарское движение становится серьезным фактором общественной жизни, оно делается все более мощным. И как бы ни были относительно слабы в Германии первые раскаты грома, буря приближается: Германия не может остаться в стороне от процесса, который пока сильнее всего развивается и наблюдается во Франции. «Кто осмелится утверждать, что мы сумеем остаться свободными от того, что будоражит соседний народ, или, что мы даже сейчас свободны от этого?» [1]. Поскольку Германия не застрахована от такого же движения, постольку то, что происходит во Франции, равно как и в Англии, Швейцарии, Бельгии,— «это,— полагает Штейн,— и наше собственное дело» [2]. Следовательно, немцы обязаны уяснить себе — пусть на чужом, французском, опыте,— «что такое социальное движение, на существование которого указывают социалистические и коммунистические устремления, что такое социальная революция, чего она хочет и куда приведет» [3]. Это необходимо сделать, чтобы определить «средство, если оно имеется, которое можно было бы противопоставить пролетариату и исходящим от него опасностям» [4],— постановка проблемы, близкая к той, которая давалась Карлейлем, однако сформулированная несравненно четче (Карлейль писал о необходимости выяснить причины недовольства «рабочих классов» и установить, «каковы их экономическое положение и нравственное состояние, как обстоят дела в их домах и сердцах» — и в действительности, и в их собственном представлении, узнать, «на что они жалуются, на что — нет» [5], с тем, чтобы принять надлежащие меры, которые помогут «поладить с ними») [6].

Итак, сознание угрожающей опасности со стороны набирающего силу нового класса, чьи борьба и устремления, по убеждению Штейна (несомненно, одного из отдаленных предшественников современного антикоммунизма) [7], «ста-

---

[1] *L. v. Stein.* Op. cit., S. 11.
[2] Ibid., S. 12.
[3] Ibid., S. VII (Vorrede).
[4] Ibid., S. 12.
[5] *Th. Carlyle.* Chartism, p. 8.
[6] *Т. Карлейль.* Теперь и прежде, с. 358, 366.
[7] Антикоммунистические выпады Л. Штейна охотно используются сегодня реакционной буржуазной наукой. Так, в диссертации Г. Клемпа (ФРГ), посвященной исследованию социальных воззрений Л. Штейна, обильно приводятся выдержки из его работ, призванные «авторитетно» подкрепить мифы современного

вят под вопрос все прекраснейшие и драгоценнейшие блага, добытые человечеством в тяжелом труде», включая «индивидуальную свободу», ставят под вопрос самые «основы и зародыши цивилизации», которую пролетариат «с ненавистью отвергает», обрекая «на полное и основательное уничтожение» [1],— вот что, с точки зрения этого реакционного мыслителя, делает необходимым изучение движения рабочего класса и его теоретической сублимации — социалистических и коммунистических доктрин. Такого рода или сходные соображения были не чужды и другим историкам, экономистам, публицистам рассматриваемого периода, обратившим свои взоры на пролетариат. По словам того же Штейна, «высокий интерес, с которым образованный мир обращается ко всему, что касается пролетариата, имеет своей основой осознание его значения» [2].

Разумеется, признание этого факта вовсе не мешает Штейну трактовать поставленные им проблемы в антикоммунистическом духе. Более того, именно враждебность к идеям коммунизма побудила его к исследованию избранного сюжета. Недаром уже предисловие к своей работе он наполняет заведомо клеветническими выпадами против немецких последователей «грубого французского коммунизма» (имеется в виду, в частности, В. Вейтлинг) — доктрины, цель которой, в истолковании Штейна,— «не улучшить условия общественной жизни, а только натравить друг на друга различные классы», доктрины, которая «хорошо знает, что она ведет лишь к перевороту, но не ведает, что воспоследует за ним, которая намеренно не желает замечать, как необычайно много делается ныне для низших классов, ибо признанием этого она уничтожила бы самое себя»; такой коммунизм в действительности, как полагает немецкий реакционер, «ищет не блага народа, но лишь того, чтобы ценой этого блага... упрочить собственное значение». Он, Штейн, открыто выступает против предлагаемого коммунизмом «способа решения социальных вопросов», когда «ненависть и брань ополчаются на беспри-

---

антикоммунизма, «доказывающие» несовместимость коммунизма со свободой личности, «неизбежность» появления в случае победы пролетариата «новой, еще более непереносимой несвободы», и т. п. *G. Klemp*. Der Sozialgedanke im Werk Lorenz von Stein. Diss. Köln, 1966, S. 145 ff.

[1] *L. v. Stein*. Op. cit., S. 11.

[2] Ibid., S. 174.

страстное и спокойное изложение действительного положения вещей» [1],— пассаж, несомненно обращенный к определенным элементам «низших классов» с целью отвратить их от коммунистических доктрин. Идеал Штейна — «социальная монархия», призванная улучшить положение трудящихся и тем самым предотвратить «коммунистическую опасность».

* * *

Возникновение рабочеведения, включая его историческую отрасль, датируется 30—40-ми гг. XIX в. Оно обязано своим появлением тому глубокому интересу к рабочему классу, его социальной активности и многообразным теоретическим выражениям последней (социалистические и коммунистические теории), который обозначился в этот период у идеологов буржуазии и аристократии, сказавшись и в направленности публицистики, и в развитии научной мысли (политэкономия, социология, правоведение, история). В свою очередь, этот интерес был обусловлен обострением классовой борьбы и превращением пролетариата в ее решающий фактор. Необходимость возможно более полного теоретического и практически-политического осмысления социальных явлений, неразрывно связанных с возвышением нового общественного класса, внушавшим величайшее беспокойство сильным мира сего и настоятельно требовавшим принятия решений, которые помогли бы им сохранить в неприкосновенности существующий порядок, привлечь на свою сторону «средние классы» и мелкую буржуазию, ослабить и изолировать революционные силы,— таковы вкратце причины зарождения буржуазного и дворянского направлений в изучении рабочего класса и его борьбы против угнетения.

Некоторые представители научной и общественной мысли этих, как и других, домарксовых направлений, многое сделали, в частности, для исследования положения пролетариата и тем самым для выяснения причин его социального возмущения. Другие, в особенности консервативные романтики и теоретики феодального социализма, сумели даже постигнуть — в классово ограниченных пределах своего мировоззрения — эксплуататорскую природу капиталистических отношений: пролетариат, в изображении ряда идеологов аристократической реакции, предстал жертвой

---

[1] *L. v. Stein.* Op. cit., S. XIV—XV (Vorrede).

«нового рабства», укоренившегося, как писал Фр. Баадер, идейный вождь прусских консерваторов 30-х гг., в «так называемой христианской и просвещенной Европе», где «цивилизация немногих держится ...нецивилизованностью многих» [1]. Иначе говоря, пролетариат, с его точки зрения,— это класс, жестоко эксплуатируемый предпринимателями и именно потому антагонистически противостоящий им.

Наконец, третьи, хотя и в превратной форме (представление о рабочих как о «варварах», грозящих сокрушить «основы» общества), но все же обнаружили какое-то понимание того, что «рабочие классы» — это сила, реально и в еще большей мере потенциально опасная для существования самих буржуазных устоев.

Маркс и Энгельс, создавая учение о всемирно-исторической миссии пролетариата, могли воспользоваться и, надо думать, действительно воспользовались определенными наблюдениями своих предшественников, определенными элементами взглядов, выдвинутых донаучным рабочеведением, однако коренным образом переработали их. В противовес своим предшественникам они первыми увидели в лице пролетариата класс-созидатель, могучий двигатель социального прогресса, класс, которому принадлежит будущее человечества.

---

[1] *Fr. Baader.* Über das dermalige Mißverständnis der vermögenlosen oder Proletairs zu den vermögenbesitzenden Klassen der Sozietät. In: *Fr. Baader.* Gesellschaftslehre. München, 1957, S. 240.

Е. П. КАНДЕЛЬ

Проблемы истории Союза коммунистов в трудах историков ГДР (1953—1970)

История раннего германского рабочего движения занимает одно из самых значительных мест в трудах марксистских историков ГДР. Глубоко сознавая, какое огромное участие принимал на протяжении полутора столетий рабочий класс Германии в решении национальных судеб своего народа, эти историки с первых лет существования Республики уделяли большое внимание изучению революционного прошлого германского пролетариата. Они проявили большой интерес к истории борьбы Маркса и Энгельса за организацию революционной партии германского пролетариата, за создание и укрепление Союза коммунистов, к истории создания основоположниками марксизма идейных, тактических и программных основ пролетарской партии.

Важнейшей предпосылкой научного освещения истории рабочего движения было издание в ГДР Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина, овладение молодыми кадрами немецких историков теоретическим наследием классиков марксизма-ленинизма. Это позволило поставить формирующуюся в ГДР марксистскую историческую науку на научные рельсы, отбросив многие ложные буржуазные и социал-демократические концепции по отдельным проблемам развития рабочего движения в Германии.

Уже первые работы по истории раннего немецкого рабочего движения, изданные к семидесятилетию со дня смерти Маркса (1953), свидетельствовали о серьезном изучении историками работ Маркса и Энгельса. За этим закономерно последовало дальнейшее углубленное исследование источников, как опубликованных, так и архивных.

Произведения Маркса, Энгельса, Ленина стали для историков ГДР образцом конкретного исследования важнейших проблем ранней истории германского и международного рабочего движения и, что еще более существенно, руководством для изучения методологических принципов

разработки этой важнейший области исторической науки. Это стало главной характерной чертой новой марксистской исторической школы в ГДР.

Современная марксистская разработка ранней истории немецкого рабочего движения опирается также на достижения предшествующих марксистских исследователей, таких как Франц Меринг, Генрих Шмидт, Густав Йекк, заложивших основы научного исследования этого периода. Работы Ф. Меринга «История германской социал-демократии», «Карл Маркс. История его жизни», его многочисленные статьи по истории Союза коммунистов, «Манифеста Коммунистической партии», по истории возникновения научного коммунизма были взяты на вооружение молодой марксистской исторической наукой в ГДР. Говоря об этих трудах, немецкие марксистские историки пишут: «Уже благодаря им Меринг, хотя сам он в некоторых отношениях и находился в плену ложных представлений о Лассале, внес выдающийся и даже основополагающий вклад в создание правильного, боевого, и именно поэтому соответствующего исторической истине изображения истории возникновения немецкого рабочего движения» [1].

Среди современных немецких правосоциалистических историков стали часто раздаваться голоса, направленные против так называемой «меринговской схемы развития». Так, Хорст Ладемахер осуждает Меринга за то, что он «более половины своей огромной истории партии посвящает предшественникам» и тем самым создает впечатление, «будто между раннесоциалистическими идеями и социал-демократической партийной организацией существует преемственная связь». Под «раннесоциалистическими идеями» Ладемахер имеет в виду не утопические проекты, а в первую очередь Союз справедливых и даже Союз коммунистов. Ладемахер выступает и против Маркса за то, что он даже в 1876 г. призывал постоянно обращать внимание рабочих на Союз справедливых и Союз коммунистов как на богатую традициями основу для современных партийных формирований [2].

---

[1] *H. Förder/W. Schmidt.* Frühgeschichte der Arbeiterbewegung in Deutschland. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Sonderheft, VIII. Jahrg., Berlin, 1960, S. 246.

[2] *H. Förder/W. Schmidt.* Op. cit., S. 246—247; *H. Lademacher.* Zu den Anfängen der deutschen Sozialdemokratie 1863—1878. Probleme ihrer Geschichtsschreibung. «International Review of Social History», 1959, Vol. IV, Part 2, p. 242; см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 1-е, т. XV. М., 1935, с. 674.

Марксистская историография в ГДР рассмотрела не только исторические заслуги Меринга, но и указала на его недостатки и слабости, которые могли оказать отрицательное влияние на молодую развивающуюся историческую науку [1]. Она отмечала, в частности, элементы примиренчества в оценке Мерингом мелкобуржуазного «истинного социализма», в освещении деятельности Бакунина и Лассаля.

В разработке проблем раннего рабочего движения в Германии историки ГДР опираются на научные достижения советской историографии. Об этом говорилось, в частности, в докладах и материалах, подготовленных для IX Международного конгресса историков в Стокгольме в 1960 г.: «Марксистские историки Германской Демократической Республики... обрели в лице советской исторической науки исключительно большую поддержку. Результаты советских исследований... и в данной области представляли собой, как благодаря широкому кругу источников, положенных в основу, так и в силу теоретической насыщенности и научной партийности, огромный шаг вперед» [2]. Эту же оценку роли советской науки немецкие марксистские историки повторяли и в последующие годы. «Исследования о Марксе и Энгельсе в ГДР после 1945 г. опирались на труды крупного немецкого историка Меринга,— писали они в 1962 г.— Однако прежде всего они обязаны советским исследованиям о Марксе и Энгельсе, которые оказали им неоценимую помощь» [3].

Работая над одними и теми же проблемами истории немецкого раннего рабочего движения — Союза коммунистов и его предшественников, советские историки и историки ГДР были исключительно единодушны в той борьбе, которую им пришлось вести против буржуазных и социал-демократических искажений истории. Партийный и наступательный характер выступлений против буржуазной историографии является одной из отличительных черт мар-

---

[1] *T. Höhle.* Franz Mehring. Sein Weg zum Marxismus 1869—1891. Berlin, 1956; *J. Schleifstein.* Franz Mehring. Sein marxistisches Schaffen. 1891—1919. Berlin, 1959.

[2] *H. Förder/W. Schmidt.* Frühgeschichte der Arbeiterbewegung in Deutschland. «Zeitschrift...», 1960, S. 147.

[3] *H. Bartel/H. Gemkow/G. Winkler.* Bericht über die Marx-Engels-Forschung auf dem Gebiet der Geschichte. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Sonderheft, 1962, S. 14.

ксистских историков ГДР. Указанная черта получила отражение как в многочисленных статьях, печатавшихся на страницах периодической прессы, так и в появившихся в эти годы сборниках и монографических работах. Их авторы, как правило, не ограничились лишь критикой немарксистских и антимарксистских концепций, а привели большой фактический материал, позволяющий правильно рассмотреть поднятые проблемы. Примером такого конкретно-исторического рассмотрения являются работы Х. Фёрдера, К. Обермана, Г. Беккера, Х. Бартеля, Р. Длубека, В. Ковальского, В. Шмидта, Р. Вебера, В. Зайдель-Гепнер, Г. Цизе, М. Хундта. Они подвергли критике общую концепцию формирования рабочего класса и развития раннего рабочего движения, отстаиваемую современной буржуазной и правой социал-демократической историографией; ее стремление изобразить немецких утопических коммунистов (В. Вейтлинга и др.) как религиозных социалистов, последователей Ламенне; ее тенденцию игнорировать исторический опыт Союза коммунистов, революционно-практическую деятельность Маркса и Энгельса и их влияние на рабочее движение Германии 40—50-х гг.; ее попытки изобразить Стефана Борна центральной фигурой, зачинателем немецкого рабочего движения периода революции 1848—1849 гг., якобы стремившимся к интеграции рабочих и буржуазии; ее линию на игнорирование исторической преемственности между Союзом коммунистов и последующим развитием немецкого и международного рабочего движения. По всем этим проблемам марксистская историческая наука в ГДР дала свою позитивную научную концепцию. Монографии, публикации и статьи историков ГДР явились серьезным вкладом в разработку истории раннего рабочего движения, истории Союза коммунистов и его предшественников и убедительно раскрыли влияние Союза на последующее немецкое рабочее движение.

Первыми из историков ГДР приступили к систематической разработке истории Союза коммунистов Карл Оберман и Хервиг Фёрдер. К. Оберман еще в эмиграции в США начал изучать деятельность одного из соратников Маркса и Энгельса по Союзу коммунистов — Иосифа Вейдемейера. Вышедшая там на английском языке его книга была первой научной биографией Вейдемейера [1].

[1] *K. Obermann.* Joseph Weydemeyer. Pioneer of American Socialism. New York, 1947. Автор вводит в научный оборот письма, документы и выдержки из газет 40—50-х годов.

В 1968 г. вышло новое издание книги о Вейдемейере [1], подготовленное автором после ознакомления с источниками, хранящимися в Советском Союзе и ГДР. Оно настолько расширено и пополнено новыми материалами, что по сути должно рассматриваться как совершенно самостоятельное произведение. Особенно подробно освещена в этом труде история раннего периода немецкого социализма и деятельность Маркса и Энгельса, направленная на сплочение наиболее революционных элементов интеллигенции и передовых пролетариев Германии на базе научного коммунизма, а также борьба Маркса и Энгельса против непролетарских течений в социализме. В книге обстоятельно излагается материал, посвященный коммунистическим корреспондентским комитетам, в частности, Брюссельскому, и детально выясняется роль Вейдемейера в этом комитете. Автору удалось убедительно показать Вейдемейера как активного деятеля Союза коммунистов до, во время и после революции 1848 г. в Германии. Вынужденный вследствие полицейских преследований эмигрировать в 1851 г. из Германии в США, Вейдемейер, отмечает Оберман, фактически продолжил там ту пропагандистскую деятельность, которую вел в Германии в рядах Союза коммунистов. К. Оберман ввел в литературу большой новый фактический материал по истории ранней немецкой коммунистической прессы. Труд Обермана в целом дает яркий портрет Иосифа Вейдемейера, близкого друга и соратника основоположников марксизма, пламенного пропагандиста их учения. В книге рассматриваются также попытки Вейдемейера самостоятельно применить марксистский метод исследования к проблемам политической экономии, научного коммунизма, к изучению классовой борьбы и революций. Не всегда, правда, удается автору дать стройный анализ развития теоретических взглядов Вейдемейера.

Заметную роль сыграла и другая книга Обермана, вышедшая в 1955 г., — «К истории Союза коммунистов. 1849—1852» [2]. Она освещает историю Союза после поражения революции 1848 г., до его роспуска. Автор не ограничился материалом, который содержится в произведениях и письмах Маркса и Энгельса, а воспользовался также письмами Вейдемейера в их адрес и полицейскими источ-

---

[1] *K. Obermann.* Joseph Weydemeyer, ein Lebensbild. 1818—1866. Berlin, 1968 (русск. перевод — М., 1973).

[2] *K. Obermann.* Zur Geschichte des Bundes der Kommunisten. 1849—1852. Berlin, 1955.

никами в архивах ГДР. Однако собственных документов Союза в архивах ГДР было тогда недостаточно, и автор не мог еще на их основе проверить достоверность сведений, которые сообщали полицейские источники. Естественно, что ряд спорных вопросов, например, вопрос о взаимоотношениях Маркса и Энгельса с бывшими руководителями Союза справедливых Шаппером и Моллем, о позиции кёльнского ЦК Союза коммунистов в 1850—1851 гг., не получил у К. Обермана достаточно полного освещения.

Значительное внимание в своих исследованиях К. Оберман уделил ранней истории немецкого демократического движения, истории «Молодой Германии», Союза отверженных, а также возникновению первой коммунистической организации немецких рабочих — Союза справедливых. Этой теме К. Оберман посвятил обширную статью [1] и значительную часть своей книги по истории Германии с 1815 по 1849 год [2].

В своих работах К. Оберман соглашается с выводами ранних исследований Ф. Меринга и Г. Шмидта, не свободных от ошибок. Названные историки, в частности, неверно характеризовали одного из руководителей Союза отверженных, мелкобуржуазного социалиста-сисмондиста Теодора Шустера — как лидера его пролетарского крыла и как организатора Союза справедливых, а его воззрения — как революционно-коммунистические. Фактический материал, раскрывающий двойственную позицию Шустера в Союзе отверженных и его враждебное отношение к возникшему против его воли Союзу справедливых, был неизвестен Г. Шмидту и Ф. Мерингу, и, к сожалению, остался вне поля зрения К. Обермана. Между тем в советской исторической науке уже с конца 40-х гг. утвердилась новая концепция по вопросу о причинах раскола Союза отверженных [3], принятая также историками ГДР [4].

---

[1] *K. Obermann.* Zur Frühgeschichte der deutschen Arbeiterbewegung (1833—1836). «Beiträge zum neuen Geschichtsbild. Zum 60. Geburtstag von Alfred Meusel», 1956, S. 201—235.

[2] *K. Obermann.* Deutschland von 1815 bis 1849. Berlin, 1961.

[3] См. *Е. П. Кандель.* Борьба Маркса и Энгельса за создание коммунистической партии пролетариата перед революцией 1849 года. (Диссертация.) М., 1948; *его же.* Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов. М., 1953; *А. М. Бобков.* «Молодая Германия». (Из истории немецкого демократического движения). «Вопросы истории», 1954, № 12; *его же.* К истории раскола Союза отверженных. «Новая и новейшая история», 1959, № 5.

[4] См. *H. Förder/W. Schmidt.* Frühgeschichte der Arbeiterbewegung in Deutschland. «Zeitschrift...», 1960, S. 250.

В этой связи следует в первую очередь охарактеризовать обширную, опирающуюся на множество источников монографию В. Ковальского о предыстории и возникновении Союза справедливых [1]. Автор несомненно открыл совершенно новую страницу в исследовании раннего периода существования Союза справедливых. Он изучил конкретные условия развития Союза отверженных, оформление в нем пролетарского крыла, вызревание тех социальных, политических, организационных и идейных противоречий, которые привели к его расколу. Большое внимание В. Ковальский уделил исследованию истории таких, казалось бы, далеких от Союза справедливых организаций, как «Молодая Германия», «Немецкий народный союз», консолидация пролетарских элементов в которых способствовала, в конечном счете, образованию Союза справедливых. И хотя у ряда историков ГДР существовали сомнения в том, насколько следует связывать швейцарскую «Молодую Германию» с Союзом справедливых [2], В. Ковальский продолжал, и небезуспешно, отстаивать свою точку зрения, которая ранее была высказана им в его диссертации [3]. Он показал, что, хотя «Молодая Германия» прямо не связана с процессом организации Союза справедливых, все же часть ее деятелей, выражавших взгляды пролетарского крыла (К. Шаппер, И. Молль и др.), оказала значительное влияние на формирующееся рабочее движение и на образование Союза в Париже.

Заслугой В. Ковальского является обстоятельный разбор теоретических воззрений Теодора Шустера, выяснение его подлинной роли в Народном союзе и впоследствии в Союзе отверженных. Детальный анализ листовок Немецкого народного союза (особенно трех листовок за ноябрь 1833 г., за январь и март 1834 г.) является несомненной удачей Ковальского. Он справедливо видит в этих документах зачатки пролетарского сознания, исходные элементы немецкого рабочего, ремесленного коммунизма, развитого в дальнейшем в произведениях В. Вейтлинга. Ковальский критикует буржуазных историков, например

[1] См. *W. Kowalsky.* Vorgeschichte und Entstehung der Bundes der Gerechten. Berlin, 1962.

[2] См. *H. Bartel/H. Gemkow/G. Winkler.* Marx-Engels-Forschung auf dem Gebiet der Geschichte. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Sonderheft, 1962.

[3] *W. Kowalsky.* Die wandernden Handwerksgesellen und die Anfänge der deutschen Arbeiterbewegung 1833—1839. Diss. Martin-Luther-Universität. Halle — Wittenberg, 1959.

В. Шидера, которые, игнорируя подлинные источники, ищут начала рабочего коммунизма в религиозных и психологических сферах, в средневековых ересях, а не в самом формирующемся немецком рабочем классе [1].

Новые, интересные источники приводятся и в разделе, посвященном расколу Союза отверженных и основанию Союза справедливых. Автор, в частности, исследует идеологические процессы, происходившие в Союзе справедливых, и выясняет роль В. Вейтлинга в разработке первой программы Союза. Ковальский прослеживает возникновение программного произведения немецкого рабочего коммунизма — брошюры В. Вейтлинга «Человечество как оно есть и каким оно должно стать» — и рассматривает ее как выражение стремления рабочих к созданию революционной теории.

Изданная В. Ковальским антология журналов раннего периода немецкого рабочего движения (1834—1847) «От мелкобуржуазного демократизма к коммунизму» [2] дополняет и документально подтверждает его выводы. В добротно написанном введении освещается последующая история Союза справедливых, вплоть до его реорганизации в Союз коммунистов. Отмечая достоинства антологии, историки ГДР в своих рецензиях справедливо указывают на известную ее неполноту [3].

Тематически близки к трудам В. Ковальского работы Вальтрауд Зайдель-Гепнер. В ее монографии и ряде научных статей дано систематическое освещение исторической роли немецкого рабочего коммунизма и его главного идеолога — Вейтлинга [4]. Опираясь на труды Ф. Меринга, все

---

[1] См. *W. Kowalsky*. Vorgeschichte.., S. 19—20, 48—57.

[2] См. *W. Kowalsky*. Vom kleinbürgerlichen Demokratismus zum Kommunismus. Berlin, 1967.

[3] Так, в ней не получили отражения такие важные печатные органы, как парижский «Vorwärts!» 1844 г., «Deutsche-Brüsseler Zeitung», швейцарский «Prometheus» и издававшиеся в Германии эльберфельдский «Gesellschaftsspiegel», «Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlichen Reform», «Das Westphälische Dampfboot», а также сборник «Demokratisches Taschenbuch», в котором были представлены произведения всех популярных в Германии направлений социализма.

[4] См. *W. Seidel-Höppner*. Wilhelm Weitling — der erste deutsche Theoretiker und Agitator des Kommunismus. Berlin, 1961, а также статьи: Frühproletarisches Denken — religiöse Heilserwartung oder erwachendes Klassenbewußtsein; Die Anfänge der Arbeiterbewegung im Blickwinkel formierter Heidelberger Historiographie. «Jahrbuch für Geschichte». Berlin, 1969, Bd. 3; Aufklä-

последующие исследования о Вейтлинге (Калер, Шлютер, Бруггер, Барниколь и др.), прессу, издававшуюся В. Вейтлингом, а главное — на его произведения и архивные материалы, автор значительно расширил круг исследуемых проблем. В книге более полно сопоставляются взгляды Вейтлинга с воззрениями предшествующих и современных ему утопических социалистов и коммунистов.

Давая в целом правильную оценку Вейтлинга и его воззрений, В. Зайдель-Гепнер подчас недостаточно подчеркивает его колебания в толковании существа революции, его надежды на привлечение представителей имущих классов к делу осуществления коммунистического идеала, на возможность использования для этой цели личной диктатуры и т. п. Книга В. Зайдель-Гепнер, на наш взгляд, выиграла бы, если бы теоретические воззрения Вейтлинга рассматривались в ней в более тесной связи с развитием рабочего коммунизма в целом и деятельностью Союза справедливых.

Этот пробел В. Зайдель-Гепнер в известной мере устраняет в своих статьях. В первой из них она, полемизируя против попыток западногерманского историка В. Шидера изобразить Вейтлинга преимущественно как проповедника религиозно-мессианских социалистических идей, убедительно доказывает, что тот с самого начала в решающих пунктах продолжил революционное, необабувистское направление французского рабочего коммунизма. Опровергая утверждения, будто Вейтлинг выступил как ученик Ламенне, автор доказывает, что в отличие от последнего Вейтлинг, хотя и использовал евангельские тексты для обоснования своих коммунистических воззрений, по существу не был религиозен.

Одним из достоинств статьи Зайдель-Гепнер является обстоятельное исследование теоретических источников немецкого рабочего коммунизма и доказательство его тесной связи с французским рабочим коммунизмом. Исследованию идейного содержания французского и немецкого рабочего коммунизма посвящена также вторая из упомянутых выше статей В. Зайдель-Гепнер — «Просвещение и революционное действие — основная проблема в рабочем комму-

---

rung und revolutionäre Aktion — ein Grundproblem in Arbeiterkommunismus und bei Marx. «Jahrbuch für Geschichte». Berlin, 1971, Bd. 5. См. также введение и научный комментарий В. Зайдель-Гепнер к подготовленному ею новому изданию книги В. Вейтлинга «Das Evangelium des armen Sünders». Berlin, 1966.

низме и у Маркса». Исходя из сформулированного Марксом в третьем тезисе о Фейербахе положения о совпадении изменения обстоятельств с изменением характера человеческой деятельности в революционной практике, а также из высказываний Маркса и Энгельса в «Святом семействе» о связи французского материалистического учения о воспитании людей с идеями французского социализма и коммунизма, В. Зайдель-Гепнер раскрывает существо теоретических и тактических воззрений представителей рабочего коммунизма во Франции и Германии, показывает их известную близость и в то же время принципиальное отличие от теоретических взглядов Маркса.

Рассматривая проблему «революция и сознание масс», Зайдель-Гепнер подчеркивает, что из всех предшественников научного коммунизма рабочий коммунизм сделал больше всего, чтобы пробудить у пролетариата самосознание и поднять его на борьбу за новый мир. Уже признание пролетариата, трудящихся главным действующим лицом в борьбе за коммунизм является одной из важнейших заслуг рабочего коммунизма. «Именно мы,— писал Вейтлинг,— народ, одетый в блузы, жакеты, кители и картузы, именно мы являемся наиболее многочисленными, наиболее полезными и сильными людьми на всем божьем свете». За три года до этого он писал, что только люди труда и лишений и те, кто самоотверженно помогают им, это именно те люди, «кто стекается под наши знамена, кто сражается в наших рядах». Однако апелляция к пролетариату подчас приобретала у Вейтлинга односторонний и упрощенный характер, приводила к утверждению о том, что, «кто хочет правильно понять положение рабочих, должен сам быть рабочим» [1]. Следствием такого подхода была враждебная позиция приверженцев Вейтлинга по отношению к революционной интеллигенции. Эта черта особенно усилилась, когда рабочий коммунизм утратил свои прогрессивные функции и выродился в секту, проповедовавшую грубый уравнительный коммунизм.

Работы В. Зайдель-Гепнер и В. Ковальского, таким образом, весьма существенно уточняют и дополняют выводы К. Обермана.

Среди трудов, посвященных собственной истории Союза коммунистов, одно из центральных мест принадлежит

[1] *W. Seidel-Höppner.* Aufklärung und revolutionäre Action — ein Grundproblem in Arbeiterkommunismus und bei Marx. «Jahrbuch für Geschichte». Berlin, 1971, Bd. 5, S. 19, 20.

книге Хервига Фёрдера «Маркс и Энгельс накануне революции. Разработка политических установок для немецких коммунистов (1846—1848)» [1], получившая большой отклик в ГДР и за ее пределами. Можно полностью согласиться с Р. Длубеком, писавшим, что «книга Фёрдера принадлежит к наиболее ценным вкладам марксистской исторической науки в исследования о Марксе и Энгельсе и в предысторию революции 1848» [2]. Своеобразна была реакция буржуазной критики. Так, И. Фетчер обвинил Фёрдера в большой зависимости его книги от советской исторической литературы о Союзе коммунистов [3]. Единство теоретических выводов у советских и немецких марксистских историков только доказывает правильность достигнутых ими научных результатов.

Но монография Фёрдера имеет и свою собственную сферу исследования. Если в работах советских авторов по истории Союза коммунистов преимущественно рассматривались идеологические, теоретические основы борьбы Маркса и Энгельса за партию пролетариата и их организационная деятельность, то Фёрдер делает упор на разработку основоположниками марксизма политической стратегии и тактики партии. Эта проблема не являлась ранее предметом специального рассмотрения. Таким образом, с выходом книги Фёрдера указанный существенный пробел был устранен. В ней показано, как Маркс и Энгельс, опираясь на открытые ими законы общественного развития, на живую практику революционного и рабочего движения, создавали основы политики и тактики формирующейся коммунистической партии в предстоящей буржуазно-демократической революции. Это вовсе не означает, как пытается превратно толковать В. Шидер [4], будто *вся* политика и тактика, которую Маркс и Энгельс разрабатывали в 1848—1849 гг. на страницах «Neue Rheinische Zeitung», имелась уже наперед, существовала во всех деталях. В дей-

---

[1] *H. Förder.* Marx und Engels am Vorabend der Revolution. Die Ausarbeitung der politischen Richtlinien für die deutschen Kommunisten (1846—1848). Berlin, 1960.

[2] «Deutsche Literaturzeitung», 1962, H. IV, S. 337 (R. Dlubek); см. также: «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1962, H. 4, S. 963 (W. Schmidt); «Новая и новейшая история», 1962, № 4, с. 171 (М. И. Михайлов).

[3] «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas», 1961, № 3, S. 345.

[4] *W. Schieder.* Auf dem Wege zu einer neuen Marx-Legende. «Neue politische Literatur», 1965, № 3, S. 260.

ствительности речь идет лишь об исходных, главных принципах. Прослеживая процесс разработки основоположниками марксизма политики и тактики пролетариата, Фёрдер тем самым раскрывает и специфические особенности формирования третьей составной части марксизма — научного коммунизма и его роль в генезисе и разработке всего марксистского мировоззрения в целом. Автор подчеркивает, что именно вопросы тактики стали объективно выдвигаться на передний план в Германии в 1846—1847 гг., когда пролетариату предстояло определить свою позицию по отношению к оппозиционным либеральным буржуа и демократической мелкой буржуазии [1].

Разработка Марксом и Энгельсом политической тактики немецкого пролетариата была тесно связана с их практической деятельностью, направленной как раз в эти годы на создание его политической партии, а также с их борьбой против сектантской заговорщической тактики Вейтлинга и объективно реакционной политики некоторых групп немецкого мелкобуржуазного «истинного социализма». Это подробно показано в книге Фёрдера.

Одно из достоинств книги — глубокое проникновение в исследуемый материал. Так, анализируя позицию немецкой буржуазии накануне революции 1848 г., Фёрдер не соглашается с выводом некоторых советских авторов о том, что немецкая буржуазия стала антиреволюционной силой еще до революции, до того момента, когда она пришла к власти. Он справедливо характеризует подобную точку зрения как модернизаторскую [2]. Фёрдер показывает, что до революции растущая оппозиционность немецкой буржуазии феодально-абсолютистским правительствам брала верх над ее страхом перед рабочим классом. Антиреволюционной и даже реакционной она становится, лишь придя к власти.

Точка зрения Фёрдера, на наш взгляд, солидно обоснована фактическими материалами. Достаточно вспомнить о смелых выступлениях левогегельянцев — этого радикального аванпоста буржуазии — в немецкой прессе 40-х гг. против церкви и политического строя или о том, как после Силезского восстания ткачей либеральная буржуазия стремилась использовать недовольство рабочих прусским правительством в своих целях.

---

[1] См. *H. Förder*. Op. cit., S. 27—28, 37—40.
[2] Ibid., S. 15—16.

Наконец, эта точка зрения подтверждается всей совокупностью высказываний Маркса и Энгельса. «В Германии,— писали они в «Манифесте Коммунистической партии», — поскольку буржуазия выступает революционно, коммунистическая партия борется вместе с ней против абсолютной монархии, феодальной земельной собственности и реакционного мещанства» [1]. Совершенно очевидно, что если исходить из противоположного тезиса — о контрреволюционности немецкой буржуазии до революции 1848 г., то тогда утрачивают всякий смысл тактика Маркса и Энгельса, их выступления по данному вопросу против Вейтлинга, а также против реакционной тенденции «истинного социализма».

Борьбе Маркса против «истинного социализма» X. Фёрдер уделил значительное место. И хотя по этой проблеме написано немало, он сумел показать ее с новой стороны. В частности, впервые в научной литературе Фёрдер дал обстоятельный анализ таких печатных органов «истинного социализма», как «Triersche Zeitung», «Das Westphälische Dampfboot», «Berliner Zeitungshalle», что позволило ему прийти к новым, интересным выводам. Фёрдер не ограничился рассмотрением борьбы Маркса и Энгельса против «истинного социализма», а проследил судьбы этого направления от его возникновения и до того времени, когда оно сошло с исторической сцены. Анализируя процесс возникновения «истинного социализма», автор приводит высказывание из «Немецкой идеологии» относительно того, что значительная часть немецких социалистов пришла к коммунизму через философию [2], справедливо подчеркивая позитивную роль утопическо-философского коммунизма в начале 40-х годов. Но для многих социалистов он явился переходной ступенью к мелкобуржуазному «истинному социализму». Автору следовало бы при этом остановиться на выводах некоторых советских историков и философов, наглядно и конкретно проследивших переход от философского коммунизма к «истинному социализму» [3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, с. 459. Ср. также высказывание Энгельса в статье «Конституционный вопрос в Германии» о том, что буржуазия является опаснейшим врагом существующих правительств (там же, с. 44).

[2] См. *H. Förder.* Op. cit., S. 49—50; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, с. 459.

[3] *Э. Цобель.* Фридрих Энгельс. «Большая советская энциклопедия», 1-е изд., т. 64, с. 240—242; *М. В. Серебряков.* Немецкий социализм и борьба с ним Маркса и Энгельса.— «Учен. зап. Ленингр.

Едва ли можно согласиться с тем, будто «истинные социалисты» составляли маленькую группу писателей и публицистов, которые, за исключением Мозеса Гесса, почти не имели связей с рабочим движением [1]. Ведь сам Фёрдер указывает далее, что они с самого начала приобрели большое влияние и представляли опасность для молодого социалистического движения. Как писал Энгельс: ««Истинный социализм»... как зараза распространялся среди образованных людей Германии» [2]. Известно, какую активную пропагандистскую деятельность внутри Союза справедливых вели помимо Гесса также Криге и Грюн и какую борьбу пришлось выдержать Энгельсу, чтобы освободить из-под их влияния парижские общины Союза.

Фёрдер справедливо отмечает наличие подспудного демократического течения в «истинном социализме» [3]. Он не проходит мимо высказываний Г. В. Плеханова и особенно В. И. Ленина о том, что «истинные социалисты» представляли собой немецкую разновидность народничества, мелкобуржуазного демократизма [4]. Как показала история, подавляющее большинство «истинных социалистов» в период революции 1848—1849 гг. выступали в рядах мелкобуржуазной демократии [5].

Достоинством книги Фёрдера является обстоятельный анализ влияния научного коммунизма на отдельные группы «истинных социалистов», влияния, приведшего их к переходу на революционно-пролетарские, марксистские позиции. Автор проследил, например, как под воздействием И. Вейдемейера журнал «Westphälische Dampfboot» с 1846 г. все больше выражал революционно-коммунистические взгляды Маркса и Энгельса [6]. В поле зрения автора находится и другая тенденция в развитии «истинного социализма». Детальный анализ содержания и направления

гос. ун-та», 1948. Сер. философ. наук, вып. 2, с. 3—122; *Е. П. Кандель.* Из истории борьбы Маркса и Энгельса с немецким «истинным социализмом».— В кн.: Из истории формирования и развития марксизма. М., 1959, с. 114—178.

[1] См. *H. Förder.* Op. cit., S. 44.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 281.

[3] *H. Förder.* Op. cit., S. 143—145.

[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 154; т. 16, с. 253; т. 23, с. 1—2; т. 24, с. 266. Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сборник VIII, 1940, с. 210, 215.

[5] См. *Е. П. Кандель.* Из истории борьбы Маркса и Энгельса с немецким «истинным социализмом».— В кн.: Из истории формирования и развития марксизма. М., 1959, с. 168—172.

[6] См. *H. Förder.* Op. cit., S. 75—95.

газеты «Berliner Zeitungshalle» позволил автору наглядно показать объективно реакционный характер политики «истинных социалистов», которые на страницах данной газеты откровеннее всего выступали против немецкой оппозиционной буржуазии, оказывая по сути дела поддержку прусскому правительству.

Одним из первых в немецкой марксистской исторической литературе Фёрдер показал, как в предреволюционный период основоположники марксизма вносили изменения в свою политическую линию. Если в 1844 г. в статье «К критике гегелевской философии права. Введение» Маркс исходил еще из возможности непосредственной победы социалистической революции в Германии (такого же мнения придерживался и Энгельс), то уже в марте 1846 г. в споре с Вейтлингом Маркс и Энгельс доказывали, что первоначально в Германии победит буржуазно-демократическая революция [1]. В ней рабочий класс, прежде чем приступить к осуществлению своих непосредственных социалистических задач, выступит как самый передовой и самый активный борец за демократию. Эту новую мысль развивал и Энгельс в серии статей «Положение Германии», в статье «Прусская конституция», а также совместно с Марксом в «Немецкой идеологии» [2].

Автор доказывает, что основоположники марксизма еще до революции разрабатывали в основных чертах тактическую концепцию пролетарской партии в предстоящей революции. Согласно этой концепции рабочий класс должен сперва выступить как самый активный участник демократического движения, и только после этого он перейдет к осуществлению задач социалистической революции [3]. Выступая на переднем крае борьбы за демократию, рабочий класс должен одновременно добиваться создания своей самостоятельной революционной партии. Это диалектическое единство двух сторон в борьбе рабочего класса служит камнем преткновения для буржуазных историков. В. Шидер, например, выражает сомнение в достоверности трактовки Фёрдером тактических принципов Маркса и Энгельса. Он считает, что если Маркс и Энгельс призывали ком-

---

[1] См. *H. Förder*. Op. cit., S. 63—67; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 425—429; т. 2, с. 552—553; т. 37, с. 97; см. также: «Союз коммунистов», с. 100.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2. с. 577—579; т. 3, с. 187—188; т. 4, с. 30—38.

[3] См. *H. Förder*. Op. cit., S. 208—210, 229—238.

мунистов к активному участию в демократическом движении, то они не могли одновременно стремиться к самостоятельности рабочего движения [1]. При этом он не замечает, что Маркс и Энгельс резче всего подчеркивали необходимость активного участия коммунистов в демократическом движении как раз в тех произведениях, в которых со всей определенностью говорили о коммунистах как о самостоятельной партии германского пролетариата [2].

Достоинством монографии Х. Фёрдера является детальное освещение деятельности кёльнских коммунистов, приверженцев Маркса и Энгельса, в 1846—1847 гг. [3]. В советской литературе этот вопрос освещался, хотя и с привлечением архивных документов, но не так подробно [4].

Большое внимание в книге уделяется деятельности местных организаций Союза справедливых и Союза коммунистов (в Париже, Лондоне, Брюсселе, Кёльне, Вестфалии). Этой теме Фёрдер посвятил также специальные статьи, написанные на богатом документальном материале [5]. Следует отметить, что Фёрдеру принадлежит заслуга в обосновании необходимости конкретных исследований по истории местных рабочих организаций в ГДР [6]. Его статьи положили начало изучению ранней истории рабочего движения отдельных городов и местностей Германии.

Насущной задачей для немецких историков стала публикация документов, которая позволила бы расширить круг исследователей. Первым шагом в этом направлении явился небольшой сборник документов по истории Союза

---

[1] См. *W. Schieder*. Op. cit., S. 259.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, с. 45, 276, 459; см. также: *Е. П. Кандель*. По следам одной буржуазной легенды. «Новая и новейшая история», 1968, № 5, с. 120—123.

[3] См. *H. Förder*. Op. cit., S. 95—110.

[4] См. *Е. А. Степанова, Е. П. Кандель*. Из истории идейной борьбы в немецком демократическом движении 40-х годов XIX века. «Вопросы истории», 1955, № 8, с. 50—51.

[5] Die Nürnberger Gemeinde des Bundes der Kommunisten und die Verbreitung des «Manifestes der Kommunistischen Partei» im Frühjahr 1851. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Sonderheft, 1962, S. 165—188; Zur Geschichte der «Ansprache der Zentralbehörde an den Bund vom Juni 1850» und zur Tätigkeit der Mitglieder des Bundes der Kommunisten in Leipzig (1850/51) (статья написана совместно с Г. Цизе). «Aus der Frühgeschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin, 1964, S. 230—277.

[6] См. *H. Förder*. Einleitende Bemerkungen. Zur Erforschung der Frühgeschichte der deutschen Arbeiterbewegung. In: «Aus der Frühgeschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin, 1964.

коммунистов, подготовленный Г. Винклером, который снабдил книгу подробным введением [1].

За этим последовали многочисленные журнальные публикации. Наконец, крупным успехом явилось издание документов Союза коммунистов, предпринятое совместно Институтами марксизма-ленинизма в Берлине и Москве под редакцией X. Фёрдера, М. Хундта, Е. Канделя и С. Левиовой. В 1970 г. вышел первый том этого издания, включающий 384 документа, не считая приложений. Он охватывает период с 1836 г. до августа 1849 года. Наряду с новыми источниками, не меньшее значение имеют многочисленные примечания, которыми сопровождаются документы. Многие из них, по существу, являются небольшими исследованиями, опирающимися на весомый документальный материал. Обширное предисловие знакомит читателя с историей Союза справедливых — Союза коммунистов и формулирует основные проблемы, встающие перед исследователем этой темы. Благодаря этой публикации историки раннего рабочего движения в Германии приобрели солидную источниковедческую основу для глубокой разработки истории Союза коммунистов [2].

* * *

Обширная историография Союза коммунистов в ГДР представлена не столько трудами обобщающего характера, сколько специальными монографиями и многочисленными

---

[1] Dokumente zur Geschichte des Bundes der Kommunisten. Eingeleitet von G. Winkler. Berlin, 1957, S. 112. Во введении дается полезный обзор истории Союза коммунистов, не свободный, однако, от некоторых неточностей, отмечавшихся в свое время немецкими историками (см. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Sonderheft, VIII. Jahrg., 1960, S. 256—257). Г. Винклер утверждает, что Союз справедливых первоначально был буржуазно-демократической организацией (S. 40). Между тем Союз с самого начала оформился как пролетарская организация. В 1838 г., когда был составлен его устав, он находился под влиянием рабочего коммунизма В. Вейтлинга. Неверно определяет автор место Союза коммунистов в истории рабочего движения как вполне развитой коммунистической партии. Союз коммунистов можно считать пролетарской партией лишь применительно к условиям рабочего движения 40—50-х гг. XIX в., но исторически Союз был зародышем пролетарской партии. Винклер противопоставляет Союз как организацию германского пролетариата Союзу как форме международного объединения. А это неразрывное целое. (Ср. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1. Berlin, 1966, S. 65).

[2] См. «Der Bund der Kommunisten. Dokumente und Materialien». Bd. 1. 1836—1849. Berlin, 1970.

статьями, посвященными отдельным разделам истории Союза, его деятелям или рабочим организациям, находившимся под его руководством. Естественно, что весь этот материал целесообразно обозреть хронологически, по периодам развития Союза коммунистов.

Значительный вклад в исследование проблем истории Союза коммунистов до революции 1848 г. внесли Карл Оберман, Хервиг Фёрдер, Вальтер Шмидт и Мартин Хундт. Уже в разобранных выше книгах Х. Фёрдера и К. Обермана освещены важные проблемы истории Союза этого периода.

Известный интерес представляет работа Обермана, посвященная истории Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета в 1846 г., его связям с коммунистами Рейнской провинции и Вестфалии [1]. Прослеживая этапы формирования кружка сторонников Маркса в Рейнской провинции, К. Оберман вполне справедливо начинает с «Rheinische Zeitung», с той группы ее активных сотрудников, которые идейно были связаны с Марксом и продолжали поддерживать тесную связь с ним после его отъезда из Кёльна. Значительное внимание Оберман уделяет массовым выступлениям в Кёльне в августе — сентябре 1846 г.

К. Оберман посвятил специальные исследования также участию Маркса и Энгельса, Союза коммунистов в политических движениях, подготовивших буржуазно-демократическую революцию 1848 г. в Германии [2]. Здесь, как и в своих статьях, посвященных последующим этапам истории Союза, он использует новые материалы, в частности из полицейских фондов (Мерзебургского и Потсдамского архивов). Правда, достоверность этих документов в ряде случаев не очень велика, но определенную дополнительную информацию они дают.

Немецкие историки, подобно советским, проявили значительный интерес к изучению жизни и деятельности вид-

---

[1] См. *K. Obermann.* Zur Geschichte des Kommunistischen Korrespondenzkomitees im Jahre 1846, insbesondere im Rheinland und in Westfalen. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Sonderheft, 1962, S. 116—143.

[2] См. *K. Obermann.* Über den Anteil von Marx und Engels an den politischen Bewegungen zur Vorbereitung der Revolution von 1848. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1959, H. 5; Zum Anteil des deutschen Proletariat und des Bundes der Kommunisten an der Vorbereitung der Revolution von 1848. Ibid., 1968, № 8.

ных участников рабочего движения, Союза коммунистов. Продолжил работу в этом жанре и К. Оберман, опубликовав исследование о члене Союза коммунистов и деятеле германской революции 1848—1849 гг. Карле Д'Эстере [1].

На основе большого круга источников — архивных документов, прессы того времени, стенографических отчетов Берлинского Национального собрания, а также широко привлекая специальную историческую литературу, Оберман воссоздал картину деятельности Д'Эстера в 1842—1849 годах. К сожалению, деятельность Д'Эстера в Союзе коммунистов в период революции не получила отражения в этой интересной работе. Не воспроизведена в ней также критика Марксом и Энгельсом отдельных ошибочных выступлений Д'Эстера.

Значительное место в литературе ГДР по истории рабочего движения заняли исследования В. Шмидта о соратнике Маркса и Энгельса В. Вольфе. Рецензенты высоко оценили его книгу о Вольфе, сочетающую в себе боевую партийность и научную основательность [2]. Монография В. Шмидта о В. Вольфе охватывает период с 1809 до 1846 г. и не доведена непосредственно до момента образования Союза коммунистов. Однако в ней освещаются многие явления немецкого демократического и социалистического движения 30-х и 40-х гг., важные для понимания предпосылок перехода отдельных передовых представителей немецкой интеллигенции на революционно-пролетарские позиции и возникновения Союза коммунистов. Основная проблема книги — развитие революционного демократа Вольфа в коммуниста. Шмидт прослеживает становление Вольфа-коммуниста в тесной связи с процессом созревания условий для создания коммунистической партии пролетариата. С начала 40-х гг. в Германии стали распространяться идеи утопического социализма; их влияние отчетливо проявилось и в статьях В. Вольфа [3]. Подобно другим исследователям, В. Шмидт выделяет философский ком-

---

[1] См. *K. Obermann.* Karl D'Ester, Arzt und Revolutionär, sein Tätigkeit in der Jahren 1842—1849. «Aus der Frühgeschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin, 1964, S. 102—200.

[2] См. *W. Schmidt.* Wilhelm Wolff. Sein Weg zum proletarischen Kommunisten (1809—1846). Berlin, 1963; рецензию X. Фёрдера см.: «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1964, № 4, S. 703—706.

[3] См. *W. Schmidt.* Op. cit., S. 164.

мунизм как раннюю стадию развития утопического социализма в Германии. Показав, что В. Вольф своими публицистическими работами, в частности статьей «Казематы», характеризующей тяжелые условия жизни бедноты, способствовал формированию в Силезии небольшой группы интеллигентов-социалистов, Шмидт подчеркивает, что вся группа разделяла тогда еще воззрения философского коммунизма. Далее Шмидт показывает, как в период между ноябрем 1843 г. и Силезским восстанием ткачей происходит обращение Вольфа к новому кругу идей. И хотя влияние философского коммунизма он еще не полностью преодолел, взгляды его в этот период уже принципиально отличаются от воззрений не только буржуазных демократов типа Руге, но и сторонников философского коммунизма. Несмотря на то, что в теоретических представлениях В. Вольфа и его сторонников было еще много утопических черт, их пролетарская тенденция была несомненна. Вся группа была тесно связана с силезскими пролетариями, глубоко проникласъ их социальными нуждами и интересами [1]. Исследования В. Шмидта полностью подтвердили известное высказывание Маркса, охарактеризовавшего В. Вольфа и сплотившихся вокруг него революционных интеллигентов как «представителей рабочего класса» [2].

Анализируя публицистику В. Вольфа, Шмидт показал, как в ней все полнее отражались социалистические идеи Сен-Симона, Фурье, Оуэна, с одной стороны, и влияние немецкого рабочего коммунизма В. Вейтлинга и С. Зейлера — с другой. Решающее значение имело, однако, знакомство В. Вольфа с произведениями Маркса и Энгельса, опубликованными в «Немецко-французском Ежегоднике». Автор приводит также убедительные доказательства в пользу предположения о том, что Вольф не ограничивался выступлениями в печати, а развернул в Силезии активную тайную социалистическую агитацию и был уже связан с общинами Союза справедливых [3].

Книга Шмидта о Вольфе дает много существенно нового для понимания истории формирования того революционного и теоретически сознательного ядра передовой интеллигенции, опираясь на которое Маркс и Энгельс смогли организовать Союз коммунистов.

---

[1] *W. Schmidt.* Op. cit., S. 169—170, 180, 181, 184—189, 204—207.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, с. 319.
[3] См. *W. Schmidt.* Op. cit., S. 196—202, 205—206, 213—215.

После выхода книги Шмидт продолжил свое исследование, результаты которого опубликованы в ряде статей. Одной из таких работ является «Вильгельм Вольф — член Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета 1846 года» [1]. В ней Шмидт привел интересный дополнительный материал по истории этого комитета, характеризующий деятельность тех корреспондентов в Силезии, которые через Вольфа были связаны с Марксом и Энгельсом. В статье, в частности, освещена роль созданного С. Зейлером «Немецкого газетного и корреспондентского бюро», в котором постоянно сотрудничал В. Вольф. Бюро, связанное с Корреспондентским комитетом, немало сделало для продвижения в подцензурную печать Германии статей Энгельса, Вольфа, Зейлера и других коммунистов, группировавшихся вокруг Маркса в Брюсселе.

Интерес представляет также попытка Шмидта определить круг силезских корреспондентов Вольфа, выдержки из писем которых он приводил в обзорах, направлявшихся Брюссельскому корреспондентскому комитету. Подобные попытки предпринимались и раньше, однако В. Шмидту удалось достигнуть большего в этом направлении [2].

Особенно ценны старания автора раскрыть содержание недошедших до нас писем Вольфа по ответным письмам его силезских друзей. Рассматривая письмо одного из корреспондентов, в котором тот упоминает о «наиболее важной части» письма Вольфа к нему относительно «организации коммунистов как партии», Шмидт приходит к выводу, что письмо отражает позицию Маркса и Энгельса в этот период.

Вольф продолжал укреплять связи с силезскими коммунистами, обеспечив, как доказывает В. Шмидт, вступление значительной их части в Союз коммунистов. Так, например, из Силезии затребовали более 30 экземпляров пробного номера органа Союза коммунистов «Kommunistische Zeitschrift» [3].

В ряде статей В. Шмидт обстоятельно рассматривает участие В. Вольфа в пропаганде, а в известной

---

[1] Wilhelm Wolff als Mitglied des Brüsseler Kommunistischen Korrespondenzkomitees 1846. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1964, № 3, S. 438—461.

[2] См. *В. А. Смирнова*. Вильгельм Вольф — человек, которому Маркс посвятил «Капитал». М., 1963.

[3] *W. Schmidt*. Op. cit., S. 461.

мере и в разработке стратегии и тактики Союза коммунистов в Германии накануне революции 1848—1849 годов [1].

* * *

Вопросы тактики Союза коммунистов, пролетарской партии в период германской революции 1848—1849 гг. занимают значительное место в исследованиях историков ГДР и, в частности, В. Шмидта. Он глубоко анализирует процесс формирования, социальную структуру, степень зрелости рабочего класса Германии в период революции 1848 г. Правда, очень удачно полемизируя против буржуазных авторов, Шмидт подчас недостаточно подчеркивает некоторые элементы отсталости, которые проявлялись в немецком рабочем движении революционных лет [2].

Исследования Шмидта внесли существенную поправку в вопрос о времени возникновения у Маркса и Энгельса плана создания самостоятельной массовой рабочей партии в Германии в годы революции. Шмидт показал, что основоположники марксизма впервые приступили к его осуществлению не весной 1849 г., как считал, в частности, Ф. Меринг, а значительно раньше — весной 1848 года. В своей работе «Союз коммунистов и попытки централизации немецких рабочих союзов в апреле и мае 1848 г.» [3] Шмидт цитирует большие выдержки из писем эмиссаров Центрального комитета Союза коммунистов к своему руководству, а также из обращений руководителей местных организаций Союза, показывающие, что уже в апреле и мае 1848 г. основоположники марксизма предпринимали усилия к централизации рабочих союзов в Германии и к созданию массовой политической организации германского пролетариата.

---

[1] Zur Mitarbeit von Wilhelm Wolff an der «Deutsche-Brüsseler Zeitung». «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1961, № 2, S. 318—348; Die belgischen Verhältnisse und die Kommunisten um Marx und Engels am Vorabend der Revolution von 1848/1849. Wilhelm Wolffs Korrespondenzen für das «Westphälische Dampfboot» 1847/1848. «Jahrbuch für Geschichte». Bd. 4, S. 73—107.

[2] См. *W. Schmidt.* Zu einigen Fragen der sozialen Struktur und der politischen Ideologie in der Zeit des Vormärz und der Revolution 1848/49.— «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1965, № 4, S. 657—660.

[3] Der Bund der Kommunisten und die Versuche einer Zentralisierung der deutschen Arbeitervereine im April und Mai 1848. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1961, № 3, S. 577—614.

На наш взгляд, автор при объяснении причин неудачи в осуществлении плана Маркса и Энгельса весной 1848 г. недостаточно показал отрицательную роль, которую сыграли центробежные тенденции, проявившиеся в кёльнском Рабочем союзе, когда им руководил Готшальк, и в рабочем движении Берлина, возглавлявшемся Борном. Ф. Энгельс указывал, что наиболее честолюбивые деятели Союза коммунистов, вместо того чтобы установить связи между своими организациями и Центральным комитетом, «каждый в отдельности начинал на свой собственный страх и риск создавать в месте своего пребывания маленькое сепаратное движение» [1]. То, что Энгельс говорит о деятелях Союза коммунистов, целиком относится и к руководителям рабочих союзов. В конечном счете неудача была связана с недостаточной зрелостью рабочего движения Германии в начале революции.

Шмидт, конечно, прав, когда указывает, что участие рабочих союзов Германии в конгрессе демократических союзов во Франкфурте в июне 1848 г. отвлекло их от своей собственной классовой задачи. Верно и то, что в конце апреля 1848 г. сами майнцы, на которых была возложена задача созыва конгресса рабочих союзов, считали еще преждевременным его созыв, так как их было еще очень мало [2]. Но в мае — июне ситуация существенно изменилась. Ключевая позиция принадлежала теперь не майнцам, а кёльнскому Рабочему союзу, который насчитывал 9 тысяч членов и приобрел большую популярность в связи с выступлениями его представителей на июньском конгрессе демократов. Инициатива теперь должна была принадлежать кёльнцам. Однако руководство кёльнского Рабочего союза (Готшальк и его сторонники) воспротивились созыву конгресса рабочих союзов, считая его преждевременным.

В. Шмидт мимоходом, как о чем-то вполне установленном, говорит о реорганизации Центрального комитета Союза коммунистов в Кёльне весной 1848 года [3]. Между тем о такой реорганизации почти ничего не известно, а автор никаких новых материалов не приводит. Из сохранившихся документов, напротив, следует, что в Кёльне до лета 1848 г. продолжал действовать Центральный комитет, образованный Марксом в Париже в марте 1848 года.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 227.
[2] См. *W. Schmidt.* Op. cit., S. 577—614.
[3] Ibid., S. 587.

Тактика Союза коммунистов и роль его руководителей — Маркса и Энгельса освещается Шмидтом в ряде работ [1]. Особый интерес представляют две статьи, напечатанные в номере журнала «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», специально посвященном проблеме «Карл Маркс и немецкое рабочее движение в революции 1848—1849 годов».

Журнал открывается одноименной статьей Шмидта, в которой подвергаются критике концепции современной буржуазной историографии по вопросу о стратегии и тактике Маркса и Энгельса в период буржуазно-демократической революции. Шмидт раскрывает позицию основоположников марксизма по таким проблемам, как диалектическое взаимоотношение между борьбой пролетариата за демократию и его борьбой за социализм, взаимодействие между малочисленным коммунистическим авангардом — Союзом коммунистов и массовым рабочим движением, которое тогда в Германии еще не вышло из ранней стадии чисто экономической борьбы за повседневные интересы.

Автор справедливо отмечает, что только предварительная подготовка в рядах тайных партийных организаций Союза справедливых, а затем Союза коммунистов политических активистов, вожаков, позволила в такой короткий срок организовать немецких пролетариев в ходе революции в рабочие союзы [2]. Автор при этом ссылается на пример рабочего движения Берлина и Саксонии, где большую роль сыграли бывшие члены Союза коммунистов. Мы могли бы сослаться также на опыт рабочего движения Майнца, Гамбурга и Кёльна. Все это убедительно подтверждает слова Энгельса о том, что в период революции обнаружилось, какой «превосходной школой революционной деятельности» был Союз коммунистов [3]. Разумеется, в Германии существовало много рабочих союзов, возникших вне сферы влияния революционно-коммунистического направления.

В. Шмидт показывает, как Маркс и Энгельс, опираясь на новый революционный опыт, в самом ходе революции

[1] Wilhelm Wolff als Redakteur der «Neuen Rheinischen Zeitung» 1848/49. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1964, H. 4; Proletarische Partei und Bauern 1848/49. Artikel Wilhelm Wolffs aus der «Neuen Rheinischen Zeitung» von der Jahreswende 1848/49. «Jahrbuch für Geschichte». Bd. 2. Berlin, 1967.

[2] См. Karl Marx und deutsche Arbeiterbewegung in der Revolution von 1848/49. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1968, № 2, S. 199.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, с. 227.

развивали свои теоретические и тактические принципы. В статье «Классовая борьба во Франции 1848—1849 гг. на страницах «Neue Rheinische Zeitung» — вклад в дело борьбы коммунистов за эмансипацию рабочего движения в Германии» [1]. В. Шмидт раскрывает политически-воспитательные функции газеты. Анализируя революционные события во Франции и развитие рабочего движения в этой стране, «Neue Rheinische Zeitung», как показывает Шмидт, пропагандировала его уроки среди немецких рабочих. Автор, в частности, рассматривает под этим углом зрения освещение вопроса о союзе рабочего класса с крестьянством на страницах газеты.

Разбирая статьи о Франции, помеченные корреспондентским знаком одного из редакторов газеты — Фердинанда Вольфа, В. Шмидт как бы повторил исследование, выполненное еще в 1940—1941 гг. советским историком-марксоведом П. Л. Веллером [2]. Независимо от него Шмидт пришел к тому же выводу, а именно: в большинстве случаев Маркс является соавтором этих статей. Совпадение выводов двух исследований свидетельствует о том, что они носят объективный характер.

В упомянутом номере журнала помещена весьма серьезная работа Мартина Хундта о «Требованиях Коммунистической партии в Германии» [3], обогащающая историографию Союза коммунистов. Этому важному документу революционных лет было посвящено немало исследований, однако исторический обзор различных публикаций «Требований» и обстоятельный текстологический анализ документа, осуществленные Хундтом, по своей полноте и завершенности превосходят все, что было сделано до него [4].

---

[1] Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848/49 in der «Neuen Rheinischen Zeitung» — Ein Beitrag zum Ringen der Kommunisten um die Emanzipation der deutschen Arbeiterbewegung. «Beiträge...», 1968, № 2, S. 263—297.

[2] П. Л. Веллер, крупный знаток литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса, пал смертью храбрых в Великой Отечественной войне. Его исследование частично сохранилось в рукописи в ИМЛ при ЦК КПСС.

[3] *M. Hundt.* Die 17. «Forderungen der Kommunistischen Partei in Deutschland» vom März 1848. «Beiträge...», 1968, № 2, S. 203—236.

[4] Тем не менее, как показала статья *К. Обермана* («Zum Anteil des deutschen Proletariats und des Bundes der Kommunisten an der Vorbereitung der Revolution von 1848». «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1968, № 8), напечатанная после работы М. Хундта, поиски публикаций «Требований» должны быть еще продолжены.

Разумеется, успех в значительной мере объясняется и тем, что он опирался на работы своих предшественников К. Обермана, С. Левиовой, В. Шмидта, Г. Беккера и др.

Прослеживая распространение этого документа в годы революции, сопоставляя между собой различные его публикации, Хундт убедительно опровергает заявления некоторых буржуазных и оппортунистических историков, будто это программное произведение Маркса и Энгельса не оказало сколько-нибудь заметного воздействия на движение в ходе революции.

В то же время в исследовании Хундта недостаточно подчеркнуто, что «Требования» были рассчитаны *не* на *начальный* период буржуазно-демократической революции, а на тот ее этап, когда она начинает вторгаться в буржуазные отношения собственности. Недостаточно раскрывается *переходный* характер ряда мероприятий, предлагавшихся Марксом и Энгельсом. Автора можно также упрекнуть в том, что он не показал, что при составлении «Требований» Маркс и Энгельс рассматривали германскую революцию как составную часть европейской, которая, как они надеялись, вскоре должна была привести к победе французский и английский пролетариат. А это должно было ускорить развитие революционного процесса в самой Германии. Однако развитие революции во Франции пошло по нисходящей линии; естественно, это оказало воздействие на германскую революцию. Осуществление мероприятий, предлагавшихся Марксом и Энгельсом в «Требованиях», должно было быть отложено до возникновения объективных условий. Тем не менее «Требования» на протяжении революционных лет оставались важным средством пропаганды в рабочих союзах, а на втором конгрессе демократов в Берлине в ноябре 1848 г. послужили основой для разработки социальной программы демократической партии.

Положению и роли немецких рабочих, а также деятельности Союза коммунистов и его вождей Маркса и Энгельса в годы революции посвятил ряд работ К. Оберман. Многочисленные и важные документы, опубликованные им еще в 1950 г., послужили толчком для исследования этих проблем [1]. Значительное влияние на развитие исторической науки в ГДР оказала его книга «Немецкие рабочие

[1] Einheit und Freiheit. Die deutsche Geschichte von 1815 bis 1849 in zeitgenossischen Dokumenten, dargestellt und eingeleitet von K. Obermann. Berlin, 1950.

в революции 1848 г.»[1]. Это была первая монография в ГДР, в которой были обобщены результаты предшествующих марксистских исследований по истории рабочего движения в Германии в период революции 1848—1849 годов. В ней дана обстоятельная характеристика структуры рабочего класса Германии и обзор развития рабочего движения, начиная с возникновения Союза справедливых. Оберман подробно останавливается на деятельности Союза коммунистов в годы революции, на разработке Марксом и Энгельсом его политики, тактических документов и т. д. Основное внимание автор уделяет общинам Союза и рабочим союзам в Рейнской провинции и Западной Германии. В книге рассмотрены агитация Стефана Борна, его «Рабочее братство» в Берлине, пропагандистская деятельность в рабочих кругах демократа Густава Адольфа Шлефеля[2], противника оппортунистической тактики Борна.

Монография К. Обермана не свободна от недостатков. За ее рамками, как справедливо отмечала научная критика в ГДР[3], фактически остался важный период — конец 1848 и первая половина 1849 годов. В это время рабочее движение начало переходить на новый, более высокий этап развития, появились непосредственные условия для создания массовой рабочей партии и Маркс и Энгельс стали осуществлять необходимые для этого мероприятия. Некоторые разделы книги Обермана устарели в результате дальнейшего развития исторической науки. В соответствующих коррективах нуждаются разделы, посвященные Союзу справедливых, Союзу коммунистов, деятельности рабочих союзов в Кёльне и других городах Германии.

Статьи, опубликованные К. Оберманом в последующие годы, существенно дополняют и уточняют результаты его исследований. Наряду с другими источниками он привлекает листовки рабочих организаций тех лет и другие ценные материалы[4].

---

[1] *K. Obermann.* Die deutsche Arbeiter in der Revolution von 1848. Berlin, 1953.

[2] Первым обратил внимание на эту интересную фигуру немецкого рабочего движения советский исследователь С. Б. Кан в статье «Рабочее движение в Берлине в первые недели Мартовской революции 1848 г.» «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», 1948, т. 5, № 1, с. 22—35.

[3] «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Sonderheft, 1960, Historische Forschungen in DDR, S. 260—261.

[4] Über die Bedeutung der Tätigkeit von Friedrich Engels im Frühjahr und Sommer 1848. «Zeitschrift...», 1961, H. 1; Zum Anteil

Серьезным исследованием является также книга Г. Беккера «Карл Маркс и Фридрих Энгельс в Кёльне в 1848—1849 гг. К истории кёльнского Рабочего союза» [1]. В ней на солидной документальной базе, с марксистских позиций разработана история массовой организации кёльнских рабочих. Хотя содержание книги формально ограничивается историей кёльнского Рабочего союза и исследованием попыток его руководителей создать весной 1849 г. массовую политическую партию германского пролетариата, в действительности она больше, чем какая-либо иная работа, содержит материал о деятельности Союза коммунистов и его членов в массовых рабочих и демократических организациях Германии в период революции 1848 — 1849 годов. Г. Беккер подвергает критике книгу социал-демократа Г. Штейна, посвященную той же теме [2]. Он указывает на главные пороки этой работы: непонимание тактики Маркса и апологию Готшалька, бывшего руководителя кёльнского Рабочего союза. Правда, следовало бы указать, что Штейн ввел в своем исследовании новый круг источников.

На примере рабочего движения Кёльна, занимавшего едва ли не центральное место в общегерманском рабочем движении, Беккер показал взаимоотношения передового авангарда — Союза коммунистов и массового стихийного движения рабочих, создававших свои союзы, профессиональные объединения и другие организации, тесную связь Маркса и Энгельса с этим движением, их борьбу за политическую и организационную самостоятельность рабочих союзов, их усилия, направленные на создание массовой политической партии германского пролетариата. Материал, приводимый в монографии, служит убедительным опровержением догм буржуазной исторической науки, отрицающей связь Маркса и Энгельса с рабочими массами. Не удивительно, что последняя встретила книгу Беккера резкой критикой [3].

---

des deutschen Proletariats und des Bundes der Kommunisten an der Vorbereitung der Revolution von 1848. «Zeitschrift...», 1968, H. 8.

[1] *G. Becker.* Karl Marx und Friedrich Engels in Köln 1844—1849. Zur Geschichte des Kölner Arbeitervereins. Berlin, 1963.

[2] *H. Stein.* Der Kölner Arbeiterverein. Ein Beitrag zur Frühgeschichte des rheinischen Sozialismus. Köln, 1921.

[3] См. *W. Schieder.* Auf dem Wege zu einer neuen Marx-Legende. «Neue politische Literatur», 1965, № 3, S. 262—264. См. также рецензию Вернона Лидтке в журнале «The American Historical Review», 1964, Vol. LXX, № 1, p. 246—247.

Приводя интересные сведения об основании кёльнского Рабочего союза, Беккер убедительно показывает, что узкоэкономическая тактика в первый период существования была связана, с одной стороны, с социальным составом Союза, большинство членов которого работало не на промышленных предприятиях, а главным образом в ремесле и в сфере обслуживания. С другой стороны, эта неверная тактика была навязана Рабочему союзу его организатором и руководителем Готшальком, который до этого примыкал к «истинным социалистам» и недооценивал значение политической борьбы.

Беккер справедливо отмечает, что даже в первый период существования Союза Готшальк не пользовался безраздельным авторитетом среди рабочих. В частности, благодаря вмешательству Маркса кёльнскому Рабочему союзу удалось сохранить свою организационную самостоятельность, которой Готшальк готов был пожертвовать ради объединения с Демократическим обществом.

В книге приводится ценный материал о деятельности нового руководства Рабочего союза (К. Шаппер, И. Молль), о приходе к руководству Союзом Маркса, о плане Маркса и Энгельса — руководителей кёльнского Рабочего союза весной 1849 г. созвать совместно с Рабочим братством Борна общегерманский конгресс рабочих союзов с целью организации массовой пролетарской партии, об исключении из Рабочего союза сектантской группы Принца — приверженцев авантюристской тактики Готшалька. Все это указывает, что работа Беккера по полноте материалов вполне заслуженно заняла значительное место в немецкой литературе по истории Союза коммунистов.

Однако далеко не на все вопросы, поставленные в книге, может быть дан однозначный ответ. В ряде случаев выводы автора являются лишь подходом к новому, более углубленному анализу проблемы.

Г. Беккер убедительно показал, что в период революции Шаппер и Молль выступали в кёльнском Рабочем союзе как сторонники политической тактики Маркса и Энгельса. Однако по многим теоретическим вопросам они оставались еще на позициях рабочего коммунизма. Кроме того, в Рабочем союзе удерживали еще серьезные позиции приверженцы члена Союза коммунистов Ф. Аннеке, близкого по своим воззрениям к «истинному социализму» и занимавшего промежуточную позицию между Марксом и Готшальком. Следовательно, марксистскому на-

правлению не принадлежало безраздельно руководство Рабочим союзом. Встает вопрос, в какой мере кёльнский Рабочий союз становился марксистской организацией. Для того чтобы определить это, автору следовало бы сопоставить печатные органы этого союза с «Neue Rheinische Zeitung». Самое беглое сравнение показывает, что в изданиях Рабочего союза влияние марксистской теории проявилось весьма слабо.

Тесно связана с основным исследованием Беккера и другая его работа, посвященная обсуждению «социального вопроса» на втором конгрессе демократов в Берлине [1]. В этой статье интересен анализ позиции, которую занимал на конгрессе делегат кёльнского Рабочего союза Ф. Бейст. Не являясь членом Союза коммунистов, он тем не менее последовательно отстаивал на заседаниях комиссии по социальному вопросу революционные мероприятия, намеченные в «Требованиях Коммунистической партии в Германии» Маркса и Энгельса. В этой связи Беккер останавливается и на тех разногласиях, которые обнаружились на конгрессе, в частности на борьбе между правым крылом и красными республиканцами. Проблема формирования фракции красных, «социальных» республиканцев, социальных демократов и отношение к ним Маркса и Энгельса нуждается еще в специальном исследовании.

Дополняет книгу Беккера также его небольшая статья о конгрессе рабочих союзов Рейнской провинции и Вестфалии 6 мая 1849 г. [2], о котором в печати сохранилось мало сведений, но решения которого представляют значительный интерес.

Весьма существенным дополнением, вносящим серьезные уточнения в предшествующие работы Беккера, является его превосходная статья о Стефане Борне [3]. В ней он убедительно опровергает буржуазную и правосоциалистическую концепцию, которая противопоставляет Борна Марксу, представляя первого законченным идеологом буржуазной идеи интеграции классов. Беккер наглядно иллю-

---

[1] См. *G. Becker*. Die «soziale Frage» auf dem zweiten demokratischen Kongreß 1848. Zur Entstehung und zum Charakter des «Kommunissionsgutachtens über die soziale Frage». «Zeitschrift...», 1967, H. 2.

[2] Der Kongreß der Arbeitervereine der Rheinprovinz und Westfalens am 6. Mai 1849. «Beiträge...», 1968, № 2.

[3] *G. Becker*. Stephan Born als Korrespondent der «Neuen Rheinischen Zeitung». Zu seiner politischen Tätigkeit in Berlin bis August 1848. «Zeitschrift...», 1973, H. 5, S. 577.

стрирует те связи, которые существовали между Борном и «Neue Rheinische Zeitung», берлинским корреспондентом которой он состоял. Не смазывая узкий экономизм и оппортунистические шатания, характерные для этого деятеля, автор в то же время сообщает, что в органе Рабочего братства Борна «Das Volk» почти треть текстов была заимствована из «Neue Rheinische Zeitung». В свою очередь Борн активно сотрудничал в газете Маркса и опубликовал в ней с 30 мая по 15 июня не менее 10 статей. (Копии некоторых из них даются в приложении к статье.) Влияние Маркса проявилось прежде всего на характере внешнеполитического отдела «Das Volk», где с позиций пролетарского интернационализма освещалось июньское восстание парижских рабочих 1848 г., борьба английских чартистов, ирландское национально-освободительное движение, угнетение негров в колониях. Борн, наряду с приверженностью к утопическим прожектам мелкобуржуазного социализма, признавал необходимость политической борьбы, участия в демократическом движении и даже установления политического господства рабочего класса. В некоторых статьях «Das Volk» и «Der Arbeiterverbrüderung» он пропагандировал идеи «Манифеста Коммунистической партии». Все это подтверждает мнение марксистской исторической науки, рассматривающей Борна как представителя в основном пролетарской партии, хотя и допускавшего серьезные оппортунистические ошибки.

Несомненный интерес представляет статья Р. Длубека о деятельности Ф. Энгельса в Швейцарии в конце 1848 года[1]. Длубек впервые в исторической литературе показал роль членов Союза коммунистов в немецком рабочем и демократическом движении Швейцарии революционных лет и проанализировал на основе найденных им документов деятельность Энгельса по сплочению революционного ядра рабочего движения этой страны.

Существенным вкладом в освещение деятельности членов Союза коммунистов в рабочем движении Саксонии являются работы Р. Вебера[2]. Ему удалось показать, что

---

[1] См. *R. Dlubek.* Zur politischen Tätigkeit von Friedrich Engels in der Schweiz Ende 1848 — Anfang 1849. «Beiträge...», 1960, № 4.

[2] См. *R. Weber.* Die Entwicklung der Sächsischen Arbeitervereine 1848/49. «Beiträge...», 1968, № 2, S. 345—372; *его же:* Emil Ottokar Weller. In: «Die Männer der Revolution von 1848». Berlin, 1969; *его же:* Die Revolution in Sachsen 1848/49. Berlin, 1970, S. 51—106, 207—221, 289—326.

в Саксонии в годы революции влияние и активность коммунистов были более значительны, чем полагали ранее. В книге Вебера о революции в Саксонии приводится новый материал о деятельности лейпцигских членов Союза коммунистов весной 1849 г., росте революционных настроений и радикализации политической позиции руководства Рабочего братства.

Заслугой Вебера является также раскрытие процесса видоизменения в период революции «истинного социализма», который породил, с одной стороны, мелкобуржуазный демократизм (Земмиг), а с другой — систему взглядов, сочетавшую узкий экономизм с бланкистской тактикой (Готшальк). Вебер показывает процесс эволюции «истинного социализма» и рабочего коммунизма на конкретном примере деятельности члена Союза коммунистов Э. О. Веллера. Перейдя на позиции рабочего коммунизма, Веллер, который был близок именно к Готшальку и поддерживал дружеские связи с ним, в ходе революции стал все больше испытывать влияние марксовой «Neue Rheinische Zeitung» и даже стал ее сотрудником.

Среди работ, посвященных истории локальных организаций в рабочем движении, богато документированная статья К. Вернике «Коммунисты и активные деятели в рабочем движении Берлина до, во время и после революции 1848—1849 гг.» [1] занимает значительное место. Автор опирается на всю предшествующую литературу по данному вопросу и отмечает особенно существенное значение для данной темы статьи Г. Цизе «О начале рабочего движения в Берлине» [2].

Вернике показывает, что вмешательство полиции в 1846—1847 гг. не привело к полному разгрому берлинской организации Союза справедливых, последняя продолжала существовать уже как организация Союза коммунистов и до, и во время революции 1848—1849 годов. Этот вывод он пытается обосновать целым рядом фактов. Однако автор, на наш взгляд, подчас проявляет излишнее доверие к показаниям перед судом бывшего руководителя берлинских

---

[1] Kommunisten und politische Aktivisten in der Berliner Arbeiterbewegung vor, während und nach der Revolution 1848/49. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1968, № 2, S. 298—344.

[2] Über die Anfänge der Arbeiterbewegung in Berlin. Neue Quellen zur Geschichte des Bundes der Gerechten in Deutschland. «Beiträge...», 1965, Sonderheft, S. 140 ff.

общин Союза Ментеля и к сообщаемым им спискам членов организации в Берлине, к показаниям Хетцеля, заменившего Ментеля, и вообще к сведениям, содержащимся в полицейском издании Вермута и Штибера. Вернике не привел каких-либо существенных аргументов, которые поколебали бы прежнюю точку зрения о политически двусмысленной роли Хетцеля в берлинском рабочем движении. Высылка последнего из Берлина в Бреславль в августе 1850 г. и его обращение с письмом к Марксу и Шапперу, в котором он заверяет о своей верности коммунистическим принципам и просит оказать ему денежную помощь [1], не являются веским основанием для ее пересмотра. В пользу прежнего взгляда говорят слишком откровенные показания Хетцеля против Д'Эстера, его двусмысленное выступление на кёльнском судебном процессе против коммунистов в качестве свидетеля обвинения, а также его уклончивое поведение при встрече с представителем ЦК Союза коммунистов В. Вольфом, его нежелание сообщить точные данные о численности берлинских общин Союза и познакомить эмиссара Союза с личным составом этих общин [2].

Статья Верннке содержит много новых, интересных материалов по истории деятельности Союза коммунистов в Берлине в канун революции 1848 г., о наиболее активных его членах и близких к ним рабочих-активистах (Л. Биски, Э. Бартельт, Б. Юринг, Беккер, Люхов), о массовых выступлениях берлинских рабочих в мартовские дни и участии в баррикадных боях отдельных членов берлинских общин Союза. Освещая позиции передовых берлинских рабочих на массовых рабочих собраниях в начале революции, автор впервые в литературе вскрыл существо разногласий между ведущими деятелями Союза коммунистов в Берлине Борном и Хетцелем по вопросу о формах организации рабочих в период революции. Борн стремился объединить рабочих по отраслям производства в чисто экономическую, профсоюзную организацию. Хетцель предлагал строить эту организацию в форме тайного политического просветительного клуба, во многом продолжающего ту традицию пропаганды, которая была характерна для берлинских общин Союза в 1847 году. Хотя позиция Хетцеля была, казалось,

---

[1] *K. Wernicke.* Op. cit., S. 336.

[2] См. *K. Bittel.* Der Kommunistenprozeß zu Köln 1852 im Spiegel der zeitgenossischen Presse. Berlin, 1955; Der Bund der Kommunisten. Berlin, 1970, B. I, S. 760—761.

более прогрессивной, чем Борна, тянувшего к экономизму, она, как справедливо отмечает Вернике, таила в себе внутреннее противоречие: зачем в условиях победы революции и наличия свободы союзов и собраний сохранять *тайную* организацию рабочих [1]. На этот вопрос Хетцель не мог дать ответа, и берлинские рабочие в своем большинстве отдали предпочтение плану Борна. Он больше соответствовал ранним условиям формирования рабочего класса и неразвитому классовому сознанию рабочих. Аналогичную картину наблюдал Энгельс в Эльберфельде [2].

Остается необъясненным, почему Хетцель на протяжении оставшихся восьми месяцев 1848 г. ничем не проявил себя в берлинском рабочем движении. Едва ли это можно объяснить обидой Хетцеля, как утверждает автор [3]. Не связана ли пассивность Хетцеля с тем, что многие берлинские рабочие проявляли к нему недоверие в связи с той неясной ролью, какую он играл во время судебного процесса 1847 г. против членов Союза справедливых в Берлине?

Большой и интересный материал содержится в статье Вернике по вопросу о возникновении и дальнейшем развитии Рабочего братства и роли в нем членов Союза коммунистов. Автор на многочисленных примерах показывает, что не следует рассматривать Рабочее братство как организацию, абсолютно чуждую политической деятельности. Подвергая обстоятельной критике экономизм и оппортунистическую тактику Борна и других руководителей этого объединения, автор в то же время отмечает выступления Борна и газеты «Das Volk» в пользу политической деятельности, их критику в адрес Кампгаузена и других прусских буржуазных либералов. Анализируя выступления берлинских членов Союза в печати, Вернике показывает, что они испытывали на себе влияние не только представителей мелкобуржуазных направлений (Прудона, Луи Блана), но и революционных воззрений Маркса и Энгельса [4]. Это прослеживается, в частности, на материалах газеты «Das Volk», на брошюре Люхова — в прошлом члена Союза справедливых, а затем активного деятеля Рабочего братства, на выступлениях другого его активиста — Биски [5].

---

[1] *K. Wernicke.* «Beiträge...», 1968, № 2, S. 301—308
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, с. 120.
[3] См. *K. Wernicke.* Op. cit., S. 309—310.
[4] Ibid., S. 317—319.
[5] Ibid.

Наиболее существенным вкладом статьи является показ радикализации политических взглядов руководителей берлинского окружного комитета Рабочего братства в конце 1848 и начале 1849 г., по мере обострения революционного кризиса в стране. В этом комитете заметную роль играли члены Союза коммунистов. Вновь делаются попытки возродить тайную деятельность общин Союза в Берлине. Статья освещает работу членов Союза и рабочих активистов до 1853 г. и прослеживает преемственность с последующим рабочим движением в Берлине.

* * *

Значительно меньше исследована и освещена деятельность Союза коммунистов после поражения революции 1848—1849 годов. Здесь начало было положено уже названными выше двумя монографиями К. Обермана — о деятельности Союза коммунистов в 1849—1852 гг. и о Иосифе Вейдемейере. К. Оберман продолжал свои исследования, публикуя результаты в форме отдельных статей [1].

Несколько новых документов по истории Союза коммунистов этого периода опубликовал в 60-е годы Р. Длубек [2].

Ранее главное внимание уделялось, как правило, деятельности Центрального комитета Союза в Лондоне, борьбе его марксистского большинства против сектантской фракции Виллиха — Шаппера и расколу Союза. Однако положение Союза на местах, конкретные формы деятельности общин, борьба в них между различными направлениями в значительной мере оставались неосвещенными. Заслуга марксистских историков ГДР состоит в том, что они приступили к исследованию истории местных организаций Союза в послереволюционный период, несмотря на

---

[1] См. *K. Obermann*. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung nach der Revolution von 1848—1849 zu Beginn der fünfziger Jahre. «Beiträge...», 1961, № 4; Im Kampf gegen den Antikommunismus und die Hetze gegen Karl Marx in den Jahren 1852/53. «Beiträge...», 1963, № 3.

[2] См. *R. Dlubek*. Ein unbekanntes Dokument über den Kampf des Bundes der Kommunisten für den selbständige Organisation des Proletariats nach der Revolution von 1848/49. «Beiträge...», 1962, № 1; *его же:* Friedrich Engels als publizistischer Anwalt des Willichschen Freikorps. «Beiträge...», 1967, № 2.

то, что материалов сохранилось очень мало и поиски сопряжены с огромными трудностями. В этой связи следует назвать работу Фёрдера о деятельности нюрнбергской общины весной 1851 г. [1], его статью, написанную совместно с Г. Цизе, по истории июньского обращения ЦК (1850) и работе членов Союза в Лейпциге [2], рассмотренную выше статью Вернике, исследование Р. Рюдигер о деятельности Союза коммунистов в конце 1850 года [3]. Весьма существенные сведения о деятельности ряда местных организаций Союза в Германии и США (Гамм, Франкфурт, Кёльн, Нью-Йорк в начале 50-х гг.) содержатся в книге Обермана об Иосифе Вейдемейере. Все указанные работы отличаются большой конкретностью, точностью и позволяют рассмотреть историю Союза целостно, охватывая деятельность как отдельных общин Союза, так и его руководящего центра.

При изучении борьбы Маркса и Энгельса против сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера историки ГДР осветили некоторые новые стороны этой проблемы. Особого упоминания заслуживает работа Г. Беккера о деятельности антивиллиховского Нового рабочего союза, созданного в Лондоне при участии сторонников Маркса и Энгельса [4].

Много было сделано историками ГДР, чтобы раскрыть историческую роль кёльнского судебного процесса против коммунистов в 1852 г., разоблачить полицейские махинации прусского правительства, выявить план защиты, примененный подсудимыми коммунистами. В этой связи следует назвать книги К. Биттеля [5] и Р. Гернштадта [6]. Заслуга

---

[1] См. *H. Förder*. Die Nürnberger Gemeinde des Bundes der Kommunisten und die Verbreitung des «Manifests der Kommunistischen Partei» im Frühjahr 1851 («Beiträge...», 1962, Sonderheft).

[2] См. *H. Förder/G. Ziese*. Zur Geschichte der «Ansprache der Zentralbehörde an den Bund vom Juni 1850» und zur Tätigkeit der Mitglieder des Bundes der Kommunisten in Leipzig (1850/51).— In: Aus der Frühgeschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1964.

[3] См. *R. Rüdiger*. Zur Tätigkeit des Bundes der Kommunisten Ende 1850 («Beiträge...», 1968, № 1).

[4] См. *G. Becker*. Der «Neue Arbeiter-Verein in London», 1852. Beiträge zur Geschichte des Bundes der Kommunisten. «Beiträge...», 1966, № 2.

[5] См. *K. Bittel*. Der Kommunistenprozeß zu Köln 1852 im Spiegel der zeitgenossischen Presse. Berlin, 1955.

[6] См. *R. Herrnstadt*. Die erste Verschwörung gegen das internationale Proletariat. Berlin, 1958.

Биттеля состоит, в частности, в том, что он в своем издании воспроизвел отчеты «Kölnische Zeitung» о ходе судебного процесса и снабдил их квалифицированным комментарием. К сожалению, влияние процесса на общественное мнение Германии, отклики на него прессы остались за пределами книги Биттеля. Этот пробел был частично восполнен в уже упомянутой книге Обермана о Союзе коммунистов в 1849—1852 гг. и в работе Гернштадта, довольно обстоятельно показавшего воздействие процесса на последующее рабочее движение в Германии.

Проблема преемственности между Союзом коммунистов и последующими организациями германского пролетариата поставлена в книге Э. Энгельберга по истории Германии с 1849 по 1871 год[1]. Он показал, что после роспуска Союза в некоторых городах Германии (Золинген, Дюссельдорф) продолжали действовать в подполье отдельные революционные группы рабочих, руководимые бывшими членами Союза. Эти группы сохранились вплоть до начала 60-х гг., когда был организован лассалевский Всеобщий германский рабочий союз. Более обстоятельно этот вопрос рассмотрен в работах В. Шмидта и Р. Длубека, К. Лейдигкайта, М. Хундта, а также в книге Х. Хюммлера об оппозиции против Лассаля внутри Всеобщего германского рабочего союза[2].

Прежде в литературе по истории Союза коммунистов бытовала точка зрения, согласно которой кёльнский Центральный комитет Союза коммунистов не располагал сколько-нибудь значительной поддержкой рядовых членов и не успел осуществить какие-либо существенные мероприятия по укреплению Союза. В новой немецкой марксистской литературе вырисовывается совершенно иной подход к этому вопросу. Новые данные свидетельствуют о том, что кёльнский Центральный комитет вел большую работу по пропаганде в Германии таких произведений марксизма, как

---

[1] См. *E. Engelberg*. Deutschland von 1849 bis 1871. Lehrbuch der deutschen Geschichte. Berlin, 1959, S. 221.

[2] См. *W. Schmidt/R. Dlubek*. Die Herausbildung der marxistischen Partei der deutschen Arbeiterklasse. «Zeitschrift...», 1966, H. 8, S. 1309—1315; *K.-H. Leidigkeit*. Zur Tradition des Bundes der Kommunisten nach dem Kölner Kommunistenprozess («Beiträge...», 1962, № 4; *M. Hundt*. Zur Kontinuität der deutschen Arbeiterbewegung vom Bund der Kommunisten zur Eisenacher Partei. «Beiträge...», 1969, № 4; *H. Hümmler*. Opposition gegen Lassalle. Die revolutionäre proletarische Opposition im Allgemeinen Deutschen Arbeiterverein 1862/63 — 1866. Berlin, 1963.

«Манифест Коммунистической партии», а также печатного органа Союза «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». Влияние Центрального комитета можно обнаружить в рабочей газете «Deutsche Arbeiterhalle», которую издавал член Союза столяр Штехан и в которой сотрудничали члены кёльнского ЦК. Это влияние прослеживается в издававшейся И. Вейдемейером «Neue Deutsche Zeitung» и Г. Беккером «Westdeutsche Zeitung».

Кёльнцы, несмотря на краткий период своей деятельности (с октября 1850 по май 1851 г., когда начались аресты), сумели развернуть, в соответствии с указаниями Маркса, пропагандистскую и организационную работу среди промышленных рабочих Эльберфельда, Золингена, Дюссельдорфа, Кёльна и некоторых других городов Рейнской провинции. Их деятельность была столь эффективна, что даже после ареста членов кёльнского Центрального комитета и других видных деятелей Союза, после роспуска Союза в 1852 г. его глубоко законспирированные общины продолжали еще несколько лет функционировать в ряде городов Рейнской провинции, а некоторые из них сохранились вплоть до 1863—1864 годов [1].

Преемственность в немецком рабочем движении, его революционные традиции, место в нем Союза коммунистов — все эти проблемы стали предметом острой борьбы марксистской исторической науки ГДР против буржуазных и правосоциалистических историков, которые пытаются выхолостить или предать забвению эти революционные традиции. В упомянутых выше работах дается хорошо аргументированная критика буржуазных фальсификаторов и убедительно доказывается существование солидной революционной традиции в немецком рабочем движении.

Свою зрелость историки ГДР особенно проявили при написании восьмитомной «Истории рабочего движения Германии» [2], давшей подлинно научное освещение всего исторического пути борьбы германского пролетариата. Очерк истории Союза справедливых — Союза коммунистов, данный в 1 томе указанного издания, является, несомненно, образцом теоретического обобщения результатов кон-

---

[1] См. *W. Liebknecht.* Zwei Pionieren. «Die Neue Welt». Jahrg. 1900.

[2] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung in acht Bänden. Berlin, 1966.

кретного исторического исследования в этой области. Вместе с тем этот очерк свидетельствует о том, что свою почетную задачу историки ГДР успешно выполнили благодаря тому, что опирались на марксистские исследования историков других стран и в том числе Советского Союза. Совместная плодотворная работа историков ГДР и СССР, как и других социалистических стран, и в дальнейшем будет являться одним из решающих условий больших творческих успехов марксистской исторической науки.

Б. М. РУДЯК

Новые данные о судьбе русских книг из библиотек К. Маркса и Ф. Энгельса

В 1967 г. в Берлине вышла в свет работа о книгах из библиотек Маркса и Энгельса [1]. В ней, наряду со статьей о судьбе этих библиотек и описью библиотеки К. Маркса, составленной в 1850 г. Роландом Даниельсом, дано описание 504 книг, принадлежавших Марксу и Энгельсу и найденных в ГДР и других странах после второй мировой войны. В это исследование не были включены найденные к тому времени русские книги из библиотек Маркса и Энгельса (около 80 названий), так как было обусловлено, что подобное издание по русским книгам будет подготовлено Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС [2].

Работа Маркса и Энгельса над русскими источниками давно уже привлекает к себе внимание исследователей марксизма и истории рабочего движения. Это обстоятельство вызвало к жизни значительную литературу, в которой освещаются не только связи основоположников марксизма с русскими революционными и общественными деятелями и изучение ими экономического развития России пореформенного периода, но и отражены вопросы о составе русской части библиотек Маркса и Энгельса, истории собирания и изучения русских книг, характере пометок,

[1] Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels. Schicksal und Verzeichnis einer Bibliothek. Dietz Verlag. Berlin, 1967. Подготовлена сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ Бруно Кайзером и Ингой Верхан.

[2] Для сравнения небезынтересно отметить, что на основании обследования остатков библиотек Маркса и Энгельса, хранившихся до 1933 г. в архиве Социал-демократической партии Германии, в ИМЭЛ к 1934 г. была составлена картотека, которая охватывала 1509 иностранных и 209 русских книг. (См. Справочные фонды научных секторов ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). Указатель (1934). Ротапринт, с. 9.)

оставленных ими на русских книгах[1]. Один только перечень книг, собранных и прочитанных Марксом и Энгельсом, дает чрезвычайно интересное представление о проблемах, которые занимали их в тот или иной период. Что же касается многочисленных пометок, то они позволяют выявить отношение Маркса и Энгельса к позиции автора работы, понять, какие мысли, ассоциации, а иногда и замыслы порождали у них эти книги. Сопоставление пометок с выписками или завершенными работами помогает как бы проникнуть в творческую лабораторию Маркса и Энгельса, проследить, как создавались их отдельные произведения. Когда речь идет о русских книгах, следует учитывать, что многое, связанное с их изучением, не нашло окончательного разрешения, так как Маркс не успел завершить работу над третьим томом «Капитала», для которого значение русских источников было особенно важно. Выписки из русских книг и следы работы над ними позволяют глубже понять направление теоретического поиска и выводов, сделанных в процессе работы. Именно этим определяется стремление получить как можно более полное представление о русской части библиотек Маркса и Энгельса.

С самого начала создания Института Маркса — Энгельса (1921) его представителям за рубежом, наряду с работой по выявлению и копированию документов Маркса и Энгельса, было поручено разыскать русские книги из их библиотек, описать их и скопировать наиболее существенные пометки, оставленные Марксом и Энгельсом. Определенную работу в этом направлении в 20-е годы проделал Б. И. Николаевский. Известно, что в последующий период, особенно начиная с 30-х годов, он занимал враждебную Советскому Союзу позицию, был автором ряда «марксоло-

---

[1] О русских книгах в библиотеках Маркса и Энгельса и пометках на них см. вышедшие в последние годы: К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967; Русские современники о Марксе и Энгельсе. М., 1968; *С. С. Волк.* Маркс и Россия. Л., 1968. *Р. П. Конюшая.* Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975; *А. И. Володин, Б. С. Итенберг.* Карл Маркс и Петр Лавров. «Прометей», 1971, № 8; *Л. С. Гамаюнов.* О записях К. Маркса, сделанных им при изучении книги М. Ковалевского «Общинное землевладение...». «Советское востоковедение», 1958, № 2; *Б. С. Итенберг.* Маркс за изучением социально-экономической истории пореформенной России.— В кн.: «Маркс-историк». М., 1968; *М. А. Кочеткова.* Русские книги в библиотеке К. Маркса. «Коммунист», 1968, № 6; *Е. Таратута.* На моей книжной полке. «Прометей», 1969, № 7.

гических» опусов, подвергшихся резкой критике со стороны советских историков марксизма. Однако тогда, в 20-е годы, он по поручению ИМЭЛ сделал немало для розыска документов Маркса и Энгельса, особенно русских книг из их библиотек. В 1929 г. в статье, опубликованной в IV томе «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса», им был как бы подведен итог этой работы [1].

В результате работы, проведенной в 1924—1927 гг. в архиве Социал-демократической партии Германии в Берлине, было учтено 209 названий книг, брошюр, оттисков и периодических изданий на русском языке, принадлежавших ранее Марксу и Энгельсу. Работы брались на учет только в тех случаях, когда имелись точные данные об их принадлежности к библиотекам Маркса и Энгельса (записи, пометки, не вызывавшие сомнения отчеркивания и подчеркивания) или по меньшей мере достаточно обоснованные предположения об этом; в описи включались также книги с дарственными надписями, посвященными Марксу и Энгельсу. Во многих случаях принадлежность пометок нельзя было установить совершенно достоверно и однозначно. Такие издания или не учитывались, или автор пометок указывался предположительно. К тому же необходимо иметь в виду, что книги из библиотек Маркса и Энгельса были рассредоточены среди других книг библиотеки Социал-демократической партии Германии, могли быть выданы кому-нибудь на руки или просто не оказались в поле зрения. Таким образом, все книги выявить не удалось.

С приходом фашистов к власти в Германии, русские книги разделили участь остальных книг, оказавшихся в архиве СДПГ, т. е. были разграблены, рассредоточены в разных библиотеках, вывезены в разные страны [2].

---

[1] См. статью «Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса (материалы для изучения их отношения к России)».— «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. IV. М., 1929, с. 355—423. До этого была опубликована статья *Ф. Гинзбург.* Русская библиотека Маркса и Энгельса.— В сб.: «Группа «Освобождение труда»». М., 1926, № 4, с. 357—388.

[2] Подробнее о судьбе книг из библиотек Маркса и Энгельса после прихода фашистов к власти в Германии см.: Ex libris K. Marx und F. Engels. Berlin, 1967; статья *Г. П. Харстика* в «International Review of Social History», Vol. XVIII, 1973, Part 2; статья *Бруно Кайзера* в «Neues Deutschland», 28. IX 1973; нашу публикацию рукописи К. Маркса «Русское в моей библиотеке».— «Вопросы истории КПСС», 1975, № 9, с. 111—113.

В послевоенные годы значительное число этих книг удалось разыскать. Большая заслуга в проведении этой необыкновенно сложной и требующей большого опыта и знаний работы принадлежит профессору Бруно Кайзеру, который в течение 20 лет возглавлял библиотеку основанного в 1949 г. Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ. В различных архивах, библиотеках и учреждениях Бруно Кайзеру и его сотрудникам (среди которых следует в первую очередь назвать Ингу Верхан) по поручению ИМЛ при ЦК СЕПГ удалось разыскать и собрать около 600 книг из библиотек Маркса и Энгельса, в том числе около 80 книг на русском языке [1].

В 1950—1957 гг. Центральный комитет Социалистической единой партии Германии передал эти книги Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Из них: 46— с пометками Маркса и Энгельса, 33 — без пометок, часть с дарственными надписями авторов книг в адрес Маркса и Энгельса. Помимо полученных книг Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС располагает еще с 20-х годов фотокопиями 7 неразысканных книг с пометками Маркса и Энгельса. Однако судьба большинства книг из библиотек Маркса и Энгельса, хранившихся в архиве СДПГ до 1933 г., в том числе и 130 русских книг, оставалась неизвестной. Снова и снова вставал вопрос о том, в каком направлении следует продолжить поиск. Вывезенные из Германии в 1933 г. основные документы архива СДПГ, в том числе рукописи Маркса и Энгельса, в 1938 г. были проданы созданному незадолго до этого Международному Институту социальной истории в Амстердаме (МИСИ). По опубликованным после войны данным стало известно, что вместе с документами Маркса и Энгельса в этот Институт попала и значительная часть наиболее ценных книг, в том числе из библиотек Маркса и Энгельса. Так, в согла-

---

[1] Подробнее об истории розыска и собирания этих книг см.: *B. Kaiser.* Aus der Bibliothek von Karl Marx. Ein Bericht über wiedergefundenen Schätze.— «Neues Deutschland», 1953, 5. Mai, № 104. *B. Kaiser.* Information über Schicksal der persönlichen Bücher von K. Marx und F. Engels. «Theorie und Praxis». Jahrg. (12). Berlin, 1963. Sonderheft, S. 46—47. *B. Kaiser.* Bücher von Maitland Park. «Einheit» (Berlin), 1968, № 4/5, S. 604—605. Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels. Schicksal und Verzeichnis einer Bibliothek. Berlin, Dietz, 1967. 229 S. *I. Werchan.* Zur Geschichte der persönlichen Bibliothek von Karl Marx. «Zentrallblatt für Bibliothekwesen» (Leipzig), 1968, № 5, S. 257—262.

шении о продаже архива СДПГ было сказано о передаче Институту в Амстердаме всех материалов, «включая так называемый архив Карла Маркса и Фридриха Энгельса, статьи, рукописи, письма, писаные и печатные документы и книги» [1]. К тому же сообщалось, что в числе последних были и русские книги. Так, например, в описи, составленной заведующим архивом СДПГ Ионни Хинриксеном, указывалось, что среди вывезенных в Париж материалов находились «собранная в архиве коллекция фотографий, а также определенное количество литературных работ на русском языке» [2]. Это означало, что часть русских книг из библиотек Маркса и Энгельса, и притом особо ценная, могла оказаться в Амстердаме.

К 1973 г. выяснилось, что в Амстердаме следует искать и другую часть русских книг, принадлежавших Марксу. Как известно, в начале 1884 г. Ф. Энгельс и Элеонора Маркс решили передать значительную часть русских книг из библиотеки Маркса (около ста томов) в распоряжение Петра Лаврова, проживавшего тогда в Париже. Из переписки видно, что, принимая решение о передаче этих книг Лаврову, Энгельс хотел, чтобы это собрание «послужило ядром для создания библиотеки русской революционной эмиграции» [3]. 30 января 1884 г. Лавров благодарит Энгельса и Элеонору Маркс за их предложение. Он пишет: «Так как моя библиотека к услугам всех моих соотечественников, которым нужно выполнить какую-либо работу, то этими книгами смогут пользоваться очень многие» [4]. 3 марта 1884 г. Энгельс сообщил о высылке ящика с книгами из Лондона, а 7 марта Лавров уведомил его об их получении. О существовании каких-либо списков книг, переданных Лаврову, до последнего времени не было известно. Крайне мало сохранилось данных и о дальнейшей судьбе библиотеки Лаврова. В упомянутой статье Б. Николаевский сообщает о том, что библиотека Лаврова была разделена. Часть ее попала в парижскую Тургеневскую библиотеку, а другая часть долго сохранялась в качестве отдельной, так называемой Лавровской библиотеки, которая в начале 20-х гг. была перевезена в Прагу и вошла состав-

---

[1] «Archiv für Sozialgeschichte», VI/VII Band, 1966/1967, S. 193.
[2] Ibid.
[3] Энгельс — Лаврову, 28. I 1884. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, с. 83.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 492.

ной частью в большую русскую библиотеку, организованную там русским «Земско-городским союзом» [1].

Если о книгах, оказавшихся после смерти Энгельса в распоряжении архива СДПГ, существовало более или менее ясное представление и в какой-то мере они были описаны, то судьба той части книг, которая попала к Лаврову, практически оставалась неизвестной до последнего времени. До 1973 г. мы имели сведения только о двух из них. Так, в журнале «Русская мысль» № 8 за 1903 г. была опубликована статья С. Ан-ского «К характеристике Маркса», в которой он сообщал, что при разборе архива П. Лаврова в его руки попал небольшой переплетенный томик, содержавший статьи П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие», печатавшиеся в «Вестнике Европы» в 1880 г. Ан-ский утверждал, что этот томик ранее принадлежал Марксу и что на полях книги содержались многочисленные замечания последнего. Далее в статье приведены некоторые из этих чрезвычайно интересных замечаний. К сожалению, книга эта до сих пор осталась неразысканной. Другая, известная нам книга из библиотеки Маркса, оказавшаяся у Лаврова,— это произведение самого Лаврова «Опыт истории мысли», т. 1, вып. 1. Спб., 1875 г., с дарственной надписью: «Учителю социалистов Карлу Марксу от автора в знак дружбы и уважения». На книге имеются многочисленные пометки и замечания Маркса, представляющие большой интерес. Книга была обнаружена в 1936 г. в библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде, куда она попала вместе с другими материалами из наследства П. Лаврова, приобретенными в 1928 г., а затем была передана в Институт марксизма-ленинизма, где хранится и ныне [2].

В 1973 г. стало известно еще об одной русской книге с пометками Маркса, которая после его смерти перешла к Лаврову. Речь идет о книге Виктора Гольцева «Государственное хозяйство во Франции XVII века» (Москва, 1878 г.), обнаруженной в библиотеке Международного Института социальной истории в Амстердаме. Присланная Институту марксизма-ленинизма фотокопия этой книги и особенно статья сотрудника МИСИ Г. П. Харстика о книгах из биб-

---

[1] См. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. IV, 1929, с. 356.

[2] Такое же издание было подарено автором Ф. Энгельсу с надписью: «Фридриху Энгельсу от автора в знак искреннего уважения». До 1933 г. книга хранилась в библиотеке СДПГ под № 44080. В настоящее время она обнаружена в библиотеке МИСИ.

лиотеки Маркса[1] позволили по-новому представить судьбу той части русских книг, которые были отправлены Энгельсом Лаврову. После конституирования в 1902 г. партии эсеров библиотека Лаврова, в которую влились и другие собрания, приобрела статус партийной библиотеки, получившей затем известность как «Bibliotheque Russe Lavroff-Gotz. Paris». В начале 20-х гг. она была перевезена в Прагу, где вошла в состав большой русской публичной библиотеки, организованной там представителями русской белой эмиграции, главным образом эсеровской.

В 1936 г. руководство МИСИ начало вести переговоры о приобретении этой библиотеки. В декабре 1938 г., после мюнхенского соглашения и в связи с нависшей угрозой захвата Чехословакии фашистской Германией, библиотека была перевезена в Амстердам, а 1 марта 1939 г. продана Международному Институту социальной истории. Таким образом, незадолго до оккупации Голландии фашистами здесь оказались собранными вместе русские книги из библиотек Маркса и Энгельса, которые более полувека были рассредоточены в архиве СДПГ и в библиотеке Лаврова. Однако дальнейшая судьба этих книг оказалась еще более драматичной. Из оккупированной в 1940 г. Голландии началось систематическое хищение сокровищ культуры, которым руководил «уполномоченный фюрера по общему мировоззренческому воспитанию» рейхслейтер Альфред Розенберг. Последний создал в Голландии так называемый «Особый штаб» (Einsatzstab), деятельность которого позже была распространена и на другие оккупированные страны Европы. Материалы Института, которые не удалось к этому времени эвакуировать в Англию, 18 июля 1940 г. были конфискованы, и среди них — обширная библиотека. В здании Института разместился штаб Розенберга, который оставался там до конца оккупации. На Нюрнбергском процессе главных военных преступников был оглашен документ, отражающий действия этого штаба. В частности, там говорится: «Рабочая группа получила в свое распоряжение единственную в своем роде библиотеку амстердамского Международного Института социальной истории... Фонды его библиотеки и архива, в которых имеются очень ценные вещи, были доставлены со всех концов мира. В библиотеке около 160 тысяч томов, большая часть

[1] «International Review of Social History». Vol. XVIII, 1973, Part 2, p. 202—222.

которых, правда, еще не классифицирована. Особенно ценны немецкий, французский и русский отделы. Согласно постановлению рейхслейтера Розенберга, конфискации подлежал весь Институт полностью»[1]. В ноябре 1944 г., уже после того как часть материалов была отправлена в Силезию, оставшиеся фонды (главным образом, библиотека) были размещены на 11 баржах, находившихся в амстердамской гавани и подготовленных для отправки по каналам в Германию. В начале января 1945 г. девять барж, прибывших в Эмден, были перегружены на 2 больших речных транспорта, дальнейшая судьба которых не была известна до весны 1946 г., когда они были случайно обнаружены в Виндхейме-на-Везере. Часть ящиков с книгами была разбита, а доски унесены. После того как книги вернулись к своим прежним владельцам в Амстердам, обнаружилось, что немало книг пропало и среди них, по-видимому, некоторые из библиотек Маркса и Энгельса. Потребовались годы для приведения в порядок библиотеки МИСИ, прежде чем она стала доступной для исследователей.

За послевоенные годы книжный фонд амстердамского Института значительно расширился, и работа по розыску русских книг (также как и других книг), принадлежавших Марксу и Энгельсу, осложнилась тем обстоятельством, что они оказались рассредоточенными среди 500 тысяч книг, хранящихся ныне в библиотеке. Как уже отмечалось, списков книг, переданных Энгельсом Лаврову, не сохранилось, не было и списков книг, перешедших в МИСИ из архива СДПГ. Поэтому, прежде чем приступить к выявлению книг, которые могли оказаться в библиотеке МИСИ, а заодно и в других библиотеках и учреждениях, необходимо было составить возможно более полную картину русского отдела библиотек Маркса и Энгельса. Эта работа была начата нами в конце 1973 г. В процессе исследования были использованы следующие источники:

1. Выписки и записи, сделанные Марксом и Энгельсом при чтении русских книг.

2. Переписка Маркса и Энгельса между собой и с третьими лицами, где говорится о работе над русскими книгами или об их получении.

[1] Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher von dem Internationalen Militärgerichtshof, Nürnberg, 14. November 1945 — 1. Oktober 1946. Nürnberg, 1947, Bd. XXV, Dok. 176 — PS, S. 251.

3. Воспоминания соратников и современников Маркса и Энгельса, переписка между ними, где упоминаются русские книги.

4. Дошедшие до нас русские издания с пометками Маркса и Энгельса, а также с дарственными надписями в их адрес.

5. Описание книг из наследства Маркса и Энгельса, составленное в 1924—1927 гг. в архиве Социал-демократической партии Германии.

6. Описание русской части библиотеки Маркса, составленное им самим в 1882 г. под названием «Russisches in my bookstall» («Русское в моей библиотеке»).

Последний документ, в котором под 115 номерами перечислено около 150 книг, представляет особую ценность [1], но и в этот перечень не попали многие книги, которые, судя по другим данным, имелись у Маркса. Это могли быть книги, возвращенные Марксом владельцам после того, как они были использованы, или книги, находившиеся в этот момент у Энгельса или у других лиц. Результатом проделанной работы явился список, в который вошло более 300 названий русских книг и периодических изданий, бывших в распоряжении Маркса и Энгельса.

В январе — феврале 1975 г., во время работы сотрудников ИМЛ в Международном Институте социальной истории, была сделана попытка выявить русские книги в библиотеке этого Института. Из контактов, относящихся к 1973 г., и из статьи Г. П. Харстика в «International Review of Social History» было известно, что сотрудники амстердамского Института также занялись выявлением книг из библиотек Маркса и Энгельса, но сложность поиска заключалась в отсутствии необходимых данных о составе этих библиотек. Чтобы способствовать розыску книг, ЦПА ИМЛ передал в конце 1973 г. Институту социальной истории перечень, составленный Марксом. Местонахождение 92 книг из 115 перечисленных в нем названий, оставалось еще неизвестным. К началу 1975 г. сотрудники амстердамского Института нашли десять русских книг из библиотек Маркса и Энгельса, причем 7 из них ранее хранились в архиве СДПГ в Берлине, а на трех имелась печать библиотеки Лаврова — Гоца (из указанных книг 8 были обнаружены Г. П. Харстиком и 2 — Б. Сапиром). Ниже следует перечень этих книг:

[1] Публикацию этой рукописи К. Маркса см. «Вопросы истории КПСС», 1975, № 9, с. 95—113.

1. Герцен А. И. Былое и думы. Лондон, 1861.

2. Гольцев В. Государственное хозяйство во Франции XVII века. М., 1878.

3. Исаев И. Артели в России. Ярославль, 1881.

4. Кавелин К. Общинное владение. Оттиск из «Недели», №№ 3—7, 1876.

5. Калачов Н. В. Артели в древней и нынешней России. Спб., 1864.

6. Кауфман И. И. Теория и практика банкового дела, т. I. Кредит, банки и денежное обращение. 1873.

7. Ковалевский М. М. Очерк истории распадения общинного землевладения в кантоне Ваадт. Лондон, 1876.

8. Лавров П. Л. Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры П. Н. Ткачева. Лондон, 1874.

9. Кошелев А. Об общинном землевладении в России. Берлин, 1875.

10. Отчет о четвертом присуждении наград графа Уварова 25 сентября 1860.

Интересно, что указанные книги были найдены случайно, а не в результате специально организованного поиска. На каждой из них имеются пометки Маркса или Энгельса. Исключение составляет книга Ковалевского, на которой пометок нет, но имеется дарственная надпись автора К. Марксу. (Эта книга имеется в списке Маркса.)

Кроме перечисленных русских книг, сотрудники МИСИ обнаружили также и следующие 2 книги, связанные с Россией:

1. Segur, Philip de. History of Russia and of Peter the Great. London, 1827 (на полях — многочисленные пометки Маркса. На книге дарственная надпись К. Маркса дочери Элеоноре).

2. Tcatschoff, Peter. Offener Brief an Herrn Friedrich Engels, Verfasser der Artikel «Flüchtlings-Literatur» in Nr 117 und 118 des «Volksstaat», Jg. 1874. Zürich, 1874.

Мы провели просмотр книг в библиотеке МИСИ в соответствии с имевшимися у нас списками.

За 3 дня работы *удалось выявить 12 русских книг с пометками и отчеркиваниями К. Маркса* (5 из них — предположительно), *19 русских книг из библиотеки Маркса* (без пометок) *и 13 руссских книг, предположительно относящихся к библиотекам Маркса и Энгельса.*

Крайне ограниченный срок, которым мы располагали для работы в библиотеке МИСИ, не позволил провести более глубокий и обстоятельный поиск.

Среди просмотренных изданий оказалось несколько десятков книг, находившихся ранее в библиотеке Лаврова — Гоца. Затем сотрудники отдела Восточной и Северной Европы сообщили нам об имеющихся списках прежней библиотеки Лаврова — Гоца, в которых числится более 10 тысяч книг. В этих списках удалось определить 1000 номеров, между которыми должны быть расположены книги, поступившие от Энгельса в библиотеку Лаврова. Не имея возможности провести на месте работу по этим спискам, мы заказали с них копии, чтобы затем продолжить их изучение в Москве. Со своей стороны мы передали сотрудникам МИСИ наши списки неразысканных русских книг для продолжения начатой работы и совместного ее завершения.

Ниже соответственно приводятся данные о выявленных книгах.

I. Книги с пометками, отчеркиваниями и подчеркиваниями К. Маркса[1]

А) Из бывшей библиотеки Лаврова — Гоца (имеется печать и номер):

1. Герье В. и Чичерин Б. Русский дилетантизм и общинное землевладение. М., 1878.

2. Зарудный М. И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. Спб., 1874.

3. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. 4. Крестьянское хозяйство. Сост. В. Орлов. 1879.

*4. Сборник государственных знаний, т. 5.

5—6. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I и вып. III.

*7—8. Труды экспедиции, снаряженной Императорским Вольным экономическим обществом и Русским географическим обществом для исследования хлебной торговли и производительности в России.

Т. 3. Вып. I. Часловский В. Хлебная торговля в Центральном районе России.

Часть I. Торговля в Примосковском районе. 1873.

Часть II. Торговля в Риге. 1875.

*9. Чубинский П. П. О состоянии хлебной торговли и производительности в Северном районе. Спб., 1870.

---

[1] В изданиях, отмеченных звездочкой (*), принадлежность отчеркиваний Марксу требует дополнительного изучения.

10. Янжул И. И. Опыт исследования английских косвенных налогов. Акциз. М., 1874.

В) Из бывшего архива СДПГ:

11. Драгоманов М. П. Турки внутренние и внешние. Женева, 1870.

12. Кауфман И. И. Теория и практика банкового дела. Т. 2. История банкового дела в Великобритании и Ирландии. 1877.

II. Книги из библиотеки Маркса (без пометок)

1. Буняковский В. Я. Антропобиологические исследования и их применение к мужскому населению России. Спб., 1874.

2. Горбунова М. К. Кружевной промысел. Оттиск из «Сборника статистических сведений по Московской губернии». Т. VI. Промыслы Московской губернии. Вып. 2. М., 1880.

3. Горчаков М. Монастырский приказ (1649—1725). Спб., 1868.

4. Горчаков М. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода (988—1738). Спб., 1871.

5—10. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Тт. 1, 2, 3, 5, 6, 7.

11. Доклад о доходности и ценности земель Тверской губернии.

12. Покровский В. И. Очерки Тверской губернии.

13. Покровский В. И. Как вознаграждается в Тверской губернии труд средней крестьянской семьи.

14—15. Сборник государственных знаний. Тт. 6 и 7.

16. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. II.

17. Цитович П. П. Новые приемы защиты общинного землевладения. Одесса, 1878.

18. Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856.

19. Чупров А. И. Железнодорожное хозяйство. Т. 2, 1878.

Все перечисленные в этой части книги из библиотеки Маркса, за исключением оттиска статьи М. К. Горбуновой, имеют печать и номер библиотеки Лаврова — Гоца. Что

касается 13 книг, предположительно относящихся к библиотекам Маркса и Энгельса, то до окончательного выяснения вопроса перечислять их нецелесообразно.

Таким образом, *мы располагаем новыми данными о 41 русской книге из библиотек Маркса и Энгельса,* хранящихся в Международном Институте социальной истории в Амстердаме. На основе дальнейшего изучения каталога библиотеки МИСИ и части списков бывшей библиотеки Лаврова — Гоца мы в настоящее время располагаем дополнительными данными о 40 с лишним книгах из библиотек Маркса и Энгельса, которые, вероятно, хранятся в библиотеке МИСИ [1].

Другую, не менее значительную часть русских книг из библиотек Маркса и Энгельса удалось выявить в июле 1975 г. в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ. Известно, что библиотека созданного в 1949 г. ИМЛ при ЦК СЕПГ провела огромную работу по розыску и собиранию книг из бывшего архива и библиотеки СДПГ. Именно в процессе этой работы была выявлена та часть книг, о которой мы говорили вначале и которая была описана в «Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels». Более целенаправленный поиск был затруднен из-за отсутствия

---

[1] Летом 1976 г., когда настоящая статья была сдана уже в печать, удалось продолжить работу в амстердамском Институте по выявлению русских книг из библиотек Маркса и Энгельса. После находок 1975 г. руководство МИСИ поручило одному из сотрудников со знанием русского языка отобрать в хранилище с неразобранной и необработанной литературой книги с печатью библиотеки Лаврова — Гоца. В течение года было разыскано и перевезено в здание МИСИ около 5000 книг из 12 893, числящихся в инвентарной описи библиотеки Лаврова — Гоца. В результате работы с этой частью книг, а также с интересующими нас книгами, которые числятся в каталоге библиотеки МИСИ, удалось выявить еще 24 книги, принадлежавшие ранее Марксу и Энгельсу. Среди них — *5 русских книг с пометками К. Маркса:*

1) *С. Капустин.* Формы землевладения у русского народа в зависимости от природы, климата и этнографических условий. Спб., 1877;

2) Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Спб., 1873 (с приложениями I — VII в 4-х томах) (в списке «Russisches in my bookstall» Марксом отмечено: «...5 blue books; der erste Band ist der Bericht der Comission; die 4 andern die Evidences». Обложки всех 5 томов действительно синие). Пометки Маркса имеются на с. 5—11 и 13 «Доклада...»;

3) *П. П. Цитович.* Новые приемы защиты общинного землевладения. По поводу сочинения: Общинное землевладение А. Пос-

необходимых списков. Поэтому мы полагали, что в библиотеке ИМЛ при ЦК СЕПГ, как и в ряде других библиотек ГДР, могут быть книги учтенные, обработанные, но не идентифицированные как книги, принадлежавшие Марксу и Энгельсу. После того как нами были составлены максимально полные списки интересующих нас книг, мы могли, исключив из них названия книг, хранящихся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС в Москве и в МИСИ в Амстердаме, попытаться оставшиеся издания (или, вернее, часть из них) разыскать в Берлине, в библиотеке ИМЛ при ЦК СЕПГ. Эта работа была начата в июле 1975 г. при поддержке и помощи руководства и сотрудников ИМЛ при ЦК СЕПГ и его библиотеки. Основываясь на наших списках, мы обнаружили в картотеке русских книг библиотеки ИМЛ при ЦК СЕПГ 82 названия, соответствующие разыскиваемым. В связи с ремонтом книгохранилищ получить все заказанные книги оказалось невозможным, а заказывались, естественно, все экземпляры каждого названия. Из тех книг, которые удалось просмотреть, 54 были определены как книги из библиотек Маркса и Энгельса. Они полностью соответствовали описаниям, сделанным Б. Николаевским при просмотре этих книг в 20-е гг. в архиве СДПГ. В большинстве своем — это книги без пометок Маркса или Эн-

---

никова. Изд. 2. Одесса, 1878 (штамп библиотеки Лаврова — Гоца с № 6838; найденный в прошлом году экземпляр с № 6809 — без пометок. У Маркса, очевидно, было 2 экземпляра книги);

4) *В. Трирогов.* Экономические опыты. Основания для исследования явлений экономической жизни. Сельское общество... Податная душа. Спб., 1878;

5) *И. И. Янжул.* Английская торговля... Вып. I. Период меркантильный. М., 1876.

13 русских книг из библиотек Маркса и Энгельса (без пометок); *6 книг (не русских) с пометками и дарственными надписями Маркса и Энгельса:*

1) *K. Marx.* Das Kapital. Erster Band. Hamburg, 1867. С пометками и правкой К. Маркса.

2) *F. Engels.* Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Zweite durchgesehene Ausgabe. Stuttgart, 1892. С посвящением Ф. Энгельса А. Бебелю от 15. IX 1892 г.

3) *F. Engels.* Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. Leipzig, 1877. С посвящением Ф. Энгельса К. Марксу от 1. XI 1877 г. и с пометкой Маркса.

4) *Ch. Marx.* Discours sur la question du libre échange. Bruxelles, 1848. С дарственной надписью Маркса.

5) *F. Engels.* Internationales aus dem «Volksstaat» (1871—75). Berlin, 1894. С посвящением Энгельса Э. Бернштейну от 25. I 1894 г.

6) *K. Marx.* Capital. Vol. I. London, 1887. С дарственной надписью Энгельса П. Л. Лаврову от 18. II 1887 г.

гельса. Все перечислять нецелесообразно. Обратим внимание только на отдельные из них.

В списке Маркса «Russisches in my bookstall» под № 75 числится 2 тома работы А. С. Посникова «Общинное землевладение». Выпуск 1. Ярославль, 1875; Выпуск 2. Одесса, 1877. В ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС хранится выпуск 1, который был получен в 1954 г. от ИМЛ при ЦК СЕПГ. На его полях имеются многочисленные пометки Маркса [1]. Известны и выписки Маркса из этой книги. В Берлине удалось найти и выпуск 2 с отчеркиваниями и подчеркиваниями на стр. 83, 93, 98, 99, 115, 117, 118. Судя по характеру, они тоже принадлежат Марксу. В библиотеке берлинского ИМЛ имеется еще один экземпляр выпуска 2, который, вероятно, также принадлежал Марксу.

Интересен «Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Выпуск третий. О скопцах». Лондон, 1862. На книге имеется надпись, возможно, Кельсиева: «В русскую читальню в Париже от В. К. (?)». Маркс получил ее из Парижа, по-видимому, через Л. Гартмана [2]. Отчеркивания и подчеркивания Маркса имеются на с. III—XI и XX предисловия книги, где речь идет об истории Московской Руси. На с. VI перед именем Ивана Калиты поставлена жирная точка, а в тетради с выписками Маркса по этой книге он переводит: «Калита — Beutel» [3].

В списке Маркса под № 72 числится «Ministry of State Domains. Сборник сведений. 1880». В Берлине хранится книга «Министерство государственных имуществ. Сборник сведений по департаменту земледелия и сельской промышленности. Выпуск 2. Спб., 1879». На с. 3 имеется написанная от руки таблица, судя по всему, принадлежащая Даниельсону. На с. 131 — исправление, сделанное той же рукой.

В найденной книге Н. Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. Историческая диссертация. Москва, 1879» имеются отчеркивания Маркса на с. 139, 141, 150, 327, 328, 329, 330, 393, 471, 474. О том, что Маркс основательно знал эту работу, свидетельствует его письмо М. М. Кова-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 5766.

[2] См. Л. Гартман — П. Лаврову, 22. X 1881.— В кн.: Русские современники о Марксе и Энгельсе. М., 1969, с. 194.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 4006, л. 6—7.

левскому (апрель 1879 г.), от которого Маркс с согласия автора получил ее [1]. Ее хорошо знал и Энгельс, который после смерти Маркса оставил ее у себя. (Следовательно, она должна была перейти в архив СДПГ.) В воспоминаниях А. М. Водена, относящихся к посещению Энгельса в 1893 г., читаем: «...когда я воспроизвел плехановские отзывы о трудах Н. И. Кареева, Энгельс подвел меня к одному из книжных шкафов, показал экземпляр диссертации Кареева о крестьянском вопросе во Франции, полученный Марксом от автора, сказал, что и Маркс и он лично признали этот труд очень добросовестным, и посоветовал мне — да и Плеханову — принять это к сведению, какова бы ни была неясность почтенного историка в принципиальных и даже методологических вопросах» [2].

Интересно отметить, что в целом ряде случаев та или иная книга имеется в 2-х, а то и в 3-х экземплярах. Это — естественно, поскольку книга имелась как у Маркса, так и у Энгельса, и иногда не в одном экземпляре, как это было, например, с работой М. К. Горбуновой «Кружевной промысел». Оттиск из «Сборника статистических сведений по Московской губернии», т. VI. Промыслы Московской губернии. Вып. 2. М., 1880. Это вполне понятно, если учесть, что М. К. Горбунова послала Ф. Энгельсу 2 экземпляра отдельного оттиска статьи — один для него, другой — для Маркса [3].

Следует еще раз подчеркнуть, что работа по выявлению книг как в библиотеке ИМЛ при ЦК СЕПГ, так и в библиотеке МИСИ в Амстердаме еще не закончена. Около 80 книг в обеих библиотеках должны еще быть обследованы de visu [4].

Небезынтересно отметить, что некоторые находки имели место среди книг фонда архивного хранения библиотеки ИМЛ при ЦК КПСС. Тщательная проверка позволила установить принадлежность около 10 книг к библиотекам Маркса и Энгельса, в том числе одной русской книги, которая в списке Маркса «Russisches in my bookstall» под № 44 числилась как «Anonyme und titellose Brochure. Frage über Krieg mit Türkei und deren союзниками» («Анонимная

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, с. 286—287.

[2] Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 344.

[3] М. К. Горбунова — Ф. Энгельсу, 23. XII 1880.— В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 431—432.

[4] Часть из них уже просмотрена в библиотеке МИСИ. См. примеч. 1 на с. 17.

брошюра без названия. Вопрос о войне с Турцией и ее союзниками»).

В заключение несколько слов о других путях и направлениях дальнейшего поиска русских книг из библиотек Маркса и Энгельса. Выше уже отмечалось, что часть книг, переданных Энгельсом Лаврову, могла оказаться в Тургеневской библиотеке в Париже, основанной в 1870 г. по инициативе Г. А. Лопатина. В статье об истории развития Тургеневской библиотеки бывший ее сотрудник К. Парчевский писал 23 февраля 1929 г. из Парижа: «В 1900 г. библиотека перекочевала в новое помещение на Рю Сен-Жак, в тот самый дом, где жил и умер Лавров... Библиотека стала расти и крепнуть. Число ее книг с 3,5 тысяч в 1900 году и 17 тысяч перед войной (1914 г.— *Б. Р.)* выросло до 85 тысяч». К началу второй мировой войны в Тургеневской библиотеке было уже свыше 200 тысяч томов. Во время войны, находясь уже в Советском Союзе, К. Парчевский рассказывал: «После нашествия немцев 13 июня 1940 г. библиотека, как и остальные культурные учреждения Парижа, замерла, но продолжала действовать. Через 2 месяца, к концу августа, в библиотеку явился некий доктор Вейс, который заявил, что он специалист по истории русских книг. Он говорил по-русски, но с немецким акцентом. Он сказал, что хочет посмотреть, что представляет собой Тургеневская библиотека... Ему предложили просмотреть каталог... На следующий день он явился в сопровождении двух солдат и двух барышень, заявил, что библиотека закрывается, что книги выдавать больше нельзя, и потребовал передать ему ключи библиотеки и отделов... Через несколько дней приехал громадный грузовик, на котором привезли большое количество добротных ящиков, в которые солдаты стали складывать книги. Ящики были запечатаны... Все было взято, включая большие портреты Герцена и Тургенева и даже большие бюсты, украшавшие зал библиотеки... Таким образом библиотека прекратила свое существование» [1].

Мы располагаем и еще одним свидетельством, относящимся к разграблению фашистами Тургеневской библиотеки. Так, писатель Илья Эренбург в своих мемуарах рассказывает: «Два поколения революционной эмиграции пользовались книгами «Тургеневки» и обогащали ее биб-

---

[1] Из стенограммы доклада К. Парчевского на тему «Русская книга в Западной Европе», прочитанного в Москве 1 июня 1944 г. (Стенограмма любезно предоставлена его сыном К. К. Парчевским.)

лиографическими редкостями. После революции библиотека продолжала существовать; только читатели изменились. В начале второй мировой войны русские писатели-эмигранты передали свои архивы на хранение Тургеневской библиотеке. Один из ближайших сподвижников Гитлера, балтийский немец Розенберг, который считался ценителем «Россики», вывез Тургеневскую библиотеку в Германию. В 1945 г., перед самым концом войны, незнакомый офицер принес мне мое письмо, посланное в 1913 г. М. О. Цетлину (поэту Амари). Офицер рассказал, что на одной немецкой станции он видел распотрошенные ящики: русские книги, рукописи, письма валялись на земле; он подобрал несколько писем Горького и, случайно заметив на истлевшем листке мою подпись, решил доставить мне удовольствие. Таков конец Тургеневской библиотеки» [1].

И сейчас, через много лет после войны, судьба большинства книг из Тургеневской библиотеки, в том числе и тех, которые когда-то могли принадлежать Марксу, остается неизвестной. Но мы все же располагаем сведениями о нескольких книгохранилищах, в которых могли оказаться книги из Тургеневской библиотеки. После того как будет завершена работа в Амстердаме и Берлине, целесообразно направить в эти библиотеки списки книг, оставшихся неразысканными.

Недавно удалось напасть на след еще одной части книг, попавших после разграбления фашистами архива СДПГ в библиотеку нацистского Института государственного права, а затем в конце войны вывезенных из Берлина в Прагу. В послевоенные годы тысячи книг из этой библиотеки нашли пристанище в помещениях Высшей школы политической экономии в Праге. Некоторые книги были затем включены в состав библиотеки этого учебного заведения, а большая часть их в начале 70-х гг. была продана через западногерманский антиквариат библиотеке при Высшей школе управления в Шпайере (ФРГ) и библиотеке бундестага в Бонне. При первоначальном просмотре книг в той и другой библиотеках были обнаружены отдельные экземпляры книг, которые несомненно принадлежали Марксу и Энгельсу. Окончательные результаты пока неизвестны [2].

---

[1] *И. Эренбург.* Люди, годы, жизнь. М., 1961, с. 109—110.

[2] См. статью *Бруно Кайзера* в газете «Neues Deutschland» 28. IX 1973, а также упомянутую статью *Г. П. Харстика* в «International Review of Social History».

Не исключено также, что часть вывезенных из Берлина в 1933 г. книг Б. И. Николаевский оставил у себя, так же как и некоторые документы, опубликованные им в послевоенные годы. Учитывая, что его архив передан Гуверовскому институту в Стенфорде (США), можно предполагать, что эти книги находятся там среди других материалов архива Николаевского.

Поиск следует вести также и в фондах Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, где, как известно, находятся книги Н. Ф. Даниельсона, одного из постоянных корреспондентов Маркса и Энгельса [1]. 14 февраля 1884 г. Ф. Энгельс писал П. Лаврову в Париж: «Когда Г. Лопатин был здесь, он мне сказал, что Н. Даниельсон хочет, чтобы я ему вернул книгу под заглавием «Труды комиссии для исследования хлебной промышленности в России». Так вот, я нахожу много книг по торговле и производству зерна. Книга, наиболее подходящая к указанному заглавию,— это «Труды экспедиции, снаряженной Императорским Вольным экономическим и Русским географическим обществами для исследования хлебной торговли и производительности в России», том II, 1870.

Об этой ли книге идет речь? Если да, то по получении подтверждения от Вас я ее немедленно отошлю обратно по адресу: Мойка, 27, Санкт-Петербург» [2]. Мы не располагаем ответом Лаврова, но сохранилось письмо Н. Ф. Даниельсона Ф. Энгельсу из Петербурга от 20 апреля (2 мая) 1884 г., в котором сказано: ««Хлебная торговля» получена» [3].

---

[1] См. статью *Грин П. И.* «Личные книги К. Маркса и Ф. Энгельса в фондах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина».— «Труды Госуд. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», X(13). Л., 1962, с. 7—32.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, с. 94—95.

[3] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 501. Названная книга состоит из двух томов:

Том I. *Янсон Ю. Э.* Пинск и его район. Хлебная торговля на Волыни.

Чубинский П. П. О состоянии хлебной торговли и производительности в Северном районе. 1870.

Том II. *Янсон Ю. Э.* Крым, его хлебопашество и хлебная торговля.

Статистическое исследование о хлебной торговле в Одесском районе.

Безобразов В. П. Хлебная торговля в северо-восточной России. Оба эти тома были названы Марксом в «Russisches in my

Это означает, что книги, подобные упомянутой, следует искать и в Ленинграде. При этом необходимо обратить внимание на состав обоих томов.

Не следует упускать из виду, что отдельные находки могут быть в архивах и у наследников других деятелей, снабжавших Маркса и Энгельса русской литературой. Среди них можно назвать видных статистиков, историков, социологов, литераторов: В. И. Орлова, В. И. Покровского, А. И. Чупрова, Н. И. Стороженко, В. И. Танеева и др.

Сейчас начата подготовка издания «Русские книги в библиотеках Маркса и Энгельса». Как было отмечено выше, первоначально предполагалось включить в него только ту часть книг, которую удалось разыскать на сегодняшний день, как это сделано в издании «Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels», где дано описание книг, разысканных к 1967 г. Однако теперь решено дать читателю как можно более полное представление обо всех русских изданиях, которые были в распоряжении Маркса и Энгельса. Книги, брошюры, журналы, газеты и листовки, разысканные и имеющиеся в нашем распоряжении, будут выделены особо. В издание предполагается также включить фотокопии с пометок Маркса и Энгельса на книгах, которые были сделаны еще в 20-е гг. в архиве СДПГ или в других учреждениях в тех случаях, когда ныне неизвестно местонахождение оригинала. Имеется в виду также выделить книги, описанные в 20-е гг. в архиве СДПГ, местонахождение которых к настоящему моменту остается неизвестным. Кроме того, будут указаны книги, которые находятся в распоряжении зарубежных архивов и учреждений. Будут включены издания только на русском языке, так как книги иностранных авторов о России значительно расширили бы рамки и изменили характер издания.

Один раздел книги будет посвящен описанию выписок и записей, сделанных Марксом и Энгельсом во время работы с русскими книгами. Всего в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС хранятся в подлинниках или фотокопиях 18 тетрадей Маркса, в которых содержатся выписки из русских книг (в том числе одна тетрадь с выписками из русской грамматики и одна записная книжка со списком «Русское в моей библиотеке»), а также одна тетрадь

---

bookstall» под № 19 и 20. Среди книг Даниельсона несомненно могут быть и другие произведения, возвращенные или присланные Марксом и Энгельсом.

с выписками Энгельса. Кроме того, имеется ряд подлинных выписок Энгельса, сделанных на отдельных листах небольшого формата. Главным образом это материалы по экономике и социально-политическим отношениям пореформенной России, часть из которых была опубликована в томах XI, XII, XIII Архива Маркса и Энгельса. Описание, которое будет дано в книге, предполагает включить все имеющиеся в ЦПА выписки из русских источников, как опубликованные, так и не опубликованные.

Можно надеяться, что появление издания о русских книгах в библиотеках Маркса и Энгельса в свою очередь даст новый импульс для дальнейших поисков и находок.

III. ДОКУМЕНТЫ

Из «Крёйцнахских тетрадей» К. Маркса. Тетрадь четвертая

Публикуемые материалы представляют собой часть выписок, сделанных К. Марксом летом 1843 г. во время его пребывания в г. Крёйцнахе (Рейнская Пруссия), куда он переехал вскоре после закрытия прусскими властями «Rheinische Zeitung».

В это время Маркс, опираясь на теоретический и политический опыт, накопленный в период работы в «Rheinische Zeitung», предпринял критический пересмотр идеалистического гегелевского учения о государстве и обществе. Одной из центральных проблем критики Гегеля, нашедшей свое отражение в рукописи «К критике гегелевской философии права», над которой Маркс работал в это время, был вопрос о соотношении государства и гражданского общества, т. е. в конечном счете вопрос о соотношении социально-экономических условий жизни общества и его политической надстройки. Маркс уже понимал неправильность гегелевского идеалистического решения этого вопроса, но в то же время он ощущал необходимость освоения и анализа конкретного исторического материала, серьезного изучения истории развития общества не только для опровержения гегелевских конструкций, но и для обоснования и разработки своих материалистических взглядов.

Плодом серьезного изучения истории, предпринятого Марксом летом 1843 г., явились так называемые Крёйцнахские тетради: 5 тетрадей выписок из работ по теории и истории государства, по истории Англии, Франции, Германии, США, Италии, Швеции, Польши и особенно по истории Великой французской революции.

Публикуемая 4-я тетрадь, которую Маркс датирует июлем-августом 1843 г., включает выписки из 8 книг и нескольких статей. Большая часть книг посвящена истории Франции и Французской буржуазной революции конца XVIII века. Это 2-томная работа немецкого историка Э. А. Шмидта по истории Франции, две небольшие монографии французского писателя, представителя реакционного романтизма Ф. Р. Шатобриана, посвященных Июльской монархии во Франции, произведение немецкого реакционного публициста К. Ланциолле «О причинах, характере и последствиях июльских дней», 2-томная история Французской революции, принадлежащая перу немецкого историка В. Ваксмута, и, наконец, ряд статей представителей исторической школы права Л. Ранке и Г. фон Савиньи из «Историко-политического журнала», также посвященных положению во Франции в период Реставрации и Июльской монархии. Наряду с выписками по истории Франции в 4-й тетради находятся конспекты весьма известной в исторических кругах работы Л. Ранке о Реформации в Германии, 7-томного труда английского историка-католика Дж. Лингарда по истории Англии и 3-томной работы шведского историка Э. Гейера по истории Швеции, переведенных на немецкий язык.

Выписки Маркса, как правило, сделаны под определенным углом зрения, по намеченной проблеме. В тетради имеются следы и более поздней проработки материала (отчеркивания и подчеркивания ярко-коричневым карандашом). Некоторые из отчеркнутых мест использованы в III главе I тома «Немецкой идеологии».

Интерес Маркса в Крёйцнахских тетрадях сосредоточен вокруг вопроса о связи отношений собственности с характером политических учреждений в различных странах на разных этапах исторического развития. В выписках, содержащихся в 4-й тетради, материал может быть сгруппирован вокруг двух основных проблем: феодализм и формирование системы представительного правления в связи с возникновением буржуазии и борьбой королевской власти с феодалами; институты представительного правления и проблема народовластия формального и реального.

Конспектируя те разделы работ Шмидта, Лингарда и Гейера, где речь идет о феодальном периоде истории этих стран, Маркс обращает внимание на социально-экономические и социально-политические процессы. Он отмечает

и выписывает места о превращении общинной собственности в частную (с. 453), о формах феодальных владений, особенно в Англии (с. 482). Структура феодальной собственности интересует Маркса в связи с ее влиянием на социальную структуру общества и его политические учреждения. Маркс отмечает мысль Шмидта о феодализме как форме политической жизни (с. 455). На примере истории возникновения и развития английского парламента Маркс стремится выяснить возникновение системы представительного правления в связи с взаимоотношениями королевской власти, феодалов и буржуазии. Маркс выписывает из книги Лингарда, а затем отчеркивает абзац, где говорится о росте городов, их экономической силы и о том, что корона была заинтересована в их поддержке (с. 488—489). Тут же отмечено начало регулярного созыва представителей городов. Маркс специально отчеркивает и то место, где автор пишет об отсутствии непреодолимых социальных перегородок между купцами и рыцарством в Англии, о процессе их слияния (с. 492).

Связь начатков представительного правления с развитием буржуазии Маркс фиксирует и на примере Франции. Он выписывает из книги Шмидта абзац, где говорится, что общность интересов горожан и необходимость защиты этих интересов привели в городских коммунах к возникновению искусства управления (с. 456).

Теоретический анализ и политический опыт позволили Марксу уже в сентябре 1843 г. четко сформулировать мысль о том, что представительное правление служит политическим выражением господства частной собственности[1]. Интерес Маркса к этой проблеме явственно прослеживается и в Крёйцнахских тетрадях, в частности, в выписках из работ по истории Французской революции конца XVIII в. и Франции первой трети XIX в. Маркс делает, в частности, обширные выписки из приложений к брошюре К. Ланциколле об Июльской революции 1830 г. во Франции, содержащих критику принципа представительного правления справа, с консервативных позиций. Видимо, Маркса привлекла опиравшаяся на реальные пороки системы взаимная критика идеологов капитала и земельной аристократии, где, как он писал несколько позднее в 1844 г., «обе стороны говорят друг другу правду»[2]. Маркс

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 380.
[2] Там же, т. 42, с. 104.

выписывает цитату об основных фикциях, на которых базируется представительная система правления, и в частности, о том, что люди, призванные выражать волю народа, не связаны никакими инструкциями (с. 463). Маркс отмечает и выписывает фразу о том, что «этот мнимый суверенитет народа есть не что иное, как мистификация, внушаемая имущим классом монархии классам неимущим, чтобы захватить власть монарха» (с. 464). Маркс стремится выявить подлинное содержание и классовый смысл таких фундаментальных идеологических лозунгов буржуазной революции, как свобода и равенство.

Французская революция конца XVIII в. провозгласила равенство всех перед законом, провозгласила некие неотчуждаемые права человека. Маркс делает много выписок из конституции 1791 и Декларации прав человека и гражданина (с. 470—471). Но массы требовали фактического равенства, обеспечиваемого разделом имуществ. Маркс выписывает из книги Ваксмута места о народных волнениях в Париже в сентябре 1793 г. против «аристократии богатства», а также о выступлении бешеных в пользу «единственного истинного равенства, равенства имуществ» (с. 469). Он делает ряд выписок из речей представителей крупной буржуазии, понимавших, какую опасность для нее представляет требование реального равенства, и пытавшихся ограничить его чисто юридическим аспектом. Цитируя речь жирондиста Верньо, Маркс отмечает его слова о том, что свобода для общественного человека — это только свобода прав (с. 469). Маркс заимствует из книги Ваксмута ряд высказываний якобинцев против своекорыстия крупной буржуазии, ее нежелания считаться с интересами широких масс, в защиту подлинного участия всех граждан в управлении государством (с. 469).

Выписки Маркса убедительно свидетельствуют об огромной роли изучения всемирной истории и прежде всего истории Французской революции конца XVIII века в процессе формирования материалистического понимания истории: в выяснении движущих сил истории, в осмыслении вопроса о роли форм собственности в историческом процессе, их влиянии на развитие политических учреждений и политику отдельных классов и социальных группировок, в понимании исторического развития и исторической роли классов.

Анализ всемирной истории сыграл важную роль и в становлении коммунистических взглядов Маркса. Изучая

развитие человеческого общества за последние несколько столетий, обращая особое внимание на классовую борьбу буржуазии и дворянства, показывая неспособность буржуазии разрешить проблему подлинного равенства, вставшую в ходе революции, вскрывая классовый характер буржуазного государства и ограниченный характер буржуазных свобод, Маркс приходил к выводу о необходимости борьбы за установление нового общественного строя, который разрешил бы противоречия старого общества и освободил бы человека от всякого угнетения.

Публикуемая 4-я Крёйцнахская тетрадь является наиболее показательной для характеристики творческой лаборатории Маркса в этот период. В ней получили отражение самые различные стадии обработки и освоения Марксом конспектируемых книг. Это, прежде всего, выписки в виде точных цитат из книг, как, например, в выписках из работ Шатобриана. Следующим этапом можно считать конспекты Лингарда и Гейера, где точные цитаты практически отсутствуют, где материал организован по годам, напоминая хронологические выписки, и где текст Маркса представляет собой своеобразную комбинацию изложения материала, почерпнутого в книге, с вкраплениями довольно точных отрывков самого разного размера из текста книги. Еще одним видом обработки источника в данной тетради является простое сочетание точных цитат с конспективным изложением текста, как это сделано Марксом в выписках из книги Ланциолле. Большой интерес представляют и библиографические списки по истории Франции и Французской революции XVIII в., сделанные на основе подстрочных ссылок, содержащихся в книгах Шмидта и Ваксмута. И наконец, тематический указатель к выпискам, правда, охватывающий лишь выписки из первых четырех работ (Шмидт, Ланциолле, Шатобриан и Ваксмут), законспектированных в данной тетради. Ярким образцом собственного текста Маркса в эксцерптных тетрадях, высшей стадией осмысления материала и перекидным мостиком к самостоятельной работе, в данном случае к «К критике гегелевской философии права», является его «Замечание», записанное внутри выписок из «Историко-политического журнала».

Полностью все пять Крёйцнахских тетрадей Маркса будут опубликованы в четвертом отделе МЭГА — полном издании Сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала, предпринятом совместно Институтом марксизма-ле-

нинизма при ЦК КПСС в Москве и Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ в Берлине [1].

Текст 4-й Крейцнахской тетради Маркса воспроизводится полностью с подчеркиваниями и отчеркиваниями на полях. Слова, необходимые для понимания текста, но отсутствующие у Маркса даются в квадратных скобках — [ ]. Собственный текст Маркса дается корпусом. Исправление описок, как правило, не оговаривается.

Рукопись подготовлена к печати научными сотрудниками ИМЛ при ЦК КПСС Н. С. Румянцевой и В. Г. Мосоловым. Подготовители выражают благодарность за помощь в работе тт. В. К. Брушлинскому, Ю. Л. Бессмертному, М. А. Заборову.

---

[1] Подробное описание всех тетрадей было опубликовано в 1-м издании МЭГА (MEGA [1], 1/1, 2. S. 118—136). Отрывки из 2-й тетради опубликованы в пробном томе нового издания МЭГА (*Karl Marx, Friedrich Engels.* Gesamtausgabe. Probeband. Berlin, 1972, S. 351—366). На русском языке публиковались лишь выписки из Руссо и Макиавелли. Из 4-й тетради в том же томе 1-го издания МЭГА были опубликованы «Замечание» Маркса и сделанный им тематический указатель к тетради.

КАРЛ МАРКС

4-я Крёйцнахская тетрадь

IV. Крёйцнах. 1843. Июль. Август.

1) *«История Франции»* Шмидта. 2 тома.

2) *Шатобриан. Взгляд на Францию с 1830 г.* Перевод Гляйха (Лейпциг. 1831).

3) *Шатобриан. Новое предложение.* Перевод фон Альвенслебена (Лейпциг. 1831).

4) *«О причинах, характере и последствиях июльских дней» фон Ланцицолле.* Берлин. 1831.

5) *«История Франции в эпоху революции» В. Ваксмута.* 2 тома.

6) *Ранке. Немецкая история в эпоху Реформации,* т. II.

7) *Ранке.* Историко-политический журнал. 1832 год. 1-й том, 5 выпусков. 2-й том, 1 выпуск.

8) *Лингард. История Англии.* Перевод фон Салиса.

9) *«История Швеции» Гейера.* 3 тома.

Крёйцнах. Июль 1843.

Заметки по истории Франции.

1) *«История европейских государств» Хеерена и Укерта.*

«История Франции» Э. А. Шмидта. 1-й том.

Авторы по периоду Меровингов[1]:

Gregor Turonensis, Paulus Diaconus, Fredegardus, Baluzius Capit. reg. Franc., Leges Burgundionum, Visigothorum, lex salica, lex ripuaria, von Savigny, Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, *Pertz,* Geschichte der merovingischen Hausmeier, *Phillips,* deutsche Geschichte, *Baluzius,* Capitularia reg. Franc., *Michelet,* introduction à l'histoire universelle, Par. 1831. *Raynouard,* histoire du droit municipal en France, sous la domination romaine et sous les trois dynasties. Par. 1829. *Grimm,* deutsche Rechtsalterthümer, *Eichhorn,* deutsche Staats- und Rechtsgeschichte, *Marculf,* formulae. *Guizot,* essais sur l'histoire de France, pour servir ou supplément

aux observations sur l'histoire de France de l'Abbé de Mably. Par. 1823. *Brequigny,* diplomata, chartae, epistolae et alia documenta ad res francicas. *Hüllmann,* deutsche Finanzgeschichte des Mittelalters. *du Cange,* Glossarium.

Vitae Sanctorum. Sirm[*ond*] Concil[*iorum*];

вообще решения соборов.

histoire littéraire de la France. Guizot histoire de la civilisation en France etc. Par. 1829.

Глава III

a) *Составные элементы населения и их взаимоотношения* [*с. 73*].

«Сословные различия среди германского населения Галлии основывались главным образом на *происхождении.* Свободные и несвободные. Свободные в целях взаимопомощи объединяются в более крупные и мелкие союзы, а именно округа [gau], которые назывались по имени города, являвшегося их центром, и которые делились в свою очередь на сотни [centene], а эти последние на десятки» [с. 76—77]. Уже в 6-м веке у *дворянства* более высокий вергельд и особые обязательства перед королем. Основу дворянства составляла *система бенефициев, или ленов,* которая все более разлагала и ограничивала старое *окружное или племенное устройство...* Свободные люди к своим собственным владениям получали еще земельные участки от короля (бенефиции). В таком же отношении, в каком находились к королю его приближенные [Leudes], находились по отношению к этим последним простые свободные [с. 77—78].

b) *Отношения земельной собственности* [*с. 79*]. Уже в Германии *общая собственность,* или *марка,* урезаемая в силу ограничения животноводства земледелием, постепенно, благодаря насильственным захватам, превратилась в *частное владение.* Отношения и характер *индивидуальной собственности* [Sondereigenthum] на землю сначала определялись *личностными отношениями* владельцев, в то время как в более поздние времена это зависело от поземельных отношений. *Аллод* [Alodium], подлинная собственность, независимая *земельная собственность* свободных германцев; здесь, как на германской прародине, каждый свободный человек первоначально *неограниченный повелитель* над живущими там же, он господствовал над ними согласно обычаю, согласно праву [хозяина] двора, и королевский чиновник не обладал властью над ними... Подобно тому как свободный на германской прародине не нес никаких принудительных повинностей, таково же было теперь и положение его собственности. 2-й вид индивидуальной собственности [Sondereigenthum] — *бенефиции;* обязанности, вытекающие из ее получения, были связаны прежде всего с ней самой. 3-й вид индивидуальной собственности [Sondereigenthum] — *чиншевые владения* обязанных повинностями римлян или германцев, которые добровольно или вынужденно отдались под покровительство другого [с. 80—82].

c) *Устройство и управление королевства* [с. 82]. Устройство Франкского королевства сначала [базировалось] на старом племенном устройстве, на организации военных дружин, на сохранявшихся римских отношениях, позднее главной основой стала

бенефициальная система. Король [выступал] в трояком качестве: в отношении к своей дружине — как *вождь дружины,* для свободных — как *верховный вождь племени,* для римлян — вместо римского императора, позднее как *верховный сюзерен;* вскоре его положение по отношению к римлянам повлияло на таковое по отношению к германцам. *Вождь дружины,* возвысившийся путем избрания, [становится] позднее главой созданного королевства, избрание лишь торжественное признание, поднятие на щите и т. д. Его доходы [включают] поступления из его собственных владений, поземельный, подушный и натуральный налоги с римлян, подарки франков во время всеобщих собраний и при других обстоятельствах, многочисленные пошлины, штрафы (Fredus) за нарушение мира, вергельд за убитых при отсутствии родственников, выморочные имущества, дань от подчиненных народов. Вместо народных собраний — собрания дружины или приближенных (proceres). Управление в королевстве в руках графов, у которых предводительство во время войны, председательствование в суде, охрана порядка в округе [gau]; над несколькими графствами — герцоги, ниже графов — правители небольших округов (Centenare, Decane), заместитель графа — *викарий;* на прародине [графы] выбирались народом, позднее — королем [с. 82—87].

Земледелие было соединено с игравшим значительную роль животноводством, однако развитие сельского хозяйства сдерживалось тем, что большие земельные участки были объединены в крупные поместья и владельцы последних обрабатывали их большей частью при помощи крепостных; среди крепостных в поместьях франкской знати были также ремесленники, которые удовлетворяли бóльшую часть потребностей своих господ.— Очень грубые нравы [с. 103—104].

По истории периода *франкских майордомов* (majores domus) следует еще отметить:

Собрание Пертца,

histoire de Languedoc. Einhardi vit. et conviv. Car. M., *Gesta reg.* Franc., *Chron. moissiac., Conde,* histoire de la dominac. de los Arabes en Esp.,

продолжатели Фредегарда и Григория Турского,

epistolae Bonifacii.

II. Каролинги

Авторы:

Poeta Saxo, Anastas. vit. Hadriani pap. bei Murator. III. *Lorentz,* Alcuins Leben, *Annales Lauriss., Annal. Einh*[*ardi*], *de Roye,* de missis dominicis, *Hincmar,* de ordine palatii, *Mansi,* coll. conc. ampliss. *Thegan,* de gestis Lud. Pii, *Astronom,* vita Lud. Pii, *Nithard,* de dissensione filior. Lud. Pii, *Ermold.* Nigell., *annalles fuldens. Flori diac.* lugdun., guerela de divisione imperii post mortem Lud. Pii. Annales bertiniani. *Depping,* histoire des expéditions maritimes des Normands et de leur établissement en France au dixième siècle. Par. 1826.

Hincmar archiep. epist. ad Carol. Calv. *Thierry,* lettres sur l'histoire de France pour servir d'introduction à l'étude de cette histoire. *Convent, ap. Marsnam* 5. *Hincmar* epist. ad Hadrian.

Распад Франкского королевства отчасти из-за этнической разнородности, отчасти из-за такого состояния общества, при котором воззрения и взаимосвязи столь ограничены, что более тесно сплачиваться могли лишь небольшие группы, но не было общего интереса, который мог бы объединить жителей обширного королевства [с. 200].

Преобразование внутренних отношений после смерти Карла Великого. Ленная система — форма политической жизни. Когда в 859 г. простой люд на землях между Луарой и Сеной, доведенный до отчаяния беспрестанными опустошениями со стороны норманнов, наконец объединился, чтобы помочь самим себе и противостоять норманнам, укрепившимся на Сене, то властители этих земель схватили их и изрубили, а король Карломан запретил в 882 г. сельским жителям объединяться в так называемые гильдии с целью самозащиты. Влияние ленной системы подорвало всеобщую свободу [Gemeinfreiheit]

и королевство,

[с. 203].

Вторая книга. История Франции в период господства ленной системы и т. д. (888—1328) [с. 213].

888—987. Последние каролингские короли [с. 218]. *Annales Vedast., Ditmar Merseb.* Chron. *Frodoard,* hist. Rem. Chron. *Du Chesne,* historiae Normannorum scriptores antiqui. (здесь Дудо.) *Daru* histoire de Bretagne. *Ademar. Cab.* Chron. *Reginon.* Chron. *Glaber* Rodulf. *Calmet,* histoire de Lorraine. *Plancher,* hist. de Bourgogne. *Michelet,* histoire de France. *Assisen* von Jerusalem, les *Coutumes de Beauvoisis,* написанные в 1283 г., le *conseil que Pierre de Fontaines* donna à son ami ou traité de l'ancienne jurisprudence des François (1253). *Brussel,* nouvel examen de l'usage général des fiefs en France pendant le XI, XII, XIII, XIV et XV siècle. Paris, 1727. *Du Chesne,* hist. Franc. script. coaet. *Etablissements de St. Louis,* Ordonnances, ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par de Laurière, Secousse etc. Paris. 1723. *Bongars,* Gest. dei per Franc. *Guil. Pictav.* gest. Guil. duc.

Долгое время единственными ленами были земля и должность, с XI же века — и все другое, и почти каждый вид собственности отдавался в лен [за] *оммаж* (принесение присяги верности) [с. 242—243]. «Первоначально вассал никоим образом не ограничивался сеньором в управлении леном, он обладал правом устанавливать законы для проживавших там и облагать их поборами; обладал правом юрисдикции над ними и, по-видимому, сначала каждый вассал [обладал] правом чеканки монеты» [с. 245—246]. Междоусобицы и судебные поединки [с. 247]. Наиболее важные и непосредственные — коронные лены — назывались ленами «божьей милостью» [с. 249].

Владельцы ленов, сеньоры и вассалы — господствующее сословие: в X и XI вв. сильно возросла их численность. Престиж и значимость владельцев ленов зависели от величины лена. Непосредственная зависимость от короны давала преимущество лишь тогда, когда сама корона приобретала большее значение. Город и деревня закабалены в равной степени, особенно города Северной Франции. Различие между Южной и Северной Францией в языке,

нравах и правовом положении. Исчезновение в Северной Франции римского права и германского народного права [с. 253—262]. Первоначальное германское население вследствие всеобщего распространения ленной зависимости и личной зависимости делилось уже не по народным общинам, но в зависимости [от разделения] между дружинами из ленников или служилых людей [короля], так что на место старого народного права заступило *право* отдельных *ленных судов* и судов *служилых людей* [короля], а позднее и городское право [с. 262—263].

987—1108 [р. 263]. *Gerbert,* epist. *Fulbert,* epist. *Liutprand,* rerum ipsius temp. gestarum. *Wippo,* de vita Conrad. ed. Pistor. et Struv. *Guil. Gemet.; Annal.* senon. *Gregor VII* epist. *Phillips,* englische Reichs- und Rechtsgeschichte etc. *histoire* de la conquête de l'Angleterre etc. par *Thierry.* Par. 1825. *Orderic.* Vital. *Sugerius.*

1108—1180. Внутренние отношения, [с. 301]. *Barbazan,* fabliaux et contes des poètes français de 11, 12, 13, 14, et 15 siècles, nouv. édit. par Méon. Le *vrai* théâtre d'honneur et de chevalerie par *Vulson* de la *Colombière; Roquefort,* de l'état de la poésie française dans les douzième et troizième siècles. Par. 1821. *Hüllmann,* Städtewesen des Mittelalters. *Leber,* histoire critique du pouvoir municipal etc. 1828. *Thierry* lettres sur l'histoire de France. *Eugen Dubarle,* histoire de l'université de Paris etc. Paris. 1829.

Рыцарство,

поэзия ленного строя.

Турниры; трубадуры; в Южной Франции — большее значение горожан, никогда здесь полностью не закабаленных; в Северной — вновь основанные [города]; коммуны (communio); Людовик VI. *Филипп II Август*. Города *буржуазии* отличались от коммун, их граждане не были связаны клятвенными узами в целях взаимопомощи, не избирали городской совет, а подчинялись королевским чиновникам, не обладали правом издавать административные и судебные установления. Наивысшее могущество церкви [с. 302—334].

«Возникновение коммун и бюргерства создало между двумя классами — владельцев ленов и несвободных, на которые, если не считать духовенства, распадалось до сих пор почти все население,— среднее сословие, которое, опираясь на завоеванные и полученные права, было вправе противостоять насилию и произволу. Вместо горожан, которые по своему положению часто походили на крепостных, появились горожане, добившиеся признания своих вольностей, признания прав, полученных большей частью благодаря самим себе, своему мужеству и силе своего оружия или же благодаря добытым трудом денежным средствам. Уверенные в том, что будут пользоваться плодами своего труда, они удвоили свое усердие, взаимная конкуренция еще более способствовала этому и пробуждала изобретательский дух, а ремесло и торговля уже начали быстро развиваться, когда крестовые походы и их глубокое влияние способствовали более широкому распространению... того и другого. Горожане отдельных городов вступали друг с другом в многообразные оживленные отношения; на основе однородности занятий среди них начали складываться более узкие группы, а общий интерес к делам городской общины объединял их между собой. Задача осуществлять эти дела и руководить ими целесообразно, именно в коммунах, привела к *возникновению искусства управления»* [с. 334].

Внутренние отношения при Филиппе II Августе и Людовике IX [с. 550].

В 1209 г. при Филиппе II Августе *предписание,* что впредь, если от лепа будут отделены какие-то участки, то их получатели должны приносить присягу на верность прежнему сеньору... Это предписание для эпохи Капетингов — первый пример общего, действительного для большей части королевства законодательства; исходит не от одного короля, но является соглашением, договором короля с многочисленными вассалами, которые признают значимость этого постановления и для своих владений... Филипп II пытался только теснее привязать к себе могущественных вассалов, благодаря содействию которых он самостоятельно мог осуществить любое всеобщее законодательство, он все чаще собирал их при своем дворе, чтобы осуществлять судебную власть над их собратьями, чтобы посоветоваться с ними относительно мер, которых требовала безопасность королевства или утверждение их собственных прав перед лицом притязаний церкви, и чтобы вместе с ними устанавливать законы... Наиболее видными членами подобных собраний были владельцы крупных коронных ленов... Pares Franciae (пэры); также 6 духовных лиц [с. 553—554].

Высшие придворные чины в это время [с. 556].

1) *Канцлер:* обязанность составлять королевские грамоты и скреплять их королевской печатью. Он главным образом [занимался] руководством делами правления... избирался большей частью из среды высшего духовенства [с. 557].

2) *Сенешал* — попечение о королевском столе, поэтому еще в XII в. назывался дапифер: одновременно осуществлял судебную власть короля, верховный надзор над королевскими владениями и управлявшими ими чиновниками (прево); подчас предводительство королевским войском [с. 556].

3) *Коннетабль.* Верховное командование королевским войском [с. 557].

4) *Оберкамергер* превратился из *придворной должности* в *придворный сан.* Верховный надзор за гардеробом и опочивальней короля и обязанность при принятии у вассала ленной присяги спрашивать, хочет ли он стать вассалом короля за передаваемый ему лен. Кроме того, в Париже надзор за торговцами старой одеждой и т. д. и т. д. [с. 557—558].

5) *Обермундшенк.* Прежде надзор за дворцовыми погребами, позднее подавал королю в торжественных случаях вино [с. 558].

Филипп II стремился возвысить также и сословие горожан... однако дарование статуса коммун ограничил небольшими городами, в которых дух свободы... не мог стать опасным для его авторитета... крупные города, находившиеся непосредственно в королевских владениях, получали от него право на коммунальное устройство так же редко, как и от его предшественников... в Париже привилегированная торговая компания (Ганза), обладавшая исключительным правом ввозить в Париж товары по Сене, которое, как существовавшее издавна, было подтверждено Людовиком VII; во главе этой компании купеческий прево и эшевены как торговые судьи... Филипп II пожаловал этой компании также право нанимать присягнувших глашатаев, следить за весами и в связи с этим осуществлять низшие судебные и полицейские функции [с. 559—561].

Шатобриан «Взгляд на Францию и т. д.»

«Легитимность была прирожденной властью», с. 6.

«При несовершенном политическом строе выборность составляет все устройство [Constitution], при совершенном — государственное устройство — это выборность, лишенная всего пристрастного, честолюбивого, анархического и мятежного» [с. 22].

«Так как благодаря выборности принцип власти не сосредоточен постоянно в постоянно правящей династии, то этот принцип в лице преходящей королевской особы также становится преходящим; ей не хватает власти, и в зависимости от характера того, кто находится на троне, она склоняется либо к анархии, либо к деспотизму. Если же, отдавая себе отчет в этой опасности, к выборности добавляют наследственность, то создается амфибиеобразное существо с королевской головой и народным туловищем, обладающее удвоенными недостатками выборности и легитимности и не имеющее достоинств как первой, так и второй» [с. 23].

«Я не верю в божественное право властителя, но столь же мало и в суверенитет народа» [с. 38].

«Существуют важные вельможи империи, которые связаны священными и нерасторжимыми узами со своими пенсиями, независимо от того, чья рука осуществляет эти даяния. Годовое содержание в их глазах является таинством; оно приобретает характер, подобный тому, какой имеют духовенство и брак; особа, которой оказывают такие благодеяния, не может перестать быть таковой; так же, как выплаты оставались бременем для казны, и они [сами] остались бременем для нее» [с. 40].

Шатобриан. Новое предложение и т. д.

«Со времени открытия представительной системы доказано, что принцип представительства применим к большому народу как в республиканской, так и в монархической форме» [с. 14].

«Нападение на собственность не заставит себя ждать: во всех странах право собственности падает с [падением] наследственности престола; эта наследственность — величайшее достояние; если ее похитят, то и всякая другая собственность окажется под угрозой. Составные части объединяются лишь там, где они однородны; если королевская власть может быть переделана и вновь переделана, разделена и еще раз разделена, то нет никакого разумного основания, почему бы собственность, которая также является своего рода королевством или суверенитетом, не могла бы точно так же быть переделана и вновь переделана, разделена и еще раз разделена», с. 24.

«В пораженном недугом обществе преходящие формы правления пребывают в своего рода животном прозябании между бытием и небытием», с. 25.

«Объединить принцип наследственности с выборной монархией, выступать против законного порядка наследования и сразу же затем учредить новый законный порядок наследования — это достойное сожаления непостоянство. Был ли принцип выборной монархии добыт? Да. За час и на час», с. 28.

«Мнимолегитимная монархия обладает всеми страстями и наклонностями легитимной монархии, но не смеет в этом признаться», с. 31.

«В 1649 г., когда должен был начаться суд над Карлом I, верхняя палата отклонила двойной билль: обвинительный акт и создание трибунала. Палата общин тут же сделала следующее заявление: «Поскольку члены палаты общин являются истинными представителями народа, от которого, наряду с богом, исходит вся власть, то палата общин также издает законы, и они не нуждаются ни в одобрении пэров, ни в согласии короля, чтобы войти в силу»», с. 32.

«Способ, посредством которого опять хотят ввести пэрство и т. д. Никакой наследственности, которую, однако, хотели от всей души; различия, которые не образуют подлинной аристократии и разрушают равенство наций; аристократия, которая возникает из привилегий как чиновничьих, так и придворных должностей», с. 33.

«Честь — это война. Война — это банкротство, жесткие меры, конфискация имуществ, эшафоты», с. 53.

«Выборная монархия создана на основе народного суверенитета; но с массой народа не советовались относительно формы этого правления», с. 59.

«Старинная легитимность была не чем иным, как волей нации, персонифицированной и сохраняемой в одной семье», с. 63.

«Существующая власть! Что это такое? — Ваша воля вместо моей. От кого вы получаете полномочия? Ни от кого или от самих себя. На каком основании вы претендуете повелевать мною? В силу вашего таланта? — Вы кажетесь мне заурядными. В силу вашего разума? — Вы кажетесь мне неразумными. Вследствие вашей силы? Это право животного, дикаря, и, кроме того, у вас нет силы. Вы слабы» с. [67—]68.

«Я нарушаю спокойствие публики, которая прежде всего хочет спокойствия? Но не считайте же себя постоянно публикой. *Вы* хотите спокойствия; вот это понятно» [с. 68]—69.

«Что касается избитого обвинения в том, что кто-то является *плохим гражданином,* то оно используется всеми партиями; для тех, кто сытно обедает и весел, плохим гражданином является тот, кто голодает и плачется», с. 69.

«О причинах, характере и последствиях июльских дней». К. В. фон Ланцицолле. Берлин. 1831.

«Монархия в Англии никоим образом не представляет собой призрака [функции] главы государства, [она] не есть результат ни мнимого перенесения суверенитета народа, ни рационального разделения так называемой государственной власти; напротив, она [являет собой] сильную, высоко чтимую, весьма реальную, следовательно, по существу базирующуюся *на собственном праве,* королевскую власть. Английский парламент не противостоит враждебно королевской власти и не придан ей для воображаемого равновесия, достигнутого без реального коромысла и точки опоры, и он ни в одной из своих обеих палат не составляет так называемого представительного устройства, опирающегося либо на численность избирателей, либо на сочетание [такого] поголовного принципа с другими принципами избрания. Напротив, английский парламент является по существу корпорацией так называемых феодальных сословий, состоящей из *определенных* землевладельцев и определенных общин, столь же позитивных и *индивидуальных,* как и сама королевская власть; корпорацией, которая, хотя и развива-

лась своеобразно, все же сохранила основные черты прежней корпорации немецких имперских сословий, равно как и (старых, подлинных) земских чинов на немецких территориях», с. 3.

«Из среды этого поместного дворянства (т. е. того, которое не может отделить свою *судьбу* от судьбы монархии и всех основных государственных институтов без опасения собственной гибели и *интересы* которого теснейшим образом связаны с радостями и горестями зависимых от них крестьян) формируется верхняя палата», с. 5. «В Англии сословные отношения, частью проистекающие из происхождения, частью из личного положения, представляют собой иерархию, дающую каждому сословию, каждой профессии подобающие им *особую* честь и достоинство и органическое членение отношений, отсутствие которых делает гораздо более тягостным и нравственно опасным разделение между бедными и богатыми, между умными и глупцами, между управляемыми и управляющими и т. д. ... В Англии, кроме общинных союзов... самые многочисленные и активнейшие корпорации и товарищества и т. д.» [с. 5—]6.

«И все же две основные формы любой человеческой общности — *товарищество* и *господство* — всегда шли рука об руку», с. 10 [прим.].

«Землевладение... которое при отсутствии зависимых крестьян лишено подлинного политического значения», с. 11.

«Если при этом успех выборов членов (т. е. палаты пэров) не облегчался наличием *прирожденной аристократии, данной самому королю, а не только созданной им самим* и т. д.» (с. 11).

«Эти выборы (депутатов) должны были производиться лицами, которые выхватывались из всего населения департамента на основе произвольно придуманных критериев избрания (определенный возраст, определенный размер налога); все эти критерии, одинаковые как для крупнейших городов, так и для самых мелких местечек и т. д. ... как для *богатейших*, так и для беднейших местностей страны. Блестящий пример так называемого *равенства перед законом...* которое *одинаковым* подходом к *различнейшим* отношениям и предметам глупейшим и т. д. образом усиливает неравенства, которые оно хочет устранить» [с. 12—]13.

«Устройство, возникшее, по существу, только благодаря Хартии, или (в подлинном смысле слова) конституции государства», с. 15.

+ + В сноске:

«Взгляды правительства проникли даже в ответные речи, произносимые по случаю именин короля. В одной из них мы читаем: «Защита Хартии была основной задачей Июльской революции». В таком случае революция плохо выполнила свою задачу; она должна была сохранить старшую ветвь Бурбонов... а вместо этого призвала младшую; она должна была сохранить неприкосновенность Хартии, но полностью опрокинула ее». «Courrier français» 5 мая (с. 49).

«Из 32 миллионов человек, которые, включая женщин и детей, составляют население Франции, в выборах депутатов участвуют в настоящее время самое большее 200 000, только около 20 000 могут быть избраны депутатами, и из них примерно 450 человек могут в действительности стать членами палаты депутатов. При этом...

[следует] учесть, что избиратели не могут давать депутатам никаких наказов или поручений, но мнимой всеобщей волей, или волей народа, считается то, что решит большинство депутатов в ходе полностью свободного голосования, определяемого взглядами и намерениями отдельных лиц. Вопрос о том, хочет *ли* суверенный народ вообще быть представленным и *каким образом,* даже не был поставлен перед ним и не был решен единогласно или большинством голосов», с. 50.

«Подобное *различие и противопоставление частных и государственных отношений* не коренится ни в природе вещей... ни в божественном откровении», с. 56.

«И повинности, которые налагаются на наших крестьян, говоря общепринятым деловым языком, от имени «государства», их простой, здравый смысл приписывает *королю.* Точно так же они видят в королевских должностных лицах (преимущественно в так называемых государственных чиновниках) не слуг народа или государства, не неких *юридических или мистических особ,* которых государь и его двор могут назначить лишь как первых среди них... но слуг и чиновников государя, которые назначены им самим в силу его собственного, благоприобретенного права, облечены государем полномочиями и [окружены] почестями, соответствующими их должности, ответственны перед ним и т. д.», с. 70.

«Этот факт (именно, вся сущность революции) проявляется и резюмируется в акте, посредством которого Генеральные штаты королевства аннулировали мандаты своих доверителей и объявили себя Учредительным собранием.— Таким образом они своей собственной властью заменили своих доверителей... *Учредительная* власть, которая была в свое время

(замечает Ланциколле:

т. е. в период божественного, избавленного от человеческого произвола управления событиями и теми тихими, невидимо действующими силами нравов и обычаев... *Сделанное* право, *сделанная* конституция подобны нарисованному или сделанному дереву и т. д.), перешла к *человеческой воле;* принцип законодательства, который был в желаниях французов, выражаемых ими самими на местных собраниях, перешел к центральному собранию; представительство нации, воплощавшееся в особе короля, стало атрибутом этого собрания, которое под предлогом передачи суверенитета народу отняло его у королевской власти и удержало для себя... впервые можно было видеть выбранных избирателями депутатов, которые хотели сами стать избирателями; можно было видеть вершину дерева, взращивающего свои корни, и родник, выбирающий свой источник» [с. 81—82]. («Appel à la France contre la division des opinions». Paris. 1831. [2]) [p. 79].

«Эта узурпация центрального собрания... создала... империю... (то есть) централизацию» (там же), с. 82.

«Бонапарт не желал никакой другой связи между своим правительством и Францией, кроме налога» (там же), с. 84. «Он желал от народа лишь поборов и наборов, золота и крови» (там же), с. 84.

«Термин легитимность, представленный относящимся исключительно к правам монархии, идея учредительной власти, связан-

ная с монархическим принципом и человеком, который в данное время представлял этот принцип... были... опасными положениями и т. д. Сконцентрировать идею легитимности лишь [в рамках] права наследования значило ущемлять другие стороны французской легитимности, значило превратить легитимность короля в персоналистскую доктрину, специфически присущую одной династии, в абстракцию, окруженную противоречащими ей реальностями... легко понять цель революции, стремившейся разделить таким образом различные стороны легитимности, которые были слиты в анналах нации... она (т. е. революция) признала, что учредительная власть не принадлежит народу; но в сознании Людовика XVIII она отразилась таким образом, что если это право не принадлежит народу, то оно принадлежит королю. Это умозаключение было ложным: учредительная власть не принадлежит народу, поскольку она создала народ, следовательно, она ему предшествует и [находится] выше него; точно так же именно эта власть, которая создала короля, которая установила его отношения с нацией, не могла бы зависеть от короля. Во Франции, если король смог создать общество, то и общество смогло бы создать короля» (там же), с. 85.

Вопросы централизации и децентрализации.

| Fievée. Correspondance politique et administrative. Paris, 1815, t. 1 [3].

(Ланцицолле, с. 88[2])

«Коммуны, освобожденные и свободные, были бы также заинтересованы в противодействии королей нововведениям».

«В исполнительной власти ...наличествуют две власти... 1) власть, которая правит; 2) власть, которая управляет. Заключать мир и объявлять войну, руководить и командовать армией, вести переговоры с иностранными державами, непосредственно назначать на высокие посты, уравновешивать и примирять интересы различных сословий в государстве — вот что составляет власть, которая правит... не следует забывать, что со времени Мазарини исполнительная власть больше управляет, чем правит; что революция довела эту тенденцию до невероятного уровня», с. 90.

«После нелицеприятного рассмотрения важного вопроса об освобождении *коммун* следовало бы заняться проблемой корпораций, то есть союза сходных малых интересов, с целью их защиты», с. 91.

«Муниципальная власть и провинциальная власть — таковы основы свобод при монархии», с. 91.

Benjamin Constant. De l'esprit de conquête. (Paris, 1814, с. 50) [4].

«Весьма примечательно, что единообразие никогда не встречалось с такой благосклонностью, как во время революции, осуществлявшейся во имя прав и свобод людей... В то время как патриотизм существует лишь как живая привязанность к *местным и т. д. интересам* и т. д. Они истощили этот естественный источник патриотизма и хотели заменить его *искусственным восторгом перед отвлеченной сущностью, перед общей идеей,* лишенной всего, что поражает воображение, всего, что говорит что-то памяти»,

с. 93. «Даже в давно сложившихся государствах патриотизм, рождающийся из местных особенностей, единственного источника подлинного патриотизма, возрождается из пепла, как только длань власти на мгновение ослабляет свое действие... в них вскоре формируется своего рода коммунальная гордость и т. д., гордость городская, провинциальная», с. 93.

«Во всех странах, где разрушается всякая местная жизнь, в центре создается малое государство. Индивиды... отдаляются от отечества, которое они нигде не воспринимают и которое в качестве целого становится им безразличным, поскольку их привязанность не может основываться ни на одной из его частей. Разнообразие — это организация; единообразие — это механизм. Разнообразие — это жизнь; единообразие — это смерть» [с. 93—94].

(Бенжамен Констан утверждает в своих «Principes de politique» [с. 95]:

«Власть, которая представляет нечто постоянное, пребывает в наследственной палате; власть, которая представляет мнение,— в избираемой палате», с. 96).

«Представительная система... на двух *основных фикциях.* Во-первых, на фикции: совокупность всех подданных государства, весь народ представляет собой одно большое сообщество или общину, по сути дела юридическую или мистическую личность, состоящую, по существу, из однородных и равноправных членов. Существование этого сообщества (сословия граждан) якобы и является подлинной основой всего правового состояния... Все отдельные *реальные* сообщества и членения... при этом полностью исчезают и т. д.» (с. 97—99). «Эта фикция... относится к существованию и облику той самой сущности, которая должна быть представлена» [с. 99].

«Другая фикция относится к способу, посредством которого выявляется и действует вымышленная юридическая личность народа. Этот [процесс] мог бы и должен был бы происходить через собрание представителей... Малая часть сочленов этой большой корпорации всех «граждан государства» созвана в качестве собраний избирателей... из них представители... Эти представители, каждого из которых следует считать представителем не какой-то одной части страны или одного собрания избирателей, которым он выдвинут, а представителем мистического целого, не связаны никаким наказом, никаким поручением со стороны избирателей, но обладают неограниченными полномочиями; что́ они решат большинством голосов, то и есть верное выражение общей воли нации и т. д.», с. 99—100.

«Gazette de France» от 15 февраля 1831 г. в статье, озаглавленной «Суверенитет народа» [5]:

«С тех пор как новая Хартия стала наградой для всех французов, во Франции было 32 000 000 *суверенов.* Такова теория; но к чему она сводится на практике? Следует вычесть [из этого количества] прежде всего всех бедняков, жалких суверенов, чьи привилегии сводятся к пользованию убогим ложем в больничной палате... За этим классом суверенов... следуют суверены, обладающие кое-чем и внушающие некоторое доверие: мелкие рантье и т. д. [вообще] все, кто имеет достаточно, чтобы жить, работая, но недостаточно, чтобы оправдать налоговую квоту, передающую скипетр народного суверенитета... чья реальная власть при конституционной монархии, как и при монархии деспотической, ограни-

чивается тем, что они платят налоги, стоят на страже, отдают своих детей для защиты страны, а иногда идут и сами» [с. 101].

«Стало быть, число французов, действительно удостоенных [высшей награды], сводится к 80 тысячам избирателей (с некоторого времени, примерно, к 200 000). К этой цифре сводится число не тех, которые правят, а тех, с чьего согласия правят; ибо для них голосование, производимое один раз в пять лет... исчерпывает полностью осуществление их суверенитета. Если бы еще они были обязаны этим предпочтению, оказанному их семье или их заслугам, была бы какая-то пища для тщеславия; но их право основывается на цифрах и оправдывается сложением: один сантим создает его, один сантим заставляет его исчезнуть; человек стоит ровно столько, сколько он платит налогов: таков избиратель,— если дом, который он снимает, имеет ворота и т. д.» [с. 101].

«Каждые пять лет, за редкими исключениями, 80 тысяч (200 000) суверенов поднимаются на свой трон. Будут ли они издавать законы? Нет.— Устанавливать налоги? Нет.— Заботиться о благосостоянии, о безопасности государства? Нет, нет. Они выберут тех, кто все это сделает; это царство одного дня, которое завершается 430 избраниями. Этот мнимый суверенитет народа есть не что иное, как мистификация, внушаемая имущим классом монархии классам неимущим, чтобы захватить права монарха... Повсюду бедняк страдает, а не правит; работник повинуется, а не командует; мелкие торговцы и мелкие собственники трудятся, а не распоряжаются; повсюду богач господствует благодаря влиянию своих денег и вмешивается во власть, занимая должности» [с. 101—102].

«Gazette» от 1 мая 1831 года.

«Мы утверждаем, что нынешняя палата ведет свое происхождение от *монополии,* а не от *народа...* Кто создал палату? Избиратели в сто экю. Кто создал этих избирателей в сто экю? Закон, принятый в феврале 1817 года. Кто выработал этот закон? Другая палата. Можно вращаться в этом кругу сколь угодно, не встретив здесь народа», с. 102.

«Легко говорить народу, что угодно, коль скоро ему не позволяют собираться, чтобы высказаться самому или выбрать свои органы. Именно это и есть фикция, используемая монополией и всеми другими видами деспотизма... Бонапарт говорил: я единственный представитель французской нации. Газета «Temps» говорит сегодня: 200-франковые избиратели представляют французский народ. Все это тоже верно... Таким образом... суверенитет народа теоретически представлен двумястами тысячами избирателей, которых создала палата депутатов. Эти 200 000 избирателей отрекаются от такого суверенитета в пользу палаты, которая предоставляет им его на один день, чтобы они ей дали его на пять лет. Эта драгоценная теория, источник власти, создает таким образом посредствующее звено между 200 000 и 430, а народ оплачивает этот великолепный спектакль бюджетом в 1600 миллионов» [с. 102—103].

«Государственные кредиторы наряду с *государственными чиновниками* являются... *привилегированными персонами* современного государства» [с. 161].

«Политическая ошибка такова: занятия, отношения и дела правящих князей и властей являются якобы... *общественными* занятиями, отношениями и делами. Это означает: *каждое* государ-

ство является по сути дела общностью, так называемой республикой... неким на деле полностью вымышленным юридическим лицом» [с. 164—165].

«Распались или ослабели узы, которые благотворно скрепляли интерес и любовь людей к ясно выраженным и органично замкнутым в себе отношениям и общественным кругам; таковы корпоративные объединения в подлинно реальных коммунах и других общинах, в цеховых и иных сословных организациях, [таковы] истинно личные отношения между государем и подданными, сеньором и вассалами, землевладельцем и зависимыми крестьянами, хозяином и прислугой и т. д.» [с. 168].

Ваксмут. 1 том.

«И хотя магистратура образовалась из горожан, но когда она стала наследственной, ее члены не пожелали занимать одинаковое положение с тем сословием, к которому первоначально принадлежали,— дворянство мантии» [с. 6].

«Только 3-е сословие считалось именно той частью населения, с которой можно было немилосердно взимать подати и произвольным образом требовать исполнения повинностей» [с. 9].

«Чувствительный порок (при Людовике XIV) в том, что привилегированные ничего не утрачивали из своих прав по отношению к феодальным подданным, в то время как последние все больше и больше подвергались давлению со стороны государства... Устранить эти барьеры... не входило в намерения Людовика XIV. Как блестящее окружение трона ему нравилась аристократия, готовая к личным жертвам [на войне] и при дворе; он любил быть отделенным таким образом от народа... Нивелировка коснулась лишь поверхности, над которой слишком гордо возвышались дворянские головы; все внутреннее устройство было в ржавчине феодальных отношений, и если монархическая автократия с ними сталкивалась, то только для того, чтобы стеснить жизнь низших классов путем полицейских ограничений и придирок со стороны государства» [с. 9—10].

В 1757 г. строгие предписания для печати. «Смертная казнь для авторов сочинений, нападающих на религию, возбуждающих умы, посягающих на власть короля и нарушающих порядок и спокойствие его подданных. Каторжные работы для тех, кто печатает что-нибудь в обход законного порядка», с. 23 [прим. 25].

В 1762 г. предан сожжению «Эмиль» Руссо. В 1768 г. сослано на галеры несколько книготорговцев и т. д., с. [23]—24.

В *1779 г.* Неккер добивается освобождения всех крепостных в королевских доменах [с. 42].

«Парламент в Бордо выступил против человеколюбивого стремления Дюпати улучшить уголовное судопроизводство, в Гренобле — против усилий Сервана... уничтожить пытки... эмансипировать реформатов», с. 54.

Ремонстрация парламента в Бордо (1786) против закона, согласно которому наносные земли в устьях рек должны были перейти в собственность короны: «Жалованная грамота от 14 мая с. г. ниспровергает все принципы справедливости, *она разрушает священные законы собственности...* является плодом *системы грабежа,* от которой давно страдают все порядочные люди, системы, поддерживаемой врагами *общественного блага...* это посягательст-

во на *общественную свободу и собственность* затрагивает всех граждан... если эта первая попытка разрушения *собственности* удастся, то не будет никакой преграды развитию [подобных попыток], ничто не будет в безопасности, всеобщее уныние овладеет умами и сердцами», с. 54 [прим. 7].

Собрание нотаблей 1787 г. (по инициативе Калонна). Оппозиция привилегированных. *1788 год,* нотабли созваны еще раз [с. 64—83].

«Одновременно... вошел в силу принцип, согласно которому *мандаты* депутатов не должны связывать их в качестве руководящего принципа их деятельности... таким образом, Национальное собрание исходило из принципа возрождения государства в самом широком значении [этого принципа] и без допущения каких-либо частичных ограничений», с. [121—]122.

«Свобода личности и *владения* осталась (т. е. в результате [событий] ночи 4 августа 1789)», с. 168.

5 апреля 1791 г. принят декрет об отмене всех прежних привилегий, связанных с возрастом, полом и другими традиционными установлениями, при наследовании без завещания [с. 320].

Массы приветствуют принцип равенства, [провозглашенный] *избирательным декретом, изданным* для выборов *Национального Конвента* (1792) (с. 500).

Кондорсе говорит об этом:

«Прежние законы... со столь многими ограничениями при осуществлении права народного суверенитета... неприменимы к Национальному Конвенту, где это право должно будет осуществляться с подлинной свободой. Из этого [отнюдь] не вытекает выделения *активных граждан,* ибо оно также является ограничением закона. Единственные выдвигаемые им условия предписаны самой природой, а именно, необходимостью постоянного проживания в определенной местности, где осуществляется гражданское право, наличия возраста, когда по законам нации... способен... осуществлять свое право личности, наконец, сохранения полной независимости волеизъявления», с. 500. «О наступлении эры равенства возвестило также и *летоисчисление* французов; к 4-му году свободы, который был введен декретом Национального собрания от 2 января 1792 г., был теперь добавлен *1-й год равенства...* Лозунг свободы мог повести к атаке против угнетательских учреждений и тиранов, ущемляющих права людей и презирающих [их самих]; понимание равенства чернью направлено против всяких привилегий *гражданского* [*bürgerliche*] *общества;* его триумф... возвышение в нем простого существования над всеми ступенями достоинств и заслуг» [с. 500—501].

Источники, приведенные Ваксмутом в 1-м томе [6].

1) Histoire parlemantaire de la révolution française ou journal des assemblées nationales depuis 1789—1815. Par. B. J. B. *Buchez* et P. C. *Roux.* 40 T. Paris. 1834—1838. Chez *Paulin.* 8.

2) Der *Moniteur,* начиная с 1789 года. 3) *Labaume* hist. monarchique et constitutionelle de la révol. française.

4) *Schlosser,* Geschichte des 18ten Jahrh. 5) von *Schütz* Geschichte des Staatsveränderung in Frankreich unter Ludwig XVI.

6) *Droz,* Histoire de Louis XVI. 7) *Necker,* Compte rendu; id. de l'administration des finances. 8) *Montgaillard,* hist. de France.

9) *Prudhomme,* Révolutions de Paris. Par. 1789 ff. 10) *von Raumer* Beiträge zur neuern Geschichte. 11) *Vie privée* de Louis XV. Londr. 1781.

12) *Bailly,* hist. financière de la France. 13) Histoire de la révolution de France *par deux amis de la liberté* 1792.

14) *Louville,* Mémoires. 15) Les soupires de la France esclave (написано Жюрье или Ле Вассором) 1689 (оппозиционный листок).

16) *Chateaubriand,* essai sur la révolution. 17) Biographie universelle. 18) *Georgel,* Mémoires. 19) *Soulavie.*

20) *Alex. Lameth,* hist. de l'assemblée constit. 1828. 21) *Boissy d'Anglas.* Essai sur la vie et les opinions de Malesherbes. Par. 1819. 22) *Mémoires de Mad. Campan.* 23) *Weber,* Mémoires. 24) *Flassan,* hist. de la diplomatie française.

25) Correspondance polit. et confidentielle de L. XVI, par Hel. Marc. *Williams,* Paris. 1803.

26) Mémoir. de *Besenval.* 27) *Isambert,* Recueil des anciennes lois. 28) *J. B. Dubois,* Notice historique sur Malesherbes. 1795. 29) Oeuvres de *Turgot.* 30) Particularités sur les ministres des finances de France. Par. 1812.

31) Mémoires de S. Germain. 32) *Ségur,* Mémoires. 33) *Lafayette,* Mém. 34) Mém. de *Rochambeau.* 35) Mém. de *Fleury* (Par. 1835). 36) Mém. de *Tilly.* Par. 1828. 37) *Brissot,* théorie des lois crimin. 1781.

38) *Mounier,* de l'influence attribuée aux philosophes etc. Par. 1822.

39) *Zinkeisen,* Lafayette. 40) Md. de *Genlis,* Mém. 41) *Livre rouge* bei Baudouin. 7 Apr. 1790.

42) *Collection des Comptes-Rendus,* Lausanne. 1783. 43) Annales françaises von *Sallier.*

44) *Necker,* de la révolut. fr. 45) Mém. de *Vaublanc.* 46) *Brewer,* Geschichte der franz. Gerichtsverfassung. 47) *Dufey,* Hist. des parlemens. 48) *Bertrand de Moleville,* hist. de la rév. fr.

49) *Brissot,* Mém. 50) *Notice* sur la vie de Sieyès. 1795. 51) Histoire des états-généraux par M. l'abbe S[ieyès]. 52) *Duvergier,* Collection complète des lois etc. 1824. 53) *Sieyès,* Qu'est-ce que le tiers état и Essai sur les privilèges. (Обе напечатаны вместе Морелле в Париже в 1822 г.); далее: Vues sur les moyens d'exécution dont les représentans de la France pourront disposer en 1789.

54) *Mounier,* sur les états généraux; аналогичные работы Бриссо, Рабо де Сен-Этьенна, Петиона, Кондорсе, Бергасса, Керсена, Д'Антрега, маркиза де Казо, Мирабо, Черутти, Кервелегана, Камилла Демулена, Тарже.

55) *Mably,* observations sur l'hist. de France. 56) Mém. de Bailly. 57) Mém. de *Ferrières.*

58) *Grille.* 59) *Barruel,* mém. pour servir à l'histoire du Jakobinisme. 60) Toulongeon.

61) *Beaulieu,* essais historiques. 62) *Bailleul,* exam. critique de l'ouvrage posthume de Mdme de Staël.

63) *Rabaut,* précis. 64) *Montlosier.* 65) Procédure criminelle instruite au Châtelet sur... 6 Oct. 1789. Par. 1790. 66) *Rivarol,* Tableau hist. de l'ass. constit. Par. 1797. 67) Dussaulx, de l'insurrection Parisienne. 68) *Paganel,* essai sur la rév. franç. 69) *Papon,* hist. de la rév. fr.

70) Correspondance d'un habitant de Paris (написано швейцарцем Эшерни). 71) le vieux Cordelier.

72) *Dumas* Souven. 73) Procès de Lambesc. 74) Ch. *Comte,* hist. de la garde nationale. Par. 1827.

75) la *Bastille* dévoilée. Par. 1790. 76) Correspondance inèdite de Louis XVI.

77) Mém. de *Grégoire* par Carnot. Par. 1837. 78) *Saint-Gervais,* hist. des émigrés français. 1828.

79) *Montrol,* hist. de l'émigration. 1825. 80) *Boyer,* hist. des carricat. de la rév. fr. 1792.

81) *Camille Desmoulins* Révol. de France et de Brabant. 82) *Lally* Mém. 83) *Mounier,* Exposé de la conduite и Appel au tribunal de l'opinion publique. Londr. 1791.

84) *Godard,* Exposé des travaux etc. 85) St. *Priést.*

Робеспьер не хочет, чтобы какой-нибудь налог обусловливал участие граждан в первичных собраниях: «Все граждане, кем бы они ни были, имеют право претендовать на все степени представительства. Именно это более всего соответствует вашей Декларации прав, согласно которой всякая привилегия, всякое различие, всякое исключение должны исчезнуть. Конституцией установлено, что суверенитет заключен в народе, во всех индивидах народа. Стало быть, каждый индивид имеет право соучаствовать в законе, который его обязывает, и в управлении *общественными делами,* которые являются его собственными. Если это не так, то неверно, что все люди равны в своих правах, *что всякий человек является гражданином* и т. д.», с. 203 [прим. 13].

86) *Catéchisme du genre humain.* 87) Papiers trouvés à l'armoire de fer.

88) Confédération nationale etc. 1790. 89) Mém. de *Girardin.* 90) *Dulaure,* esquiss.

Camille Desmoulins. Révol. de Fr. No. 34 (Ваксмут, стр. 255).

«Если бы я имел честь быть депутатом, то я бы потребовал (во время праздника конфедерации 14 июля), чтобы трон, на котором бесцеремонно восседает г-н Капет, оставался бы пустым на возвышении, чтобы показывать суверенитет нации». Короля он называет «служащим нации», стр. 255 [прим. 1].

91) Mém. de *Bouillé.* 92) *Carra,* Annales patriotiques. 93) Exposition des principes sur la constitution du clergé par les évêques députés à l'assemblée nationale. 1790; переведено Планком.

94) Mém. de *Guillon.* 95) Mém. de *Grégoire.* 96) la Galerie des états généraux. Par. 1789.

97) Mém. de *Choiseul.* 98) Collection von *Berville* и *Barrière.* 99) *Hébert* pére Duchesne.

8 апреля 1791 г.: «Упраздняется всякое существовавшее прежде неравенство между наследниками без завещания как по прямой линии, так и в боковых линиях, вытекающие из старшинства, различия полов или изъятий, основанных на обычаях», с. 320.

«У народа, ставшего подлинно великим, не должно быть более вопроса о его уважении к так называемым великим людям». Дантон [с. 334, прим. 24].

100) *Pamphile de Lacroix,* Mém. pour servir à l'histoire de S. Domingo. Par. 1819. 101) Histoire de S. D. an III. 1795.

102) Gesch. des Revolutionskr. in S. D. von Bryan Edwards. 103) Portraits bei Madame *Roland.* 104) Papiers inédits trouvés chez Robespierre etc. Par. 1828. 105) *Mém. de Dumouriez.*

106) *Roederer,* Chronique de cinquante jours 1832. 107) Maton de la Varenne, hist. partic. des évén. pendant le mois de Juin etc.

Par. 1806. 108) *Hue,* Dernières années de L. XVI. 109) *Peltier.* Précis de l'hist. du dix Août. 110) *Carra,* précis hist. et trés exact sur l'origine et les véritables auteurs de la célèb. insurrect. du 10 Août 1792. 111) La vérité toute entière sur les vraïs auteurs etc. (т. е. сентябрьские убийства) von *Felhemesi.* 112) *Maton de la Varenne* etc., les crimes de Marat etc. 113) *Roch Marcandier,* hist. des hommes de proie ou les crimes du comité de surveillance etc. 114) Mém. de *Meillan.* 115) Mém. de *Garat.* 116) Mém. de Mad. *Roland.* 117) Mém. d'un homme d'état.

Ваксмут. 2 том.

4 сент. 1793 г. *«уличные волнения* в связи с нехваткой хлеба стали новым средством против *аристократии богатства... Шометт* появился среди народа, ораторствовал против богатых», с. 191.

«*Шометт* и Моморо больше всех выступали за проект полного *равенства имуществ* (аграрный закон), т. е. чтобы всех богатых сделать бедными и т. д., но все ограничилось неясными намеками, а серьезно над ним не работали и сторонники Шометта, после того как Национальный Конвент 18 марта 1793 г. установил *смертную казнь* за предложения подобного рода... Шометт: «У всякого есть брюхо, поэтому должно быть основано общество, соответствующее природе, [базирующееся] на принципе чувственных потребностей и инстинктов»», с. 268.

Бюзо: «Кто же эти люди, которые беспрестанно взывают к суверенитету народа, чтобы отнять его у народа» [с. 56, прим. 73].

Верньо: «Несчастный народ... роялисты пытались притеснять тебя при помощи слова конституция, анархисты обманывали тебя, злоупотребляя словом суверенитет. Они едва не ниспровергли республику, убеждая каждую секцию в том, что суверенитет пребывает в ней самой. Ныне контрреволюционеры обманывают тебя словами равенство и свобода. Один из античных тиранов имел железную кровать, на которой он приказывал растягивать свои жертвы... Этот тиран любил равенство, и вот оно, равенство злодеев, которые терзают тебя своим неистовством. Свобода для общественного человека — это только *свобода прав.* Она является *свободой имуществ* не в большей степени, чем свободой роста, свободой сил, духа, деятельности, промысла и труда» [с. 103—104, прим. 35].

«Несколько парижских секций... в согласии с анархистами Коммуны (31 марта 1793 г.) ...узурпаторскую попытку, а именно, конституироваться в качестве Центральной ассамблеи общественного блага... Откровенно... своей целью установление *подлинного равенства,* равенства имуществ... установление... *единственного истинного равенства, равенства имуществ»* [с. 109, прим. 110].

Робеспьер: «Хозяин земли... род человеческий... законодатель мира, *природы»,* с. 116.

Робеспьер («Papiers inédits»): «Внутренние опасности происходят от *буржуа:* чтобы победить *буржуа,* надо сплотить *народ.* Надо... чтобы санкюлотам платили и чтобы они оставались в городах. Их надо обеспечить оружием, возбуждать, просвещать» [с. 169, прим. 6].

Изабо пишет Робеспьеру [7]:

«Настало время господства бедняков и санкюлотов, ибо они составляют *большинство* на земле, а большинство должно господствовать» [с. 213].

Решения, принятые ночью 4 августа 1789 г.

1) Национальное собрание окончательно упраздняет феодальный порядок и постановляет, что из прав и повинностей, как феодальных, так и чиншевых, те, которые относятся к вещному или личному праву мертвой руки и к личной зависимости... отменяются безвозмездно [с. 574].

6) Все *пожизненные земельные ренты,* какого бы рода и происхождения они ни были, будь то натуральные или денежные и т. д... подлежат выкупу... по таксе, которая будет установлена собранием [с. 575—576].

10) Поскольку национальная конституция и общественная свобода более выгодны для провинций, чем привилегии, которыми иные из них пользовались и пожертвовать которыми необходимо для тесного единения всех частей государства, постольку провозглашается, что бесповоротно уничтожаются как денежные, так и всякие иные особые привилегии провинций, княжеств, областей, кантонов, городов и общин жителей, и они будут подчинены общему праву всех французов», с. 576.

Закон о печати Сиейеса (в Учредительном собрании) (с. 581).

«Публика высказывается неправильно, когда требует закона о предоставлении или разрешении свободы печати. Граждане мыслят, говорят, пишут и публикуют свои мысли вовсе не в силу закона, а в силу своих естественных прав» [с. 581].

«Я рассматриваю его (книгопечатание) как новую способность, добавленную к наиболее прекрасным способностям человека... оно поражает... слух рода человеческого» [с. 582].

Речь Дюпора от 17 мая 1791 года.

«Посмотрим на общественное мнение... Как... понимает оно две ее (т. е. конституции) основы, свободу и равенство?.. свобода (т. е. общественная), которая является границей прав каждого, границей, поставленной справедливостью, выраженной в законе и защищаемой общественной властью! «...В глазах огромного большинства... она выступает лишь выражением *личного* и абсолютного *права,* вне всякой связи с нашими ближними и нашими согражданами; идея разрушительная, но великолепно связанная со всеми гнусными страстями эгоизма и т. д. Что касается *равенства...* то одни [убеждены], что это равенство состояний и собственности; другие — что это равенство способностей и талантов. Все они имеют одинаковую склонность к дезорганизации всего, ибо они чувствуют, что сущность организованной страны заключается в том, чтобы ставить вещи и людей на свои места, укреплять все законные *власти,* освящать собственность и придавать авторитет разуму... После того как сглажены горы, самые маленькие возвышения кажутся ощутимыми преградами и нарушают этот всеобщий уровень, который является не чем иным, как самим абсурдом, возведенным в систему. Так приходят к индивидуальности, этому крайнему пределу прогресса», стр. 590, 91.

Конституция 1791 года.

Декларация прав человека и гражданина.

Ст. 1. Люди рождаются и остаются *свободными и равными в правах.* Общественные различия могут основываться лишь на соображениях общей пользы.

Ст. 2. Цель каждого государственного союза составляет обеспечение *естественных* и *неотъемлемых прав* человека. Таковы свобода, *собственность,* безопасность и сопротивление угнетению.

Ст. 3. Источник суверенитета зиждется *по существу* в нации. Никакая корпорация, ни один индивид не могут располагать властью, которая не исходит *явно* из этого источника.

Ст. IV. Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому. Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека встречает лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование *теми же самыми правами.* Границы эти могут быть определены только законом.

Ст. VI. Закон есть *выражение общей воли.* Все граждане имеют право участвовать лично или *через своих* представителей в его создании. Он должен быть одинаковым для всех как в тех случаях, когда он оказывает свое покровительство, так и в тех, когда он карает. Всем гражданам ввиду их *равенства перед законом* и т. д.

Ст. XII. Обеспечение прав человека и гражданина влечет необходимость применения *вооруженной силы;* эта сила, следовательно, установлена в интересах всех, а не в частных интересах тех, кому она вверена.

Ст. XIII. На содержание вооруженной силы и на расходы по содержанию администрации необходимы общие взносы.

Ст. XIV. Все граждане имеют право констатировать сами или через своих представителей необходимость государственного обложения, свободно давать согласие на его взимание, следить за его расходованием и определять его долевой размер, основание, порядок и продолжительность взимания.

Ст. XV. Общество имеет право требовать отчета каждого должностного лица по вверенной ему части управления.

Ст. XVI. Всякое общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, вообще не имеет конституции.

Ст. XVII. Так как *собственность* есть право неприкосновенное и священное, то никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленной законом несомненной общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения [с. 592—594].

Французская конституция.

Национальное собрание, намереваясь утвердить французскую конституцию на началах и т. д., отменяет бесповоротно институты, причинявшие ущерб свободе и равенству прав.

Нет более ни дворянства, ни пэрства, ни наследственных, ни сословных различий, ни феодального порядка, ни вотчинной юстиции, никаких титулов, званий и преимуществ, проистекавших из этого порядка, никаких рыцарских орденов, никаких корпораций или знаков отличия, для которых требовалось доказательство дворянства или благородства происхождения, и *никаких иных преимуществ,* кроме отличий, присвоенных общественным должностным лицам при исполнении их обязанностей.

Не существует более ни продажи, ни перехода каких-либо государственных должностей по наследству.

Ни для какой части нации, ни для одного индивида не существует более никаких особых преимуществ или изъятий из права, общего для всех французов.

Не существует более ни советов цеховых старейшин, ни профессиональных, художественных или ремесленных корпораций [с. 594—595].

Раздел I. Основные положения, гарантированные конституцией

1) Доступ всех ко всем местам. 2) Равномерная раскладка налогов. 3) За одни и те же правонарушения... все без различия граждане караются одними и теми же наказаниями.

В качестве *естественных прав* обеспечиваются: *личная свобода* (передвигаться, переезжать с места [на место] и т. д.), свобода слова, письма, печати; свобода вероисповедания; свобода собраний граждан, право петиций, неприкосновенность собственности... ведомство *Общественного призрения*, народное образование (бесплатное в части, необходимой для всех людей), национальные празднества, кодекс гражданских законов, общих для всего королевства.

Раздел II. О делении королевства и о состоянии гражданства.

Ст. VII. Закон признает брак лишь в качестве гражданского договора.

Раздел III. О государственных властях.

Ст. I. Суверенитет един, неделим, неотчуждаем и неотъемлем, он принадлежит нации. Ни одна часть народа, ни одно лицо не может присвоить себе его осуществление.

Ст. II. Нация, которая является единственным источником всех властей, может осуществлять их лишь путем уполномочия.

Французская конституция имеет представительный характер: представителями являются законодательный корпус и король.

Ст. III. Законодательная власть вверяется Национальному собранию, в состав которого входят представители, свободно избранные народом на определенный срок, и осуществляется названным Собранием с утверждения короля и т. д.

Ст. IV. Форма правления монархическая и т. д.

Гл. I. О Национальном законодательном собрании.

Ст. I. Национальное собрание... постоянное... в составе одной палаты.

Отдел I. Число представителей и т. д.

Ст. II. Общее число представителей распределяется между 84 департаментами в соответствии с размером территории, населения и суммой прямого налога.

Отдел II. Ст. I. Для выборов в Национальное законодательное собрание *активные граждане* каждые два года собираются на первичные собрания в городах и кантонах.

Согласно ст. II активным гражданином является: француз по рождению, 23 лет, имеющий местожительство, уплачивающий прямой налог в размере не менее 3-дневной заработной платы, не находящийся в услужении, внесенный в список местного муниципалитета и национальной гвардии, принесший гражданскую присягу.

Ст. VI. Первичные собрания избирают *выборщиков.*

Ст. VII. Множество высоких требований, которым должен удовлетворять активный гражданин, чтобы иметь возможность стать выборщиком.

Отд. III. Ст. III. Все *активные граждане,* независимо от их общественного положения, профессии или размера уплачиваемых налогов, могут быть избраны представителями нации.

Ст. VII. Представители, избранные по департаментам, являются представителями не отдельного департамента, но всей нации; избиратели не могут давать им никаких наказов.

Отд. V. Ст. VII. Представители нации пользуются неприкосновенностью; они не могут быть подвергнуты преследованию, обвинению и не могут быть судимы когда-либо за выраженные ими

словесно или письменно мысли или за деяния, совершенные ими при исполнении обязанностей представителей.

Гл. II. О королевской власти, о регентстве и о министрах.

Отд. I. Ст. I. Королевская власть неделима —она вверена наследственно царствующему дому и переходит по мужской линии в порядке первородства с постоянным исключением лиц женского пола и их потомства.

Ст. II. Особа короля неприкосновенна и священна.

Ст. III. Во Франции нет власти, стоящей над законом. Король царствует лишь в силу закона, и лишь именем закона он может требовать повиновения.

Отд. IV. Ст. V. Министры ответственны за все преступления, совершенные ими против общественной безопасности и конституции, за все покушения на личную собственность и свободу, за всякое расточение средств, предназначенных на расходы по их ведомству. *Ст. I.* Назначение и увольнение министров принадлежит всецело королю.

Глава III. Об осуществлении законодательной власти.

Законодательная власть обладает законодательной инициативой и устанавливает законы, определяет государственные расходы, налоги, их раскладку, учреждает или упраздняет государственные должности, определяет пробу и т. д. монеты, разрешает или воспрещает вступление иностранных морских сил и сухопутных войск, ежегодно устанавливает по предложению короля численность войск, жалованье и число лиц [каждого чина], порядок продвижения [по службе] и т. д., постановляет о заведовании [национальными имуществами]; привлечение к ответственности министров и возбуждение обвинений, война, мир, союзы, торговые договоры, дисциплинарная власть над своими членами и т. д...

Ст. VIII. Постановления Законодательного корпуса, касающиеся установления, продления и взимания государственных налогов, носят название законов.

Гл. IV. Об осуществлении исполнительной власти.

Ст. I. Высшая исполнительная власть сосредоточивается исключительно в руках короля. Король — верховный глава общего управления королевством и т. д.

Отд. I. Ст. III. Обнародование законов производится по следующей форме: мы (имя короля), *милостью божьей* и по *конституционным законам государства* и т. д.

Отд. II. Ст. II. Администраторы [органы управления] ни в какой мере не имеют характера представительства.

Раздел IV. О вооруженных силах государства.

Ст. I. Вооруженные силы учреждены для обороны государства против внешних врагов, для охраны внутреннего порядка и для обеспечения соблюдения законов.

Ст. III. Национальная гвардия не образует ни военного сословия, ни учреждения внутри государства; в нее входят сами граждане, призванные к несению службы в вооруженных силах государства.

Ст. XII. Вооруженные силы государства призваны к *беспрекословному повиновению;* ни одна вооруженная часть не может ни обсуждать [какие-либо вопросы, ни выносить по ним постановления].

Раздел VII. О пересмотре конституционных постановлений.

Ст. I. Национальное учредительное собрание *объявляет, что нация обладает неотъемлемым правом изменять свою конституцию* [с. 595—626].

Баррер о языковых областях во Франции. 27 января 1794 г. (с. 702—707).

«Мы заметили, что наречие, именуемое нижнебретонским, баскское наречие, немецкий и итальянский языки увековечили владычество фанатизма и суеверий, укрепили господство священников, дворян и законников; помешали революции проникнуть в 9 важных департаментов и могут благоприятствовать врагам Франции».

«Я начну с нижнебретонского... крестьяне... смешивают слово *закон* и слово *религия* до такой степени, что, когда должностные лица говорят им о законах республики и о декретах Конвента, они восклицают... не хотят ли от нас, чтобы мы беспрерывно меняли религию? Какой макиавеллизм со стороны священников смешивать закон и религию в умах этих простодушных деревенских жителей!»

«Федерализм и предрассудок говорят на нижнебретонском; эмиграция и ненависть к республике говорят по-немецки; контрреволюция говорит по-итальянски, а фанатизм говорит по-баскски».

Речь Карно. 1795 год.

«Вы являетесь уполномоченными свободного народа; он никоим образом не отказывается от своих прав в вашу пользу; напротив, он послал вас именно для того, чтобы защищать их: вы здесь вовсе не затем, чтобы давать [ему] законы, а для того, чтобы составлять, формулировать и обнародовать законы, являющиеся выражением его собственной воли. Вы имеете безмолвный, но императивный *мандат* не от ваших соответствующих департаментов, не от какой-то части народа, а от народа в целом; это его воля творит закон, а не ваша; «Декларация прав» говорит вам об этом совершенно определенно; она говорит вам, что закон есть выражение всеобщей воли. Ваш взгляд на вещи, будь он самый правильный, не может заменить взгляда народа; и здесь вы можете высказывать не ваше собственное мнение, а мнение тех, кто послал вас, то есть те взгляды, которые вы в глубине души считаете не самыми правильными, но которые являются взглядами большинства французов. Если вы считаете, что оно, это большинство, ошибается, просветите его, это ваш долг; но если оно настаивает даже на том, что, по вашему мнению, может идти против его интересов, вы должны или вернуть свой мандат, или голосовать, как оно хочет или как понимает. Таков неоспоримый принцип представительной демократии; в противном случае, граждане, следует отказаться от народного правления, следует заявить, что мы живем при аристократическом строе, что мы предпочитаем заменить волю самого народа волей 700 лиц, избранных им» [с. 716—717].

Ранке. «История Германии в период Реформации». Т. II.

На собрании имперских властей в Нюрнберге (1521—1523) [выражалось] всеобщее недовольство необычайным вздорожанием товаров [с. 37, 42].

«Причину искали главным образом, и не без основания, в монополии, которая вопреки часто повторявшимся предписаниям рейхстага все более распространялась компаниями крупных торговых домов. Говорили, что они уже сами по себе обладают столь крупными капиталами, столь многообразными и распространенными факториями, что с ними никто не может тягаться. В Португалии они готовы предложить самому королю более высокую цену, чем он обычно просит, если он обещает им за это брать с прибывших позднее еще больше», с. 43.

«На купцов, на города непрерывно нападали за это вздувание цен так же, как нападали на Рим за его индульгенции, на рыцарей за их разбой», с. 43, 44.

«Охотно проповедовали (во время Крестьянской войны), что, подобно тому как все являются детьми одного отца и все одинаково искуплены кровью Христа, не должно также впредь быть никакого неравенства ни в богатстве, ни в положении», с. 187, 88.

«Он (Мюнцер) считал невозможным говорить людям правду до тех пор, пока ими правят князья. Он объявлял невыносимым, что все сущее стало чьей-то собственностью: рыбы в воде, птицы в воздухе, растения на земле [8]; если откроется чистое слово бога, то и все сущее должно будет стать свободным. Он опроверг все понятия, на которых зиждется государство», с. 207.

«Ссылаясь на Апокалипсис, он (Мюнцер) доказывал, что власть должна быть передана простому пароду», с. 209.

В «Земском устройстве, которое в 1526 г. составил Михаэль Гейсмайер», имеется 5-я статья, согласно которой «все стены вокруг городов, равно как и все замки и укрепления в сельской местности, сносятся, и впредь не останется никаких городов, а только деревни, дабы (исчезли) различия между людьми и в стране было полное равенство», с. 211, прим. 1.

«Историко-политический журнал» Л. Ранке.
I том. Гамбург, 1832 и т. д.
I выпуск.
О реставрации во Франции [с. 9—76].

«Признаком подлинного княжества является то, что несчастье лишь теснее скрепляет узы. Они подобны семейным узам: они основываются на нравственном чувстве; они тесно связаны с внутренним бытием», с. 14.

«Европа

(т. е. после его [Людовика XVIII] вступления в Париж)

терпела то, что породила революция: Франция подчинилась основному закону старых государств. Примирить, согласовать то и другое и было задачей Бурбонов» (19—20).

«Старая Франция покоилась на гармонии королевской власти прежде всего с наследственным сословием дворянства и высшего чиновничества, затем с большой корпорацией духовенства, наконец, с местными правами провинций и населенных пунктов», с. 20.

«Все, что раньше стояло над ним (средним сословием), все, что пользовалось предпочтением перед ним, все это в течение долгих лет революции было им свергнуто и уничтожено: оно заняло их место. Оно захватило суды, из его среды выбирались законодательные учреждения, оно овладело администрацией, оно заседало в Государственном совете», с. 22.

«Он (сенат в своих предложениях относительно конституции) упразднил *конфискацию*. Позднее говорили о том, что частная жизнь была защищена стеной от публичной власти; именно сенат заложил основу этого. Он хотел восстановить все частные имущества, какими они были», с. 27.

«Он (Людовик XVIII) принял упразднение конфискации», с. [29]—30. «Мы являемся первым народом в мире, который кон-

ституционным актом упразднил право конфискации.» *Chateaubr.* Réflex. polit. sur guelq. écrits du jour [с. 30, прим. 1]. «Разве не благодаря *конфискации* были осуществлены *все преобразования* [отношений] собственности, на которых покоилась вся законность прежних

(т. е. революционных)

приобретений?» «Право, при помощи которого революция свергла старое государство и создала свое,— возвращающийся король (Людовик XVIII.— *Ред.*) мог бы в свою очередь попытаться применить его против нового государства. Он отказался от этого», с. 30.

«Когда революция примирилась в 1801 г. с церковью, то она сделала это лишь при одобрении папой превращения имуществ духовенства в частную собственность. Теперь она примирилась с королем. Первое обещание, которое ему пришлось дать, было признание и гарантия собственности и средств существования, порожденных этими преобразованиями», с. 30.

«Лишенный части своих членов, пополненный многими новыми, сенат превратился в палату пэров», с. 32.

Определение Хартии Людовика XVIII: «Король издает распоряжения и указы, необходимые для исполнения законов и для безопасности государства».

Конституция 22 фримера. § *44.* «Правительство предлагает законы и принимает меры для их исполнения».

§ *47.* «Правительство заботится о внутренней безопасности и внешней защите государства» [с. 35, прим. 1].

«Было ли... возможно, чтобы Людовик XVIII стал, так сказать, равноценным главой этого революционного мира?», с. 37.

«Король (Людовик XVIII) по сути основывал свои притязания на этот трон, ссылаясь лишь на свое наследственное право... благодаря одному этому факту все, что еще осталось от величия старого государства, стало его требованиями, о чем он никогда не забывал», с. 38. «Как, разве на свете существует только одна легитимность? Разве она должна признаваться лишь по отношению к трону? Разве она в определенном смысле не охватывает *положения, имущества* простых граждан?» [с. 38—39]. Montlosier. Monarch. franc. de la seconde restaur. 1818, p. 17 [с. 38—39, прим. 1].

«Верховная власть, содержание и гарантия всех прав», с. 39.

«*Хартия* становится предметом распрей», с. 41 (в силу того, что *эмигранты* пытаются использовать все те преимущества, которые Хартия предоставила королю, его право назначений, [законодательной] инициативы, права помилования и смягчения наказаний, а революционные интересы стараются искать поддержки у выборных учреждений).

«Будут ли ошибаться, предположив, что... в силу некой необходимости все, что походит в остальной Европе на борющиеся во Франции элементы, должно будет вести свою *борьбу также вокруг конституций?*», с. 41.

(Ранке считает — из-за неопределенности *Хартии*).

Замечание [9]. При Людовике XVIII — конституция милостью короля (октроированная Хартия короля, при Луи-

Филиппе — король милостью конституции (октроированная королевская власть). Вообще мы можем заметить, что превращение субъекта в предикат и предиката в субъект, замена определяющего определяемым, всегда составляет очередную революцию и не только со стороны революционеров. Король создает закон (старая монархия), закон — короля (новая монархия). Точно так же дело обстоит с конституцией. И с реакционерами тоже. Майорат есть закон государства. Государство хочет закона майората. Итак, превращая тем самым моменты государственной идеи в субъект, а старые формы существования государства в предикат, — в то время как в исторической действительности дело обстояло как раз наоборот: идея государства была всегда предикатом тех [старых] форм его существования, — Гегель лишь высказывает общий дух времени, его *политическую теологию*. Здесь дело обстоит точно так же, как и с его философско-религиозным пантеизмом. Все формы неразумия становятся таким образом формами разума. Но в принципе здесь определяющими моментами сделаны: в религии — разум, а в государстве — государственная идея. Эта метафизика есть метафизическое выражение реакции, для которой старый мир есть истина нового мировоззрения.

«Поистине, мы, немцы, имеем меньше всего оснований еще и углублять пустыми претензиями раздоры, вызванные в нашей нации ее особенными судьбами!», с. 581—[582]. von Savigny. Wesen und Werth der deutschen Universitäten [с. 569—592].

«Важнейшим элементом, который подготовил революцию (т. е. революцию 1830 г. в Цюрихе), был антагонизм между городом и деревней», с. 595.

«Если мы вернемся... к духу всяких коллегиальных переговоров и решений, то они предназначены для того, чтобы привести посредством обсуждения и информации к пониманию и убеждению более высокого рода, чем у отдельных лиц. Поэтому *единогласие* является целью всякого обсуждения, и если допускается *большинство голосов*, то это происходит лишь по необходимости и поскольку всякое предприятие должно иметь свой исход; но подлинная цель достигается в этом случае все же не полностью, а лишь приблизительно. Однако всякое стремление к этой цели возможно лишь при условии определенной однородности членов, которая делает возможным определенное духовное общение; там, где эта предпосылка отсутствует, возможно лишь *соединение* отдельных мнений, но не их органическое единство, которое одно только и может мыслиться в качестве цели... Если... предпринимается разделение граждан по сословиям, образу жизни, занятиям, то отдельные члены столь ограниченных групп граждан могут гораздо легче узнать и понять друг друга», с. 396. Савиньи о прусском городском устройстве [с. 389—414].

«Я все же считаю примечательным, что именно люди, глубоко размышлявшие над формами государства, без обиняков отрицали, что французская палата депутатов является *представительством.* Этому, сказал Руайе-Коллар, не соответствуют ее выборы; в них участвует не все население, и оно не выбирает ее для определенной цели с ясно выраженным поручением... Палата, продолжает он, не является представительством, она является властью; она обусловлена не предшествующим Хартии, а основанным на Хартии правом; она может выражать лишь собственное мнение; наказ ей запрещен», с. 537. «Наименование правления представительным... видимо, важное там, где это является более или менее подходящим, неверно и обманчиво у нас, если только не условиться о том, что под этим понимается лишь система правления, при которой законодательная власть разделена на три ветви и одна из них избираема». Руайе-Коллар [с. 538, прим. 1].

«В нации, которая по существу является *нацией собственников,* духовенство должно обладать собственностью, а не получать жалованье», с. 543 [прим. 1]. (Шиффле во французской палате 1815 года.)

«Мое возвращение, говорил он (Наполеон, направлявшийся с Эльбы) жителям Верхних и Нижних Альп, кладет конец вашим тревогам: оно гарантирует вам сохранение *всех видов собственности,* равенство всех классов. Эти права, которыми вы пользовались 25 лет, составляют теперь часть вашего существования», с. 54. «Счастливый гений побудил его воззвать только к великим идеям и страстям революционной Франции; индивидам утвердить их права, их собственность, целому — дать возможность пользоваться завоеванной им славой», с. 55. «Миллион чиновников... 500 000 солдат, 6 миллионов собственников, созданных революцией... это больше не французы Бурбонов», с. 56.

«Он (Наполеон), который раньше считал, что должен победить *революцию собственностью,* теперь решил не устанавливать никакого имущественного ценза для избираемости», с. 62—63.

«Если в течение всего периода *Реставрации* крупная *собственность* находится в союзе с монархией, то это, разумеется, может быть приписано естественной склонности последней к стабильным принципам, но... это происходит и оттого, что определение Дополнительного акта, не предусматривавшее имущественного ценза для избираемости, противоречило интересам собственников любой окраски в такой же степени, в какой предписания Хартии были им выгодны», с. 75.

«Наша теория гласит, что каждый народ имеет свою собственную политику. Что же хочет сказать она, эта национальная независимость... что данную нам богом природу, нашу изначальную собственность, нашу сущность мы самостоятельно формируем по тому образу, который он от нас требует», с. 91—92.

«...Между Хартией либералов и Хартией роялистов, т. е. между тем, как понимали ее одни и другие, необычайное различие... конституция — всегда компромисс между противостоящими в жизни силами... какое-то время положения самой Хартии... арена борьбы... при победе одного из элементов... конституция разрушается», с. 104.

Существенные отличия Хартии [18]30 г. от Хартии Людовика XVIII. В целом в основу первой легла Хартия, составленная в 1815 г. при Наполеоне. 1) Отказ от *октроированной* [Хартии].

2) Также от признания государственной религии. 3) Упразднение всякой цензуры. 4) 14-я статья смягчена. 5) Палатам право законодательной *инициативы* [с. 106—107].

«Правление — это воля... обязанность князей... сохранение индивидов и собственности». Avertissem. aux souverains etc. von Jouffroy. Par. 1831 [p. 117, 116].

«Слова депутата проникают дальше, чем голос писателя; все население, вся провинция, общее мнение говорит его устами; он призван выразить *политический символ». Lamartine.* Sur la polit. rationnelle. Par. 1831 [p. 119, 118].

«Общественный человек в будущем должен в глазах философа и законодателя быть тем, чем в глазах истинного христианина является отдельный человек, сыном бога... который имеет то же предназначение перед земным отцом, государством, что и перед небесным, перед богом». Там же. «Он (Ламартин) находит достойной удивления ее (централизацию), эту действенную силу, посредством которой *общественная мысль,* как только однажды она была достигнута и стала законом, в то же мгновение проникает для исполнения во все сферы управления со скоростью, регулярностью, наблюдательностью и единством; таково единство этих великих организмов, именуемых нациями». «Как видно, этот автор мыслит двояким образом. Сначала он идеализирует существующее... затем придает идеализированным властям христианскую направленность», с. 120, 121, 22.

«Все же *весьма примечательно,* что старая монархия также ничего не дает поэту; никакого исходного пункта для его легко возбудимой фантазии, никакой духовной опоры», с. 124.

«Существует роялизм чувства и роялизм разума. Первый — это род религии, он выражает полнейшую преданность; в любой день он мог бы опять стать основой средневековых учреждений», с. 132.

«Оттертые от доходов и должностей Реставрации, они (доктринеры) бросились на шею колоссу — народу, они льстили ему и возбуждали его; они имели глупость верить, что он только и будет делать, что способствовать получению ими портфелей... маскировали Реставрацию небольшой дозой синего и красного и создали клику». «Эта мнимая легитимность, что же она такое?.. Чудовищное соединение народного суверенитета и божественного права», с. 135. Lettre à M. de Chateaubriand etc. par de *Briqueville* etc. Par. 1831.

Кабе (Péril de la situation présente etc. 1831. Compte à mes commettans. Par. 1831 [с. 137]) «настаивает на полном отделении короны от правительства», с. 141 [прим. 1].

«Conséquences de la révolution du Juillet»... «Обращает внимание на противоречие, заключающееся в том, что наследственный король работает с министрами, которые фактически назначаются большинством палаты и ответственны перед ней. Ну, а если король разойдется с правительством? Он может изменить его; прекрасно; но большинство опять пошлет ему людей той же самой окраски и тех же самых воззрений. Что тогда? Должен ли он позволить им управлять? Он нарушил бы свой долг, в силу которого обладает исполнительной властью. Или отстранить их? Он в состоянии сделать это только путем насилия», с. 141 [прим. 1].

La monarchie de 1830 par Thiers. Par. 1831 [с. 144].

«Большинство палат в 1827 г. требовало, как известно, улучшений. Карл X не пошел навстречу; в противовес им он избрал правительство 8 августа».

«В этот день,— говорит Тьер,— был ясно сформулирован великий вопрос представительного правления, вопрос, который в правительствах Карла X и Луи-Филиппа установил настоящее различие между божественным и национальным правом». «Является ли король независимым от большинства палаты или нет? Может ли он избирать своих министров вне этого большинства?», с. 145, 46.

«Бывают дни, когда народ, живущий на территории в миллионы квадратных миль, имеет только одну мысль, одно единственное желание, один и тот же клич... Площадь Карусели, Ратуша, Вандомская площадь были в июле всей Францией». Тьер, цит. соч., 1-я фикция — единство страны [с. 146—147].

«Париж низверг реставрированный трон 1814 г., Париж не спрашивал совета у Франции, и Франция не требовала этого, ибо Франция и Париж в этот момент составляли единое целое. Париж, т. е. те самые люди, которые разрушили, заменили как раз то, что они разрушили». Там же [с. 147].

«Нам ежедневно повторяют, что нынешнее правительство основывается на суверенитете нации...

(это согласно Тьеру)

суверенитет большинства... советуется с нацией раз за разом в лице избирателей, депутатов, пэров, избранных ею». Там же [с. 149].

«Именно страна, только она одна и всегда обладает правом заставить умолкнуть все мнения, коль скоро она высказала свое; зрелое или незрелое это мнение становится заповедью, поскольку оно является господствующим». Казимир Перье. Заседание палаты пэров 26 декабря 1831 г. [с. 150—151].

«Похоже имеются только 2 случая [такого рода]. Или верно старое изречение «Глас народа — глас божий», и в мнении большинства выражен сам разум; тогда большинство было бы непогрешимо». «Или же оно подвержено ошибкам... тогда... оно превращается в деспота». Ранке, с. 151.

[Брошюра] «15 Septembre 1831», подписанная F. A. S. (вероятно, это Сион), переходит от *легитимности* к *законности.*— Но что такое эта законность: «Наша вчерашняя воля. Наша собственная воля, поскольку она осуществлена, противопоставляет себя нам с категоричностью судьбы. Вчера так же категорично, как нечто, что предшествовало нашему рождению», с. 152 [прим. 1].

«Стало быть, верно то, что частные различия между избирательной системой и какой-либо другой нисколько не влияют на результат и что вскоре мнение страны восторжествует, лишь бы только собрали избирателей, попросили их [избрать] депутатов и подчинились бы большинству, которое они дали. Да, каковы бы ни были избирательные комбинации, большинство — хороший суверен». Тьер, цит. соч. [с. 154, прим. 1].

«То, что страна представлена в избираемой палате... юридическая фикция. 150 000 избирателей — это не нация; имеющие право быть избранными — это не французский народ... эта парламентская Франция... фантасмагория», с. 155.

«Партия революции стремится полностью лишить средних собственников все еще имеющегося у них преобладания. Она хочет привлечь к участию в политической власти 2—3 миллиона мелких, но еще обладающих некоторой самостоятельностью собственников и предпринимателей». «Если роялисты хотят пойти еще дальше, если они считают, что политические права надо дать 6 млн. человек, то... это не притворство; они хотят дойти до владеющих мельчайшей самостоятельной собственностью, где вновь начинается влияние крупных собственников, до сельского населения... земельная аристократия», с. 156, 57.

«В то время как высшие классы, именующие себя так с глупым тщеславием, и те среди них, кто называет себя просвещенными людьми, по преимуществу людьми науки,— это правда,— но не людьми справедливости и человечности, погружены в высокие политические, конституционные, финансовые, военные, административные, полицейские размышления, величаво выступает новый порядок вещей, при котором большинство народа потребует от власть имущих и богатых отчета за долгое беззаконие, которое вместе с их *общественным положением* обеспечивало им монополию на просвещение, власть и пользование всеми радостями жизни, сделав их прирожденными авторами, исполнителями и истолкователями человеческого закона, чтобы этот закон гарантировал привилегии для них, а для народа увековечивал невежество, рабство и нищету». «De la révolution à faire d'apres l'expérience des révolutions avortées; par de Potter etc. Paris. Décembre 1831» [с. 158—159, прим. 1].

«Против аристократического *содержания* законов выступает Распайль и его приверженцы», с. 159.

4 круга:

1-й — при нынешнем праве участия в выборах... 150 000 собственников

2-й — крайней левой 2 миллиона

[круг] «Gazette» и роялистов 6 миллионов

4-й — все мужское население Франции 9 миллионов [с. 160].

«Как ни важны различия в численности... но нет никакой надежной, могущей быть определенной с достаточным основанием границы права участия в выборах. Все они покоятся на том же самом принципе... После того как однажды *высшее существо,* гарант всех прав, законные полномочия династии... принесены в жертву большинству... после того как фактически признан принцип суверенитета нации и признано самодержавие большинства... то... встали на такой путь, который благодаря присущей идеям необходимости постепенно должен привести к крайностям», с. [160—] 161.

«Когда... было сделано открытие предварительного обязательства, императивного мандата, то же самое произошло и со всей гарантией представительной системы, заключающейся во *взаимодействии* различных властей», с. 169. Salvandy. Seize mois. Par. 1831 [с. 165].

Лингард. История Англии.

I т. «Вергельд... законодательно установленная цена жизни [*человека*]*»*, с. 428.

II том.

Вильгельм Первый.

«Англия представляла своеобразное зрелище [соединения] коренных жителей с чужеземным правителем, с чуждой иерархией

и чуждым дворянством», с. 49. «Почти все, занимающие высокие должности, норманны», с. 50.

«Англичанин был лишен большей части своих владений с тем, чтобы сохранить хотя бы кое-что, да и то не в качестве подлинного собственника, а в качестве вассала человека, который обошелся с ним несправедливо», с. 51.

«Король стал первым земельным собственником в королевстве», с. 52. Вильгельм сделал графское достоинство наследственным в одной и той же семье, с. 53. «Норманнские дворяне столь же расточительны, сколь и алчны. Их тщеславию льстили большая численность и богатство их слуг». Там же. «Не только непосредственные вассалы короны, но и субвассалы являлись чужеземцами, а коренные жители, которым оставили их земельные владения, постепенно опускались в самые низшие классы народа», с. 54.

«*Введение рыцарских ленов*... Каждый прямой вассал [короля] обязан всегда иметь наготове определенное число рыцарей или конных воинов, которые могли бы сражаться под его знаменем и повиноваться повелениям своего сюзерена», с. [54—]55. «Каждый вассал по требованию короля [должен] выставить определенное количество рыцарей и содержать их в походе в течение 40 дней». Там же. «Непосредственные вассалы подражали своему сюзерену, требуя от своих ленников такой же добровольной службы», с. 56. «Таким образом, каждое крупное поместье... во владении королевского вассала или субвассала... делилось на 2 неравные части. Одну землевладелец... для себя под названием своего *домена;* часть его возделывали крепостные [этого магната], другую [он] сдавал в аренду, предоставляя различным съемщикам, обязанным ему иными повинностями, чем воинская служба; вторую же половину он делил на части, *рыцарские лены,* передавал их под условием, что они обязаны по его требованию нести воинскую службу на коне в течение положенного по обычаю срока», с. [56—] 57. «При этой передаче лена субвассалам... каждый землевладелец руководствовался *исключительно* собственным усмотрением или прихотью», с. 57. Кроме воинской службы, вассал [выполнял] еще множество обязательств:

1) *Клятва верности и почитания*... Вильгельм обязал всех свободных жителей, проживавших на землях его непосредственных вассалов, принести клятву верности ему самому. Собственные вассалы короля клялись ему в верности против любого человека; субвассалы клялись в верности последним [своим сюзеренам] против всякого, кроме короля и его наследников с. [58—] 59.

2) Обязанные воинской службой вассалы короны... [должны были] *являться ко двору* во время 3-х больших праздников; [они обязаны были] также являться по призыву и в других случаях... На этих собраниях [происходило] обсуждение государственных дел, составление и изменение законов [это был] верховный суд королевства... *Бароны короля;* в своей совокупности [составляли] *баронство* Англии; их лены... *баронии*... Постепенно мелкие баронии делились вследствие браков и дробления между наследниками, бедность владельцев заставляла их по собственной воле отсутствовать на собраниях собратьев по сословию. При Иоанне [Безземельном] вводится различие между мелкими и крупными баронами; поскольку только последние продолжали пользоваться

привилегиями баронов, постольку в конце концов лишь к ним стали относить этот титул, с. [59—] 60.

3) *Возвращение* [*ленов сюзерену*]... Лены, созданные Вильгельмом и его преемниками, были предоставлены вассалам и их наследникам, рожденным в законном браке, на вечные времена. Два случая возвращения ленов сюзеренам: α) прекращение рода первого держателя лена из-за отсутствия наследников; β) невыполнение вассальных обязанностей или измена данного вассала. В каждое графство короной назначался чиновник для обеспечения ее прав и безотлагательного изъятия в ее собственность всех выморочных имений [с. 61—62].

4) *Выкуп* [Relief]. Когда наследник вступал во владение леном, он обязан был уплатить сюзерену определенную сумму, называвшуюся у саксов *гериот*, у норманнов — *рельеф*. Вильгельм [при получении выкупа] довольствовался частью лошадей, оружия, собак и соколов умершего. Жадность [преемников Вильгельма] привела к тому, что вновь были установлены денежные рельефы. Последующие короли вымогали чудовищные суммы [с. 62—63].

5) [*Феодальная*] *подмога*. Вильгельм торжественно обещал, что его вассалы будут нести лишь твердо установленную *вассальную службу*. Феодальные юристы установили 4 случая, когда сюзерен, опираясь на свои суверенные права, мог претендовать на денежные вспомоществования со стороны своих вассалов: α) когда он выплачивает рельеф за свой лен; β) посвящает своего старшего сына в рыцари; γ) выдает свою старшую дочь замуж; δ) находится на положении пленника в руках врага. Вассалы короны требовали права — и обычно осуществляли [это] право — определять размер такой подмоги, что король предоставлял их великодушию, собирать ее по своему усмотрению либо путем взиманий с рыцарских ленов, либо путем добровольной уступки части движимого имущества каждого индивида [с. 63—64].

6) *Порядок наследования*. Приобретенное посредством купли, нажитое рачительностью [или] полученное по чьей-либо милости оставалось в распоряжении сюзерена, *лен* же не мог быть ни передан по завещанию, ни подарен, ни продан. Ближайший наследник получал все и должен был выполнять первоначально обусловленную службу. Несомненное наследственное право старшего сына. Сомнение в том, переходит ли лен после смерти второго [владельца] к его сыну или же брату. Отсюда перерывы в наследовании престола по прямой линии [с. 64—65].

7) *Опека*. Если наследник [был] несовершеннолетним, сюзерен тотчас вступал во владение [его поместьем] и присваивал доход в свою пользу или отдавал его какому-нибудь фавориту, или сдавал поместье в аренду. Он отрывал наследника от матери и родичей и брал его под свою собственную опеку [с. 65—66].

8) *Браки*. Часто наследники — женщины. Отец не может выдать ее замуж без согласия сюзерена. Если отец умирает, сюзерен — опекун, он вынуждал ее по достижении 15-летнего возраста выходить замуж по его выбору или, если он разрешал ей остаться незамужней, то, оставаясь опекуном, мог помешать ее браку без его согласия. После ее замужества супруг осуществлял все [феодальные] права жены, приносил вместо нее клятву верности и выполнял традиционные повинности. *Предлог* для такого порядка: забота об интересах сюзерена, чей лен в противном случае мог бы попасть во владение к неспособному или не склонному

[распоряжаться им] человеку; *алчность* [сюзерена] превращала наследницу [феода] в постоянный источник дохода, поскольку сюзерен продавал право жениться на [богатой] наследнице тому, кто предлагал больше всего [с. 66—67].

«Великий совет едва ли включал хотя бы одного представителя коренного населения; он, как и раньше, продолжал состоять только из знатных землевладельцев, непосредственных вассалов короны; этот совет собирался в одно и то же определенное время, осуществлял судебную и законодательную власть», с. 71.

Доходы короля: 1) Поступления от коронных имений. 2) Денежные средства, поступавшие в виде рельефов [выкупных сумм] от обязанных нести воинскую службу вассалов, как подмога — суммы с поместий, состоявших под опекой, и [вымогавшиеся путем] выдачи замуж наследниц. 3) Возврат лена сюзерену и потеря имущественных прав. 4) Сборы с ведущих тяжбу за право разрешить ее в королевском суде, положенные по закону денежные штрафы и штрафы, устанавливаемые по усмотрению штрафующего. 5) Мостовые и рыночные налоги, пошлины на товары, вывозимые и ввозимые купцами, сборы, подати, талья (tallage) с жителей местечек и сел. 6) Вильгельм возобновил взимание *датских денег,* с. [73—]74.

Генрих I. При вступлении на трон (1100) —

Хартия вольностей [с. 132—134]:

1) Возвращение церкви ее старых привилегий. 2) *Дозволение* вассалам выдавать замуж дочерей, ничего не выплачивая за это и т. д. и т. д. 3) Для страны в целом, в соответствии с законами Эдуарда Исповедника, как это было объявлено его [Вильгельма I Завоевателя] отцом, освобождение вассальных вотчин от датских денег. Отмена штрафов и т. д. ...с. [134—]135.

Purveyance. (Бесплатные поставки всего необходимого для содержания королевского двора [прим. (a)]). Во время поездок короля за ним всегда следовало множество прелатов, баронов, чиновников, вереница слуг — поездка двора = нашествию вражеского войска: вследствие опустошений, совершавшихся свитой короля. Врывались в дома съемщиков и крестьян, жили на их счет, жгли и портили то, что не могли сожрать. Жители видели, как растаскивают их зерно и скот, на их глазах позорят жен и дочерей, а если они осмеливались возражать, их дома предавали огню, самих калечили и карали смертью. Приближение короля было знаком для жителей прятать пожитки и бежать в леса. Генрих I учредил судебную комиссию, карал подобные преступления [с. 170—]171. При Генрихе дичь заполонила всю страну [с. 198].

Стефан (1135—1154) [с. 197, 232].

Никогда со времени нашествия датчан Англия не являла собой столь бедственной картины. «Христианские рыцари похвалялись жестокостями, которые опозорили бы их языческих предков», с. 232. Грабежи, поджоги, Вустер, Ноттингем вместе с большей частью их жителей преданы огню [с. 232—233].

Главная причина этих бедствий: *замки.* Наряду с теми, которые существовали ко времени вступления Стефана на престол, в его царствование их было возведено 126. «Находясь в безопасности за их стенами и рвами, их владельцы считали себя свободными от всех ограничений, налагаемых справедливостью и законами. Они грабили близлежащие земли, уводили жителей и бросали наиболее достопочтенных из своих пленников в темницу. Здесь при-

менялись все виды пыток, чтобы [таким путем] заставить истязаемых уплатить огромный выкуп либо выведать, где спрятано их имущество», с. 233.

«Одних подвешивали за ноги над огнем, других — за большие пальцы рук и жгли ступни раскаленными металлическими пластинками. Излюбленными способами пыток были голод и жажда, веревка с узлами, которая туго затягивалась вокруг головы, или втискивание в большой сундук, на дне которого лежали раздробленные камни», с. 233.

Генрих II (1154—1189) [с. 236, 238] вводит много улучшений. Разрушает замки. «Он изгнал из королевства графа Ноттингемского», вообще преследовал крупных сеньоров. «Он ревниво относился ко всякой власти, которая исходила не от него и не была подчинена его воле. Его гордость тешило, когда он унижал своих самых надменных вассалов и притеснял могущественнейшие семьи. Он ограничивал их привилегии, дробил их владения и выдавал замуж их наследниц за лиц более низкого сословия», с. 245.

Королевская курия — «высший суд в королевстве... суд короля... В нем заседали прелаты, графы, бароны и наиболее знатные чины королевского двора... Здесь... непосредственных вассалов короля судили равные им по сословию... Этот суд... в высшей степени подлое орудие подавления в руках мстительного властителя», с. 350, 51. Разъездные судьи... Генрих прежде всего и главным образом имел в виду свою собственную выгоду, с. 353. Охота — главное развлечение норманнских королей... в каждой части королевства отводились леса... о сохранении дичи заботились больше, чем о жизни подданных... *Суд главного лесничего* (Chief Foresters)... кровавый трибунал... малейшие проступки карались выкалыванием глаза или потерей одного из членов тела... Генрих ввел вместо этого денежные штрафы и тюремное заключение, с. 353.

У короля покупались грамоты об изъятии из сферы юрисдикции обычных [феодальных] судов, продажность судей [с. 357—358].

Все правосудие — предмет королевских спекуляций.

Ричард I (1189—1199) [с. 384, 436].

«Его лавры обагрены кровью, его победы куплены обнищанием народа... низменные средства для добывания денег — несправедливости», с. 437. Ввел в королевстве единые меру и вес. Смягчил береговое право [с. 437].

III том.

Иоанн Безземельный (1199—1216) [с. 3, 80].

Хартия вольностей [с. 55].

1) *Английская церковь.* Полное и беспрепятственное пользование привилегиями [с. 56].

2) Рельефы, [условия] опеки, бракосочетаний знатных лиц были смягчены, сделаны менее тягостными [с. 56—59].

3) Право короля на подмогу вновь ограничено, как встарь, 3 случаями. Для того чтобы ее получать, нужно, помимо прочего, согласие *Великого совета* (вассалов короны). Его члены: архиепископы, епископы, аббаты, графы, старшие бароны. Этот Великий совет... вассалов созывался только, чтобы одобрять взимание денег [с. 58].

4) *Гражданская судебная палата,* «что гражданские тяжбы не должны следовать за королевской особой, но должны разбираться

в каком-нибудь определенном месте». Судебная палата в Вестминстере [с. 59].

5) Никто без достаточного знания юриспруденции [не может стать] судьей, констеблем, шерифом или чиновником; 4 раза в год в каждое графство посылаются 2 судьи, чтобы с привлечением 4 рыцарей, избранных на [сотенных] собраниях в графстве, разбирать иски по *ассизам* о последнем представлении на приход (расследование, кто в какой-либо церкви последний раз представлял священника), о смерти предшественника (владел ли последний вотчинник своим земельным наделом как феодом или как доменом) и о новом захвате (был ли кто-либо незаконно лишен своего свободного лена).

6) Король «никому не будет продавать права и справедливости, никому не будет отказывать в них или замедлять их» [с. 60].

«Ни один свободный человек не будет арестован или брошен в тюрьму, лишен своих земельных владений или ему каким-либо иным способом не будет насильственно причинен ущерб без законного приговора пэров или по законам страны». «Графы и бароны будут подвергаться денежным штрафам не иначе, как по приговору людей равного с ними звания и сообразно роду проступка; свободные люди не будут облагаться за малые проступки большими, а за более серьезные — чрезмерными денежными штрафами; [притом] всегда будут оставляться леннику его лен, купцу — его товары, крестьянину — его инвентарь; денежные штрафы должны налагаться правомочными, приведенными к присяге людьми из [данной] местности» [с. 61, 62].

7) Ограничение Purveyance.

8) Столице и всем другим городам, местечкам и портам подтверждаются их древние вольности и свободные обычаи как на суше, так и на воде; единые мера и вес [с. 62].

9) Свобода выезда из королевства.

10) *Смягчение* суровых лесных законов и наказаний, связанных с их нарушением [с. 63].

11) Субвассалы. «Все вольности и привилегии, которые король предоставил своим вассалам, предоставлены также клирикам и мирянам, насколько это их касается по отношению к их вассалам». О крепостных, все еще [составляющих] один из самых многочисленных классов, никакого упоминания.

12) Временные постановления, в том числе о возвращении баронам их замков и т. д. [с. 64].

Генрих III (1216—1272) [с. 83, 182].

Подтверждение Великой хартии. Пересмотр Хартии вольностей: сокращена с 61 до 42 статей.

1) Вычеркнуты все положения, представляющие лишь преходящий интерес и касающиеся в чисто личном плане короля и его противников [с. 85].

2) Опущены многие статьи, которые по видимости нарушали традиционные права короны, например, касающиеся феодальной подмоги, злоупотреблений, связанных с применением лесных законов, [нарушением] свободы выезда из королевства и т. д.

3) Некоторые улучшения, касающиеся знати, права на purveyance и [уплаты] королевских долгов [с. 85—86].

В *1218 г.* 2-е подтверждение Великой хартии вольностей с новыми изменениями.

Лесная хартия. Смягчение королевских лесных законов [с. 92—93].

В 1225 г. повторное подтверждение Хартии вольностей. Главным образом относительно знати [с. 98—99].

В 1258 г. бешеный парламент. Бароны явились вооруженными в сопровождении своих обязанных воинской службой ленников, избирается состоящий из 15 баронов Государственный совет. Смещение многих королевских чиновников. Решения комиссии [24 баронов]:

1) В каждом графстве ленниками избираются 4 рыцаря, чтобы расследовать нарушения, совершенные в графстве королевскими чиновниками и т. д., и доложить об этом парламенту.

2) Каждый год ленники избирают нового шерифа графства.

3) Все шерифы, равно как и казначей, канцлер, верховный судья, должны ежегодно составлять отчет.

4) Чтобы совет баронов собирался 3 раза в год, в начале февраля, июня и октября. «Они, однако, позаботились о том, чтобы эти собрания состояли только из их сторонников. Под предлогом избавления остальных членов [Великого совета] от расходов и тягот, [сопряженных со] столь частыми поездками, 12 баронов назначили себя представителями совета, т. е. всех графов, баронов и вассалов короны; было постановлено: то, что решат эти 12 вместе с Государственным советом, должно рассматриваться как решение всех», с. [140, 141], 142, 43.

Медлительность в осуществлении государственной реформы [с. 145].

«Подлинной причиной затяжки было... то, что главарям партии не хотелось уступать узурпированную ими власть. Они делили находившиеся в распоряжении короны доходные места и должности среди своих сторонников, удерживали бо́льшую часть королевских доходов и делили между собой доход от возврата ленов сюзеренам, от опекунства и от мзды за вступление вассалов короны в брачные союзы», с. 145, 46.

«Они (результаты реформы) обманули надежды нации, возбудили всеобщее желание изъять суверенную власть у горстки буйных баронов и передать ее тому, кому она принадлежала по законам», с. 147.

При Генрихе много полезного, так что бунт баронов не способствовал благу страны [с. 183—184].

Парламентское устройство.

1) Первоначально парламент состоял из *непосредственных вассалов* [короля]. Для введения налогов и изменения законов и установлений необходимо их согласие. Вскоре [возникло] различие между старшими и младшими баронами. «Первые... из-за своих крупных земельных владений... весьма заинтересованы во всех законодательных актах... Их влияние столь сильно, что королевская власть была *не в состоянии* без их содействия провести в жизнь какой-нибудь закон. Поэтому их присутствие в Великом совете стало обязанностью, а всякое неоправданное отсутствие — наказуемым как нарушение подобающей им верности короне». «Согласие младших баронов подразумевалось в согласии старших, при их имущественном положении им было обременительно и дорого присутствовать на собрании». «Поэтому Великий совет обычно... [состоял] из епископов, аббатов, графов, баронов, судей, высших государственных сановников, рыцарей — королевских васса-

лов из близлежащих мест». «Если же речь шла о благе государства и [оказании] экстраординарной подмоги, то король созывал всех своих непосредственных вассалов; в прежние времена, вероятно, каждого [приглашали] персонально, затем [стали приглашать] только старших баронов посредством особо направляемого им письма, остальных — общим повелением, [обращенным к] вассалам каждого графства» [с. 185—189].

2) Только непосредственные вассалы короны [имели] персональное право заседать в парламенте, однако уже до 1265 г. были случаи, когда приглашали *представителей графств* (рыцарей графств). Средство давать отпор *своекорыстному* изображению действительного положения дел в государстве его баронами и высшими сановниками. Таким образом, если он [король] желал точно разузнать о своих собственных правах либо о лихоимстве своих чиновников, то он обычно наделял комиссию из рыцарей — либо назначенных им самим, либо избранных на собрании графства,— существовавшую в каждом графстве, полномочиями направляться из одной сотни в другую, проводить расследования под присягой и представлять их результат ему в Совете или парламенте... Итак, существовал старый обычай выбирать рыцарей, чтобы они занимались делами графства. Они собирали налоги и обращались к королю со своими жалобами... Оставался только один маленький шаг, чтобы ввести их в Великий совет в качестве представителей их избирателей с полномочиями вотировать налоги и просить о помощи в решении их жалоб, единственные функции, которые палата общин еще долгое время после своего основания осмеливалась осуществлять. Рыцари графств, став членами парламента, получали то же самое вознаграждение, что и раньше. А именно, они получали — сперва после доклада королю, позднее по окончании [сессии] парламента — грамоту, адресованную шерифу, в которой ему предписывалось возместить суммы, затраченные ими в течение указанного числа дней на дорогу туда и обратно и на пребывание [на сессии], и возложить эти расходы на графство. Пэры присутствовали [в парламенте] в силу своих собственных прав, а потому и за свой счет; рыцари же были только уполномоченными других и поэтому требовали возмещения своих расходов за счет тех, чьими делами они занимались [с. 189—191].

Старейшее предписание о приглашении в парламент представителей графств относится к 1213 г., 15-му году царствования Иоанна [Безземельного]. Каждое сословие вотировало [само] за себя и [притом] столько денег, сколько оно хотело дать, без вмешательства других. Избирательное право принадлежало всем ленникам в целом, независимо от того, были ли они ленниками короля или меньшего сюзерена, были ли они обязаны ему за лен воинской службой или другими услугами, которые выполняли свободные люди [с. 191, 193, 195].

3) До правления [эрла] Лестерского (при Генрихе III) горожан не приглашали. В течение 2-х столетий благосостояние и население городов и местечек возросли. Используя обнищание своих господ, города постепенно приобрели ценнейшие привилегии. Вместо личного выполнения повинностей они платили теперь *общую* подать; их гильдии были санкционированы охранными грамотами; они добились права проводить ярмарки, взимать пошлины, избирать свои власти и устанавливать для себя законы. Они были в состоянии предоставлять деньги и людей; и явно в интересах

короны было завоевать их на свою сторону, облегчив их тяготы и проявив внимание к их просьбам. В прежние времена король, получая подмогу от своих вассалов, налагал на свои местечки подать, которая взималась согласно произвольной оценке движимого имущества каждого отдельного лица... Они [горожане] часто предлагали вместо подати значительную сумму под видом подарка, которую в случае согласия короля их власти сами разверстывали и передавали. Сумма эта была столь велика, что давала им право самим облагать себя налогами, и коль скоро новшество было введено... то обычаям нации более соответствовало, чтобы новая привилегия осуществлялась собранием депутатов, чем чтобы она подвергалась разнообразному обсуждению столь многочисленных отдельных общин... польза этого была признана преемниками Генриха, который в последние годы своего царствования регулярно приглашал в парламент представителей городов и местечек так же, как и представителей графств [с. 195—197].

4) *Представителей низшего духовенства,* чтобы вытянуть деньги. Для этого сбор денег на *конвокациях* (собраниях духовенства каждого архиепископства).

Ответ графов и баронов на предложение духовенства относительно одного вопроса, касающегося внебрачных детей: «Мы не хотим изменять старые и испытанные английские законы» [с. 197—201].

Эдуард I (1274—1307) [с. 219, 325].

«Многие улучшения английского государственного устройства обязаны [своим происхождением] не столько просвещенной политике, сколько своекорыстным намерениям», с. 286. «В отроческий период ленной системы воин был всем, а купец и ремесленник — ничем. Но по мере успехов цивилизации последние классы постепенно набирали силу [Vermögen]; поэтому они приобрели влияние, и в гражданских войнах предшествовавшего царствования обе стороны считали помощь городов столь же ценной, сколь и поддержку могущественнейших баронов» [с. 286].

В 1283 г. во время войны в Уэльсе Эдуард... чтобы получить средства от менее состоятельных людей, созвал парламент, состоявший только из двух сословий, духовенства и общин. Первые должны были собраться обычным путем; последние — так, чтобы от каждого графства посылались 4 рыцаря и от каждого города, местечка и торгового пункта — 2 представителя. Ради их удобства они были разделены на 3 группы: духовенство и общины графств, расположенных южнее реки Трент, собирались в Нортгемптоне, представители северных графств — в Йорке, представители епископства Даремского — в Дареме. Все 3 [собрания] открывали комиссары короля. Разделение парламента на обособленные корпорации не создавало неудобств, ибо каждому из них оставалось лишь санкционировать налог от имени тех, кого она представляла. Спустя 8 месяцев по окончании войны, король опять созвал парламент, но число городов и местечек, которые посылали депутатов, было ограничено 20, и извещения о созыве были посланы уже не шерифам графств, а мэрам, судьям [Amtleute] и достопочтенным людям этих городов и местечек... В 1295 г. приглашения были направлены не менее чем в 120 населенных пунктов, некоторые из них были слишком бедны, чтобы оплатить расходы своего депутата, и потому были освобождены от столь обременительной чести. У короля имелись основания быть довольным этой пробой;

если бароны и рыцари графств вотировали сумму в размере каждого 11-го пфеннига [стоимости] их движимого имущества, то новые члены парламента давали каждый 7-й пфенниг; этот случай был слишком важен для будущего, чтобы не воспользоваться им в дальнейшем; с этого времени представителей городов и местечек созывали регулярно, и их ассигнования обычно превышали ассигнования высших сословий на $^1/_3$, как если бы это соотношение было уже установлено. Такова, собственно, и была подлинная причина того, почему их приглашали; люди их сословия не обладали знанием государственных дел, и их иногда распускали, в то время как пэры еще продолжали свои заседания... Польза от их присутствия в том, что они могли советоваться друг с другом о своих трудностях и ставить короля в известность об этом, и, как правило, они связывали ассигнование средств с просьбами о помощи, с. 287—89.

В 1297 г. поведение мятежного парламента заставило принца (сына Эдуарда) добавить в Хартию: «Отныне ни налог, ни вспомоществование не будут впредь налагаться или взиматься нами или нашими наследниками без воли и общего согласия прелатов, графов, баронов, рыцарей, горожан и других свободных людей в королевстве нашем», с. 301.

Введены *мировые судьи;* до этого *хранители мира.*

«Закон, который лишал ленника права распоряжаться своими землями и предписывал, что земли должны наследоваться соответственно изначальному наделению леном и в случае отсутствия прямых наследников возвращаться сюзерену или его наследникам. Цель этого закона — защита прав сюзерена; его последствия... сохранение земельной собственности в руках одной и той же семьи, поскольку владелец был лишен права отчуждать землю», с. 313, 14.

«В начале царствования Эдуарда каждый, кто владел наследственным, свободным леном, мог превратить свое владение в поместье с манориальным судом, привилегиями и иммунитетами, подарив или продав часть владения 2 или более лицам с тем, чтобы те на вечные времена были обязаны ему [какой-либо] свободной или воинской службой за себя и своих наследников на правах ленного держания. Беспорядочное увеличение числа поместий путем создания этих вторичных держаний; крупные бароны оказывались лишенными к выгоде более мелких ленников доходов от выморочных держаний, рельефов, опек, которые по условиям держания принадлежали непосредственному сюзерену. Повторяющиеся жалобы вызвали на 18-м году царствования Эдуарда принятие закона, который запрещал создание новых маноров и предписывал, чтобы впредь при всех передачах земель в ленное держание или их продажах новые вассалы держали эту землю не от того, от кого они ее получили или у кого купили, а от соответствующего верховного сюзерена. Отсюда вытекало, что отныне не будут допускаться притязания на сеньориальные права, которые не существовали до 1290 года», с. 314, 15.

Тщетно пытались запретить отчуждения в пользу корпораций, поскольку сеньор — *ведь корпорации не являлись смертными* — терял право на рельефы и т. д. [с. 315].

Эдуард II (1307—1327) [с. 327, 399].

1309. Петиция общин, в которой они выражали пожелание, чтобы их жалобы удовлетворялись до вотирования налогов [с. 332].

1310. Бароны являются в парламент в Вестминстере вооруженными. [Создается] комиссия пэров (ордоннаторов) для приведения в порядок дел королевского двора и устранения тягот нации [с. 336].

1311. Реформационные статьи: 6 первых касались прав церкви, общественной безопасности, уплаты королевских долгов, сдачи в аренду сбора пошлин, соблюдения Великой хартии вольностей. Без согласия баронов король не мог ни покинуть страну, ни начать войну; в случае же его отсутствия бароны, собравшиеся в парламенте, должны были избрать регента. Отмена новых налогов на шерсть, полотно, вино и т. д. Все важные королевские чиновники и т. д. должны были избираться с привлечением и при согласии собиравшихся в парламенте лиц и т. д. и т. д. Наконец, чтобы избежать проволочек в обеспечении правосудия, парламент должен был собираться один раз в год, а в случае нужды и более часто, с. 336—338. «Среди этих статей некоторые затрагивали законные права короны, другие (против Гейвстоуна, Генриха Бомона) были внесены из личной мести», с. 336.

В 1322 г. Эдуард собирает парламент в Йорке. *Постановления*

(упомянутые выше)

подверглись строгой проверке. «Каждая мера, предложенная от имени короны, проходила без сопротивления». Было постановлено, «что любое предложение, выдвинутое подданными короля, безотносительно к их полномочиям, считается недействительным... если оно задевает права суверена, и что все законы «о положении короля или королевства и народа в парламенте должны обсуждаться, утверждаться и вводиться в действие королем в согласии с прелатами, графами, баронами и всеми сословиями королевства»», с. 378.

В 1327 г. Эдуард низложен (его сын провозглашен королем) и убит [с. 396, 399—401].

4-й том. Эдуард III (1327—1377) [с. 4, 127].

В 1370 г. «кровавая баня в Лиможе — позорное пятно на его (т. е. Черного принца) совести. Как и тысячи других подобных случаев, это доказывает, что рыцарство оказало на цивилизацию рода человеческого меньше влияния, чем ему подчас приписывается. Правда, рыцарство придало храбрости внешнюю привлекательность, установило законы галантности и выработало — часто неверные — принципы чести; но бурные страсти и мстительность были ему неподвластны, и совершеннейшие рыцари той эпохи проявляли нередко такую грубость духа, которая была бы достойна их варварских предков в 6-м веке», с. 119.

Лингард замечает в сноске к этому месту:

«Можно добавить, что рыцарство породило и питало глубокое презрение к другим сословиям. Черный рыцарь подарил жизнь *рыцарям*, защищавшим от него Лимож; не столь благородную кровь горожан, 3000 мужчин, женщин и детей, он пролил с удовольствием» [с. 119—120].

«Войны Эдуарда имели благотворные последствия. Ввергнув короля в долги, они сделали его зависимым от народа, который горько сетовал на увеличивающееся бремя налогов, но благодаря

временным денежным жертвам обеспечил себе и своим потомкам непреходящие преимущества» [с. 129].

1) *Пресечение злоупотреблений* [с. 129].

Ограничение беззаконий и поборов, связанных с purveyance. Осуществление правосудия избавлено от наиболее вопиющих злоупотреблений [с. 131].

В 1351 г. в так называемом благословенном парламенте прошел *статут об измене.* Под изменой подразумевались 7 видов преступлений: преднамеренное и задуманное убийство короля, или королевы, или их старшего сына и наследника; нанесение бесчестия королеве, супруге старшего сына и наследника короля и старшей дочери короля, пока она не вступила в брак и т. д. [с. 133—134].

2) *Парламент.* Во время царствования Эдуарда парламент созывался 70 раз. Полный парламент состоял из 3 сословий: духовенства, лордов и общин [с. 135—136].

α) *Духовенство* (кроме высокопоставленных прелатов) собиралось на конвокации в отдельном месте, так что вскоре под парламентом стали понимать только два других сословия [с. 136—137].

β) *Лорды* (знать страны): 1) все, кто получил лен от короля в качестве барона и чьи предки или предшественники постоянно приглашались в парламент. Это церковные и светские пэры; 2) богатые влиятельные сеньоры, которых король приглашал по своему выбору на определенную сессию парламента [с. 137].

γ) *Общины.* Два класса: 1) Рыцари графств. Всегда на стороне народа. Избирались на собраниях графств. Позднее король и лорды вмешивались в выборы. 2) *Жители городов и местечек.* Их число менялось каждый год; небольшие городки по усмотрению шерифов то приглашались, то их обходили. «Этот класс членов [парламента], состоявший исключительно из купцов и ремесленников, был для аристократов объектом презрения. Однако он [класс] был достаточно умен, чтобы делать общее дело вместе с рыцарями... через несколько лет слился с ними», с. [138—]139.

«Так как ассигнования, просьбы и интересы сословий были различны, то они обсуждали вопросы раздельно... Духовенство ограничивалось тем, что касалось церкви; лорды представляли высшие государственные интересы; общины занимались делами торговли и промышленности. Много времени прошло, прежде чем король запросил мнение общин, и когда Эдуард, наконец, снизошел до этого, то он поступил так лишь для того, чтобы иметь предлог потребовать от них денег. Они, заметил он, не могут отказать ему в осуществлении планов, относительно которых он с ними советуется... В 1347 г. он запросил их мнение и получил следующий ответ:

«Державный государь, мы настолько невежественны и простодушны в том, что касается Вашей войны и Вашего войска, что не можем советовать Вам что-либо. Поэтому мы, Ваша светлость и милость, просим извинить нас и с привлечением великих и мудрых из Вашего Совета постановить то, что подобает чести Вашей и Вашего королевства; и что будет таким образом постановлено согласно Вашему и упомянутых знатных господ усмотрению и согласию, то мы и одобрим и будем исполнять как закон», с. 142, 43.

«Закон был следствием королевской воли, высказанной в ответ на просьбу подданных», с. 143.

«Ни одно сословие не было связано против своей воли законом, принятым по просьбе других... чтобы петиция одного из сос-

ловий могла как-то повлиять на все сословия, было необходимо их согласие», с. 143, 44.

«Этот принцип... главное оружие общин.» «Они настолько преуспели в этом, что наконец заявили, что все распоряжения (касающиеся налогов и т. д.), принятые без одобрения всего парламента, должны рассматриваться как противоречащие вольностям страны», с. 144.

«Король, довольный полученным налогом, распустил парламент и мало беспокоился о петициях, которые он удовлетворил». Таким образом, выполнение законов было весьма сомнительным.

«Общины в силу их положения в гражданской жизни лучше всего знали потребности и нужды нации; и в то время как они занимались составлением новых законов и просили об исполнении старых, лорды по старому обычаю занимались своими рыцарскими обязанностями, улаживали конфликты тех, кто принадлежал к их среде, и т. д.», с. 146.

Ричард II (1377—1399) [с. 188, 310].

Общины добились того, что 2 горожанина были назначены казначеями, чтобы принимать деньги, поступающие в счет новых налогов (две десятых от городов и две [пятнадцатых] от графств), и использовать их исключительно на военные нужды [с. 194].

В *1378 г.* общины попросили дать возможность ознакомиться со счетами казначея. Им было разрешено это в знак милости, но не по праву. Попросили копию реестра, касающегося [сбора] десятых и пятнадцатых [частей,] чтобы выяснить, как они взимались; им разрешено, но не потому, что они просили, а потому, что так угодно королю; наконец они потребовали, чтобы в их палату были направлены 6 пэров и 6 прелатов для помощи им советами; лорды ответили отрицательно и заявили, что хотят остаться верными старому обычаю назначения комиссии для обсуждения вопросов с комиссией другой палаты, с. [196—]197.

Генрих IV (1399—1413) [с. 318, 365].

Сильно поднялось значение палаты общин; ее расследования распространились на все сферы государственного управления [с. 365—366].

1) Защита выборов рыцарей от графств против произвола шерифов.

2) Освобождение от ареста [членов парламента] вместе с их слугами.

3) Свобода дебатов.

4) В первый год правления Генриха примас заявил от имени короля: общины, как они это признают и сами, являются не более, чем ходатаями, судьями же в парламенте выступают только король и лорды. Однако для общего блага королевства король может получить совет и одобрение общин как при издании законов, так и при ассигнованиях денег, [предоставлении] субсидий и тому подобное. Благодаря многочисленным ходатайствам, общины, наконец, добились того, чтобы во избежание ошибок регистрация (постановлений и законов) происходила в присутствии депутаций обеих палат [с. 366—371].

При Генрихе они получили право предлагать предварительную смету на текущий год; они, как правило, определяли, на что будут израсходованы деньги. Формула: «Деньги ассигнуются общинами с одобрения лордов» [с. 373, 375].

5-й том.

Генрих V (1413—1432) [с. 3, 57].

Подтверждение права общин, согласно которому без их одобрения ни один закон не вступает в силу. Генрих предложил им на рассмотрение и утверждение договор, заключенный им с императором Сигизмундом [с. 61].

Генрих VI (1422—1461, когда он был низложен) [с. 68, 191—192].

Пэры утвердили за собой право: для выполнения функций королевской власти в случае малолетства или слабоумия царствующего монарха (без участия 3-х сословий король не может назначать правителей на время малолетства своего наследника) они (пэры) назначали высших государственных чиновников и членов Совета и уполномочивали их решать текущие дела управления, но возвращали себе эти полномочия всякий раз, когда они сами заседали в парламенте или Великом Совете... В случае споров о престолонаследии притязания обеих сторон излагались палате лордов... В тех случаях, когда требовалось решение парламента, общины давали лишь свое согласие [с. 192—193].

Общины продолжали вотировать субсидии и определять их использование; издание законов требовало их содействия; они обладали правом предъявлять обвинения высшим государственным сановникам. Впредь право голоса при выборах рыцарей по графствам имели только те, кто владел леном, приносящим не менее 40 шиллингов ежегодного дохода за вычетом всех налогов; никто не мог быть выбран, не будучи рыцарем, уважаемым оруженосцем у рыцаря либо урожденным дворянином, который может стать рыцарем [с. 194—195].

Эдуард IV (1461—1483) [с. 199, 268].

Эдуард V (1483 — протекторат Ричарда) [с. 274, 278].

Ричард III (1483—1485) [с. 290, 311].

Генрих VII (1485—1509) [с. 311, 390]. В своем первом парламенте издал статут против раздачи ливрей [с. 389]. *Содержания.* (Сообщество лиц, находившихся под главенством общего начальника, ливреи и герб которого они носили и по отношению к которому они клятвенно обязались решать его личные конфликты и конфликты членов этого сообщества при помощи силы.) [с. 337].

VI том.

Генрих VIII (1509—1547) [с. 5, 399].

«Еще до смерти *Генриха* король Англии стал деспотом, а народ — толпой рабов», с. 403.

«Не говоря уже об Англии, где народы всегда были более свободными при владычестве королей, но и вообще ни в одном христианском королевстве никогда не было слыхано, чтобы один человек до такой степени превосходил всех своим могуществом и до такой степени подчинял все своей власти и прихоти, что от его произвола ни для кого не существовало никакой защиты в законах, но все осуществлялось по мановению короля». *Поул,* с. 403 (кардинал).

«1) *Палата лордов.* Множество знатных фамилий постепенно вымерло, их огромные владения были разделены между фаворитами и сторонниками двора... Богатейшие пэры при Генрихе по сравнению со своими предками были бедняками, а статут об отмене ливрей лишил их привычного средства вооружения своих ленников для разрешения споров. Большая часть их состояла из

выскочек, которые своим положением и владениями были обязаны Генриху и его отцу... самые же гордые из них вследствие осуждения и казней других научились дрожать за самих себя и покорно склоняться к стопам повелителя, который возвел в систему подавлять знать и безжалостно карать ее проступки, выбирать своих фаворитов исключительно из низших слоев, осыпать их званиями и *богатствами* и доверять им осуществление своей власти», с. 403, 404.

«Ты всегда обращался со знатными людьми таким образом, чтобы они не были в почете ни у кого, кто обладает меньшей властью; в отношении тех, кто совершил какую-нибудь незначительную провинность, ты действовал самым жестоким образом; никогда никому ты ничего не прощал; ко всем ты относился с презрением; ты не терпел возле себя никого, кто занял бы почетное или влиятельное положение, и в то же время ты окружал себя самыми чужими людьми, вознесшимися из черни, поручая им все важнейшие дела». (Поул), с. 404.

2) Разрыв королевства с римским престолом сделал церковных пэров еще более зависимыми, чем светских, правда, конвокации еще созывались, но их законодательные прерогативы исчезли. Их основная задача заключалась в том, чтобы санкционировать предоставление денежных средств, и даже эта санкция имела силу не сама по себе, а при согласии парламента и с одобрения короны», с. 404. «Первый пример этого год 1540-й», там же. [Прим. (2).]

3) *Палата общин.* Ее члены большей частью назначались королем и лордами, [с. 405, прим. (1)]. Генрих находил палату общин столь покорной его воле, что он созывал ее многократно и добивался от нее одобрения самых вопиющих деспотических мероприятий. При открытии парламента лично королем разыгрывался спектакль, достойный [турецкого] Дивана... «Генрих делал вид, будто ему безразлично это отвратительное обожествление», с. [405—]407.

«Со времени Генриха учение о *безропотном послушании* стало характерной чертой ортодоксального вероисповедания», с. 408.

«Наследование престола было целиком предоставлено личному суждению и симпатии короля», с. 409. «Определение измены было расширено жесточайшими и подчас смехотворнейшими законами», с. 409. «Король стал по большей части независимым от парламента, издав один статут, придававший силу закона его прокламациям, и другой, учреждавший трибунал из 9 тайных советников, который был наделен властью карать нарушителей этих прокламаций», с. 410.

«Решением парламента Генрих был облечен высокой привилегией духовной непогрешимости», с. 411. «Вопрос, который ставился перед *малым жюри* во время процесса о государственной измене, состоял, собственно, в следующем: кто заслуживает большего доверия, обвиняемый, утверждающий, что он невиновен, или большое жюри, которое сочло его виновным?», с. 412.

«Другой выход из положения придумал Кромвель ([«первый»] министр Генриха VIII). Вместо того чтобы устраивать публичный процесс, министр внес в парламент билль об осуждении (bill of attainder) и обставлял его такими документами, предъявлять которые находил наилучшим. Этот билль тотчас же проходил в обеих палатах, и обвиняемого приговаривали к эшафоту или виселице, так что он не имел [даже] возможности раскрыть рот в свою защиту... к концу царствования Генриха VIII эта практика стала обычной», с. 413.

7-й том.
Эдуард VI (1547—1553) [с. 9, 119].
Мария (1553—1558) [с. 138, 276].
Елизавета (1558—[с. 286].

«История Швеции» Гейера, переведенная Леффлером (в «Истории европейских государств» Геерена и Укерта).

1 том.

Языческий период. Устройство и нравы [с. 49].

Diar, Drottnar — общие имена для богов, жрецов, судей, ими стали называть и первых властителей, с. 99.

«Большие ежегодные *жертвоприношения* собирали и объединяли народ. Там, где они совершались, царил мир, и само участие в них знаменовало мир между различными племенами. Под защитой этого мира приносилась жертва и устраивалась приуроченная к ней трапеза, обсуждались дела, выносились приговоры, велась торговля, поэтому *тинг* — древнее название этих встреч — означало одновременно жертвоприношение, пир, народное собрание [Reichstag], судебное собрание и ярмарку», с. 99, 100.

«Право владения и возделывание земли исходили от богов. Празднество по поводу великого народного жертвоприношения в Упсале обосновывало притязания и право Верхней Швеции дать короля всей стране. Домашнее хозяйство, как и королевство, основывалось на почитании богов, поэтому слова *We, Wi* обозначали как жилое место, так и священное место. Изображения богов вырезались на столбах, которые окружали возвышение, где сидел глава семейства. Глава семейства сам назывался, подобно князю, *Drotten,* и он являлся жрецом, судьей, предводителем своих родичей. Отец [мог либо отказаться] от новорожденного, либо взять его на воспитание. Акт покупки, заключенный с отцом или ближайшим родственником, являлся законной формой вступления в брак и узаконивал рождение детей. Религиозные обряды были связаны с почитанием умерших», с. 100, 101. Мифология освящала кровную месть... насильственная смерть угодна богам, с. 102.

«Утехи Валгаллы были предназначены для свободнорожденных, особенно для благородных и богатых воинов. Прибыть в Валгаллу в сопровождении большой и знатной свиты считалось почетным. Особенно же почетным считалось явиться с большим состоянием; богатство, которое приносили на погребальный костер или зарывали в землю, обусловливало наслаждение в иной жизни; так как сопровождать мертвых в могильный холм могли не *унаследованные,* а лишь *нажитые* ценности, то в силу этой веры... морской разбой жителей севера. И наоборот: *«было нехорошо приходить к Одину бедным»;* вряд ли мог бы найти бедняк место в его чертогах, если только он не явился с поля битвы вместе с окровавленной дружиной знатного вождя. Рабы исключались», с. 103.

«Народом считался только *вооруженный* народ; его называли Swea-här (шведское войско), а Svithiod означало вооруженное ополчение. Большой тинг в Упсале назывался Allshärjarting (тинг всего войска), т. е. собрание всех вооруженных людей, часть которых каждый год после совершенного весеннего жертвоприношения под командой своих князей отправлялась на войну. К этому военному устройству [относилось] деление на сотни или херад [округа], с. [103—]104.

«Предводители сотен... [составляли] вместе своего рода дворянство; ибо *Konung* (король)... на древнем языке — человек *знатного происхождения»*, с. 105.

«Упсальские короли... [приобрели] титул верховного короля... все сыновья короля обладали королевским титулом, хотя бы и без королевства. Их привилегией было иметь двор, свиту, собирать вокруг себя дружину воинов. Härkonungar (конунги сухопутного войска) Sjökonungar (морские конунги)», с. 106. Народ... «избирает из своей среды для защиты от насилий со стороны королей собственных старейшин». Там же. Отсюда значительная власть, приобретенная к концу языческой эпохи *лагманами* (ныне — провинциальные и областные судьи), избиравшимися народом; они не могли присваивать себе титул Tignar (благородного), будучи сами крестьянами, они стояли во главе крестьян своей местности и выступали на так называемом *ландтинге* (окружном суде), где они вместе с наиболее мудрыми и наиболее сведущими в законах толковали их народу. На большом тинге [Allshärjarting] они выступали перед королем от имени народа, с. 106.

«*Odalbönderne*, свободные земельные собственники... подлинный народ или, правильнее, особые народы в государстве... несвободные, рабы (большей частью военнопленные) вне закона, без собственности, не имеющие права вступать в брак», с. 106, 107.

Христианство. Борьба свеев и ётов за власть в королевстве. 1250 [с. 111, 153].

Фолькунги (1250—1363) [с. 153, 188].

«Эта сильная династия... новая эпоха для королевской власти, равно как и для власти знати, и те и другие усилились за счет народа, они были едины лишь в том, чтобы держать в узде простонародье; поэтому эпоха вольностей для власть имущих... эпоха установления законов для народа... над древним племенным и союзным устройством... 2 привилегированных сословия, виднейшие представители которых возвысились над народом, подменяя его в обсуждении и действии... Прежние конфликты внутри народа теперь происходят между самими этими законодателями», с. 153.

Магнус Ладулос (коронован в 1279 г.) [с. 160].

Обычно рассказывают, что *Магнус* ввел собрания знати, благодаря чему у народа было отнято его законодательное право, как оно осуществлялось на большом тинге [Allshärjarting]. Но эти последние, исчезнув вместе со старыми жертвоприношениями, не могли возродиться в виде общекоролевских риксдагов в период борьбы из-за религии и за власть в королевстве. В условиях, сопровождавшихся междоусобицами, выборов, конфликтов, соперничества королевских династий власть народа перешла в руки знати... Знать использовала своих приверженцев во время судебных распрей, злоупотребляла своим влиянием на простой народ, поднимая его на мятежи. Подобные опасности [угрожали] особенно тогда, когда король «собирал на совещание свое королевство», с. 163. Поэтому было благодеянием для народа, что король «вместе со своим советом и достопочтенными людьми во многих случаях брал на себя законодательство» [с. 164].

Старое дворянство из королевских семей или семей, родственно связанных с королевскими династиями. «Знать». «Рыцарство и высшая знать». Магнус стремится возвысить *служилое дворянство*, освободив его от налогов; по сути [оно было] *личным*, а не *наследственным*.

Наследственное же дворянство короли стремились превратить в придворное и служилое дворянство. «Наибольший престиж», приобретенный благодаря придворной службе, относился не только к королевскому двору [с. 168—169].

«В освобождении *Магнусом* от налогов королю всех тех, кто нес конную службу «кому бы то ни было», ясно видно намерение не только привлечь на сторону короны эти воинственные ватаги, которые отличались дорогой, но блестящей конной службой, но и вообще утвердить службу как условие дворянских привилегий. Так возникла дворянская *конная служба,* в силу которой любой человек, выступавший с собственным оружием на коне против врагов королевства, получал свободу от налогов для [себя] и своего имения», с. 169. «Это называлось «служить за свободное владение» в противоположность «обязанности платить налоги и нести повинности как крестьяне»», с. [169—] 170.

«Посредством такой службы и крестьянин мог получить свободу от налогов... Рыцарское звание, которым сначала наделял Магнус... личная награда для дворянства. В официальных церемониях всегда сначала упоминались рыцари (вслед за епископами), они также именовались господами; потом [шли] оруженосцы или вооруженные щитоносцы, собственно говоря, служилое дворянство... И те и другие «благородные мужи», а не просто свободные собственники, которые получили за конную службу освобождение от налогов», с. 170.

«Соблюдение законов было сначала делом только личной заботы *окружных судей,* обязанностью которых было ежегодное оглашение их перед народом... Они (лагманы) не только хранили в памяти установления обычного права, перешедшие от других, и применяли их, но также облекали их в наиболее пригодную для запоминания форму и в таком виде сообщали их народу. Первое законодательство было представлено в речи, а не в письменном виде. Закон — высказанный закон, Lagsaga (сага-закон), старейший законодатель — поэт на судебный лад, создатель закона [Lagayrkir]», с. [172—] 173.

В 1295 г. при короле *Биргере* Упландский закон просмотрен и улучшен лагманом в Тиундаланде... при участии советников из всех 3 частей страны... Лагманы стали уже королевскими людьми, с. 174, 75.

Герцоги (братья короля) — бич страны, угнетение крестьян... щедрость и любовь к роскоши вместе с нищетой бедняков, с. 177, 78.

Иноземные короли. Уния до правления дома Стуре (1363—1470) [с. 189, 224].

«В действительности король исчез из шведской общественной жизни. Только его имя еще существовало... Магнаты, которые не хотели уступить трон друг другу, приводили в страну чужеземных королей... Вопрос о троне магнаты решали исходя из случайных побудительных мотивов, и с подобными мотивами связано также известное объединение трех северных держав: простое событие, похожее на некую мысль». (Кальмарская уния), с. 189. Альбрехт Мекленбургский, Маргарита и Эрик Померанские, Кристофер Баварский, Карл Кнутссон против Кристиана Ольденбургского.

В 1369 г. вся власть у Государственного совета.

Стуре (регенты). (Короли: Ганс и Кристиан, Ганс и Кристиан II Датский) (1470—1520). Стуре опирались на крестьян. Борьба

с дворянством. *Кальмарский рецесс* 1483 г. ...показывает высокое положение шведской аристократии и ее цель: «король, который вообще ограничен Советом и должен находиться каждый год по очереди в одном из 3 королевств (Норвегии, Швеции, Дании), должен править при помощи местных мужей благородного происхождения и не должен ставить над ними худородных; при пожаловании замков и ленов ему следует считаться с мнением тех государственных советников, чьи резиденции находятся вблизи от подлежащего передаче замка; в Совет, который должен был составляться из благородных и такого числа духовных лиц, какое определялось необходимостью, новые члены не должны вводиться без согласия остальных, но всякий из членов Совета, который обособляется от остальных, изгоняется с позором; 4 советника должны только хранить ключ к деловым документам и доходам каждого королевства, обязаны отвечать за них и отчитываться; король не может покупать имения дворян или забирать их себе за долги; напротив, дворянство может владеть заложенными коронными имениями, не выполняя и не подтверждая всех вассальных обязанностей; дворянину полностью дозволяется укреплять свою усадьбу, он вправе запретить туда въезд королю и, наоборот, дать убежище тем, кто впал в немилость у короля; наконец там еще значится: каждый человек благородного происхождения, духовного звания или мирянин, выступает в качестве короля по отношению к зависимым от него людям, за исключением тех случаев, которые относятся к привилегиям сюзерена», с. 232, 233.

Страна и народ в католическую эпоху [с. 252].

«Деление по *родству* и *совместному выполнению воинских обязанностей* ...основа общественного устройства наших предков... Семья и сотенный округ [Härad] — их простейшие составные части... К концу языческой эпохи все устройство — союзное устройство: каждая сотня — союз свободных глав семейств, каждая земля или каждая область внутри естественных границ — союз определенных, связанных общим законом округов; королевство — союз отдельных областей или народов под главенством упсальского короля, верховного распорядителя во время совместных жертвоприношений, как верховного короля», с. 253, 54.

По закону Швеция — королевство с выборным монархом, с. 257.

«Вместе со старой религией распалась связь между старыми областными союзами. Борьба родов, каждый с притязаниями на выдвижение короля... Старый союз номинально возобновлен под влиянием церкви, дворянства и опирающейся на них королевской власти; последняя поддерживается обеими другими [силами]... опасность [иноземного] гнета, когда аристократия, ища защиты в унии, порождает уже не соперничающие области и племена, а объединенный благодаря бедствиям шведский народ», с. 256. Король должен был клятвенно обещать сохранять старые законы и т. д. [с. 262].

«*Крестьянин-собственник* [Odalbauer], «самостоятельный человек», непосредственный собственник своей земли. Свободным он был по рождению, равно как по рождению ему принадлежал одаль, являвшийся в силу этого его собственностью... как семейная собственность он не мог без согласия семьи быть уменьшен или отчужден», с. 263.

«По Эстеръётландскому закону в земельных спорах между королем и крестьянином слово крестьянина имеет больший вес, чем слово короля, дабы влияние знати не повело к уменьшению одаля. Также и при штрафах и т. д., только если родственники не выкупали наследственную землю, о которой шла речь... она подлежала свободной купле или, как гласил закон Даларны: тогда — *кошелек одальмана*», с. [263,] 264.

«Жизнь и честь, равно как и собственность, под общей защитой семьи... Кровная месть», с. 265. Присяжные [с. 268].

В старину судья назначался народом. По Упландскому закону король назначал одного из 3 человек, предложенных округом или областью... наконец, Nämd (жюри, назначенное из 12 мужчин, к которым стороны питали доверие), составная часть собственно суда, с. 269, 270.

«Закон был законом свободных, и «находиться под юрисдикцией крестьянского закона» означало участие в общих правах и свободах народа. Жители определенного округа обязаны помогать друг другу. О помощи погорельцам говорится уже в Эстеръётландском законе, [жителям] округа надлежало общими усилиями поддерживать «путь для человека и короля», или «проселочную дорогу и мост». В случае насилия и разбоя должен был быть вырезан жезл с извещением об этом и без промедления послан по окрестностям... короткая дубинка или палка с определенными знаками, призывавшими всех окрестных жителей к оказанию помощи», с. [271—] 272.

«Расширением понятия закона и законной власти церковь сыграла на руку светской власти... которая училась у нее», с. 276.

Дворянство растет благодаря ленным пожалованиям и рыцарской службе «с тех пор, как окружные судьи вошли в Королевский совет, [а] делами, касавшимися королевства, [стали] заниматься на собраниях знати; с тех пор как дворянская свобода, приобретаемая благодаря вооруженной службе, все больше забирала у прежнего сословия одальманов его наиболее состоятельных членов, а налоговое бремя все тяжелее ложилось на остальных; с тех пор как воинственная дружина знатных безнаказанно колесила по стране», с. 278.

Города в Швеции [не играли] большой роли... однако уже в 1319 г. при коронации Магнуса Эрикссона также и горожане были приглашены на избирательный риксдаг, в приглашениях на риксдаг в период Унии [перечислялись]: «Епископы, духовные владыки, дворянство и фрельсы, городские купцы и простое крестьянство» как составные части будущего сословного представительства вместо прежнего представительства шведского народа по округам», с. 279.

«*Гильдий* в 14-м и 15-м столетиях не только в городах Швеции, но и в сельской местности свыше 100... Сообщества, основанные в память какого-либо святого или святыни, в которые принимались лица обоего пола, подчинявшиеся определенным обязательствам и правилам, религиозные церемонии и богоугодные деяния [приурочивались] к определенному времени и были связаны с трапезами», с. 293.

В Швеции раньше, чем где-либо, упразднено крепостничество [Knechtschaft].

III том.

Внутренние отношения в 17-м веке, которые застал Густав Адольф (получивший корону в 1611 г.) [с. 1, 8].

Наибольшее изменение в государственном устройстве... *наследственная монархия* [с. 9].

«*Совет* опять занимает посредствующее положение между королем и народом. Король Карл IX не подтвердил привилегий дворянства. Карл был лишь постольку враждебен дворянству, поскольку он хотел, чтобы права последнего соответствовали его обязанностям, фиксированным в законе, с. [11—] 12. «На деле же он более, чем кто-либо, придерживался по отношению к дворянству воззрений своей эпохи, согласно которым дворянин в большей мере, чем другие, является прирожденным слугой короля и короны. Каждый дворянин, рыцарь или оруженосец, должен был лично являться на ежегодный войсковой смотр на своем коне, в полном вооружении, готовый следовать за свой счет за королем на войну вплоть до границ государства и четырнадцать дней сверх того. Таков был обычай и шведский закон, одинаковый для каждого дворянина», с. 12. «Примечательно, что подобно тому как при старом обложении на каждого так называемого полнонадельного крестьянина налагалась одна и та же подать, впрочем, без учета размера земельного владения, так и старый закон не видит различия между более богатыми и более бедными дворянами, учитывая лишь личную вооруженную службу, дающую освобождение от налогов... Конная служба вообще и таковая за пожалование лена до эпохи Густава I выполнялась «по желанию и обстоятельствам», с. 13. «Густав Ваза прежде всего устранил в Швеции старую несправедливость в отношении налогов и свободы от них: в отношении налогов — посредством обложения *земли в зависимости от величины урожая,* что касается освобождения от налогов, то — посредством установления вооруженной конной службы в зависимости от *определенного дохода.* Дворянство, по-видимому, не простило ему этого... плохо несло вооруженную конную службу», с. 13. Дворяне с большими дружинами... При Густаве Вазе и наследственной монархии прежние дворяне короля превратились в королевское дворянство... Увеличение так называемого «обычного дворянства», которое являлось жалованным дворянством. Но и высшее дворянство было превращено в жалованное, ибо таков был смысл введения впервые Эриком XIV графских и баронских титулов милостью короля; поэтому... еще долгое время среди старых родов к этим титулам было принято относиться равнодушно и вместо того говорить о прежнем равенстве среди шведского дворянства, с. 14. «Дворянство и рыцарство в Швеции обладают равными привилегиями и являются равными по собственному праву». (*Оксеншерна*) [с. 14—15, прим. 2)]. «Во многих жалованных дворянских грамотах этого периода [говорится] о том, что возводимый в дворянство должен дать письменное обязательство служить королю, как тот прикажет», с. 15. «Дворянство занимало (во времена Густава Адольфа) в светской сфере почти все гражданские и военные должности — почти все государственные посты королевства, поэтому дворянство рассматривало свои притязания на должности в королевстве как свое самое большое право; считали также, что дворянство обладает соответствующим для этого умением», с. 16.

«Когда Оксеншерна на одном из риксдагов в ответ на жалобы крестьян об увеличении числа дворян заявил: «это ваши собст-

венные сыновья, возведенные в дворянское достоинство», один из толпы ответил ему: «ты доставляешь мало радости, умножая число нечестивцев»», с. 16 [прим. 4)].

«Швеция в большей степени, чем где бы то ни было, в силу необходимости превратила военное сословие в одно из сословий королевства» [прим. 2)] (т. е. представители войска призывались в риксдаг как таковые), с. 17. «Депутаты от офицеров и рядовых, хотя и не обладая правом голоса, усиливали дворянство на риксдагах, присутствовать на которых обязан был каждый дворянин по достижении установленного законом возраста», с. 17. После смерти Густава Адольфа все отчетливее формулировалась идея, что «дворянство выше других сословий королевства, дворянин — непосредственный подданный королевства, а крестьянин (стоит ниже его) — лишь через посредство; притязания, которые позднее, при правительствах регентов, повели к официально выраженному утверждению дворянства о том, что «на риксдагах другие сословия не могут побеждать его большинством голосов», с. 18.

Королевский дрост *Пер Брахе* в 1642 г.: «Вашему К[оролевскому] В[еличеству] не следовало бы в этом послании называть дворянство *подданными*, потому что это звучало бы *раболепно*, а ведь чем *выше господин*, тем *выше слуга»*, с. 18 [прим. 2]. «Аксель Оксеншерна трактовал старое шведское понятие свободы в истинно дворянском смысле — [как свободу] от ограничений со стороны королевской власти», с. 19.

Господин Юхан *Шютте,* политический противник Оксеншерны, хотел совершенно принизить старое дворянство. *Густав Адольф* высказался так: «Шюттианцы, пожалуй, могут прийти к идее править без короля, в то время как вы хотели бы его сохранить хотя бы только в виде вывески. *Дворянство,* особенно богатое, является средним *сословием, которое может служить противовесом* по отношению к шюттианцам и способно помешать им совсем с помощью лести забрать короля в свои кошачьи лапы. Вы, дворяне, по природе слишком горды, чтобы действовать так. Надо лишь остерегаться вас, дабы вы не правили от имени короля; ведь аристократия имеет крепкие руки. Но, как и королевский канцлер, я считаю, что демократы, напротив, достигнув власти, станут кровожадными. Кроме того, лавры победителей не цветут под сенью их постоянных ссор, распрей», с. [19—] 20 [прим. 3].

«Ибо в ней (черни) нет ни благоразумия, ни рассудительности, ни способности к различению, ни основательности». Густав Адольф, с. 21 [п. 3].

На риксдаге в 1612 г. Густав Адольф подтвердил привилегии дворянства, с. 22 [прим. 1]. «После окончания датской войны в 1613 г. (ограничивающее) заявление касательно правильного понимания привилегий дворянства», с. 22.

«Господи помилуй,— писал один из военных сподвижников короля (1612 г.)... во время всего этого похода с его величеством было не более 8-ми дворян», с. 23 [прим. 1]. «Лен, предоставленный на любое время... вознаграждение за всю королевскую службу», с. 24.

В Швеции одновременно (1625 г.) созданы постоянная армия и *постоянная дворянская палата*. [Ritterhaus], с. 27.

С возникновением постоянной армии... вооруженная конная служба, таким образом, не являлась более основой дворянской свободы. Там же.

«Дворянство, будучи полностью наследственным, обособилось от других». Там же.

Учреждение дворянской палаты [Ritterhaus]. Все рыцарское сословие в Швеции, как старое, так и новое, должно быть внесено в списки и разделено на роды в соответствии с 3-мя разрядами и степенями, с. 29. «Первый включал тех, кто вошел в господское сословие, будучи возведен в графское или баронское звание и в зависимости от времени получения этого звания; другой — тех, кто мог доказать, что кто-либо из его предков был королевским советником, после чего их места должны быть определены жребием раз и навсегда; третий — всех остальных, кто нес службу, будучи свободным от налогов; из них старшие занимали места по жребию, а младшие — согласно королевским грамотам; каждый род должен иметь фамильную печать с гербом без имени, которая употреблялась лишь во время вынесения решений риксдага и при утверждении государственных актов. Первое место в дворянской палате принадлежало Совету королевства, но без права голоса, в остальном каждый род имел один голос в лице того, кто был избран или определен главой фамилии для данного риксдага; все же остальные (ибо в риксдаг должны были являться все рыцари, достигшие установленного возраста и не имевшие законной причины для отсутствия) стояли в зале, слушали и молчали», с. 29.

«Большинство голосов в каждом разряде образует его вотум, «так что все рыцарство состоит из трех голосов» соответственно [этим] разрядам... Преобладание старых родов вытекает из голосования по разрядам, а преобладание дворянства в целом — из сохранившегося призыва ко всем дворянам присутствовать на риксдагах», с. 30.

Густав Адольф рассматривает дворянскую палату как своего рода *дворянскую биржу:*

«Пусть рыцарство собирается на риксдаги и заседания в дворянской палате с тем, чтобы как следует обсудить и рассмотреть соответствующие предложения, а также чтобы встретиться здесь как на некоей *бирже,* где споры улаживались бы полюбовно, и т. д. и т. д.», с. 29 [прим. 1].

«Армейские офицеры впредь также приглашались на риксдаги. Решения составлялись от имени «королевских советников и сословий, графов, баронов, епископов, дворян, духовенства, военачальников, горожан и крестьян Швеции». Военачальники... причислены к дворянству. Оратор от дворянства говорит как от имени своего сословия, так и от высших и низших представителей армии» [с. 30—31]. Риксдаг должен был только обсуждать предложения короля, каждое сословие голосовало отдельно [с. 31—32].

«Хотя и обязанные нести воинскую службу, дворяне лично, вместе со своей челядью, были свободны. Подвластные им крестьяне по сравнению с другими крестьянами, как правило, подлежали набору на военную службу лишь в половинном количестве», с. 43 [прим. 1].

«Все, что имело влияние благодаря имущественному состоянию, стало в лице заимодавца, владельца лена, арендатора, главы выгодного предприятия промежуточной властью, от которой правительство зависело не меньше, чем подданные. Отсюда бессилие

столь сильного во многих других отношениях правительства в осуществлении своего намерения постоянно охранять то лучшее, что есть в низших классах. Поэтому оно часто просило и увещевало там, где должно было повелевать, и удивление по поводу бездейственности повторяющихся указов о наказании исчезает, если видишь, что они относятся к могущественному держателю лена или богатому акционеру медной компании, на которую рассчитывала корона», с. 58.

«В это самое время (1624 г.) отечественная конница насчитывала всего 3500 человек, не считая дворянской конной службы», с. 60. «Шведский солдат в крестьянской одежде и его офицер без орденских украшений вели самые блестящие войны Швеции», с. 61.

«Что касается господства чиновников, то с ним в Швеции познакомились только при этом правительстве. Старый порядок или беспорядок были многовластьем *владельцев ленов*... Это варварское понятие о чиновнике сначала ликвидируется незаконными средствами. Этими средствами, [находившимися] в распоряжении короля, были... правление секретарей и ниже их — в сельской местности — *администрация фогтов*. И те и другие, относясь с подозрением к совету и наместникам, доверяли лицам простого звания, они зависели только от короля, на них часто жаловались, [считали] неизбежным злом... То, что Аксель Оксеншерна позднее развил в «Форме правления» 1634 г., [это была] полная чиновничья иерархия... 5 высших чинов королевства во главе такого же числа отраслей управления; им помогают назначенные для этого ратманы и советы, или коллегии, только теперь основательно связанные с управлением страной,— все это принадлежало эпохе Густава Адольфа и применялось в значительной мере уже при нем», с. 67.

С 1636 г. Оксеншерна в Швеции; внес предложения (для облегчения бремени войны, «когда народ не может взять на себя больше»): «Сокращение слишком больших дворянских поместий, свободных от обложения, [поместий], в которые дворянство втянуло и многие другие усадьбы; подтверждение королевских прав в отношении королевской десятины и взыскивание ее; приостановка освобождения дворян от таможенных сборов еще на 4 года; новая ревизия конной вооруженной службы», с. [312], 315. Оксеншерна ответил защитникам обширных дворянских поместий, свободных от обложения: «Вы считаете, что свобода заключается в том, чтобы ничего не платить короне», с. 315.

Сообщение шведского посланника в 1649 г., следовательно. год спустя после отречения Кристины, о *положении дел в Дании*. («Так как у датских королей связаны руки и они в незначительной степени могут использовать королевские права без Совета, дворянство может иметь большинство голосов по отношению к другим сословиям и самому королю, простой же человек не только не имеет права голоса в государственных делах, но и лишен всякой надежды достичь когда-либо званий и должностей ... форма правления в Дании — это аристократическое или олигархическое государство. Основа заложена во времена Фредерика I, который был против воли горожан и крестьян... возведен на престол дворянством», с. [337—] 338. «Так как датским государством управляют многие, то величайший интерес каждого заключается в том, чтобы *сохранить* свое *собственное*. Однако в условиях войны, без-

относительно к тому, победоносна она или нет, поместья дворян разоряются... Так как на деле в основном страной правит дворянство [и] в ходе войны (оно) теряет больше всего, а сверх того, оно может использовать пограничные области страны, то отсюда вытекает, что датское государство склонно больше к миру и покою, чем к войне; потому и дворянство не хотело согласиться с тем, чтобы в стране было по-настоящему поставлено военное дело... ибо дворянству приходилось постоянно опасаться, как бы король не подчинил себе армию и не сумел опереться на простых людей, которые, хотя и были в это время недовольны, но особенно преданы королю», с. [338—]339.)

(«В Норвегии имеются различные рудники, и могло их быть еще больше, если бы этому не мешали *частные интересы* датского дворянства, которое с неудовольствием наблюдало, что король много получает из Норвегии», с. 341.)

(«Горожане крайне недовольны; ведь дворянство повсюду стояло у них на пути, так что в стране не могла развиваться хозяйственная жизнь... крестьяне зависимы от дворянства, которое по закону обладало над ними большой властью», с. 344.)

Кристина (1644—1654), с. [353, 426].

Правительство попыталось покрыть расходы путем «отчуждения государственных имуществ», продаваемых только дворянству, с. 388.

«Расширение понятия «коронных имуществ»... Продаже подлежали не только домены короны, но и рента короны, поступавшая от крестьян, благодаря чему они подпадали под власть дворян и, стало быть, превращались из непосредственных в опосредованных подданных. Хотя это означало, что отчуждались лишь ренты с платящих ее дворов, однако положение, в котором вследствие этого оказывался дворянин, предоставляло ему слишком много возможностей для ограничения и отмены исконного права свободного шведского крестьянина (одальбонда) как собственника земли. Чтобы совершенно подчинить их дворянам, не скупились ни на кроткие, ни на грубые слова, как показывают повторяющиеся жалобы свободных крестьян на риксдагах. Во многих жалобах говорилось, что всякое налогообложение коренится в первоначальном праве владения короны на земли, поэтому передача ренты дворянам молчаливо влекла за собой передачу самой земли», с. [388—] 389.

«Дело быстро шло к тому, что земля в Швеции попадала во владение дворян, причем канцлер, похоже, рассматривал крестьянское сословие при сохранении его представительства в значительной мере как сословие свободных арендаторов», с. 390.

«Магнус Габриель де ла Гарди... в течение нескольких лет [получал] доход только с земельной собственности 80 000 талеров в год», с. 392.

«За то, что дворяне отказались от освобождения от пошлин, их крестьяне, подобно крестьянам в графствах и барониях, освобождались от всех налогов, платы за провоз и повинностей по отношению к короне, кроме так называемой свободной мили [Freimeile], а их господа могли сами себе даровать эти повинности или по своему желанию уменьшить их», с. 400.

«Господствующее положение недворянских сословий», говорится в одном из дворянских памфлетов, повело бы... прямо к

«правлению черни», злополучные последствия которого очевидны теперь в Англии [с. 404].

«На следующем риксдаге дело дошло до разрыва. Духовенство, горожане и крестьяне вручили 3 октября 1650 г. известный «Протест против отдачи королевских земель». Сначала они в общем виде представили, «как с некоторых пор корона лишилась земель и налогов, переданных определенным господам в вечную собственность, то, чем пользовались только на ленных правах, было отчуждено по неуместным претензиям, благодаря этому вместо надежной ренты корона получает теперь ненадежные и вновь изобретенные налоги в качестве пособий, завоеванные земли принадлежат королевству лишь номинально; на деле же они пошли на пользу частным лицам, и прежде непосредственные подданные короны превратились в опосредованных, что принесло королевству существенный ущерб, а низшим сословиям тяготы»; после этого они более подробно изложили вытекающие из всего этого затруднения, заключающиеся в том, что «бесчисленные дворянские имения пользуются слишком большими свободами и вовлекают под свою власть слишком много людей... что благородные господа продают зерно по высоким ценам... что крестьянин вынужден отдавать дворянину племенной скот; что дворяне плохо обращаются с крестьянами и последние тщетно взывают к защите закона, что многие крестьяне поэтому стали нищими, а их дворы превратились в луга, пастбища или дворянские усадьбы... [они настаивали на том, чтобы] все частные тюрьмы и пытки, применяемые некоторыми по отношению к своим крестьянам как к крепостным, были строжайше запрещены и ликвидированы и т. д. и т. п.» с. 407, 408.

Королевский канцлер (Оксеншерна) в качестве главного аргумента постоянно выдвигал [тезис]: это нападки на суверенитет короны, ибо нападки на корону заключаются здесь в том, что нападают на привилегии, исходящие от нее и принадлежащие к прерогативам монархического правления, с. 405.

Тематический указатель [10]

Примечания к 4-й Крёйцнахской тетради К. Маркса

[1] Данный библиографический список, как и нижеследующие, составлен Марксом на основе подстрочных ссылок в книге А. Шмидта, и названия книг, как правило, выписаны им в том виде, подчас сокращенном, как это сделано в книге. В таком виде они и воспроизводятся в настоящей публикации.

[2] Эта цитата из «Appel à la France contre la division des opinions» вместе с комментарием к ней автора книги К. Ланцицолле в несколько измененном и сокращенном виде приведена Марксом в «Немецкой идеологии» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, с. 341).

[3] Название данной книги и ее автор упомянуты Марксом в «Немецкой идеологии» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, с. 341).

[4] Название данной книги и ее автор упомянуты Марксом в «Немецкой идеологии» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, с. 341—342).

[5] Эта цитата приведена Марксом в «Немецкой идеологии», а также упомянуто название газеты, из которой она взята (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, с. 342).

[6] Нижеследующий библиографический список книг по истории Французской буржуазной революции конца XVIII в. составлен Марксом на основе подстрочных примечаний 1-го тома книги Ваксмута. В данном списке они приведены в том виде, в каком даны в книге.

[7] В данном месте у Маркса неточность. Приведенная ниже цитата находится в письме якобинца Жюльена Робеспьеру от 1 октября 1793 года.

[8] Эта часть цитаты Мюнцера использована Марксом в его статье «К еврейскому вопросу» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, с. 410).

[9] Данное «Замечание» о несостоятельности идеалистического понимания Гегелем соотношения между абстрактной идеей государства и ее конкретно-историческими формами и т. д. непосредственно связано с содержанием работы Маркса «К критике гегелевской философии права» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, с. 219—368).

[10] Настоящий тематический указатель составлен Марксом к первым 20-ти страницам данной тетради.

Содержание

III. Документы

Из истории марксизма и международного рабоче-
И32 го движения. М., Политиздат, 1977.

510 с. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Книга состоит из статей по истории марксистской теории, ряд материалов посвящен работе К. Маркса «Критика Готской программы» (1875 г.). В статьях раскрыто содержание этого выдающегося произведения, показано его место в теоретическом наследии основоположников марксизма. Впервые публикуется одна из эксцерптных тетрадей Маркса.

Книга рассчитана на преподавателей общественных дисциплин, пропагандистов, студентов и слушателей партийных школ и всех лиц, интересующихся теорией и историей марксизма-ленинизма.

И $\frac{10303-295}{079(02)-77}$ БЗ—23—58—77 3К

ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА
И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО
ДВИЖЕНИЯ

Оформление художника *В. А. Плотнова*

Художественный редактор *А. Е. Цветков*

Технический редактор *Л. К. Уланова*

Корректоры *В. К. Волошина, Н. А. Жигальцова*

ИБ № 359

Сдано в набор 14 июня 1977 г. Подписано в печать 26 октября 1977 г. Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 26.88. Учетно-изд. л. 30,57. Тираж 11 тыс. экз. А 00150. Заказ № 1849. Цена 2 руб.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.